М.М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

ПЕТРЪ I

Акад. М. М. Богословский

ПЕТР I

Под редакцией
проф. В. И. Лебедева

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1948

Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКО-ДАТСКИЙ СОЮЗ
КЕРЧЕНСКИЙ ПОХОД
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
РЕФОРМЫ И ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПЛАНЫ 1699-1700 Г.Г.
НАЧАЛО ВОЙНЫ ДАНИИ
И ПОЛЬШИ СО ШВЕЦИЕЙ
И ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПЕТРА
К СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

1699-1701

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1948

Подготовка текста настоящего издания к печати, подбор иллюстраций, составление примечаний к ним, указателей и объяснительного словаря произведены
Н. А. БАКЛАНОВОЙ.

Рис. 1. Петр I.
Гравюра Шхонебека 1703 г.

РУССКО-ДАТСКИЙ СОЮЗ

I. СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ЛЕФОРТА. УЧРЕЖДЕНИЕ ОРДЕНА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО

Петр ехал в Воронеж с необыкновенной быстротой, так что, отправившись из Москвы 19 февраля 1699 г. вечером, был уже 22-го на месте[1]. С дороги, несмотря на такую быстроту, он все же успел написать в Москву, по крайней мере Н. М. Зотову, как это видно из его сохранившегося ответа. «Нашего смирения сослужителю, геру протодиакону Р. А., — писал Петру в своем ответе 23 февраля шутовской патриарх Н. М. Зотов, — со всею компаниею о господе здравствовати. Благодарствую вашей любви за возвещение путешествия вашего при добром здравии (о чем уведомлен от азовского владыки) и впредь о сем нам ведомо чините». Далее идет ряд каких-то намеков по поводу масленицы, для нас теперь мало понятных, так как письмо Петра к Зотову, подавшее повод к этим намекам, не сохранилось: «Зело удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, то есть масленицу, за товарыща приняли, не взяв у нас о том свободы; только ведайте: есть при ней иные товарыщи: Ивашка и Еремка, и вы от них опаситесь, чтоб они вас от дела не отволокли, а мы их дружбу знаем болши вашего. Сего числа поехали к вам иподдиакони наши Готовцов и Бехтеев, с которыми наказано от нас подати вам словесно мир и благословение, а масленицу и товарыщев ее отлучити, понеже при трудех такие товарыщи не потребны. А к сим посланным нашим иподдиаконом будите благоприятны. При сем мир божий да будет с вами, а нашего смирения благословение

[1] См. т. III настоящего издания, стр. 234.

с вами есть и будет. Smirennii Anikit власною рукою. Февраля в 23 день 207-го, с Москвы» [1]. Общий смысл письма, впрочем, ясен. Зотов предостерегает Петра от спутников или товарищей масленицы Ивашки Хмельницкого и Еремки (?), т. е. от пьянства с его последствиями, которое может отвлечь его от работ, предстоящих в Воронеже.

Наступившая первая неделя поста поразила Корба своим контрастом с неделею масленицы, которую она сменила. Вид Москвы сделался совершенно иным. «Насколько прошлая неделя, — пишет он в дневнике, — была шумной и разгульной, настолько эта тиха и скромна... Лавки не открывались, торги на рынках были закрыты, присутственные места прекратили свои занятия, судьи не исполняли своих обязанностей; нельзя было вкушать ни льняного масла, ни рыбы; пост был в высшей степени строгим; они умерщвляли плоть только хлебом и земными плодами. Во всяком случае подобная метаморфоза явилась неожиданной и почти невероятной». Однако начало православного поста не помешало Лефорту 22 февраля в среду на первой неделе устроить у себя угощение датскому и бранденбургскому послам, отправлявшимся с этого угощения прямо в Воронеж к Петру. Погода была так хороша, вечер такой теплый, что пиршество происходило под открытым небом. «Послы датский и бранденбургский, — пишет Корб, — много пили с генералом Лефортом под открытым небом, пользуясь приятным вечером, и прямо из его дома отправились в Воронеж» [2]. Это приятное времепрепровождение под открытым небом в конце февраля не прошло для Лефорта даром; он сильно простудился, и на другой же день у него началась лихорадка. — «У генерала Лефорта, — отмечает Корб под 23 февраля, — появились внезапно лихорадочная дрожь и жар». Здоровье его было вообще плохо за последнее время. Еще в начале февраля его племянник Петр Лефорт извещал женевских родных о плохом состоянии здоровья дяди, которого беспокоили старые раны [3]. На 24 февраля у него был назначен обед для полковников; но принимать гостей сам Лефорт уже не мог, и эту обязанность выполнял за него племянник [4].

26 февраля в воскресенье Петру отправлена была почта в Воронеж. До нас дошло довольно большое письмо к царю Ф. А. Головина. Отвечая Петру на его письмо, написанное только что по приезде в Воронеж, Головин выражает удивление скорости путешествия и быстроте дошедшей от царя в Москву почты; затем сообщает о полученных в этот же день утром письмах от Возницына с известиями о заключении им трактата с турками 14 января, о заключении договоров у

---

[1] Письма и бумаги Петра Великого, т. I, Спб., 1887, стр. 759—760.
[2] *Корб,* Дневник, стр. 131—132.
[3] *Posselt,* Lefort, II, 517.
[4] *Корб,* Дневник, стр. 132.

турок с цесарцами и поляками 16-го и о том, что венецианский посол пока еще не заключил договора. «Я, государь, — пишет по этому поводу Головин, — видя... превеликое бездушество цесарцев, не могу рассудити, что из сего будет. Дай боже пользу христианом, а мню венетов не безнадежных быти к сему; токмо посмотреть, что другая почта покажет: розъедутся ль они в том или еще что прибавят». Далее следует известие о смотре собранного в Москву к походу дворянства, что́ задерживало отъезд Головина в Воронеж, куда, повидимому, его торопил Петр: дворяне отмечаются с указанием, кому остаться в столице и кого можно уволить в отпуск. Наконец, он сообщает царю о болезни Лефорта: «Ей, живу не за своими прихотьми; токмо всем не малая есть нам остановка: в четверток на первой неделе так остро заболел огневою адмирал наш и ныне без всякой пользы есть; кровь пускали, ни мало поможествовала; смотреть, что за помощию божиею будет после. Сего, государь, часа я посылал к нему при отпуску почты (т. е. при отсылке этого письма), сказали, что нет ни мало пользы. Почтарю, государь, повелел я ехать немедленно». Письмо подписано шутовскою подписью Головина: «раб твой Фетка pop blahoslowliay» и помечено 26 февраля «в четвертом часу ночи», т. е. в четвертом часу после захода солнца[1]. Под 28 февраля Корб записывает об усилении болезни: «Опасность для жизни генерала Лефорта усиливалась с каждым днем; горячешный жар все возвышался, больной нигде не находил места для успокоения или сна. Он не имел сил справиться со страданиями и впадал в бред, так как рассудок его помутился. По приказанию врачей позваны были музыканты, которым удалось наконец усыпить больного сладостными симфониями»[2]. 1 марта Петр Лефорт писал отцу в Женеву: «Многоуважаемый батюшка! Пишу вам в комнате г. генерала, моего дяди, о котором сообщаю вам, что он лежит больной очень сильной лихорадкой. Сегодня седьмой день, но нет ни малейшей надежды на его выздоровление»[3].

По городу стало ходить множество слухов о болезни царского любимца. Говорили, что он совершенно потерял рассудок и требовал то музыкантов, то вина. Когда ему намекнули на приглашение пастора, он будто бы воспылал еще большим безумием и не допустил к себе никого из духовных лиц. Однако у него все же побывал для напутствия реформатский пастор Штумпф; но когда пастор стал усиленно напоминать ему об обращении к богу, то в ответ он будто бы только попросил пастора не говорить так много. Когда жена в самый момент его смерти стала будто бы просить у него прощения за

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 760—761.
[2] *Корб,* Дневник, стр. 132.
[3] *Posselt,* Lefort, II, 518.

прошлое, то он ласково возразил ей: «Я ничего никогда не имел против тебя; я всегда уважал и любил тебя» [1].

Ход болезни Лефорта хорошо описан Петром Лефортом в его письме к отцу в Женеву от 8 марта: «На следующую ночь после отсылки моего предыдущего письма господь решил его судьбу. Болезнь моего дяди длилась семь дней и в ночь на восьмой, т. е. 2 марта утром, в 2 часа он умер. В течение семи дней мы не слыхали от него ни слова в ясном сознании, потому что он все время до последнего вздоха лежал в сильнейшем бреду. Проповедник был беспрерывно при нем, и он время от времени ему говорил, но все очень невнятно, и только за час до кончины он потребовал, чтобы прочли молитву» [2].

2 марта в 2 часа утра Лефорт умер. Ф. А. Головин опечатал его имущество и передал ключи родным. Тотчас же отправлено было известие о смерти Петру. «Милостивый государь, — писал ему Ф. А. Головин, — здравие твое, милостивого государя, да сохранит десница вышнего вовеки. При сем тебе, государю, извествую, что марта в первый день в ночи, часа за четыре до свету, Франца Яковлевича не стало... Енарал, государь, Карлович с Москвы поехал уже тому близь недели. Раб твой, государя моего, Фетко. Марта во 2 д.». Писал Петру в тот же день и князь Б. А. Голицын: «Премилостивый мой государь, здравие твое да хранимо богом. Писать боле, государь, и много ноне отставил для сей причины, либо изволишь быть. С первого числа марта в восьмом часу ночи Лефорт умре, а болезнь была фебра малигна и лежал семь дней, а лечил Субота да Еремеев и кровь пущали. Холоп твой Бориско. Марта 2» [3]. В момент смерти Лефорта в Москве до Петра в Воронеж, повидимому, еще не дошли вести о его болезни. Он был занят в Воронеже своими делами. 28 февраля приехали в Воронеж бранденбургский и датский посланники, выехавшие из Москвы 22-го. Царь показывал им приготовления к постройке флота, которые Гейнсу показались грандиозными, превосходящими всякое воображение. В четверг 2 марта он вел беседу с Гейнсом о союзе — продолжение тех переговоров, какие начал в Москве [4]. 3 марта он писал Ромодановскому, и из письма не видно, чтобы он знал о болезни Лефорта. В этом письме он занят стрельцами, их жалованьем, розыском, распоряжениями о начальных людях, ко-

---

[1] *Корб,* Дневник, стр. 133.

[2] *Posselt,* Lefort, II, 519.

[3] *Устрялов,* История, т. III, стр. 493—494.

[4] *Форстен,* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века. (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1904, № 12, стр. 308—310.) Гейнс в депеше своему правительству доносил, что беседа его с царем происходила в четверг вечером. Четверг приходился на 2 марта.

торых надо было поставить над стрелецкими караулами, и более всего кораблестроением, набором мастеров и заготовкой корабельных припасов. «Min Her Kenich, — пишет Петр в этом письме, — писма ваши гасударския принелъ я въ 1 д. да во ѳъ 2 д. марта, въ которыхъ писать ізволите о стрелцахъ. І мънѣ кажется, что лутче імъ старое жалованье давать, а прибавъливать за чьто? Сътрелца, буде чево съ пытки не пърибавитъ, буть воля твоя; а если чъто прибавитъ, ізволь ево сюды възять, потому что тѣ городы отсель зело блиски і розыскивать лехче. Началные люди, коі учили, пус[ть] такъ і едутъ, а заполочьнымъ вели быть у караульныхъ сътрельцоѳъ, потому что сътрелцы і началныя іхъ къ нашимъ карауломъ не звычайны. Прикажи послать нарочънова въ Нижъней і чьтобъ онъ възялъ тамъ якорныхъ мастероѳъ лутчихъ і подмостерей ч. 30 і проводилъ сюды немедленно; а онѣ намъ зело нужны. Такъже ізволь во ѳъсѣ кумпансътвы сказать, чтобъ везли припасы карабелныя; а буде хъто къ шестой недѣли не поставитъ здѣсь, вели деревъни отписовать. Вашь нижайши поданны Piter schip timerman. Съ Воронежа, марта въ 3 д. 1699» [1]. Получив известие о тяжелой болезни Лефорта, может быть, то самое, которое заключалось в приведенном письме Головина от 26 февраля, Петр немедленно же помчался в Москву, куда и прибыл 7 марта [2]. «Царь вернулся из Воронежа, — пишет Корб, — узнав о смерти горячо любимого им генерала Лефорта. Лица, бывшие при царе, когда он получил известие о смерти, утверждали, что он принял его так же, как если бы ему сообщили про кончину отца. Неоднократно вырывались у него стенания, и, обливаясь слезами, он произнес следующие слова: «Нет уже у меня более надежного человека; этот один был мне верен; на кого могу я положиться впредь» [3]. Что царь при известии о смерти друга залился слезами, что у него вырывались стенания, этому известию Корба вполне можно верить: он сильно любил Лефорта. Но, чтобы он произнес именно такие слова, как их передает Корб, это допустить трудно, и Устрялов вполне прав, когда отказывается в этом случае верить Корбу. «Трудно поверить, — пишет Устрялов, — чтобы он [Петр] так жестко отозвался о своих боярах, в числе которых

---

[1] П. и Б., т. I, № 262.

[2] Вероятно, он выехал из Воронежа 4-го и приехал в Москву на четвертый день, подобно тому как, выехав из Москвы 19 февраля, он 22-го, на четвертый день, прибыл в Воронеж. Письма с известием о смерти Лефорта от 2 марта едва ли могли попасть в Воронеж к 4 марта, так что непонятным является сообщение находившегося в Воронеже датского посланника Гейнса о том, что переговоры его с царем были прерваны известием о смерти Лефорта. *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 310). К сожалению, Форстен, приводя обширные выдержки из депеш Гейнса, не обозначает дат этих депеш. Возможно, что депеша Гейнса составлялась, когда в Воронеж уже пришли известия о смерти Лефорта.

[3] *Корб,* Дневник, стр. 135.

находились князь М. А. Черкасский, князь Б. А. Голицын, Л. К. Нарышкин, Т. Н. Стрешнев, доказавшие ему, еще отроку, безграничную преданность с опасностию потерять свои головы на плахе во время владычества Софьи, когда Лефорт ласкался к ее наперснику» [1]. Слова эти Корб передает не как слышавший их непосредственно сам, а сообщает их по слухам, через вторые или, может быть, и третьи уши и уста. Возможно, что Петр, предаваясь «стенаниям», произносил какие-либо слова вроде обычных русских причитаний: «на кого ты меня покинул» или что-либо в этом роде; по крайней мере, слова, передаваемые Корбом, очень напоминают такое русское причитание.

Может быть, как очевидец Корб передает о свидании Петра Лефорта с царем: «Когда родственник усопшего генерала подходил к его царскому величеству, готовясь засвидетельствовать подобающее ему глубочайшее уважение, то не мог произнести никаких членораздельных звуков, ибо скорбь и плач отнимали всякую возможность говорить». 9 марта царь обедал у боярина Б. П. Шереметева. Заметно было, что он в большой печали. «Он был все время взволнован, так как истинная душевная скорбь не давала ему никакой возможности успокоиться». Он выказывал, однако, знаки большого расположения к бранденбургскому посланнику фон Принцену, который вернулся из Воронежа 5 марта. «Царь, — продолжает Корб, — в силу своей обычной милости к послам осыпал господина бранденбургского посла многими выдающимися дарами» [2]. Это были, вероятно, личные дары, особые от тех подарков, которые были пожалованы Принцену официально через Посольский приказ, как это делалось обыкновенно при отпуске послов, и которые заключались в собольих мехах на сумму 260 рублей [3].

Под 10 марта Корб отмечает учреждение первого русского ордена св. апостола Андрея Первозванного. Это было учреждение для Московского государства совершенно необычное, одно из резких новшеств, заведенных Петром. Мысль об ордене могла появиться у царя за границей, где он мог познакомиться непосредственно с подобными учреждениями, например, в Англии или в Вене. Эта мысль могла быть освежена по возвращении из-за границы боярина Б. П. Шереметева, принятого на Мальте в состав ордена Мальтийских рыцарей, щеголявшего в Москве костюмом и знаками ордена. «Его царское величество, — пишет Корб, — учредил кавалерственный орден святого

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 264.

[2] *Корб,* Дневник, стр. 135.

[3] ЦГАДА, Арх. мин. ин. дел, Дела бранденбургские 1698 г., № 4, л. 222—226: «Сорок во 130, другой во сто рублев, две пары по 15 руб. пара, всего на 260 руб.; дворяном его... всего девяти человеком по паре соболей по 12 руб. пара» и т. д.

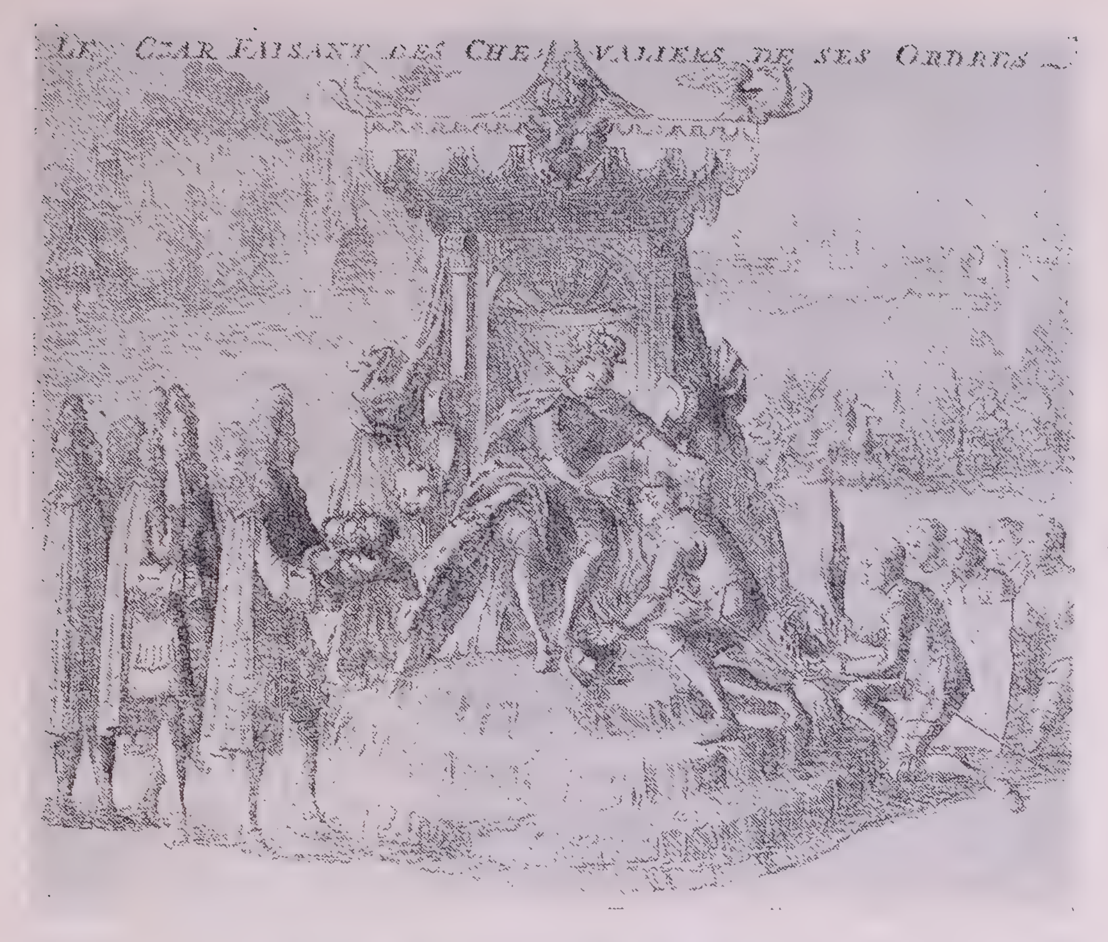


Рис. 2. Вручение ордена Петром I.
Французская гравюра XVIII в.

апостола Андрея. Крест предписано носить такой, каким обыкновенно изображают крест святого Андрея, называемый иначе бургундским. Надпись на первой стороне: «Св. Андрей апостол», на второй: «Петр Алексеевич, обладатель и самодержец России»; поперек имя царевича: «Алексей Петрович». Этот орден учрежден как знак почета для тех, кто во время турецкого похода успешно вел дело и заслужил славу храброго. Первым кавалером этого ордена, которому пожалован был крест, царь избрал боярина Головина. Он сегодня вечером показывал орден господину цесарскому послу и изложил ему порядок всего учреждения». Из того, что 10 марта боярину Ф. А. Головину уже пожалованы были знаки ордена, которые к этому дню были изготовлены, вероятно, в Оружейной палате, можно заключить, что самая мысль об учреждении ордена возникла ранее весны 1699 г. Пожалование Ф. А. Головина в кавалеры ордена служит лучшим опровержением достоверности слов, приписываемых Корбом Петру при получении им известия о смерти Лефорта, о том, что будто бы у него нет никого, на кого бы

Рис. 3. Б. П. Шереметев.
Гравюра Шхонебека 1702—1705 гг.

ему можно было положиться. Если царь отмечал Ф. А. Головина таким высоким пожалованием, значит считал его верным и надежным слугою. Но Ф. А. Головин надолго остается единственным кавалером ордена. Учредив орден, Петр был отвлечен от мысли о нем и на время как бы забыл его. Самый статут ордена, основные черты которого Головин, по словам Корба, излагал цесарскому послу Гвариенту, посетив его 10 марта вечером, был издан только в 1797 г. [1]

11 марта состоялось пышное погребение Лефорта, столь надолго задержанное обширными приготовлениями. Корб, бывший на похоронах, живо описывает их как очевидец. Вынос был назначен в 8 часов утра. К нему приглашены были иностранные представители, явившиеся в траурных платьях. Пока все назначенные присутствовать на похоронах собирались, прошло значительное время, и солнце, по выражению Корба, поднялось очень высоко к полудню. Приходилось долго ждать. В залах дворца Лефорта «повсюду виднелись накрытые столы, уставленные кушаньями; всякого рода вино налито было в чашах, желающим подавалось и горячее [вино]». «Между тем, явился царь, выражение лица его было печальное, — пишет Корб, — и обнаруживало признаки сильной скорби». Он не сразу овладел собой, чтобы поздороваться со встретившим его Л. К. Нарышкиным. «Когда Лев Кириллович покинул свое место и поспешил навстречу царю, этот последний благосклонно принял его приветствие, но помедлил несколько с ответом на него; наконец, собравшись с духом, наклонился он поцеловать Нарышкина». Когда с ним здоровались иностран-

[1] П. С. З., № 17908.

ные представители, «он ответствовал им с отменнейшею ласкою». Наступил тяжелый момент прощанья с умершим. «Когда настало время выносить покойника, — пишет Корб, — то тут наглядно обнаружилось сожаление царя и некоторых других лиц и их прежняя привязанность к усопшему, так как царь залился слезами и на глазах народа, собравшегося в огромном количестве на погребальную церемонию, дал покойному последнее лобзание». Этот же момент последнего прощания отметил и Принцен в донесении курфюрсту от 16 марта. «Эта неожиданная смерть, — пишет Принцен, — очень удручила и огорчила царя... Свою нежную любовь к генералу адмиралу он выказал при похоронах тем, что прежде, чем гроб был закрыт, не только сердечно поцеловал его со слезами на глазах, но и побудил к этому же разных русских бояр» [1].

Гроб с телом умершего был перенесен в реформатскую церковь в великолепной процессии. Москве дано было новое, невиданное дотоле зрелище. Всем шествием руководил полковник фон Блюмберг, ехавший во главе процессии на коне, покрытом блестящим, затканным золотом чепраком. Затем шли полки Преображенский, Семеновский и Лефортов. Перед первою ротою Преображенского полка шел сам царь «в темном платье с застывшим на лице скорбным выражением». За полками следовал всадник в латах на богато украшенной лошади, держа обнаженный меч острием книзу. За ним шли трубачи и барабанщики, игравшие похоронный марш. Далее вели лошадей умершего, несли знамена с изображением его герба, на пяти подушках несли его золотые шпоры, пистолеты, обнаженную шпагу, жезл и каску [2]. Полковники, переменяясь, несли гроб, покрытый черной шелковой тканью. За гробом шли слуги в трауре, за ними племянник покойного Петр Лефорт с послами цесарским и бранденбургским, к которым присоединился и боярин Б. П. Шереметев в костюме мальтийского рыцаря; это, по словам Корба, подало повод русским с насмешкой злоречиво спрашивать друг друга, не посол ли это от Мальтийского ордена? Затем шли московские бояре, думные дьяки и приказный персонал, наконец, вдова умершего в сопровождении

---

[1] *Корб,* Дневник, стр. 136; Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 278.

[2] В приложении к книге Поссельта: «Der General und Admiral Franz Lefort» (1866, II) помещено изображение герба Лефорта: в верхней половине щита по голубому полю золотой слон, покрытый попоной с черным двуглавым орлом. На спине слона водружена крепостная башня; в нижней половине щита по золотому полю изображен символ адмиральского звания Лефорта: андреевский флаг. Над щитом поверх двух рыцарских шлемов помещены изображения двуглавого орла и андреевского флага. Этот герб можно видеть на гравюре Шхонебека «Взятие Азова» — над адмиральским кораблем, стоящим перед Азовом, развевается флаг с изображением слона. В государственном Историческом музее находится серебряное золоченое блюдо овальной формы, принадлежавшее Лефорту; на дне его с лицевой стороны вырезан тот же герб.

иностранных дам[1]. Процессия поразила современников своей пышностью. Были составлены ее описания, которые потом пересылались за границу и там стали появляться в газетах.

В храме реформатский пастор Штумпф произнес надгробную речь на текст из книги «Экклезиаст» — «Несть человека, владущего духом, еже возбранити духу и несть владущего в день смерти». Проповедник говорил о бренности и мимолетности земной жизни, на что́ указывает этот гроб. «Светлейший господин, так неожиданно в полной силе лет от нас похищенный, свидетельствует истину слов Соломоновых, что человек не имеет власти над днем смерти своей». Отказываясь от пышных похвал усопшему, Штумпф сослался на сонм присутствующих, которые могут засвидетельствовать, что царь лишился в нем верного раба и служителя, войско потеряло великого вождя (!?), реформатская церковь утратила ходатая и покровителя. Все мы, восклицал проповедник, оплакиваем друга и приятеля любезного! Он умер в самом расцвете славы. Случается иногда и великим людям видеть затмение милости своих государей, подобно затмению солнца, — но солнце его жизни померкло в самый полдень славы. В речи есть указание, что она была сокращена по требованию Петра. «Не властны мы и над смертию, — восклицает проповедник, — много мог бы я привести тому примеров, но, *повинуясь державной воле, не стану широко распространяться*»[2].

При выходе из церкви порядок мест в процессии был нарушен; русские участники шествия заняли места у самого гроба, оттеснивши иностранных послов. «Бояре и прочие лица из их народа, — пишет Корб об этом инциденте, — . . . перепутали порядок шествия, протискавшись к самому гробу», где перед тем шли иностранные послы; послы, скрыв обиду. . . заняли место с Петром Лефортом, утешая себя тем, что занимать место рядом с ближайшим родственником на похоронах считалось всегда наиболее почетным. При погребении произведен был троекратный залп из 40 орудий; каждый из участвовавших в церемонии полков произвел троекратный ружейный залп. С могилы царь и все бывшие на похоронах вернулись в дом умершего на поминальную трапезу. «Уже готов был обед, — пишет Корб, — всякому, бывшему на похоронах в темном платье, дано было золотое кольцо, на котором вырезаны были день кончины и изображение смерти»[3]. Трапеза ознаменовалась, по словам Корба, раздраженной выходкой со стороны царя. «Когда царь на время удалился», — пишет Корб, — все бояре с тревожной поспешностью стали быстро уходить из дому.

---

[1] *Корб,* Дневник, стр. 136—137.
[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 265—270.
[3] *Корб,* Дневник, стр. 138.

Они спустились уже по нескольким ступенькам, но вдруг заметили, что царь возвращается, и вернулись в сени. Поспешный уход бояр заставлял подозревать, что эта смерть принесла им утешение. Разгневанный этим царь в негодовании обратился к главным из них со следующими словами: «Неужели вы радуетесь его смерти? много вы выиграли с его смертью? почему не остаетесь долее? Может быть, потому что великая радость не позволяет вам более играть комедию с нахмуренным челом и притворно печальным лицом?» [1]. Опечаленный тяжелой для него утратой царь был, повидимому, в сильном раздражении в день похорон Лефорта, может быть, был раздражен также и тем, что церемония похорон, которую он, конечно, сам устраивал, не прошла в желательном для него порядке. Свое раздражение он сорвал на встретившихся ему боярах, слишком, по его мнению, поспешивших покинуть трапезу и итти домой. Гневное настроение царя сквозит и в рассказе Корба, записанном под 13 марта и передающем эпизод, сам по себе едва ли вероятный: «На вопрос царя, кому за его отсутствием поручить управление Москвою, один из бояр дал совет, что эту обязанность можно возложить на Бориса Петровича Шереметева. Так как царь знал, что этот советчик противится его начинаниям, то дал ему пощечину и спросил гневным голосом: «Неужели и ты ищешь его дружбы!» [2]. Факт пощечины приближенному ничего невероятного в себе не заключает; но чтобы это случилось по поводу того именно разговора, о котором говорит Корб, уверенным быть трудно: и это не более, как долетевшая до иностранца молва.

II. ОТПУСК БРАНДЕНБУРГСКОГО ПОСЛАННИКА

13 марта Петр вновь выехал в Воронеж. «Сегодня после полудня, — писал Корб, — царь проехал в двуколке по слободе и прощался со всеми, кого удостоивал своим благоволением; в этот же вечер он отправился из Москвы в Воронеж». Перед отъездом он написал собственноручно письмо к бранденбургскому курфюрсту, отвезти которое должен был фон Принцен. «Мой господинъ, — писал в немъ Петр. — Писмо ваше особно писанное, чрезъ ізящъного вашего сълужителя Пренса принялъ і выразумѣлъ ваще весма благое нам і опществу склонение, которое какъ въ писмѣ, такъ і отъ сълоѳъ выщереченного Пренса, мы любезно прияли. Паче же персонѣ учиненную любоѳъ і союзъ памятуя, никогда мыгълѣ забвению предадимъ; также надѣемся на вашу любоѳъ, что не толко сие содержати, но і ѳъ предбудущия і намъ вѣданию належащия

---

[1] *Корб,* Дневник, стр. 138.
[2] Там же.

дѣла отъ вашей любви і дружества не утаены будутъ, о чемъ пространнее донесетъ вамъ Пренсъ. Вашей любви охотно съкълонныi другъ Piter. Съ Москъвы, марта в 13 д. 1699»[1].

Фон Принцен покинул Москву 16 марта. «Выезд бранденбургца, — пишет Корб, — отличался такою же торжественностью, как и его въезд. Ему дана была царская позолоченная колымага, а для чиновников кони, пышно украшенные. Конной роты не было, место ее заступили приблизительно десять писарей верхами. Подвод у посла было девяносто; еще бо́льшее количество их дожидалось в более отдаленных местах, где обыкновенно происходит смена подвод»[2]. Этот большой поезд посланника подвергся злоключению на дороге между Москвой и Тверью в селе Завидове. Случай по донесению пристава при посланнике, подполковника Ивана Афанасьевича Кокошкина, заключался в следующем. 17 марта, когда обоз посланника остановился в Завидове кормить лошадей, один из подводчиков, тяглец Новомещанской слободы, нанял вместо себя на дорогу до Твери крестьянина села Завидова, заплатив ему деньги за этот путь. Мужик, однако, раздумал и, не желая исполнять договора, с лошадью и с деньгами бежал. Тогда пристав велел его изловить. Произошла обычная в таких случаях сцена: «И того де села Завидова прикащик с крестьяны, собрався многолюдством с кольем и с дубьем, вышед на дорогу, того вышеписанного посланника дворовых людей его иноземцев били и в колокола для скопу людей били ж и с тем кольем и с дубьем за теми иноземцы тот прикащик с крестьяны гнались в поля»[3]. Принцен писал об этом происшествии в Москву резиденту Задора-Цесельскому, и тот подал в Посольский приказ представление, рисующее эпизод подробнее. В представлении, переведенном в Посольском приказе, после указания на обман со стороны завидовского мужика говорится: «И того ради посланник приданного с ним пристава Ивана Афанасьевича Кокошкина с двемя при себе имеющими солдаты во двор того мужика послал и обещанную нанятую лошадь силою взять велел. И бабы на том дворе о сем великой шум и воп учинили. И в то время того села подъячий или, как иные называют, староста, собрався и взял 12 человек иных мужиков. И ждали на конце села, на пристава, которой проводил посольство и напереди ехал, напали с великими дубинами и лошади силою отнять хотели. А как тот с подъячим, при себе имеющим и солдатами противился, то они великими дубинами, в руках имеющими, их били, и именованный подъячий или староста села того дубиною в руках имеющею, к саням посланника пошел близко, но посланник пистолет ему по-

---

[1] П. и Б., т. I, № 263.
[2] *Корб,* Дневник, стр. 139.
[3] Арх. мин. ин. дел, Дела бранденбургские 1699 г., февраль — декабрь, л. 45—46.

казал и грозил ему, буде не отойдет. В то ж время в том шуму достальные посланнические люди доехали. Но покамест из саней собрались, мужики те на них напали, а когда б один локай не ускочил, то б дубиною до смерти убит был. А толмача с подъячим, как мужиков от посланника отогнать хотели, так чрез руки биты, что все персты в крови были и по се время зело больно ранены лежат. И так принуждены были посольства люди шпаги и сабли воспринять и не без того, что иным досталось такожде на противом (sic) бою. После того посланник хотел оттоле ехать, но иные от сих злобных людей сказали. . . , что в селе на осталых двух санях и людех отомстятся и вовсе их изведут. И трижды в колокол в сполох били. Того ради посланник принужден пристава и с солдатами взять и людей бы своих половину чрез тех злобных людей безопасно вывесть. И то счастливо совершилось. Хотя на дороге в различных местех собранных мужиков сыскали, но людям от посольства, у которых фузии и иное оружие было, ничего учинить и на них напасть не дерзали» [1].

III. ПЕТР В ВОРОНЕЖЕ ВЕСНОЙ 1699 г. ПЕРЕПИСКА С МОСКВОЙ

В Воронеж после похорон Лефорта Петр вернулся 18 марта [2]. О деятельности его там по возвращении из Москвы в течение второй половины марта и в апреле 1699 г. очень мало известно, кроме нескольких весьма скудных отрывков переписки. Надо предполагать, что там шла оживленная и энергичная работа над кораблями. Постройки кораблей и касается уцелевшая переписка. Знаем также, что среди корабельной работы Петр законодательствовал по осуществлению городской реформы и давал резолюции на представленные ему доклады. 19 марта Кревет писал царю из Преображенского о ходе ткацких работ по изготовлению парусного полотна на заведенной в Преображенском специально для этой цели полотняной фабрике: «Марта в 15 день из Розряду послали на Воронеж для образца 16 штук парусного полотна, мерою будет 397 аршин, которое полотно здесь в селе Преображенском делали и ценили их здесь по 6 или близко по 7 руб. штуку. Итого будет близко по 5 алтын без 2 денег аршин. Униженно прошу об указе против моих росписей, что на Воронеж послал и здесь подавал, дабы сие дело не остановить. А мастеры весьма печальны, потому что

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела бранденбургские 1699 г., февраль — декабрь, л. 18—33; ср. Сборник Моск. главн. арх. мин. ин. дел, вып. 1, стр. 93—95.

[2] «Экстракт из журнала, державного от господина вице-адмирала Крейса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа в Азов, на Таганрог и к Керче... 1699 года» (Записки Гидрографического департамента, 1850, ч. VIII, стр. 369—394).

пряжи много в готовности есть, а на чем ткать, станов и бедр[1] медных мало. Боярин Тихон Никитич вчерашнего числа отсюда поехал. А здесь, дал бог, все здорово; только еще не слышали о здравном прохождении вашем на Воронеж, и о том я всегда бога молю и пребываю последноверной раб и слуга до окончания века своего. Андрюшко Кревет покорно челом бьет»[2]. Вероятно, на следующий день он же должен был сообщить царю печальное известие о смерти корабельного инженера Джона Дена, вывезенного самим царем из-за границы и им очень любимого. «После прежнего моего письмишка, — пишет Кревет, — изволением божиим марта ж в 19 день карабельного мастера Ивана Деня не стало, умре... А как его схоронить [аще возможно его удержать] (т. е. если возможно держать труп без разложения), о том буду указ ожидать, каким обычаем его умершего погрести. А что какие чертежи карабельные есть у него осталось, о том тожь ожыдаю указу»[3]. На это уведомление Петр отвечал следующим коротким письмом 25 марта: «Min Her, Писмо твое мънѣ отдано, въ которомъ пишешъ о смерти Яна Деня, о чемъ мы зело опечалились; і естьли не погребенъ, не замайте до насъ. Такъже, что у нево осталась, въсе запечатай і никому отнють не довай ничево. Piter. С Воронежа, марта въ 25 1699»[4]. Из этого письма видно, что Петр был настолько сильно опечален смертью Дена, что при первом известии о ней сам хотел приехать в Москву на похороны; но это намерение не осуществилось. В течение второй половины марта в Воронеж были вызваны и отправились из Москвы многие бояре. «А после походу его, великого государя, — пишет Желябужский, — в великой же пост по именному его великого государя указу пошли на Воронеж бояре: А. С. Шеин, князь Ю. С. Урусов, Ф. А. Головин, Т. Н. Стрешнев, Л. К. Нарышкин; ближние стольники: князь Ф. Ю. Ромодановский, И. И. Бутурлин, генерал А. М. Головин». Отправились в Воронеж также и «морские стольники», как их называет Желябужский, — те стольники, «что были за морем для ученья»[5].

31 марта царю писал из Москвы Виниус. На первом месте в его письме корабли и уже только на втором политические известия, полученные из-за границы, которыми также Петр очень интересуется. Виниусу прислана была царем из Воронежа роспись кораблям с тем, чтобы против названия каждого корабля по-русски написать название его по-голландски, для ка-

---

[1] Ошибка — следует «берд». (Бердо, по объяснению В. И. Даля, принадлежность ткацкого стана, род гребня, для прибоя утока.)

[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 494.

[3] П. и Б., т. I, стр. 763—764.

[4] Там же, № 264.

[5] *Желябужский,* Записки ([*Сахаров*], Записки русских людей, Спб. 1841, стр. 63—64).

ждого изобрести фигуру (вероятно род герба). Изготовив все это, Виниус должен был немедленно прислать сделанное в Воронеж. Фигуры могли быть вроде следующих, например, «Вѣтьоь виноградъная обрезаная», «Мячъ з двемя лапътами», «Черепаха съ вымпелемъ» и т. д.[1] Виниус отвечает, что для исполнения этого распоряжения государя он собрал живописцев, сколько мог, с трудностью, и фигуры учинены, иные в двойном числе в запас, сделаны русские и голландские надписи. Роспись именам кораблей и описание фигурам он уже послал ранее с Н. М. Зотовым, годна ли оказалась эта роспись государю? С этой почтой он посылает также сделанный им перевод речи, произнесенной Штумпфом над гробом Лефорта. Затем Виниус переходит к заграничным известиям: французский посол представил испанскому королю ноту по вопросу о наследстве испанского престола, чтобы не назначать наследником баварского принца, грозя в противном случае войной. Но затем пришло известие о смерти баварского принца, и теперь говорят, что цесарь хочет посадить на испанский престол своего второго сына, «дабы тем гишпанскую монархию вечно к дому Австрийскому привязать». Французский король этому противится и через своих послов доказывает, что по всем правам престол принадлежит его сыну. Английский король держит на всякий случай наготове флот в 80 кораблей. Мы рассуждаем, добавляет Виниус, что то королевство достанется тому, кто в оружии будет сильнейшим. Письмо заканчивается какими-то личными просьбами о защите, которые царю передаст Н. М. Зотов[2].

IV. РОССИЯ И ДАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. ПРИЕЗД ДАТСКОГО ПОСЛА ГЕЙНСА

Здесь же в Воронеже весной 1699 г. Петр подготовил заключение одного из тех двух союзов, вступив в которые он начал затем Северную войну. Он продолжал там завязавшиеся еще в Москве переговоры с приглашенным туда датским посланником Гейнсом и довел их до положительного результата, выразившегося потом в заключении формального союзного договора. Припомним в основных чертах ход этого дела.

Что побуждало Данию искать этого союза? Ответа на этот вопрос надо искать в неизменно враждебных отношениях, существовавших между двумя большими скандинавскими державами: Данией, с которою соединена была тогда Норвегия, с одной стороны, и Швецией — с другой. Основной причиной вражды была непрерывная борьба за господство на Балтийском

[1] П. и Б., т. I, № 288.
[2] Там же, стр. 764—765.

море. Преемники короля Густава Адольфа, поставившего Швецию на высоту первоклассной военной державы, продолжали его политику, расширяя и закрепляя власть над берегами Балтики; но это их стремление неизбежно должно было сталкиваться с таким же стремлением Дании, которая распоряжалась тогда входом в Балтийское море, владела обоими берегами ведущего в это море Зундского пролива, так как ей принадлежали лежавшие на Скандинавском побережье пролива области, и взимала большие пошлины за проход кораблей через Зунд. В результате неудачных для нее войн со Швецией в середине XVII в. Дания принуждена была отказаться от сбора пошлин со шведских кораблей, служивших одним из главных ресурсов датской казны, и потеряла свои провинции, лежавшие на Скандинавском побережье, отнятые Карлом X Густавом. Потеря не забывалась в Дании и возбуждала мечты о реванше.

Всю вторую половину XVII в. отношения между северными державами продолжали быть натянутыми и в каждый момент готовы были разорваться. В той борьбе, которая разделяла тогда Западную Европу на два враждебных лагеря, в борьбе Людовика XIV с коалицией, Швеция и Дания стояли на противоположных сторонах: Швеция держала сторону Людовика, Дания была на стороне императора и морских держав. В 70-х годах XVII в. дело вновь дошло до открытого разрыва: велась война, в которой Дания имела успех на море, а Швеция одолевала на суше.

Враждебные отношения между Данией и Швецией из-за соперничества на Балтийском море проявлялись и в разнообразных производных и частных осложнениях и столкновениях, постоянно возникавших между соперничавшими державами. Одним из яблок раздора в XVII в. было соседнее с Данией к югу герцогство Шлезвиг-Голштинское, точнее — соединенные герцогства Шлезвигское и Голштинское, — небольшая прибалтийская территория, за которую также шла борьба. У Дании с герцогствами были давние родственные и соседские феодальные счеты. В 1460 г. граф Христиан Ольденбургский, за двенадцать лет перед тем занявший датский престол, был шлезвиг-голштинскими чинами избран в герцоги, соединив, таким образом, в личной унии королевство и герцогства. С тех пор Дания и Шлезвиг-Голштиния находились под властью одного и того же Ольденбургского дома, но принадлежали различным его ветвям. Данией правила старшая или королевская линия; герцогства были в руках младшей или Готторпской линии. В результате создалась сложная и до крайности запутанная феодальная чересполосица. В территорию обоих герцогств были вкраплены отдельные города, местечки, замки и монастыри, принадлежавшие королевской линии, которыми датские короли владели, как феодальные государи, раздавая их членам своего дома и основывая, таким образом, новые владетельные ответвления

в герцогствах (линии Зондербургская, Аугустенбургская, Гольштейн-Бекская). В некоторых частях управления и суда королю и герцогу принадлежало общее право, которое они должны были осуществлять совместно. Отношения эти осложнялись еще тем, что долгое время Шлезвиг рассматривался как лен датского короля, тогда как Голштиния составляла лен императора. Вся эта неразрешимая путаница вела к беспрерывным недоразумениям и порождала борьбу, в которой датские короли стремились утверждать свое верховенство над владениями герцогов, а герцоги, тяготясь этой зависимостью, добивались освобождения от нее и признания за ними суверенитета. В особенности желанным предметом их стремлений, в котором они более всего видели признаки своего суверенитета, было право заводить собственное войско и строить крепости, против чего решительно восставала Дания, чувствовавшая всю реальную опасность для себя от этих суверенных прав герцога. Дело доходило до вооруженных столкновений, причем перевес бывал не на стороне герцога, который принужден был даже покидать свои владения, т. е. попросту был изгоняем датским королем. Попытки соглашений не приводили к сколько-нибудь положительным и прочным результатам, и «для Дании, — как говорит шведский историк Карлсон, — отношения к Голштинии были открытою раной, которая постоянно питала беспокойство и возбуждала к борьбе» [1]. Такое положение дел заставляло герцогов искать помощи и защиты в Швеции, а последняя дорожила союзом с герцогствами, бывшими удобной базой для действий против враждебной Дании. Политические союзы между Швецией и герцогствами закреплялись брачными связями: Карл X Густав был женат на голштинской принцессе Гедвиге-Элеоноре, а в 1697 г. голштинский герцог Фридрих IV женился на сестре Карла XII Гедвиге-Софии. Этот брак и та тесная дружественная связь, которая, как следствие его, возникла между юным Карлом XII и герцогом голштинским Фридрихом IV, оказали свое влияние на развитие взаимоотношений между скандинавскими державами к моменту начала Северной войны.

Внутреннее состояние Швеции не соответствовало внешнему положению великой державы, приобретенному ею в XVII в. Королевская казна не справлялась с расходами на войско и флот: коронные земли, питавшие казну, были расхватаны аристократическими фамилиями. Явилась необходимость произвести *редукцию* — проверку прав на эти земли — и отобрать те из них, права на которые не могли быть доказаны. Эта мера, с беспощадностью проводившаяся в самодержавное царствование Карла XI, повлекла за собой полное разорение многих аристократических домов и вызвала большое озлобление среди высшего дворянства, возбуждая в нем даже желание чужеземного

---

[1] *Carlson,* Geschichte Schwedens, Gotha, 1887, B. VI, S. 73.

вмешательства в шведские дела. Неурожаи, продолжавшиеся по нескольку лет подряд и сопровождавшиеся развитием эпидемий, истощали страну и подрывали ее благосостояние.

Ослабление Швеции окрыляло надежды ее врагов. В особенности благоприятным, если не для того, чтобы окончательно свести старые счеты с ней, то, по крайней мере, для того, чтобы сговориться между собой о таком сведении, показался момент, когда умер Карл XI, долгое время твердой рукой правивший государством, и когда власть перешла на время малолетства его сына Карла XII к регентству, составленному к тому же из лиц, между которыми не было согласия. 7 апреля 1697 г. было получено в Копенгагене от датского посланника при стокгольмском дворе сообщение о смерти Карла XI. 10 апреля датское правительство решило отправить чрезвычайного посланника в Россию с поручением заключить союз, оборонительный, как об этом говорилось открыто, но с полномочием посланнику включить в договор тайный пункт наступательного характера[1]. Весной следующего, 1698, года был заключен союз с польским королем Августом II. Войдем в подробности заключения первого из этих союзов, союза Дании с Россией, и проследим миссию датского посланника Гейнса.

Гейнс собрался в Россию не спеша и двигался в Москву медленно, держа путь через Ливонию, Нарву и Новгород. Только 16 июля 1697 г. он достиг последнего подхожего стана под Москвою, села Никольского, где был встречен постоянным датским резидентом в Москве Бутенантом фон Розенбушем. На следующий день, 17 июля, состоялся въезд его в столицу. Только что въехав в Москву, он поспешил, правда, неофициальным образом, высказаться о цели своего прибытия. Как гласит запись о его приезде, составленная в Посольском приказе, посланник, прибыв на Посольский двор и простившись с сопровождавшими его до двора приставом, назначенным состоять при нем в Москве, дорожным приставом, сопровождавшим его в пути до Москвы, и столповым приказчиком — офицером конюшенного ведомства, заведывавшим процессией въезда, и отпустив их, удержал у себя переводчика Посольского приказа Ивана Тяжкогорского, сказав ему, что имеет до него некоторое слово. На следующий день переводчик представил в приказ доклад с изложением того разговора, который вел с ним Гейнс. Заявив, что он прислан с нужными делами, о которых сообщит после приемной аудиенции у царя, и что теперь подаст только копию с кредитивной грамоты, а подлинник должен вручить лично самому государю, посланник затем заметил, что «король де его в неотменном дружелюбии с великим государем живет и впредь крепко в том быть хощет, не так, как веры недодержатель (т. е. нарушитель присяги) швед, которого

[1] *Carlson,* Geschichte Schwedens, B. VI, S. 7—8.

пора своевать. И напрасно владеть ему даются городы Нарва со иными и с пристанищи морскими, которыми напрямик во всю Европу блиским путем ехать мошно... Шведом да французом верить нечего. Был де он, посланник, во французской земли, как Долгорукой был (русский посланник в Париже князь Яков Долгорукий в 1688 г.) и видел, как бесчестно его принято и с ним поступлено». Эти предварительные заявления имели, вероятно, целью настраивать в русских официальных кругах враждебное отношение к Швеции и ее союзникам и сулить блестящие перспективы датской дружбы в смысле возвращения от Швеции взятых ею морских пристаней, открывающих прямой и короткий путь в Европу. Вот курфюрст бранденбургский — крепкий друг датскому королю, а на Польшу смотреть нечего, потому что эта земля теперь — это было время борьбы за королевский престол в Польше — бессильна стала. Сказав после этих замечаний еще несколько слов о военных доблестях царя, воинское дело которого «всех соединенных христианских потентатов крепко возбуждает» и который «храбрством своим быть может вторым Александром», посланник спросил, скоро ли царь вернется в Москву, и затем добавил: «привез де он книгу большую — атлас нового выдания (издания), и ту поднести хочет великому государю. А в той де книге явно будет и видимо напрасное владение шведов городами и с пристанищи». Переводчик Тяжкогорский не мог, конечно, дать никакого указания на время возвращения царя. Об этом в Москве не знали[1].

Московские правительственные круги сочувственно относились к дружбе с Данией, и потому датский посланник был принят в высшей степени любезно. Сановники один за другим приглашали его к себе. 13 августа он вместе с Бутенантом был у начальника Посольского приказа Л. К. Нарышкина в его подмосковной резиденции, надо полагать, в селе Филях. Хозяин угостил их роскошным обедом, после которого начал с ними дипломатический разговор о желательности дружбы Дании с Россией. В этой беседе Нарышкин, между прочим, задал Гейнсу вопрос, настолько ли расположен король к царю, чтобы помочь ему, если царь начнет с кем-либо войну. Это было нащупывание склонности к заключению союза, и союза именно против Швеции. Гейнс, на этот раз не раскрывая своих планов, ответил общей фразой, что король сделает все, чтобы доказать искренность своего расположения к царю и к защите его интересов, безопасности и цельности его владений. В заключение Нарышкин показал гостям роскошно убранные аппартаменты своего дворца, множество драгоценных вещей, сад и церковь при усадьбе. Посланник посещал также князя Б. А. Голицына, о котором, как и о Л. К. Нарышкине, он отзывается, как о человеке, усвоившем все приемы

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1697 г., № 3, л. 50—59.

придворного этикета; посещал и А. С. Шеина, пир у которого в день его рождения произвел, однако, на датчанина самое противоположное впечатление: было поголовное пьянство, происходил какой-то невыразимый гвалт, раздававшиеся звуки музыки поражали своей дикостью. Московские сановники в разговорах с Гейнсом старались узнать о цели его миссии; но Гейнс, держась данной ему инструкции, желал открыть эту цель во всей подробности только самому царю, и поэтому в ответах он прибегал лишь к общим фразам и оборотам, не высказываясь вполне определенно.

Несочувственное отношение московских правительственных сфер к Швеции от посланника не укрылось, но ему пришлось также слышать упреки и по адресу Дании за пропуск в Балтийское море принца Конти, соперника Августа II на польский престол. Много споров возбудил вопрос о представлении Гейнсом кредитивной грамоты. Посольский приказ потребовал от него представления этой грамоты как удостоверения его посольства. Гейнс соглашался представить только копию, подлинник же, как он говорил, он обязан был вручить самому царю. Из Приказа неоднократно и настойчиво повторяли требование, указывая, что великого государя в Москве нет, находится в походе в дальних «поморских городах». Гейнс отвечал, что без особого королевского разрешения вручить подлинной грамоты не может, и просил дать ему сроку два месяца для сношения со своим двором. В приказе должны были согласиться на такую отсрочку. Когда разрешение от короля пришло в Москву, он вручил грамоту на особой аудиенции в Посольском приказе думному дьяку Е. И. Украинцеву 6 ноября 1697 г., сделав при этом оговорку, что такой случай не может служить прецедентом на будущее время. Вскоре после этого, 10 ноября, Гейнс подал в Приказ мемориал, касавшийся цели его миссии, суть которого заключалась в том, что хотя король, его государь, живет со всеми своими соседями в добром мире, однако ради установления общей тишины желал бы заключить с царем «оберегательный союз» против возможных в будущем неприятелей. Если царь такое предложение в принципе примет и назначит своих министров для ведения переговоров, тогда он, посланник, выскажется более подробно об условиях предлагаемого оборонительного союза. В Приказе неоднократно под секретом побуждали Гейнса высказаться определеннее, спрашивали, «какого и на каких статьях (т. е. условиях) и против кого с великим государем» датский король желает оборонительного союза, и уговаривали представить обо всем том в письме «содержательные явственные статьи», отказываясь без такого его представления сообщать государю за границу его грамоту и поданный им мемориал. Однако посланник утверждал, что из представленных им верющей грамоты и мемориала государь может достаточно «выразуметь» о намере-

Рис. 4. Церковь в вотчине Л. К. Нарышкина в Филях (1692 г.).
Фото.

ниях короля, и настаивал на том, чтобы царские министры предварительно доставили ему письменное заявление от имени государя с выражением принципиального согласия на оборонительный союз; тогда он сделает предложения об условиях союза. Несмотря на то, что ему говорено было «многижды, чтоб статьи о постановлении того союза объявил без замотчания, а не приняв у него статей, обнадеживать и вступать в то дело немочно», Гейнс упорно стоял на своем, и московские дипломаты принуждены были сдаться и отправить Петру в Амстердам только копию с верющей грамоты и поданный 10 ноября мемориал. В заключение своих переговоров с Приказом посланник просил, «чтоб ему, яко чрезвычайному посланнику, повелено было при его царского величества дворе пожить. . .» «И по указу великого государя, — гласит записка об этих переговорах, — велено ему, посланнику, жить на Москве *на своем корму* впредь до его, великого государя, указу»[1]. Однако эта суровость, вызванная упорным отказом Гейнса открыть детально условия союза, была затем смягчена, и посланнику за все время его пребывания шел казенный корм по 10 ефимков в день[2]. Ему пришлось ждать царя в Москве весьма долго, и свои досуги он посвящал наблюдению над московскими происшествиями, нравами и обычаями, донося о своих наблюдениях в депешах в Копенгаген[3]. За это время король Христиан V успел в марте 1698 г. заключить союз с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II. Формально это было возобновление прежнего трактата с Саксонией 1694 г., но теперь в договор был включен тайный пункт, по которому Август II обязался в случае столкновения Дании с Голштинией помочь Дании отрядом в 8 000 человек. Этот договор, как характеризует его Карлсон, «не был направлен против Швеции; но он оказался исходным пунктом для дальнейшего наступательного союза против Швеции»[4].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1697 г., № 3, л. 105—132; 134—137. — Тетрадка небольшого формата, заключающая в себе: a) список с верющей грамоты, b) перевод с мемориала Гейнса 10 ноября, c) выписку о том, как уговаривали Гейнса подать подробные статьи и об его отказе. На тетрадке помета: «с Москвы (отправлена) ноября в 19 день. В Амстердаме с почты принята декабря в 20 день 206 году».

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1699 г., № 1, л. 3—4: «считая мелкими деньгами по 18 алт. по 4 ден. за ефимок, да сверх того воду и дрова, и свечи ис приказу Большие казны. И по тому его, в. г., указу того корму ему, чрезвычайному посланнику, выдано: июля с 17 числа 205 (1697) году сентября по 1-ое число нынешнего 208 (1699) году 4 427 рублев 20 алтын 2 ден. Да в Великом Новегороде дорожного 147 рублев 20 алтын. Всего 4 573 рубли 7 алтын».

[3] Депеши Гейнса, к сожалению, только в выдержках и притом весьма небрежно, часто без обозначения дат, напечатаны Форстеном в его статье «Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII в.» (Ж.М.Н.П., 1904, № 11—12).

[4] *Carlson,* Geschichte Schwedens, B. VI, S. 61.

V. НАЧАЛО ПЕРЕГОВОРОВ С ГЕЙНСОМ В МОСКВЕ

Петр вернулся в Москву из заграничного путешествия 25 августа 1698 г., по пути свидевшись с Августом II в Раве, где было условлено совместное нападение на Швецию. Для осуществления этого намерения союз с Данией был как нельзя более подходящ и желателен; тем приятнее было царю найти в Москве датского посланника и тем с бо́льшею благосклонностью он к нему отнесся. Однако тогда же в Раве он принял твердое решение не входить ни с кем ни в какие формальные обязательства, пока не заключит мира с Турцией и не обезопасит себя с юга. Петр был убежден в невозможности для России одновременно воевать на два фронта, и этому решению — сначала помириться с Турцией и только тогда напасть на Швецию — он следовал затем неизменно. Вот почему, выказывая все знаки своего полного расположения к датскому посланнику, он затягивал дело и откладывал момент подробного объяснения с ним.

1 сентября 1698 г. Гейнс впервые виделся с Лефортом, причем Лефорт в разговоре заметил, что по пути из Польши в Москву царь обсуждал с ним вопрос, как бы привлечь к русско-польскому союзу также и датского короля. Как только царь управится с делами, прибавил он затем, он вступит в переговоры об этом деле. Так как свою кредитивную грамоту Гейнс вручил еще в прошлом году в Посольском приказе, то по московским дипломатическим обычаям не было надобности давать ему особую торжественную приемную аудиенцию. Притом и сам Петр, вернувшись из-за границы, стал нарушать московский дипломатический ритуал и 3 сентября дал приемную аудиенцию также ожидавшему его в Москве более крупному дипломатическому сановнику цесарскому послу Гвариенту довольно запросто в Лефортовом дворце, где посол и вручил царю свою верительную грамоту. Еще проще обошлось дело с представлением царю Гейнса. 4 сентября, как припомним, посланник был приглашен в дом Лефорта на обед, на котором должен был присутствовать и царь. Здесь, по рассказу секретаря цесарского посольства Корба, в какой-то маленькой комнате, «где хранилась посуда в виде стаканов и кубков» [1], были приняты последовательно сначала датский посланник Гейнс, затем польский — Бокий. Представлял Гейнса Л. К. Нарышкин, сказавший при этом по его адресу несколько лестных слов. Царь принял посланника весьма милостиво — «me fit aussi, — пишет Гейнс, — un acceuil très favorable en sorte que j'ay lieu d'en estre très content jusque icy» [2].

---

[1] См. т. III настоящего издания, стр. 17—19.
[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 292).

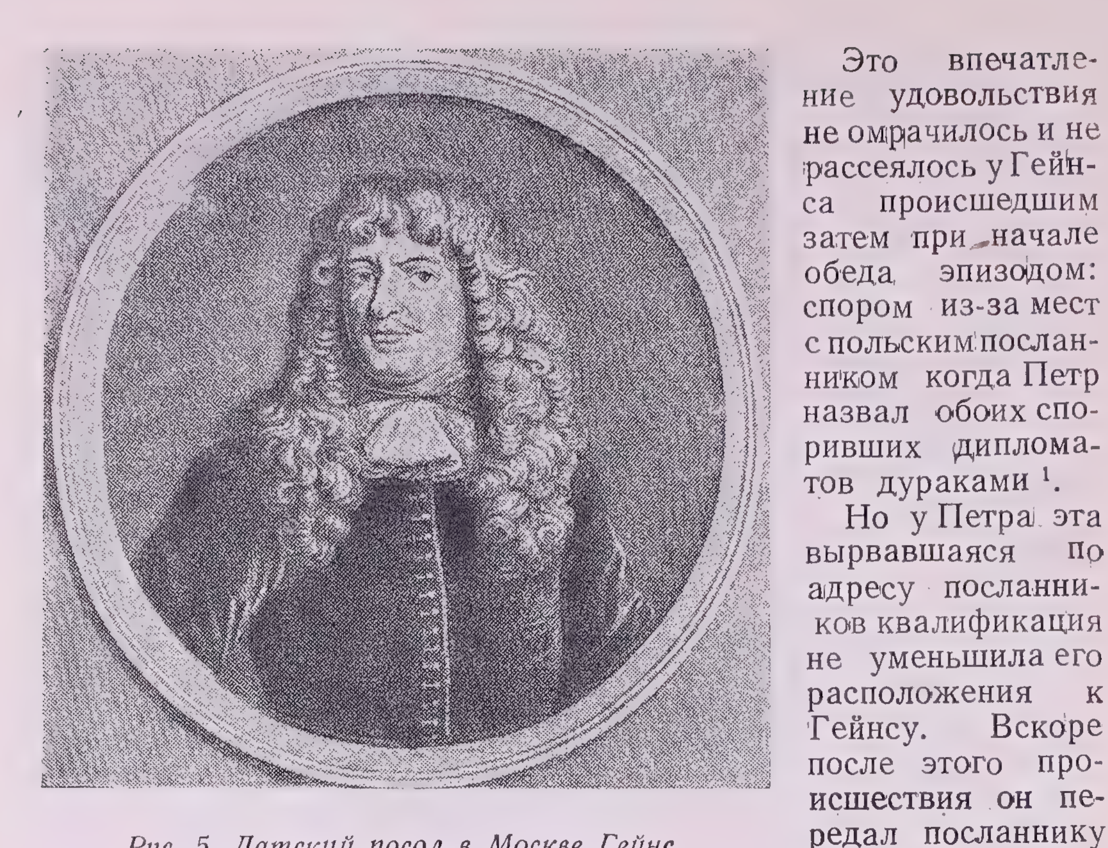


Рис. 5. Датский посол в Москве Гейнс.
Гравюра конца XVII в.

Это впечатление удовольствия не омрачилось и не рассеялось у Гейнса происшедшим затем при начале обеда эпизодом: спором из-за мест с польским посланником когда Петр назвал обоих споривших дипломатов дураками [1].

Но у Петра эта вырвавшаяся по адресу посланников квалификация не уменьшила его расположения к Гейнсу. Вскоре после этого происшествия он передал посланнику через Лефорта, что хочет, как только немного освободится, видеться с ним приватно, но что ему следует потерпеть, пока окончатся смуты; и путешествие в Воронеж отложено по этой же причине. Царь, прибавил Лефорт, не желает поручать переговоров своим министрам, а хочет лично переговорить с ним; если это к чему-нибудь приведет, все должно произойти при двух-трех лицах. Иначе секретные пункты договора быстро станут всем известны [2].

Особенно выразительно Петр выказал свое расположение к Гейнсу, охотно согласившись быть крестным отцом родившегося у Гейнса в Москве сына, в честь царя названного Петром. Крестины состоялись 29 сентября. После крестин царь остался у посланника обедать. «Когда обряд крещения был окончен, — пишет Гейнс в депеше королю, — его величество принял приглашение на небольшой обед — aggrea un petit disner, — который я распорядился для него приготовить наилучшим образом, как только было возможно, со свитою, состоящею только из 10—12 близких к его величеству особ. Он пробыл у меня с 10 часов утра до 10 часов вечера, выказав мне за это время много милости и доброты. И я тем более должен признать

[1] См. т. III настоящего издания, стр. 19.
[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 293).

эту почесть, что это только со мной одним произошло здесь таким образом и что его величество еще ни у кого в этом городе не был по возвращении». Это замечание Гейнса верно; царь, действительно, был у него у первого из иностранных представителей. Но поговорить с царем о делах Гейнсу и на этот раз не удалось. «Так как компания помешала в этот день много говорить о серьезных делах, я был принужден довольствоваться новым повторением того, что мне царь передал раньше, именно, что, как только будут окончены смуты, которые сейчас занимают весь двор (т. е. как только окончится стрелецкий розыск), его величество уведомит меня о каком-либо частном свидании со мною на досуге, и этого я должен спокойно ожидать» [1]. Как ни занят был Петр тогда розыском над стрельцами, казнить которых он начал как раз на другой день после крестин у Гейнса — 30 сентября, он все же, если бы это входило в его планы, мог переговорить тогда же с Гейнсом; он, как никто, умел вести одинаково внимательно и сосредоточенно по нескольку и даже помногу дел сразу. Очевидно, он не начал разговора с Гейнсом только потому, что считал еще такой разговор преждевременным и желал отложить это дело. Тогда как раз начались первые переговоры с турками на Карловицком конгрессе, и можно было надеяться на скорое заключение мира. Вот почему он и ограничился обещанием Гейнсу устроить с ним приватное свидание с просьбой терпеливо этого ждать.

Ждать пришлось более трех недель; но Петр все же исполнил свое обещание. В полночь на 22 октября он приехал ночевать к датскому резиденту Бутенанту, а на утро 22 октября в дом Бутенанта был вызван Гейнс. Царя не сопровождал никто из бояр; не было даже и Лефорта. Уединившись с Гейнсом и Бутенантом, который служил в качестве переводчика, в отдаленную комнату и заперев двери, «царь, — как писал в депеше королю Гейнс, — сказал мне, чтобы я вкратце, но искренно сообщил истинные намерения вашего величества и что он, царь, перед отъездом в Воронеж, следуя данному мне слову, счел необходимым дать мне возможность сообщить вашему величеству что-либо положительное. Я начал излагать относительно моей миссии то, что я до его возвращения доводил до сведения его бояр и его министров, но, видя, что он торопит меня объясниться в немногих словах, я ему представил, что дело идет не только о том, чтобы как следует (bonnement) подтвердить ту старую дружбу, которая существовала все время, но и еще более укрепить ее новым оборонительным союзом против кого бы то ни было. Царь прервал меня, ответив, что это также и его настоящие намерения и что было бы очень хорошо взаимно их согласовать с намерениями вашего величества, и спросил меня, есть ли у меня предписание представить какой-либо

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 294).

проект ради этой цели. Я ответил, что да, но так как после моего отъезда из Копенгагена произошло вступление на престол польского короля, то я жду последних приказаний, чтобы составить проект союза. Он тотчас же мне сказал, что было бы хорошо включить в эту дружбу также и польского короля, что он считает его одним из лучших своих друзей и был бы доволен, если бы и ваше величество верно судило о нем (que Votre Majestée jugerait à propos à son égard). Он поручил мне удостоверить ваше величество в этом и испросить необходимые приказания для изготовления проекта союза. Он меня затем спросил, сколько мне понадобится времени для получения ответа. Я ответил, как это и есть на самом деле, что от 9 до 10 недель, и я счел более правильным несколько удлинить срок, чем его укоротить, чтобы выиграть время, дабы ваше величество могли милостиво сообщить мне ваши положительные и окончательные решения по этому делу. Царь окончил словом: «Добро!», что̀ значит, что все идет хорошо, прибавив, что к тому времени он возвратится из Воронежа и тогда можно было бы заключить союз»[1]. Как видим из этого разговора, Гейнс, который ранее готов был спешить с заключением союза и принужден был вооружиться терпением, пока Петр медлил и откладывал это дело, теперь, наоборот, не решился предложить определенного проекта договора и со своей стороны начал откладывать и тянуть, ссылаясь на неимение приказаний при изменившихся обстоятельствах, именно после восшествия на престол польского короля. Не самое воцарение Августа II имел он здесь, вероятно, в виду, а заключение с Августом II союза, в какой Дания с ним вступила весной 1698 г. и о подробностях которого Гейнс мог еще и не знать. Но главной причиной его нерешительности в такой, казалось бы, благоприятный момент, какого ему пришлось так долго ждать, была происшедшая за это время общая перемена в датской политике относительно Швеции. Христиан V, столь стремительно решивший заключить союз с Москвой, при первом известии о смерти Карла XI в Швеции и об учреждении там регентства, затем стал колебаться в этом намерении и даже искать сближения со Швецией[2]. Эта перемена в настроениях датского двора не могла, конечно, не отразиться на образе действий Гейнса в Москве, парализуя его прежнюю решительность.

Приведенный разговор Гейнса с Петром вновь рисует нам Петра как дипломата. Он начал разговор с приглашения Гейнсу высказаться *кратко* (en bref). Когда посланник начал свой продолжительный доклад о прежних переговорах с царскими министрами, он увидел знаки нетерпения со стороны царя, который его торопил высказаться именно в немногих словах. Затем

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 297—298).
[2] *Carlson,* Geschichte Schwedens, VI, 75.

Петр, прервав его, перешел прямо к сути дела, предложив Гейнсу представить готовый проект договора и желая получить точный ответ о времени, которое необходимо для сношения с Копенгагеном. Все это те же черты, с какими он выступает и ранее, с тех пор как сам взял внешнюю политику России в свои руки: требование конкретных предложений и кратких, касающихся существа дела, ответов на ясно и прямо поставленные вопросы. Таким он выступал во время путешествия за границей в переговорах с бранденбургским курфюрстом и потом в Вене в переговорах с цесарскими министрами. И самая обстановка переговоров необычайна: в уединенной комнате у датского резидента, запершись на ключ, без участия министров, с глазу на глаз с иностранным дипломатом и только в присутствии переводчика, верного человека, датского же дипломата. Царь хочет вести и ведет внешнюю политику лично, окутывая ее строжайшей тайной, непроницаемой даже для руководителей его же собственного дипломатического ведомства. «Когда я еще спросил его, — продолжает свою депешу Гейнс, — к кому мне обращаться во время его отсутствия, предлагая для этого, к его удовольствию (avec son bon plaisir), Льва Кирилловича Нарышкина, его дядю и первого министра, он мне возразил, что он не желает, чтобы я к кому-либо обращался по этому делу, кроме него самого, и в случае, если бы он, вопреки ожиданию, не вернулся к тому времени, когда я буду иметь ответ от двора, мне будет позволено приехать к нему в Воронеж, в 130 лье отсюда». Передавая в депеше этот разговор и испрашивая приказаний, Гейнс находит момент для заключения союза очень удобным. «На это я должен покорнейше ожидать точных приказаний вашего величества: не есть ли теперь самое подходящее время, чтобы заключить здесь что-нибудь выгодное с этим монархом, и в таком случае не следовало бы терять времени».

Беседа с царем перешла на другую тему, также свидетельствовавшую о расположении царя к Дании. Петр сказал посланнику, что он намеревался во время своего путешествия приехать в Копенгаген повидать датского короля, для чего в Кёнигсберге был уже нанят голландский корабль, но что его всеми силами удержал от этого бранденбургский курфюрст, ссылаясь на полученные известия о том, что в Балтийское море вошли французы с 20 военными кораблями. Эти известия оказались, однако, впоследствии, когда царь приехал в Голландию, ложными. Высказывая досаду на то, что не исполнил своего первоначального намерения, Петр прибавил, что этот визит может еще осуществиться в другое время, на что Гейнс отвечал комплиментом и сказал, что король охотно пришлет за ним корабли в Данциг или в другой порт, чтобы перевезти его в Копенгаген и даже немного покрейсировать по Балтийскому морю и посмотреть там гавани, возбуждавшие его любопытство.

Царь остался этим очень доволен и сказал, что, когда представится такой случай, он даст знать посланнику конфиденциально. «После этого, — заключает Гейнс свою депешу, — он приказал Бутенанту хранить в тайне все, что он слышал. Царь, доверяя его честности, не пожелал иметь другого переводчика. Я могу довольно хорошо объясняться с ним по-голландски, но во время речи ему иной раз недостает слов, и тогда надо прибегать к переводчикам. Когда все это кончилось, его величество позавтракал у комиссара Бутенанта и, послав за вице-адмиралом Крюйсом, отправился осматривать большой колокол в за́мке (Кремле), имеющий 92 фута в диаметре, так что под ним может повернуться человек на лошади». Благоволение к Гейнсу царь выразил еще и тем, что пригласил и его с собою в Кремль осматривать вместе с Крюйсом колокол, а затем отправился с ними обоими на обед к боярину Л. К. Нарышкину [1].

На другой день после обеда посланник опять встретился с царем на прощальном пиру у Лефорта, с которого Петр в 6-м часу вечера выехал в Воронеж при звуках труб и пушек и при громких криках «Vivat!». Из Воронежа царь вернулся в Москву к рождеству. Святки по обычаю проводились в шумных увеселениях, а затем в двадцатых числах января продолжался розыск над второй большой партией стрельцов, поглощавший внимание Петра. К тому времени Гейнс получил из Копенгагена необходимые ему приказания. Ве́сти о намерении шведского правительства отправить в Москву посольство и опасение, что это посольство расстроит налаживающийся датско-русский союз, побудили Христиана V действовать более решительно, и он предписывал Гейнсу не только представить царю проект договорного акта, но и делать в этом проекте всякие изменения, какие угодно будет царю, не изменяя только существа двух параграфов проекта, касавшихся взаимной помощи и имевших значение «фундамента» всего дела (als das fundamentum des gantzen wercks). Гейнсу сообщен был также текст договора Дании с Августом II на тот случай, если бы опять зашла речь о составлении против Швеции тройственного союза [2]. Посланник был, таким образом, в полной готовности продолжать начатые лично с царем переговоры. Однако переговорить с царем впервые по его возвращении из Воронежа ему удалось только 27 января 1699 г. в доме князя Б. А. Голицына, где царь проводил вечер, отдыхая после допроса стрельцов. «Я улучил время, — доносит Гейнс об этом свидании королю, — чтобы сообщить ему, что я имею ответ на все, что его величество мне поручал; он остался доволен и сказал мне, что через несколько дней он непременно будет у комиссара Бутенанта, так же как в прошлый раз, и что он меня о том уведомит; я дол-

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 295—298).
[2] Там же, стр. 302.

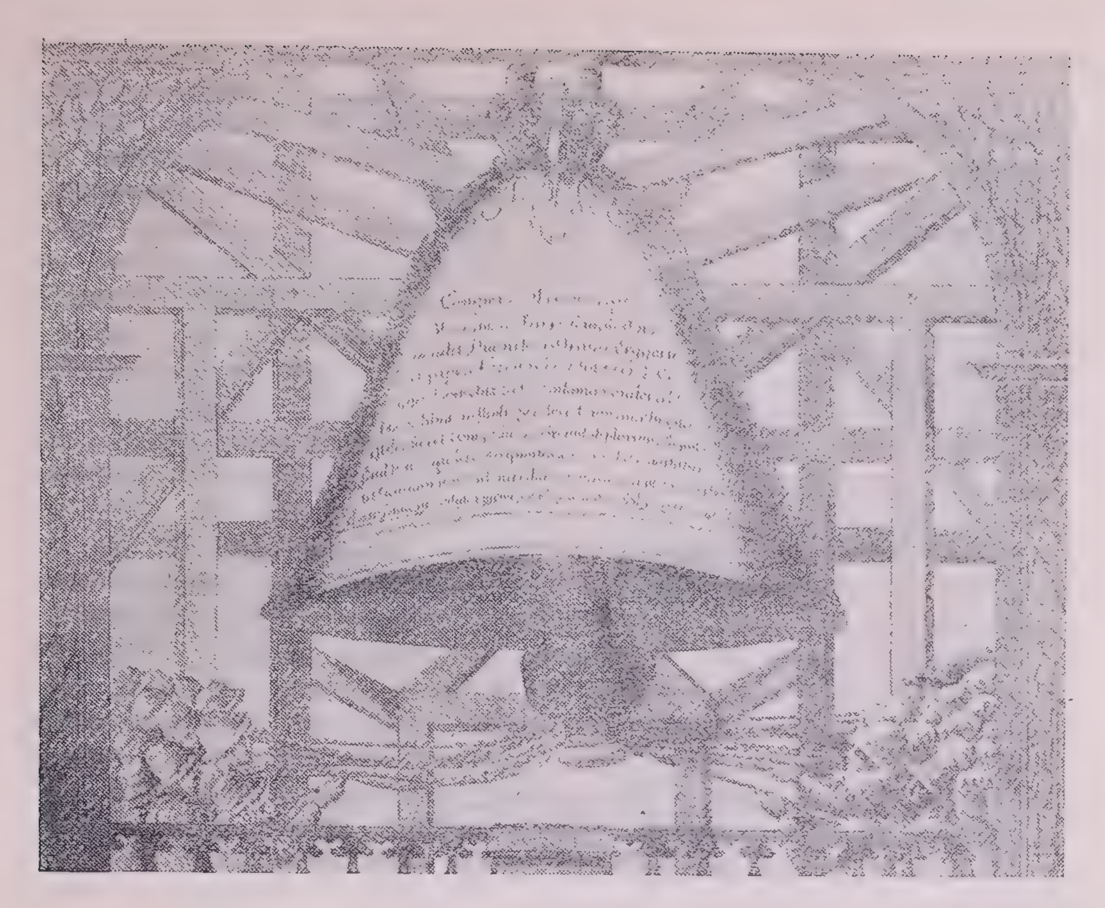


Рис. 6. Бóльшой колокол в Кремле.
Гравюра из дневника Корба 1698—1699 гг.

жен согласиться подождать и тем временем все приготовить, чтобы сообщить ему проект, который ваше величество милостиво мне прислали, принимая все предосторожности и соблюдая, насколько будет осуществимо, тайну... Царь мне строго запретил говорить об этом кому-либо из его министров»[1].

Обещанное свидание состоялось 2 февраля, накануне казней, которым была подвергнута вторая партия стрельцов после январского розыска. «Согласно своему обещанию, — пишет Гейнс королю, — царь приехал к комиссару Бутенанту 2 февраля в исходе дня (à la fin de 2 Février) в сопровождении своего первого переводчика и немногих незначительных лиц. Меня позвали. Царь сделал мне знак следовать за ним в отдельную комнату, приказал запереть двери и спросил, чтó я могу ему предложить. Я имел честь ему сказать, что его величество без сомнения припомнит, чтó он мне поручил, и что я сделал все необходимое, чтобы получить от вашего величества удовлетворяющий ответ по всем пунктам. Он спросил сначала,

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 301).

нет ли у меня всего этого на письме, чтобы ему сообщить. И так как я сам лично переписал набело проект союза, который ваше величество удостоили мне прислать, то я вынул его из кармана с заявлением, что ваше величество убеждены, что царь увидит отсюда истинные намерения и что эти намерения удостоверят его во всем том, чего можно во всякое время ждать от великого друга, брата и союзника». Вероятно, эти последние заявления Гейнса показались царю слишком многословными, так что он нетерпеливо вырвал бумагу из рук посланника. «При этом его величество царь, — продолжает Гейнс, — почти вырвал у меня из рук (проект договора), сказав, что никто в мире его не увидит, кроме него и присутствовавшего присяжного переводчика, который должен перевести его на русский язык, что это скорее его, чем мое, дело все по возможности осторожно устроить (de menager le tout au possible) и что он мне даст ответ и сообщит свои соображения через несколько дней. Я удержал у себя, государь, сепаратный и секретный параграф и открою его тогда только, когда получу положительное уверение со стороны царя, что дело одобряется, и это согласно с моими первыми инструкциями». После этого разговора Гейнс, следуя предписаниям короля, повторил «комплимент», сделанный на прошлом свидании, сказав, что король в высшей степени желает обнять царя в своих владениях и берет на себя заботу о его перевозе в Данию с наивозможнейшими удобствами. В ответ на это царь обнял Гейнса и сказал, что он также желает этого счастья, но что в настоящее время чувствует себя как бы в осаде со всех сторон, однако надо надеяться, что в будущем переезд по морю будет более свободным. Слова Гейнса, что путешествие можно было бы предпринять через Данциг или другой какой-либо порт, Петр прервал, заметив: «Не надо мечтать об этом при теперешних конъюнктурах, так как, кажется, нигде нет безопасности». «Я закончил пожеланием, — пишет Гейнс, — чтобы со временем царь нашел бо́льшие удобства на этот конец, на что он улыбнулся и обнял меня второй раз. Затем он вернулся в первую комнату, где находился генералиссимус Шеин, встретивший его на дороге. Мы с Бутенантом предложили ему и его компании несколько стаканов напитков по обычаю этой страны, и после нескольких минут беседы царь удалился, весьма милостиво уверяя меня еще раз, что это его дело сохранить все втайне и что я ничем не рискую с ним» [1].

Эти свидания царя с датским посланником, несмотря на всю тайну, которой они окружались, все же становились предметом разговоров и возбуждали зависть и интриги. Русские вельможи Л. К. Нарышкин, князь Б. А. Голицын и фаворит Лефорт были

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 304—305).

недовольны тем, что были обойдены при этих переговорах. Шведский резидент Книппер ревниво относился к тому расположению, которое царь выказывал Гейнсу, вел интриги против него, распространяя слухи о намерении Христиана V сблизиться со шведским королем, чтобы дискредитировать в глазах царя политику Дании и вселить в него подозрение к искренности датчан. Книппер старался возбудить среди бояр симпатии к Швеции, сблизился с Анной Монс и через нее стремился воздействовать на Лефорта. «Я не в состоянии выразить ревность, — пишет Гейнс, — которую эти приватные беседы с царем вызывают не только у шведского комиссара и его приверженцев, но также и у первых бояр и особенно у его превосходительства самого г. Лефорта; он меня спрашивал тоном, полным ревности, однако в конфиденциальной форме, говорил ли я с царем». Такой вопрос Лефорт предлагал дважды: у бранденбургского посланника фон Принцена и на рауте у шведского резидента Книппера. Гейнс, однако, упорно молчал, помня решительное запрещение царя вступать в переговоры с министрами [1].

Итак, после разговора 2 февраля у Петра в руках был представленный Гейнсом письменный проект союзного договора [2], пока еще без сепаратного параграфа. Царь, однако, медлил ответом; он выжидал тогда вестей от П. Б. Возницына с Карловицкого конгресса. Гейнса он вновь увидел на прощальном обеде у Лефорта, опять перед отъездом в Воронеж [3]. Он сказал посланнику, что вырабатывает ответ на его предложение, и пригласил его ехать за собой в Воронеж; там на досуге можно будет заняться переговорами. «Царь мне сказал мимоходом, — доносил об этой беседе Гейнс в депеше от 21 февраля датскому министру Иессену, — что ответ вырабатывается, и, уезжая в Воронеж, заявил мне, что ему здесь ни о чем невозможно вести переговоры вследствие множества затруднений, в которых он здесь находится, но что он надеется, — это были собственные выражения царя, — что я ему сделаю удовольствие и окажу дружбу, выражение слишком обязывающее (parole trop obligeante), если последую за ним в Воронеж; там будет более досуга обо всем со мною переговорить. Я счел, милостивый государь, своим нижайшим долгом, а также полезным для службы его величества (короля) заявить, что я вполне готов к этому, тем более что там мне будет удобнее посвятить его в содержание моих инструкций. Итак, было решено, что я поеду отсюда завтра с бранденбургским посланником, который уже получил отпускную аудиенцию, но сделает перед отъездом эту

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 305).

[2] А не «инструкции», как говорит Форстен (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 304).

[3] 19 февраля, а не 21, как у Форстена (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 306).

прогулку в Воронеж по просьбе царя, чтобы посмотреть приготовления к снаряжению значительного флота, которые, как все уверяют, невероятны (que tout le monde assure d'estre incroyables), и чтобы дать о них лучший отчет курфюрсту, его государю»[1].

VI. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ С ГЕЙНСОМ В ВОРОНЕЖЕ

Гейнс, действительно, выехал в Воронеж 22 февраля вместе с фон Принценом, с которым он старался завязать в Москве дружеские связи и о котором он наилучшим образом отзывается, не находя похвал его учтивости и порядочности («je ne scaurais d'ailleurs assez louer les civilités du dit Envoyé et il passe dans l'esprit des gens pour très honneste homme»)[2].

В Воронеж Гейнс и Принцен прибыли 28 февраля, во вторник. Царь показал им работы по постройке флота, о которых Гейнс отозвался как о превосходящих всякое воображение. Через день по приезде посланников, в четверг 2 марта вечером, Петр уже имел с Гейнсом новый секретный разговор о союзе. «Его царское величество, — пишет Гейнс королю, — призвал меня в четверг вечером в свой кабинет с наиболее доверенным переводчиком, который дан был мне в качестве пристава на все время моего пребывания в Воронеже. Он подверг рассмотрению сообщенный ему мною проект союза, достав его из своей шкатулки, ключ от которой находился только у него самого. Царь не нашел почти никаких возражений, но он полагал, что проект слишком обширен (trop ample) и что самая тесная дружба в мире могла бы быть установлена посредством письма, подписанного собственноручно обоими монархами, где содержалось бы [условие] о взаимной помощи во всех случаях (sans exception) без обозначения quis fuerit aggressor vel non. Он мне также дал понять, что выражения договора слишком общи (éstoient fort conceus in genere) и что там ничего не говорится в частности о Швеции. При этом я не мог уже долее удерживаться от сообщения ему секретного пункта, связанного с третьим параграфом союзного договора. Он остался им доволен и поручил мне изготовить через его переводчика перевод и сообщить ему завтра. Он стал опять повторять, что эта бумага слишком обширна, и сказал мне, что он не намерен сообщать что-нибудь из нее своим боярам, что он все сделает сам вместе со мною, но что изготовление формального трактата было бы для него очень затруднительно. Здесь я стал упрашивать его царское величество сообщить мне свои мысли на письме и о том, как по его мнению это может быть улажено его собственноручным письмом и взаимным письмом вашего

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 307).
[2] Там же, стр. 303.

величества [прибавив], что я ему отвечаю за секрет, что, кроме вашего величества и нескольких министров вашего совета, его письма никто не увидит и что я испрошу приказания и ответ вашего величества. Царь мне сказал, что он это сделает и что он так сделал с курфюрстом бранденбургским, о чем никто не знает и о чем он мне конфиденциально сообщил; что необходимо также привлечь (de menager aussi bien) этого курфюрста, как и короля польского, что таким манером дело (le party) будет сильнее. Я ответил, что ваше величество не уклонитесь от этого, но постараетесь привлечь курфюрста к тем же интересам. Царь просил меня затем сообщить ему содержание трактата, который имеется у вашего величества с королем польским; я счел сообразным с моими инструкциями изъявить готовность к этому и распорядился о переводе главных параграфов, могущих иметь отношение к союзу с этим двором. Но, к несчастию, на следующий день наши переговоры были прерваны неожиданно пришедшим сюда известием о смерти Лефорта». (Не о смерти, а о тяжкой болезни, что заставило, однако, Петра 4 марта выехать в Москву.) «Так как его царское величество, — продолжает Гейнс, — сказал мне, что ему будет невозможно делать что-нибудь со мною в Москве, я должен был решиться ждать его возвращения здесь, чем царь остался доволен» [1].

Из Москвы Петр вернулся 18 марта. Вслед за ним приехал боярин Ф. А. Головин, который был теперь посвящен в секрет переговоров. «Это боярин с большими заслугами, — характеризует его Гейнс, — таким его считают все в этой стране; царь ему более всего доверяет... Я думаю, что царь поручит ему вести дело переговоров со мною, чтобы дать мне какой-нибудь положительный ответ. Как только этот боярин приехал, он тотчас же посетил меня и сказал мне, что сообщит мне в иное время о делах, которые царь ему поручает. Это обычный образ действий (train) этого двора, где слишком большая поспешность может все испортить». Переговоры откладывались, конечно, потому, что результаты Карловицкого конгресса были найдены неудовлетворительными; двухлетнее перемирие с Турцией казалось недостаточным, чтобы начинать войну на севере. Петр твердо решил не начинать ее раньше, чем не заключит с Турцией прочного мира; поэтому и не было побудительных причин торопиться с северными союзами. Впрочем, Гейнс ежедневно встречался и беседовал с царем и в этих беседах мог убедиться, насколько он увлечен мыслью о том, чтобы завести флот на Балтийском море и приобрести там гавань. «Я слышал это, — пишет Гейнс, — из собственных уст царя». Эти беседы, «petits propos» по выражению Гейнса, велись, надо полагать, на работах по сооружению флота, о которых посланник сообщал, что

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 309—310).

они идут превосходно. «Корабли украшены драгоценной позолотой и великолепно экипированы (precieusement dorées et assez magnifiquement équippées) и будет как бы чудо видеть эти махины вышедшими из этих стран, дело беспримерное с тех пор, как Русь существует[1]. При всем том многого еще недостает для того, чтобы флот был в полном порядке, но и Рим не в один год выстроен, как говорил мне иной раз сам царь во время моих бесед с ним»[2].

Только 21 апреля, собираясь уже отплывать из Воронежа в Азов, Петр вернулся к проекту договора, предварительно предложив Гейнсу обсудить проект вместе с Головиным. «После многих откладываний и отсрочек, — доносил посланник об этой аудиенции королю, — мы, наконец, подошли к делу и, после того как мы с упомянутым бояриноm рассмотрели статью за статьей сообщенный мною царю по приказанию вашего величества проект союза, царь, наконец, призвал меня 21 апреля вечером в свой кабинет, где двери были заперты и присутствовали только царь, упомянутый боярин, присяжный переводчик и я. Его величество, предъявляя бумаги, которые он вновь просмотрел и которые принял на хранение по его приказанию боярин, сказал мне, что более нечего менять в статьях этого проекта и что он хорошо видит, что ваше величество приняли во внимание его, царя, интересы как свои собственные, и что он, царь, рад, что дело кончается так, как ваше величество этого желали, с одной только оговоркой, что, пока не будет по-настоящему (effectivement) заключен мир с Портою, этот трактат не может быть обращен к исполнению (sortir son effet). Я предложил, с одобрения царя, к первой секретной статье еще сепаратную и секретную статью касательно мира с турком. Царь сказал мне, что он уже думал об этом, и боярин Головин вынул из кармана бумагу, которую он составил на этот конец и которую царь приказал перевести и дать мне для сообщения вашему величеству. Царь мне сказал затем, что его твердое решение, чтобы трактат с присоединением этой статьи к сепаратной статье, касающейся выполнения союза (l'effet de l'alliance), был заключен и ратификован по его возвращении и как можно скорее. Я в свою очередь ему ответил, что я не премину испросить последние приказания о том вашего величества, но необходимо условиться, каким образом царь желает, чтобы этот трактат был ратификован; я знаю хорошо, что в России — обычай делать это с церемониями, с целованием креста и с другими подобными обрядами, но это вызовет большую молву, и, если его величество царь находит уместным подписать трактат сам, как ваше величество то́ сделаете со своей стороны, можно будет обойтись без всего осталь-

[1] «et se sera un demy miracle de voir ces machines de ces costés là comme sortants d'isy».

[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 311—312).

ного. Так как царь желал, чтобы все дело было в крайнем секрете, то это будет лучшее средство успеть в этом, и я могу его уверить от вашего величества, что все будет сохранено втайне и что будет только очень немного особ при вашем величестве, которые будут знать об этом. Царь ответил, что это необходимо и что ради этого он подпишет трактат сам, дав мне руку в том, что все, что он только что сказал, будет твердо, и поручив мне уверить ваше величество в его искренних намерениях и в его дружбе. В то же время его величество очень извинялся, что его решение так долго оттягивалось, говоря, что он имел для этого некоторые резоны, и прибавил очень обязательное заявление в следующих собственных выражениях: что́ медленно делается, то долго длится (ce que se fait lentement dure aussy longtemps). Боярин Головин, чтобы поддержать в нем его доброе настроение, предложил ему чарку восхитительного вина, которое Головину прислали в подарок из-за границы. Царь поднес ее мне за успех установления постоянной дружбы с вашим величеством, которая укреплена будет этим трактатом. В заключение было принято, что я получу ратификацию вашего величества, на которую царь готов будет по возвращении из Азова обменять свою, подписанную его собственной рукой.

Вот, государь, некоторый результат переговоров, которые вашему величеству милостивейше угодно было мне поручить, и я повергаю на ваше усмотрение, не найдете ли, ваше величество, уместным дать мне полномочие по почте или присылкой специального курьера кончить это дело по возвращении царя в Москву, которое, как уверяют, состоится в конце будущего июля или в начале августа. Почта не очень надежна, а курьер может вызвать некоторую молву; разве только ваше величество найдете какого-либо верного и уважаемого человека, который под предлогом поисков какой-либо должности в русской военной службе привезет мне от вашего величества депеши, говоря по дороге, что он только простой пассажир, и который вернется под предлогом, что не нашел себе здесь места; необходимо только снабдить его хорошими паспортами» [1].

Итак, на аудиенции 21 апреля текст союзного договора с двумя сепаратными и секретными статьями был принят, и состоялось соглашение о форме будущего окончательного его утверждения в виде обмена экземпляров, подписанных государями. По существу, следовательно, договор с Данией был заключен 21 апреля, что Петр и засвидетельствовал, подав руку Гейнсу и выпив с ним за успех дела, так что для будущего оставалась только формальная сторона. Царь сам вел все это дело с Гейнсом, только в последний момент присоединив к переговорам Ф. А. Головина. Посольский приказ — дипломатическое

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 312—315).

ведомство — оставлен был совершенно в стороне; для него происходившие переговоры должны были быть тайной. Чтобы сделать эту тайну еще непроницаемее, Петр счел нужным прибегнуть к хитрости и отклонить подозрения, которые могло возбудить в Посольском приказе долговременное пребывание в Воронеже датского посланника. «Царь дал мне понять, — продолжает Гейнс, — что для того, чтобы лучше скрыть дело, было бы недурно, если бы я ему представил другую какую-либо записку, которую можно бы было послать в канцелярию и которая не касалась бы этого секретного союза... Я согласился и сообщил, что имею еще одно важное дело, которое ваше величество мне поручили касательно границ в Лапландии, а также торговли и рыбной ловли в Коле и которое я также надеюсь иметь счастье кончить с министрами, каких царю угодно будет назначить для этой цели. Царь остался этим очень доволен и поручил мне доставить записку по этому предмету, что́ я и сделал» [1].

Посмотрим теперь на содержание этого договора с Данией, текст которого был предложен датским правительством, переведен на русский язык и в окончательной форме принят на аудиенции 21 апреля в Воронеже. Петр верно отзывался о нем, как о слишком многословном (trop ample); действительно, трудно было бы облечь очень простое содержание в более пространную словесную форму. Он состоит из одиннадцати основных и открытых статей, составляющих «главный трактат» (Haupttractat), и двух сепаратных и тайных статей, приложенных к главному. В главном трактате, следуя порядку статей, говорится, что этим трактатом не только обновляются, подтверждаются и укрепляются прежние договоры, но и вновь устанавливается союз в таком смысле, чтобы заключающим договор государям друг другу верно радеть и помогать, а всякий убыток и урон отвращать и остерегать. В союз включаются все принадлежащие каждому из государей земли и все те, которые впредь принадлежать будут. Эта статья относилась, разумеется, не столько к России, совершенно уже объединенной под единодержавием московского государя, сколько к Дании, которая все еще представляла собой некоторый феодальный комплекс мелких и мельчайших государственных единиц. Великий князь владимирский или тверской в титуле московского государя были уже не более, как историческими воспоминаниями, тогда как наименования: король норвежский, герцог шлезвигский и голштинский, стормарнский и дитмарсенский и граф ольденбургский в титуле датского короля были еще обозначениями существующей действительности: эти отдельные земли

[1] Это мемориал, датированный 22 апреля 1699 г. в Воронеже, см. Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1699 г., № 1, л. 1.

были еще особыми политическими единицами, каждая со своими особыми правами.

Наиболее существенное значение из открытых статей имела третья, развивающая подробнее то определение союза, о котором сказано в первой. Третья статья гласит, что в случае нападения с чьей-либо стороны на одно из договаривающихся государств, другое — через три месяца по получении об этом уведомления должно притти на помощь и разорвать мир с нападающим. Четвертая и пятая статьи вносят некоторые оговорки относительно этой помощи, именно: помогающая сторона в течение указанных трех месяцев, прежде чем объявлять войну напавшему, может сделать попытку воздействовать на напавшего какими-либо мирными средствами, например через отправку к нему посольства, или как-нибудь иначе; но если эта мирная попытка в течение трех месяцев не удастся, тогда союзная сторона должна оказать потерпевшей стороне военную помощь, причем эта военная помощь оказывается безвозмездно (ст. 5). Следующие пять статей (6—10) касаются деталей союза; государи обязываются: сообщать друг другу обо всем, что будет к пользе каждого; не заключать каких-либо договоров с посторонними государями, вредных союзу; пригласить к союзу и короля польского; впоследствии приступить к заключению торгового договора. Союз не прерывается смертью одного из государей; в мирное время в таком случае договор обновляется, во время же войны наследник умершего государя исполняет договор без его обновления. Последняя, 11-я, статья главного трактата говорит о подписании трактата собственной рукой каждого государя и о размене экземпляров его в Москве. Главный трактат заканчивается формулой обещания как от самого государя, подписывающего трактат, так и за его наследников верно соблюдать союз «во всех статьях, пунктах, определениях и содержаниях» и т. д.

Из двух сепаратных статей в первой говорится, что так как договаривающиеся государства находятся одно от другого в дальнем расстоянии, а особливо так как «его царское величество ныне никакого пристанища на Балтийском море не имеет» и вследствие этого непосредственное соединение вооруженных сил союзников невозможно, то поэтому помогающая сторона должна действовать вооруженной силой против «нападателя и оскорбителя вблизи во отстоющих местах», т. е. вблизи, где удобно, от своих границ. Во второй сепаратной статье говорится, что царь будет приводить договор в исполнение только по заключении постоянного мира с Турцией. Эти сепаратные статьи заканчиваются такой же ратификационной формулой обещания, как и главный трактат, предшествующий подписи и печати государей [1].

---

[1] П. и Б., т. I, № 279.

Таково в возможно кратких словах содержание договора. Как видим, о Швеции и в нем ни слова не говорится; но, конечно, эта держава разумеется в нем в качестве «нападателя и оскорбителя», против которого союзники должны совместно действовать и против которого в частности Петр должен был начать действовать поблизости от своих границ.

VII. ОТПРАВЛЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА В ГОЛЛАНДИЮ

Ведя переговоры о союзе с Данией и подготовляя отправление посольства Украинцева в Константинополь, Петр одновременно с этим давал там же в Воронеже указы о снаряжении посольства в Голландию. Отправление посольства в Голландию вызывалось тем соображением, что Голландские Штаты могут оказать содействие мирным переговорам с турками в Константинополе. Припомним, что голландский посол в Константинополе Колерс был вместе с английским послом лордом Пэджетом посредником на Карловицком конгрессе; роль посредника он мог продолжать теперь в Константинополе при том завершении Карловицких переговоров, к какому должна была привести миссия Украинцева, имевшая целью обратить заключенное в Карловице двухлетнее перемирие в вечный мир. Вот почему и важно было заручиться содействием Штатов, тем более, что их содействие было в то же время и содействием Англии, с которой Штаты были тогда в теснейшем союзе и с которой были связаны личной унией (Вильгельм III был одновременно королем Англии и штатгальтером Голландии). Надо думать, что имелось также в виду привлечь обе эти державы на свою сторону в предстоявшей войне со Швецией или, по крайней мере, отвлечь их от Швеции.

В назначении посольства в Голландию, как и в ведении переговоров с датским посланником и в приготовлениях посольства Украинцева в Константинополь, Петр проявляет большую личную инициативу, сам отдает распоряжения, которые облекаются в форму именных указов за скрепою думного дьяка Н. М. Зотова, начальника его походной канцелярии, и идут в Москву по соответствующим приказам. Послом по личному, конечно, выбору царя был назначен один из самых близких к нему людей, ближний окольничий Андрей Артамонович Матвеев, находившийся тогда при царе в Воронеже. Указ о назначении был ему «сказан в самый светлый праздник» — 9 апреля, причем «сказывал ему тот его царского величества указ думный дьяк Никита Зотов» [1]. Затем последовал ряд именных указов, касавшихся

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 2. «Книга, содержащая в себе статейный список ближнего окольничего Андрея Матвеева». Статейный список за собственноручной его скрепой по листам был им подан уже только в 1728 г.

организации посольства: 16 апреля о назначении Матвееву жалованья на первый год по 16 апреля 1700 г. — 2 500 рублей, на следующие годы по 2 000 рублей на год [1]; 20 апреля установлен был наместнический титул посла (как известно, московские послы за границей титуловались наместниками разных городов). Петру в этот день доложена была для выбора роспись свободных наместничеств: «А ныне порозжие наместничества, и никто ими не пишется»: Смоленское, Ярославское, Обдорское, Суздальское и Муромское с указаниями, кто за последние годы титуловался этими наместничествами. Царь выбрал для Матвеева титул наместника Ярославского [2].

К 27 апреля, ко дню отъезда Петра в Воронеж, установлен был личный состав посольства. С ближним окольничим Матвеевым отправлялся дьяк Посольского приказа Иван Волков, семеро стольников в качестве посольских дворян [3], переводчик Петр Вульф и трое подьячих: старый — Малороссийского приказа Петр Курбатов и двое молодых Посольского приказа: Михаил Аврамов и Лука Мозалевский. Позднейшими распоряжениями из Азова, переданными в Москву бояриным Ф. А. Головиным, к составу посольства были присоединены еще лекарь Аптекарской палаты иноземец Болдуин Эндрюс и священник дворцовой церкви св. Екатерины, «что в верху», Христофор Ростовецкий, человек, близкий к Иоанну Поборскому, ездившему за границу с великим посольством в 1697—1698 гг. и, вероятно, назначенный по его рекомендации [4]. 27 апреля Матвееву выданы были в Воронеже: посольский наказ за приписью находившегося тогда там Е. И. Украинцева, государева грамота к Голландским Штатам, верющая и проезжая грамоты. Этот наказ был открытый, формальный, касавшийся лишь разного рода посольских церемоний; кроме него Матвееву вручен был еще тайный наказ, которым определялось существо его посольства: «А для каких дел они, послы, к Галанским Ста-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 2, л. 22.

[2] На докладной выписке по этому делу помета Н. М. Зотова: «207-го апреля в 20 день великий государь (т.) указал ближнему окольничему Андрею Артемоновичу Матвееву, будучи в Галанской земле звычайным послом, в пересыльных своих листех, х кому прилучитца писать о его, в. г., делех, писатца наместником ярославским. И то наместничество ему вписать в посольской наказ; а сей его, великого государя, указ записать в Посолском приказе в книгу. Думной дьяк Зотов» (Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 11, л. 7—8).

[3] Лука Степанов Чириков, Алексей Иванов Дашков, Александр Дмитриев Лихарев, Савва Алексеев Лутохин, Алексей Иванов Ильин, Афанасий Ильин Казимеров, Иван Степанов Неелов (Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 2, л. 3. — Статейный список посольства). В первоначальном списке стольников упоминается еще восьмой — Борис Иванов Неронов (Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 2, л. 1), но в Статейном списке его нет.

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 2, л. 51—53, 90, 139—141.

том посланы и для чего им в Галанской земле жить велено, и о том о всем дан им великого государя тайной наказ»[1].

В летние месяцы 1699 г. в Москве между Посольским и другими приказами шла обычная переписка по делу о снаряжении и отправке посольства: велись сношения с Разрядом о личном составе посольства, о присылке в Посольский приказ назначенных в состав посольства дворян; с Большой казной — о выдаче посольскому персоналу жалования; с Сибирским — о присылке для посольства на триста рублей собольих мехов; с Большим дворцом — о снабжении посольства съестными припасами и напитками на дорогу; с Ямским приказом — о подводах. И по отъезде из Воронежа в Азов Петр не переставал лично следить за сборами посольства и время от времени вмешивался в это дело, действуя именными указами, скрепленными Зотовым, или распоряжениями, отдаваемыми через Головина и Украинцева. Так, по его именному указу с послами была отпущена из Оружейной палаты походная церковь: «Церковь камчатая со всеми надлежащими утварьми»[2]. Заслуживает быть приведенным здесь его именной указ, свидетельствующий о готовности Петра итти навстречу всякому желанию русских людей обучаться за границей. Два сына отправляемого с Матвеевым дьяка Посольского приказа Ивана Волкова, Борис и Петр, надо думать, по ходатайству отца, были причислены к посольству в качестве посольских дворян сверх прежних семи с тем, чтобы за границей им обучаться языкам и наукам. «207-го июня в 26 день [в Азове] великий государь (т.) указал по своему, великого государя, именному указу дьяка Ивановым детям Волкова Борису да Петру в нынешнем посольстве в Га-

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 2, л. 1—18, 35: Список с грамоты к Голландским Штатам («Таков список з грамоты прислал в Посолской приказ околничей Андрей Артемонович Матвеев. А дана ему запечатана и писана на Воронеже»). Там же, № 11, л. 9—11: отпуск верющей грамоты, датировано Москвою 27 апреля 7207 года; л. 12—15: отпуск проезжей грамоты; л. 16—28: отпуск открытого наказа; на л. 28 отметка: «Таков наказ ближнему околничему Андрею Артемоновичу Матвееву дан на Воронеже за приписью думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева в том же вышеписанном числе», которым начинается наказ, т. е. «Лета 7207-го апреля в 27 день». Ср. Статейный список Матвеева, Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 2, л. 3 об. — 4: «Наказ дан ему, послу, на Воронеже за приписью думного дьяка Емельяна Украинцева, а велено ему ж, будучи на посолстве том, все чинить по тайному наказу, данному ему, послу, особливо из кабинета его царского величества и по полномочной грамоте за большою государственною печатью. С ним же, послом, к вышепомянутым Генеральным Статам послана его царского величества грамота за вышеписанною государственною печатью. Ему ж, послу, на то вышепомянутое посолство из государственного ж Посолского приказу дана его царского величества верющая грамота с полною в тех делех мочью за большою государственною отворчатою печатью. Для вольного и безопасного по городам и государствам проезду его царского величества проезжая грамота дана ему ж, послу, за отворчатою такою ж печатью». Тайный наказ Матвееву не разыскан.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 2, л. 4.

ланской земле с окольничим Андреем Артемоновичем Матвеевым быть во дворянех. И будучи при том посольстве, учитца им неотложно, где пристойно, с великим прилежанием латинского и немецкого и иных языков и наук. А для того научения свое великого [государя] [1] жалованья им ныне дать и впредь давать в равенстве с дворяны, которые при том же посольстве с окольничим Андреем Артемоновичем будут. И сей свой, великого государя, указ в Посолском приказе записать в книгу. Думной дьяк Никита Зотов» [2].

Несмотря на близость Матвеева к Петру и на личное участие царя в деле о снаряжении посольства в Голландию, приказная машина в Москве работала по обыкновению медленно, с задержками и взаимным сваливанием вины в этой задержке одними приказами на другие. Перед самым отъездом посольства, в начале августа 1699 г., начальник Большой казны князь П. И. Прозоровский отказал посольству в выдаче прогонных денег, которые оно рассчитывало получить из этого приказа, так что Матвеев принужден был обратиться с жалобой к начальнику Посольского приказа Льву Кирилловичу Нарышкину и просить его содействия. «Премилостивой батко и государь мой Лев Кириловичь, — писал он ему в письме, — выну (sic) радостно о господе здраствуй. Горько слезную мою просьбу к тебе, государю моему, доношу и самую остановку надлежащего мне в предприятый путь мой объявляю дела. Продержав меня, князь Петр Иванович Прозоровской до сих часов по памяти из Посолского приказу в прогонных всех денгах отказал и память с отповедью из приказу Болшие казны в Посолской приказ велел послать, что никому посолским персонам из того приказу не давано, а всегда даваны из того приказу, откуду посылка, и прежде бывшим послом даны из Посолского приказу, также и господину Украинцеву, а не из Болшие казны прогоны. А ныне, премилостивой государь мой, сугубые из того напасти спеют: первое, от того неотпуска своего государева гневу опасен, а я не за свою волю коснею; второе, и время летнее тратится, чтоб не испустить его и горших убытков, паче же самого безпутства (т. е. порчи дорог) не принять и бедства. Сотвори, премилосердый государь мой, милость последнюю со мною, рабом своим, и не отпусти меня в таковой дальний путь с горестию и слезами от милости своей. Прикажи из каких возможно доходов те прогоны выдать из Посолского или из Новгородского приказов без задержания и указ свой с подкреплением к дьяком послать, потому что и так они, один на одного перепираяся, и по се число во всем том задержание в настоящее мое дело чинили, чтоб, премилостивой государь мой, вы-

---

[1] Слово «государя» в подлинном указе пропущено.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 2, л. 59—63, Ср. «О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в.» (Чтения Общества Истории и Древностей Российских, 1907. № 1, стр. 237—241).

бресть мне при помощи господни безотложно завтрашнего дни впредь приспетой тот путь мой. И чтоб те прогоны по прежнему указу твоему, государя моего, и милостивому твоему слову в оба пути были выданы; если ныне мне по твоей, государя моего, милости при себе не выходить, впредь чрез писма свои получить будет зело трудно. Также и тем не повели впредь в сем мною образца учинить.

К сему милости прошу к Кирилу Алексеевичу [Нарышкину [1]] о милостивом писании о себе. Вечный раб твой, яко на сущее лице зря твое, государя моего, премилостивое ко мне, Андрюшка Матвеев лицеземно челом бью» [2].

Это письмо Матвеева Л. К. Нарышкин препроводил в Посольский приказ со своей резолюцией к дьякам: «выдайте, дабы тем не задержан был, а сие письмо привези ко мне. Л. Н. (т. е. Лев Нарышкин) поклон». На снятой в Посольском приказе копии письма помета: «Прислал сие письмо ближний боярин Лев Кириллович Нарышкин августа в 4 день и по сему письму тем послом всем прогонные деньги даны из Володимерского приказу (из Владимирской чети) из четвертных доходов». Посольство тронулось в путь из Москвы 6 августа [3].

---

[1] Ближний кравчий К. А. Нарышкин — псковский воевода. (Путь Матвеева лежал через Псков.)

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 2, л. 88—89.

[3] Арх. мин. ин дел, Дела голландские 1700 г., № 2, л. 5.

КЕРЧЕНСКИЙ ПОХОД

VIII. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПОХОДУ

Еще во время пребывания Петра в Амстердаме разрабатывался план морского похода против турок; для этой цели и строился воронежский флот. Разрабатывались технические подробности плана: были, например, сделаны вычисления, сколько понадобится разного рода провианта на 20 000 человек в течение года [1], и отдавались распоряжения о заготовке такого провианта. Однако с заключением Карловицкого перемирия этот план отпадал, и флот, служа в дальнейшем угрозой Турции и оказывая свое влияние на ход будущих дипломатических переговоров, должен был все же в ближайшее время оставаться в бездействии. Вопрос об этих дипломатических переговорах занимал в то время значительную долю внимания Петра. Предстояло краткосрочное двухлетнее перемирие превратить или в вечный мир или, по крайней мере, в длительное перемирие. Решая этот вопрос, Петр послушался советов, данных ему в письмах Возницына с Карловицкого конгресса: переговоры вести в Константинополе и отправить туда ради этой цели незнатного, но умного человека [2]. Выбор его пал на заведывавшего Посольским приказом думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, который как нельзя более удовлетворял обоим поставленным Возницыным условиям: был человек незнатный, из простых провинциальных служилых людей, но умный делец,

---

[1] *Елагин,* История русского флота, приложение IV, № 10. (Письмо Ф. А. Головина к Т. Н. Стрешневу из Амстердама.)

[2] См. т. III настоящего издания, стр. 453.

в десятилетнем управлении Посольским приказом приобревший значительный опыт в дипломатических делах. Может быть, в связь с проектом назначения Украинцева послом в Константинополь следует ставить известие Корба в его дневнике под 12 марта: «У думного посольской канцелярии Емельяна Игнатьевича Украинцева отнята почти всякая власть по его должности и временно поручена мнимому патриарху Никите Моисеевичу (Зотову)»[1]. По официальным документам Е. И. Украинцев во второй половине марта продолжает стоять во главе Посольского приказа. Возможно, что известию Корба следует давать такое объяснение: Н. М. Зотов в походах Петра в Воронеж заведывал походной канцелярией при государе и был докладчиком по иностранным делам, бумаги по которым составляли значительную часть делопроизводства этой канцелярии. Так как с отъездом Петра в Воронеж центр тяжести дипломатических дел переносился туда же, то естественно, что канцелярия при царе получала перевес над Посольским приказом и Н. М. Зотов получал преимущество перед Е. И. Украинцевым. Возможно и то, что в этот приезд Петра в Москву на похороны Лефорта стали уже говорить о предстоящем назначении Украинцева, что и подало повод Корбу записать приведенное известие. Указ о назначении Украинцева был дан в Воронеже 2 апреля в Вербное воскресенье. «207 году апреля во 2 день, — записано в Дворцовых разрядах, — великий государь указал по именному своему, великого государя, указу и по письму с Воронежа быть в Цареграде у султана Турецкого чрезвычайным посланником думному дьяку Е. И. Украинцеву и с Москвы ехать ему на Воронеж без мотчанья. А с ним быть во дворянех, кто с ним похотят, да из Посольского приказу подьячим старому да молодым, сколько пристойно. Сесь великого государя указ послан к Москве с Воронежа через почту вышеписанного апреля 2 числа, а на Москве подан и ему, думному дьяку, о том сказано апреля ж 6 числа»[2]. Вероятно, к этому дню надо приурочивать короткую записку Петра к Т. Н. Стрешневу, гласящую: «Князь Борису Ивановичу Прозоровскому и Емельяну Украинцову объяви указ, чтоб они немедленно сюда были и взяли с собою трех или четырех человек подьячих»[3].

С отменой морского похода против Турции мысль о выходе флота в Черное море из сознания Петра не исчезла; она теперь соединилась с мыслью об отправлении Украинцева в Константинополь, и отсюда возник план отправить посланника непременно на военном корабле, с тем чтобы флот проводил его до первого лежавшего на пути турецкого города — Керчи.

---

[1] *Корб*, Дневник, стр. 138.

[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1096—1097; ср. Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 1.

[3] П. и Б., т. I, № 266.

К осуществлению этого плана делались приготовления во вторую половину марта и в апреле. Снаряжались суда флота. К плаванию предназначено было двенадцать кораблей, из них пять должны были двинуться из Воронежа; это были корабли: «Отворенные врата», «Меркурий», «Сила» и «Цвет войны», выстроенные кумпанствами князя Прозоровского, князя Львова, князя М. Черкасского и князя Троекурова, и один бомбардирский корабль «Миротворец», построенный гостиным кумпанством. Остальные семь кораблей должны были отправиться к Азову с мест своей постройки: с Хопра и из городка Паншина. Вместе с этими крупными морскими единицами в состав приготовлявшейся к плаванию эскадры включались еще суда легкого типа: 4 галеры, построенные духовными кумпанствами, а также 13 бригантин и 11 галиотов, представлявших собою гребные суда, приспособленные к плаванию по мелким водам [1].

Для перевозки грузов до Азова служили речные суда — струги, обслуживавшие транспорт по Дону еще и до Петра. Струги в числе 117 составляли как бы обоз эскадры; часть их была нагружена перевозившимися в Азов предметами морского снаряжения, часть отдана дворцовому ведомству под дворцовое имущество и запасы; наконец, часть роздана была под багаж и запасы сопровождающим царя лицам. Сохранилась ведомость об этой раздаче стругов, и из нее видно, как устроено было дворцовое хозяйство в походе Петра. Как будто отдельные кремлевские хозяйственные «дворцы», эти отделения приказа Большого дворца, были перенесены теперь на воду и должны были плыть с царем из Воронежа в Азов. Так в этой ведомости значатся струги, отданные «на Хлебенной дворец под уголья и под дрова», «струг прорезной», отданный подключнику Кормового дворца «под живую рыбу», струг, отданный подключнику Сытенного дворца, струг «под дворец для поклажи льду», струг, предоставленный конюшенному ведомству «под кони государевы», два струга крытых под аптеку. Один из стругов был выдан Петру в его личное пользование, что видно из записи: «апреля в 21 день отдан струг крытый капитану Петру Михайлову, а росписался в том струге Преображенского полку капрал Иван Тельной» [2]. Из той же ведомости по записям о стругах, розданных сопровождавшим царя лицам, виден состав этих лиц: бояре — князь Б. А. Голицын, князь Я. Ф. Долгорукий, Т. Н. Стрешнев, князь Ю. С. Урусов, князь М. Н. Львов, командовавший Преображенским и Семеновским полками генерал А. М. Головин, окольничий князь Ю. Ф. Щербатый, ближние стольники — князь Ф. Ю. Ромодановский, И. И. Бутурлин, постельничий Г. И. Головкин, фаворит А. Д. Меншиков,

[1] *Елагин,* ук. соч., стр. 127. Елагин почему-то говорит об 11 кораблях; но затем, приводя их названия, указывает 5 отправившихся из Воронежа и 7 с Хопра и из Паншина (там же, стр. 129).

[2] *Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 21а.

именитый человек Г. Д. Строганов. Командование двигавшейся к Азову эскадрой было сформировано следующим образом: во главе всех морских сил был поставлен в звании адмирала или генерал-адмирала Ф. А. Головин [1]. Дипломат, автор Нерчинского договора, великий посол в 1697—1698 гг. Ф. А. Головин в морских делах был, вероятно, столь же компетентен, как и предшественник его по адмиральскому званию Лефорт: проплыть небольшое расстояние во время великого посольства по Балтийскому морю и переплыть дважды пролив между Голландией и Англией и в обоих случаях в качестве пассажира — не значило еще приобрести необходимый морской стаж для занятия высшей должности во флоте. Очевидно, занимая эту должность, Головин был только парадной фигурой, за которой прятался сам Петр, избегавший всегда первой роли и предпочитавший развивать энергию и распоряжаться, прикрываясь именем другого. Генерал-адмирал Ф. А. Головин в азовском походе 1699 г. имел то же значение, которое в походе 1696 г. имел генералиссимус А. С. Шеин. Второе место в командовании флотом занимал нанятый в предыдущем году в Голландии опытный моряк капитан Крюйс, получивший от Петра звание вице-адмирала. Контр-адмиралом или, по-тогдашнему, шаутбейнахтом был также нанятый в Голландии фон Рез. Отдельными кораблями командовали капитаны и комендоры, все иностранцы; исключение составлял капитан Петр Михайлов — сам царь. Экипаж флота составили нанятые за границей матросы, а также солдаты Преображенского и Семеновского полков и раньше, в 1696 г., несшие морскую службу на галерах. Этих солдат числилось 2 684 человека. В состав экипажа вошли также и стольники, посылавшиеся за границу в 1697 г. для обучения морскому делу и в марте, как мы видели, вызванные Петром в Воронеж [2].

6 апреля, в четверг на страстной неделе, Петр писал в Москву Адаму Вейде. Из ответа Вейде видно, что царь поздравлял его в этом письме с наступающим праздником пасхи, бывшим в тот год 9 апреля. Вейде, очевидно, намекая на предстоящий морской поход, высказывал царю надежду, что господь бог «управит путь его сохранно и даст всему ему намерению доброе и радостное исполнение» [3]. 21 апреля прибыл в Воронеж думный дьяк Е. И. Украинцев с частью формируемого для отправки в Константинополь посольства. В тот же день он был принят царем: «великого государя, его царского величества, пресветлые очи видел и у его государской руки был того ж числа», как он записал в Статейном списке своего

---

[1] Ф. А. Головин впервые стал носить звание генерал-адмирала. Лефорт, как припомним, носил два отдельных звания: генерала (по командованию сухопутным полком) и адмирала (по командованию флотом).

[2] *Елагин,* ук. соч., стр. 127—128.

[3] П. и Б., т. I, стр. 767.

посольства[1]. 25 апреля, как сообщает вице-адмирал Крюйс в журнале, веденном им во время этого похода, царь приказал ему произвести ученье всем русским дворянам, которые обучались за границей морскому делу. Эти дворяне, пишет Крюйс, «все экзерциции на корабле учинили, сколько на якоре стоя то исполнить можно, которые к великому удовольствию его величества и всех бояр и отправлены»[2].

Приготовляясь к отплытию эскадры из Воронежа, Петр сам составил инструкцию о порядке ее движения. «Указы и разделение, — пишет Крюйс в дневнике, — как каждой части по дороге к Азову себя держать надлежало, изволил его величество сам сочинять и всем офицерам раздать». Это, вероятно, та инструкция о сигналах, которая была тогда собственноручно Петром написана под заглавием: «Нужные сигналы, которыя надлежатъ в семъ походѣ по Дону». Инструкция предписывает судам не отставать от командирского корабля под угрозой штрафа, предусматривает случай аварии в виде повреждения судна или посадки его на мель и устанавливает сигналы в этих случаях; далее устанавливает сигналы для поднятия и для бросания якоря, для приставания к берегу, для сбора офицеров на командирский корабль и для приготовления к бою[3].

IX. ПУТЬ ОТ ВОРОНЕЖА ДО АЗОВА

27 апреля, в четверг, перед отъездом из Воронежа Петр принимал доклад Е. И. Украинцева и отдал ему некоторые распоряжения, касавшиеся состава посольства[4]; вероятно, в связи с этим докладом посланы были к турецкому султану и крымскому хану царские грамоты с уведомлением об отправлении чрезвычайного посланника[5]. В тот же день двинулась в путь эскадра. «И были на Воронеже, — читаем в «Юрнале», — апреля до 27 числа. А в 27 день с Воронежа пошли в Азов 4 галеры, кораблей также несколько, брегантиров и

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 5 об.

[2] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 370).

[3] Там же, стр. 370; П. и Б., т. I, № 268.

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 23 и 24; именные указы, закрепленные Е. И. Украинцевым: а) о выдаче жалованья Василию Родионову Комову для посылки его с посольством в дворянах; б) о посылке в дворянах и в толмачах турецкого языка Василия Александрова Даудова, которого для этой цели велено было вызвать из Москвы. Тем же днем помечены акты, касавшиеся отправления посольства в Голландию: наказ А. А. Матвееву, его кредитивная и верющая грамоты. См. выше, стр. 43.

[5] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 6. Грамоты отправлены через гетмана Мазепу.

галиотов, то есть в четверток. И вышед с Воронежа стояли на устье реки Воронежа до 30 числа; и с 30 числа, то есть в неделю, пошли в путь»[1]. Плавание по Дону продолжалось более трех недель. 1 мая были в городе Костенске, где остановились на двое суток. 4 мая миновали город Урыв; к вечеру подошли к Коротояку. Здесь ожидал Петра князь Б. А. Голицын, угостивший его и свиту обедом. «Прибыли... к последнему российскому городу Коротояку, — записано в журнале Крюйса, — где князь Б. А. [Голицын], государственный гофмейстер, на своих судах его величество ожидал. Коль скоро под город подошли, была пальба из всех пушек и мушкетов, на что потом от его величества со имеющих при себе кораблей и галер ответствовано. Его величество и знатнейших господ просил к себе на обед князь Борис Алексеевич. Потом его величество смотрел кораблей, которые там строены, к великому удовольствованию». В Коротояке строился кумпанством князя Я. Ф. Долгорукого корабль «Еж», который и был осмотрен царем[2]. 5 мая двинулись в дальнейший путь. 6-го, по свидетельству Крюйса, были в Дивногорском монастыре. «Монастырь, — пишет Крюйс, — в мелной (т. е. меловой) горе длиною 400 футов высечен и 9 футов шириною, стоя на своих натуральных столбах, в нем хитростно высеченных, в котором изрядная церковь есть с покоями принадлежащими. Недалеко от того стоит деревянная каплица, в которой монахи зимою службу божию отправляют. Сии люди живут зело благоговейно и не едят ничего кроме рыбы. Его величество изволил со всеми при себе имеющими господами там кушать; в которое время немалая пушечная пальба с кораблей была. Но каждый раз монахи уклонялися и затыкали руками свои уши. Отзыв пушечной стрельбы в высокой горе толь наижесточае. Между тем играли на трубах и били в литавры не мало. Сие было впервые, что сие изрядное увеселительное место, которое по справедливости назвать *парадижем* Российской земли и которое всем к человеческому пропитанию преисполнено, такою великою *магнифициенциею* почтено было... По окончании обеда дан сигнал к походу»[3].

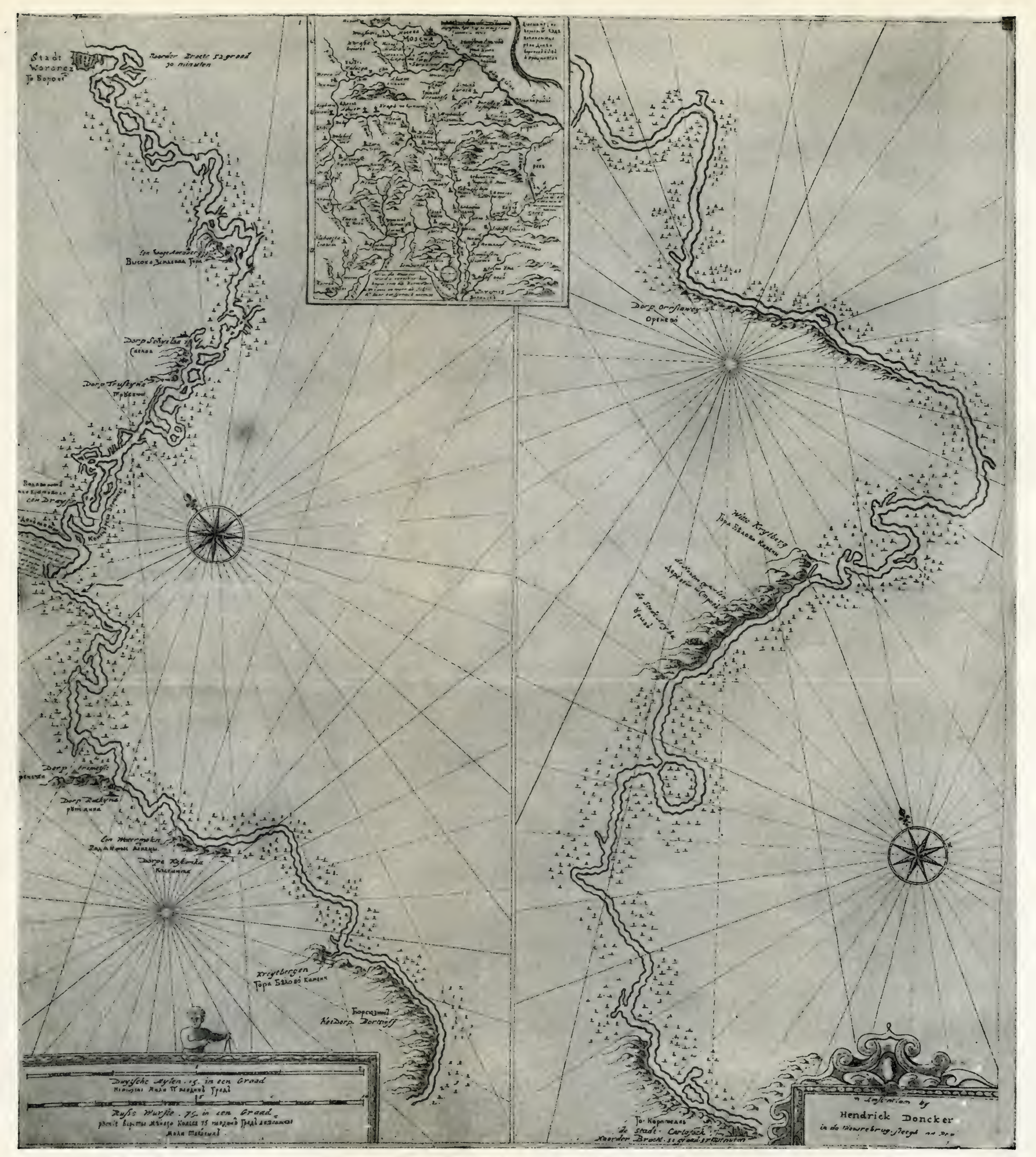
В воскресенье 7 мая миновали устья рек Битюга и Калитвы. 8-го к вечеру подошли к городку Донцу. Отсюда на другой день, 9 мая, Петр писал в Москву Кревету: «Min Her. Письма всякие, которые остались после Яна Деня корабельного дела и ныне у вас обретаются, прошу, чтоб на руской язык переведены были, в чем не сумневаюсь. Piter. З Донецкова, маия

---

[1] «Юрнал 207-го и 208-го годов», стр. 1.

[2] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 370—371); *Елагин*, ук. соч., стр. 128.

[3] «Юрнал», стр. 2—3; «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 371—372).



Карта течения реки Дона (из атласа К. Крюйса)

9 den 1699»[1]. Письмо это показывает интерес Петра к бумагам скончавшегося недавно любимого корабельного мастера. 9 же мая пошли из Донца в дальнейший путь. «Отсель пошли (далее), — записывает «Юрнал», — пред вечером проехали город Караку на правой стороне, проехали ж город Микулин, в ночи проехали Тишанку на левой стороне, в ночи проехали Решетов на левой стороне». 10 мая проплыли мимо города Вешки и устья реки Хопра, где расположен городок Усть-Хопер; строившиеся здесь кумпанствами князя Б. А. Голицына, князя Ф. Ю. Ромодановского и стольника Ивана Большого Дашкова три корабля: «Безбоязнь», «Благое Начало» и «Соединение» ушли уже ранее к Азову[2]. Перед утром миновали реку Медведицу, впадающую в Дон с левой стороны. 11 мая проплыли мимо городков Распопина, Клецкого и Перекопского, где стояли ночь. Двинувшись утром, прошли городки Григорьевский, Сиротин и подошли к Иловле, где ночевали. 13-го отправились в путь перед полуднем и прибыли к городку Паншину, где сделали остановку до 16-го. В Паншине выстроены были кумпанством Л. К. Нарышкина и тремя кумпанствами именитого человека Строганова четыре барбарских корабля: «Крепость», «Скорпион», «Флаг» и «Звезда», отправившиеся в Азов еще до прибытия Петра в этот город[3]. Здесь велись переговоры между донскими казаками и калмыками, собравшимися под Паншином на противоположных берегах Дона. Казаки в числе от 12 000 до 13 000 стояли на правом, а калмыки в числе 15 000 на левом берегу. Этими переговорами объясняется и остановка под Паншином на три дня. Кроме того Петр поджидал прибытия вице-адмирала, который подошел к Паншину только 15 мая утром в 9-м часу. «Прибыли к казацкому городу Паншину, — пишет Крюйс, — где его величество указал, чтоб флот якорь бросил, чтоб толь больше пространности иметь (?). И поставлены были палатки на берегу. Князь Б. А. Голицын трактовал того дни его величество со всеми при нем бывшими господами и офицерами». Крюйс далее рассказывает о следующем происшедшем за обедом эпизоде: «И между тем как обед приуготовлялся, пришел его величество к вице-адмиралу на берег против его галеры, который со всеми своими столовыми гостьми черепахи вскрывал. Его величество спросил: для чего то делается? Вице-адмирал ответствовал, что из них фрикасею еще за обедом кушать. И приказал тотчас и для его величества целое блюдо изготовить, что немедленно и исполнено. И так чинно приуготовлено было, что и молодым цыплятам трех месяцев уступить не имело. Его величество изволил то кушать со изрядным аппетитом, також и все

[1] П. и Б., т. I, № 269. (Получено в Москве 24 мая).
[2] *Елагин,* ук. соч., примечание 50.
[3] «Юрнал», стр. 3; *Елагин,* ук. соч. Список судов Азовского флота (стр. 18—21).

господа, за столом сидящие, и все чаяли, что молодые цыплята. И как блюдо опорознилось, тогда принесено было большое деревянное блюдо, на котором все черепаховые раковины лежали, и казали господам перья тех цыплят, о чем между знатнейшими немалой смех причинился, и были все довольны. Но фейтгер Алексей Семенович Шеин и Алексей Петрович Салтыков, которые с блюда наибольше черпали, принуждены были свой принятой груз тотчас паки назад испустить к неменьшему смеху прежнего»[1].

16 мая в полдень переговоры между казаками и калмыками были закончены соглашением, в котором принимали участие А. С. Шеин и князь Б. А. Голицын. «В полдень, — пишет Крюйс, — учинен аккорд, а пополудни подняли якори и шли всем флотом между сими двумя лагерями, играли на трубах и били в литавры. Его величество изволил подарить вице-адмиралу... пол-белуги, рыба так называемая, которую 488 человек три дни (?) ели, и такого хорошего вкуса, как свежая телятина». «После полудня пошли в путь», отмечает «Юрнал». 17 мая миновали городки: утром Голубые, в полдень Пять-Изб, Чиры, ночью прошли мимо Кобылкина и Есаулова. 18 мая прошли мимо городков Зимовейки, Курман-Яра, Нагавкиной, Гугнина, Филипповского и Терновского. 19-го прошли городки Цымлу, Кумшу, Романовский, Каргали, ночью проплыли мимо городков Камышенка, Камывелка, Быстрянска и Троилина. 20-го миновали городки Ведерников, Бабий, устье реки Северного Донца, перед вечером плыли мимо городка Кочетова, «в нем и веселились», — лаконично, но достаточно выразительно замечает «Юрнал». — Вечером миновали городок Семикаракоры, ночью — Раздоры. 21 мая утром проплыли городки Мелехов, Бесергенев, Багаев, Маныч и к вечеру пришли в Черкасск[2]. В дневнике Крюйс отмечает обилие флоры донских берегов и рыбные богатства самого Дона: «земля округ наполнена преизрядными травами»; их хватило бы для аптек всей Европы: «по обеим сторонам Дона растет столько солоткова корени, что все корабли города Амстердама оным нагрузить можно. В сей реке предовольно есть рыбы, а именно: белуг, осетров, карпей, лещей, стерлядей, судаков, головачей, окуней и прочих. Греки приезжают из Анатолии со многими судами; которые сии рыбы солят и те суда ими нагружают, чем сие место Черкасской наиглавнейше торгует, ибо все через оное проходить имеет»[3].

---

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 372—373).

[2] «Юрнал», стр. 3—5. Крюйс относит прибытие в Черкасск к 10-му часу утра 22 мая; но, может быть, с таким запозданием подошел его отряд.

[3] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 374, 375).

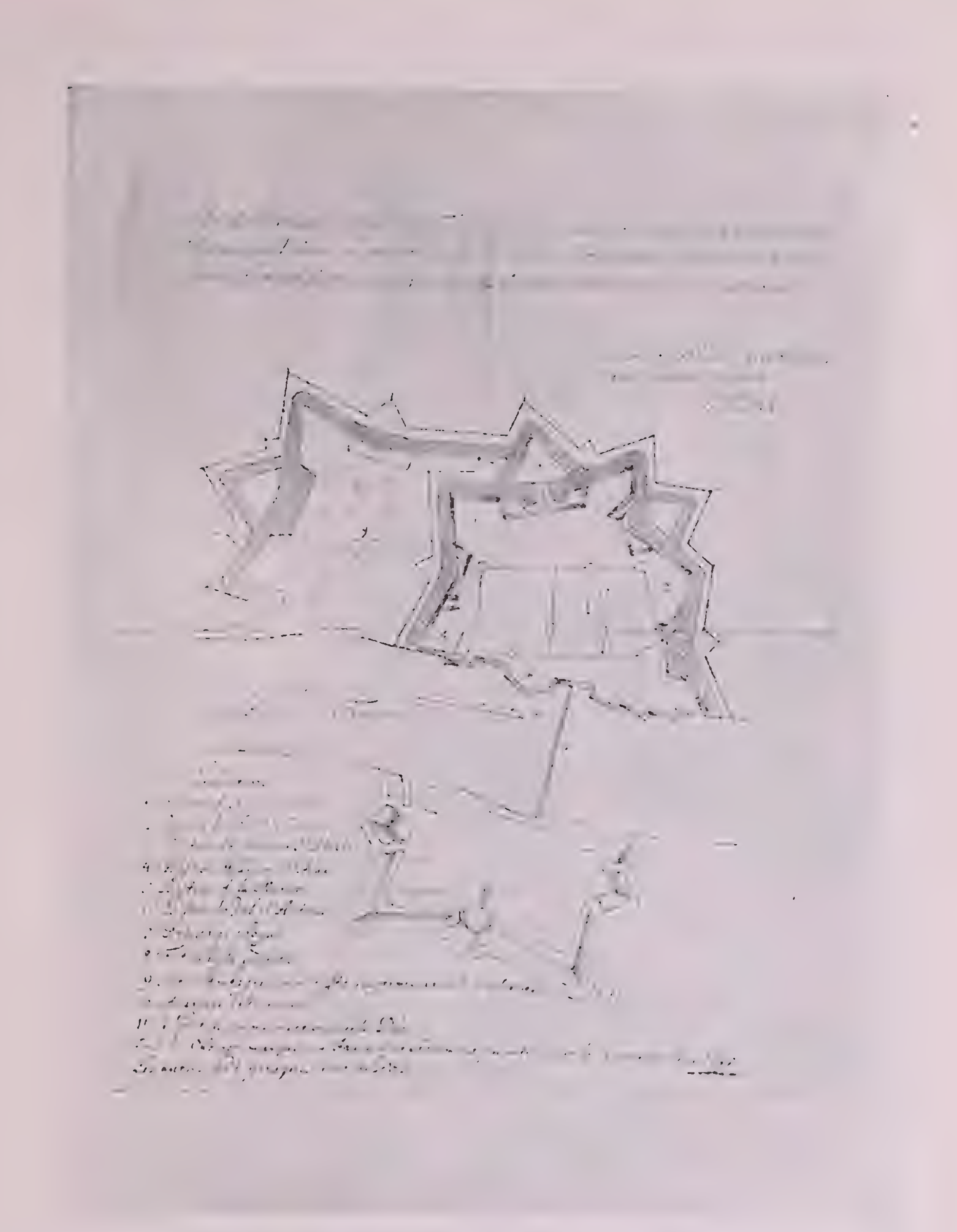


Рис. 7. Проект укреплений в Азове.
Составлен инженером Лавалем. Подлинник хранится в ЦГАДА в Москве

Черкасск приветствовал флотилию залпом из 50 пушек и троекратным залпом из 10 000 ружей. «Атаман со всеми своими казацкими офицерами приехал на галеру его величества для оказания своего почтения и покорности; и коль скоро атаман свой комплимент отдал, ответствовано городу взаимно со всего флота, с каждой галеры по 9 выстрелов». Из Черкасска эскадра, уже не разделяясь, двинулась в дальнейший путь 23 мая: «в вечеру все пошли, — отмечено в «Юрнале», — и шли во всю ночь. Проехали Койсугу реку». 24 мая поутру в 10-м часу прошли мимо Каланчей: «Прошли крепости Каланчи названные, которые из всех своих пушек флот поздравляли и им также порядочно ответствовано». К вечеру бросили якоря у Азова. «С захождением солнца, — пишет Крюйс, — пришли с флотом на якорь под Азов и поздравляли пятью залпами из всех их пушек; потом и гарнизон поздравлял, которой в 10 000 человек состоял, стольким же залпом из мушкетов, на что потом со флота равным порядком ответствовано, чем оной день и окончился»[1].

Азов за те три года, что его не видал Петр, был значительно заселен. Крепость была возведена по планам инженера Лаваля. На противоположном берегу Дона сооружен был форт Петровский. Под защитою крепости стояли уже, кроме ранее построенных кораблей «Апостола Петра» и «Апостола Павла», еще 7 кораблей, построенных кумпанствами и прибывших с Хопра: «Соединение», «Благое Начало», «Безбоязнь» и из Паншина — «Скорпион», «Крепость», «Звезда» и «Флаг»[2]. К ним присоединились теперь только что прибывшие с Петром корабли: «Отворенные врата», «Меркурий», «Сила», «Цвет войны», «Миротворец». Составилась, таким образом, значительная эскадра из 14 линейных кораблей, увеличиваемая галерами, бригантинами, галиотами, яхтами и разными легкими судами. К городу подошли еще струги, везшие провиант и разные запасы. Среди крупных судов должны были сновать многочисленные «ушколы» — лодки или шлюпки. Каждый сколько-нибудь выдающийся чин обзавелся уже теперь своей шлюпкой[3]. Вообще Азов должен был представлять собой в летние месяцы 1699 г. оживленную картину приморского города, вероятно, такую же, какую впоследствии будет представлять собой Петербург в первые годы по его основании.

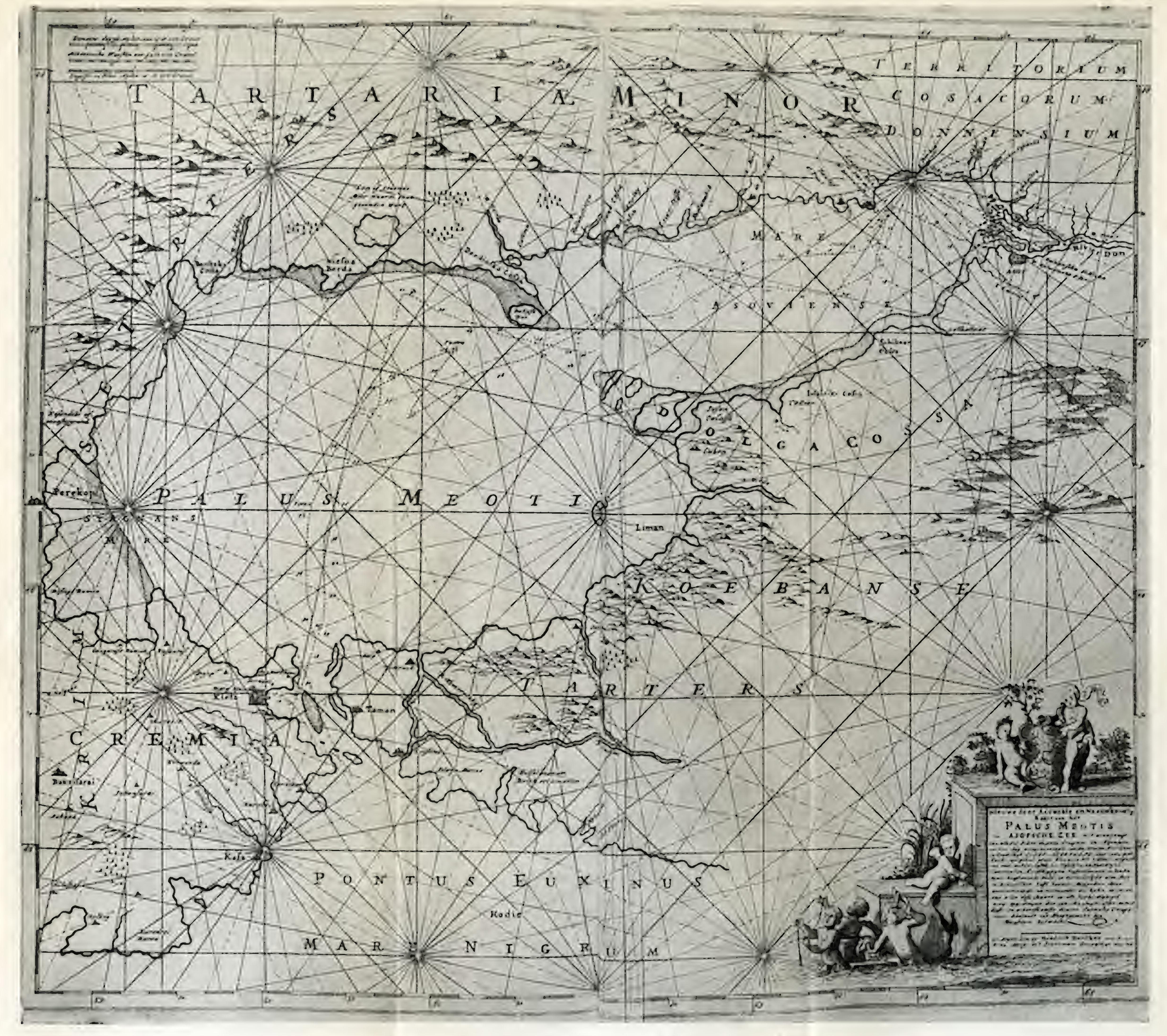
Счастливое прибытие было отпраздновано пиром у боярина А. С. Шеина, на котором «гораздо веселились», как Петр писал в Москву Адаму Вейде 28 мая. В ответе Вейде сообщает царю, что и в Москве прибытие его в Азов было празднуемо «с нарочитою компанией», собравшейся у него, Вейде: «Ваше

---

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 376); «Юрнал», стр. 5.

[2] *Елагин,* ук. соч., стр. 129.

[3] Там же, приложение IV, № 21.



Карта Азовского моря (из атласа К. Крюйса)

здравие по часту пили, на добрый ваш приезд в Азов гораздо веселились. Старый дохтур Блументрост нас не выдавал и против Ивашка Хмельницкого нарочито стоять способствовал, только же не пособила: Ивашка Хмельницкой с Бахусовою пехотою частою и скорою стрельбою так сильно приступал, что принуждены были силу свою потерять и от того с полуночи по домам бежать»[1]. В тот же день, 28 мая, царь писал к Виниусу: «Min Her Vinius. Мы, слава богу, приплыли сюды в добром здоровьи. Зело требую от вас заморских вестей, а наипаче о французском деле. Piter. Из Азова, мая в 28 день 1699»[2]. Письмо показывает, что во время путешествия в Азов внимание Петра устремлено было на западноевропейские отношения и в особенности на предстоящий вопрос об испанском наследстве.

На всех судах, собравшихся под Азовом, кипела усиленная работа по вооружению их и снаряжению: в самый же день приезда Петр отдал азовскому воеводе князю А. П. Прозоровскому указ отпускать командирам судов все необходимые припасы, как-то: порох пушечный и ружейный, свинец, железо, смолу, пеньку, канаты, бечеву и всякие железные и лесные припасы, какие хранились в Азове в казенных амбарах, для скорости без соблюдения необходимых при таких выдачах формальностей и даже без расписок[3].

X. ПЛАВАНИЕ ИЗ АЗОВА В ТАГАНРОГ. ОСМОТР УКРЕПЛЕНИЙ

3 июня в субботу предпринято было плавание из Азова в Таганрог с легкими судами, как пишет Крюйс: «Изволил его величество возыметь забавной поход от Азова к Таганрогу на Палюс Меотис (Азовское море) с 44 бригантинами, галиотами, яхтами и прочее». Поднявшийся сильный ветер несколько рассеял эту легкую эскадру и принудил ее стать на якоря; но к вечеру ветер стал стихать, эскадра двинулась в дальнейший путь и в воскресенье 4 июня бросила якорь у Таганрога при пушечных салютах с возведенных здесь батарей. В Таганроге строилась крепость во имя св. Троицы и военная гавань. Своим видом Таганрог напомнил Крюйсу английскую гавань Дувр, а самое море между Таганрогом и Кубанским берегом показалось ему похожим на пролив Па-де-Кале. «Сие место оказуется так, — пишет он в журнале, — как Дуверен на канале англинском и немного разности в дистанции. Между Кубанским

---

[1] Письмо к Вейде не сохранилось; о нем узнаем из ответа Вейде от 15 июня, полученного царем 1 июля (П. и Б., т. I, стр. 770—771).
[2] П. и Б., т. I, № 270.
[3] *Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 21, г-з.

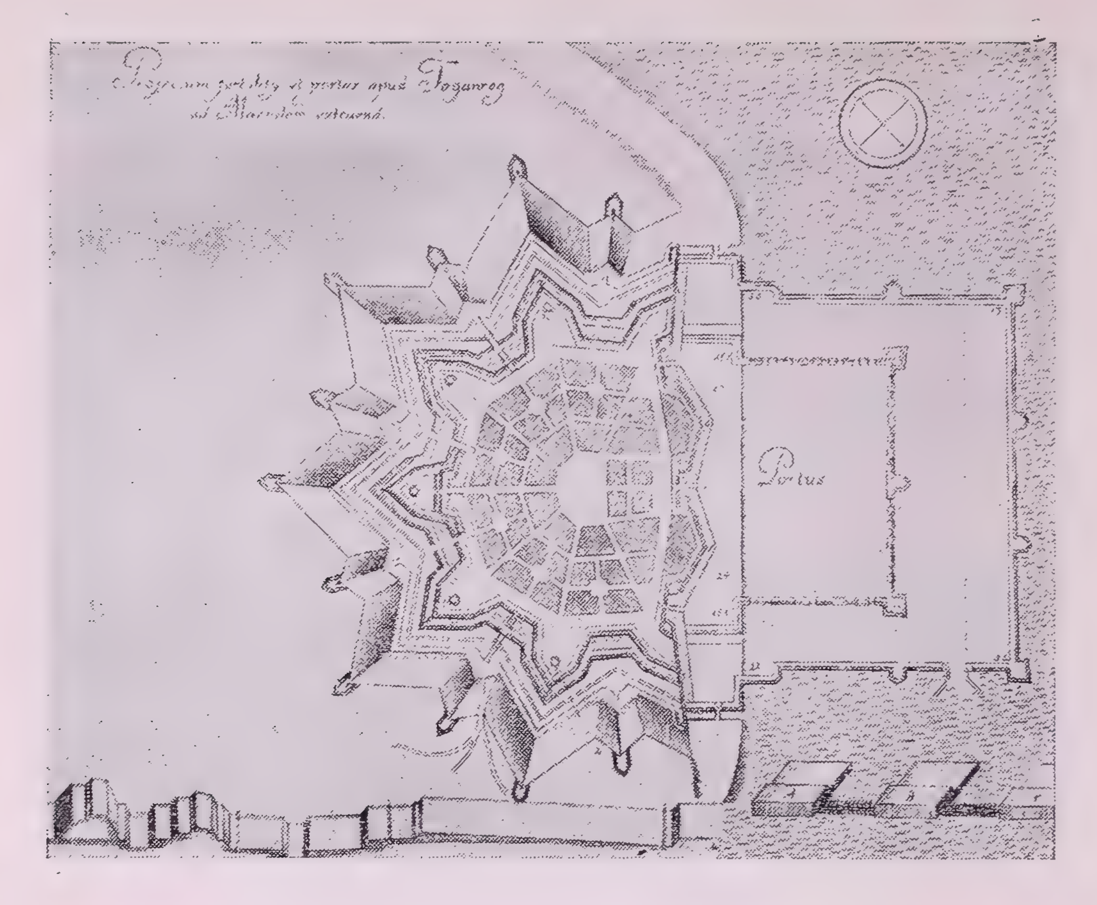


Рис. 8. Проект кргпости и гавани в Таганроге.
Чертеж из дневника Корба 1698—1699 гг.

берегом и Таганрогом сходно так, как между Калесом и Дувереном». И эти места поразили его своим плодородием и рыбным богатством: «Округ оного земля преизрядная и так многорыбно, как какое место в свете быть может от разных родов рыбы» [1].

5 июня Петр с небольшой флотилией, как выражается Крюйс, «со флотиком», плавал к крепости Павловской, сооруженной тем же инженером Лавалем, который строил и Азов; но, рассмотрев произведенные Лавалем работы в Павловске, «рассудил оную работу, такоже и место за негодно и неспособно,

[1] Описание крепости и гавани Таганрога, данное Устряловым (История, т. III, стр. 277), по которому «крепостные стены не были еще возведены, но берег унизан был грозными батареями, под прикрытием которых флот мог стоять безопасно у Таганрога, защищаемый от ярости ветра искусственными молами», основательно опровергается Елагиным, который пишет: «Не беремся определить степени грозности батарей через 8 месяцев со дня решения их постройки; о существовании же в 1699 г. молов, которые «могли бы защитить флот от ярости ветра», не только не нашлось никаких сведений, но, напротив, известно, что погрузка в воду ящиков, долженствовавшая служить основанием молов гавани, началась только летом 1700 г.». Строил гавань не инженер Боргсдорф, а капитан Матвей Симонт (*Елагин*, ук. соч., примечание 53).

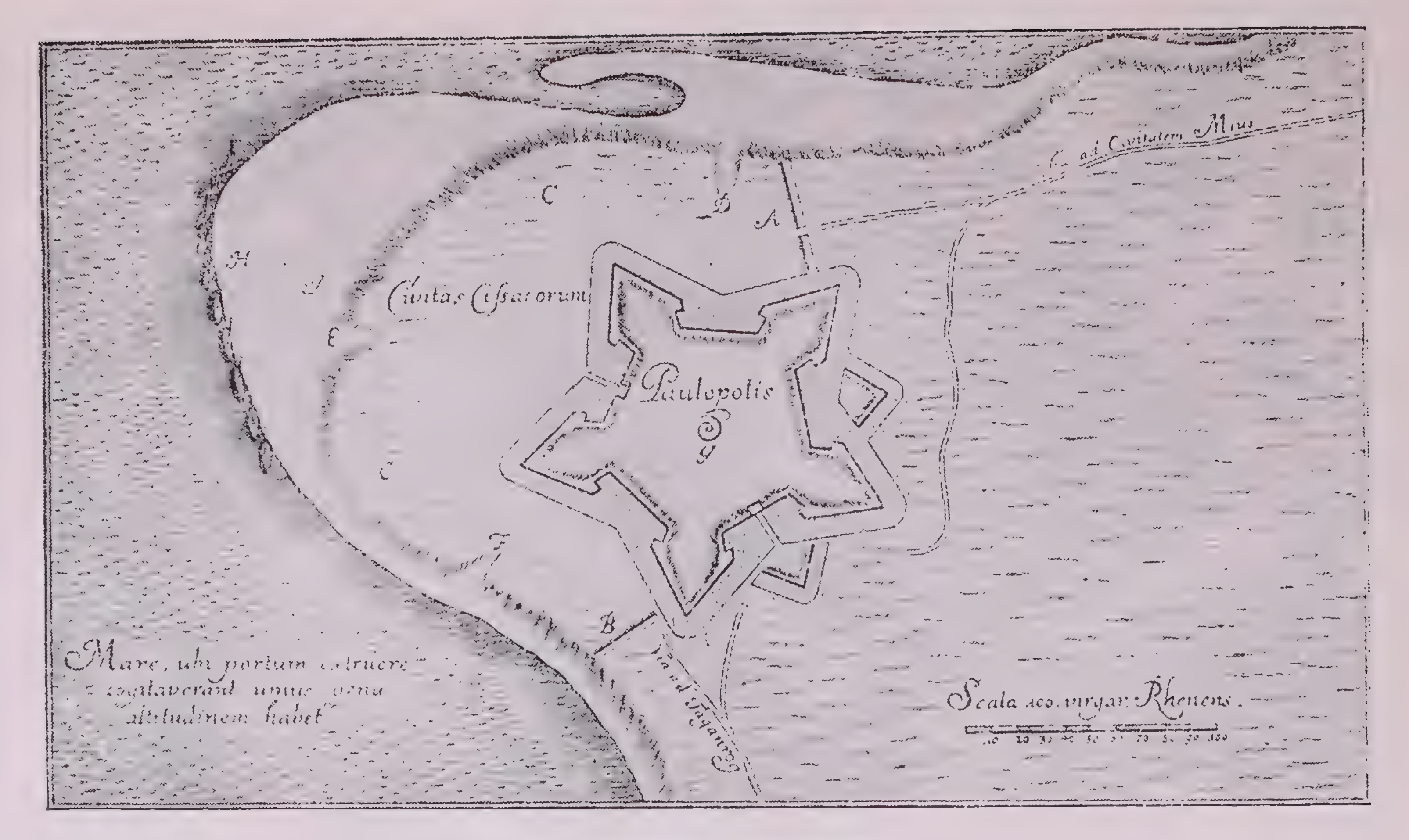


Рис. 9. Крепость Павловская.
Чертеж из дневника Корба 1698—1699 гг.

как то действительно и было негодно к службе как сухим путем, так и водою». 6 июня во вторник, подняв ранним утром якоря, из Павловска, минуя Таганрог, направились к Азову, куда и вернулись к вечеру со всеми, принимавшими участие в плавании под Таганрог лёгкими судами [1].

Пришлось более двух недель ждать благоприятного западного ветра, который, подняв воду в устьях Дона, позволил бы провести стоявшие в этих устьях большие корабли в открытое море, что случилось только 23 июня. О деятельности Петра за эти 17 дней в Азове у нас почти нет никаких сведений. Знаем, что он вел переписку с друзьями: 13 июня писал Виниусу в Москву и одному из ближайших друзей, ездившему в великом посольстве волонтером его десятка, Анике Щербакову [2].

14 июня под Азовом разразилась сильная гроза между четырьмя и пятью часами пополудни. Недалеко от царского двора убило молнией двух русских матросов. Крюйс заносит в журнал, как очевидец, что наружный вид этих убитых ни в чем не изменился, только на головах были сожжены волосы дочиста, как будто их совсем не бывало. Царь, со времени заграничной поездки большой любитель анатомии, не довольствовался внешним осмотром и приказал вскрыть трупы, «но в средине и внутри, — пишет Крюйс, — ничего не нашли, кроме великого смрада, так что подлиннее осматривать не могли» [3].

Мы должны здесь припомнить, что в конце мая и в июне производился в Азове розыск по делу азовского старца Дия, для чего сам Дий и другие замешанные в этом деле лица были из Москвы доставлены в Азов, где находился князь Ф. Ю. Ромодановский. В деле нет указаний на личное участие Петра в розыске; но, конечно, и это дело не могло не войти в круг его внимания, раз оно шло в такой близости от него и раз его вел такой близкий к царю человек, как князь Ф. Ю. Ромодановский [4].

Наконец, подул желанный западный ветер, и 23 июня были проведены через Кутюрминское гирло два первых больших корабля: «Апостол Петр», на котором находился царь, и «Благое Начало», на котором находился вице-адмирал Крюйс. «И то были первые два корабля воинские, — пишет Крюйс, — которые из России по Дону в море вышли». За ними проведены были и остальные корабли. Проводкой распоряжался лично сам Петр. «Его величество, — свидетельствует Крюйс, — ездил неутружденно с корабля на корабль почитай по вся дни и рас-

---

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 377—378).

[2] П. и Б., т. I, № 271, стр. 773—776.

[3] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 378).

[4] См. т. III настоящего издания, стр. 175—195.

поряжал сам о способности к переведению всех кораблей чрез Кутермские мели». Еще в январе 1699 г. из Москвы из Пушкарского приказа предписывалось азовским воеводам приказать инженерам барону фон Боргсдорфу и капитану Матвею Симонту произвести работы по обозначению в Кутюрминском устье фарватера до морской глубины и для этого набить сваи, свая от сваи на расстоянии 50 саженей, и составить чертеж этого пути. Работа эта была ими исполнена и чертеж отослан в Пушкарский приказ в конце апреля [1]. Будучи выведены в море, корабли отправились в Таганрогскую гавань.

Так как в дни, когда происходила проводка кораблей, Петр находился, по свидетельству Крюйса, на корабле «Апостол Петр», то особый интерес приобретает составленная весной 1699 г. опись этого корабля, в особенности опись верхней каюты, дающая представление об окружавшей царя на этом корабле обстановке. В каюте по описи обозначено: «Образ пресвятые богородицы Смоленские, венец и оклад серебряные и позолочены, в киоте жестяном за слюдою», стол дубовый складной, компас, 5 часов песочных, колокольчик медный маленький, роспись артикульная корабельная в рамках, 2 фонаря фитильных, фонарь большой слюдяной, на нем чехол суконный, скляница немецкая широкая и довольно большое количество всякой посуды, а именно: «9 чашек фарфоровых больших и малых, в том числе 3 желтых, 3 белых, 3 малых с лица лимонные, а внутри белые с лазоревыми травки; 6 чашек китайских белых с травами, 2 чашки зеленые фарфоровые ж, кувшин оловянной с покрышкою и с подножками, в чем чай греют, кувшинец глиняной, во что гретой чай льют, у кровельки оправа и цепочка серебряные и позолочены. Хрустальной посуды: 7 кубков, в том числе один с крышкою, 2 кувшинца, в том числе один с крышкою, 2 рюмки, 2 стакана, в том числе один с ручкою, 5 стаканов, доска чайная (поднос), кругом рамка резная, местами позолочена, в середине репей (розетка), в кругу написано золотом сусальным, выкрашена вся». Но тут же, в этой же каюте — разные предметы корабельного и военного снаряжения: «5 флагов, 4 вымпела, 7 флюгеров... 20 копейных значков, писаны по камке золотом и серебром, в том числе 10 на лазоревой камке написаны ангелы, 10 на белой камке написаны орлы», 6 сабель немецких, 20 затравок медных, 8 затравок железных, 8 пилок турецких, молоток [2].

25 июня в воскресенье Крюйс отмечает появление посольства от крымского хана. Предписано было всем флаг- и штаб-офицерам собраться в 9-м часу утра на галеру адмирала, на которую час спустя явилось татарское посольство. Принимал посольство адмирал Ф. А. Головин. Возможно допустить, что

---

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 378—379); *Елагин,* ук. соч., приложение VI, № 31.

[2] *Елагин,* ук. соч., приложение I, № 62.

это была какая-либо экстраординарная миссия, посланная для приветствия Петра по случаю нахождения его поблизости от пределов владений хана, а, может быть, также по случаю недавнего заключения перемирия, главным же образом с целью разведки. «Были они одеты, — описывает посольство Крюйс, — по-казацки или на польскую стать. Глаза их были так быстры, якобы морской собаки; бороду имели двойную и островатую с немногими волосами, как индейские козлы. И побыв с полчаса, поехали сии шпионы назад в таком же порядке, как и приехали»[1]. Эта миссия никакого следа в дипломатических документах Посольского приказа не оставила.

XI. ПРЕБЫВАНИЕ В АЗОВЕ. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТПРАВКЕ ПОСОЛЬСТВА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

27 июня прибыл в Азов Е. И. Украинцев со всем составом отправляемого в Константинополь посольства. Дождавшись в Воронеже своего товарища, дьяка Ивана Чередеева, пожалованного при назначении посольства в дьяки из подьячих Малороссийского приказа[2], с остальной частью посольского состава, Украинцев двинулся оттуда к Азову на пяти бударах 1 июня. 26 июня он подошел к Черкасску, возвещая о своем приходе залпом из ружей сопровождавшего посольство отряда из 30 солдат, на что из города отвечали пушечным салютом. Состоялся обмен визитами с атаманом Донского войска и старшиной. «А как посланники пришли к берегу к пристани городовой, — читаем в Статейном списке посольства, — и тогда по берегу и по городу стояли многие донские атаманы и казаки и смотрели на приезд их, посланничей, и встретили их, посланников, у будар войсковые есаулы. А войсковой атаман Фрол Минаев с старшиною в то время был у обедни. И посланники, сошед с будар, были в соборной церкви. А как в церковь вошли, и тогда пели кенаник. А после обедни были они, посланники, по призыву у войскового атамана у Фрола Минаева, а потом он, Фрол, с атаманы и с старшиною был у него, чрезвычайного посланника, на бударе». 27 июня Украинцев поплыл к Азову, куда и прибыл в тот же день после полудня и остановился на тех же бударах под Алексеевским раскатом[3]. 28 июня он получил из Москвы от цесарского посла Гвариента письмо, в котором тот передавал ему присланные из Вены известия с жалобами на поведение московского посла на Карловицком конгрессе — Возницына. «Господин Про-

---

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 379).
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1100.
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 9—9а.

копий, — как говорилось в этих сообщениях, — заключил свое перемирие с турками ранее союзников, действуя в полной тайне от них и от посредников. Цесарские министры были всегда отягчены его недоверчивым отношением, их сердечному и верному увещанию он не внимал, но всегда своей упорной голове следовал, а союзников за мало и даже ни за что почитал. Несмотря на то, ему по возвращении в Вену был оказан такой же прием, как и другим послам, «и не токмо от двора чествован был, но и ему и другим двум здесь бывшим послам и со всеми при них будущими людьми дворовые подарки серебром отосланы суть». При цесарском дворе питали большую антипатию к Возницыну за его неуступчивость и слишком самостоятельное поведение на Карловицком конгрессе и обвиняли его в том, что он действует вопреки интересам союзников. Эти чувства передались из Вены цесарскому посольству в Москву; они же ясно выступают и в дневнике Корба: каждое свое упоминание о Возницыне он сопровождает самым злобным выпадом по его адресу. Так, например, под 17 апреля Корб записывает в дневнике: «По почте пришло известие, что полномочный посол Прокопий Возницын уехал из Вены; он ложно свалил на цесарских полномочных ошибку двухгодичного перемирия, но от старательных разъяснений цесарского посла выяснилось противоположное, так что неверный доносчик подвергся сильной опасности царского гнева. . .»

Под 4 мая по поводу назначения Украинцева посланником в Константинополь Корб записывает: «Один московит высказал такое суждение насчет настоящего посольства думного для заключения мира, чего по своей гордости и неразумению не успел выполнить Прокопий Возницын: «мне это представляется так, что если бы дурак разбил стекло, а человека поумнее заставили чинить его». Под 28 мая по поводу полученного в Москве известия о болезни Возницына на пути из Вены в Москву читаем: «Пришло письмо с сомнительным известием, будто царский посол Прокопий, недавно отпущенный цесарским двором с полным почетом, или умер на пути, или опасно больной лежит в Кенигсберге: *«у худой травы плод всего хуже»* [1]. При таком отношении к Возницыну со стороны цесарцев понятна посылка приведенного выше письма к Украинцеву. Можем предполагать, что письмо было доведено до сведения Петра, в особенности при том взаимном недоброжелательстве, которое существовало между Украинцевым и Возницыным; однако из дальнейшего незаметно, чтобы оно уменьшило расположение к последнему царя. Письмо это было получено Украинцевым в Азове в тот самый день, 28 июня, в который сам Прокофий Богданович выехал из Москвы, направляясь в Азов [2].

---

[1] *Корб,* Дневник, стр. 146, 148, 153.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 153—155.

В течение июля шли при самом деятельном участии Петра приготовления к отправке посольства в Константинополь. Приготовления эти были двоякого рода. Во-первых, окончательно снаряжались к морскому плаванию корабли, как тот, на котором Украинцев должен был ехать, так и те, которые должны были его сопровождать до Керчи. 3 июля, по свидетельству Крюйса, объявлен был указ, чтобы суда, назначенные к плаванию, были совсем готовы к 15 июля. Оживление, с которым производились эти работы, напомнило Крюйсу работы на Амстердамской верфи. Петр принимал в них участие в качестве простого корабельного плотника. «С кильгалеванием, конопачением и мазаньем кораблей, — пишет Крюйс, — так скоро и поспешно поступали, как бы на адмиралтейской верфи в Амстердаме. Его величество присутствовали притом в сей работе неусыпно так с топором, диселем, калфатом, молотом и мазаньем кораблей и гораздо прилежнее и больше работая, нежели старой и весьма обученной плотник» [1].

Вместе с тем, и в этом заключался второй род подготовительной деятельности к отправке посольства, составлялись необходимые для него бумаги: грамоты и наказы. 15 июля приехал в Азов возвратившийся из-за границы П. Б. Возницын; 17-го, вероятно, в Таганроге он представлялся царю, — «видел, — как он пишет в своем Статейном списке, — великого государя пресветлые очи и был у руки», сделав, надо полагать, устный доклад царю о своей деятельности на Карловицком конгрессе. Как человек, более, чем кто-либо другой, находившийся в курсе русско-турецких переговоров, притом близкий к Ф. А. Головину, с которым сошелся во время путешествия великого посольства, Возницын был тотчас же привлечен к работе над составлением дипломатических документов. 16 июля двинулся в Таганрог Украинцев с составом посольства. «Июля в 16 день, — читаем в его Статейном списке, — по указу великого государя... присланы к посланникам в Азов из-под Тагана Рога с капитаном с Андреем Гесениусом в чем им ехать от Азова Доном и морем к Тагану Рогу две морские каги. И посланники на тех кагах отпустили от Азова к Тагану Рогу Донским и Кутюрминским устьем великого государя казну, и переводчиков, и подьячих, и толмачей, а сами они, посланники, с дворяны от Азова ж к Тагану Рогу пошли Каланчинским устьем на бударех того ж числа для того, что всем на те две каги вместиться было невозможно. И шли посланники на бударех тем донским Каланчинским устьем и Азовским морем к Тагану Рогу подле берегов. А к Тагану Рогу пришли июля в 18 день» [2]. Здесь, в Таганроге, в двадцатых числах июля и вырабатывались дипломатические бумаги посольства:

---

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 380).

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 10.

грамоты и наказы. Работу вели три лица: Украинцев, Возницын и в значительной мере сам руководитель иностранных сношений Ф. А. Головин, которого от этого серьезного дипломатического дела не отвлекали, повидимому, его «потешные» обязанности адмирала. Но в выработке бумаг принимал также близкое участие и сам Петр.

Посольству вручались грамоты: «верющая и полномочная», «проезжая» и затем грамоты к султану и к великому визирю. Тексты грамот, составленные в посольской канцелярии, передавались Ф. А. Головину, который вносил в них собственноручные поправки, и затем уже эти тексты переписывались на листах александрийской бумаги с разными украшениями и к ним приложены были печати [1]. Наказов было вручено Украинцеву два: один открытый, официальный, содержащий наставления, как посланникам держать себя при разных церемониях, и тексты речей, которые им при этих церемониях надлежало произносить; другой тайный, содержавший наставления по существу тех переговоров, которые посольство должно было вести. Само собой разумеется, что в последнем и заключался главный предмет работы упомянутых дипломатов.

Сохранились документы, позволяющие составить представление о процессе самой работы. Именно, в бумагах посольства находим два предварительных доклада, в которых отдельными статьями излагались вопросы, касавшиеся предметов посольства и предусматривавшие различные возможности и обороты в ходе будущих переговоров. Один из этих докладов [2] идет от лица Украинцева, который и говорит о себе в первом лице; он содержит вопросы, касающиеся некоторых внешних сторон посольства, каковы: отношение посланника к капитану корабля, подчинение посланнику отряда сопровождавших посольство солдат, средства содержания посольства и экипажа корабля, одежды солдат, отпуска корабля весной, если посольство затянется. Вопросные пункты в другом докладе [3] в числе 37 касаются будущих переговоров и собственно дипломатических действий посольства в Константинополе. В этих вопросных пунктах второго доклада об Украинцеве говорится в третьем лице; они касаются уже внутреннего существа деятельности посольства. В их разработке можно предполагать вместе с Украинцевым также и участие Возницына. Тот и другой доклады шли к Ф. А. Головину. Головин под этими вопросными пунктами собственноручно подписывал резолюции с ответами на вопросы и с руководящими указаниями. Приведем несколько примеров таких вопросных пунктов с резолюциями из того и из другого доклада. В первом докладе Украинцев спрашивает: 1) «Капитан на корабле будет ли мне послушен?» Рукою

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 78—87.
[2] Там же, л. 152.
[3] Там же, л. 135—149.

Головина подписано: *«Велено быть послушну и о том сказано»*. 2) «Солдат ведать тому ль капитану или мне?» Рукою Головина: *«Капитану делать с его ведома и о всем его докладывать велено»* и т. д. Во втором докладе: 1) «Спросит визирь: для чего он, посланник, к султану прислан?» Рукою Головина: *«Объявить дела, как написано в наказе»*. 2) «Буде учнет (визирь) выговаривать, для чего царское величество с салтаном мир нарушил, который учинили в Крыму посланники (Тяпкин и Зотов в 1680 г.), и шертную (клятвенную) салтанову грамоту, какова дана в Цареграде Прокофью Возницыну (в 1681 г. при ратификации договора 1680 г.), и войну всчали, и городы Азов и Казыкермень с иными городками взял в те годы, когда салтан тройную на себя войну имел (т. е. с цесарем, Венецией и Польшей) и хану по договору на многие годы годовой дачи не велел давать»? Рукою Головина подписано: *«Выговаривать неправды велено и для чего всчал войну за миром сам хан и за многие неправды татарские и мало ль хто прежде сего что делал, а ныне не делают»*, т. е. отвечать перечислением «неправд», учиненных со стороны Турции и татар, предъявлением вопроса, зачем сам хан начал войну, и указанием на то, что прежние платежи дани ханам не должны быть принимаемы в соображение в настоящее время.

Но Головин давал эти резолюции на вопросные пункты докладов несомненно со слов самого Петра, которому он эти вопросные пункты докладывал и, может быть, помогал формулировать ответы. Что резолюции написаны им со слов Петра, на это можно видеть указание в таких относящихся к Петру выражениях, как: «приказано», «велено», «сказать велено» и т. д. («велено» или «приказано», конечно, самим Петром). Например, во втором докладе, статья 15: «Салтан турской всех окрестных государств послом и посланником всегда для объявления дел приказывает прежде быть у визиря. А потом в иное время бывают на приезде у него, салтана, и грамот у послов и у посланников сам он не принимает, а вырывают из рук предстоящие пред ним и отдают визирю, и визирь кладет перед самого салтана и к целованию руки своей послов и посланников не допускает. И ныне о делех визирю наперед бытия салтанского объявлять ли?» Приведен и прецедент: «А Прокофья Возницына за то, что он о делех прежде салтанского бытия не хотел визирю объявить, хотели выслать ни с чем». Рукою Головина подписано: *«Об том приказано делать, что пристойно, и дело чтоб было только делано»*. «Приказано», разумеется, Петром, и дух резолюции указывает на ее настоящего автора: пренебрежение к внешним условностям и церемониям, приказ делать, как угодно, только, чтобы сделать дело по существу. Статья 17: «Патриархом вселенским от великих государей наперед сего посыланы грамоты и милостыня соболми». Рукою Головина: *«Велено написать и милостыню дать,*

если надобно будет, и учинить по своему разсмотрению». Статья 18: «К салтану посылано (т. е. в прежнее время) в поминках собольми ж по 8 000 и по 7 000, а визирю по 3 000 и по 2 000, муфтию по 1 000, и по 700, и по 600 рублев». Рукою Головина: *«Сказать велено, что для того не послано, что еще о договорех ничего не сделано, а как учинится договор, и в то время на подтверждение присланы будут послы и с ними обыкновенно дары»* [1]. Под этими «велено написать» и «сказать велено» несомненно подразумевается приказание Петра; если бы приказание отдавал сам Головин, эти выражения были бы в резолюциях совершенно излишни и прямо невозможны; Головин писал бы прямо «сказать», «дать», «делать», слов «велено», «приказано» ему было бы употреблять незачем.

Получив от Головина свои вопросные пункты с царскими, записанными Головиным, резолюциями, Украинцев с Возницыным перерабатывали их в форму наказа, причем вопросы получали форму условных предложений, а резолюции — вид положительных предписаний и руководящих указаний, например, статья 8: «А буде визирь и ближние салтановы люди учнут выговаривать, для чего царское величество с салтановым величеством мир нарушил, который учинили в Крыму посланники, и шертную салтанову грамоту, какова дана в Цареграде Прокофью Возницыну, и войну всчал, и городы Азов и Казыкермен с иными городками взял в те годы, когда салтан тройную на себя цесарскую, венецейскую и польскую войну имел и хану по договору на многие годы годовой дачи не велел давать, и посланнику говорить, что тому прежнему миру нарушение учинено с стороны салтанова величества», и далее перечислены многие правонарушения со стороны турецкого султана и крымского хана и, таким образом, короткая резолюция, данная на эту статью, распространена здесь в целый трактат. Вот как, например, развита ее последняя часть, гласившая: *«и мало ль кто прежде сего что делал, а ныне не делает»*. В наказе эта мысль разработана в такое длинное рассуждение: «А напред сего давано царского величества жалованье в те времена, когда Московское государство было не в такой силе и распространении. А ныне, когда, по милости божией, государство его царского величества распространилось и в силах умножилось, и для того и война татарская стала быть не страшна. И к Перекопи, и к иным татарским юртам войска его царского величества розные пути познали (узнали) и за многие ханов крымских неправды великого государя жалованье им отставлено и впредь в даче не будет. Да и издавна всякие премены на свете быть обыкли, и таких много есть примеров, что одни народы в воинских своих делех прославляются, а другие ослабевают. И мочно то ближним доводом объявить

---

[1] См. также статьи 25, 26, 32.

(т. е. можно привести еще такое соображение), что с первых лет и салтановых величеств турских государство было не в такой силе и славе, как ныне есть, и бывали такие времена и случаи, что русские народы морем к Константинополю хаживали (это воспоминание, взятое из летописей, было, вероятно, сочтено очень подходящим к моменту, когда русское посольство готовилось отправиться в Константинополь морским путем) и годовую казну с греческих царей имывали, а после того то пременилось... Также и ханы крымские напред сего такие дачи себе имывали, а ныне им пришло время от того уняться и престать, и жить с христианскими государи в покое...» и т. д. Вопросный пункт доклада с резолюцией о предварительной аудиенции посланникам у визиря раньше представления их султану и о порядке передачи султану царских грамот получил в наказе такую обработку: «Салтан турской всех окрестных государств послом и посланником всегда для объявления дел приказывает прежде быть у визиря, а потом в иное время бывают на приезде у него, салтана, и грамот у послов и у посланников сам он не принимает, а вырывают из рук предстоящие пред ним и отдают визирю. И визирь кладет перед самого салтана и к целованию руки своей послов и посланников не допускает. Да и Прокофья Возницына, как он у салтана был во 189 г., за то, что он о делех прежде салтанского бытия не хотел визирю объявить, хотели выслать ни с чем. *И посланнику домогаться, чтоб быть прежде у салтана, а потом у визиря. И буде салтан по его, посланничью, домоганию того не учинит, и посланнику против прежнего их обыкновения и чтоб тем в деле великого государя не учинить помешки быть прежде и у визиря и о делех великого государя ему объявить»*[1]. Вопросный пункт о даче милостыни вселенским патриархом перешел в наказ в таком виде: статья 21: «Буде вселенские патриархи в бытность его, посланникову, будут в Царегороде и с своих сторон в делех его, государских, учнут ему вспоможение чинить и радеть, и о всяких тамошних поведениях ведомости присылать, и ему, посланнику, смотря по их трудам, дать им его, великого государя, жалованья на милостыню собольми и против прежних дач и по своему рассмотрению из тех соболей, которые с ним посланы с Москвы на раздачу от дел»[2].

Изготовленные, таким образом, в соответствии с данными резолюциями проекты наказов были представлены Головину, который подверг их пересмотру и исправлению, внося поправки собственной рукой. Эти собственноручные поправки, которыми пестрят черновые тексты наказов, свидетельствуют о том, как внимательно Головин их читал и какую большую ра-

---

[1] Статья 20.

[2] Тайный наказ (Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 53—77).

боту он выполнил. Поправки касались как внутреннего содержания, так и внешней отделки, самого слога текстов, вносили добавления к проекту, иногда усиливали смысл той или другой статьи, иногда, наоборот, заменяли слишком категорические выражения более мягкими. Приведем несколько примеров такого исправления проекта наказа Головиным. Статья 1 наказа предписывает посланнику заключить с турками вечный мир. В статье 2 говорилось, что, если султан вследствие каких-либо затруднений вечного мира учинить не захочет, в таком случае «посланнику говорить о перемирье, как у него, салтана, постановлено с цесарем и с венеты на двадцать на пять лет или болши». К этому тексту Головин приписывает следующее дополнение: *«и чтоб того болши или менши»* — открывает, таким образом, возможность заключения перемирия на больший или на меньший срок, чем 25 лет, *«дабы в тех ровных с цесарем и с венеты како поставлено о перемирных летех в турках каковаго подозрения не было»*, т. е. чтоб в этом равенстве сроков перемирия турки не заподозрели какого-нибудь нового союза России с цесарем и с Венецией. Статья 3 говорила о сохранении за Россией Азова и завоеванных днепровских городков. «А завоеванные б городы Азов и Казыкермен и иные к ним принадлежащие городки по тому договору были в державе царского величества». К этому тексту Головин прибавил усиливающее слово *«непременно»*. В статье 4 говорилось об отмене ежегодной дачи крымскому хану: «А о годовой даче хану крымскому, что ему напредь сего от царского величества давано, буде визирь или ближние люди учнут говорить, и ему, посланнику, в том им отказать». Головин прибавил к этому: *«А говорить по нижеписанной статье, как о той даче написано, выводя пространными розговоры»*. Эта «нижеписанная» статья есть статья 8 наказа, рассмотренная нами выше, подробно развитая из статьи 2 вопросных пунктов о том, чтобы на возможный со стороны турок вопрос: для чего царь с султаном мир нарушил и т. д., отвечать перечислением турецких и татарских «неправд», а о прекращении выдач крымскому хану отвечать указанием на всякие бывающие на свете перемены. И в эту статью в перечисление татарских неправд Головин внес усиливающее добавление. В тексте проекта в перечислении «неправд» стояло: «а сверх того не по одиножды в Крыму царского величества гонцы и посланники были задерживаны»; Головин к этим словам еще прибавил: *«и биты, и мучены, и обесчещены многожды и выговаривать с посланничьих статейных списков, выбирая что пристойно, какое наругательство в Крыму послам и посланником царского величества бывало»*. В статье 5 о размене пленных Головин, наоборот, несколько смягчил твердость первоначального текста. В проекте говорилось: «О полоняничной розмене, буде визирь или ближние салтановы люди учнут говорить, посланнику сказать,

что полоняником розмена *будет* в то время, как у великого государя, у его царского величества с салтановым величеством учинится вечной мир или на довольные лета перемирье. А буде вечной мир или перемирье не учинится и тем полоняником розмены *не будет»*. Здесь вместо категорических выражений *будет* и *не будет* Головин внес более мягкие: *«мочно учинить»* и во втором случае: *«учинить невозможно»*. В той же 8 статье о нарушении мира и прекращении выдач крымскому хану находим чисто стилистическую поправку, сделанную Головиным к первоначальному тексту, незначительную, но показывающую, как чутко было его ухо к официальному слогу. В тексте было написано: «и хану по договору на многие годы годовой дачи *не велел давать»*. Головин переставил слова: *«давать не велел»;* такое расположение слов более гармонировало с обычным тоном приказной речи.

Возможно, конечно, что и редактирование наказа производилось Головиным не без участия или, по крайней мере, не без ведома Петра, что текст наказа был Головиным Петру прочитан, но доказать этого положительно нельзя. После головинских изменений наказ был переписан, и это была уже его окончательная редакция. Работа над наказами производилась в промежуток времени между 21 и 31 июля. Первый из этих терминов упомянут уже на первой строке наказов, начинающихся словами: «Лета 7207 *июля в 21 день* великий государь... указал по именному своему великого государя указу, будучи у Мустафы салтана турского, чрезвычайному посланнику думному советнику[1] и наместнику каргопольскому Емельяну Игнатьевичу Украинцеву и дьяку Ивану Чередееву чинить договор о вечном миру или о перемирье, или о съезде на комиссию со обеих сторон великих и полномочных послов по сему своему великого государя тайному наказу и по указным нижеписанным статьям». Дата окончания работ по редактированию наказов (31 июля) явствует из сделанных к наказам приписок: «Таков наказ написан на трех дестевых тетратях; закрепил его думной советник Прокофий Богданович июля в 31 день и отнесен к нему вместе с грамотами того ж числа». Эти отметки могут также служить доказательством участия П. Б. Возницына в составлении текста грамот и наказов[2].

---

[1] Это был, следовательно, второй случай именования таким титулом думного дьяка на посольстве. Первый случай — пожалование этого звания П. Б. Возницыну.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 78—82, 83—85, 86—87 (грамоты). Ср. П. и Б., т. I, № 275, 276; л. 152 — доклад Украинцева с вопросными пунктами; л. 135—149 — доклад с вопросными пунктами, послуживший основанием для наказов; л. 88—151 — официальный открытый наказ; л. 53—77 — тайный наказ. См. еще Дела турецкие 1699 г., № 5. Здесь находятся копии с открытого и тайного наказов, сделанные в 1737 г. На заглавных листах отметки: «Концепт черного наказу имеется в столпцах черненья боярина Федора Алексеевича Головина».

XII. ПЕРЕПИСКА ПЕТРА ЗА ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ 1699 г.

Уцелевшие небольшие остатки переписки Петра за время пребывания его в Азове и Таганроге показывают, что он был занят не только приготовлением флота к выходу в море и составлением посольских наказов. Мысль его за это время охватывает чрезвычайно разнообразные предметы. С 28 мая в течение июня, июля и августа Петр писал в Москву к Виниусу, Вейде, Л. К. Нарышкину, Брюсу, генералу Гордону и получал от них письма. Можно отметить и почтовые дни, когда он отправлял свою корреспонденцию: 28 мая, 13 июня, в двадцатых числах июня, 5, 18 и 26 июля. Сохранились главным образом только ответы упомянутых лиц; из писем же самого Петра уцелели всего лишь два письма к Виниусу[1], так что судить о содержании его переписки мы можем только по ответам его корреспондентов. Постараемся, насколько возможно, располагая письма по корреспондентам, взглянуть на содержание переписки из Азова и Таганрога и составить себе представление о тех предметах, которые тогда занимали Петра в его сношениях с тем или другим лицом, не упуская из вида, что это только, может быть, незначительная часть переписки.

В переписке с Виниусом Петр касается главным образом двух вопросов: о заграничных вестях, о наборе мастеров для железных заводов. Сообщая 28 мая Виниусу о благополучном прибытии в Азов, Петр, как мы видели выше, «зело» требует от него заморских вестей, т. е. известий о положении дел в европейских государствах, «а наипаче о французском деле», т. е. об испанском наследстве[2]. К своему ответу от 15 июня из Москвы Виниус прилагает для Петра перечневую выписку (доклад о европейских делах). «А француржское, государь, дело, — пишет он далее, — ныне утихло, потому что гишпанской король паки повыздоровел, а надолго ль — впредь время явит». Московские иноземцы, с которыми он беседовал об этом предмете, говорят, что, как только испанского короля не станет, «тогда наследие ево учнут доставать не без разлития человеческие крови цесарь и француз». В этом же письме Виниус повторяет царю просьбу об указе относительно каких-то хранимых им «гагаринских животов»; есть опасность, что они от сырости палат и от моли попортятся, и будет убытка на многие тысячи рублей. Вместе с письмом Виниус послал Петру в подарок «ящичек померанцев»[3]. В следующем письме к тому же корреспонденту от 13 июня Петр пишет о мастерах для железных заводов, о ствольных мастерах — крепостных людях, которых следует взять, вознаградив только их хозяев, о вышедших из моды стволах на колесах и о скорострельных

---

[1] П. и Б., т. I, № 270 и 271.

[2] Там же, № 270.

[3] Там же, стр. 770—771. Письмо это получено Петром 1 июня.

пушках. «Min Her, — читаем в этом письме, — 3 письма ваших на разных почтах я получил апреля 30, майя 7 и 21 чисел писанные, из которых в 1-м о мастерах железных заводов, что инде дают их, а инде не дают; и ты отпиши имянно, с которых заводов не дают. Ствольных мастеров крепостных вели взять, только хозяев наградить, чтоб обижены не были. А что стволы на колесах, и то самая старая мода и нигде не употребляется больши. А естъли зделать железные же кованые пушки в пол 2 фунта (т. е. $1^1/_2$ фунта) ядром и в 9 или в 10 калибров долиною, из которых готовыми кожеными патронами возможно на всякую минуту 10 раз выстрелить, а тягостью не будут тяжеле 10 стволов, а те пушки умеют делать на Туле и в иных местех». Далее он обещает прислать указ об интересующем Виниуса гагаринском имуществе: «указ будет впредь, а естъли которые вещи могут испортитца и те вели продавать» и заключает письмо собственноручной припиской, опять настаивающей на присылке известий о положении дела об испанском наследстве. «Есть ли къ тебѣ вѣдомость отъ бургамисътра Вітцена а Θъранцускомъ дѣле съ Гишьпаны? А намъ зело ну[жно въ]дать, і ты о том посторайся. Piter. Из Азова, іюня 13 den 1699»[1]. Виниус получил это письмо в Москве 28 июня. Ответ его от 29 июня начинается известиями о мастерах для железного завода: их нужно 8 или 10 человек, без такого числа пустить в ход завода нельзя, а достать ему удалось всего только двоих, причем сообщаются и подробности этого добывания мастеров: прислан хороший мастер с заводов Л. К. Нарышкина, только он стар и по-русски говорить не умеет; сын его, молотовой мастер, ехать не захотел, а старик сказал, что без сына ему ехать нельзя. Жена гостя Воронина с его заводов ответила, что у нее тот завод на откупу и мастера наемные, может быть, одного или двух даст. Вахромей[2] одного мастера дал, даст, вероятно, и другого и т. д. Эти сообщения интересны потому, что показывают, в какие мелкие детали и подробности способен был вникать Петр в каждом деле. От железных мастеров Виниус переходит к каким-то «легким пушечкам кованым», которые он велит сделать по данному Петром образцу: они очень пригодны будут против татар, ежегодно нападающих на сибирские слободы. Далее идет целый ряд разных сообщений и просьб: вчера из Москвы поехал в Азов Прокофий Возницын; он, отправляясь в великое посольство за границу, взял из Сибирского приказа, которым управлял Виниус, соболей и камок на 12 000 рублей, надобно бы спросить с него отчет; он не возвратил также Виниусу писем его, писанных им к государю в Вену, и Виниус просит Петра велеть их отдать. Относительно решений по де-

[1] П. и Б., т. I, № 271.

[2] Варфоломей или Вахромей Меллер — владелец железных заводов, расположенных по реке Протве в Боровском уезде.

лам о злоупотреблениях сибирских воевод — все в воле государя; Виниус предлагает только кое-что у них отобрать — «им во очищение душевного греха, а иным будущим в страх, но во изволение твое государское не вступаю, да будет надо всем твой милостивой указ». Французское дело с испанцами ныне утихло, потому что испанский король повыздоровел, однако ж признают его слабым, поэтому французский король приготовился к войне, а цесарь с английским королем и с голландцами готовят союзы против Франции. Турки Каменца полякам еще не отдавали, что́ должны были сделать по Карловицкому договору, и будто бы сильно негодуют на визиря и на муфтия за уступку этого города полякам; будет ли отдача и правда ли то, что в курантах об этом пишут, покажет время. Припоминая, что день написания письма — 29 июня — «торжество первоверховных апостолов», Виниус заканчивает письмо поздравлением Петру и пожеланием многолетнего здравия и всякого благополучия [1].

В письмах от Адама Вейде много разных поздравлений Петру: со днем рождения, по случаю прибытия в Азов, по случаю удачной проводки кораблей в море. Вейде сообщает также о праздновании этих событий в компании друзей в Москве. Но главным предметом переписки с ним было порученное ему составление Воинского наказа. Вейде не только извещает царя о ходе этой работы, но и пересылает изготовленные ее части на его рассмотрение и ждет исправлений, которые делает Петр, принимая, таким образом, самое деятельное участие и в этой законодательной работе. «Allergnadigste grotte Her, — пишет Вейде 6 июля, — воинские правилы, конечно, в будущей потчте до милости вашей пришлю». Задержка вышла из-за Брюса, также привлеченного к этой работе: он не успел изготовить порученных ему статей, посвящая много времени на выправление русского языка — больше, чем он ожидал; станет сколь возможно спешить. Воинский наказ, пишет Вейде 13 июля, а также артикулы, в которых содержится уложение о наказаниях, изготовил по образцу подобных же уставов, принятых у других великих государей, и посылает Петру. Пусть Петр прикажет прочесть себе изготовленное подряд с начала до конца, тогда ясно будет видна последовательность; сделано, конечно, не без ошибок. «Изволите пожаловать с самова с начала все сряду велеть прочитать, то возможно будет видеть, что́ после чево последует и что милости вашей годно и негодно будет; только, чаю, не без погрешению быть для того, что не прочтена и с подлинною сличить не успел. Стану еще готовить, чтоб подлинно справно было». В письме от 20 июля он сообщает: «Воинские артикулы по прошлой почте до милости вашей послал; только еще одну (статью или главу?) с

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 771—773.

прилежанием выправлю»[1]. Но помимо главного предмета переписки в письмах Вейде передаются и разного рода другие известия. Елизарий Избрант поручил просить указа о заготовлении леса в Архангельске. От типографа Тессинга из Амстердама прислан листок из какой-то печатаемой у него русской книги (повидимому, титульный лист). Все издание в количестве 600 экземпляров будет прислано через Архангельск. В письме от 20 июля сообщается об увеличении числа недорослей, надо полагать, вступивших на военную службу, и возбуждается вопрос об их обмундировке: «Недоросли почали прибавляться; а некоторые есть дело свое нарочито знают. Прошу милости, чтоб им такие ж перевязи дать, как у преображенских; а кафтаны зеленые мало не все сделали»[2].

Яков Брюс в письме от 29 июня вслед за поздравлением «со днем ангела» сообщает Петру о приезде в Москву француза инженера де Шампи с рекомендательным письмом от курфюрста бранденбургского и с другими письмами, свидетельствующими о том, что он служил инженером во Франции и в Италии и строил во Франции «славную гавань Havre de Grace»; по разговорам с ним кажется человеком ученым и искусным. При письме Брюс пересылает царю какой-то сложный инструмент, очень пригодный для путешествующих, «как сыскать полус гогде (или элевацию поли), без всякого вычету и не ведая деклинации солнца и не имея инструментов, кроме циркуля и линиала». К инструменту он приложил чертеж и описание, как им пользоваться[3]. В другом сохранившемся письме его от 13 июля читаем: «Милостивейший государь! По твоему государскому писанию к Адаму Вейде послал я к тебе, государю, краткое описание законов (или правил) шкоцких, агленских и француйских о наследниках (или первых сынах). Також напоминая (т. е. вспоминая) твой государев приказ в Агленской земле, послал к тебе, государь, описание чинам, которые были у агленского короля у артиллерии на войне и во время миру, таковды о их жалованьи поденном в войне и о годовом во время мировое (т. е. мирное)»[4]. Переданный Брюсу через Вейде приказ царя прислать ему выписки о праве наследства из за-

---

[1] В 1698 г. Вейде, возвратясь из Вены, куда он был послан для ознакомления с военной организацией имперских войск, составил «Воинский устав», в котором определяются обязанности чинов русской армии, а также даны некоторые правила для строевого обучения. В 1699 г. ему было поручено составить «Воинский наказ, как содерживаться» и «Артикул, какое кому наказание за вины». См. *Бобровский,* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях.

[2] Письма Вейде, П. и Б., т. I: стр. 769 — приписка к письму Анны Монс от 28 мая; стр. 770—771 — от 15 июня, получено Петром 1 июля; стр. 777 — от 6 июля; стр. 777 — от 13 июля, получено Петром 30 июля; стр. 778 — от 20 июля.

[3] *Устрялов,* История, т. III, стр. 495—496.

[4] Там же, стр. 497.

конов английских, шотландских и французских показывает, что царя продолжает занимать мысль о переменах в русском наследственном праве в смысле наследования первых сыновей, которое его заинтересовало при наблюдении за английскими порядками. Эта записка Брюса будет положена впоследствии вместе с другими материалами в основу знаменитого закона о единонаследии 23 марта 1714 г. Присылка описания артиллерийских чинов в Англии показывает, что мысль Петра работает над планом устройства в России регулярной армии, которое и началось в том же 1699 г.

Л. К. Нарышкину Петр писал 5 июля из Азова и 26 из Таганрога. В ответах на эти письма от 20 июля и от 17 августа Нарышкин уведомляет царя о здоровье членов его семьи: царевны Натальи Алексеевны и царевича. Во втором письме он оправдывается против упреков Петра в том, что не предупредил шведских послов, приехавших в Россию, о продолжительном отсутствии его из Москвы. Как припомним, перед своим отъездом в Воронеж Петр приказал уведомить назначенных в Московское государство шведских послов через шведского резидента Томаса Книппера, чтобы они приезжали в Москву до масленицы, так как на масленице он уедет в Воронеж [1]. Шведское посольство тогда не явилось, а теперь, в двадцатых числах июля, приближалось уже к Москве. Петр упрекает Нарышкина в том, что посольству не было сообщено через Книппера об его отсутствии. «А что, мой асударь, — оправдывается Нарышкин, — изволил писать о свейских послех, что им не говорено, о чем Томосу Книперу указ твой был, и у меня то не забыто и все то им предлагал; в то же время при послех и Томос Книпер был, о чем изволишь по записи уведомитца». Нарышкин принял подъезжавшее к Москве шведское посольство в своей подмосковной усадьбе Чашникове и во время разговора с послами действительно выговаривал присутствовавшему при приеме резиденту Книпперу за непередачу сообщения. О разговоре с послами в Чашникове была составлена особая записка, которую он и переслал Петру [2].

Петр переписывался также с оставшимся в Москве генералом Гордоном. В письме от 28 июня Гордон сообщает царю о приезде в Москву на русскую службу из Польши одного своего родственника в чине корнета; едут из Киева еще два другие родственника его, оба в чине капитанов, кажется, искусные люди; если царь согласен принять их на службу, пусть напишет. Гордон сообщает далее царю, надо полагать, очень печальное для последнего известие: 20 июня пропал без вести находившийся в Москве капитан Рипли, командир подаренной Петру английским

[1] См. т. III настоящего издания, стр. 197.

[2] Письма Л. К. Нарышкина, П. и Б., т. I, стр. 777—778 от 20 июля; стр. 780—781 — от 17 августа, получено было 5 сентября. Записка о приеме послов в Чашникове напечатана у Устрялова (История, т. III, стр. 525—526).

королем яхты «The Transport Royal», которую он привел в Архангельск. «А чают, — пишет Гордон, — что сам себя изгубил, потому что долгое время вельми был меланколичны и смерть себе часто желал. А тело его ищут везде, только по се число нигде не найдут»[1].

В следующем письме от 6 июля Гордон уведомляет Петра, что 1 июля нашли тело Рипли в реке Яузе, пониже Лебяжьего двора в Преображенском. «А по осмотру голова избита назади, на правой руки знаки синие, пуговицы серебряные с кафтана обрезаны и карманы выворочены; однако неведомо, от себя пропал или от людей». В этом же письме Гордон сообщает Петру известие о следующем чрезвычайном происшествии: 29 июня во время «вечерен» дворовые люди князя Никиты Ивановича Репнина, а с ними и другие напали у Воскресенских ворот на караульных солдат и избили их, били также и находившегося с ними офицера и надругались над ним. Некоторые из виновных переловлены и приведены на Потешный двор; дьяк Преображенского приказа Яков Никонов ведет по этому делу розыск и по окончании пришлет его в Азов к князю Ф. Ю. Ромодановскому[2]. Это, вероятно, тот эпизод, о котором повествует Корб в своем дневнике под 30 июня (10 июля): «Князь Репнин. . ., у которого под влиянием какого-то сильного душевного потрясения помутился рассудок, дерзко напал со своими слугами на городской караул. Когда князь намеревался схватить знамя, то знаменосец поступил очень похвально, именно, он ударил Репнина древком; очень много других лиц во взаимной борьбе получили раны»[3].

Петр писал Гордону из Таганрога 18 июля, уведомляя его о выходе кораблей в море. «Mijn Heer groote Commandeur, — отвечает ему Гордон от 27 июля, — письма от милости твоей июля в 18 день с Таганрогу с великою радостию я принел, а что караблей вышли и дела ваше морское в путь идет велми утешаюся. Подай господь бог, чтобы все твое намерение и дела к доброму завещанию пришли бы». Гордон передает царю затем благодарность от некоего морского поручика за принятие на службу и за повышение в чине — и, может быть, это был тот родственник его корнет, о котором он писал в предыдущем письме. Следуют сообщения последних московских новостей: вчерашний день состоялся въезд в Москву шведских послов, а затем произошел большой пожар: «В десятом часу в Белом городе. . . выгорел Пушечной двор и от Неглинны до Поганова пруда, от Миколы Столба вниз до Китаю; а Китай чуть не весь выгорел»[4]. Письмо заканчивается фразой на не-

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 495.

[2] Там же, стр. 496.

[3] *Корб,* Дневник, стр. 158.

[4] *Желябужский,* Записки, ([Сахаров], Записки русских людей, стр. 64—65): «И того же числа (25 июля в день въезда шведских послов;

мецко-голландском языке: Ick recomendire V. M. in die Shütz des Almachtiges en verblyve V. M. ootmoedigste Dienaer P. Gordon. Slaboda, 27 Julij 1699». Голландское обращение и заключительная немецко-голландская фраза написаны Гордоном собственноручно; русский текст письма продиктован и сохраняет особенности русского произношения генерала [1].

Одновременно с письмом к Гордону 18 же июля Петр писал из Таганрога англичанину Андрею Стельсу в Архангельск, поручая ему выписать из Англии несколько корабельных мастеров, а именно: двух маштмакеров, двух блокмакеров, трех или четырех плотников — подмастерьев, с тем чтобы один из этих англичан умел говорить по-голландски. Стельс в ответе от 19 августа уведомляет, что тотчас написал об этом брату в Англию, но выражает опасение, что мастера уже не успеют приехать в Ругодив (Нарву) до весны, так как последние корабли из Лондона приходят в сентябре. Если бы приказание отдано было раньше, они, конечно, приехали бы на осенних кораблях. «Здесь (т. е. в Архангельске), — пишет он в заключение, — уже 10 карабли аглински были, из той число 3 пошли опять назад, да еще ожидаем 4 или 5 караблей» [2].

Итак, только что приведенные остатки переписки Петра за летние месяцы 1699 г. касались довольно разнообразных предметов. Здесь были очередные вопросы международных отношений и внешней политики: особенно интересовавшее Петра дело об испанском наследстве, прибытие шведских послов в Москву, вопрос об отдаче турками Каменца полякам во исполнение Карловицкого договора. Далее следуют вопросы законодательства, которое вообще начинает усиленно занимать Петра с 1699 г.: продолжая давать указы по проведению городской реформы, он занят составлением воинского устава в сотрудничестве с Вейде и с Брюсом и в то же время замышляет реформу наследственного права. Открытие железных заводов и снабжение их мастерами, оружейные мастера, пушки нового калибра, выписка из-за границы новых корабельных мастеров, заготовление леса в Архангельске, хранение гагаринского имущества, обмундирование поступивших на службу недорослей, прием на службу выезжих иноземцев, печатание русских книг в Амстердаме и присылка их в Архангельск, разного рода происшествия в Москве — таково содержание этой уцелевшей частной переписки. Но не следует забывать, что идет еще официальная переписка с приказами по их ведомствам, и многое из этой переписки докладывается царю и решается его

Желябужский ошибается днем: въезд шведских послов происходил 26 июля) был пожар великой, загорелось наперед на Рождественке, а выгорело по Неглинную и по Яузу в Белом городе, и Китай весь выгорел, не осталось ни единого двора; также выгорели все ряды и лавки, и Сыскной приказ».

[1] П. и Б., т. I, стр. 780.

[2] Там же, стр. 779—780. Письмо получено было Петром 29 сентября.

именным указом и по вопросам внешней политики и по делам внутреннего управления.

Несомненно, что Петр следил и за деятельностью цесарского посольства в течение последних недель его пребывания в Москве. Так же как бранденбургский посланник фон Принцен и датский Гейнс, приглашался приехать в Воронеж и Гвариент, и Петр там ждал его, но посол не прибыл. Произошло недоразумение. Когда боярин Л. К. Нарышкин вернулся в Москву из Воронежа 12 мая[1], он с удивлением спрашивал Гвариента: «Почему господин посол не пожелал приехать в Воронеж? . . . Царь ждал его приезда шесть дней». То же подтвердил и датский посол. Но оказалось, что приглашение не дошло до Гвариента. Оно было направлено через Украинцева, который должен был передать его послу; но письмо с приглашением не застало Украинцева в Москве: он уже уехал в Воронеж, куда отправлено было вслед за ним и письмо[2]. Заканчивая свою миссию в Москве, цесарское посольство должно было исполнить две формальности: во-первых, передать торжественное извещение о бракосочетании венгерского короля эрцгерцога Иосифа; во-вторых, быть принято в прощальной аудиенции. Эти церемонии за отсутствием царя совершены были при участии Л. К. Нарышкина. После предварительных переговоров 22 июня состоялась первая церемония. «Его царское величество отсутствовал, — описывает этот прием своим приподнятым, высокопарным слогом Корб, — более близкая его сердцу забота, желание славы, удовольствие получить новые корабли вызвали в нем похвальное стремление удалиться почти за триста миль к Меотидскому болоту недалеко от теснин Босфора Киммерийского; все же поручение требовало торжественности, которую устроил с благопристойным усердием первый министр Лев Кириллович Нарышкин. Для господина посла приведена была царская шестиупряжная колымага и лошади с царской конюшни, блещущие обычными украшениями. Господин посол остановился на дворе того дома, где боярин решил принять от имени царя известительную цесарскую грамоту; его приняли два дьяка и провели далее через много передних комнат; в преддверии последнего покоя, назначенного для настоящей торжественной обязанности, дожидался боярин. Для вящего торжества церемонии в этой же самой комнате стояли чиновники господина посла и многочисленная толпа царских писарей. Но когда боярин попросил господина посла сесть и началось совещание, то все получили приказание выйти, кроме Посникова, секретаря и переводчика»[3]. Чтобы как-либо возместить отсутствие царя на церемониях, послу было прислано письмо из Азова от боярина Ф. А. Головина,

[1] *Корб,* Дневник, стр. 150.
[2] Там же, стр. 151.
[3] Там же, стр. 156.

Рис. 10. Въезд цесарского посольства в Москву в 1698 г.
Гравюра из дневника Корба 1698—1699 гг.

написанное по приказанию Петра. В письме Головин сообщал, что царь «указал пребывающим в Москве своим министрам, чтобы они во всем удовлетворили господина посла и постарались отпустить его с таким почетом, который не выпадал доселе ни одному министру, имевшему такое же достоинство»[1]. Отпускная аудиенция состоялась 3 июля в кремлевском дворце[2]. Приезд посольства происходил по обычному ритуалу. Не без ведома Петра были, конечно, составлены врученные на прощальной аудиенции Гвариенту две грамоты к цесарю, датированные 25 июня: одна с поздравлением и пожеланиями по случаю бракосочетания эрцгерцога Иосифа, другая — обычная отпускная[3]. Посольство выехало из Москвы 13 июля таким же торжественным поездом, каким и въезжало в столицу. Это было новшество, получившее начало с выезда фон Принцена; обыкновенно отъезд посольств происходил гораздо менее торжественно, чем въезд. Посол протестовал против такого небывалого почета, чтобы не создавать прецедента для соответствующих требований будущих русских посольств в Вене; в ответ ему было заявлено, что эти почетные проводы устраиваются по личному специальному приказанию царя. Очевидно, это была также компенсация за отсутствие царя на прощальной аудиенции. Парадный характер выезд посольства имел до конца Дорогомиловской ямской слободы; здесь простился с посольством сопровождавший его пристав, и посольство направилось в село Фили, имение Л. К. Нарышкина, куда было приглашено на обед. «Знаменитое поместье первого министра и боярина господина Льва Кирилловича Нарышкина, — пишет Корб, — по имени Фили, отстоит только на семь верст от Москвы. Боярин уже несколько дней тому назад пригласил господина посла на обед, который приготовлен был там же с большой роскошью... Г. послу надлежало свернуть с столбовой дороги со всею своею свитою в сопровождении представителей иностранных государей и очень многих офицеров царской службы. При въезде в имение, где было очень много гостей из немцев (иностранцев) нам выказали столько учтивости, что каждый хотел присвоить себе на этом поприще пальму первенства. Повсюду видели мы изъявление дружеских чувств, очень многие соперничали между собою, желая возможно правдивее доказать нам бескорыстие своей привязанности. Наконец, всеобщее внимание привлечено было столами, уставленными богатыми яствами. Кроме первого министра и его родственника, а также обычного нашего переводчика г. Шверенберга (Тяжкогорского), не было ни одного русского гостя, но место их в обилии заступали немцы

---

[1] *Корб,* Дневник, стр. 157.
[2] Там же, стр. 159.
[3] П. и Б., т. I, № 272, 273.

(иностранцы)[1]. После господина цесарского посла сидели в таком порядке: датский посол, генерал де Гордон, бранденбургский резидент, Адам Вейд, цесарский пушечного дела полковник де Граге, полковник Яков Гордон, полковник Ачентон, цесарский миссионер Иоанн Берула, царский врач Карбонари, купец католик Гваскони, купцы не католики: Вольф, Бранд и Липс; вперемежку с ними сидели тут же восемь чиновников цесарского посла. Обед устроен был почти с царственною роскошью; приготовлен он был не на русский лад, а хорошо приспособлен к немецкому вкусу. Кушанья были в редком изобилии; золотая и серебряная посуда отличалась высокой ценностью; на столе стояли разнообразные наилучшие напитки — все это свидетельствовало о кровном родстве хозяина с царем. По окончании обеда стали состязаться в стрельбе из лука; никто не мог отговориться от этого ссылкой на иностранный обычай или на неопытность в непривычном деле. Лист бумаги, воткнутый в землю, служил мишенью; первый министр неоднократно пробивал его посредине при всеобщих рукоплесканиях. Проливной дождь помешал нам в этом приятнейшем занятии, и мы снова удалились в боярские покои. Нарышкин взял за руку цесарского посла и отвел его в спальню своей жены, чтобы исполнить там обряд их взаимных приветствий. У русских нет иного способа, чтобы выразить свое особенное уважение: наивысшего почета удостоивается тот, кого муж с отменной вежливостью приглашает поцеловать его жену и выпить из ее рук глоток водки». В доме Л. К. Нарышкина иностранные обычаи, как видим, уживались с русскими: гости за столом — исключительно иностранцы и в то же время стрельба из лука и поцелуйный обряд в покоях жены. Нарышкин подарил послу дорогую соболью шубу. Корб замечает по этому поводу, что подарок был небескорыстен, что, делая его, Нарышкин мечтал получить в ответ от цесаря карету, подобно тому как такая карета была подарена князю В. В. Голицыну четырнадцать лет назад. Однако происшедший вслед за тем эпизод омрачил его отношения с Гвариентом. Из Филей Нарышкин пожелал повезти гостей «в другое свое имение, удаленное на две версты от настоящего, и с этой целью пригласил его в свою карету, а генерал Гордон уже ранее занял там первое место. Однако Нарышкин заслуживает скорее сожаления за свою простоватость, чем порицания за хитрость. Поэтому он совершенно растерялся при следующем замечании цесарского посла: «Вы ставите цесарского посла ниже генерала Гордона». В то время как Нарышкин старался каким-нибудь способом выйти из затруднения, цесарский посол сел в свой собственный экипаж и поехал в нем с прочими

---

[1] Корб имеет здесь в виду не только немцев, а вообще всех иностранцев, так как в то время русские называли немцами всех иностранцев, проживавших в Русском государстве.

в имение. Нарышкин принял там гостей с отменной вежливостью, показывал им удобное место для охоты по склону ближнего холма, заросшего мелким кустарником и заканчивающегося долиной, и старался примирить с собой оскорбленного посла, подарив ему двух охотничьих собак, которых выдавал за самых лучших. Пробыв недолго в этом поместье, мы поблагодарили боярина и простились не только с ним, но и со всеми присутствовавшими там гостями... Полковник Гордон усиленно старался оправдать отца за оскорбление, полученное из-за него боярином»[1]. И эти приемы у Нарышкина делались, может быть, также по приказанию Петра; во всяком случае, он был о них своевременно осведомлен.

В июле была отправлена грамота к английскому королю с уведомлением о назначении посольства Украинцева в Константинополь и с просьбой, чтобы английский посол в Константинополе посодействовал его успеху[2]. 30 июля датирована грамота к польскому королю об отозвании находившегося в Варшаве русского резидента Алексея Никитина и о назначении на его место нового резидента стольника Любима Судейкина[3]. И эти документы, конечно, не миновали взоров Петра.

По докладам из приказов Петр давал именные указы, касавшиеся назначений различных лиц на должности[4], причем из сферы этой его деятельности не выходит и церковное управление. Наиболее крупным происшествием тогда в церковной сфере была перемена на крутицкой кафедре. Митрополит крутицкий Тихон был назначен митрополитом казанским и свияжским; на его место Петр приказал перевести нижегородского митрополита Трифилия. Патриарх Адриан был против такого перевода. Не решаясь писать о том царю прямо и непосредственно, он обратился к нему через находившегося при нем в Азове боярина Т. Н. Стрешнева. «Сие дело, — писал он последнему 13 июля, — зело неприлично». Во-первых, священные правила запрещают переводить епископа с одной кафедры на другую без какой-либо его церковной или гражданской вины. Затем Трифилий — человек старый и болезненный, а крутицкая кафедра требует непрестанного труда. К тому же еще «в Нижнем-граде многие от приказного сына его митрополичья (яко слышахом) сотворишася оскорбления людем» и в доме архиерейском большие непорядки и недочеты. Обо всем этом патриарх просит Т. Н. Стрешнева доложить государю и на-

---

[1] *Корб,* Дневник, стр. 162—164.

[2] П. и Б., т. I, № 277, от 29 июля.

[3] Там же, № 278.

[4] См., например, Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1106; назначение подьячего Посольского приказа Михаила Родостамова в дьяки того же приказа; «о том его, великого государя, указ прислан чрез почту с Таганрогу августа в 18 числе нынешнего году». Там же о назначении Степана Ключарева в дьяки царской Мастерской палаты.

помнить ему при этом, что сам он говорил, будучи у него, патриарха, в келье, чтобы на крутицкую кафедру «избран был, кто потребен», т. е. чтобы был найден подходящий человек и чтобы он, государь, «изволил сие превождение отставить», т. е. отменить распоряжение о переводе. О том же просят государя вместе с ним, патриархом, и все находящиеся в Москве архиереи. К письму приложена была особая записка, где против кандидатуры Трифилия выдвигается еще одно соображение, которое должно было, по мнению патриарха, особенно подействовать на Петра; здесь же указывается другой, более подходящий кандидат. В Москву нужен, говорится в записке, такой архиерей, которому можно было бы поручить управление книжным печатным двором (типографией) и надзор над Академией, «где учатся дети и возрастные отроки славенского нашего греческого и латинского языка и грамматического знания» на пользу церкви и государству: «ради всяких к потребе гражданских благоразумных соделований: и переводчиков, и лекарских искусств, даст господь, будут навыкати». Требовался, следовательно, человек образованный, склонный к книгам. Подходящим кандидатом был бы архиепископ холмогорский Афанасий — «и ради немощей моих прежде бысть намерение о колмогорском владыке, дабы и в вышеписанных делах способствовал». Записка заканчивается повторением просьбы: «Пожалуй, господа ради, сотвори любовь и, будет возможно, доложи или, зачем будет невозможно, отпиши, чтобы было лучшее и угоднее всем». Неизвестно, докладывал ли Стрешнев письмо патриарха Петру. Во всяком случае, уже 20 июля вопреки желанию патриарха состоялся в Успенском соборе перед литургией обряд перевода Трифилия на крутицкую митрополию [1].

Среди занимавших его крупных и мелких государственных дел, Петр помнил и о своих друзьях, живших за границей «для науки» и находил время следить за их успехами и вести с ними корреспонденцию в дружеском шутливом тоне. Выше упоминалось, что 13 июня он писал из Азова в Берлин волонтеру своего десятка Анике Щербакову. Щербаков в Амстердаме учился голландскому языку, а теперь, находясь в Берлине вместе с другим волонтером того же десятка С. Г. Нарышкиным и с преображенским солдатом Д. Д. Новицким, учился немецкому языку, математике и артиллерии. В письме, как можно догадываться из ответа Щербакова, царь говорил о каком-то челобитье, с которым Щербаков к нему обращался, об умножении «наших компаний», т. е. числа молодых людей, подготовленных к морскому делу или уже занятых им, которых Щербаков уже предполагает триста, а к своему возвращению

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 500—501; Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1104.

рассчитывает найти четыреста, далее «о кораблях и галерах» — сообщение, вызвавшее радость у обучавшихся в Берлине, которые по этому случаю «все вместе сошлись и поздравляли о том, чтоб все нашему всемилостивейшему государю по желанию исполнилось, как сам в мысли своей имеешь». Наконец, из ответа Щербакова видно, что Петр написал особую «грамотку», в которой потешался над находившимся также в Берлине одним из учеников, «самом чуднейшем и чрез меру редко бываемом человеке, — как его аттестует Щербаков, — господине Даниле Дмитриевиче Новицком». В ответе Щербаков также подсмеивается над Новицким, говорит, что он от своей науки «зело возвысился» и что еще в свете не было такого ученого и разумного. Новицкий хвалится, что выучил все, что было повелено ему государем: геометрию и математику, а между тем еще «ни одной цыфири (т. е. цифры) не знает». Он говорит, что день и ночь работает над чертежами пушек и мортир и собирается начать учиться пушки лить, но «мне мнится», замечает по этому поводу Щербаков, что столько же выучится, сколько и математике. Петр писал также, что Новицкому ехать до границы на своих харчах, но того он не желает, хотя и может, потому что курфюрст выдает ему 15 ефимков в месяц. Вообще он едва ли возвратится, потому что занят в Берлине своей женитьбой, связанной с каким-то судебным процессом. Петр в грамотке подымал вопрос и об этой женитьбе, служившей также предметом острот и шуток. «Что же о женитьбе его приналежит, — отвечает Щербаков, — он такую женитьбу выбрал, что насилу кто из нас такую возможет ли получить». Как это дело кончится, еще неизвестно, «потому что еще в тяжбе пребывает, его свадебная одежда зело изодралась, насилу не в одной рубахе ходит». Что Новицкий пишет, «что он не хочет на свете жить, тому я верю подлинно, потому что он жития уже насытился и ожидает по вся часы с неба святых ангелов, которые б его живого в небо отвели, как Илию пророка». Насмешками над Новицким полно также письмо из Берлина к Петру от другого волонтера С. Г. Нарышкина «О Даниле Дмитриевиче Новицком, — пишет Нарышкин, — возвещаю моему всемилостивейшему государю, что его все поведение здесь зело худо есть»; он выдает себя в Берлине за знатнейшего комнатного дворянина у царя, хвалится множеством деревень и подданных и, распустив о себе такие слухи, «тем девицу здесь в городе к супружественному сговору привел, а нас всех за робят ставил и не почитал ни во что». Относительно учения кронпринц и граф фон Денов ему несколько раз напоминали, чтоб он был прилежнее, но это не помогает; он очень высокого мнения о своих успехах и познаниях, «чает бутто он уже совершен в своих делех, думает уже профессором стать во академии в Франкфурте». В Москву не хочет ехать, думает здесь, в Берлине, получить какую-либо

службу; больше полугода ведет тяжбу о свадьбе, но еще не покончил, и неизвестно, когда это кончится. Письма Щербакова и Нарышкина написаны были на немецком языке, как лучшее свидетельство об их научных успехах [1].

Наконец, в переписке не забыта была и сердечная привязанность — Анна Ивановна Монс. Сохранились за это время два ее письма — от 28 мая и от 25 июля, оба в ответ на не дошедшие до нас письма Петра. В первом вслед за многословными изъявлениями благодарности за то, что пожаловал, дал ведать о своем многолетнем здоровье и т. д., и пожеланиями здоровья, счастливого пребывания и скорого возвращения Анна Ивановна отвечает на просьбу Петра о присылке какой-то *цедрооли:* «А что изволили писать об цедрооли, и я ожидаю всякой час, и как скоро привезут, и я, не замешкав, пошлу, и если бы у меня убогой крылие былы, и я бы тебе, милостивому государю, сама принесла». Склонность к ней Петра Анна Ивановна не прочь была использовать для устройства дел, о которых ее просили, зная ее близость к царю. Так, в приводимом письме она хлопочет перед царем за вдову Петра Салтыкова в ее тяжбе с некиим Лобановым и просит царя указать перенести ее дело из Семеновского приказа в какой-нибудь другой; если же это царю неугодно, то, по крайней мере, не велеть брать людей Салтыковой на правеж до его возвращения в Москву. «Мне, государь, — заканчивает письмо Анна Ивановна, — от ней упокою нет, непрестанно присылает с великими слезами. Пожалуй, государь, не прогневися, что я об делах докучаю милости твоей. За сим здравствуй, милостивой государь, на множество лет. Sein getreue Dinnerin bet in mein Dot. A. M. M. Den 28 Maii». Видимо, царю не очень понравилось вмешательство Анны Монс в дело Салтыковой с Лобановым, и, должно быть, он это ей дал понять. По крайней мере, в следующем письме от 25 июля она пишет: «Прошу у тебя, милостивова государя, пожалуй, прасти [в] вине моей меня, убогую рабу свою, что я к милости твоей писала об деле Солтиковой вдовы; я о том опосна, чтобы фпредь какова гневу не было от тебя, милостивова государя, что я так дерзновенно зделала. Sein getreue Dinnerin bis in mein Tod. A. M. M. Dem 25 Julii» [2].

XIII. ПЛАВАНИЕ К КЕРЧИ

В воскресенье 30 июля в девятом часу утра был созван военный совет на корабле адмирала; было указано, чтобы все окончательно было приготовлено к плаванию, на что собравшиеся, к великому удовольствию царя, как замечает Крюйс,

[1] П. и Б., т. I, стр. 773—776.
[2] Там же, стр. 768—769, 779.

отвечали, что «все готово и корабли совсем вооружены». Царь при этом приказал всем офицерам быть готовыми к производству при первом же благоприятном ветре примерного морского сражения — «с эскадрою обучительную баталию держать». Он дал было уже и сигнал к началу такого маневра, чтобы якоря вынимали и шли на глубокую воду. Однако ветер к полудню спал, и маневр пришлось отложить [1].

Эскадра, назначенная к плаванию в Керчь, составилась из 10 больших кораблей; именно в нее вошли корабли: «Скорпион» — 62 пушки, на нем адмирал Ф. А. Головин, «Благое начало» — вице-адмирал Крюйс, «Цвет войны» — шоутбейнахт фон Рез, «Отворенные врата» — капитан Петр Михайлов, далее «Апостол Петр», «Сила», «Безбоязнь», «Соединение», «Меркурий», «Крепость» — на них капитанами были иностранные офицеры. На корабле «Крепость» находилось посольство, перебравшееся на него со своих будар еще 22 июля. Сверх этих больших судов в состав эскадры входили: 2 галеры — «Периная тягота» и «Заячий бег», кипарисная яхта царя, 2 галиота, 3 бригантины и 4 казачьих струга, на которых находилось 500 выборных казаков с атаманом Фролом Минаевым [2]. Чтобы получить представление о составе экипажа на кораблях, приведем для примера состав экипажа 46-пушечного корабля «Крепость», точно перечисленный в Статейном списке посольства. Кроме посольства на нем находились: а) иностранцы: капитан голландец Петр фон Памбург, лейтенант Лукас Гендриксон, 2 штурмана, 1 подштурман, 1 боцман, 2 боцмансамт, 1 констапель, 1 лекарь, 1 толмач, 16 матросов; б) русские служилые люди Преображенского и Семеновского полков: 2 сержанта, 1 каптенармус, 5 матросов из тех же преображенцев и семеновцев, исполнявших со времени азовских походов также и матросскую службу, 1 ротный писарь, 4 капрала, 2 барабанщика, 96 рядовых солдат. Всего иностранцев и русских в составе экипажа было, следовательно, 138 человек [3]. На всех судах эскадры насчитывалось 2 000 солдат Преображенского и Семеновского полков «во всякой воинской готовности» [4].

5 августа в полдень эскадра двинулась в путь. При самом «подымании якорей» Петр писал в Москву, между прочим,

---

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 380).

[2] *Елагин,* ук. соч., стр. 130 и приложение IV, № 23. В указании мелких судов источники разногласят: Статейный список дает 2 галиота и 3 бригантины (л. 14); «Записка о керченском походе», находящаяся в Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г. № 9 и напечатанная у Елагина (ук. соч., приложение IV, № 23), дает 1 галиот и не указывает бригантин. Такое же разногласие в числе казаков: в Статейном списке (л. 14) их указано 500; в «Записке» (л. 45) — 300.

[3] Арх. мин. ин. дел, книга Турецкого двора, № 27, л. 11; ср. л. 24—25. Состав посольства был 72 человека.

[4] «Записка о Керченском походе» (*Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 430).

Рис. 11. Азовский флот в 1699 г. Гравюра из дневника Корба 1698—1699 гг.

А. А. Вейде о выходе эскадры для провожания посла и к письму приложил «карту», вероятно, предполагаемого пути [1]. Отошли от Таганрога верст с двадцать, но ночью разразился «великий сторм», стали на якоря и простояли до 7, когда опять вернулись в Таганрог [2]. В этот день устроена была на таганрогском рейде примерная баталия, опыт которой не удался 30 июля. «В 7-й день сего месяца, — описывает этот маневр Крюйс, — в понедельник по утру ветр был вест-норд-вест и учинен обыкновенный сигнал от адмирала всем лейтенантам, чтоб к нему на корабль были, и роздал им следующую линию баталии». Перечислив далее (и надо заметить очень неточно) имена судов, входивших в состав эскадры, с указанием, также очень неточным, числа пушек и людей на каждом, Крюйс продолжает: «Потом дан сигнал, чтоб якори вынимали, и, шед с час вестен-зюйден и вест-зюйд-вест, дал адмирал сигнал, чтоб ранжировалися; и, как корабли в ордер линии приведены, дал адмирал сигнал к сражению, что изрядным порядком учинено. И продолжался сей забавной бой $1^1/_2$ часа, после чего от адмирала обыкновенной сигнал дан белым флагом сверху, чтоб биться перестали» [3].

Ждать благоприятной погоды пришлось еще неделю — до 14 августа. В этот день подул, наконец, попутный ветер, и ранним утром, в четвертом часу пополуночи [4], «пошли в путь и шли во весь день доброю погодою. День был красен; в ночи была великая погода. Шли во всю ночь и проехали Долгую Косу». Первым двигался корабль «Безбоязнь». Записка о Керченском походе, также отмечая очень благоприятную «зело способную» погоду в течение всего дня 14 августа и в ночь на 15-е, говорит, что если бы распустить все паруса, то в ту же ночь были бы в Керчи; шли же только под одним парусом и то не вполне распущенным. 15 августа, по отметке Крюйса, «поутру обратился ветр на вест-зюйд-вест; к вечеру ветр прибавился от запада, и адмирал дал сигнал, чтоб на якорь стали» [5]. 16-го, по его же заметкам, была «изрядная погода. На заре пошли в поход, имел курс на вест-зюйд-вест. О полудни имели мы северную широту 45°55′. Ввечеру было тихо и стали на якорь

---

[1] В ответе из Москвы от 24 августа Вейде поздравляет Петра «с новым московским воинским флотом», радуется его выходу в море и желает ему процветания и умножения «силою и славою» (П. и Б., т. I, стр. 781—782).

[2] «Юрнал», стр. 6; Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 14—15. Статейный список день отплытия приурочивает к 4 августа; отдаем преимущество «Юрналу».

[3] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 381—382).

[4] Так по «Юрналу» (стр. 6); по «Записке о Керченском походе» (*Елагин*, ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 430) — в пятом.

[5] «Юрнал», стр. 6: «До вечера за 2 часа стали на якори»; Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 15: «А в 15-м числе шел только до полудни, потому что пред полуднем восстала погода противная и шел морем лявирами до вечера, а с вечера стал для той противной погоды на якорях».

за 15 миль от Керчи». Весь день 17-го простояли на якорях. В «Записке о Керченском походе» путешествие за эти дни 15—17 августа описывается в таких общих чертах: «А на другой, на третий и на четвертый день погода была разнопременна, иногда ветру не было, а иногда, хотя и был, только нам противный и для того шли семо и овамо лавиром (т. е. лавируя), а за самым противным ветром стояли едва не целые сутки и, хотя в виду была Керчь, однакож не дошли». 18 августа двинулись в дальнейший путь, по свидетельству Крюйса, в 3-м часу пополуночи, пошли при северном ветре, в 8-м часу утра завидели «высокую землю Керченскую». В полдень вступили в Керченский пролив.

«В 18-й день (августа) за два часа до света, — читаем в «Записке», — и во весь день учинилась зело нам изрядная погода, которою того ж числа о полудни пришли в Керченское устье благополучно и стали в самом гирле на правой стороне близь берега против Николаевского рынка». Под Керчью стояла турецкая эскадра из 4 кораблей и 9 галер. «А среди того гирла близь Керчи города, — читаем в «Записке», — от нашего каравана верстах в двух стояли на якорях турские воинские четыре корабля во всякой готовности, а от них поодаль близь берега у Керчи стояло 9 каторг, наполненные воинскими припасы и людьми». При приближении к Керчи с адмиралтейского корабля сделан был салют семью выстрелами; на восьмом выстреле, как пишет Крюйс, к адмиральскому кораблю присоединилась вся эскадра и начала стрелять изо всех пушек. Турки отвечали таким же салютом. Взаимные салюты были повторены троекратно. По спуске якорей с адмиралтейского корабля в шлюпке английского образца [1] под небольшим белым флагом был отправлен Ф. М. Апраксин с тремя сержантами и с переводчиком к турецким властям: к командовавшему турецкой эскадрой адмиралу на его галеру и к керченскому паше с известием о прибытии русского флота и с поздравлениями. Во время прибытия русской эскадры к Керчи по берегу и по горам стояла татарская конница [2]. Составитель «Записки о Керченском походе» довольно подробно и точно описал Керченский пролив, в котором стала эскадра, упомянул об удобстве его для плавания, а также отметил красоту его берегов. «Керченское гирло, — пишет он, — к корабельному хождению зело изрядное и глубокое, глубины в нем будет с 6 и с 7, и с 8 саженей; по обеим сторонам того гирла берега зело изрядные, веселые и гористые, на которых лесов нет» [3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 16.

[2] Там же, Книга турецкого двора, № 27, л. 16 об.

[3] «Записка о Керченском походе» (*Елагин*, ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 434). От входа в гирло «от именуемого Никольского рынка до другого берега ширины будет с 5 верст. От косы, у которой стояли турецкие каторги, до другой, на другом берегу обретающейся, косы будет

В ответ на присылку Апраксина турецкий адмирал Гасан-паша прислал также в шлюпке (в «ушколе») со взаимным приветствием четырех своих служилых людей, «в том числе один гайдук, — замечает «Записка», — зело доброзрачен и убран». Вскоре после их приезда прибыли на адмиральский корабль на ушколе два знатные мурзы от керченского и кафинского паши (губернатора) Муртозы. Уже при первых приветствиях эти последние стали спрашивать адмирала о причинах прибытия стольких кораблей, а после, каким путем ему повелено ехать в Константинополь, на что адмирал ответил, что морской караван пришел к Керчи для провожания царского посланника, а каким путем посланник отправится, будет им возвещено потом. Посетители были угощены и затем в сопровождении князя И. Ю. Трубецкого сделали визит посланникам на посольском корабле, причем объявили, что для их сопровождения прислан в Керчь из Константинополя пристав капычибаша Мегмет-ага. Крюйс передает, какое впечатление произвело на турецких офицеров прибытие русских кораблей: «Ужас турецкой можно было из лица их видеть о сей нечаянной визите с такою изрядно вооруженною эскадрою; и много труда имели, чтоб турки верили, что сии корабли в России строены и что на них российские люди. И как турки услышали, что его величество указал своего посла на собственных своих кораблях в Константинополь отвезть, то туркам еще больше ужасу придало»[1]. С час спустя по отъезде турецких офицеров с посольского корабля к турецким властям были посланы А. Д. Меншиков, дворянин Василий Даудов и толмач Полуект Кучумов с предложением о пропуске посла в Царьград морем. «И оттуда приехали они ввечеру поздно, — замечает «Записка», — и сказали, что завтра-де к нам будет от них знатная присылка». Появившаяся под Керчью русская эскадра была целый день предметом любопытства со стороны экипажей турецких судов. «Турки с галер и кораблей приезжали на разные корабли его величества, на которых они изрядно приняты были и ходили повсюду вверх и вниз и солдат и матрозов обучать смотрели», т. е. смотрели на солдатское и матросское ученья. Они «и смолу на корабле сскребали, чтоб увидеть, из какого лесу они строены... и все, что мы им ни казали, хотя они то и сами видели и осязали, однакож было у них недоверие, но и весьма сомневалися». Этим закончился день 18 августа, заключает свой рассказ Крюйс, и турки имели в ту ночь свободу

версты с 4 и уже того места нигде в том гирле нет. Позади тех кос то гирло на обе стороны разлилось шириною верст на 20 и пошло в Черное море излучиною в правую сторону, на которой стоит Керчь, а на левой стороне позади вышепомянутого узкого места в долу близь берега стоит Тамань город, который был с кораблей в виду. В длину того гирла от моря до моря будет с 3 версты» (там же, стр. 435).

[1] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 384).

размышлять о том, что они видели за день. На берег, против которого стала эскадра, тотчас же по ее прибытии наехали турки и татары, торговые люди с разными товарами, с материями и фруктами, «с парчами и овощами. И продавали они те свои товары на московские деньги и на золотые, и на ефимки повольною ценою». Торговцы подплывали к эскадре, являлись и на адмиралтейский корабль и на иные и продавали товары с немалым для себя прибытком [1].

XIV. ПЕРЕГОВОРЫ С ТУРКАМИ О ПУТИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ОТПЛЫТИЕ ПОСОЛЬСКОГО КОРАБЛЯ

19 августа начались переговоры о пути, по которому ехать в Константинополь русскому посланнику. Утром приплыли в трех шлюпках офицеры от турецких властей: от адмирала и губернатора. Явившись сперва на адмиралтейский корабль, они говорили адмиралу, чтобы назначенные в Константинополь русские посланники ехали туда сухим путем. Адмирал ответил, что им надлежит говорить о том с самим послом; он, адмирал, только проводил посла со своим караваном до Керчи, а до того, как он поедет дальше, ему дела нет. Прибыв затем на посольский корабль, те же турки заявили посланникам, чтобы они прежде всего явились к обоим пашам — адмиралу и губернатору — для свидания и чтоб они ехали в Константинополь сухим путем, а не морем. Посланники ответили, что по указу государя велено им ехать в Царьград на его царского величества корабле, а сухим путем они не поедут и на берег к пашам ехать им, посланникам, не для чего. Если пашам есть какое-либо до них дело, пусть приедут к ним на корабль. Они потребовали также, чтобы к ним на корабль явился пристав, назначенный при них состоять, и чтобы он ехал с ними на царском корабле без замедления. После полудня действительно прибыл на корабль пристав капычи-баша Мегмет-ага. Представившись посланникам, он сказал, что по указу султана он прислан нарочно из Царьграда в Керчь для приема их, посланников, и что ему велено ехать с ними из Керчи в Царьград сухим путем через Крым и через Буджаки, и Дунай, и Бабу, и чтоб они, посланники, отправлялись с ним сухим путем, ничего не опасаясь. Посланники ответили, что им велено ехать морем на корабле; сухой путь от Керчи до Царьграда «в дальнем расстоянии, и учинится в том пути великое замедление». Знатно, что капычи-баша хочет их везти через Крым

---

[1] «Записка о Керченском походе» (*Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 435); «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 385).

«для некоего вымысла; только им чрез Крым ехать не для чего и до хана Крымского никакого дела нет им и говорить с ним не о чем и от великого государя... не наказано». Пристав предупредил их об опасностях, грозящих на Черном море: «знатно, де они, посланники, Черного моря не знают, каково бывает августа с 15 числа; не напрасно де ему дано имя Черное: бывают на нем во время нужды черны сердца человеческие». Посланники ответили, что «они в том полагаются на волю божию», сухим путем никогда они не поедут, и чтоб он с ними ехал на царском корабле без всякого замедления и без всякого спору, чтоб ему, приставу, за задержание послов не было от султанского величества какого гнева[1].

Натолкнувшись на эту твердость посланников, пристав пошел на уступки: их воля, пусть едут морем. Он просит только их выехать из русского каравана и, миновав турецкие корабли, стать против Керчи, а царский флот удалился бы в Азов. Посланники ответили, что они станут против Керчи на следующий день, 20 августа, что же до царского флота, то он не отойдет от Керчи до тех пор, пока они, посланники, не отправятся морем в Царьград. Пристав сказал, что двинуться в путь можно будет дня через три или четыре: в эти дни турки должны починить и проконопатить свои корабли и галеры; при этом заметил, что и самому ему, приставу, в Керчи долго жить не хочется, «а мурзам и татарам, которые для их, посланничья, приему высланы, уже и прискучило и, дожидаясь их в Керчи больше трех месяцев, проелись». Он же передал посланникам, что при султанском дворе ждали, что они поедут в Царьград сухим путем; не думали, что такие корабли есть в государстве его царского величества, и не представляли себе, чтобы эти корабли могли из-за мелей пройти из Азова к Керчи. Их «караульщики» спорили и бились об заклад своими головами, что, может быть, такие корабли у царя в Азове и есть, но что им из Азова к Керчи пройти отнюдь невозможно, «и то они в великое удивление почитают». Посланники сказали в ответ, что у его царского величества состроены многие корабли и еще гораздо больше тех, которые они теперь видят, и теми кораблями ходить можно без всякого опасения, и мелей они нигде не видали. Затем посланники предложили приставу несколько вопросов о султане и об интересовавших их турецких делах: где султан ныне обретается, послы из которых государств пришли при нем, приставе, в Константинополь, очищен ли и отдан ли полякам город Каменец? Пристав сказал, что, когда он уезжал, султан находился в Адрианополе; посол прибыл только польский, от Речи Посполитой, ожидали цесарского и венецейского послов; с своей

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 17 об. — 19.

стороны и султан отправляет посла к цесарю. На этом разговор 19 августа с приставом закончился [1].

20 августа, в воскресенье, адмирал приказал по кораблям приготовить пушки для салюта при проследовании в Керчь посольского корабля. В 10-м часу утра этот корабль поднял паруса и прошел, направляясь к Керчи, перед судами русской эскадры, которые приветствовали его при этом двукратным салютом. Когда корабль приближался к турецкой эскадре, то был и с нее «изо всех пушек поздравлен», на что и сам отвечал салютом. В «Юрнале» находим за этот день отметку: «в полдни принял посла» [2] — значит, Украинцев имел аудиенцию у государя. Турецкий адмирал Гасан-паша прислал к Украинцеву своего казначея Обдия «с поздравлением и с овощами: с яблоки, и с дули, и с арбузы». Вслед за тем и пристав прислал им от себя «в почесть» четырех баранов. Благодарить адмирала посланники посылали стольника Гура Украинцева с подьячим и толмачом [3].

21 августа Крюйс в 7-м часу утра побывал на царском корабле и попросил у царя позволения с несколькими офицерами на двух шлюпках посетить турецкую эскадру и осмотреть город Керчь. Позволение было дано. Крюйс взял с собой двух капитанов: Рокус-Кина и Бекгама и полковника Преображенского полка Блюмберга и отправился к галере турецкого адмирала «под претекстом покупки кофе, пшена и прочих потребностей». Гасан-паша принял их любезно, посадил на маленькую скамейку, покрытую коврами, «был зело учтив в разговорах и велел тотчас кофе подносить. В разговорах спрашивал нас: какой мы нации? Услыхав в ответ: англичане и голландцы, Гасан-паша сказал: то наши наилучшие друзья! И для чего мы царю российскому служим? Отвечали: для того, что англичане и голландцы — наилучшие друзья его царского величества Российского, так для союзу, как и коммерции, и что наши государи ныне мир имеют и что мы служим тому, кто нам больше денег дает и друг Англии и Голландии». Адмирал сказал на это: «Черное море зело опасно и что турки такие великие корабли имеют, на которых пушки обретаются, из которых каменные ядра по 120 фунтов стреляют». На что мы ответствовали: «Что касается до Черного моря, и мы во флоте довольно офицеров имеем, которые по оному ходили и гораздо короче путь сыскать могут в Константинополь, нежели они к Керчи. Что же принадлежит до наших кораблей, то обретаются здесь некоторые, почитай, из самых меньших; что мы не употребляем пушек, чтоб каменными ядрами стрелять, но всегда железными. . . и то для того, что железное ядро насквозь проходит, а каменные иногда в воду падают, иногда

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 20—21.
[2] «Юрнал», стр. 7.
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 22.

же на части разбиваются». На адмиральской галере Крюйс купил на 80 червонцев кофе, причем Гасан-паша сам взвешивал червонцы и взыскал добавочное за недовес. «При прощании спросил нас, куда мы далее едем. Отвечали: как мним, к Керчи; на что паша ответствовал: комендант наш вас не впустит. Мы на то сказали, что пойдем и без спросу, и с тем поехали».

От Гасан-паши Крюйс с офицерами поехали к «водяному месту», к водопроводу, из которого корабли снабжались пресной водой. Устроены были четыре медные трубы, через которые вода текла прямо в подходившие боты. Крюйс велел отвести турецкие боты и подставить свои. Тотчас же появился на берегу турецкий чауш (полицейский) верхом и спросил, что за люди. Крюйс объяснил: офицеры его царского величества флота, ничего не требуем, только находим справедливым, чтобы две трубы были даны нам и две остались для турецкого флота, на что чауш сейчас же согласился. Устроив дело с водоснабжением, отправились осматривать город. Но как скоро вышли на берег и приблизились к городским воротам, собралась большая толпа «в великом смятении» и стала спрашивать офицеров, чего они требуют и по чьему позволению они пришли. Офицеры отвечали, что они — подданные царского величества, что их государи имеют между собой мир и что они приехали, чтобы за наличные деньги купить необходимые припасы. Это, однако, нисколько не подействовало. «Мы остановились в середине в воротах, — пишет далее Крюйс, — но татары так сильно теснились в таком страхе и трепете, якобы город уже сдался». Из толпы вдруг выскочил один греческий матрос, который, ухватя вице-адмирала за руку, воскликнул: «Здравствуй, господин капитан Крюйс!» Матрос, как оказалось, 16 лет тому назад плавал с Крюйсом в Западной Индии и теперь узнал его. Между тем татары, среди которых был, по всей видимости, и сам комендант, стали просить, чтобы офицеры входить в город не изволили, что они доставят им все необходимое: быков, баранов, кур и пр. Как офицеры ни старались войти в город, однако не могли и должны были отступить. Принужденный удовольствоваться только внешним осмотром города, Крюйс, однако, дает в журнале описание его с цифрами. «Дистанция города около 400 шагов (?) в длину и 200 в ширину, по северной стороне [обращен] к воде, в зюйдскую сторону к горе высокой; обведен каменною стеною нарочитой вышины. На зюйд-остской стороне имеется крепость с пятью башнями; однакож стены в некоторых местах развалилися и зело не крепки, и некоторая плохая грудная защита. Ежели из 12 шестифунтовых пушек по ней стрелять, то и стены, и защита попáдают». Дома все одноэтажные, кровли плоские из лещади (каменных плит). Двадцать турецких мечетей и две греческие церкви. Одна из мечетей близ водяных ворот,

Рис. 12. Керчь, развалины старинной крепости.
Гравюра XIX в.

наизначительнейшая, «с полуглобусовою кровлею и со изрядною пирамидою посторонь, круг оной хорошая галлерея, от земли восемь лестниц (ступеней?) вышиною». На обратном пути к эскадре офицеры успели сделать промер фарватера.

После полудня сделал визит Гасан-паша адмирал Ф. А. Головин, которому Петр приказал, впрочем, когда флот подошел к Керчи, держать на своем корабле лишь флаг шоутбейнахта, контрадмиральский, чтобы турки не подумали, что из этой небольшой эскадры в 10 кораблей состоит весь русский флот, раз ею командует сам наивысший начальник флота. Адмирала сопровождали князь И. Ю. Трубецкой, князь И. М. Долгорукий, князь И. И. Троекуров, Ф. М. Апраксин и другие на нескольких шлюпках. Петр также находился в свите адмирала, занимая место в его шлюпке «за квартирмистра» и будучи одет в костюм саардамского корабельщика. Приветствованный надлежащими салютами, Ф. А. Головин провел на галере у Гасан-паши с час времени. Турецкий адмирал встретил его любезно, потчевал питьями и подарил турецкий кафтан «(парча серебряная, на ней большие золотые кубы), который сделан по ферезейному с проймами, атласом зеленым подбит» [1]. Как пишет Крюйс, адмирал «почтен был турецким золотным кафтаном и некоторыми конфектами». По просьбе Головина показан был ход турецкой галеры, «велено одной турецкой галере прогресть, которая немного кругом всех галер обошла и паки в свое время и на свое место на якорь стала» [2]. Вероятно, это было сделано по желанию Петра, который побывал, таким образом, на турецкой галере и мог ознакомиться с ходом этих судов турецкого флота.

Между тем, на посольском корабле у посланников с приставом шли свои разговоры. Когда пристав явился на посольский корабль, он был встречен выговором за неявку вчера (20 августа): «посланники ему выговаривали, для чего он вчерашнего дня к ним не бывал; а ему было должно к ним, посланником, ездить почасту... и чтоб он, конечно, с ними ехал на корабле царского величества или на своем немедленно». Пристав отвечал, что вчерашняя его неявка произошла «без хитрости, а впредь готов он к ним, хотя по вся дни, приезжать». Затем посланники передали ему роспись всем находившимся на их корабле морякам, пехотным чинам и посольскому составу. Всего находилось на корабле «Крепость» 138 человек экипажа и 72 человека посольского состава, следовательно, 210 человек. Пристав выразил неудовольствие росписью, в которой значился не только посольский состав, но моряки и солдаты, потребовал ее переписки, говорил: «для чего де в

---

[1] «Записка о Керченском походе» (*Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 433).

[2] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 393).

росписи, какову они, посланники, ему, приставу, дали, капитан и солдаты, и матросы написаны, они де люди не посольские, но служилые, и соединять их с посольскими людьми не доведется, и чтоб они, посланники, велели тое роспись переписать и написать только одних посольских людей». Это была, конечно, пустая придирка, объясняемая желанием турок цепляться за каждый предлог, чтобы задержать отплытие посольского корабля в Константинополь. Посланники сказали, что той росписи переписывать им не для чего; «капитан и солдаты в той росписи написаны для того, чтобы ведомо было, сколько человек и каких чинов люди с ними, посланники, на его, великого государя, корабле». Пристав говорил также с посланниками о курсе, которого следует держаться на пути в Константинополь, «чтоб, идучи от Керчи, заехать им, посланникам, с ним, приставом, на кораблях для пресной воды и всяких живностей в крымские городы: в Кафу (Феодосию) и в Балаклаву». Посланники дали категорически отрицательный ответ: «в те городы заезжать им не для чего, вода пресная и живность у них, посланников, есть, только в том будет им напрасное медление, а, вышед из гирла, пойдут они Черным морем по компасу, не занимая тех городов, настоящим путем».

Вечером 21 августа с царского, адмиральского и вице-адмиральского кораблей были «пусканы ракеты не по большому» [1].

Ни 22, ни 23 августа пристав на посольском корабле опять не появлялся, так что посланники принуждены были 23-го отправить за ним дворянина Гура Украинцева с подъячим и толмачом. Пристав с посланными, однако, не поехал, отговариваясь непогодою, которая действительно в тот день была «зело велика». Тогда посланники отправили к нему и к обоим пашам вновь того же дворянина Гура Украинцева и велели говорить, что ветер с севера для их похода самый благоприятный и чтобы пристав немедленно переезжал к ним на корабль. Если с ними на корабле ехать не хочет, пусть едет на своем корабле, а к ним бы прислал вожей (лоцманов); если же и на особом своем корабле с ними не поедет и вожей к ним не пришлет, то они, с помощью божией, пойдут в Черное море к Царьграду одни, только не было бы ему за это от султана какого гнева. Если паши и пристав имеют опасение от царского каравана, то пусть отправят с посланниками для провожания один из своих кораблей, а остальные пусть остаются под Керчью. Царский караван стоит только за противной погодой; как только погода переменится, пойдет от Керчи к Таганрогу. Паши и пристав Гуру Украинцеву сказали, что от царского каравана «никакого опасения не имеют» и сами видят, что он стоит «за противным ветром». А хотя погода с

---

[1] «Записка о Керченском походе» (*Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 433).

севера для их, посланничьего, путешествия и благополучная, только вельми великая, и такою великою погодою в Черное море выйти отнюдь невозможно, потому что на некотором расстоянии от Керчи на их пути лежит в воде камень, обойти его негде, пройти же надо, зная то место, чтобы корабля не повредить. Если посланники, не послушав их, все же в такую неспособную погоду пойдут и если что над кораблем их и над ними самими учинится, на них бы не пенять и пусть дадут им в том «письмо», т. е. письменное удостоверение о том, что они об опасности пути были предупреждены. Этот подводный камень был также только одним из средств задерживать посланников. Украинцев приказал капитану Памбургу послать штурмана осмотреть камень. Штурман Христиан Отто, вернувшись, сказал, «что в том месте на пути, которым им итти... никакого камня в воде нет, а вышел из горы мыс и лежит в воде невидимо и обойтить тот мыс мочно» [1].

Капычи-баша все же приехал в этот день к посланникам. Так как весь запас средств для задержания их до подводного камня включительно был без успеха исчерпан, он начал опять повторять свои аргументы с начала, опять стал говорить, чтобы они, посланники, ехали сухим путем, что по Черному морю с последних чисел августа «на кораблях не ходят и ходить страшно» и, очевидно, для вящего убеждения посланников ехать сухим путем показывал им роспись станам по сухому пути от Керчи до Царьграда: росписано всего 25 станов, от стана до стана по 3, по 4 и по 6 часов езды. Посланники резко возразили, что отъезд их по желанию пашей и пристава был отсрочен на три или четыре дня, те дни давно уже истекли, «и то стала их неправда». О сухом пути ему и говорить было не для чего, потому что то уже отложено; чтоб он объявил им самую правду, едет ли он с ними на их корабле и, если не едет, пришлет ли вожей. Тогда пристав, уступая, сказал, что «конечно, он и с рухлядью своею, как погода утихнет, к ним, посланникам, на корабль будет, и никакого б сумнительства в том они, посланники, не имели; а в провожатых с ними пойдут только четыре их корабля, а каторги останутся для запасов» [2].

Обо всех этих переговорах, грозивших вследствие повторения одних и тех же аргументов затянуться, доводилось, конечно, до сведения Петра, и, надо думать, от него рано утром 24 августа на посольский корабль был послан Ф. М. Апраксин с энергичным приказанием, чтобы посол просился ехать, так как данные туркам три дня отсрочки для починки кораблей уже прошли; чтобы пристав ехал с послом на русском корабле, а если не поедет, послу его не ждать и отправиться

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 26—28 об.
[2] Там же, л. 28 об.—29.

одному[1]. Русская эскадра собиралась на следующий день покинуть керченские воды, и это был последний приказ Петра Украинцеву[2].

25 августа пристав привез к посланникам вожа — грека, «кафинского (феодосийского) жителя Георгия, прозванием Бабу», и пригласил их подойти с кораблем к керченской пристани; впереди корабля для указывания пути пойдут две турецкие галеры. Действительно, вскоре к «Крепости» подошли две галеры и стали перед ней. Остальной турецкий флот также снялся с якорей и двинулся к Керчи. Когда он проходил мимо посольского корабля, произведены были взаимные пушечные салюты; с адмиральской галеры Гасан-паши раздавалась музыка: «били по литаврам и по накрам, и играла их музыка». В полдень «Крепость» двинулась за двумя турецкими галерами, но к пристани не подошла, а остановилась все же на значительном расстоянии от Керчи[3]. В письме к царю 26 августа Украинцев описывает это продвижение своего корабля к Керчи с такими подробностями: «По видении пресветлого лица твоего и по целовании самодержавной руки твоея августа в 25 день пустился я, раб твой, на корабле к Керчи» — из этих слов можно заключить, что 25-го он побывал на царском корабле и простился с Петром. «А по обеим сторонам корабля плыли у меня две галеры на гребле (т. е. на веслах) и парусами зело близко: едва веслами до корабля моего не дотыкались; и кричал вож беспрестанно, чтоб править корабль иногда направо, а иногда налево, а иногда впрямь; да и с галер ему кричали ж, меряя воду в море, коль глубоко. А дознаваюсь я, раб твой, что чинили то нарочно и вели, выбирая самыми мелкими местами, будто есть в море мели и пески. А капитан Пампурх в том месте моря мерял же, а по нашей мере глубины не во многом месте было 11 или пол 11 (т. е. $10^1/_2$) футов; а в ином месте, чаю я, что гораздо было глубже. Галеры, государь, турские все стали близко ко Керчи; а я стал не дошед до Керчи с милю немецкую»[4]. Возможно, что это стремление заманить русский корабль к самой керченской пристани входило также в систему способов, которыми турки пытались задержать посольский корабль у Керчи. Украинцев, как видим, на эту уловку не поддался.

По отплытии посольского корабля к Керчи тронулась в обратный путь провожавшая его эскадра[5]. В кругу Петра движение посольского корабля к Керчи считалось отплытием его

---

[1] «Записка о Керченском походе» (*Елагин*, ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 434).

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 22 об. — 26.

[3] Там же, л. 29 об. — 30.

[4] *Устрялов*, История, т. III, стр. 507; В Статейном списке (л. 30 об.): «в пяти верстах».

[5] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 30 об.

в Константинополь; так, по крайней мере, казалось составителю «Записки о Керченском походе», который говорит об этом движении так: «Две (турецкие) каторги пристали к посольскому кораблю, и посольский корабль, подняв все парусы и выстреля из пушек, *пошел в Царь-город*». Точно так же и в «Юрнале» отмечено под 25 августа: «В полдни корабль пошел в путь»[1]. Такой взгляд соответствовал и решительному приказу Петра, полученному от него Украинцевым 24 августа через Апраксина, — плыть во что бы то ни стало; а раз посольский корабль отплыл в Константинополь, провожавшая его эскадра, считая свое дело законченным, могла двинуться в обратный путь.

Перед отъездом Ф. А. Головин сделал визит керченскому и кафинскому губернатору Муртозе-паше. Муртоза со своим родным братом и со свитою человек в 50 приехал верхом на берег «и, взъехав на гору, стал против нашего каравана и просил желательно чрез наших людей, дабы адмирал, приехав на берег, с ним виделся». Головин согласился «и с валентеры и со служительми на берегу был»[2]. Под этим термином «валентеры» следует подразумевать Петра, вероятно, с Меншиковым, может быть, и с кем-либо другим из того отряда «валентеров», который ездил за границу с великим посольством в 1697 г. Припомним, что в Статейном списке этого посольства Петр обозначается иногда под этим названием. Таким образом, находясь в свите Головина, он принял участие в визите губернатору, подобно тому как в составе той же свиты он побывал у турецкого адмирала. Муртоза принял Головина «зело любезно и, посидев он, адмирал, у него при некоторых разговорах с полчаса и простяся с ним, поехал к себе на корабль». По возвращении с этого визита с адмиральского корабля дан был сигнал к отплытию. В половине второго пополудни, по отметке «Юрнала», корабли подняли якоря и при пушечных выстрелах направились к Таганрогу. Тотчас же по отплытию русской эскадры турки сняли свои шатры и палатки, раскинутые у них на берегу, против которого стояла эскадра. «А покамест тот царского величества караван от Керчи не отошел, — замечает Статейный список, — то у них, турков, с самого приезду розставлены были в розных местах многие караулы, да и сам кафинский и керченский Муртоза-паша со всеми начальными людьми жил в тех наметах в день и по ночам без отъезду, а сераскерь Гасан-паша (адмирал) жил на каторгах»[3].

Посольский корабль стоял под Керчью между турецкими кораблями, один из которых бросил якорь в полутора верстах

---

[1] «Записка о Керченском походе» (*Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 434); «Юрнал», стр. 7.

[2] «Записка о Керченском походе» (*Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 23, стр. 434).

[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 30 об. — 31.

от него с той стороны, где стоял русский флот, а три другие стояли со стороны Керчи ближе к берегу. Когда «Крепость» стала на якорь, вновь приезжал пристав с замечаниями, что Украинцев напрасно стал так далеко от Керчи. Посланник отвечал, что ему ненадобно заезжать с пути в сторону: лучше стоять в том месте, «откуда в путь итти способно». Но выйти в море в этот день ему не удалось за переменою ветра, и он заночевал на месте стоянки; «а с вечера мало, а с полуночи и побольше повеял нам ветер, способный норд-ост». Петр отплыл из Керчи в полной уверенности, что пропуск посольского корабля в Константинополь — дело решенное. Однако турки все еще не теряли надежды его задержать. Рано утром на следующий день, 26 августа, Украинцев отправил к приставу дворянина, чтобы пристав приезжал к нему на корабль немедленно: «а ветр дал нам бог способный и иттить время приспело». Пристав ответил, что этот ветер противный и «иттить никакими мерами невозможно и сам он себе и мне, — передает Украинцев его слова, — убийцею быть не хочет, а капитан будто у меня человек молодой и непостоянный, ходу Черного моря не знает». В заключение этого разговора пристав возвестил, что на посольский корабль сегодня в полдень будет адмирал Гасан-паша, а с ним корабельные и галерные начальные люди.

Визит адмирала, действительно, состоялся. Он приехал со свитой и с ними пристав. Встреча имела церемониальный характер. Произведен был пушечный салют. «А от всходу корабельного до самой каюты по обеим сторонам стояли солдаты в суконных красных и в зеленых добрых бострогах с ружьем». У входа на корабль Гасан-пашу «для почести» встретили посольские дворяне, переводчики и подъячие. Посередине корабля встречал дьяк Иван Чередеев; сам Украинцев встретил адмирала у входа в каюту, «вышед из каютных дверей». По обмене приветствиями вошли в каюту. «И седчи по местам, — продолжает Статейный список, — объявил сераскер-паша им, посланникам, в почесть 10 лимонов свежих и говорил, что те лимоны присланы к нему из Царяграду морем в Булаклаву, а из Булаклавы привезены сухим путем в Керчь». Затем он сообщил посланникам полученные из Константинополя вести: писали к нему из Царяграда, что вскоре, именно в половине сентября, ожидают в Царьград приезда султана из Адрианополя, а затем перешел к делу, стал говорить посланникам, чтоб они в путь свой великою погодою в открытое море не ходили, чтобы не учинилось от великой погоды какого повреждения их кораблю и им самим. При этом он показал посланникам карту, «такову ж, — замечает Украинцев, — каковы я у тебя, государь, видел», и по карте указывал им путь, которым им итти по Черному морю, выйдя из Керченского гирла: надобно им зайти в Кафу (Феодосию) и в Балаклаву как

для дров, так для живности и для пресной воды, и итти им подле берегов лиманами, а миновать им тех мест невозможно. И сами они, турки, «в те места для пресной воды и дров, а иное для харчевых запасов заезжают же, потому что на Черном море на крымской стороне только два корабельные пристанища: у Кафы, да у Булаклавы», третья же пристань Ала-Агры — на Анатолийском берегу. Если посланники за водою и запасами в эти пристани не зайдут, то будет опасность, что у них в запасах учинится скудость, если они пойдут в открытое море при такой погоде. Но отнюдь им не следует ходить в открытое море в такую погоду. В подтверждение своих слов адмирал сослался на привезенного им с собою опытного капитана, «которой у них по Черному и по Белому (Мраморному) морю ходит с сорок лет, а породою он галанец и принял их бусурманскую веру». Капитан этот сказал, что при восточном ветре совершенно им итти на Черное море невозможно. Тогда посланники обратились к своему капитану Петру Памбургу с тем же вопросом: можно ли им итти на Черное море тем восточным ветром? Памбург ответил утвердительно, добавив, что «они де, турки, отговаривают то знатно для какого ни есть своего вымыслу, чтоб их, посланников, до Царяграда, испустя способное время, морем иттить не допустить». Украинцев опасался, что турки тянут время, ожидая султанского указа из Константинополя с запрещением везти посланников морем, и поэтому стремился отплыть до получения турками такого указа, чтобы поставить их перед совершившимся фактом, и потому, опираясь на свидетельство Памбурга, продолжал настаивать на том, что «та погода им добрая и никакой противности на Черном море не будет». Гасан-паша старался поколебать у посланников доверие к свидетельству Памбурга: верить ему в том «не доведется для того, что он — человек молодой и на Черном море никогда не бывал и того моря не знает». Между тем, Памбург вступил в беседу с турецким капитаном, обусурманенным голландцем, который выразил удивление постройке русского флота. «Да сказывал мне Петр Памбурх, — писал Украинцев царю, — что спрашивал у него тот капитан турский галанец, который обусурманился: кто де у великого государя корабли делал и пушки, и всякие корабельные припасы? И он ему сказал, что все то делали русские люди, и он де тому дивился, что русские люди умеют то делать, что голландцы», и при этом сообщил, что и турки, услыхав, что царь стал нанимать к себе в службу немцев и голландцев, стали также нанимать иноземцев: англичан и голландцев, что султан писал французскому королю, и король прислал ему многих людей, знающих морское дело [1].

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 32 об. — 34; *Устрялов,* История, т. III, стр. 507—511. (Отписка Украинцева царю 26 августа.)

Не успев отговорить посланников от поездки при восточном ветре, Гасан-паша стал просить еще трехдневной отсрочки; через три дня они готовы будут итти провожать посольский корабль со всем своим флотом и, если ветра способного не будет, то поведут корабль лиманами, т. е. по заливам возле берега, на галерах канатами. Посланники на это предложение сказали, «что никогда того не будет, чтоб им царского величества корабль вести каторгами, и лиманами за каторгами их корабль не пойдет, а хотя когда и море утихнет, то они, посланники, и без них и без их каторг знают, как по морю ходить, и пойдут они на корабле царского величества, выехав из гирла по Черному морю прямым путем, как надлежит к Царюгороду, не заезжая к тем пристанищам их». Украинцев считал такую проводку русского корабля на буксире галерами позором для русского флота. «Мы, государь, — писал он царю, — так им чинить над нами не допустим и вести корабля канатами всякими мерами не дадим и такого безславия, что будто они твой, великого государя, карабль на море водили канатами, не учиним». Посланники приказали капитану Памбургу принести карту Черного моря. Адмирал, посмотрев на карту, сказал, что она с его картой согласна и сходна во всем, «только миновать тех пристаниш Кафы и Булаклавы немочно». Заводя русский корабль по пристаням в Феодосию и в Балаклаву, турки еще выиграли бы значительное количество времени для задержки корабля, а между тем мог бы притти султанский указ, и тогда корабль можно было не выпустить совсем. Вероятно, потому-то Украинцев и не хотел заходить в крымские города. Памбург, показав свою карту, говорил, «что он пойдет к Царюграду по той картине, не занимая тех пристаниш». Адмирал стал рассказывать, что «хотя они, паши, по Черному морю многажды хаживали, только подлинного пути не знают и для того всегда берут с собою вожей. И то де Черное море уже их настращало, лучше б де им от салтанова величества смерть принять, нежели куды в поход велят им когда иттить на Черное море. И наперед де сего корабли и каторги, не зная хождения, погибли у них многие». Ко всем своим заявлениям адмирал прибавлял один неизменный припев «и чтоб они, посланники, не дождався способной погоды, на море не ходили»; на что посланники с такою же неизменностью возражали, «что та погода к путешествию их добрая и им медлить не для чего» [1].

Как раз во время этого разговора, продолжавшегося около двух часов, погода переменилась. Гасан-паша все-таки возражал и уговаривал подождать постоянной погоды, такой, «которая б была непременна дни три или четыре, тогда разве

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 35—36.

мочно им будет иттить. А которая де погода на один день дважды или трижды переменяется, то невозможно на нее надеяться». Посланники возражали, что им царским указом велено итти к Царьграду без промедления и потому, если погода им будет благоприятная, они пойдут хотя бы в полночь или рано поутру и чтобы их пристав переезжал к ним на корабль в тот же день. Адмирал говорил, что они их не держат, и просил только дать ему письменное удостоверение в том, что они, турки, «видя неспособность отхождения морского, их, посланников, удерживали», но что они не послушались и поехали сами; такое удостоверение должно было гарантировать турок от султанского гнева, если бы с посланниками случилась на море какая-либо беда. Украинцев в выдаче такого письма наотрез отказал, сказав, что о своем отплытии даст знать пушечными выстрелами. Обменявшись еще раз, с одной стороны, уговором дожидаться доброй погоды и уверением, что они, турки, всячески радеют, как бы им, посланникам, в Царьград дойти в целости, а с другой — заявлением, что они, посланники, в том им верят, но что к скорости побуждает их царский указ, посланники, угостив Гасан-пашу ренским, простились с ним. При отъезде ему были отданы такие же почести, как и при прибытии на корабль[1].

27 августа ветер стих, и Украинцев принужден был простоять этот день под Керчью. «Августа, государь, в 27 день, — как писал он Петру, — было тихо, и ветрец повевал малый и тот нам противный, и для того иттить нам было невозможно и не пошли». Явился пристав с товарищами и сообщил, что у них три каторги отделаны и выконопачены, а остальные шесть каторг будут готовы завтра. Если погода будет благоприятная, пусть посланники идут в путь и, выйдя из гирла в открытое море, пусть подождут турецкого флота, который отправится провожать их. Посланники ответили согласием. Турки, таким образом, сдались и, очевидно, решили больше Украинцева не задерживать. Гасан-паша прислал своего казначея с фруктами в подарок посланникам: «с дулями и с яблоками, и с арбузами». Казначей рассказывал, что адмирал и с ним четыре паши заняты были строением и починкою крепости на кубанской стороне, городка Очуева, которую они починили «русскими и польскими полоняниками». Все эти переговоры с турками с 25 августа, с момента своего прощания с царем, по 27-е включительно Украинцев описал в письме лично к царю, с некоторыми подробностями сравнительно с отпиской, составленной им же для Посольского приказа. Это письмо, «запечатав в обертку», он отправил с дворянином Гуром Украинцевым к Муртозе-паше с просьбою переслать с нарочным гонцом сухим путем из Керчи в Азов кубанскою сторо-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 37 об.

ною и вручить его в Азове боярину Ф. А. Головину. Муртоза обещал и письмо, действительно, доставил, так что Петр в скором же времени был хорошо осведомлен о всех происшествиях на посольском корабле за означенное время [1].

Наконец, 28 августа подул благоприятный ветер: «по утру настал ветр с востоку к хождению морскому способной». Посланники в последний раз послали к своему приставу сказать, что они хотят из Керченского гирла выходить в Черное море, потому что ветер благополучный, и чтоб пристав был к ним на корабль; если же он не будет, пойдут и без него. Пристав ответил, «чтоб они, посланники, шли, а он де их постижет». Тогда посланники, — говорит Статейный список, — «со всеми при них будучими людьми, прося у господа бога милости, а у пресвятые богородицы и у всех святых помощи, по совершении молебного пения, пошли на корабле царского величества керченским гирлом на самое Черное море... в третьем часу дни». При отплытии корабля состоялся обмен пушечными салютами с турецким флотом [2].

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 510. Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 45 об. — 46.

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 38—45.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

XV. ПРИЕЗД ШВЕДСКИХ ПОСЛОВ В МОСКВУ

тплыв из-под Керчи 25 августа в половине второго пополудни, Петр с эскадрой направился к Таганрогу. Крюйс в своем журнале отзывается об этом плавании, что «шли зело скоро» то лавирами, то прямым ходом; на самом деле плавание тянулось медленно; приходилось часто и надолго останавливаться то за безветрием, то за противным ветром. В «Юрнале» это путешествие описано за каждый день. Так, 25 августа: «день был красен, ночь тиха». 26-го в 6-м часу пополудни увидели берег; в 9-м часу стали на якорь за противным ветром; в 4-м часу пополудни, «вынув якори, пошли в путь и шли зюйд-ветром час и стояли за тихим ветром 10 часов». «27-го поутру стояли на якорях за тихим ветром; в полдни пошли и шли с час, стали за противным ветром». 28-го корабль, на котором плыл Петр, отделился от эскадры, шел лавиром, к вечеру присоединился к остальным кораблям. «29-го стали за противным ветром; перед вечером пошли зюйдентен-вестом»; ночью стали на якоря за противным ветром. Стояли до вечера 30-го, когда, как записано в «Юрнале», «пошли в путь остен-норден и шли во всю ночь доброю погодою». К Таганрогу подошли только 31-го после полудня, т. е. на 7-й день после выхода из Керчи. 1 сентября в Таганроге праздновалось наступление нового, 208-го года. Празднование увеличено было еще торжеством освящения первой русской православной церкви, построенной в этом городе; после освящения боярин Алексей Семенович Шеин «трактовал его

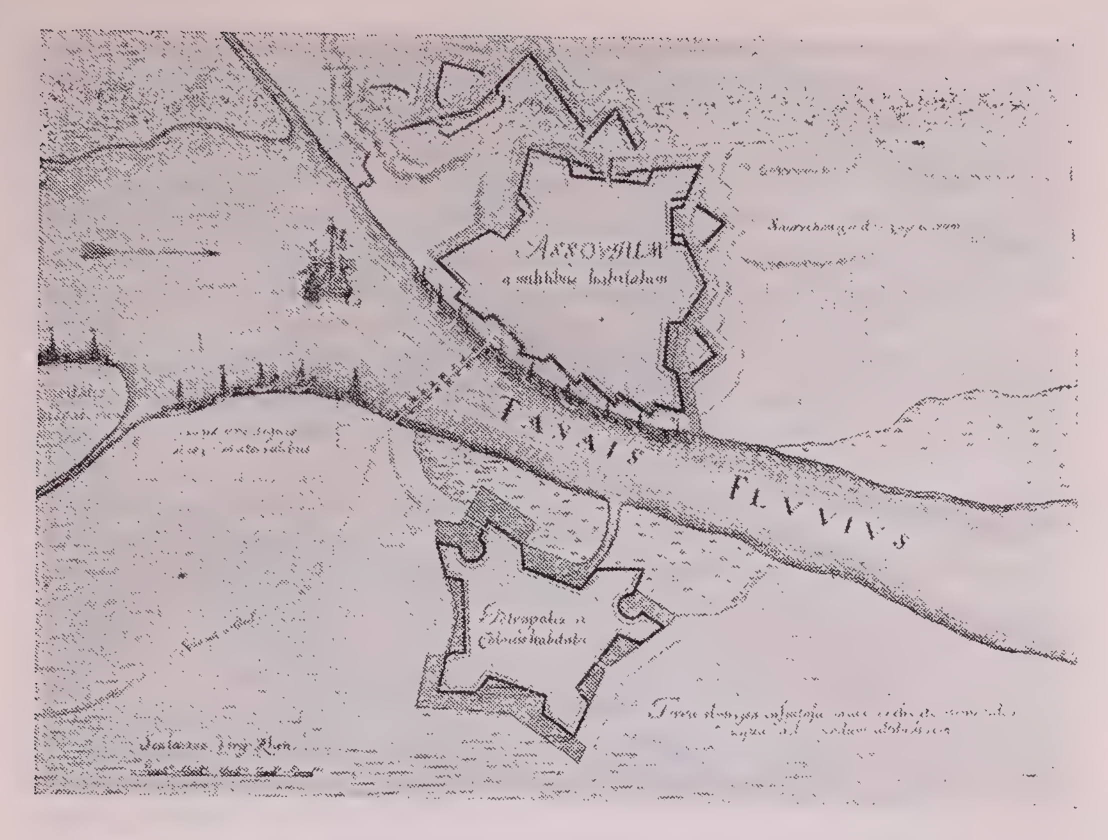


Рис. 13. План Азова с прилегающими к нему укреплениями.
Гравюра из дневника Корба 1698—1699 гг.

величество и всех присутствующих господ и офицеров». Царь предписал ввиду окончания кампании флот разоружить и корабли отослать к Азову, так как таганрогская гавань не была еще готова. В Таганроге он пробыл до 4 сентября [1]. 3 сентября он писал отсюда к Виниусу, коротко сообщая ему о походе и о затруднениях, которые чинили турки отправлению посла в Константинополь морем. «Min Her, — пишет Петр, — письма твои 2, писанные июля 27, августа 3 чисел (мне отданы), в которых пишешь о великих пожарах и о состоянии против оных впредь, о чем уже некоторые указы послать велено. Здесь иного ничего нет писать, только что мы, слава богу, из пути своего возвратились августа 31 числа счастливо, которой (т. е. путь) отправлен был таким подобием. В 18 день пришли под Керчь, где турецкий обретался Асан-паша з 9 галерами и з 4 воинскими кораблями, которые приняли нас зело ласковы, но с великою частию боязни. Потом посылал посол наш о приеме своем, которого они всякими образы трудилися, дабы он ехал сухим путем; но он весьма отказал в том, о чем хотя и много споровались, однако принуждены были взять с ево кораблем и проводить до Констянтинополя с вышереченным флотом, о чем пространее

[1] «Юрнал», стр. 8—9; «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 394).

возместим, когда будем сами». Собственноручно Петр к этому приписал: «У васъ пажары велики, і тужелшикоѳъ мъного; а у насъ болше пажары вашева да тужить некому. Piter. Съ Таганрогу, сентебря въ 3 д. 1699»[1]. 4 сентября, в понедельник, Петр вместе с Ф. А. Головиным выехал из Таганрога в Азов. По наблюдениям Крюйса он был очень доволен морским походом в Керчь, «сею краткою и скорою экспедицею, с которою сильная печать Карловицского мира пришла»[2]. В Азове Петр только переночевал и 5 сентября выехал отсюда в Воронеж, куда прибыл 14 сентября. Здесь за время его отсутствия было спущено 14 кумпанских судов[3]. В Воронеже он оставался до 24-го; в этот день отправился в Москву, куда прибыл 27 сентября[4].

В Москве царя уже ожидали: шведское посольство, приехавшее два месяца тому назад — 26 июля[5], и посланник польского короля, генерал Карлович, прибывший накануне возвращения Петра — 26 сентября. Шведские гости явились в Москву по случаю вступления на престол нового короля для подтверждения вечного мира с Швецией по Кардисскому договору 1661 г. Генерал-майор Карлович прибыл с полномочием заключить с Петром союз против Швеции и с поручением побуждать царя к скорейшему активному вооруженному выступлению против шведов. В Москве же находился датский посланник Гейнс, ожидавший формального закрепления того союзного договора против Швеции, который фактически был им заключен с царем в Воронеже 21 апреля. Предстояла сложная дипломатическая игра: подтверждение вечного мира с Швецией и в то же время заключение наступательного союза против Швеции. Постараемся проследить ее во всех перипетиях. Начнем с приезда шведского посольства.

К концу 1698 г., когда уже начаты были переговоры с датским посланником о союзе, в Москве была получена грамота Карла XII о намерении его прислать посольство для подтверждения прежних договоров. Как ни неприятно было это известие, послов надобно было принимать. В начале декабря 1698 г. было предписано новгородскому и псковскому воеводам отправить за шведский рубеж агентов разузнавать о по-

---

[1] П. и Б., т. I, № 280.

[2] «Экстракт из журнала... Крейса» (Записки Гидрографического департамента, ч. VIII, стр. 394).

[3] *Елагин,* ук. соч., приложение III, № 59.

[4] «Юрнал», стр. 9.

[5] Шведским послам, находившимся в Москве с 26 июля, в отсутствие царя не давалось кормов. С 27 сентября им предписано было кормы выдавать. «В. государь пожаловал... велел им (свейским послам) давать своего в. государя жалованья поденного корму вместо съестных поденных еств и питья с *пришествия своего государского к Москве нынешнего двести осмого году сентября с двадцать седмаго числа впредь до его в. государя указу»* (Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 409).

сольстве: кто назначен послами, о приезде посольства в Ригу, Ревель или Нарву; как только посольство появилось бы в том или другом из этих городов, воеводы должны были немедленно дать знать о нем в Москву. Посольство, однако, не появлялось, и вестей о нем не было, а между тем Петр, прогостив в Москве святки и мясоед до масленицы, в феврале собирался в Воронеж. 30 декабря 1698 г. шведскому резиденту Книпперу сказано было в Посольском приказе, чтобы он писал королю немедленно, чтобы послы прибыли к Москве крайним сроком до сырной недели, потому что с сырной недели государь уезжает. Такой же указ был ему объявлен Е. И. Украинцевым вторично 4 января 1699 г. Тогда же составлена была на грамоту Карла XII ответная грамота, доложенная Петру 5 января[1] и помеченная 6-м, с притворным выражением радости по поводу предстоящего прибытия послов и с указанием, что фактору шведского короля Томасу Книпперу о времени желательного приезда их в Москву объявлено, о чем он королевскому величеству пространнее донесет[2]. К указанному сроку послы, однако, не прибыли. Только в начале апреля 1699 г. они показались в Нарве. Послами были назначены «дворовый канцлер» барон Яган Бергенгельм, ландсгёвдинг барон Андерс Линденгельм, ассесор Самуил Гетте. 25 апреля 1699 г. Книппер явился в Посольском приказе и словесно объявил, что шведские послы пришли в Ругодив (Нарву) тому уже четвертая неделя, а оттуда пойдут, не замедлив, к Новгороду и к Москве, и просил сделать необходимые приготовления к их приему. Но послы не торопились, и с приезда их в Нарву еще почти два месяца прошло до появления их на русском рубеже, где они были встречены 28 мая. Оттуда они отправились в Новгород, до которого ехали еще две недели; проведя в Новгороде три дня, с 12 по 15 июня, они оттуда тронулись в путь в Москву[3].

Перевоз посольства в таком значительном личном составе — свита послов простиралась до 150 человек — был делом хлопотливым для центральной московской администрации и для местных уездных воеводских управлений и ложился весьма тяжелым бременем на население городов и уездов, прилегавших и даже не прилегавших к пути его следования. От Новгорода до Твери посольство ехало на новгородских подводах; от Твери до Москвы — на подводах, собранных четырьмя городами с их уездами: Тверью, Торжком, Кашином и Угличем. Требовалось 450 подвод, которые предписывалось собрать «в городех с посадов и с уездов воеводам по писцовым и по переписным книгам с дворового числа по поверстке, чтоб город перед городом ни в чем изобижен не был и лишние б тягости

[1] См. т. III настоящего издания, стр. 197.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 35—36.
[3] Там же, л. 143, 135, 174, 177.

никому отнюдь не было». Эта разверстка вызывала споры и недоразумения, челобитья и жалобы, и между Москвою и воеводами названных городов шла по этому поводу оживленная переписка. К послам с момента появления их на рубеже был приставлен «дорожный пристав» дворянин Григорий Бестужев с переводчиком Вилимом Абрамовым и подъячим Тихоном Зелениным. На обязанности пристава лежало распоряжаться перевозкой и остановками посольства; вместе с тем ему предписывалось наблюдать, «чтоб в дороге от посольских людей никому обиды и грабежу не было и ничего б даром не имали». О всех своих разговорах с послами пристав должен был доносить в Москву [1].

28 июня послы приехали в Торжок. Если ранее, зимой, в Москве торопили приезд посольства, то теперь, наоборот, потому ли, что не все еще было готово к приему или по другим каким-либо соображениям, слишком скорый их приезд был нежелателен, и приставу шлют с подъячим из Посольского приказа предписание ехать с послами «мешкотно», «отнюдь не спешно», «на станах помешкивать» и, приехав в Клин, из Клина на последний «подхожий» стан под Москвою в село Никольское без особого государева указа не ходить. Пристав с подъячим доносили с дороги, что 30 июня послы пришли из Торжка в Тверь, что «дорогою идучи даром ничего не имывали» и что дальнейший путь будет сделан медленно. С самого Новгорода до прибытия в Торжок послы с приставом ни о чем не разговаривали, только в Торжке 29 июня, призвав к себе на постоялый двор пристава с переводчиком, «свейские послы говорили нам, холопем твоим, «в разговоре», как доносил пристав, «что идут они к тебе, великому государю... к Москве дорогою, и такой де дороги ни в котором государстве хуже нет, и мосты не мощены и в дороге едучи их, свейских послов, в коретах рострясло, и которые вещи у них, послов, есть, и то все портится, и посольская их большая корета от такой худой дороги попортилась» [2]. В Посольском приказе приставами были недовольны: идут с послами слишком спешно и с пути от Новгорода до Торжка больше двух недель ни о чем к государю не отписывали, «и то вы знатно учинили, — писали им с выговором из Посольского приказа, — своим нераденим и простотою, что о тех послех, где они в тех числех были, ему, великому государю, было неизвестно. А напред сего от прежних приставов того не бывало, а писывали к великому государю о послех со всякого стану, а не спали» [3].

Почему-то только с началом июля 1699 г. в Москве стали готовиться к приему посольства, причем приготовления происходили с обычными трениями между приказами, задержками

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 155—157.
[2] Там же, л. 185, 187—188.
[3] Там же, л. 189.

и проволочками. Из Посольского приказа рассылались памяти по соприкосновенным с делом приема послов ведомствам. В Конюшенный приказ писали о снаряжении для посольства «нарядной кареты о шести лошадях», в которой послы должны были въезжать в столицу от «встречного места за Тверскими воротами за Земляным городом», т. е. от старых Триумфальных ворот; о заготовке 65 добрых верховых лошадей с «нарядом» для посольских дворян и чиновных людей и о снаряжении ста человек конюхов на «чистых лошадях» для встречи посольства. Земскому приказу было указано позаботиться о ремонте мостовой по пути посольского въезда «по Тверской улице в Земляном и в Белом городе и от Неглиненских (Воскресенских) ворот Красною площадью и по Ильинскому крестцу и по Покровке до Большого посольского двора мост поделать и, в которых местех худ, вновь сделать доброй и настлать тот мост байдачными досками». Земский же приказ должен был нарядить к Посольскому двору пять человек земских метельщиков. На обязанности приказа Большой казны лежало заготовить на Посольский двор для хозяйственного обихода посольства «двадцать сажен дров березовых добрых четырехаршинных», поставить 20 же возов добрых сена и 15 четвертей овса и нанять двух человек водовозов с лошадьми для возки воды на посольский обиход. Большая же казна должна была заготовить для отсылки посольству на подхожий стан в село Никольское «почестный корм», Большой дворец — снарядить туда же «почестное питье», а Ямской приказ — дать подводы для перевозки корма и питей в село Никольское. Корм закупался в городских рядах; в составе его перечисляются: яловица, 5 баранов, 5 гусей, 20 кур, 2 куря индейских, 2 тетерева, 5 уток, 3 поросенка — «все живое доброе», да 5 полот ветчины, 200 яиц, 1/2 пуда масла коровья, 2 ведра уксусу, на 16 алтын 4 деньги луку, чесноку, капусты, хрену, свеч сальных да на 2 рубля хлеба, калачей и саек. В составе «почестного питья» указаны 10 ведер пива ячного доброго, 30 ведер пива расхожего, полведра романеи, 2 ведра вина боярского, ведро ренского, ведро меду малинового, 3 ведра меду обарного, 5 ведер меду паточного, 3 ведра квасу медвяного, 10 ведер меду цеженого. В учреждения военного ведомства писали о снаряжении отрядов для встречи посольства при въезде и для несения караульной службы при Посольском дворе, именно в Преображенский приказ о высылке для встречи посольства Преображенского и Семеновского полков; по старой памяти в Стрелецкий приказ о наряде для той же цели стрелецких полков, к генералу Гордону о высылке войск, которыми он командовал, в Разряд об организации отрядов детей боярских и о назначении к посольству приставов, которые должны были сменить «дорожного» пристава и состоять при послах во время пребывания их в Москве. Приставами были

назначены два стольника: Владимир Данилов Воробин, Алексей Иванов Калитин и при них дьяк Василий Атемирев [1].

Предполагалось первоначально поставить посольство на Большом посольском дворе, откуда 13 июля выехал цесарский посол Гвариент; но по осмотру, произведенному тотчас же по его отъезде, 13 июля, в нем требовался ремонт, с которым нельзя было поспеть к сроку: прибытие посольства ожидалось 15 июля. В некоторых палатах, как «в средних житьях» — в среднем этаже, так и «в верхних житьях», были в неисправности окна: «в средних житьях в дву палатах в семи окнах были слюдяные окончины и за ветхостью (цесарский) посланник в тех окнах сделал на свои деньги 7 окончин стеклянных, и ныне те окончины дацкой посланник из окон вынял и взял к себе». В третьей передней палате оказались у четырех окончин слюдяных «многие места проломаны», в верхних житьях: «в наугольной палате», выходившей к тверскому подворью, «6 окончин стеклянных проломаны во многих местах... печь зеленая вся ветха» и т. д. К тому же в Москве не оказалось заведующего Большим посольским двором дворянина М. В. Текутьева: съехал в Кашинский уезд и упорно жил там в своей деревне, несмотря на посылки за ним из Посольского приказа с угрозами взысканий за неприезд. Мысль о помещении посольства на Большом посольском дворе была по тем или иным соображениям оставлена; решено было разместить послов в двух находившихся в Китае-городе архиерейских домах: новгородском и ростовском, а потом остановились на одном Ростовском подворье. Но палаты Ростовского подворья также нуждались в ремонте, о котором 17 июля из Посольского приказа писали в Каменный приказ, требуя «в палатах, в которых им, великим и полномочным послом, стоять, своды и стены обелить и подмазать левкасом, и в которых местех мосты (полы) кирпичные в палатах худы, и те починить кирпичем». Из Каменного приказа 19 июля дан был равнодушный ответ, что в приказе «денег и денежных доходов и припасов готовых нет, и в тех палатах стены и своды белить и полы кирпичные чинить нечем». В приказе составили все же смету на этот расход в 23 руб. 32 алт. 5 денег. Большая казна должна была купить для окон Ростовского подворья 10 оконниц стеклянных и 20 оконниц слюдяных новых добрых соответствующей меры; она же должна была позаботиться о внутреннем убранстве палат: стены, двери, лавки и скамьи обить сукнами червчатыми, на столы послать добрые ковры и принять меры к очистке двора Ростовского подворья: «всякий дрязг и помет очистить и с двора свозить и для той работы нанять извозчиков и работников». Земскому

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 191, 192, 194, 205—209, 213—214, 217—220.

Рис. 14. Ростовское подворье на Варварке.
Акварель конца XVIII в. Из собрания Государственного исторического музея в Москве.

приказу предписывалось сделать удобный проезд к подворью. Оказалось, что по существовавшему проезду послам в их огромной карете о шести лошадях «против ворот выезжать тесно», и поэтому Земский приказ должен был построить «от Знаменского подворья до церкви Максима Юродивого чудотворца на столбах мост новый бревенчатый в три сажени ширины и с перилы» [1].

Между тем, послы подходили уже к Москве. 19 июля они двинулись из Клина, в тот же день пришли в подмосковное село Черкизово и 22 июля были, наконец, на последнем подхожем стану под Москвою в селе Никольском [2]. Отсюда на другой день, 23 июля, боярин Л. К. Нарышкин, ведавший иностранные дела, пригласил их в сопровождении резидента Томаса Книппера в свою подмосковную вотчину, село Чашниково. После обеда перешли в «особую светлицу», где боярин вел с послами беседу в довольно сухих тонах, сквозящих через сделанную тогда же запись этого разговора. Первым предметом беседы было то, что послы явились в Москву не во-время. Им через письма их фактора Томаса Книппера было небезызвестно, что его царское величество пребывает ныне от Москвы в дальних пределах. «В небытности его... все посольские и посланничьи приемы [3] приказаны им, ближним боярам, и *всему сенату*» — так впервые и притом устами русского сановника боярская дума обозначена названием учреждения, которое вскоре и станет на ее место. Поэтому пусть они, послы, предложат ему, ближнему боярину, с какими делами они присланы, а он донесет о том государю, причем надеется, что вскоре получит на их предложение монаршеский указ и тогда учинит им ответ.

Послы, выразив благодарность боярину «за сие показанное к ним приятство» и пожелав государю в многолетном здоровье совершения своего премудрого намерения и скорого возвращения в Москву, на вопрос, с какими делами они присланы, ответили, что боярину известно о смерти их короля Карла XI и о восшествии на престол нового короля, который желает жить с царским величеством в «соседственной любви и пересылке» и подтвердить прежние мирные договоры, для чего и прислал их, послов, к царскому величеству. Боярин говорил послам, что великому государю о смерти «высокославные памяти» короля стало известно, и, услыхав о том, государь изволил по нем «яко по соседственном своем друге не по малу с печалию споболезновать», а затем своей грамотой поздравил нового короля с восшествием на отеческий престол и обнадежил его в сохранении прежних мирных договоров. Узнав из королевской грамоты, присланной в Москву еще

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 215—216, 223—229.
[2] Там же, л. 230, 321.
[3] В записи зачеркнуто: «и всякие государственные дела».

осенью, о намерении короля прислать в Москву посольство согласно статье 27 Кардисского договора и ожидая скорого прибытия послов, государь тогда же указал принять их на границе с кормами и подводами. Затем в ожидании посольства в декабре сказан был фактору Томасу Книпперу указ, чтобы он писал к королевскому величеству и к министрам наскоро, чтобы послы приехали к Москве, «кончае до сырной недели нынешнего настоящего года», потому что великий государь изволит итти в свой дальний поход с Москвы на Воронеж и к Азову, и в том походе бытие его продолжится. Вероятно, он, Томас, о скором приезде послов к королю и министрам писал, да и в русской ответной грамоте королю, отправленной в январе месяце, писано, что он, Томас Книппер, изволение государя о скорейшем прибытии послов королевскому величеству пространно донесет. При этом боярин, обратившись к присутствовавшему при разговоре Книпперу, спросил его: сказан ли ему указ и писал ли он к королю и для чего послы прибыли не в удобный и не в назначенный час? Резидент отвечал, что к королю он писал, но, вероятно, письмо его где-нибудь замешкалось. «И ему говорено накрепко при послах, что то прибытие случилось в неудобный час, и он, Книппер, даст в том ответ». Государь, продолжал боярин, ожидал посольского приезду до марта месяца, а затем отправился в Воронеж и Азов, «где и ныне пребывает в непрестанных воинских приуготовлениях». Пусть послы отдадут ему, боярину, присланную с ними королевскую грамоту и объявят, что с ними наказано кроме грамоты, потому что, если возвращение государя в Москву умедлится, то им, послам, придется жить в Москве без дела и ответа на дела свои скоро не получить; а если грамоту отдадут и дела свои объявят, тогда «житию их мотчания никакого не будет», а дела их могут «восприять свое совершение по царскому указу без замедления и в небытие государя».

Послы говорили, что Томас Книппер о том, чтоб они были к Москве до сырной недели, а если до сырной недели не поспеют, чтоб и не ездили, к королю и к министрам не писывал. Поехали они от государя своего с февраля месяца и нигде в дороге указа от короля об ускорении прибытия в Москву не получали. Им наказано подать королевскую грамоту самому великому государю, «а мимо его, великого государя, той грамоты подавать никому не наказано». Учинить вопреки королевскому указу им отнюдь невозможно, «хотя за тем и житие их на Москве продолжится». Дела, которые с ними наказаны, они предложат царским ближним людям в ответах по посольскому обыкновению после обычного приема у государя «на приезде» и по подании грамоты самому государю. Теперь же боярину по их словесному доношению известно, что они

прибыли с тем, о чем говорится и в их грамоте, т. е. для подтверждения мирных договоров.

Нарышкин вновь повторил послам, что все государственные посольские дела в небытие великого государя на Москве приказано отправлять им, ближним боярам, и всему сенату и при этом сослался на примеры других посланников: цесарского и датского, которые по повелению своих государей грамоты свои отдавали и от царского величества грамоты принимали, дела свои объявляли и царский указ на них получили через них, ближних бояр, а лишнего продолжения и на Москве за тем многого жития не чинили. Царя вскоре ожидать в Москву нельзя, поэтому и им, шведским послам, ныне надобно присланную с ними королевскую грамоту отдать и наказанные дела объявить им, ближним боярам, чтобы государю было известно подлинно, с чем они присланы; иначе царю об их делах будет неизвестно, только будет о том известно, что живут на Москве, не отдавая грамоты и не объявляя дел, не по повелению государя и не по настоящему здешнему обыкновению, но по своему хотению. Пусть напишут о том к королю, чтобы позволил им грамоту вручить и дела объявить ему, ближнему боярину, и всему сенату.

Послы на слова Нарышкина о поручении всех дел боярам возражали, что царский указ они от него, ближнего боярина, слышат, только им по тому указу без воли королевского величества поступить отнюдь невозможно и никогда того не учинят: всякий посол должен своему государю служить и по данному от него повелению дело свое исправлять. Ссылка Нарышкина на примеры других посланников их не убеждает. Иных государей посланники им не пример, потому что они присланы не в посланниках, а в великих и полномочных послах. Поступая так, посланники действовали по воле своих государей. Сначала, отказавшись писать королю о разрешении им подать грамоту боярам, опасаясь его королевского гнева, потом, однако, они заявили, что будут писать королю и, если от короля указ об отдании грамоты получат, тогда по тому и учинить будут должны. При этом, поняв, очевидно, слова Нарышкина о посланнике цесаря римского в смысле сравнения, что цесарь выше шведского короля и что, если уже посланник цесаря мог отдавать грамоты боярам, то тем более это возможно для шведских послов, послы сочли нужным заявить, что их государь не меньше цесарского величества римского и что при сравнении ставить его меньше того монарха невозможно. Приведя все эти основания, послы еще раз подтвердили, что без воли короля отдать им грамоты никому кроме самого царя нельзя, «хотя за тем и медление в житии их на Москве учинится». Что же касается дел, с ними наказанных, то они объявляют, что главное их дело, за которым они присланы, боярину уже известно — это на основании 27-й статьи Кардис-

ского договора подтверждение мирных договоров: Кардисского и дополнительного Плюсского, причем царю следует в присутствии послов на присланной с ними подтвержденной королевской грамоте и на своей докончальной грамоте «дать присягу на св. евангелии и тот вечный мир своею государскою душею и крестным целованием подтвердить».

Нарышкин поспешил заверить послов в том, что он упомянул о посланниках других государств отнюдь не для сравнения достоинства их короля с достоинством цесаря и не ставит поведения тех посланников им в обязательный пример, а упомянул об их действиях только для того, чтобы показать неотменную братскую дружбу и любовь их государей к царю. Если послы пожелают в отсутствие государя отдать грамоту ближним боярам, то им будет учинен прием «с церемониями и с почитанием, и со встречами», примут у них грамоту ближние бояре на его, великого государя, дворе в Ответной палате при всем сенате, и во всем им учинена будет церемония по посольскому обыкновению, в том умаления чести государю их, королю, никакого не будет, наоборот, «паче из того урастет соседственная дружба и любовь» между их государями. Затем Нарышкин самым решительным образом протестовал против толкования статьи 27 Кардисского договора в том смысле, чтобы царь по этой статье обязан был при подтверждении договоров приносить присягу, целуя крест и евангелие. «Такого обязательства, — заявил боярин, — в той статье не написано, а говорят они о том напрасно, знатно не ведая совершенного тех статей постановления... и чел ближний боярин им, послом, того Кардисского договору 27-ю статью». В статье этой, действительно, о принесении присяги не говорится; упоминается только, что в случае смерти одного из договорившихся государей должно происходить «обвещение посольствами» и подкрепление договора подтвержденными грамотами [1].

Послы заметили, что о подтверждении они с ближним боярином говорить не могут, потому что не имеют при себе шведского текста договора. «Когда, даст бог, увидят они его царского величества очи и по подании грамоты будут в ответе у бояр, тогда будут говорить и об этом деле, и о других делах». В заключение послы вновь и вновь объявили, что отдавать королевской грамоты никому, кроме самого государя, невозможно и «без указа от королевского величества того учинить не смеют». На этом разговор кончился. В нем Нарышкин весьма откровенно дал послам понять, что они явились в Москву не во-время; но убеждения его вручить королевскую грамоту ему в присутствии всех бояр на торжественной приемной аудиенции и затем отправлять посольские дела в отсутствие государя действия на послов не оказали; они остались

[1] П. С. З., № 301.

непреклонны и настаивали на своем требовании вручить грамоту самому государю. Вопрос о форме подтверждения мирных договоров они оставили открытым, изъявив желание обсуждать его после приемной аудиенции. По окончании беседы им было объявлено, что въезд их в Москву назначен на 26 июля [1].

Въезд посольства в Москву состоялся 26 июля. В торжественном кортеже принимали участие военные отряды особого рода. Ехали 2 роты «дворовых людей» — служители хозяйственных дворцов, ведомых в приказе Большого дворца, под командою ротмистров, которыми были их начальники по дворцам — «путные ключники». Затем ехали 2 роты конюшенные из служителей Конюшенного приказа, ротмистрами были их начальники — «столповые прикащики». Следовала «рота дьячья», сформированная из дьяков московских приказов, ротмистром был дьяк. Далее ехали роты разных чинов московского дворянства, которое было расписано по ротам еще при князе В. В. Голицыне [2]: 4 роты жилецких, 2 роты дворянских и 6 рот стольничьих — всеми этими ротами в качестве ротмистров командовали стольники. Особо ехали разрядные дьяки. Перед посольскою каретою двигались конюхи, королевские дворяне и посольские чиновные люди. Шествие замыкала рота подьячих из разных приказов с дьяком в качестве ротмистра [3]. В день въезда послам был отправлен на их подворье опять «почестной корм» и питья в размерах, увеличенных сравнительно с кормом, отсылавшимся им в село Никольское [4]. Но посылкой этого «почестного корма» в день въезда содержание посольства из московской казны, производившееся ему в пути по 100 ефимков на день, было прекращено, и послы обращались в Посольский приказ с жалобой, «что им, живучи на Москве, питаться нечем, потому что которые у них деньги и были, и те в продолжительное житие они издержали», и просили давать им поденный корм по договорам. Только уже по своем возвращении Петр в октябре указал возобновить содержание им в том размере, который установлен был особым соглашением в 1684 г., т. е. по 100 ефимков на день [5].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 295—318; на л. 318 надпись: «Таковы розговоры списаны в тетратку и поднесены ближнему боярину Лву Кириловичю августа в 15 день 207 году»; л. 319—320: Записка о разговоре, посланная Л. К. Нарышкиным Петру; на ней надпись: «Такова выписка из розговоров послана к великому государю в Азов августа в 17 день 207 году, списана в тетратку, а подлинные остались у боярина». Выписка эта напечатана в извлечении у Устрялова. (История, т. III, стр. 525—526.)

[2] Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции, т. IX, стр. 124, № 132.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 322—323, 327—331: Роспись подьячим разных приказов, которым велено быть на встрече шведских послов.

[4] Там же, л. 402—409.

[5] Там же, л. 325: «В Приказ Большие казны. Указал великий государь (т.) послать своего, великого государя, жалованья свейским великим

XVI. МИССИЯ КАРЛОВИЧА В МОСКВУ

26 сентября в Москву прибыл неофициальный посланник Августа II генерал-майор Карлович. Чтобы войти в подробности его миссии в Москве осенью 1699 г., надо предварительно ознакомиться с событиями, происшедшими в Польше со времени свидания Августа II с Петром в Раве в первых числах августа предыдущего, 1698 г. На этом свидании было, как припомним [1], условлено нападение на Швецию, условлено предварительно и коротко, в разговорах между государями без установления какого-либо определенного плана. От самого ли Петра исходила здесь инициатива, или он был только искусно наведен Августом, так или иначе между государями в Раве шел разговор о нападении на Швецию. Было условлено или подразумевалось, что целью этого нападения для Петра будет возвращение земель по берегу Балтийского моря, когда-то принадлежавших Московскому государству, старинной Водской пятины Великого Новгорода, из которой образованы были в Швеции две провинции — Ингрия и Карелия. Целью нападения для Августа была Лифляндия, которая после раздела владений Ордена во второй половине XVI в. входила в

и полномочным послом барону и дворовому канцлеру Ягану Бергенгелму с товарыщи, з дворяны и с людми в стола место корму поденного в почесть в первой денъ, как они приедут к Москве, купя из приказу Большие казны в рядех: три яловицы, десять баранов, пятьдесят куров, пять гусей, утят тожь, все живое доброе; семь полот ветчины, два пуда масла коровья, четыреста яиц, два ведра сметаны, да мелочи: луку, чесноку, капусты, хрену на двадцать алтын, да свечь вощаных и сальных на десять алтын, да сто шестьдесят хлебов сытных двуденежных, калачей тожь, во всем против приезду свейских же послов Кондратья Гильденстерна с товарыщи прошлого 192 году»; там же, л. 326: «207-го июля в 24 день в приказ Большого двору. Пожаловал великий государь (т.) свейских великих и полномочных послов барона и дворового канцлера Ягана Бергенгелма с товарыщи з дворяны и с людми, велел им послать своего, великого государя, жалованья в стола место в почесть в первой день, как они приедут к Москве, з дворцов три калача крупичатых, по две лопатки калач, три ведра вина боярского, ведро романеи, ведро алкану, два ведра ренского, два ведра меду вишневого, пять ведр меду обарного, восемь ведр меду паточного, шесть ведр квасу медвеного, восемнатцать ведр меду цеженого, дватцать ведр пива доброго, шесть свеч восковых витых, да пряных зелей: две головы сахару, три фунта ядер миндальных, три фунта изюму, пять фунтов пшена сорочинского, пять фунтов коринки, мушкатного цвету, мушкатных орешков, гвоздики, корицы по двенадцати золотников, шесть золотников шафрану, фунт перцу, шестнадцать лимонов, два фунта масла деревянного, пять фунтов черносливу. Питье и пряные зелья отпустить добрые в готовых судех против приезду свейских же послов Кондратья Гилденстерна с товарыщи прошлого 192 году». Послы остались недовольны освещением отведенного им подворья и 2 сентября заявляли состоявшим при них приставам Владимиру Воробину с товарищи, «что свеч им по самой требе без лишнего запросу в сутки надобно 6 свеч восковых витых или гладких по 3 в фунт, 20 свеч сальных маковых двуденежных, 100 свеч одинаких» (там же, л. 371).

[1] См. т. II настоящего издания, стр. 556—566.

состав Польско-Литовского государства, а затем в начале XVII в. была завоевана шведами. Завоевание Лифляндии было важно для Августа в нескольких отношениях. Во-первых, одним из условий, на которых его избрали на польский престол, было обязательство вернуть Польше отторгнутые от нее земли; обязательство надо было исполнить, чтобы поддержать свое значение среди вечно волнующейся польской шляхты. Затем Лифляндия, которую завоеватель мог поставить в особую зависимость от себя лично, должна была послужить опорой для монархической власти Августа в шляхетской Польше. По его мысли Лифляндия должна была признать его наследственным монархом независимо от того, будут ли его наследники занимать польский престол или нет, и такое положение этой провинции, конечно, должно было оказать свое влияние на успех его идеи установления наследственной монархии в Польше. Наконец, завоевание, увенчивая чело его лаврами победы, должно было создать ему престиж в Европе, снискать ему славу, к которой он был неравнодушен. Таким образом, мысль о Лифляндии весьма занимала Августа во время свидания в Раве; он, однако, не дал тогда Петру определенных обещаний, ссылаясь на беспокойное состояние государства. Действительно, его власть еще не успела к тому времени приобрести даже и самой малой степени необходимой устойчивости и прочности. Литва была раздираема частной войной между двумя крупнейшими фамилиями: Сапегами и Огинскими, разделившей страну на две вооруженные партии. Следовало почувствовать себя прочнее на занятом престоле и успокоить внутреннюю вражду, прежде чем приступать к осуществлению «предприятия», т. е. задуманного завоевания Лифляндии.

Осенью 1698 г., после отъезда из Польши Петра, появился в Варшаве человек, который мог подогреть замыслы Августа II, умеряемые до тех пор осторожностью. Это был шведский эмигрант лифляндский дворянин Иоганн Рейнгольд Паткуль, принужденный покинуть родину вследствие столкновения со шведским правительством по поводу свирепствовавшей тогда в Лифляндии *редукции*. Редукция, имевшая целью вернуть в опустевшую казну расхватанные из нее когда-то не совсем законными или совсем незаконными путями коронные земли, проводилась при Карле XI в Лифляндии с особой беспощадностью, не знавшей справедливости, и чувствовалась там тем более тяжело, что представители Лифляндии не были приглашены на сейм, решивший проведение редукции. В Лифляндии было тогда два слоя дворянства: новое, шведское, захватившее там земли уже после присоединения провинции к Швеции, и, с другой стороны, потомки старинных рыцарей меченосцев, владевшие замками и землями уже пять столетий. Новому, чужеземному, дворянству было, конечно, легче рас-

ставаться с недавно приобретенными и теперь отбираемыми в силу редукции землями; но во много раз тяжелее было расставаться с родными, насиженными в течение столетий гнездами, а между тем как раз именно владельцы этих старинных гнезд всего чаще и страдали от редукции, не будучи в состоянии представить на свои земли требуемых подлинных документов, утраченных за давностью времени. Всем этим лифляндское рыцарство было до крайности раздражено. Собираясь на своих местных ландтагах, оно посылало депутации и составляло петиции к королю; но к его депутациям оставались глухи, а на его жалобы не отвечали.

Большое и деятельное участие в этой борьбе лифляндского рыцарства за свои земли с начала 90-х годов XVII в. принял Паткуль, сам владелец трех имений, лично от редукции не пострадавший, но близко принимавший к сердцу интересы того сословия, к которому принадлежал, обуреваемый ненавистью к шведам, причинившим столько страданий сословию, и пылавший чувством мести к шведскому генерал-губернатору в Риге Гастферу, с которым Паткуль имел еще столкновения по военной службе и счеты по сердечным увлечениям. «Паткуль, — говорит о нем Устрялов, — возвышался над толпою умом светлым и дальновидным, обширными по тогдашнему времени сведениями в науках политических и военных, увлекательным даром слова, бойким пером и пылким нравом»[1]. Неудивительно, что столь одушевленный интересами своего сословия человек был в 1690 г. избран в депутаты в Стокгольм для личного представления королю о бедственном положении лифляндского дворянства. Его красноречие слушали или делали вид, что слушают, с ним неоднократно беседовал сам король, однако его просьбы остались без исполнения, и он вернулся из Стокгольма ни с чем. Он составил затем петицию, на которую не дали ответа; мало того, в ней усмотрели признаки государственной измены. Подписавшие ее были отданы под суд и приговорены к смерти. Паткуль до приговора бежал за границу (1694). Он путешествовал по Европе, жил в Бранденбурге, в Швейцарии, Франции и Италии, занимался науками и политической литературой, изучал сочинения Гроция и Пуфендорфа, свел личное знакомство с философом Томазием, но ни на минуту не терял из вида лифляндских дел, тяжелого положения рыцарства и жил мыслью об его освобождении от шведов. Перемены на шведском и затем на польском престолах, малолетство короля и регентство в Швеции, виды Августа II на Лифляндию показались ему обстоятельствами, удобными для активного выступления, и осенью 1698 г. он появился в Варшаве, неизвестно по собственному ли побуждению или по

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 299.

Рис. 15. Деталь календарного листа 1707 г., гравированного Шенком.
Внизу слева направо: Петр I, Август II, король польский. Наверху слева направо: И. Р. Паткуль, бранденбургский посланник в Москве фон Принцен.

приглашению Флемминга, усмотревшего в нем выгодную для осуществления «предприятия» силу.

Паткуль принялся за работу в Варшаве с той же горячностью, с которой он раньше действовал в Лифляндии. Он представил Августу II два обширные мемориала, один в конце 1698 г., другой в апреле 1699 г., и в них всесторонне, с большими подробностями излагал свои взгляды на средства к достижению «известного намерения» — «des bewusten desseins», т. е. возвращения Лифляндии. Для этого прежде всего необходимо заручиться прочными союзами. Естественными союзниками Августа II будут в настоящем случае два пограничные со Швецией государства. С царем заключить союз нетрудно; он сам ищет разрыва с Швецией и сам первый выступил с предложением на нее напасть. Здесь трудность, наоборот, состоит скорее в том, чтобы сдержать его завоевательные стремления. Эти стремления надо ограничить исключительно только Ингрией и Карелией, двумя провинциями, на которые он имеет историческое право, доказывая ему, что ни на какие другие земли он таких прав не имеет. Надо крепко связать ему руки трактатом, чтобы он «не съел на наших глазах куска, обжаренного нами», отнюдь не допускать его к Нарве, потому что, если он овладеет Нарвой, путь в Лифляндию будет ему этим открыт, и он вскоре затем овладеет Ревелем и Ригой. Паткуль рекомендует связать руки царю и в другом отношении: взять с него обещание сохранить за местными жителями имения, которыми они владеют, а отнятые шведским правительством земли возвратить их законным владельцам. Союз с

Москвою будет выгоден и потому, что царь поможет королю деньгами и пехотою, а московская пехота «очень способна работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества, которые можно будет употреблять только для прикрытия апрошей».

К сожалению, вмешательство царя в военные действия может затормозиться тем, что у него не заключен еще мир с Турцией; следует оказать ему всякое содействие в скорейшем заключении мира и для этой цели привлечь папу, цесаря и Венецию, чтобы они повлияли на Турцию вопреки Англии и Голландии, которые мешают примирению Москвы с турками.

С Данией уже имеется оборонительный союз [1]; надлежит искусными и осторожными дипломатическими мерами превратить его в союз наступательный. Задача эта облегчается враждебным отношением Дании к шведам из-за Голштинии, возвышения которой Дания никогда не допустит. Содействие Дании будет в особенности полезно выступлением ее флота, который будет препятствовать шведам делать высадки на берегах Балтийского моря. В высшей степени был бы полезен союз с Бранденбургом; он, однако, пока еще невозможен, и поэтому следует ограничиться склонением Бранденбурга к благожелательному нейтралитету, обещая курфюрсту поддержку в достижении королевского титула, к чему он стремится.

Паткуль делает далее обзор отношений с другими европейскими державами, старается выяснить положение, какое они займут при осуществлении «намерения», и установить образ действий по отношению к ним. Австрия не будет помогать Швеции по воспоминаниям о Тридцатилетней войне и не будет против того, чтобы шведов хорошенько проучили. Герцог Люнебургский останется равнодушным зрителем, если увидит, что император и курфюрст бранденбургский сохраняют нейтралитет, тем более что он ищет содействия Августа II в достижении достоинства курфюрста. Англия и Голландия, конечно, громко закричат о расстройстве торговли; но их надо в самом же начале войны убедить в том, что, наоборот, торговля на Балтийском море только процветет, когда будут уничтожены все преграды, которые ставили для торговли в Лифляндии шведы. С Францией входить в какие-либо обязательства невозможно; следует лишь делать вид, что ищем с ней дружбы.

Во всем этом обзоре отношений к европейским державам у Паткуля проводится одна главная господствующая мысль, мысль о том, что предстоит в ближайшем будущем европейская война за испанское наследство и что эта война займет все внимание держав; это будет в свою очередь очень благоприятно для осуществления планов относительно Лифляндии.

---

[1] Заключенный между Христианом V и Августом II в Копенгагене 24 марта 1698 г., которым обусловлена взаимная помощь в случае войны отрядом в 8 000 человек.

Вслед за рассуждением о необходимости союзов, указанием союзников и обзором международного положения Паткуль (во втором мемориале) переходит к обзору внутреннего положения в Польше и ставит вопрос о том, как Августу II в деле о возвращении Лифляндии держать себя с Речью Посполитой. Отношения были довольно сложные, как вообще были сложны в Польше отношения короля к «республике». «Предприятие» Август задумал на собственный риск и страх, действуя «in privato sine consensu statuum»[1], и держал его про себя в глубокой тайне. Поэтому возникал вопрос, открываться ли Речи Посполитой и добиваться ее содействия или держать все в тайне и действовать лично, только при помощи саксонских войск. Паткуль категорически советует ничего не объявлять Речи Посполитой предварительно и не разглашать дела на сейме, где непременно появится оппозиция. Во всяком случае, замысел огласится, и Швеция поспешит принять свои меры. Гораздо лучше будет действовать внезапным и неожиданным ударом. Такой удар смутит шведов и, в случае успеха, склонит Речь Посполитую к содействию. Король станет твердой ногой в завоеванной земле, и союзники будут активнее. Наиудобнейшим пунктом для такого удара является Рига. Паткуль, служивший капитаном в одном из полков рижского гарнизона, хорошо знал слабости укреплений Риги и недостаточность их защиты, о чем он в деталях и сообщает во втором мемориале, точно указывая, какие именно места укреплений наиболее слабы и удобны для нападения. Он указывает также места в ближайших к Риге поветах Шавльском и Бирженском, где должны быть расположены на зимние квартиры саксонские войска и откуда они должны предпринять внезапное нападение. План этого нападения был подробно разработан Паткулем в особом проекте и приложен ко второму мемориалу[2].

Завоевание, пишет в заключение Паткуль, принесет королю неисчислимые выгоды: он заслужит всемирную славу и общее уважение, державы станут, в особенности во время предстоящей войны за испанское наследство, искать его дружбы, и можно будет этим воспользоваться для расширения пределов Саксонии. Он приобретет доверие в Речи Посполитой и успокоит ее опасения за свободу. Лифляндия, если чины будут уверены в сохранении их прав, будет всегда оказывать королю поддержку на сеймах. Все это, однако, надлежит держать в строжайшей тайне: «nesciat sinistra, quid faciat dextra»[3].

---

[1] *Erasmus Otwinowskil* — Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, Краков 1849, стр. 18.

[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 320, примечание 13; *Wernich,* J. R. v. Patkul, I, 170—172.

[3] Оба мемориала в переводе приведены у *Устрялова* (История, т. III, стр. 305—322). Там же в приложении VII, № 17, приведен по рукописи (Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1698 г., № 10, л. 5—8) немецкий текст

Советы Паткуля оказали свое действие на Августа II потому, конечно, что совпадали с его собственными мыслями. Он поручил их обсудить тайному совету под председательством графа Флемминга. Заседание совета происходило 30 июля 1699 г., и было постановлено: немедленно же отправить к царю генерала Карловича, бывшего уже в Москве в 1698 г. Карлович должен был расположить царя к войне против Швеции и, когда это будет достигнуто, условиться с ним, чтобы он, незаметно подведя свои войска к шведским границам, вторгся в Ингрию и Карелию в конце декабря 1699 или в начале января следующего 1700 г. Карлович должен оставаться в Москве, состоять при царе — dem Zaaren zu assistiren — и настаивать на том, чтобы разрыв со Швецией произошел в условленное время. С ним следует послать сведущего в военном деле лифляндца. Действуя совместно с датским посланником, они должны поддерживать в царе воинственное настроение и руководить его намерениями. Совет рассмотрел далее вопросы и принял решения относительно союза с Данией, воздействия на другие европейские дворы, передвижения войск в том именно направлении, как советовал Паткуль и сообщения о задуманном «предприятии» Речи Посполитой. Последний вопрос был особенно труден. Не открыть намерения было нельзя, так как впоследствии Речь Посполитая, когда дело все равно обнаружится, могла создать много затруднений; открыть — дело могло получить преждевременную огласку. Найдено было среднее решение: не сообщая о «предприятии» Речи Посполитой в целом, посвятить в тайну человека, имевшего огромное влияние на сейме, кардинала-примаса Радзеновского и добиться его согласия и одобрения. Это деликатное поручение было возложено на Флемминга и Паткуля, имевших тайное свидание с кардиналом ночью. Поручение было тем труднее, что примас ненавидел короля: на королевских выборах он всячески противодействовал кандидатуре Августа. В доказательство того, что король приобретает Лифляндию не для собственных выгод, Паткуль предъявил кардиналу договор, заключенный королем 14/24 августа 1699 г. с ним, Паткулем, как с представителем лифляндского рыцарства, по которому Лифляндия присоединялась на вечные времена к Польше в виде лена как оплот против Швеции и Москвы и должна была рассматриваться как автономная провинция, сохраняющая свое прежнее внутреннее устройство, свои законы и учреждения и обладающая правом содержать свое войско до 5 000 человек пехоты и до 600 человек конницы. Паткуль не показал, однако, кардиналу секретных пунктов этого договора, по которым Лифляндия признавала над собой верховную власть

первого мемориала; немецкий текст второго мемориала напечатан во II томе J. R. Patkul's Berichte.

Августа II как наследственного монарха и обязывалась признавать своими государями его наследников, даже если бы они и не занимали польского престола[1]. Кардинал некоторое время медлил объявить свое решение, но Флемминг и Паткуль предложили ему за содействие королю 100 000 рейхсталеров и дали задаток. Тогда кардинал согласился и дал обещание выхлопотать у сейма разрешение оставить в Курляндии 7 000 человек саксонских войск, которые находились в Польше со времени выборов Августа II, отягощая ее население, и вывода которых требовал сейм. Войска должны были быть оставлены в Курляндии под предлогом укрепления Полангена, на самом же деле должны были напасть на Ригу.

Дело было, таким образом, окончательно решено, и Карлович был вскоре снаряжен в Москву, а к нему в качестве сведущего в военном деле лифляндца прикомандирован был Паткуль под чужим именем Киндлера. Карловичу было удобно появиться в Москве, не возбуждая никаких подозрений. К нему еще в марте 1699 г. был послан из Москвы подьячий Лев Волков с письмом от Л. К. Нарышкина, в котором боярин напоминал ему о данном им обещании подыскать в Саксонии и нанять на московскую службу рудознатных мастеров и просил об исполнении этого обещания. Льву Волкову велено было подать письмо Карловичу тотчас же по приезде и «о приискивании рудознатных мастеров домогаться у него почасту». Волков приехал в Варшаву 11 июня, но Карловича там не застал; он, как доносил резидент в Варшаве Алексей Никитин, отправился в Саксонию приговаривать и приискивать на службу таких мастеров. Письмо Л. К. Нарышкина было отправлено ему в Саксонию по почте. 13 августа в Москве было получено от Никитина другое донесение, что Карлович с рудознатными мастерами из Саксонии в Варшаву приехал и к Москве с ними поедет сам вскоре. 16 сентября генерал со свитой и с 12 рудознатными мастерами был уже в Смоленске. 26 сентября он прибыл в Москву и как неофициальный посланник остановился в Немецкой слободе на постоялом дворе[2].

XVII. МЕМОРИАЛ КАРЛОВИЧА И СОВЕЩАНИЕ ПЕТРА С ДАТСКИМ ПОСЛАННИКОМ

Исполняя возложенное на него поручение, Карлович 5 октября 1699 г. подал Петру обширный, вероятно составленный Паткулем, мемориал, в котором убеждал царя заключить немедленно наступательный союз с Августом II, перечислял вы-

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 325—326; *Wernich,* J. R. v. Patkul, I, 177—179.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 5; № 16, л. 8—11. Ему назначено было жалованье по 50 руб. в неделю (там же, л. 12—15).

годы, которые должны будут проистечь от завоевания царем берегов Балтийского моря, и предлагал начать военные действия против Швеции отнюдь не позднее конца декабря, указывая на наступавшие благоприятные обстоятельства для такого нападения и предостерегая от опасности пропустить подходящий момент. Король ничего так не желает, как прочного союза и единодушного действия с царем. Он не может забыть, как при личном свидании царь высказывал намерение вернуть от Швеции то, что принадлежит ему по праву и было отторгнуто только вследствие смут, возникших в Московии в начале столетия. Король тогда же был склонен войти в союз, но царь находил, что положение Польши не таково, чтобы можно было приступить к делу такой важности, прежде чем правительство в Польше укрепится и будет в состоянии оказать ему помощь. Теперь, когда Польша умирена и все корни раздора устранены, король в состоянии помочь царю в его намерении. Конъюнктура в европейских делах необычайно благоприятная. Карлович особенно подробно указывает Петру на те неисчислимые экономические выгоды и на те блестящие политические перспективы, которые откроются ему с завоеванием берегов Балтийского моря: процветет торговля России с Голландией, Англией, Испанией, Португалией и с другими странами на севере, западе и юге Европы. Мало того, откроется торговый путь для сношения стран азиатского Востока: Персии, Китая и других с Западной Европой, и восточная торговля будет монополией царя — выгода, какою не обладает ни один из потентатов.

Завоевание берегов Балтийского моря создаст царю всемирную славу, сблизит его с могущественнейшими главами христианства; он заведет на Балтийском море значительный флот и будет принимать бо́льшее участие в европейских делах и оказывать на них бо́льшее влияние. Франция откажется тогда от мысли о всемирном господстве. Слава царя от этого завоевания будет больше, чем от побед над турками и татарами. В предстоящей войне за испанское наследство он будет иметь случай оказать помощь союзным Англии и Голландии десятью, двадцатью или более тысячами войска и значительным флотом.

Чтобы помочь царю в завоевании берегов Балтийского моря, король от верного и чистого сердца предлагает к его услугам не только свою саксонскую армию, но и собственную особу и твердо обещает сделать такую сильную диверсию против шведов, что царю не надо будет беспокоиться за свой тыл. Для этого будет сделано нападение на такое место, где шведы обыкновенно сосредоточивают свои войска. Король берет также на себя расположить в пользу царя европейские державы так, чтобы они не вмешивались в войну России с Швецией. Надо только надеяться, что завоевания царя ограничатся

пределами, в правомерности которых можно убедить свет. В таком случае ни соседние, ни отдаленные державы не будут препятствовать его притязаниям.

Итак, необходимо установить, каким образом, где и когда начать военные действия. Разорвать со Швецией надо в конце предстоящего декабря, отнюдь не пропуская этого срока, держась выражения: «теперь или никогда». Обстоятельства, действительно, наиболее благоприятны и момент наиболее подходящ, и было бы досадно ими не воспользоваться и упустить такой удобный случай. Все устроено к услугам царя: остаток саксонских войск, который с большим трудом удалось удержать в Польше, вступил уже в ту страну, откуда должно быть сделано нападение. Приняты меры к привлечению польских сил, для чего король вошел в соглашение с некоторыми лицами из Речи Посполитой. Стараниями короля обеспечено благоприятное отношение к царю некоторых значительных дворов; относительно других будут приняты меры. Король советует государю: а) развязать себе руки для этого предприятия, чтобы не отвлекаться другими войнами, б) хранить переговоры в глубокой тайне. Подробности Карлович обещает выяснить при дальнейших переговорах [1].

Получив мемориал Карловича, Петр счел необходимым тотчас же повидаться и посоветоваться с датским посланником Гейнсом, так как союз с Данией он считал уже фактически заключенным в Воронеже 21 апреля текущего 1699 г. 30 июля Гейнс получил уже из Копенгагена ратификацию и главного договора и сепаратных статей, подписанную королем Христианом V. К концу сентября пришли в Москву вести о кончине этого короля, последовавшей 25 августа, и о вступлении на престол его сына Фридриха IV. Предстояло ожидать новой ратификации от Фридриха. Петр со своей стороны медлил ратификовать заключенный договор, так как твердо решил не вступать в войну со Швецией, не обеспечив себя на юге миром с турками. Но такая отсрочка окончательного формального закрепления фактически заключенного союза отнюдь не мешала ему считать союз с Данией вполне действительным, и потому он, получив предложение Августа II, пожелал поговорить с датским посланником. Свидание Гейнсу было назначено на следующий же день, 6 октября, попрежнему в доме резидента Бутенанта фон Розенбуша в полном секрете. Встреча эта, однако, в назначенный день не состоялась и перенесена была на следующий. «Его величество царь, — писал Гейнс в депеше в Копенгаген от 11 октября, — получив вышеупомянутый ме-

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 332—335. Подлинный мемориал Карловича см. Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 16, л. 30—33, напечатан у Устрялова (История, т. III, приложения, стр. 512—515). Русский перевод, сделанный Шафировым, см. Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 16, л. 34—37; там же, л. 38—43 — копия почерком XVIII в.

мориал (Карловича), прислал ко мне в прошлый четверг (5 октября) своего тайного переводчика, который был со мною в Воронеже, сказать, что я завтра утром за два часа до рассвета (au matin deux heures avans le jour) должен быть у комиссара Бутенанта и что он, царь, со мною будет говорить. Я это сделал и подождал его до 11 часов, когда его величество прислал ко мне своего первого фаворита Александра Меншикова извиниться в том, что он не мог прибыть, и позвать меня назавтра в дом сказанного фаворита для той же цели. Я отправился туда. Его величество царь пришел к нам после обеда и, чтобы лучше скрыть свое намерение от бывших при нем, он мне предложил ехать с ним в Измайлово, в половине лье отсюда, посмотреть несколько драгунских рот, которые были набраны в его отсутствие. Чтобы отделиться от остальных, он сел в один экипаж со мною, приказав своему переводчику поместиться на скамейке. По дороге он осведомился об обстоятельствах смерти блаженные памяти его величества (Христиана V). Затем он меня спросил, не получал ли я новых приказаний от двора и могу ли я его уверить, что теперешний король будет в тех же намерениях в отношении к нему, как и покойный король, его отец, выражая пожелание, чтобы я об этом высказался. Я ответил, что я уже уведомлен от двора, что все происшедшее будет подтверждено, и что я жду курьера, который привезет мне новую ратификацию заключенного с его величеством трактата, и как я также опираюсь во всем на данное его величеством царем относительно этого трактата слово, то я ручался, что его величество, мой теперешний государь, утвердит все, что раньше было здесь решено, будучи убежден, что его величество имеет особенное стремление поддерживать всегда с царем более непоколебимо, чем с какою-либо иною державою в свете, дружбу и искренние отношения, которые были во все время с его предшественниками. Царь остался совершенно доволен и подал мне руку, говоря, что все идет хорошо, что он стоит и останется на том же. Царь осведомился далее о возрасте его величества, о характере его верховной власти и о многих других вещах, на что я отвечал, как можно было лучше, пока мы не приехали в Измайлово, где происходило в присутствии и под командой генерал-майора Вейде ученье двум ротам, и трудно поверить, с какою ловкостью эти солдаты проделывали свои упражнения, если принять во внимание, что они набраны только с этого лета вместе с другими четырьмя ротами в отсутствие царя. Это твердо показывает, что эта нация чрезвычайно способна поставлять хороших солдат, и им надобно только хороших офицеров и немного практики»[1].

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, № 12, стр. 326).

Разговор с Гейнсом во время поездки в Измайлово 7 октября должен был успокоить Петра относительно намерений нового датского короля. Гейнс уверил его в соблюдении Фридрихом IV союза, заключенного его отцом. И сам Петр с своей стороны высказал Гейнсу непреклонную волю держаться союза, по своему обыкновению пожав ему при этом руку.

XVIII. ПРИЕМНАЯ АУДИЕНЦИЯ ШВЕДСКИМ ПОСЛАМ И ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С НИМИ

Шведских послов надо было искусно обманывать, скрывая от них тайные переговоры с Карловичем и Гейнсом. Вероятно, для того чтобы не дать им никаких поводов для подозрений, решено было устроить для них торжественную приемную аудиенцию со всем старинным ритуалом. Эта аудиенция и состоялась 13 октября. Однако на том старинном ритуале, по которому она отправлялась, все же отразились некоторые недавно заведенные новшества; а затем и сам Петр, решивши исполнять старинный парад, не мог его соблюсти во всех подробностях уже просто в силу своей нетерпеливой, порывистой и стремительной натуры.

13 октября в пятницу от Ростовского подворья в Китай-город по Красной площади и в Кремле от Спасских ворот до Красного крыльца по обе стороны проездов, по которым лежал путь послов, расставлены были солдаты Бутырского и Лефортова полков под командой генерала П. И. Гордона и сына его полковника Я. П. Гордона с ружьями, знаменами и барабанами. «А в прошлых годех, когда бывали на приездех свейские послы, и для приезду их на стойке бывали стрелецкие полки»[1]. По Красному крыльцу до Столовых сеней стояли также солдаты с ружьями, «а жильцы в терликах отставлены», как значится в официальной записке о приеме посольства. Во главе посольской процессии, открывая шествие, ехали два государевы казначея верхами. Затем 100 человек солдат Семеновского полка несли присланные с посольством от короля и подносимые от самих послов дары, причем каждый нес по одному предмету. Дары состояли из разного рода серебряной посуды. По составленной росписи здесь значится: 12 стаканов больших вызолоченных и украшенных с покрышками, серебряное «водяное блюдо» с рукомойником, 9 лоханей с кувшинами (рукомойники) серебряные, чеканные, вызолоченные сплошь или по местам. Судя по описаниям, приводимым в упомянутой росписи, это были вещи художественной работы, кувшины были украшены изображениями или имели форму указанных в описании предметов: «рукомойник будто Бахус», «рукомойник сде-

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 438—439.

лан будто мужик в больших латах и с сбруею на лошади, будто Полкан», «лев с коруною и с державою», «человек с рогом вызолоченным», «рукомойник будто рыба кит и на нем седящей Нептунус», «12 конфектовых блюдец с пирамидовою чашкою чеканные и узорочно вызолочены, при том же наливательная кружка с поддоном на великом блюде», 6 чеканных и узорочно вызолоченных конфектовых блюд, 6 чеканных и узорочно вызолоченных подносных тарелок с шестьми стаканчиками вызолоченными круглыми, 8 конфектовых блюд доброй работы, чеканных, в том числе 4 блюда без стаканчиков, на 4 блюдах по 2 стаканчика серебряных резных золоченых, 2 серебряных чеканных короба (шкатулки), из них один сквозной работы, каждый с двумя позолоченными ручками, кружка «узорочно вызолочена, сделана будто насос», пара чеканных узорочно вызолоченных фляг, 8 пар подсвечников с вставками для свечей, 16 (по другому списку 8) стаканов «с кровлями филегранцовой работы и 2 чашки доброй работы с покрышки», «судки столовые большие росольники с шанданы». От самих послов подносились — от первого посла: лохань с рукомойником чеканным, узорочно вызолоченная, 2 белые чеканные конфектовые блюдца, 2 чеканные и узорочно вызолоченные четвертины; от второго посла: чеканный серебряный короб с позолоченными рукоятками, 2 стакана чеканные и узорочно вызолоченные на ножках; такие же предметы и от третьего посла [1]. За длинною и, вероятно, эффектною вереницей солдат, несших эти серебряные вещи, ехали шведские музыканты: литаврщик и за ним в ряд четверо трубачей и «едучи дорогою по литаврам били и в трубы трубили». Затем в 14 каретах, каждая в 6 лошадей, ехали королевские дворяне и «лучшие люди», за ними — верхом в строю 30 иноземных офицеров по наряду из Иноземского приказа. Секретарь посольства верхом вез королевскую грамоту, а за ним двигалась посольская карета, в которой сидели все трое послов с приставами: в большом месте двое первых послов, третий против них по правую сторону, левую сторону переднего места занимал пристав Владимир Воробин, а двое других приставов «сидели в скрыдлах». Кареты останавливались, «проехав угол архангельские паперти» (Архангельского собора), дворяне и послы здесь выходили и затем шли благовещенскою папертью на Красное крыльцо, сняв у благовещенской лестницы шпаги. На паперти и по крыльцу стояли «дети боярские и дворовые люди (служители хозяйственных дворцов, подведомственных приказу Большого дворца) и подъячие в чистом платье». В дверях сеней Столовой палаты послов встретили стольник князь Андрей Яковлевич Хилков и дьяк Андриан Ратманов и говорили им «встречную речь». Послы, «учиня благодарение и витався (поздоровавшись) со

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 418—421, 427—434.

встречники, шли в Столовые сени и в (Столовую) палату без шляп», двигаясь между двумя рядами семеновских солдат, которые уже стояли здесь с принесенными подарками в руках. «А великий государь... в то время изволил сидеть в Столовой палате в своем царском месте под балдахином. Балдахин сделан был новый, бархат двоеморховый, по серебреной земле розными шелки, а подле его, государева, места — кресел — поставлен был стол, покрыт золотом, стоял под балдахином же по правой стороне. Изволил великий государь быть в гвоздишном суконном рысьем кафтане с золотными петлицы без крытия главы. Рынд при великом государе не было. А бояре и окольничие, и думные дворяне были при великом государе в суконных кафтанах; а в сенях сидели дворяне и приказные люди, и дьяки и гости в суконных же кафтанах». Кресло вместо трона, стол по правую сторону кресла, гвоздичный суконный подбитый рысьим мехом кафтан вместо царского облачения, открытая голова, отсутствие рынд, которые прежде стояли у трона в белом платье и в золотых цепях, вместо золотного платья суконные кафтаны на присутствовавших при аудиенции членах боярской думы и других чинах — все это новые черты, вкравшиеся в старинный ритуал, по которому происходила аудиенция.

Рис. 16. Рукомойник-Бахус, серебряная шкатулка и рукомойник-лев (государственный герб Швеции), поднесенные шведскими послами Петру I в 1700 г.
Хранятся в Оружейной палате в Москве.

Когда послы вошли в Столовую палату, их «явил государю челом ударить (т. е. представил их) думной советник и на-

местник болховский Прокофий Богданович Возницын». Послы «правили великому государю Каролуса короля поклон». После этого поклона Петр по составленному предварительно церемониалу аудиенции должен был о королевском здоровье спросить послов, «немного приподнявся». Но на самом деле, как читаем в описании аудиенции, он не усидел, поднялся с кресла и продолжал прием стоя. «Изволил о королевском здоровье спросить послов, *встав, и стоял во все бытие их без прикрытия главы»*. Самый вопрос о здоровье был предложен в прежней формуле: «Каролус, король свейской, по здорову ль?» Но затем, когда послы, сказав про королевское здоровье, поднесли королевскую грамоту, Петр опять отступил от церемониала. По церемониалу он должен был велеть принять грамоту стоявшему у государского места ближнему боярину Л. К. Нарышкину, а сам только «наднести» над грамотой, не прикасаясь к ней, «свою государскую руку», т. е. сделать только символ принятия грамоты. На деле, он взял у послов королевскую грамоту сам и передал ее Нарышкину. Потом послы говорили государю речь, которую переводил их переводчик. Послы стали было в речи произносить царские «большие титла», т. е. вычитывать полный царский титул. Петр не стал этого перечисления слушать и сделал нетерпеливый знак опустить титулы. Так следует понимать слова официального описания приема: «и великий государь больших титл слушать не изволил, а говорили кратко». О том, что царь нетерпеливо прервал послов, когда они стали было перечислять большой его титул, читаем в одной современной иностранной реляции об этом приеме: «Jhro zaarische Mayestät, wann die Herren Schweden dero gantze titul recitiren wolten, ungeduldig wurden und sagten: man solte nicht so weitläuftig sein» [1].

Остальная часть ритуала исполнена была без отступлений. После речи послов великий государь велел П. Б. Возницыну позвать послов к своей государской руке. Послы и дворяне подходили целовать руку, причем «его государеву руку держал ближний боярин Л. К. Нарышкин». Следовал вопрос послам и дворянам об их здоровье; затем П. Б. Возницын являл царю присланные подарки: «А как поминки несли, и в то время говорена послом речь, что посольство их принято любительно и ответ учинен будет». Церемония закончилась объявлением послам «стола»: «послом сказан стол (т. е. присылка угощения на дом) и отпущены на подворье» [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 697.

[2] Там же, л. 477—479: Статейная записка со справкой, с каким церемониалом происходила приемная аудиенция шведским послам прежде; л. 444—455: Церемониал приемной аудиенции, написанный на узеньких листочках мелким почерком с поправками, имеющими целью переделать этот церемониал в статейную записку о том, как аудиенция происходила в действительности; л. 456—461: Статейная записка об аудиенции; л. 469—476: Отпуск наказа стольнику князю Ю. Ю. Трубецкому, посланному

На другой день, в субботу 14 октября, послы приезжали во дворец «бить челом великому государю за стол», благодарить за присланное накануне угощение. Церемония въезда их с Ростовского подворья в Кремль была обставлена так же, как и въезд на приемную аудиенцию: те же шеренги солдат по улицам, те же кареты. Но самый прием был на этот раз проще. Он происходил в Набережной палате. Посольские дворяне остались у дверей палаты, став по обе стороны дверей, в палату вошли трое послов с приставами, маршалок посольский и писарь (секретарь?). «Великий государь, — гласит Статейная записка этого приема, — в то время изволил быть в своих государских Набережных хоромех в своем государском одеянии, изволил стоять в гвоздишном кафтане без прикрытия главы» — без трона, без балдахина, без стола у трона и т. д. Послы били челом за стол и после того «спрашивали о здоровье». П. Б. Возницын обратился к ним с речью, в которой сказал, что представленную ими вчера королевскую грамоту великий государь изволил принять и посольство их выслушал, а о посольских делах, для которых они присланы, «велел у них выслушать и ответ им дать», т. е. вести с ними переговоры, трем лицам: ближнему боярину и наместнику сибирскому Ф. А. Головину, окольничему и наместнику карачевскому С. И. Языкову да думному дьяку и наместнику болховскому П. Б. Возницыну. В заключение П. Б. Возницын пригласил послов итти в Ответную палату и объявить свои дела. На этом аудиенция у царя в Набережной палате закончилась.

Вслед за тем у послов происходила первая конференция с назначенной для переговоров с ними комиссией: Головиным, Языковым и Возницыным, которые тотчас же отправились в Ответную палату, где и ожидали послов вместе с находившимися уже там старшими дьяками Посольского приказа Василием Посниковым и Борисом Михайловым. Когда туда же были приведены послы, Головин с товарищами встретили их посреди палаты, дьяк Борис Михайлов представил послам членов комиссии, назвав их имена и титулы. «И ближний боярин, и окольничей, и думной с свейскими послы витались и спрашивали послов о здоровье», на что послы отвечали изъявлением благодарности.

В палате был приготовлен стол, по одну сторону которого лицом к входным дверям сели в креслах послы, а по другую боярин, окольничей и думный советник в креслах, дьяки на стульях. Посидев немного, приступили к переговорам. Открывая их, ближний боярин еще раз объявил послам, что он и его товарищи назначены государем для выслушивания у них наказанных им дел. Послы, вновь повторив благодарность за

к послам со столом после аудиенции, об угощении послов и произнесении надлежащих тостов.

назначение для переговоров с ними именно этих лиц, заявили, что дела, с ними наказанные, они объявлять будут, «только де ныне еще ко объявлению тех дел они не изготовились, а объявят их в иное время». В ответ на эти слова Ф. А. Головин сказал, что, хотя они, послы, к объявлению дел своих еще не изготовились, однако он предложит им к сведению царское изволение. Затем он приказал находившимся в Ответной палате посольским дворянам и чиновным людям удалиться и остаться в палате только посольским приставам и, когда те из палаты «уступили», продолжал речь, указав, что государь посольство их выслушал и королевскую грамоту любительно принял. В этой грамоте идет дело о подтверждении трех прежних договоров, а именно: а) Кардисского вечного мира, б) Плюсского совершения и в) Московского постановления [1]. Послы, вновь повторив благодарность, сказали, что о делах объявят в следующем ответе; теперь же предъявят только присланную с ними подтвержденную грамоту на три упомянутые Головиным договора; тексты этих трех договоров вписаны в грамоту «от слова до слова». «И показывали послы тое подтверженную грамоту ближнему боярину с товарыщи; переплетена она в досках бумажных, оболочена камкою травчатою по белой земле и привешена печать на снуру в ковчеге серебреном, местами золочен, на ней назначен герб свейского короля» [2]. Боярин сказал, что о предъявлении грамоты он донесет государю. Послы заявили о желании их короля жить с государем в соседственной дружбе по постановленным договорам и о старании их, послов, эту дружбу обновить и подкрепить, на что боярин заметил, что «то дело доброе и всякой служитель тщится исполнить повеления своего государя и дай боже, чтобы тому учинилось довольство». В заключение послы были спрошены, когда они «изготовятся» к объявлению своих дел. Послы назначили 17 октября. На этом первая конференция кончилась; она имела, как видим, лишь внешний, формальный характер первой встречи, взаимного представления и первого ознакомления. Как замечает цитированная уже нами выше иноземная реляция, послы не пришли еще в себя после вчерашнего угощения, потому и нельзя было разговаривать серьезно о делах: «weil sie von vorigen Tages bewirthung noch nicht allerdings aufgeräumbt wären» [3]. Головин в своей речи наметил главный предмет будущих переговоров; послы показали

[1] Кардисский вечный мир 21 июня 1661 г. (П. С. З., № 301). Плюсское совершение — договор на пограничной реке Плюсе 12 октября 1666 г., заключенный в подтверждение, дополнение и развитие Кардисского договора (П. С. З., № 395). Московское постановление — соглашение, заключенное в Москве 22 мая 1684 г. в пополнение Кардисского и Плюсского договоров (П. С. З., № 1076).

[2] Подлинник этой грамоты сохранился (Арх. мин. ин. дел, Трактаты с Швецией, № 64), но печати при ней уже нет.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 697.

привезенную ими подтвержденную грамоту с заглавным листом высокой художественной работы: с портретом Карла XII и с изображением герба Швеции и гербов всех шведских провинций. Рассматривание этого листа, вероятно, заняло время; по существу предмет посольства не был затронут. «И отпущены на подворье, — читаем в Статейной записи, — а королевскую подтверженную грамоту взяли с собою. И ближней боярин, и окольничей, и думной, и дьяки провожали послов из Ответные палаты из дверей в другую палату и, витався, пошли» [1].

XIX. ПЕРЕГОВОРЫ С ПОСЛАМИ О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ДОГОВОРОВ

Переговоры по существу начались только со следующей, второй, конференции. Всего ответная комиссия имела с послами шесть конференций или съездов, которые происходили 14, 17, 20, 26 октября, 2 и 20 ноября [2]. Главным и основным предметом переговоров, для чего собственно послы и явились в Москву, было подтверждение трех указанных выше прежних трактатов. Но возник вопрос о формах этого подтверждения, затронутый еще в беседе послов с боярином Л. К. Нарышкиным в Чашникове 23 июля и тогда отложенный. Вопрос этот обсуждался на второй конференции, после нее был Головиным доложен Петру и получил определенное решение, которое Головин и сообщил послам, открывая третий съезд 20 октября. Государь, заявлял Головин, желает сохранить с королем соседственную дружбу по прежним договорам; поэтому он примет привезенную послами *«подтверженную»* грамоту на эти договоры и в ответ велит выдать послам свою *докончальную* грамоту. Затем с своей стороны государь отправит посольство в Швецию с своей подтвержденной грамотой, и это посольство примет присягу от шведского короля и «докончальную» его грамоту. Но «крестного целования и обещания на св. евангелии государю чинить второй раз не для чего», потому что он такое обещание чинил уже раньше, в 1684 г., вскоре после вступления своего на престол перед шведским посольством Гильденстерна. Поэтому пусть послы займутся «справливанием», т. е. сверкою текста подтвержденной грамоты

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 492—494.

[2] Первая конференция 14 октября — Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 492—494. Записи второй конференции 17 октября не сохранились, но о предмете разговора на ней можно судить по записи третьей конференции. Третья конференция 20 октября — там же, л. 497—505. Четвертая конференция 26 октября — там же, л. 506—532. Пятая конференция 2 ноября — там же, л. 550—559. Шестая конференция и отпускная аудиенция 20 ноября — там же, л. 622—624.

Рис. 17. Заглавный лист шведской подтвержденной грамоты 1699 г., хранящейся в ЦГАДА в Москве.

с хранящимися в Москве подлинными шведскими текстами подтверждаемых договоров, и пусть сами назначат для такого справливания место, а казалось бы всего пристойнее справливать грамоту в Посольской канцелярии или здесь, в Ответной палате, при государевых дьяках с подьячими. Послы начали с замечаний по поводу сверки грамоты: в прежнее время в таких случаях подлинные тексты трактатов присылались с дьяками и подьячими на Посольский двор; но они не возражают и против Ответной палаты и пришлют туда своих секретарей для этой работы. По вопросу же о форме подтверждения договоров они высказали взгляд, совершенно противоположный тому, который только что высказан был Головиным, требовали непременно присяги от царя: обещания на евангелии и крестоцелования, так как прежняя присяга была принесена царем королю Карлу XI, теперь же у них новый король. Вопрос о присяге стал центральным; о нем завязался спор, и каждая сторона изощрялась в приведении аргументов в пользу своего взгляда и для опровержения позиции противника. Этот спор занял бо́льшую часть третьей, а также часть четвертой и пятой конференций. Проследим вкратце основные направления этого спора.

На замечание послов, что государь давал прежнюю присягу королю Карлу XI, Головин возразил, что присяга тогда давалась не только Карлу XI, но и его *наследникам*. Затем государь пошлет своих послов в Швецию с подтвержденною грамотой, из чего видно его желание жить с новым королем в соседственной дружбе. Послы указали далее на подтверждение договоров присягою в случаях перемен на престоле, как на древнее обыкновение; это обыкновение соблюдал царь Алексей Михайлович; его соблюдают и другие христианские государи. Головин, отвечая на эти доводы, начал с решительного заявления: великого государя изволение им, послам, объявлено «и инако то пременно не будет». Однако затем он перешел к оспариванию аргументов, выдвинутых послами: если другие христианские государи давали вторичную присягу, в том их воля, «знатно они то чинили по договорам». Но в Кардисском договоре в 27-й его статье второй присяги от уже присягавшего государя не требуется; при этом Головин прочитал 27-ю статью, процитированную уже послам в Чашникове Л. К. Нарышкиным. При недавней перемене на престоле польского короля вторичной присяги государь не приносил, да и вообще не в обычае у христианских государей один и тот же договор подтверждать двукратной присягой. Царю был бы стыд от всех христианских государей, если бы он стал чинить такое повторное подтверждение договоров: можно было бы из того заключить, что договоры были нарушены. Царь Алексей Михайлович, на которого сослались послы, одних и тех же договоров дважды не подтверждал, разве только после разрыва

сношений, когда случилась война; у ныне же царствующего государя войны со Швецией не было. Послы продолжали настаивать на древнем обыкновении присяги. Если о ней не говорится в Кардисском договоре прямо, то она подразумевается как обычная форма подтверждения договоров. В таком смысле был сделан доклад и королю, который посылал их, не предполагая, что древнее обыкновение будет отменено. Принятие присяги от царя включено в их наказ; без такого принятия они отдать подтвержденной грамоты не смеют и будут писать королю о новом указе. Послы вообще не раз в продолжение спора ссылались на данный им наказ и заявляли, что они действовать вопреки наказу самовольно не смеют и будут писать королю, ожидая новых инструкций. Головин возражал против сношения с Стокгольмом; оно потребует долгого времени; напрасно послы думают, что такое сношение может быть сделано скоро. В Москве дорогу до Стокгольма знают, в четыре месяца едва ли возможно обернуться. В 1674 г. шведские послы («Густав Оксенстьерна с товарищи») посылали в Стокгольм за инструкциями — едва в пять месяцев получили ответ, проживая все это время на своих проторях; так же на своих проторях придется жить и им, теперешним послам. А между тем, во время перерыва переговоров государь может уехать из Москвы в какое-либо из своих дальних пограничных государств, и тогда послам придется ждать еще дольше. Да новые инструкции им и не нужны, так как они снабжены вполне достаточными полномочиями. На вопрос послов о том, если случится великому государю «с сего света пременение», должен ли будет Карл XII приносить присягу на подтверждении договоров его наследнику, Головин в подкрепление своей точки зрения на недопустимость повторной присяги сказал, что не должен, а другое замечание послов, что если царь присяги давать не желает, то и их королю присяги давать не следует, отразил словами, что король должен принести присягу, так как он ее еще не приносил, а государь ее уже принес Карлу XI и его наследникам.

Наконец, Головин выдвинул довод, оказавший решительное действие на ход переговоров, сослался на исторический прецедент, именно на подтверждение договоров королевой Христиной. Когда после смерти короля Густава-Адольфа «учинилась на королевстве дочь его Христина королевна», она подкрепила Столбовский договор, заключенный между королем Густавом-Адольфом и царем Михаилом Федоровичем, только подтвержденною грамотою, а присяги не давала, как не давал ее взаимно и Михаил Федорович. Вот древний обычай, который послы домогаются теперь нарушить. Послы ответили, что этот случай им известен, королева Христина не чинила присяги по малолетству и соответственно этому и царь не давал ей присяги, «а скреплен тот договор был с обеих сторон равно только

одними подтверждёнными грамотами». Однако прецедент, указанный Головиным, произвел на послов сильное впечатление; они обратились к ответной комиссии с просьбой дать им «то объявление на рассуждение» и обещали, посоветовавшись между собою, сообщить ответ на следующей конференции.

Открывая следующую, четвертую, конференцию 26 октября, Головин предложил послам высказаться о том, что они в прошлый раз взяли себе «на размышление», т. е. о затронутом прецеденте. Послы теперь стали отговариваться неведением, ссылаясь на пожар в Стокгольме, уничтоживший архивы и лишивший их возможности знать о поведении в подобном случае королевы Христины. «Что объявил он, ближний боярин, им, послом, на пример поведение бывшей их свейской королевны Христины, что бутто Христина королевна... в прошедшие лета при таком вечном мире на подтверженных грамотах при царских послех подтвержения не чинила, а укрепляла договоры докончальными грамотами, и такого де поведения они, послы, не ведают и в наказе им того не написано, потому что по воле божией, прошедшего лета в Свее в Стеколне посолская их канцелярия, в которой были всякие государственные крепости, договоры и подтверженные грамоты и дела, погорели все без остатку и для того де им, послом, о том поведении ведать не по чему и подлинно ль такого обещания у ней, королевны Христины, не было, а подтвержала только одними грамотами, и того в канцелярии их не ведомо». Московские архивы имели более счастливую судьбу, а московские дипломаты оказались более сведущими в исторических прецедентах. Ф. А. Головин, так удачно, вероятно, не без помощи присутствовавших на конференции посольских дьяков В. Посникова и Б. Михайлова выдвинувший прецедент королевы Христины, в перерыв между третьей и четвертой конференциями имел время подготовиться по этому вопросу, наведя более подробные справки, и теперь, на четвертой конференции, привел уже не один, а два случая с королевой Христиной, указывая им точные хронологические даты. Первый случай относился к 143 (1635), второй к 154 (1646) году. В первом случае, как указал боярин, королева Христина присылала к царю Михаилу Федоровичу послов, Филиппа Шейднига с товарищи, с подтвержденною грамотой для подтверждения договоров вечного мира. И в то время царь Михаил Федорович второго обещания на подтвержденной грамоте королевы не давал, потому что давал уже ее отцу королю Густаву-Адольфу и его наследникам и подкрепил те договоры только своею докончальною грамотой, посланною с теми же послами. Другой случай относился ко вступлению на престол царя Алексея Михайловича. Царь в 1646 г. послал с своею подтвержденной грамотой к королеве Христине своих послов: окольничего Григория Гавриловича Пушкина с товарищи. И при тех послах

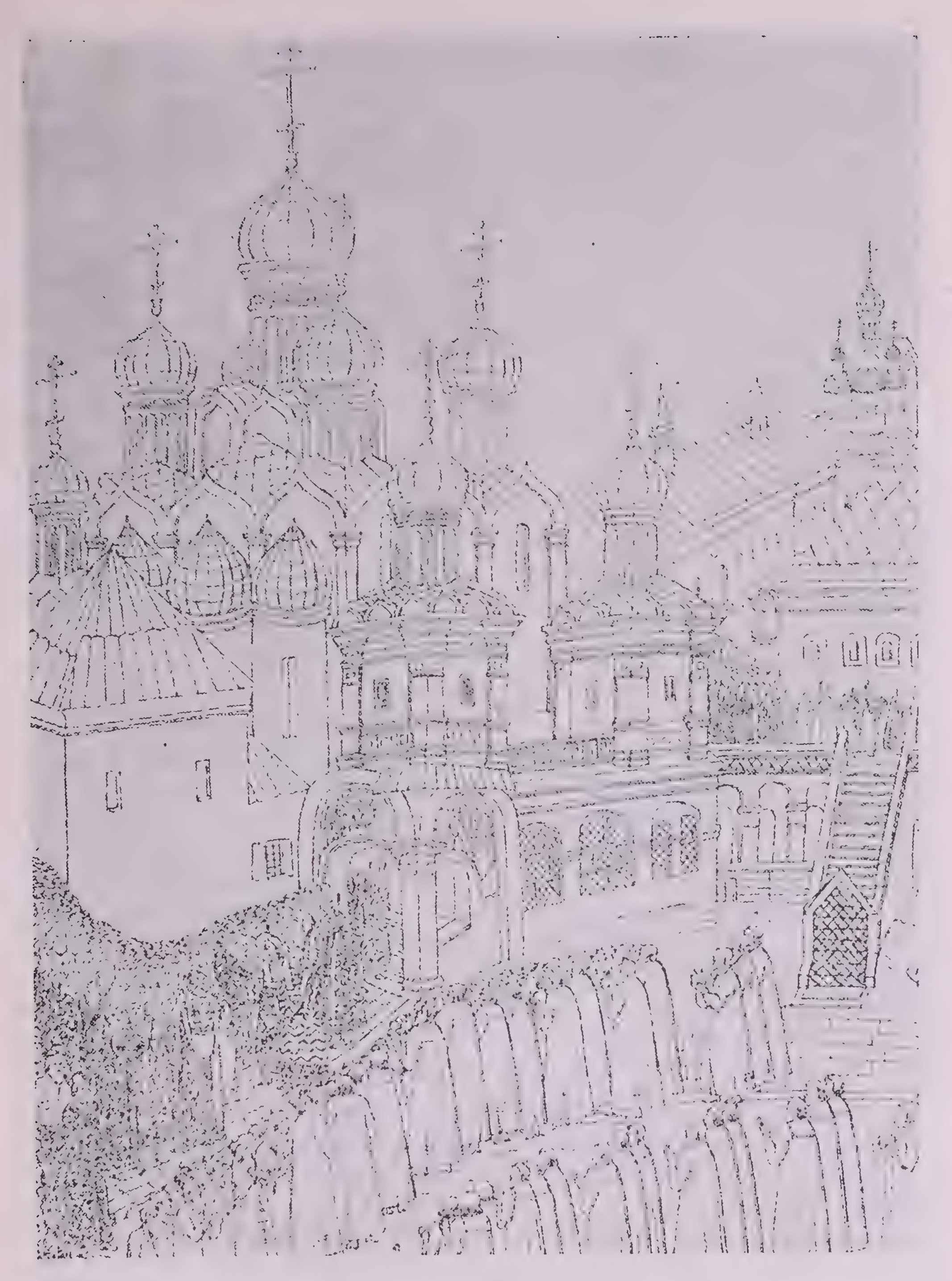


Рис. 18. Деталь изображения кремлевской площади в XVII в. Слева, перед Благовещенским собором — здание с шатровой кровлей — Казенный двор. От него по направлению к Успенскому собору движется процессия с царскими регалиями.

Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство Михаила Федоровича», составленной в 1672 г. в Посольском приказе. Подлинник хранится в Оружейной палате в Москве.

королева Христина, хотя тогда уже и не в молодых летах была и самостоятельно правила королевством, однако на царской подтвержденной грамоте «обещания не чинила и душею своею тех договоров не закрепляла», а подтвердила те договоры только докончальной своей грамотой. Если посольская канцелярия в Стокгольме сгорела, то послы в том, что королева Христина в обоих случаях не давала присяги, могут убедиться по документам русской Посольской канцелярии, по хранящимся там подлинным подтвержденным и докончальным грамотам королевы Христины, написанным на шведском языке за ее рукою и с печатью шведского королевства и по статейным спискам посольств.

Эти доводы стали колебать шведов. Они попросили ответную комиссию показать им подтвержденные и докончальные грамоты Христины и статейные списки. Когда эти подлинные документы им будут предъявлены, тогда они, послы, по тому примеру «могут иметь в размышлении своем облегчение», т. е. перестанут настаивать на своем требовании, убедившись в прецеденте. Они просили только в «любительной и в докончательной» царских грамотах, которые будут с ними посланы к королю, засвидетельствовать, как они, послы, домогались царской присяги. Боярин охотно согласился на немедленное предъявление документов. «И октября в 27 день, — т. е. на другой день после четвертой конференции, как читаем в составленной в Посольском приказе записке, — в Посольском приказе прежние свейские Христины королевы грамоты сыскиваны. А по сыску те грамоты явились из Посолского приказу отосланы на Казенной двор [1] и послано о том в поход письмо» [2]. Сохранился черновик этого письма к Ф. А. Головину кого-то из дьяков Посольского приказа. Головин в это время, вероятно, сопровождал Петра в подмосковный поход, о котором упоминается выше в записке Посольского приказа [3]. «Государь мой милостивой Федор Алексеевичь! По твоему, государь, приказу сыскано, что те обе свейские Христины королевы подтверженные грамоты 143 и 154 годов положены на Казенной двор и

[1] Казенный двор — старинное хранилище драгоценностей и вместе с тем архив московских государей, заведенный московскими князьями еще в удельные времена.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 534.

[3] Может быть, в село Тайнинское, откуда Ф. А. Головин писал в приказ дьякам Посникову и Михайлову: «Василей Тимофеевичь, Борис Михайловичь! Указал великий государь грамоты готовить для отпуску свейских послов против прежних отпусков, как было до 192 году (1684), на листу и ковчег изготовить серебреной с небольшими чеканными травками. И в ответ (т. е. 5-й съезд) извольте назначить послом в среду (1 ноября; он состоялся в действительности 2 ноября); только подлиннее о том дам вам ведомость завтрашнего числа. А о пехсте («на стойку» — при проезде послов) и о других готовостях изволте в приказы посылать. Феодор Головин. Ис Тайнинского, 29 октября». (*На обороте:* Отдать дьяком в Посольский приказ. *Помета:* «208 октября в 30 день в 4-м часу дня подал стряпчей конюх Гурей Карпов сын Прянишников».)

запечатаны государевою перстневою печатью. А напред сего для вынятия таких крепостей хаживали на Казенной двор за государеву печать [*зачеркнуто:* ближ] боярин [*зачеркнуто:* Илья Данилович Милославской и] да думные люди [*зачеркнуто:* дьяк] Ларион Лопухин и [*зачеркнуто:* иные]. И о сем тебе, государю, известив... *(не окончено)*. Письмо это показывает, что на Казенном дворе в архиве документы хранились за личною печатью государей и даже в помещении, запечатанном этой печатью, что доступ туда происходил с разрешения самого государя и что извлечение документов производилось особой комиссией. И на этот раз для отыскания и извлечения понадобившихся актов назначена была царем специальная комиссия. «Октября в 28 день, — читаем в составленном по этому случаю протоколе, — по именному великого государя указу ходили для сыску тех грамот на Казенной двор боярин князь Петр Ивановичь Прозоровской, околничие Михайло Тимофеевичь Лихачев, Семен Ивановичь Языков, думной дворянин и печатник Дементей Миничь Башмаков, думной советник Прокофей Богдановичь Возницын, дьяк Борис Михайлов и тех свейских грамот сыскивали и сыскали ящик с свейскими прежними крепостьми. И те крепости с Казенного двора взяты в Посолской приказ и осматриваны; и те свейские прежние грамоты найдены и свейским послом показаваны, посыланы к ним с дьяком с Борисом Михайловым да с подьячим с Михайлом Волковым. И послы те грамоты чли и просили, чтоб с них дать списки. И по приказу боярина Федора Алексеевича Головина велено им, послом, для подлинного ведома те грамоты списать в Посолском приказе. И послы того ж числа присылали в Посолской приказ дву человек своих канцеляристов и те обе грамоты свейской Христины королевы списали. А подлинные грамоты по прежнему отосланы на Казенной двор»[1].

Убедившись в верности того, о чем говорил Головин, послы сдались. На пятом съезде они заявили об отказе от своего

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 535 — черновик письма к Головину; л. 543 — письмо Головина к приказным дьякам; л. 660 — черновик протокола. В протоколе читается ошибочно «*ноября* в 28 день». Что извлечение документов с Казенного двора имело место 28 октября, а не 28 ноября, видно, во-первых, из того, что царское повеление на извлечение документов испрашивалось 27 октября, и вполне естественно, что оно было исполнено на другой же день. Затем на пятой конференции, происходившей 2 ноября, послы уже благодарили за предъявление документов и разрешение снять с них копии; там же, л. 550: «208 ноября во 2 ден... послы говорили: челом бьют они, послы, великому государю, его царскому величеству, и ему, ближнему боярину с товарыщи, и благодарят, что по его царского величества милостивому изволению присыланы к ним на Посольский двор для подлинного оказания древних поведений прежней их свейской Христины королевы подтвержденная и докончальная грамоты прошлых 143 и 154 годов, с которых грамот по его государской милости и списки им для подлинного выразумения даны, из которых списков о прежнем поведении настоящему к нынешней соседственной дружбы укреплению подлинно они уведомлены».

требования царской присяги: «видя те прежние свейской Христины королевы грамоты и смотря и мысля по списком, склонились в поведении своем поступить по его царского величества изволению и по их ближнего боярина с товарищи желанию». Это была дипломатическая победа, одержанная Головиным. Петр освобождался от присяги, тем более для него неудобной, что в эти же самые дни он вел деятельные переговоры о нападении на Швецию.

XX. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ. ВЗАИМНЫЕ ЖАЛОБЫ

Вопрос о форме подтверждения прежних договоров был главным предметом переговоров, но не единственным. Следовал затем ряд жалоб с русской стороны на причиненные шведским правительством и его подданными обиды. Здесь первое место занимала обида, нанесенная великому посольству 1697 г. в Риге. Вопрос был поднят Головиным на третьем съезде. Оговорившись предварительно, что упоминает этот случай не «к раздиранию договоров», боярин сказал, что, когда великие послы — Ф. Я. Лефорт, он, Головин, и думный советник Возницын имели путь свой через королевство шведское на Ригу, то, хотя им на границе и до Риги посольского приема и не учинено, как бы следовало по обычаю и по договорам, однако до Риги доехали благополучно. Но в Риге губернатор и рижане градские люди чинили им великое утеснение: съестные и питейные припасы и конские кормы продавали им нарочно дорогою ценою, за постоялые дворы и за перевоз через Двину брали двойную плату и дороже, утеснили русских извозчиков, привезших послов в Ригу: когда те стали распродавать в Риге своих лошадей — понизили на лошадей цену. Посольских людей не пускали свободно ходить по городу для покупки кормов, а водили их под караулами. Шведским послам, проезжающим через Московское государство в Персию, оказывается в Московском государстве всякое вспоможение и даются не только постоялые дворы, но и кормы и подводы. «А они, царского величества послы, в Риге хотя б ласковым словом приветствованы были!» Между тем при посольстве, «хотя и в незнатной персоне, — был сам государь, и рижане об этом знали, — для того посольству такую тесноту и чинили... и великое суровство им показали». Если бы случилось королю быть в Московском государстве, «хотя бы скрытым лицом», а государь бы о том узнал, то воздал бы ему честь не с принуждением, а со всяким удовольствованием. Рижане же сочли посольство за неприятелей или лазутчиков, которые будто бы приехали осматривать и измерять рижскую крепость; послы предложили того из посольских людей, кто бы стал измерять крепость, брать под арест, и, однако,

никто взят не был. Да и всего при посольстве служилых людей было 70 человек; что с таким малым числом можно было сделать над крепостью? Хорошо известно, что рижский губернатор и рижские жители такое утеснение посольству чинили не по королевскому велению, а по своему хотению. Если бы смерть короля Карла XI случилась во время их пребывания в Риге, рижане поступили бы с ними варварски, как с неприятелями и злодеями! Когда по приезде в Либаву послы отправили оттуда через Ригу конюха и 10 человек рейтар, то конюх был задержан в Риге, сидел за караулом в ратуше, водили его к губернатору и едва отпущен; а на рейтар рижане затеяли, будто они кричали и хотели их перестрелять. Обо всех этих обидах посольство по прибытии в Голландию заявляло шведскому послу в Гааге Лилиенроту; он обещал донести королю, но доносил ли, неизвестно, во всяком случае никакого следствия о том в Риге не было и никакого указа не учинено. На основании всего изложенного Головин предлагал шведским послам довести о происшедшем до сведения короля с тем, чтобы он «велел тому губернатору и рижанам учинить за то утеснение и за их посольское бесчестие оборонь, чтоб впредь иным таким чинить было неповадно». Своих же личных убытков великое посольство на рижанах не взыскивает[1].

Шведы отвечали, что им о причиненном в Риге посольству утеснении слышать печально. Они очень удивлены этим и донесут королю; если бы королю было о причиненных обидах известно, то сейчас же он велел бы расследовать дело и учинить указ. По каким причинам великому посольству такое утеснение было, сами они, послы, не ведают и дознаться не могут, потому что сами при том не были и ни от кого подлинно о том не слыхали. Наоборот, им ведомо, что, когда недавно проезжали через Ригу царский посол в Голландии Андрей Артамонович Матвеев да и он, думный советник П. Б. Возницын, возвращавшийся с Карловицкого конгресса, им «прием и встреча, и почести были достойные», соответственно тому, как в Московском государстве принимали шведских посланников, проезжавших в Персию. Послы просили боярина изложить все сказанное о рижских обидах «на письме».

Последующие жалобы были уже второстепенного характера. Большое неудовольствие в Москве возбуждали действия рижского почтмейстера. Через рижскую почту шла корреспонденция

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 503—504. Ср. там же 1700, № 2, л. 81—82, те же жалобы, но в более резких выражениях, например, «и в бытности (в Риге), паче же и в отъезде не так удовольствованы как больши обезчещены и обруганы и неприятелско воспочтены суть». Это черновая запись с обширными поправками Головина. Может быть, это черновик заявления «на письме» об обидах великому посольству, врученного шведам?

из Москвы в европейские страны. Эту корреспонденцию почтмейстер задерживал и даже распечатывал, а иногда вовсе не принимал ее и не отправлял по назначению. О таких его действиях Головин вручил послам особую записку. Послы, приняв записку, сказали, что о «неправдах» рижского почтаря им и самим известно, так как о них было уже по донесению московского почтмейстера Виниуса писано в грамоте от царя к королю. Им, послам, было приказано от короля при проезде через Ригу расследовать это дело; они расследовали и убедились, что рижский почтмейстер, действительно, во многом виноват. Они писали уже о том королю, и взыскание почтмейстеру будет учинено неотложно. Будут писать и еще раз по поводу представленной бояриним записки. Головин передал затем жалобу врача Болдуина Эндрюса, отправленного в Голландию в посольстве Матвеева. Эндрюс, кроме врачебной деятельности, занимался также подрядами в кумпанском строении кораблей и, между прочим, подрядился на поставку парусного полотна, которое и было задержано в Швеции. Послы заметили, что тут шведское правительство не при чем, это частные дела между русскими и шведскими подданными. Им, впрочем, предписано такие жалобы принимать, потому они и эту жалобу принимают. Далее, думный советник П. Б. Возницын выступил со своей личной жалобой на пропажу у него части имущества при возвращении с Карловицкого конгресса. В Лифляндии на пути между Ригой и рижской границей один из шведских подводчиков, которые везли его имущество, увез целый воз с его вещами ценою на тысячу рублей или и больше. По жалобам Возницына подводчик был отыскан, но имущество возвращено было неполностью, и поэтому он просил о возвращении остального имущества. Послы заметили, что рижский губернатор писал, что, как оказалось по расследованию, подводчик имущества думного советника не увез, «а за многими подводы и за неосмотрением того подрядничья надзирателей русских людей, которые ехали за обозом, осталась та подвода в лесу». Имущество на ней было в целости и будет возвращено Возницыну через резидента Книппера. Наконец, Головин сделал общее представление о многочисленных обидах, причиненных русским подданным шведскими. Если бы государь не хотел с королем соседственной дружбы, то и одна из этих обид могла бы быть достаточным предлогом для нарушения вечного мира. Особенно много таких взаимных недоразумений и столкновений происходило в порубежных местах между подданными обоих государств по делам межевым, торговым и всяким иным. Послы со своей стороны представили ответной комиссии список обид, причиненных королевским подданным русскими, — «обидным делам книги» — и в связи с этим подняли вопрос о назначении с обеих сторон, с русской и с шведской, особых

межевых судей или пограничных комиссаров, которые бы съезжались и разбирали такие дела между подданными обеих стран. Головин, принимая представленные послами «обидные книги», сказал, что и с русской стороны послам будут вручены подобные же книги, так как и царским подданным в прошедшие года учинялись многие тягости и обиды. Еще до прибытия шведского посольства в Москву новгородскому и псковскому воеводам предписывалось составить выписки из дел по жалобам русских подданных на шведов и прислать их в Москву. Такие «обидные книги» с русской стороны и были переданы послам на пятой конференции. Предложение послов о назначении пограничных комиссаров было принято; им было сказано, что государь велит назначить двух комиссаров из дворян, вотчины которых лежат близко к порубежным местам. Соответственно с этим должен был назначить своих комиссаров и король. Окончательное решение этого вопроса было, однако, отложено до прибытия будущего русского посольства в Стокгольм[1].

Возник обычный при переговорах русских с шведами вопрос о титуловании обоих государей. Поднят он был шведскими послами, которые на четвертой конференции стали просить, во-первых, не титуловать более короля «велеможнейшим и высокорожденным князем», а, во-вторых, просили при упоминании о покойных предках короля писать не «высокославные», а «блаженные» памяти, как пишется о русских покойных государях. Нежелание короля именоваться «велеможнейшим и высокорожденным князем» послы объясняли тем, что «в нынешние времена теми речениями пишутся непородные люди»: графы и князья, приобретшие себе эти титулы выслугой и даже покупкой. В подкрепление своего объяснения послы указали на пример английского короля, который во времена Столбовского мира писал еще себя высокорожденным князем, потому что в те времена таких князей было еще мало и кроме королей такими речениями писаться иные не смели; а теперь, когда род тех князей умножился, английский король перестал писаться таким названием. В основание своих требований послы указывали статью 2-ю Кардисского договора, устанавливавшую, что оба договаривающиеся государя должны быть титулуемы так, как они «сами себя описуют». Головин, обещая доложить об этих просьбах государю и сообщить послам ответ на следующей конференции, заявил все же встречное требование: именовать царя «пресветлейшим и державнейшим», как московский государь «сам себя описует» и как пишут к нему римский цесарь и все окрестные христианские государи. При этом Головин пояснил, что титул этот дал впервые царю король польский за многие «воинские промыслы

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 497—559.

и помочи и военные труды». Шведский же король и доныне этого титула государю «не додает». На следующей конференции Головин сообщил послам царский ответ по вопросу о титулах: в грамотах, которые будут посланы с ними королю, королевское именование будет написано попрежнему, «а не по его королевскому прошению». Пересматривать теперь этот вопрос неудобно: о желаниях короля царю известно, но о желаниях царя относительно титула королю донесут будущие русские послы в Стокгольме; тогда этот вопрос и можно будет решить. В конце разговора Головин, впрочем, высказался откровеннее: если бы король в своих грамотах сделал к титулу царя желательную в Москве прибавку «пресветлейший и державнейший», то и его желания о переменах в титуле были бы здесь же в Москве удовлетворены. Послы сослались на королевскую грамоту, присланную к царю ранее с гонцом Иваном фон Кельдерманом, в которой говорилось, что король «тое титлу («пресветлейший и державнейший») к его государскому именованию додает» под условием и себе такого же именования. На эту грамоту, однако, из Москвы не ответили. Притом в той грамоте, как заявляли послы, было написано вместо «пресветлейшего» — «всех яснейший» «для того, что то речение цесарское и латинское (serenissimus), а на свейском языке того положить невозможно». Московская дипломатия и при Петре продолжала быть строга и щепетильна относительно титулов и неподатлива на какие-либо новшества для других государей. Мы уже видели, как Петр при всем своем расположении к курфюрсту бранденбургскому, союза с которым он искал, все-таки упорно отказывался называть его братом. Вопрос о переменах в шведском титуле был, таким образом, отложен. В докончальной грамоте, отправленной с шведскими послами, король именуется попрежнему[1].

Под конец переговоров послы представили несколько ходатайств, удовлетворение которых должно было сближать обе страны и содействовать оживлению сношений между их подданными. Так, послы просили об учреждении «ямской гоньбы» между городом Ругодивом (Нарвою) и Великим Новгородом, где такой гоньбы до тех пор не было устроено, отчего происходило промедление в пересылке писем и в торговых делах[2]. При этом же они передали поданное им при проезде письменное ходатайство города Ругодива с указанием на плохое состояние дороги между Ругодивом и Великим Новгородом, «которая, — как писали ругодивские горожане, — большая часть в болоте состоит и того ради летом не может употреблена быть», и с просьбой похлопотать в Москве об

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 517—519, 555—556. Докончальная грамота там же, шведские трактаты, № 64.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 521.

ее исправлении [1]. К таким же просьбам относится просьба о дозволении шведскому фактору во Пскове построить там двор, о дозволении оставить в Москве по отъезде посольства трех молодых дворян шведов для обучения их русскому языку с указанием на такой же прецедент 1684 г., об освобождении резидента Книппера от обязанности давать поручительство за всех иноземцев, выезжающих из Москвы за шведский рубеж. Послам было объяснено, что с Книппера берется поручительство только в тех случаях, когда он сам подает челобитье за кого-нибудь об отпуске за шведский рубеж. Тогда он обязывается отвечать за отпускаемых иноземцев, если до кого-либо из них будет какое дело. Началось это после того, как в 1697 г. бежал из Москвы за шведский рубеж инженер Яганко Брекель, выманив проезжую на имя человека своего шведа. Но за кого из иноземцев Книппер сам о выезде челобитья не подает, поручительства с него не берут и брать не будут. Послы от имени короля выразили государю благодарность за «премногую милость и жалованье» от него Книпперу, свидетельствуя, что он одинаково усердно служит королю и ищет и желает добра царскому величеству, за что его король «похваляет». Послам на это было сказано, что «он, Томас, человек добрый, ...службы его и труды в его, государевых, делах известны... и впредь милость его царского величества отъемлема от него не будет». И с ними, ближними людьми, он находится в наилучших отношениях [2].

Насколько можно судить по официальным записям, переговоры искусно велись Головиным в любезных тонах, совсем не в таких, как разговаривал с послами в Чашникове Л. К. Нарышкин. Им оказывались знаки внимания; на четвертой конференции они высказывали благодарность государю за позволение им смотреть марш пехоты, возвращавшейся в Москву из Азова, обещая об этой царской милости донести королю [3]. На той же конференции они от имени короля принесли поздравление царю со «многой победой» над турками и со взятием знатной крепости Азова и выразили пожелание и впредь над неприятелем таких же «победительств». Головин передал на следующей, пятой, конференции благодарность царя за это поздравление и пожелание и при этом заметил, что в той войне была царю помощь от отца нынешнего короля, короля Карла XI, который прислал царю в подарок 300 пушек с нарядом. Государь за эту присылку отцову воздает теперь благодарность через них, послов, сыну, которого соседственно просит, чтобы и он был ему помощником в борьбе с турками, как и отец, «если когда позовет военный случай», т. е. если случится опять война. Головин вошел в подробности об

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 532.
[2] Там же, л. 557—558.
[3] Там же, л. 506.

отношениях к туркам. Царь вел войну с ними в союзе с христианскими государями, но теперь эти государи прекратили войну, заключив выгодный для себя мир, оставив царя в войне одного. Теперь с турками заключено перемирие, но только на два года. Хотя для переговоров о мире и отправлен к турецкому султану посол, принятый там с подобающей честью, однако, чем дело кончится, того еще неизвестно, потому что тот неприятель, «гордой и взмерчивой», может настаивать на возвращении завоеванных русскими городов, которых царь никогда ему не уступит: если ему уступить что-нибудь из тех городов, тогда крымских татар не удержать от своевольства, потому что «теми завоеванными городами вместо ворот те татаровя от своевольства своего затворены». Война поэтому может возобновиться, и царь в таком случае просит у короля помощи, которая будет заключаться только в разрешении купить в Швеции сколько понадобится пушек или меди и вывезти их беспошлинно в Московское государство. Послы ответили, что благодарность и просьбу государя королю донесут и надеются, что король для соседственной дружбы «ко учинению того склонен явится», а они, послы, приложат к тому все свое содействие[1].

Был улажен в положительном смысле и вопрос о выдаче послам кормов за время с приезда их в Москву до возвращения в Москву царя, т. е. с 26 июля по 27 сентября, за которое первоначально выдавать им кормов не предполагалось, так как отправление ими посольства считалось только с того момента, когда царь возвратился в Москву. Головин объявил им о царской милости, о повелении выдать им кормовые деньги за все время проживания их в Москве. Была при этом все же затронута опять та тема, которая служила предметом разговора послов с Л. К. Нарышкиным в Чашникове: о том, что прибытие их в Москву случилось не в удобный час, хотя фактору их Книпперу было сказано, чтобы они приезжали в указанное время. Послы, принося благодарность за кормы, дали объяснение, почему это так случилось: в том ни их посольской вины, ни вины фактора Томаса Книппера никакой нет. О том, что ему было сказано, Книппер своевременно писал к королю, но его письмо в одной почте с грамотой государя пришло в Стокгольм тогда, когда они, послы, уже «стояли на пути» и подводы со всего королевства для подъему и пути их были уже собраны и стояли в готовности. Когда те письма из Москвы пришли, они докладывали королю и спрашивали, оставаться ли им в Стокгольме или итти в путь. Король ввиду того, что подводы для них были уже собраны, приказал им итти до Ругодива и там разведывать о местопребывании царя, потому что в Стокгольме подлинно о том,

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 518, 552—554.

где находится царь, они проведать не могли. В Ругодиве они узнали, что Ф. Я. Лефорт умер и что царь находится в Москве; они списались с новгородским воеводой, спрашивая, есть ли ему о принятии их великого государя указ. Воевода окольничий П. М. Апраксин им ответил, чтобы они шли на рубеж, что для приема их все готово. По этому обнадеживанию они и двинулись в путь в Москву[1].

XXI. СЛУЧАЙ С МАРШАЛКОМ ПОСОЛЬСТВА

Любезность, проявленная к шведам во время переговоров, с бесконечным обменом бесчисленных благодарностей, была, разумеется, только притворной. В Москве они были нежеланными гостями, и подлинное недружелюбное, даже прямо враждебное чувство к ним обнаружилось по поводу происшедшего тогда несчастного случая с маршалком шведского посольства майором Ранком. Эпизод заключался в следующем. В понедельник 16 октября вечером резидент Книппер у себя в доме, находившемся где-то между Тверской и Никитской улицами, устроил пирушку (Gasterei), на которую были приглашены один из шведских послов, маршалок посольства Ранк и несколько посольских дворян. В числе приглашенных находился также бранденбургский резидент Задора-Цесельский. Когда стали пить за здоровье царя, шведского короля, бранденбургского курфюрста и других государей, маршалок с тем же стаканом в руках предложил бранденбургскому резиденту выпить на брудершафт, на что тот ответил, что момент для питья на брудершафт во время тостов не подходящий, да, кроме того, они и так добрые друзья и братья. Маршалок был страшно разобижен, разразился бранью, в которой позволил себе обидные сравнения между шведами и бранденбуржцами, и, входя все в больший раж, ударил Цесельского кулаком в подбородок, так что хозяину Книпперу показалось, что он дал ему пощечину. Бранденбургский резидент оттолкнул его от себя, заявляя протест против этой грубости и оскорбления его достоинства. Тогда маршалок выхватил шпагу. Задора-Цесельский сделал попытку избежать удара, загородившись стульями, но маршалок успел ранить его в правую сторону груди и так опасно, что резидент упал замертво. Виновник тотчас же скрылся. Петр, узнав на утро о происшествии, был сильно разгневан. Немедленно драгунскими отрядами были оцеплены посольское подворье и дом резидента Книппера. Последнему было объявлено, что он будет сидеть под арестом до тех пор, пока не выдаст маршалка. Посольский двор был так плотно окружен драгунами, что у

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 554.

дверей и окон поставлено было по 6 и 8 человек, никого не выпускали и не впускали. Маршалок был, впрочем, вскоре пойман, переодетый в русское платье, в ямской слободе, где он нанимал подводы, чтобы уехать из Москвы. На простой крестьянской повозке под караулом двух драгун, сидевших с ним рядом, и под конвоем других драгун, окруживших экипаж, он был провезен через город и через Иноземную слободу в Преображенское, где заключен в тюрьму вместе с обыкновенными уголовными арестантами, будучи скован по рукам и ногам железами. Вот этот случай и был также предметом переговоров на конференциях. В заключение третьей конференции 20 октября послы, как передает официальная записка, «говорили о маршалке, который поколол бранденбургского резидента, чтоб его из желез высвободить и прислать бы к ним, послом, на двор, а он будет жить хотя за караулом у них, послов, на дворе до указу... потому что есть до него, маршалка, им, послом, многие королевские дела». Кроме того, в то время как маршалок укрывался, был по русским законам захвачен его слуга, которого держали за караулом на посольском подворье. Головин сказал послам, что о маршалке он доложит государю, об ответе известит их через приставов, предупреждая, однако, что «то дело немалое», а о слуге тут же отдал приказ посольским приставам его освободить. На следующей, четвертой, конференции 26 октября послы вновь возбудили ходатайство о выдаче им маршалка, приводя тот довод, что заколол он не царского подданного, а служителя курфюрста бранденбургского и без сношения с курфюрстом, как они надеются, государь его судить не будет. При этом послы привели прецедент: в прошлых годах, лет тридцать тому назад, был в Швеции присланный от московского царя полковник Марселиус и по некоторому случаю, будучи в Стокгольме, заколол дворянина из английского посольства. Тогда шведский король для соседственной дружбы с царем никакого ему указа не учинил, а выдал его русским послам к великой досаде английского посла. По этому «примеру» и они, послы, просят отдать им маршалка. «И послом сказано, что держат того маршалка за караулом для того, что он при дворе его царского величестве поколол бранденбургского министра и для того его свободить невозможно. А что Марселиус какое зло будучи в Свее учинил, того им (боярам) за многими леты неведомо. Однакож он, ближний боярин, о том до его царского величества донесет». На пятой конференции 2 ноября послы вновь «говорили о маршалке, чтоб его освободить из желез, а резидент де бранденбургский уже от скорби своей имеет полегче». Головин сказал, что он об освобождении его «старался и впредь труждаться готов»[1].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 505, 522—523, 559.

Маршалок так и не был освобожден. Случай вызвал вмешательство иностранных послов, интересы которых он задевал. С точки зрения иностранных дипломатов, ввиду того что случай произошел в доме шведского резидента и что виновником был швед, а пострадавшим не русский, а бранденбургский подданный, то дело подлежало юрисдикции шведского короля, который мог действовать по сношению с бранденбургским курфюрстом. В этом смысле Карлович и Гейнс сделали Петру словесное представление в одной из бесед с ним. Царь искусно воспользовался этим представлением как одним из ходов в своей дипломатической игре против шведов. Он порекомендовал послам подать по этому делу мемориал в Посольскую канцелярию; таким образом, получится видимость действия Дании и Польши в защиту интересов Швеции, и это будет хорошим средством скрыть их враждебные замыслы [1]. Такой мемориал был действительно представлен 30 октября в Посольский приказ Карловичем; в нем он указывал на подсудность дела шведскому королю [2]. О мемориале говорилось в тогдашних европейских газетах. Так, в мюнхенском «Mercurii Relation oder Wochentlichen Reichs-Ordinari Zeitungen» (в № 52 от 26 декабря 1699 г.) сообщалось из Москвы от 24 ноября, что «польский посланник г. фон. Карлович написал трогательно и гуманно его царскому величеству по поводу шведского маршалка и в особенности представлял, что с ним не следует поступать так жестоко, что это является нарушением международного права, что послы, при каких бы дворах они ни были, имеют свою собственную юрисдикцию, и это строго соблюдается при всех христианских дворах. Между прочим, он привел недавний случай с португальским посланником в Вене. Думают, что царь убедится этим, и маршалок опять получит свободу» [3]. Однако вопреки этим ожиданиям мемориал никаких реальных последствий не имел. Для московского правительства вопрос о юрисдикции в этом случае не был так ясен, как для иностранных послов и для европейской прессы. Дело осложнялось еще опасением неудовольствия со стороны бранденбургского курфюрста, дружбу с которым Петр подчеркивал и которого он рассчитывал привлечь к союзу против шведов. Царь выказал знаки особенного внимания к пострадавшему бранденбургскому резиденту; навестил его вскоре же после происшествия — 19 октября, причем обнял его и поцеловал. Задора-Цесельский оправился было, но ненадолго. Слабой и дрожащей рукой он написал курфюрсту две реляции, от 22 и от 30 ноября старого стиля, и в последней просил курфюрста, когда дело будет представлено на его решение, позаботиться о взыскании в его пользу достаточной суммы денег на

---

1 *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 334; Депеша Гейнса).
2 Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 16, л. 19—20.
3 *Dukmeyer,* Korb's Diarium, I, 400—401.

обеспечение, так как ему придется кончать жизнь инвалидом. Жизнь он скоро и кончил; от 30 ноября была его последняя реляция. В начале 1700 г. он умер [1]. Курфюрст, на усмотрение которого царь представил дело, просил его освободить маршалка, уверяя, что найдет себе удовлетворение иным путем [2]. Снесясь с шведским королем, курфюрст летом 1700 г. вытребовал маршалка к себе в Берлин, для чего ему был выслан паспорт. О такой же выдаче писал в Москву 3 мая 1700 г. Карл XII шведскому резиденту Книпперу, который обратился с соответствующим ходатайством к Ф. А. Головину. Царь на выдачу согласился, и 25 июля велено было маршалка из заключения прислать в Посольский приказ. Однако это распоряжение было сделано слишком поздно. Маршалок скончался в заключении. Тело его было отправлено в Швецию [3].

---

[1] П. и Б., т. I, № 289.

[2] *Плейер,* Донесение цесарю от 10 декабря 1699 г. (*Устрялов*, История, т. III, стр. 646).

[3] О столкновении майора фон Ранка с резидентом Задора-Цесельским см.: I. Реляция саксонского полковника Кёнигсека бранденбургскому курфюрсту от 18/28 октября и от 9/19 ноября в Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 17, л. 1—6. Это черновые отпуска реляций, попавшие в архив Посольского приказа, вероятно, с другими саксонскими бумагами Паткуля. Беловые экземпляры находятся в Берлинском архиве и цитируются у Dukmeyer'a, Korb's Diarium, I, 396 и сл. Там же приводятся его реляции от 25 октября (4 ноября) и от 2/12 ноября 1699 г. Полковник Кёнигсек из свиты Карловича взял на себя заботу о бранденбургском резиденте и охрану его бумаг, которые он запечатал. Он действовал в интересах бранденбургского курфюрста как «вассал» его, как он себя называет в реляциях. II. Отпуск реляции на немецком языке, составленной неизвестным под заглавием: «Continuation von der Relation dessen, wass bay der Schwedischen Extraordinaren Gesandtschaft adhir in Moskau passiret». (Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 697—698). На полях этой реляции помета: «1. Cette relation a été composée pour que les Suédois s'imaginassent, que le Roi de Pologne prenoit à coeur l'intérêt de la Suède à l'égard du czar. 2. Elle a été envoyée en Prusse, afin que l'Electeur de B—bourg eut la pensée, que le Roi de Pologne est de ce sentiment et que par là on mit la jalousie dans son espoir. 3. *Зачеркнуто:* Une copie fut envoyée à Mr... à mr le comte de ...... et à mr......». Реляция, очевидно, по ошибке внесена в шведские дела; она, вероятно, также из бумаг Паткуля. III. Записи о переговорах шведских послов с Ф. А. Головиным. (Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 505, 522—523, 559.) IV. Мемориал Карловича, поданный в Посольский приказ (Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 16, л. 16—18 — немецкий подлинник, л. 19—20 — русский перевод; там же, л. 47—48; два черновые французские письма к Карловичу, второе с препровождением мемориала о маршалке. В обоих проводится мысль о необходимости внушить шведам убеждение, что король польский стремится сохранить добрые отношения между царем и шведами. Кто автор этих писем, не Паткуль ли?) V. Реляция цесарского резидента Плейера от 10 декабря 1699 г. (*Устрялов,* История, т. III, стр. 646.) VI. Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 2, л. 47—57. Мемориалы шведского резидента Томаса Книппера о выдаче маршалка Якова Ранка бранденбургскому курфюрсту согласно повелению шведского короля и об отправке Ранка за поручительством Книппера в Ригу или Нарву для такой выдачи, на которую согласился и царь; л. 57. Подорожная: «От

XXII. ПЕРЕГОВОРЫ С КАРЛОВИЧЕМ. КОНФЕРЕНЦИЯ С КАРЛОВИЧЕМ И ГЕЙНСОМ 27 ОКТЯБРЯ. ДОГОВОР 11 НОЯБРЯ

Между тем, параллельно с открытыми и торжественными переговорами со шведским посольством в глубокой тайне велись переговоры о союзе с польским посланником Карловичем, сообщавшим о ходе их Гейнсу. Дело это настолько подвигалось, что 27 октября царь вызвал к себе Гейнса, чтобы в его присутствии вести разговор с Карловичем об общем деле. Надлежало согласовать заключенный уже фактически датский союз с заключаемым польским, для того и устраивалось это свидание с обоими союзными посланниками. 27 октября, доносил Гейнс королю, «я имел честь обедать за столом его величества, и после обеда его величество пригласил меня в свой кабинет вместе с упомянутым его превосходительством Головиным и со своим тайным переводчиком. Его величество мне сказал, что он не сомневается, что король польский побуждает также и ваше величество порвать со Швецией; как мне это дело кажется? Хотя я еще не имею инструкций, государь, о поведении, которого я должен держаться относительно миссии генерала Карловича и г. Валлендорфа (товарищ Карловича); но так как этот последний обо всем условился, как он мне говорил, с министрами вашего величества в прошедшем мае месяце в Копенгагене, то я все же счел своим нижайшим долгом... напомнить царю, что в нашем трактате есть определенная статья, которую сам его величество счел необходимой, а именно, чтобы по возможности постараться привлечь к союзу короля польского (статья 8). Теперь же, как бы по совершенно особливому предназначению с неба, король польский сам первый выступает с предложением, приглашая нас порвать со Швецией. То обстоятельство, что король польский еще сохраняет у себя иностранные войска под предлогом укрепления Полангена, заслуживает, кажется, большого размышления, тем более что со стороны короля польского заявляют, что есть periculum in mora, что он, не предприняв ничего эффектного перед республикой (sans rien faire, qui puisse sygnaler le roi de Pologne devant la république), не будет в состоянии удержать эти войска в теперешних квартирах, что, следовательно, как кажется, теперь подходящее время, чтобы устроить

великого государя (т.) от Москвы по городом до Твери и до Торшку и до великого Новагорода воеводам нашим и всяким приказным людем. По нашему в. г. указу *отпущен* с Москвы за свейский рубеж свейского посольства *умершей маршалок Яков Ранк* (!) да с ним людей его три человека... И как он в которой город приедет, и по городом воеводам нашим и всяким приказным людем велеть того умершего маршалка тело его и с челядники за свейской рубеж пропустить без замедления...»

VII. *Dukmeyer*, Korb's Diarium, I, 399—400.

соглашение с этим государем. C'estoit par manière d'ouvrage, — замечает об этих своих словах Гейнс, — что я ему держал эту речь по просьбе упомянутых польских министров, которые сообщили мне почти весь свой план». «Царь ответил, — продолжает Гейнс, — что было бы хорошо помочь делу, но есть единственное препятствие, что, пока тянется война с турком, не будет согласно дружбе советовать ему ввязываться в другое предприятие. Затем он спросил, имеет ли ваше величество склонность начать войну со Швецией. Я ему ответил, что до сих пор всегда соблюдали мир, но что образ действий Швеции по отношению к датскому королю, а также перевозка войск в Померанию, о чем столько говорят, все это будет противодействовать сохранению мира; кажется, что ваше величество не будете в состоянии более его сохранять, и следует, будучи атакованным, подумать о защите. Царь с этим согласился и сказал затем, что необходимо привлечь Бранденбург и Саксонию; я ответил, что с первым, по моему мнению, ваше величество находитесь в добром союзе, что же до последней, то, может быть, обстоятельства будут благоприятны. Царь ответил, что это было бы желательно». Гейнс счел этот момент разговора удобным для возобновления своих непрестанных просьб о размене ратификаций. «Я улучил время, — пишет он далее, — вновь просить царя не откладывать более размена ратификаций трактата; царь мне опять сказал, не лучше ли подождать новой ратификации вашего величества? Я возразил, что эта ратификация должна только подтвердить происшедшее, что она не внесет туда никакой перемены, но что мне необходимо отослать к вашему величеству первого курьера, именно господина Фабрициуса, с ратификацией трактата, тем более что его величество царь сам рассудит, что при теперешних конъюнктурах очень важно вашему величеству быть всецело уверенным в дружбе царя, чтобы принять свои меры. Царь прервал мои слова громким восклицанием, что это дело решенное, взял меня за руку и сказал, что в этом не следует сомневаться, что он не отступит от данного слова по всем пунктам, находящимся в трактате». При таком горячем заявлении царя о верности союзу Гейнс решил вновь и вновь настаивать на своей просьбе и подвинуть дело к исполнению. «Но, зная медлительность этого двора, — пишет он далее, — и что приходится иногда ждать целые месяцы, пока не сможешь найти удобный случай подробно поговорить с царем, который не желает, чтобы обращались к его министрам, я продолжал настаивать, чтобы царь действительно дал приказание его превосходительству Головину, который присутствовал при этом, изготовить как можно скорее ратификацию, на что, наконец, он согласился, и я не премину торопить этого боярина... Царь спросил меня затем, не хочу ли я, чтобы вошел генерал Карлович, и не желаю ли я при-

сутствовать при их конференции. Я поблагодарил царя, и он пригласил сказанного генерал-майора войти. Он начал снова побуждать царя решиться помочь планам короля, его государя, употребив довольно сильное выражение: aut nunc aut nunquam, приводя все время то основание, что ведь это сам царь первый внушил эти мысли польскому королю, когда они разговаривали в прошлом году, что с тех пор польский король старался принять для этой цели свои меры, чтобы быть в состоянии помочь царю вернуть провинции и морские порты на Балтийском море, которыми некогда владели его предшественники, и что, если в настоящее время царь не пожелает приложить свои руки, больше нечего будет делать, когда войска выйдут из Курляндии. Царь заметил, пожимая плечами, что он этого от всего сердца хочет, и сказал, что все скрепит своею подписью тотчас же, как будет известие о заключении мира с турком. В этом его очень поддерживал его превосходительство Головин, не советуя ему ввязываться в новую войну; но царь под действием всякого рода аргументов [1] отвел Головина в сторону в углубление окна и после некоторого обсуждения с ним вернулся к нам с решением послать еще на этой неделе курьера в Константинополь с приказанием своему посланнику уступить кое-что из завоеванного, чтобы скорее заключить мир; царь полагал, впрочем, что турки не будут очень склонны продолжать войну. Генерал Карлович, не добившись ничего лучшего от царя, ограничился просьбой, чтобы его величество в ожидании заключения этого мира решил бы, по крайней мере, помочь в будущем феврале месяце королю, его государю, только 13 тысячами людей. Головин полагал, что и это никоим образом невозможно, но царь прервал его, сказав: Почему нет? и нашел выход, что это можно сделать под предлогом, что будто он, царь, позволил королю польскому сделать набор в своих владениях без всякой видимости, что он впутался в новую войну. Он предоставлял нам судить, какой эффект произвело бы в Константинополе, если бы узнали, что он взял себе на руки новое дело. Карлович остался этим оборотом доволен, и в результате согласились изложить кое-что на этих основаниях письменно; над этим теперь работает господин Валлендорф и представит царю завтра или послезавтра» [2]. В заключение разговора Петр высказал пожелание, чтобы датский и польский короли через своих послов в Англии и Голландии склонили эти страны усилить свое воздействие на Порту в целях заключения мира с царем.

---

[1] Se voyant pressé par toutes sortes de raisonnements, т. е. со стороны Карловича и Гейнса.

[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 328—333).

Переговоры с Карловичем подвигались так успешно, что 11 ноября в Преображенском в непроницаемой тайне был заключен и тотчас же ратификован Петром договор. Особой ратификации со стороны Августа II не требовалось, так как текст договора с его стороны был написан на бланке с его подписью, которым ради ускорения дела был снабжен Карлович. Присмотримся к содержанию договора 11 ноября.

Он начинается с изложенного во вступлении прямого и ясного обозначения цели, для которой он заключается, причем делается ссылка на личный разговор во время свидания в Раве: «Мы при самом персональном разговоре с наияснейшим... Августом II... намеряли имети войну обще против короны свейской за многие их неправды». Для осуществления этого намерения государи дают друг другу ряд взаимных обещаний и принимают на себя ряд обязательств. Государи обязуются соблюдать верную и постоянную дружбу и оказывать друг другу помощь против неприятелей (статья 1), обходиться друг с другом до самого окончания дела «верно и правдиво без всякого предкновения и лукавства, твердо друг с другом вместе держатися» и не давать сказанному в договоре превратного толкования: «всему тому, еже здесь говорено, бозо всякого лукавственного переворачивания, вредительного растолкования и расширения конечно последовати» (11). Король обещает царю содействовать в возвращении прежних русских владений на Балтийском море — Ижерской земли и Карелии; для этого он тотчас начнет войну со шведами и будет ее продолжать до тех пор, пока царь достигнет намеченных приобретений (2). Король обещает также предпринять сильную диверсию против шведов, так чтобы царскому войску в его операциях в Ижерской земле и в Карелии не было опасности от шведов со стороны Лифляндии и Эстляндии (3). Король обещает также привлечь к содействию Речь Посполитую (8) и через своих дипломатических агентов действовать в интересах царя при европейских дворах. С своей стороны царь дает обещание, если король не будет в состоянии привести из Саксонии значительных сил, помочь ему людьми с тем, однако, чтобы эта помощь была скрыта под видом найма людей самим королем (4). Царь обещает также немедленно послать указ к своему послу в Константинополь о скорейшем заключении мира или длительного перемирия, хотя бы и с убытками, во всяком случае, никак не позже апреля месяца 1700 г., и тогда разорвать мир со шведами и начать со всею силою военные действия в Ижерской земле и в Карелии (5). 13-я статья трактата содержит особую оговорку, что царь начнет исполнение договора только по заключении мира или длительного перемирия с турками. Если же помириться с Турцией не удастся, а король тем временем, начав войну со Швецией, пожелает возобновить с нею мир, то царь всеми ме-

рами обязуется содействовать заключению этого мира. Государи взаимно обязуются, так как датский король к союзу уже привлечен, стараться о привлечении к союзу курфюрста бранденбургского (6); когда состоится мир, заключить договор, гарантирующий их приобретения (9), никаких мирных предложений без обоюдного согласия не слушать (5), настоящий договор содержать в строгой тайне (10) [1].

Впоследствии в известной «Поденной записке» о событиях за время шведской войны, которую Петр сам редактировал, он так вспоминал о заключении договора 11 ноября: По возвращении царя из Керчи «приехал саксонский генерал-майор Карлович, чрез которого учинен наступательный союз противу Швеции между Россиею и королем Польским, яко курфирстом саксонским по вышеписанному в Раве обещанию, и подписан в Преображенском в 11 день ноября 1699 года, в котором оба сии государи согласились и постановили противу Швеции всчать войну; однакоже с таким определением, что королю польскому оную зачать того ж года, а государю российскому по получении ведомости от своего чрезвычайного посланника Украинцева из Царяграда об объявлении с турки мира, или на какое время армистиции; при том в том трактате и то именно постановлено, чтоб между собою верную и постоянную дружбу и союз содержать и никаким образом от того себя отвращать не допускать, но паче против неприятелей друг другу верно соединенною рукою вспомогать и никому из обоих сих высоких союзников никаких мирных предложений не слушать и не принимать без соизволения другого под высоким паролем, и каким образом операции государю российскому в провинциях Ингерманландии и Корелии со всею силою производить, а королю польскому своими саксонскими войски в Лифляндии и Эстляндии. Король же польский обещал и Речь Посполитую польскую к сему ж делу привесть стараться. По заключении ж того трактата вышепомянутый генерал-майор Карлович объявил, что у них уже в Риге некоторый комплот готов, когда войско их к тому городу приближится, который учинен через шляхтича лифляндского Гендрика Паткуля, которого тогда ж он, Карлович, представил государю для изустного объявления о том, который до того времени тайно в его свите был. И по том вышеписанной генерал-майор от двора отпущен» [2].

---

[1] П. и Б., т. I, № 282. Первоначальная редакция договора см. *Устрялов*, История, т. III, стр. 521—523, Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 19. Там же, трактаты с Польшей, № 149 — подлинный немецкий текст, подписанный Августом и датированный *Дрезденом* 11/21 ноября: Ur Kundlich haben wir beyderseits beliebet, dasz Instrumentum dieser alliance unter eigenhändigen Unterschrift und beydruckung unsers signets auch unter einem dato auszfertigen zu laszen. Datum Dresden den $^{11}/_{21}$ sten novembris. Anno 1699. Augustus R. (М. П.).

[2] «Журнал или Поденная записка», изд. князем Щербатовым, т. I, Спб. 1770, стр. 5—6.

XXIII. ПОСЛЕДНЯЯ (ШЕСТАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ С ШВЕДСКИМИ ПОСЛАМИ. ОТПУСКНАЯ АУДИЕНЦИЯ

20 ноября перед отпускной аудиенцией у шведских послов был последний, шестой, съезд во дворце с ответной комиссией. Доставленные в Кремль с обычным парадом послы в сенях Ответной палаты были встречены дьяками Гаврилой Алексеевым и Никифором Зайцевым, которые, сказав им встречную речь, ввели их в Ответную палату, где в дверях встретили их члены ответной комиссии и, «витаясь» с ними, спрашивали о здоровье, на что послы «взаимно ближнего боярина с товарищи поздравляли ж». Затем, «седчи по местом», послы поблагодарили бояр за предварительное сообщение им списков с докончальной и с любительной грамот, которые посланы будут с ними от царя. Головин ответил, что эта предварительная присылка сделана по обыкновению всех христианских государей. Затем послы вновь показывали ответной комиссии художественно исполненный экземпляр подтвержденной грамоты, который они показывали еще на первой конференции. Теперь этот экземпляр был сверен с подлинными шведскими текстами договоров, в нее включенными. Головин сообщил о намерении государя послать к стокгольмскому двору постоянного резидента как для своих государственных дел, так и для разбора частных тяжб — «для росправных дел и смирения ссор и обид». Послы выразили по этому поводу удовольствие. Наконец, боярин обратился к послам от имени государя с просьбою: по письмам из Новгорода от новгородского митрополита государю стало известно, что «воры и раскольники, и противники и распиратели святой восточной церкви некоторые старцы и попы», отступя от православной веры, собрались в Олонецкий уезд близ шведского рубежа в лесах в числе с 3 000 человек, «чинятся святой восточной церкви противны и святейшему патриарху и его царскому величеству послушания не отдают». Великий государь намерен для унятия тех раскольников будущим ранним весенним временем послать в те края своих ратных людей, чтобы их из тех мест выжить и привесть в послушание. Между тем, о тех раскольниках известно, что они мыслят, если на них будет ратных людей наступление, уходить в сторону королевского величества за рубеж — так чтобы король для соседственной дружбы и любви по договорам вечного мира не велел своим генералам и комендантам тех перебежчиков и беглецов-раскольников принимать, если же какие и будут приняты, тех, переимав, отдавать. Послы говорили, что в королевской стороне тем перебежчикам пристанища никакого не будет, король разошлет об этом указы своим генералам и губернаторам. Но в ответ на эту просьбу о выдаче беглецов-раскольников послы со своей стороны предъявили просьбу о выдаче одного шведского перебежчика, «потому что со стороны его королевского

величества в прошлых годах перебежал в сторону великого государя королевского величества подданный капитан Ян Рейн Пакель (Иоганн Рейнгольд Паткуль), которой довелся за вины свои его королевского величества наказанья и от того наказанья ушел и ныне живет в стороне великого государя на Москве, о том они слышали от иноземцев, которые живут на Москве. И чтоб того иноземца, сыскав, в сторону королевского величества отдать». У первого посла, канцлера Ягана Бергенгельма, был, конечно, особый интерес поймать эту добычу: Бергенгельм был как раз докладчиком в той комиссии, которая обвиняла Паткуля. Паткуль, действительно, находился в Москве и усердно помогал Карловичу в переговорах с Петром и Головиным о союзе против Швеции, был даже, как мы видели, лично представлен царю и познакомил его с планом овладения Ригой. Это не помешало Головину ответить послам, чтоб они о том иноземце подали в государственный Посольский приказ письменное заявление и «приказали бы за тем делом ходить и того иноземца присылали б узнавать фактору их Томасу Книпперу, и как он узнан будет и его отдадут немедленно».

В этот момент переговоров в Ответную палату вошел присланный от Петра стольник Иван Бутурлин с приказанием итти к нему, государю, в Столовую палату. По этому приказу боярин Головин, окольничий Языков и дьяк Василий Посников пошли в Столовую, захватив с собою докончальную и любительную грамоты, которые надлежало передать послам на аудиенции. С послами остались П. Б. Возницын и дьяк Борис Михайлов. Возницын и дьяк вели с послами разговор «о поведении, как им быть у великого государя на отпуске. Думный советник чел день поведению (т. е. церемониал аудиенции), и послы того слушали и на то склонились». Было условлено, что речи их, которые они будут говорить государю, переводиться на русский язык не будут, так как содержание их государю известно. Еще раньше, на пятом съезде, было условлено, что на прощальном приеме они будут произносить только краткие титла государя, потому что на приемной аудиенции он «полных титл слушать не изволил»[1]. Среди этого разговора явился дьяк В. Посников звать послов к великому государю в Столовую палату на отпуск. Послы шли от Ответной палаты в Столовую с думным советником и с дьяками. У дверей Столовой их встретили попрежнему стольник князь Андрей Хилков да дьяк Андриан Ратманов и говорили встречную речь с короткими титлами. В Столовой находился государь. Одетый в тот же суконный гвоздичный кафтан, в каком он был и на первых двух приемах, он стоял под балдахином у кресла подле стола, «а бояре и окольничие, и думные люди стояли при великом государе все

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 559.

в суконных кафтанах». Представил послов попрежнему П. Б. Возницын. Церемония на этот раз происходила, повидимому, с бо́льшим соблюдением установленного ритуала, по крайней мере, никаких нетерпеливых порывов, подобных имевшим место на первом приеме, не отмечено. После речи первый посол поднес царю подтвержденную грамоту. Царь велел ее принять ближнему боярину Л. К. Нарышкину «у самого своего государского места», а сам «наднес на ту грамоту свою руку». Думный советник от имени царя спросил послов о здоровье. Послы выразили благодарность. Им говорена речь о делах. По окончании речи ближний боярин Л. К. Нарышкин поднес государю докончальную и любительную грамоты, «он наднес над ними свою руку», и тогда боярин передал их послам в обертках из красной камки. По отдаче грамот государь «приказывал послам к королю поздравление». Послы «говорили речь о донесении поздравления и докончальной грамоты и великому государю поздравляли», т. е. пожелали здоровья. В заключение они были у руки, сказан им «стол» и отпущены на подворье. Со «столом» ездил к ним тот же стольник князь Юрий Трубецкой, которому они за оба «стола» подарили две серебряные кружки весом в 8 фунтов. Послы от государя в ответ на их подарки одарены были соболями [1].

XXIV. РАТИФИКАЦИЯ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА С ДАНИЕЙ

Наконец, состоялась ратификация датского договора. После подписания трактата с Августом II 11 ноября Гейнс настойчиво возобновил свои просьбы о размене ратификаций. Царь стал опять откладывать, ссылаясь на то, что новые обстоятельства — разрыв Августа II со Швецией — требуют некоторого прибавления к договору с Данией. Гейнс настаивал на том, о чем уже договорились и что было решено, уверяя царя, что король охотно согласится на все те добавления, которые царь найдет необходимыми и предложит в своих интересах и в интересах короля. Петр поручил переговоры об этом предмете Головину, с которым Гейнс имел несколько бесед. «Царь, — пишет Гейнс [2] королю, — приказал его превосходительству Головину урегулировать все это со мною, и после нескольких конференций я в прошлый четверг [3] был приглашен за два часа до рассвета в дом первого фаворита царя по имени Александра Даниловича

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 622—624; л. 593—612 — отпуски докончальной грамоты. См. также трактаты с Швецией, № 65. Докончальная грамота напечатана в П. и Б., т. I, № 283. Отпуск любительной грамоты. См. Дела шведские 1699 г., № 2, л. 613—621. О выдаче послам соболей — там же, л. 636—643.

[2] В депеше от 27 ноября.

[3] Четверг приходился на 23 ноября.

Меншикова, где его величество провел эту ночь. Царь, вставши, пригласил меня в свой кабинет вместе с его превосходительством Головиным и тайным переводчиком и в моем присутствии он, прочитавши все, сам подписал как трактат, так и сепаратные статьи и велел приложить свою кабинетную печать, каковую ваше величество соблаговолите увидеть; это та печать, которою царь пользуется для всех своих секретных приказов, и трактат с польским королем был скреплен этою печатью, так что я ничего против этого не возражал»[1]. Таким образом, подписание и главного трактата и сепаратных статей, заключенных с Христианом V, текст которых был фактически принят 21 апреля в Воронеже, состоялось 23 ноября в Преображенском в доме Меншикова. Тексты главного трактата и сепаратных статей на русском языке с собственноручными подписями Петра хранятся в Копенгагенском государственном архиве, причем ратификация главного трактата датирована «в нашем царствующем велицем граде Москве в лето от Рождества Христова 1699-ое месяца августа в 24 день, государствования нашего 18-го году», а ратификация сепаратных статей совсем не датирована, оставлены лишь незаполненные белые места для написания месяца и числа — знак, что дата и главного трактата была чисто условной. Почему именно для такой условной датировки избрано было 24 августа, когда Петр в действительности находился с флотом в Керчи, сказать так же трудно, как и ответить на то, по каким соображениям датский экземпляр этого договора датирован 16 июля[2].

Ратификация договоров с Августом II польским и с Христианом V датским были первыми дипломатическими актами, подписанными собственноручно московским государем. Такой порядок вводился вопреки старым дипломатическим обычаям. Ранее московские государи ратифицировали тексты договоров, скрепленные подписями их послов и государственной печатью, не подписывая их сами. Ратификация состояла прежде в торжественном, даваемом в присутствии посольства той страны, с которою договор заключался, обещании соблюдать договор, подкрепляемом целованием креста и евангелия, под которые клался на особом аналое экземпляр договора. Это было старинное целование креста, присяга, которой закрепляли свои взаимные договоры еще киевские и суздальские князья. Петр нарушил дожившую до него старину. Так как переговоры о союзах в 1699 г. он, также вопреки старине, вел непосредственно сам лично в глубокой тайне, в тайне даже от своих министров, то и форму утверждения трактатов он предложил новую, соответствующую тайне ведения переговоров: пожелал,

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 337).

[2] Подробности по этому вопросу изложены в статье автора: «Русско-датский союз 1699—1700 гг.» (Ученые труды Института истории РАНИОН, т. V, М. 1929 г.).

*

чтобы договоры были облечены в форму актов, скрепленных подписями только самих государей, что́ и было принято его контрагентами. Текст договора с Августом II был, как мы уже знаем, написан на бланке с подписью Августа. Ратификация Христиана V скреплена его подписью и контрассигнирована его министром Иессеном. Соответствующие же акты, исходившие от Петра, в обоих этих случаях скреплены только одной его подписью без всякого контрассигнирования. Об этом нововведении, относя его именно к 1699 г., Петр вспоминал впоследствии при составлении «Поденной записки», где читаем: «В том же (1699) году начал государь все грамоты, отправляемые ко другим христианским государем, и ратификации или подтверженные грамоты подписывать собственною своею рукою, что́ прежние российские государи мало чинили, а употребляли вместо подписи только печать» [1].

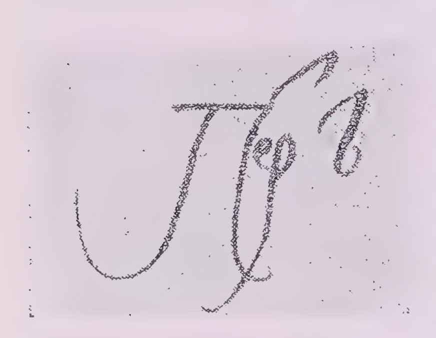


Рис. 19. Подпись Петра I (1700 г.)

Но подписав 23 ноября свою ратификацию заключенного с Христианом V договора, Петр отказался тотчас же ее выдать Гейнсу и потребовал принятия еще одного пункта трактата, содержащего в себе толкование 3-й статьи главного договора в том смысле, что наступление, предпринимаемое Россией и Данией в силу этой статьи, надлежит разуметь так, что оно должно продолжаться до конца предстоящей войны и до заключения совершенного мира. Как ни уговаривал Петра Гейнс, что в таком добавлении нет надобности, что в нем нет ничего нового сравнительно с трактатом, царь упорно стоял на своем, и посланнику пришлось уступить. «Затем, — продолжает свой рассказ Гейнс в той же депеше королю от 27 ноября, — его величество мне сказал, что он готов обменять свою ратификацию. . . на таковую же вашего величества, но при условии включения туда одной статьи, проект которой царь заранее заготовил. Хотя я возражал, что в этой статье нет ничего иного, о чем бы не было уже сказано в трактате, однако царь безусловно ставил дело в связь с принятием этой статьи. Наконец, я, зная его нрав, который не терпит много противоречий, должен был согласиться, чтобы не упустить случая кончить дело совсем».

Этот новый пункт о наступлении или «о наступательном нападении», имеющем продолжаться до окончания предпринимаемой войны, Петр внес в текст того «подтверждения», которое было им подписано в ответ на ратификацию короля Фридриха IV. В пункте говорится, что наступление, о котором гласит 3-я статья главного трактата, заключенного с Христианом V, «тако

[1] «Журнал или Поденная записка», т. 1, стр. 7.

разумети надлежит, что оному договору имеет в самом деле продолжену быть, дондеже предстоящая война окончится и совершенной мир обоим странам ко удовольствованию учинен будет»[1]. Но так как с датской стороны нельзя было вставить этой новой статьи в имевшийся уже в руках Гейнса текст ратификации Фридриха IV, подписанный им 5 сентября, то Гейнс принужден был написать эту статью в виде особого акта, который он скрепил своей подписью и печатью. 26 ноября состоялось подписание «подтверждения»[2] Петра в ответ на ратификацию Фридриха IV и особого артикула Гейнса[3], а также произведен был и размен всех этих документов, т. е. ратификации главного трактата и сепаратных статей с Христианом V, «подтверждения» с Фридрихом IV и особого артикула Гейнса. Гейнс передает при этом слова Петра, сказанные им при размене: «Царь по поводу размена своей ратификации, смеясь, сказал, чтобы я не сердился на то, что со мной он разделывается только простой бумагой и чернилами вместо позолоченных букв и печатей в серебряных привешенных ящичках, но что, думается, ваше величество будете лучше удовольствованы, чем другой (mais qu'on croyoit que Votre Majesté seroit mieux pourveus de l'autre)». Последними словами царь намекал на шведов, которым он только что перед тем на торжественной аудиенции 20 ноября вручил такую раскрашенную подтвердительную грамоту с большой печатью в футляре, намереваясь, в то же время начать со Швецией войну[4].

К концу истекающего 1699 г. международное положение России можно обозначить так: с Турцией велись переговоры

[1] П. и Б., т. I, № 284.
[2] Там же.
[3] П.С.З., № 1724.
[4] Депеша Гейнса (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 338). Акты, оформившие союз Дании с Россией в 1699 г., были следующие: А) С датской стороны: 1) Главный трактат, ратификованный королем Христианом V, — Арх. мин. ин. дел, Датские трактаты, № 8 (П.С.З., № 1691). 2) Две сепаратные статьи, ратификованные королем Христианом V, — Арх. мин. ин. дел, Датские трактаты, № 9. 3) Подтвердительная грамота короля Фридриха IV от 5 сентября 1699 г. — Арх. мин. ин. дел, Датские трактаты, № 11 (П.С.З., № 1724). Б) С русской стороны: 1) Главный трактат с Христианом V, ратификованный Петром (П. и Б., т. I, № 279). 2) Две сепаратные статьи, ратификованные Петром (П. и Б., т. I, № 279). 3) Подтвердительная грамота 26 ноября 1699 г., соответствующая подтвердительной грамоте Фридриха IV со включением в нее особливого артикула (П. и Б., т. I, № 284). Всеми этими документами формальное закрепление союза еще не кончилось, и к перечисленным актам в начале 1700 г. присоединены были еще два: А) С датской стороны: 4) Ратификация особого артикула Гейнса королем Фридрихом IV, данная в Копенгагене 13 января 1700 г., — Арх. мин. ин. дел, Датские трактаты, № 12. Б) С русской стороны: 5) Подтвердительная грамота Петра от 30 апреля 1700 г. в ответ на ратификацию Фридриха IV от 13 января 1700 г. (П. и Б., т. I, № 310). См. статью автора: «Русско-датский союз 1699—1700 гг.» (Ученые труды Института истории РАНИОН, т. V, М. 1929 г.).

о заключении мира или длительного перемирия, и согласно обещанию, данному Карловичу, был послан в Константинополь сержант Жерлов с предписанием Украинцеву согласиться на уступки по вопросу о днепровских городках, только бы ускорить заключение мира. Со Швецией подтвержден был старинный договор вечного мира с уверениями в непоколебимой дружбе. Дано было обещание в ответ на прибытие шведского посольства в Москву отправить большое торжественное посольство в Стокгольм для подтверждения вечного мира со стороны Петра — маскарад, прикрывающий истинные намерения. В то же время были в непроницаемой тайне заключены наступательные союзы против Швеции с Августом II и с Данией. Так совершена была дипломатическая подготовка войны со Швецией. Обязавшись наступательными союзами, Петр стоял в готовности напасть на нее, ожидая первого известия из Константинополя о заключении мира с Турцией.

XXV. СМЕРТЬ ГОРДОНА

В начале 1699 г. Петр лишился одного из своих друзей-иноземцев — Лефорта; конец этого года унес в могилу другого — Гордона. Генерал еще командовал войсками, участвовавшими в церемонии приемной аудиенции шведского посольства 13 октября, но затем слег в постель и более уже не поднимался. 29 ноября «в восьмом часу утра, — как пишет Корб по полученным из Москвы известиям, — он в полном благочестии скончал свои дни. Его царское величество навещал его пять раз во время его предсмертной болезни, а в последнюю ночь был у него дважды и собственной рукою закрыл ему глаза, когда тот испустил дыхание». Много подробностей о кончине Гордона и яркое изображение поведения при этом царя находим в письме одного из находившихся тогда в Москве иезуитов Франциска Эмилиана. «Ослабела наша паства в своих силах, — писал Франциск, — потому что наш столп, господин генерал Гордон простился с этим миром 29 ноября старого стиля. Я был при нем до последней минуты. Во время этой болезни (у него была cholica ventosa) он много раз врачевал себя св. исповедью и подкреплял св. причастием. В то время, как я совершил таинство елеосвящения, он просил, чтобы мы оба (с другим иезуитом Иоанном Берулой) пришли к нему, и, когда это было исполнено, он простился с нами. В полдень прибыл и светлейший царь. Увидев, что я стою у умирающего, он спросил генерала: «Это врач твой?» Господин генерал отвечал на это: «Да, светлейший государь! Телесные врачи теперь мне не помогут; единственное утешение мне — врач моей души».

На это светлейший царь ответил: «Dobro batzka, niemozesch lutschi gielat (dielat)». После того светлейший царь совещался с находившимися тут врачами и сам советовал разные средства. Прибыв затем опять, около 11 часов ночи, когда я тут находился неотступно и когда больному, повидимому, стало лучше, царь удалился с великим утешением; но вскоре после его ухода боли стали сильно увеличиваться, так что генерал сказал мне: «Отец, для чего вы молитесь о моем здоровьи; все кончено, приготовимся в путь». Поэтому вскоре затем, по его желанию, мы стали читать отходную его душе, и он как будто по данному знаку впал в агонию, но затем, воздав еще твердым голосом глубочайшее благодарение богу за то, что умирает не так, как пришлось умереть столь многим другим без священника, без св. таинств, в татарских степях, просил нас еще прочитать псалом «Помилуй мя боже», наскоро простился с супругой, благословил сыновей и дочерей и затем, приказав им слабым голосом удалиться, повторил уговор, чтобы по его знаку дать ему разрешение, и прерывающимся голосом стал указывать в частности, что нужно разрешать, а также сказал опять о своем намерении приобресть священные индульгенции. Вдруг голос его стал более и более слабеть; тем не менее, хотя голос его уже прерывался, он продолжал, насколько мог, перечислять дела веры, надежды и любви и вдруг, осеняя себя святым крестом, ударил себя в грудь и схватил мою руку. Придя в себя, он опять осенил себя крестом, подал условленный знак, опять убеждал, чтобы исполнено было его решение касательно священных индульгенций, призывая святейшие имена, которые он кое-как повторил три раза, затем совершенно потерял голос и, подняв глаза на висящий вблизи постели образ пресвятой девы, лишился всех чувств в то самое время, как светлейший царь входил в соседнюю комнату. Когда светлейший царь вошел и увидел, что я отступаю к изголовью, чтобы не заслонять с правой стороны умершего, то царь сказал: «Оставайся здесь, отец, и делай свое дело, как хочешь: я тебе не буду мешать». При этом он возгласил к умершему: «Петр Иванович, не узнаешь меня?» Но он даже не отвел глаз от образа пресвятой матери и не подал никакого знака, что узнает. После двух легких конвульсий он сладко вздохнул. Тогда светлейший царь, взяв зеркало, исследовал, есть ли еще признак жизни, не нашел никакого и, взглянув на меня, сказал: «Отец, я думаю, он уже умер». Когда это подтвердили и врачи, то я совершил обычный обряд, и, когда я вливал в сосудец святую воду, чтобы окропить умершего, светлейший царь подошел и спросил меня: «Что это такое?» Я ответил: «Святая вода». «Хорошо, очень хорошо ты делаешь», — ответил он и, закрыв умершему глаза и поцеловав его, с глазами, исполненными слез, удалился».

Похороны Гордона были столь же торжественны, как и похороны Лефорта. Царь «отдал приказ справить похороны генерала Гордона с такой же пышностью, с какой состоялось погребение генерала Лефорта, — пишет Корб. — Выстроенные для исполнения печальной церемонии три гвардейских полка сопровождали тело скорбными звуками труб и барабанов. Царь занимал обычное место в полку; залп из двадцати четырех больших пушек служил при похоронах выражением или скорби, или приветствия. При погребении цесарский миссионер Иоанн Берула отслужил обедню и произнес проповедь, как приказал это сам царь, а накануне у службы в католической церкви был царевич с любимейшей сестрой царя Натальей».

Франциск Эмилиан сообщает некоторые подробности также и относительно похорон. «Во время похорон генерала Гордона, — читаем в упомянутом выше его письме, — светлейший царь приказал сказать нам, чтобы мы совершали все вообще церемонии, как у нас принято, и служили бы обедню, хотя в то время был такой жесточайший мороз, какого здесь не запомнят за двадцать лет. Над надгробной речью я проработал вместе с другими почти восемь дней, извлекая содержание из целых томов рукописи, в которых сам благочестиво скончавшийся описал свою жизнь. Но труд мой оказался напрасным. Некоторые змеи-еретики, боясь, что наш генерал получит какое-либо бо́льшее прославление, чем Лефорт, так устроили у царя, что накануне похорон к ночи пришло приказание, чтобы надгробная речь была по-польски. Отец Иоанн (Берула) превосходнейшим образом это выполнил, насколько мог. Царь с надлежащею скромностью присутствовал, когда в доме кадили ладаном и окропляли труп; потом он вел в строю своих солдат, затем присутствовал при богослужении и проповеди, стоя то в самом храме, то в ризнице, смотря по тому, как ему позволяло время, свободное от занятия с солдатами. О царе говорят что́ кому вздумается, но несомненно, что у него громадные дарования. Я стоял почти в оцепенении (ибо дело было для меня совершенно неожиданное), когда он разговаривал с докторами у тела благочестиво почившего господина генерала и все как следует называл подлиннейшими словами, то латинскими, то греко-латинскими, употребительными в медицине, приводил примеры из истории и свидетельства, словом, это был бы знаменитейший государь и был бы благосклоннейшим к нам, если бы его не окружало столь много ядовитых лиц, которые всячески противодействуют нашему благу. У гроба благочестиво почившего господина генерала царь выказал мне великое внимание, так что мы чрезвычайно этому удивлялись. В день похорон царь позволил цесаревичу, т. е. своему маленькому сыну, притти к нам. Царевич с любопытством все осматривал и с большим благоговением воздавал честь нашему храму.

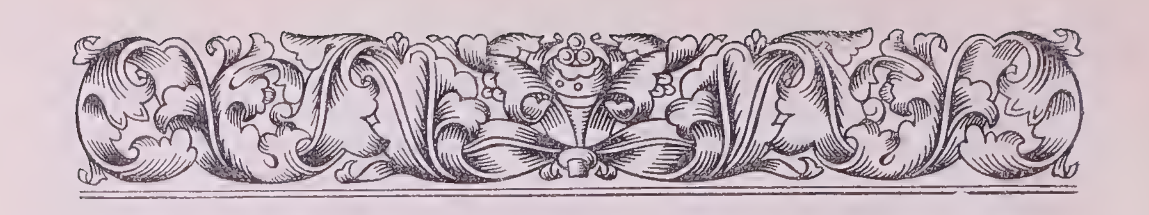
Вскоре затем прибыла и сама царевна, его сестра Наталия, и держала себя в храме со всею скромностью и благоприличием. О, если бы бог тронул сердце светлейшего царя!» [1]

2 декабря боярин Ф. А. Головин давал пир в честь отъезжающих шведских послов. На пиру присутствовал царь, с величайшей вежливостью к ним относившийся, по замечанию Гейнса. 3-го послы уехали из Москвы [2].

---

[1] *Корб*, Дневник, стр. 255—256; Письма и донесения иезуитов о России, изд. Археографической комиссии, стр. 45—49; Донесения Плейера у *Устрялова* (История, т. III, стр. 646).

[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 340).



РЕФОРМЫ И ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ПЕТРА 1699–1700 ГГ.

XXVI. ОБЩИЙ ОБЗОР

Преобразовательная деятельность Петра в широких размерах началась с постройки большого воронежского флота; в этой постройке можно видеть преобразование Московского государства из континентальной державы в морскую. Этим грандиозным предприятием вызвано было учреждение некоторых новых повинностей, оказавшихся крайне тяжелыми для страны. Для крупных землевладельцев, духовных и светских, как и для торгово-промышленного населения такой повинностью была организация кумпанств, которые должны были строить корабли; для мелких землевладельцев — установление особых специальных поборов. Для населения южных уездов, в особенности для близких к Воронежу, возник ряд новых натуральных повинностей в виде разного рода работ, связанных с кораблестроением. Новое дело и новые задачи стали вызывать к жизни новые учреждения: появилась должность «адмиралтейца», заведывавшего казенным кораблестроением; в Москве возникла «Корабельная палата» — особая комиссия гостей, ведавшая делами кораблестроения, наложенного на торгово-промышленное население. Вслед за тем в январе 1699 г. изданы были указы о реформе городского управления, имевшие главной целью увеличение ресурсов казны, необходимых на новые нужды, а также имевшие в виду облегчение положения торгово-промышленных людей. Это было преобразование административных учреждений в широком общегосударственном размере.

Таким образом, реформаторскую деятельность Петра можно начинать с 1696 г., с начала создания воронежского флота. С той поры преобразования идут непрерывным рядом, и одна реформа цепляется за другую. Но в памяти самого Петра, повидимому, именно 1699 год запечатлелся как момент начала преобразований, главным и основным из которых он считал организацию регулярной армии, заменившей собой раскассированное стрелецкое войско. Так, по крайней мере, Петр представляет дело в составлявшейся в 20-х годах XVIII в. истории Северной войны, в сущности истории его царствования, которую он сам редактировал[1]. Запись событий в этом Журнале начинается с 1698—1699 гг. и начинается именно с рассказа об устройстве регулярной армии, о причинах, повлекших ее учреждение, и о подробностях ее устройства. Вслед за тем в Журнале перечислен ряд других преобразований, относимых к 1699 г.; на самом деле, некоторые из них относятся к первым месяцам 1700 г. Вообще этот период 1699—1700 гг. был, действительно, обилен разного рода нововведениями. «Поденная записка» указывает, перечисляя эти нововведения, на исправление типографии и на начало печатания книг: «Начали многие книги переводить и печатать инженерские, артиллерийские, механические и прочих художеств, также и исторические и календари». «Тогда же почалась школа навигаторская», вслед за которой стали затем понемногу учреждаться и другие школы. Дано разрешение всем подданным ездить за границу в европейские государства для обучения, что́ прежде запрещалось, и не только этот выезд стал разрешаться, но государь даже понуждал подданных к такого рода путешествиям. Упоминается далее учреждение ордена св. апостола Андрея Первозванного, основанного указом 10 марта 1699 г. В перечне новшеств приводится также начало собственноручного подписывания государем актов международных сношений: грамот и ратификаций, которые прежде государями не подписывались. Следует затем отмена прежнего российского пла́тья, которое было наподобие польского, и предписание подданным носить платье по обычаю европейских государств, а также предписание брить бороды. Наконец, установлено празднование нового года 1 января, а не 1 сентября, как было раньше. Таков приводимый в «Поденной записке» перечень нововведений, о которых припоминал их автор в 20-х годах XVIII в. при составлении истории Северной войны. На самом деле этот перечень не полон. К тому же периоду времени, о котором говорит «Поденная записка», т. е. к 1699—1700 гг., следовало отнести и другие проведенные тогда преобразования или заведенные нов-

[1] Она была издана много времени спустя, в 70-х годах XVIII в., князем М. М. Щербатовым под заглавием «Журнал или Поденная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира».

шества, именно: установление гербовой бумаги в январе 1699 г., городскую реформу по январским указам 1699 г., некоторое переустройство в приказах, первые подготовительные шаги к реформе наследственного права, некоторые преобразования в процессуальном праве, работы А. А. Вейде по военному законодательству, монетную реформу 1700 г. и, наконец, учреждение кодификационной комиссии для пересмотра Уложения 1649 г. и согласования его с накопившимся после него законодательным материалом.

Итак, список реформ и преобразовательных предположений, относящихся к 1699—1700 гг., получает довольно внушительные размеры. Он включает в себя: новую организацию вооруженных сил государства, новшество в форме международных сношений, учреждение ордена наподобие существовавших в Европе, новое устройство городского управления, перемены в составе приказов, перемены в процессе судопроизводства, первые начала будущей реформы наследственного права, финансовые нововведения в виде монетной реформы и введения новой пошлины — гербовой, приступ к кодификации накопившегося за полстолетия законодательного материала, первые указы об устройстве математической школы и подготовительные меры к нему, устройство типографии, перевод с иностранных языков и печатание книг, посылка подданных для науки за границу; перемены в обычаях: брадобритие, европейское платье, празднование нового года с 1 января, новое летосчисление от Р. Х., а не от сотворения мира. Некоторые из нововведений 1699 г., как городскую реформу, введение гербовой пошлины, учреждение ордена св. Андрея, новый порядок оформления международных актов, мы уже рассмотрели выше. Теперь, прежде чем перейти к хронологическому обзору событий 1700 г., остановимся несколько на рассмотрении преобразовательной деятельности Петра в указанный период, т. е. за 1699—1700 гг.

Список преобразований, предпринятых в это время, можно расположить в той или иной последовательности, но заметить во всех этих реформах какую-либо органически последовательную связь едва ли возможно. Отдельные преобразования, конечно, связаны между собой причинной связью, одни реформы были последствиями других, и, таким образом, можно соединить их в отдельные связанные группы. Появление регулярной армии, например, вызвало за собой некоторую ломку старых учреждений: уничтожение некоторых военных приказов, учреждение новых военно-административных должностей; эти нововведения были, конечно, результатами появления постоянной и регулярной армии. Но другие реформы шли совершенно отдельно и самостоятельно, в иных причинных рядах, и такие, например, преобразования, как устройство городского управления, введение гербовых пошлин, перемены в покрое платья или в дне празднования нового года, не были, конеч-

но, с введением постоянной армии ни в какой причинной связи. Петр с возрастом стал проникать взглядом решительно во все области государственной, общественной и частной жизни, его окружавшей, везде замечать явления, его неудовлетворявшие и подлежавшие отмене, и всюду вносить переустройство и преобразования, или бывшие плодами его собственной оригинальной мысли, обогащенной приобретенным во время путешествия знакомством с западной жизнью, или предложенные ему его советниками, число которых умножалось и к голосу которых он прислушивался. Его кругозор становился все шире и охватывал все разнообразие русской жизни. Всем он живейшим образом интересовался, во все входил сам, ни к чему не мог оставаться равнодушным и на все оказывал свое воздействие. Он был центральной точкой, откуда шли все нити реформ. Но он производил все эти перемены не по какому-либо заранее продуманному и предварительно установленному плану, а в зависимости от того, на какое явление упал его проницательный взгляд и какое в тот или другой момент вошло в поле его внимания и его заинтересовало. Поэтому всякая попытка расположить все реформы рассматриваемого периода в какой-либо последовательной схеме, построить их в какую-либо единую причинно связанную группу была бы искусственной, не соответствующей действительности и заранее обреченной на неудачу. Последовательность, в которой мы рассматриваем преобразования и нововведения этого времени, не претендует на установление какой-либо общей органической связи всей совокупности реформ, не идет далее объединения их в несколько отдельных самостоятельных групп и является не более, как литературным приемом, имеет в виду лишь удобство изложения. Начнем с учреждения регулярной армии.

XXVII. УЧРЕЖДЕНИЕ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

Летом 1700 г., в то самое время, когда формировалась и обучалась регулярная армия, Петр в письме к проживавшему тогда в Константинополе иерусалимскому патриарху Досифею объяснял возникновение этой армии так: «сътрелцоѳъ, которыя уже въ 3 разъ 19 лѣтъ бунтовали, — т. е. в 19 лет три раза, — і воистинно толко пакасники, а не воіны были, которыхъ мы при возвъращениі съвоемъ іныхъ казнию, іныхъ наказаниемъ съмирили, протчихъ же зъ дватцать тысечь принуждены были отсьтавить, опасаяся въпредь сьмятения і по отсьтаѳькѣ оныхъ новыхъ лутчайшихъ въ сълужъбу выбирать, которыхъ уже нынѣ нарочитое число при помощи божией імѣемъ, і едва сего году въ доброе состояние привести возмогли»[1]. Много лет спустя в «Поденной записке» Петр рассказывал о возник-

[1] П. и Б., т. I, № 323.

новении регулярной армии так. Когда в 1698 г. за границей, собираясь ехать из Вены в Италию, он получил известие о бунте четырех стрелецких полков, он, бросив мысль о путешествии в Италию, «восприял путь свой в Россию». Хотя на пути он получил другое известие о том, что возмутившиеся полки под Воскресенским монастырем разбиты и бунтовщики перехватаны и посажены за караул, и потому мог бы ехать в Италию, однако, сомневаясь в верности остального стрелецкого войска и опасаясь подобного же замешательства в свое отсутствие от других стрелецких полков, так как все они были заодно, продолжал путь в Россию. По возвращении был учрежден розыск над бунтовщиками и большая часть из них переказнена, остальные сосланы в Сибирь. Но, «имея недоверствие о прочих», т. е. не доверяя другим, хотя и не принимавшим участия в бунте, стрелецким полкам, решил расформировать это войско: «Того для все полки стрелецкие скасованы и распущены по городам, куды кто похотел. А вместо их почали набирать прямое регулярное войско». Итак, уничтожение стрелецкого войска, вызванное недоверием к нему, образовало пустоту в составе вооруженных сил страны: в составе этих сил не оказалось более пехоты. Пробел надлежало восполнить, и ради его восполнения на место упраздненной стрелецкой пехоты была набрана новая регулярная армия. Так дело было объяснено сильно обеспокоенному учреждением регулярной армии шведскому резиденту Книпперу, который «о регулярных полков наборе в сильных терминах предлагал: для чего регулярные полки заводят, каких не бывало? и что тогда мир со всеми соседъми был: на что ему ответствовано, что по распущении стрельцов никакой пехоты тогда сие государство не имело, без чего быть нельзя» [1].

Уничтожение ненадежной в политическом отношении стрелецкой пехоты, действительно, создавало вопрос о ее замене какой-либо другой в составе вооруженных сил. Но решение этого вопроса в смысле образования именно *регулярной* армии показывает, что не одно только заполнение образовавшегося пробела имелось здесь в виду. Русское правительство верно объясняло шведскому резиденту мотив набора новых полков, которые должны были стать на место стрелецкой пехоты; но и шведский резидент был прав в своих опасениях: регулярная армия набиралась именно для решенной войны со Швецией. Резиденту верно говорили о мотивах перемены, но не договаривали о всех мотивах. Недаром, вспоминая об учреждении регулярных полков и указывая, как на повод к этому, на бунт четырех стрелецких полков и на недоверие к остальным, Петр вспомнил все-таки и довольно подробно рассказал о своем разговоре в Раве с Августом II и о просьбе

[1] «Журнал или Поденная записка», стр. 2—3.

к нему о помощи против шведов. Раз решено было напасть на Швецию, надо было формировать для этого нападения соответствующие силы. Между тем, стрелецкая пехота, в политическом отношении ненадежная, в военном отношении для войны с образцовой первоклассной армией, какова была шведская армия со времен Густава-Адольфа, была совершенно непригодной. Для этой цели нужно было не полурегулярное необученное войско мелких посадских торгашей и ремесленников, какими были стрельцы, а настоящая регулярная, обученная воинскому искусству армия, для которой военное дело было бы единственной профессией, армия настоящих воинов-специалистов. О формировании такой армии Петр, по всей вероятности, думал гораздо раньше 1699 г.; созданные им Преображенский и Семеновский полки подходили под все условия регулярных полков. Таковы же были стоявшие в Москве солдатские полки Лефортов и Бутырский, где регулярный строй и военное обучение были налажены Лефортом и Гордоном. Контингенты этих полков, расположенные в Москве, к военному делу не примешивали никаких других профессий. Но этими четырьмя полками все регулярное войско до 1699—1700 гг. и ограничивалось. Остальные существовавшие тогда солдатские, рейтарские и иные полки иноземного строя не были постоянными войсками, потому что между походами распускались по домам и занимались хлебопашеством на отведенных им земельных участках. Стрелецкое же войско в глазах Петра, может быть, и не совсем беспристрастных, всегда на всех его военных опытах, начиная с потешных маневров под Москвою, не могло равняться с регулярными полками, всегда оказывалось хуже их, так что мысль о расширении регулярных военных сил и о замене ими плохого стрелецкого войска становилась

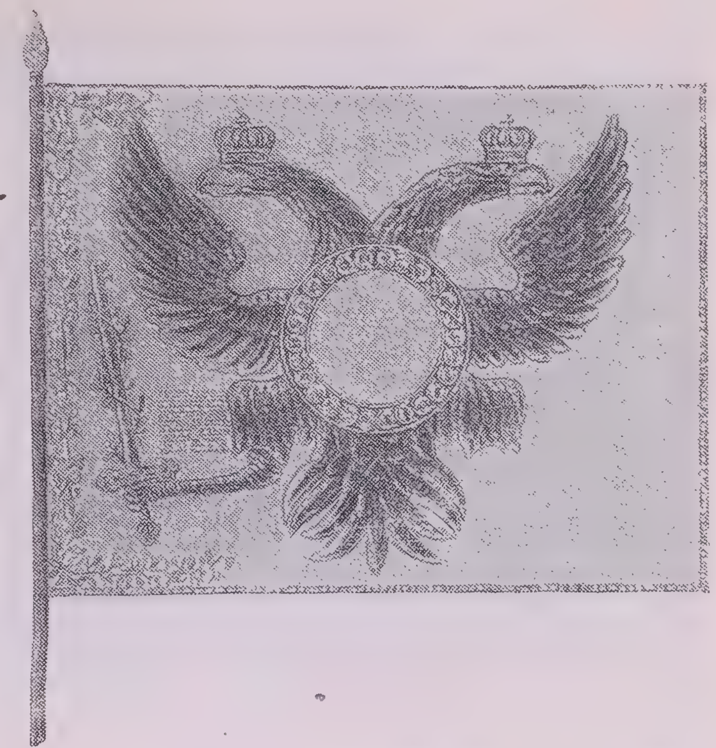


Рис. 20. Знамя Преображенского полка 1700 г.
Хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

на очередь еще до заграничной поездки и до мятежа четырех стрелецких полков. О регулярных армиях, существовавших уже везде в Европе и заменивших собой феодальную милицию, об армиях, с которыми принц Евгений Савойский одержал свою блестящую победу над турками, с которыми действовали Людовик XIV, Вильгельм III, цесарь и другие государи, Петр без сомнения знал и не мог ими не интересоваться. Недаром в 1697 г. А. А. Вейде был отправлен в Вену и прикомандирован к цесарским войскам для ознакомления с военным строем в империи. По возвращении из этой командировки Вейде были поручены военно-законодательные работы, свидетельствовавшие именно о намерении Петра завести армию, подобную западным. В 1698 г. Вейде составил «Воинский устав», в котором определены были должности всех чинов в русской армии соответственно с классификацией должностей в цесарской армии, а также даны некоторые правила для строевого обучения. Летом 1699 г. Вейде, продолжая свои военно-законодательные работы, составлял «Воинский наказ» и «Артикул, *какое кому* наказание за вины» и пересылал эти работы Петру на юг для исправления [1]. Устав с правилами строевого обучения и с определением обязанностей каждого военного чина, с одной стороны, и военно-уголовный кодекс, с дру-

Рис. 21. Знамя Семеновского полка 1701 г.
Хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

[1] См. выше стр. 73. См. *Бобровский,* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях, стр. 16—18. *Его же,* Военное право в России при Петре Великом, II, вып. 2, раздел I, стр. 152, 153.

гой — необходимые юридические принадлежности регулярной армии.

Указы, относящиеся к сформированию регулярной армии, появились как раз в то время, когда закончена была дипломатическая подготовка к Северной войне и были заключены союзы против Швеции, в ноябре 1699 г. Было сформировано 29 новых полков. Солдатский контингент для них добывался двумя путями: во-первых, посредством вербовки охотников, во-вторых, посредством набора даточных людей. 8 ноября издан был указ: принимать в солдаты изо всяких вольных людей; желающим итти в службу записываться в Преображенском. Такие охотники будут получать в год по 11 рублей жалованья, кроме того, им будет выдаваться продовольствие: хлебные и кормовые запасы и вино наравне с солдатами Преображенского и Семеновского полков. Для приема охотников в Преображенском учреждены были две канцелярии из подьячих Ямского и Холопьего приказов: в съезжей солдатской избе и на дворе боярина Ф. А. Головина [1]. О ходе этой вербовки охотников сообщал цесарю Плейер в депеше от 10 декабря: во всех шинках усиленно вербуется народ, и так как везде здесь растет дороговизна, то наплыв охотников, которым нечем жить, также увеличивается. «Wird in allen schenkhäusern dasz miesszige Volk stark geworben und weilen die theurung dieser orthen von tag zu tag anwachset, ist der Zulauff des Volkes desto grösser, die sonsten nichts zu leben haben» [2]. Особую область вербовки составили Понизовые приволжские города, куда для этого дела был послан подполковник Преображенского полка князь Аникита Репнин с десятью стольниками в качестве помощников и с отрядом солдат. По данной ему 17 ноября 1699 г. инструкции он должен был «прибирать в солдатскую службу» пригодных людей из служилого сословия: детей боярских, недорослей, казачьих и стрелецких детей, а также из так называемых вольных людей — захребетников, наемных работников, плавающих на судах по Волге. Инструкция точно оговаривала запрещение вербовать тяглых крестьян с пашни: «а с пашни тяглых крестьян отнюдь не имать». Людей предписывалось брать, «которые к службе годны лет по семнадцати и по двадцати, и по тридцати или малым чем больше тридцати лет, а ниже бы пятнадцати лет не было» [3].

Другим путем комплектования вновь формируемых полков был набор даточных людей, которых должны были поставить светские и духовные землевладельцы. Сбор даточных людей — старое средство, которому давалось теперь новое назначение.

---

[1] *Желябужский,* Записки, изд. Академии наук, Спб. 1840, стр. 150.

[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 643.

[3] Описание докум. и бумаг Арх. мин. юст., кн. V, О делах Генерального двора, стр. 39 (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 183, 192, 394—395).

Рис. 22. Фузелер Преображенского полка 1700 г.
Рисунок из книги Висковатова, Историческое описание одежды и вооружения старинных российских войск.

Ранее такой сбор производился со служилых землевладельцев, лично не служивших; притом собираемый контингент шел на нестроевую службу в войсках и по миновании похода распускался. Теперь набор распространялся на всех светских землевладельцев, как не служащих, так и служащих лично; притом набираемый контингент должен был итти именно в строевую службу для формирования регулярных постоянных полков, которые не должны были распускаться по домам по миновании надобности, а должны были служить и обучаться непрерывно. Таким образом, этот набор даточных становился набором людей для несения постоянной строевой службы в регулярных полках, и прежний даточный, по большей части нестроевой и временный ратник, превращался в *рекрута*, в новобранца, которым пополнялся строй регулярного постоянного полка. Указ 17 ноября 1699 г. о наборе даточных людей считается первым,

Рис. 23. Фузелер драгунского полка 1700—1720 гг.
Рисунок из книги Висковатова, Историческое описание одежды и вооружения старинных российских войск.

начавшим собою ряд многочисленных последующих указов о рекрутских наборах[1]. Мотивом набора фиктивно, конечно, и для отвода глаз шведскому резиденту выставлялось «опасение турской войны»: у всех государств заключен с турками мир, тогда как у Московского государства только краткое перемирие. Набор объявляется с церковных и светских землевладельцев по числу значащихся в их имениях — вотчинах и поместьях — дворов крестьянских, бобыльских, задворных и деловых людей. Производство набора сосредоточивается в Преображенском на Генеральском дворе и поручено было особой комиссии в составе боярина и адмирала Ф. А. Головина, дум-

[1] Текст указа см. Описание докум. и бумаг Арх. мин. юст., кн. V, О делах Генерального двора, стр. 37—39, и у *Желябужского,* Записки ([Сахаров], Записки русских людей, стр. 68—71).

ного дьяка Автонома Иванова, управлявшего тогда Поместным приказом, генерала А. А. Вейде и пяти дьяков Поместного приказа. Поместный приказ привлекался, как видим, к большому участию в деле набора даточных, это, конечно, потому, что в нем были сосредоточены данные о землевладении и тяглых дворах, по числу которых производился набор. Сказки о количестве тяглых дворов, которые обязаны были подать землевладельцы при наборе, надлежало проверять по материалам: писцовым и переписным книгам, хранившимся главным образом в Поместном приказе[1]. Сказки эти землевладельцы должны были представить в Преображенское на Генеральский, или Генеральный, двор, где заседала комиссия, и в них показать, сколько за кем значится дворов крестьянских, бобыльских, задворных и деловых людей по переписным книгам 1678 г. и сколько дворов каждого из этих состояний прибыло сверх переписных книг. В Преображенское же разные приказы должны доставить перечни из переписных книг 1678 г. и другие необходимые документы. Один даточный берется с 50, с 30 или с 25 крестьянских, бобыльских, задворных и деловых дворов. С каждых 50 дворов ставят даточного служилые землевладельцы, находящиеся сами на военной службе, причем с московских служилых чинов берутся еще конные даточные по одному со 100 дворов. С 30 дворов даточного ставят землевладельцы, находящиеся на гражданской службе: занимающие должности воевод, управляющие приказами или состоящие «у дел», как тогда обозначалась гражданская служба. С такого же числа дворов должны ставить даточного служилые люди, находящиеся в отставке, а также служилые вдовы, недоросли и девки. С 25 дворов даточного человека ставят со своих владений именитый человек Григорий Строганов и гости, а затем духовные землевладельцы: патриарх, власти и монастыри. В указе перечислены разные случаи, когда вместо поставки даточного в натуре вносятся за него деньги — 11 рублей за человека, размер солдатского годового жалованья. Указом определяется и тот социальный элемент, откуда должны браться даточные люди. В даточные должны сдаваться дворовые люди — холопы, составлявшие непроизводительное население боярских дворов, лежавшее во многих случаях тяжелым бременем на боярских хозяйствах. Число даточных, которых должен выставить тот или другой светский землевладелец, высчитывается по числу значащихся за ним, показанных в представленной им сказке, крестьянских, бобыльских, задворных и деловых дворов, а в эти даточные он должен поставить своих холопов. Для этого высшие служилые чины: бояре, окольничие и думные дьяки должны были

[1] Описание докум. и бумаг Арх. мин. юст., кн. V, О делах Генерального двора, стр. 4—5.

к 26 ноября подать в Преображенское, кроме сказок о числе имеющихся у них крестьянских, бобыльских, задворных и деловых дворов, также и росписи слугам своих «дворов», т. е. росписи служащих у них во дворах холопов, а затем не позже 1 декабря привести туда и самих этих холопов в наличности. В Преображенском им будет производиться смотр и будут отбираться из них «люди самые добрые и нестарые», кроме занимающих в боярских дворах важнейшие должности, например, дворецкого, дядьки, стряпчего, казначея. Соответственно с этим церковные власти со своих имений должны были поставить в даточные служек, служебников и конюхов. Если у бояр недостанет требуемого с них числа дворовых холопов, а у церковных землевладельцев служек, служебников и конюхов, то за недостающих взыскивается по 11 рублей за человека, без распространения набора на крестьян. Во всех этих постановлениях очевидно намерение законодателя щадить при наборе солдат производительный и выгодный для страны крестьянский класс, а также холопов, занятых в сельском хозяйстве, и возложить всю тяжесть набора на непроизводительный класс боярской дворни. В таком виде представляет дело и Плейер в своем донесении цесарю от 10 декабря. «Здесь набираются, — пишет он, — 60 или, как некоторые говорят, 80 полков [1], каждый по 1 000 человек. И чтобы укомплектовать их, от всех этих господ берутся с их дворов по 70, 80 и до 100 с двора слуги, называемые холопи, которых они обыкновенно имеют по три, по четыре и по пяти сот» [2]. Петр хорошо видел всю бесполезность для государства от многочисленных праздных дворовых людей, холопов, а в монастырях от многочисленных монастырских служек и потому в первую очередь стремился привлечь их к военной службе. В этом отношении ноябрьский указ 1699 г. о наборе был первым, открывающим собой длинный ряд законодательных мер. Заметим еще, что набор падал только на светских и духовных землевладельцев и не распространялся на крестьянские общества черносошные и дворцовые. Крестьянство всех видов, как частновладельческое, так и государственное, было от него в натуре, по крайней мере, избавлено. Крестьяне по этому первому набору не шли в рекруты, шли только холопы.

По свидетельству одного из ближайших участников формирования регулярной армии в 1699—1700 гг., полковника Александра Гордона, сына покойного генерала Петра Ивановича, в Преображенское поступали ежедневно тысячи рекрутов и охотников, и сам царь пересматривал их по именным спискам, отбирая годных в службу. Тогда же началось и обучение их регулярному строю также под непосредственным руководством

---

[1] Цифры эти очень преувеличены.
[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 643.

царя. Непосредственными сотрудниками Петра в этом деле были генералы Автоном Михайлович Головин, командовавший двумя гвардейскими полками, Адам Адамович Вейде — составитель воинского устава, наказа и артикула, и посланный в приволжские города подполковник князь Аникита Иванович Репнин. Может быть, Вейде применял при этом обучении те воинские правила, составлением которых он был занят еще летом 1699 г. А. М. Головин вырабатывал также какие-то «статьи», о которых он вел переписку с царем, когда тот уехал в Воронеж весной 1700 г., и которые царь просматривал и исправлял. Весьма вероятно предположение, что обучение первых рекрут производилось по артикулам, сохранившимся в архиве кабинета Петра[1] и содержащим ружейные приемы, правила заряжения мушкета, правила обращения с «багинетом» — штыком, который то привинчивался к мушкету, то употреблялся в виде тесака; шереножное учение и вздваивание рядов; правила строевой стрельбы плутонгами (взводами) и стрельбы, как Петр озаглавил этот параграф, «нидерфалом или паданьем», когда передние шеренги ложатся, а задние стреляют. Теперь можно только удивляться сложности ружейных приемов того времени, когда, например, для того чтобы приготовить к выстрелу кремневый мушкет, заряжаемый с дула посредством шомпола, которым забивался заряд, солдату надо было выслушать 16 команд, начиная с команды: «открой полку», затем «сыпь порох на полку», «закрой полку», «перенеси мушкет на левую сторону и приклад поставь на землю», «вынимай патрон», «скуси патрон» и т. д. и т. д. до последних команд: «взводи курки» и «стреляйте». Вот это хитрое ратное учение с ружейными приемами, с поворотами направо и налево, с построением рядов, с привинчиванием и отмыканием багинетов должны были проходить взятые в Преображенское новобранцы.

Из новобранцев, поставленных набором 1699 г., из навербованных охотников было сформировано 27 пехотных полков и 2 драгунских от 800 до 1 322 человек в полку. Полки эти были поделены на три дивизии, во главе которых стали: А. М. Головин, А. А. Вейде и князь А. И. Репнин, — последний сформировал свою дивизию в поволжских городах. Каждая дивизия состояла из 9 полков, причем в дивизиях Головина и Вейде было по 8 пехотных полков и по одному драгунскому, дивизия же Репнина составилась только из пехотных полков. Сверх этих 27 полков еще 2 полка образовали особый отряд в Новгороде. Формировалась, следовательно, только пехота, за исключением двух драгунских полков. Роль кавалерии в русском войске должна была попрежнему исполнять старая дворянская милиция. Полковниками над новыми

[1] Напечатаны в П. и Б., т. I, № 304.

регулярными полками были назначены исключительно иностранные офицеры, из них многие имели боевой опыт в азовских и даже еще в крымских походах. Так, дивизию А. М. Головина составили полки полковников: Иваницкого, И. Трейдена, М. Трейдена, Девсина, Мёвса, Больмана, Фливерка, Бильса и драгунский Шневенца; из этих полковников Больман и Фливерк служили в крымских, Иваницкий, И. Трейден, Мёвс — в азовских походах. Младший офицерский состав был прислан в эти полки из Иноземского приказа, но оказался мало удовлетворителен. В плохом качестве офицеров-иностранцев Петр убедился при самом же начале формирования регулярных полков. Уже в депеше от 10 декабря Плейер, донося в Вену о том, что царь занят обучением своих полков и созванных со всех мест государства офицеров, пишет, что «из них многие разжалованы... касается это большею частью иностранцев: поляков и шведов». То же недовольство собранными отовсюду иноземными офицерами испытывал и А. М. Головин, и у него

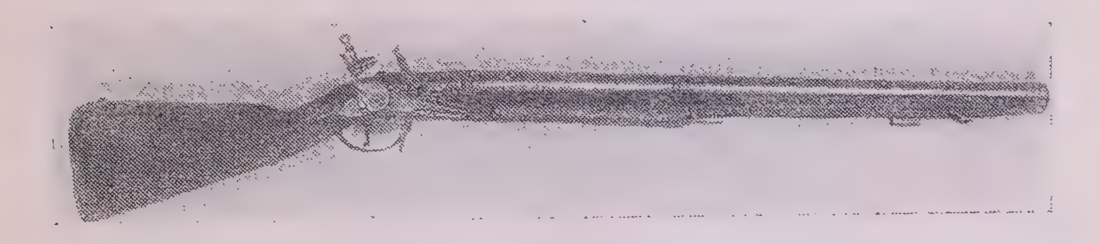


Рис. 24. Фузея Петровского времени.
Из собрания Государственного Исторического музея в Москве.

являлась мысль о замене этих иноземцев русскими людьми из московского дворянства, которых для этой цели следовало предварительно обучить. «Начальных, государь, людей, — писал А. М. Головин Петру в Воронеж 23 марта 1700 г., — не поволишь ли набирать из царедворцов[1] и из заморских», т. е. из тех стольников и спальников, которые с 1697 г. были посланы «за море», за границу для обучения, «а я истинно то делать рад; лутче я их учить, нежели тех, которые присланы из Иноземского приказу: трудов к ним много положено, а иные и ныне за мушкет не умеют приняться». В другом письме от 16 апреля он писал царю: «Начальные, государь, люди, которые ко мне присланы из Иноземского приказу для учения, и по многим числам учения не приняли, и апреля 15-го числа выкинул из них человек с полтораста, а в остатке в учении человек с полтораста ж». Петр одобрил мысль А. М. Головина о привлечении московских чинов на офицерские места и о предварительном их обучении регулярному строю. «Изволил же,

[1] Так стали называться с этого времени служилые люди московского чина.

государь, ко мне писать, — читаем в том же письме Головина, — чтоб из комнатных и из царедворцев написать в науку пехотного строя, и я комнатных, которые были за морем, написал и повестил, чтоб явились в Преображенском 17-го числа а для царедворцов: стольников и стряпчих послал память в Розряд, чтоб прислали списки. А как списки присланы будут, и выбрав их, которые к пехотному строю годятся, писать буду». Находясь в Воронеже, Петр издалека следил за этим набором офицерского состава из русских людей и руководил им, просматривая представляемые ему списки. «По письму, государь, твоему я исполнил, — пишет ему А. М. Головин от 19 апреля, — и заморским апреля с 17 числа ружье роздал и почал их учить: а для ведомости именам их послал к милости твоей список. Пожалуй, государь, изволь ко мне отписать: по тому списку всем ли им быть так в учении или из них которых выбрать. А я, не описав к тебе и не взяв о том совету, один делать не буду; а мне, государь, кажется, что иные и не годятся быть: Юрья Лодыженской, князь Иван Урусов, и о том, как воля твоя?». В этом же письме он сообщает, что к набору царедворцев в широких размерах он еще не приступал. «А площадных стольников [1] не писал для того, что еще из Розряду списков не прислано, а как списки присланы будут, и выбрав их, которые в тот чин достойны, впредь отпишу к милости твоей, а выберу человек с двести» [2]. Привлечение царедворцев на офицерские места в виде общей меры было принято несколько позже. В конце мая 1700 г. рассылались указы по уездам о явке в Москву на смотр московского чина людей, за которыми в поместьях и вотчинах значилось 40 дворов и больше, к 15 и к 25 июня [3]. Смотры производились на Постельном крыльце 25 июня и 1 июля [4]. 14 июля 1700 г. служилым людям московского чина был сказан на Постельном крыльце указ, по которому тем из них, которые на произведенных им смотрах были выбраны «в ученье», велено было ехать в Преображенское и явиться к генералам, тем же, кото-

[1] В противоположность «комнатным» тех, которые, не имея права входа в комнату государя, собирались на дворцовой площадке перед Постельным крыльцом.

[2] П. и Б., т. I, стр. 806—807, 811, 814—816.

[3] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1133—1135, 25 мая; Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 33—34.

[4] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 33—34: «И в Розряде выписано. В нынешнем 1700 году маия в 23-м числе по указу великого государя (т.) московских чинов людем велено быть из городов к Москве для смотру и приезды свои записывать в Розряде на указные сроки июня 15 до 25 числа нынешнего ж году. И по тому его, великого государя, указу стольник Иван Васильев сын Теряев в Розряде в приезд записан на указной срок июня в 15 день. *И июня ж в 25-м и июля в 1-м числех у смотров на Постельном крыльце* он, Иван, не был и написан с нетчики». Желябужский сообщает известие о смотре стольников в Преображенском 9 июля самим царем. (Записки, стр. 167.)

рые выбраны не были, возвращаться в дома свои и «быть к государевой службе во всякой готовности». Не все московские чины прибыли из уездов в Москву по указу 25 мая; не явившимся даны были с обычными угрозами за неявку новые сроки 1 и 10 августа[1]. Таким образом, всю весну и все лето 1700 г. в Преображенском шла неустанная подготовка офицеров из русских людей московского чина для комплектования регулярных полков. Самый темп переписки А. М. Головина — он пишет Петру очень часто — показывает, что это дело велось с большой энергией.

Появление на свет значительной регулярной армии ставило на очередь вопрос об устройстве военной администрации для управления военным хозяйством. Одновременно с формированием регулярных полков появились первые указы об устройстве военно-административной и военно-судебной частей. Указом 18 февраля Иноземский и Рейтарский приказы, которые прежде ведали полки иноземного строя и которым подсудны были служилые иноземцы, предписывалось закрыть. Вместо них для отправления тех дел, которые в них ведались, учреждалась должность генерал-комиссара, при котором должен был состоять приказ. Генерал-комиссаром назначался командовавший перед тем Белгородским полком боярин князь Яков Федорович Долгорукий[2]. Заведывание продовольствием армии по сложности этого дела было выделено в особое ведомство, для которого учреждена была тогда же должность генерал-провианта с назначением на нее окольничьего Семена Ивановича Языкова. Особое ведомство составило также управление артиллерией.

---

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1142—1143. Переписка Разряда о назначении царедворцев в полки генералов А. М. Головина, А. А. Вейде и князя А. И. Репнина см. Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 31—41, 57—58, 62—64, 67, 75, 90, 96, 131—135, 365—366. *Там же*, л. 810. «Написано в ученье ратного строю:

Прежних:		Вновь:	
Стольников	601 ч.	Стольников	8 ч.
Стряпчих	214 ч.	Стряпчих	2 ч.
Жильцов	109 ч.	Жильцов	157 ч.
Итого	924 ч.	Итого	167 ч.

Всего прежних и вновь — 1 091 ч.».

Там же, л. 874: «Июня с 10 июля по 11 число в приезде записалось:
Стольников — 1 787 ч. Из того числа в ученье быть велено 614 ч.
Стряпчих — 964 ч. Из того числа в ученье быть велено 219 ч.
Жильцов — 162 ч. Из того числа в ученье быть велено 107 ч.
Итого в приезде 2 913 ч. Из того числа в ученье быть велено 940 ч.

в нетех:	
Стольников	60 ч.
Стряпчих	17 ч.
Жильцов	26 ч.
Итого	103 ч.».

[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1121—1122.

19 мая 1700 г. состоялся указ, по которому велено было все дела, ведавшиеся Пушкарским приказом, ведать генералу артиллерии царевичу Александру Арчиловичу, специально изучавшему артиллерийское дело за границей. Он стал именоваться генерал-фельдцейхмейстером [1].

XXVIII. ФИНАНСОВЫЕ МЕРЫ

В группе финансовых мер, принятых за изучаемое время, наиболее крупное значение имеет, конечно, рассмотренная уже нами выше городская реформа 1699 г. Ее главной целью было пополнение государственной казны как благодаря большей точности сборов, которую она вводила, так и вследствие роста благосостояния тех податных классов, которые она имела в виду освободить от давившего их воеводского гнета. Она направлена была также к установлению большего единства государственной казны, заводя единую кассу для всех сборов с посадских, торгово-промышленных людей и с черносошных крестьян. К увеличению ресурсов государственной казны были направлены также и две другие более мелкие финансовые меры 1699 г.: введение новой пошлины, гербовой, по проекту Курбатова (рассмотренное нами выше [2]) с марта 1699 г., и упорядочение старого пошлинного сбора, печатных пошлин, проведенное указами 5 декабря того же года. Суть этих указов заключалась в следующем. Предписывалось специальные печати, которыми припечатывались грамоты и разного рода акты в приказах Большого дворца, Сибирском, Казанского дворца и Земском (причем с частных лиц, которым выдавались акты, взимались печатные пошлины), из этих приказов изъять и припечатывание грамот и разных актов, а также сбор печатных пошлин сосредоточить в Печатном приказе, где печатать все акты единою «орловою воротною (т. е. печатью с изображением орла, которую дьяк носил на шнурке на вороте) печатью», сделав исключение только для Ратуши, которой как раз осенью 1699 г. была дана установленная самим Петром особая печать с изображением весов, и для Посольского приказа, в котором «учинены особые большие печати для печатания грамот в окрестные государства и в малороссийские города». Приказные палаты (воеводские управления) некоторых значительных городов: Великого Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и Белгорода имели свои печати, которыми они имели право припечатывать акты по поместным и вотчинным делам, а также по сдаче на откуп оброков и др., собирая печатные пошлины. Теперь предписывалось эти печатные по-

---

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1133.
[2] См. том III настоящего издания, стр. 235—237.

шлинные сборы непременно пересылать в Москву в Печатный приказ, отнюдь не тратя их ни на какие расходы на местах. Наконец, запрещалось в городе и уезде посылать грамоты, указы и памяти без орловой воротной печати за одними дьячьими приписями. Челобитчики, разумеется, склонны были обходить Печатный приказ, не приносить и не предъявлять

Рис. 25. Печать медная Кормового двора конца XVII века (в натуральную величину).
Хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

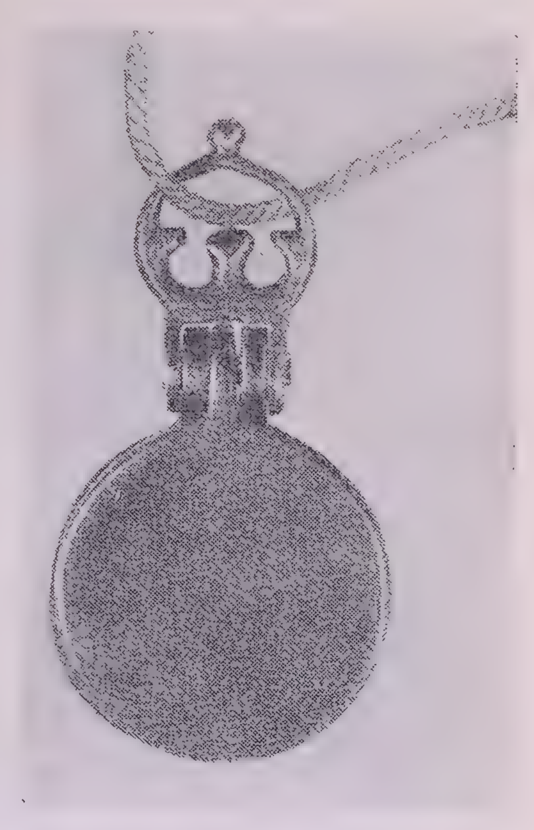


Рис. 26. Та же печать Кормового двора в сложенном виде; к ней приделано кольцо для ношения ее дьяком на шее.

туда для припечатывания выданных им из разных приказов грамот и указов, довольствоваться одними дьячьими подписями, чтобы не платить печатных пошлин. Против этого принимались меры. Указы, привезенные челобитчиками из Москвы из какого-либо приказа без печатей, объявлялись недействительными, совершать исполнение по ним воспрещалось, их предписывалось присылать обратно в Москву, а лиц, привезших их, задерживать [1]. Таким образом, именные указы 5 декабря 1699 г. о печатных пошлинах не устанавливали каких-либо новых пош-

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1113—1118. Три именных указа за пометою думного дьяка Н. М. Зотова.

Рис. 27. Большая государственная печать Посольского приказа конца XVII века ($^{3}/_{4}$ натуральной величины).

Хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

линных сборов, а только упорядочивали существовавший уже раньше печатный пошлинный сбор, сосредоточивая его в Печатном приказе, для чего предписывали прекратить припечатывание актов в других приказах и пересылать в Печатный приказ в Москву печатные пошлины, собиравшиеся в некоторых городах.

Рис. 28. Мелкая серебряная монета XVII века: „копейка" и „деньга" (увеличено в два раза).
Фото из издания „Монеты царствования Петра I".

К финансовым же преобразованиям следует отнести и предпринятую в 1700 г. монетную реформу. В народе тягостно ощущался недостаток мелкой разменной монеты. Ходили только серебряные копейки, плоские неправильной формы пластинки серебра

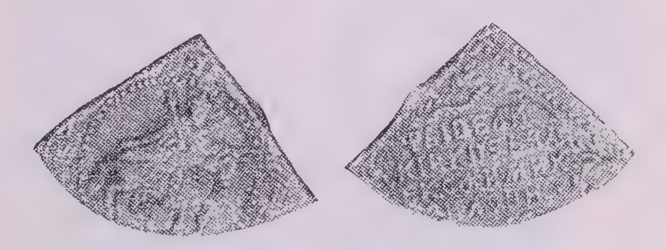


Рис. 29. „Четвертак" — часть ефимка, разрубленного на четыре доли (в натуральную величину).
Из собрания Государственного Исторического музея в Москве.

с плохо оттиснутым на них изображением на одной стороне скачущего всадника, а на другой имени царствующего государя. Более мелких монет: полукопеек — «денежек», $^1/_4$ копейки — «полушек» и $^1/_8$ копейки — «полуполушек» не чеканилось или чеканилось слишком мало, а между тем в этой мелкой

Рис. 30. 1) Медная деньга 1700 г. 2) Медная полушка 1700 г. 3) Медная полуполушка 1700 г. (увеличено в два раза).
Фото из издания „Монеты царствования Петра I“.

монете ощущалась большая нужда как в торговых оборотах, так и при платежах разных мелких пошлин в казну. Этот недостаток мелкой разменной монеты население восполняло самовольно, рассекая копейку на две и даже на три части, а

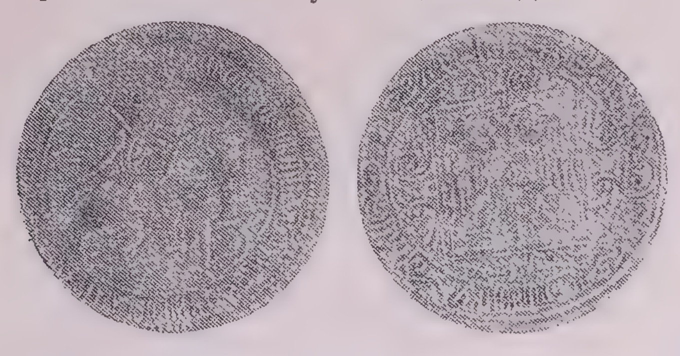


Рис. 31. Медная полтина времени Алексея Михайловича ($^3/_4$ натуральной величины).
Из собрания Государственного Исторического музея.

Рис.32.1) Серебряный рубль.2) Серебряный ефимок XVII века времени Алексея Михайловича ($^3/_4$ натуральной величины).
Из собрания Государственного Исторического музея.

в иных городах прибегало к выпуску специальной местной монеты. «Во многих низовых и в иных городех, — гласил указ, — за скудостью на розмену в мелких торгах пересекают серебряные копейки на двое и на трое и торгуют ими вместо денежек на размен, а в Калуге и в иных городех вместо серебряных

денежек торгуют же кожаными и иными жеребьями». Таким образом, ходившая серебряная монета — копейка — портилась, а с другой стороны, начинала ходить непризнанная государством местная монета. Указом 11 марта 1700 г. Петр приказал чеканить мелкую разменную монету: $^1/_2$ копейки — «денежка», $^1/_4$ копейки — «полушка» и $^1/_8$ копейки — «полуполушка» из меди. Это был смелый шаг, так как в русском обществе 1700 г. едва ли уже заглохли совсем воспоминания о выпуске медной монеты, предпринятом Алексеем Михайловичем и повлекшем за собой народное возмущение. Но реформа проведена была осторожно: выпускалась только мелкая монета, очевидно, только в потребном количестве и хорошего качества; чеканка серебряной копейки не прекращалась, и жалоб на неудобства от выпуска разменной медной монеты не было слышно. Монетным делом Петр, как мы знаем, сильно интересовался, будучи в Лондоне в 1698 г., когда он несколько раз посещал монетный двор в Тоуере. Этот интерес мог быть ему внушен именно неудовлетворительным состоянием монеты на родине, и, с другой стороны, может быть, лондонские наблюдения ускорили приступ к организации монетного дела в России. Указ о выпуске мелкой медной разменной монеты в 1700 г. был именно только приступом к организации этого дела. Петр не раз будет возвращаться к монетному делу в дальнейшем: во-первых, проводя улучшения в технике самой чеканки монеты, очень несовершенной до него, и, во-вторых, выпуская монету того достоинства, какого раньше ее не чеканили. До него самой распространенной мелкой монетой была только серебряная копейка; высшие единицы: алтын, гривенник, полтинник и рубль были главным образом счетными единицами. Крупными реальными монетными единицами были иностранные монеты: серебряные ефимки, золотые червонцы. При Петре станут чеканиться русские монеты высшего достоинства: золотые червонцы, серебряные гривенники, полуполтинники, полтинники и рубли [1].

XXIX. ПАЛАТА ОБ УЛОЖЕНИИ 1700—1703 гг. УЧРЕЖДЕНИЕ ПАЛАТЫ И ЕЕ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

18 февраля 1700 г. довольно неожиданно появился указ о составлении нового Уложения, имевший целью устранить беспорядок в законодательстве, начавший ощутительно давать себя знать во всех областях русской жизни. Беспорядок заключался в том, что со времени выхода в свет Уложения

---

[1] Указ 11 марта 1700 г., см.: Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1123—1126; П.С.З., № 1776; *Устрялов,* История, т. III, стр. 350—354.

царя Алексея Михайловича 1649 г. накопилось множество законодательного материала: именных царских указов и приговоров боярской думы, не только не согласованных с Уложением, но даже и не приведенных в известность и потому ускользавших от внимания администраторов и судей. Весь этот накопившийся за полустолетие, с 1649 по 1700 гг., законодательный материал, известный под техническим названием Новоуказных статей, теперь без особого труда обозримый благодаря изданию его в первых трех томах Полного Собрания Законов, тогда, в 1700 г., с таким удобством обозрим не был, потому что не был собран в один какой-либо сборник, известный и доступный, подобно Полному Собранию Законов, а был рассеян по указным книгам различных приказов. В эти книги отдельные указы и статьи вписывались по мере их издания; каждый приказ имел свою указную книгу, куда и вписывал указы, касающиеся его ведомства, так что одному приказу оставалось совершенно неизвестным, какие указы вписывались в книгу другого. Никакой общей регистрации Новоуказных статей в Московском государстве того времени в одном каком-либо учреждении не велось, законодательство рассеивалось по многочисленным канцеляриям и вследствие этого вскоре покрывалось пылью забвения. Понятно, к каким тяжелым последствиям такой беспорядок в законах должен был приводить в судебной практике и какие затруднения должен он был порождать. Внимание Петра уже раз, еще до 1700 г., было обращено на недостатки в законодательстве. 6 июня 1695 г., еще при жизни царя Ивана Алексеевича, появился указ, предписывавший по всем приказам в тех случаях, когда для решения возникающих в практике казусов или совсем не было в Уложении и в Новоуказных статьях подходящих статей, или были статьи, но недостаточно полные, составить вновь проекты соответствующих статей, применяясь к прежним указам, к Уложению и к Новоуказным статьям; об этих статьях составить особые докладные записки, которые держать в приказах наготове до дальнейших распоряжений, до их великих государей указа. Однако никаких дальнейших распоряжений по этому предмету не последовало. Неизвестно, были ли проекты таких дополнительных статей в приказах составляемы; если и были, то никаких практических последствий эта работа не имела и законодательство не пополнила[1].

Указом 18 февраля 1700 г. учреждалась особая комиссия, которой поручалось составить новое Уложение. «Великий государь указал, гласит этот указ, с прежнего Уложения 157 году и с Новоуказных статей и с своих великого государя новосостоятельных указов, которые после того Уложенья

---

[1] П.С.З., № 1513.

прибыли, сделать Уложенье и у того дела быть бояром, и окольничим, и думным людем, и стольником, и дворяном, и дьяком, которых имена ниже сего, и сидеть им за тем Уложеньем в Ответной палате, и для того к ним из Розряду и изо всех приказов с Новоуказных статей и с новосостоятельных указов отослать списки». К указу приложен список лиц, которые должны были войти в состав комиссии[1]. Разберем этот состав.

По первоначальному впечатлению при чтении слов «у того дела быть бояром, и окольничим, и думным людем» могло бы возникнуть представление, что кодификационная работа была поручена боярской думе, которая нередко такими терминами «бояре, окольничие и думные люди» обозначалась. Однако из приложенного к указу личного списка видно, что из думных чинов в состав комиссии вошло всего 12 человек, по трое от каждого думного чина: трое бояр, трое окольничих, трое думных дворян и трое думных дьяков. Сверх 12 членов думного чина в составе комиссии перечислены еще служилые люди не думного звания, так что состав комиссии, хотя и обозначаемый терминами, которыми обозначалась боярская дума, не совпадал с этой последней. Комиссия совсем не была похожа и на ту небольшую предварительную комиссию, которая подготовляла проект Уложения в 1648 г. и которая состояла всего из пяти лиц. Если уже искать прецедента для комиссии 1700 г., то до некоторой степени именно ее думный состав может напомнить состав Расправной палаты, учреждения, действовавшего при боярской думе в 1681—1694 гг. и заседавшего в Золотой палате Кремлевского дворца. В состав Расправной палаты также входили три боярина, три окольничих, три думных дворянина. Близость Палаты об Уложении к Расправной палате увеличивается еще тем, что двое бояр, назначенные в Палату об Уложении: князь Иван Борисович Троекуров и князь Михаил Григорьевич Ромодановский, а также двое окольничих: князь Федор Иванович Шаховской и князь Дмитрий Нефедьевич Щербатов были раньше членами Расправной палаты. Царь мог назначить этих бояр и окольничих в состав уложенной комиссии как лиц, обладавших опытом в обращении с законами, вынесенным из их судебной деятельности в Расправной палате. Заметим, наконец, некоторую связь уложенной комиссии с Расправной палатой и по самому месту заседаний. По указу 18 февраля уложенная комиссия должна была заседать в Ответной палате Кремлевского дворца; но в действительности она почему-то стала со-

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1119—1121. О том, что указ был издан не 19 февраля, как ошибочно помечено в Дворцовых разрядах, а 18, см. *Б. К. Поленов,* Материалы для истории русского законодательства. Выпуск первый (единственный). Палата об Уложении, Спб. 1865, стр. 1—2.

бираться как раз «в Расправной палате, что перед Золотые сени» и в Ответную палату перешла только в феврале 1702 г. [1].

Взглянем теперь ближе на личный состав Палаты об Уложении и прежде всего познакомимся с вошедшими в нее думными чинами. На назначение трех лиц из бояр: князя Ивана Борисовича Троекурова, князя Михаила Григорьевича Ромодановского и князя Михаила Никитича Львова, помимо связи двух из них с прежней Расправной палатой, могло повлиять еще то соображение, что в момент назначения их для работы над Уложением они были свободны или должны были освободиться от лежавших на них ранее дел и могли пользоваться бо́льшим досугом для законодательства. Князь И. Б. Троекуров, как припомним, был начальником Стрелецкого приказа, но с раскассированием стрелецкого войска в 1699 г. компетенция приказа должна была значительно сузиться; за ним оставалась только лежавшая на нем часть полицейского управления в столице. Таким исключительно полицейским столичным органом приказ и остался, когда к тому же указом 3 ноября 1699 г. было велено закрыть другой ведавший столичную полицию приказ, Земский, соединив все полицейское столичное управление в Стрелецком приказе под начальством князя И. Б. Троекурова [2]. Освобождение князя И. Б. Троекурова от управления стрелецким войском позволило ему с бо́льшим вниманием заняться кодификационной работой в Палате; он и стал ее первоприсутствующим или председателем. Официально он такого звания не носил; но его имя поставлено первым в числе бояр в списке Палаты, а затем из наблюдений над сохранившимися записями о ходе работ в Палате видно, что он пользовался в ней правами председателя: заседания комиссии прерывались, когда он однажды не выезжал из дому, болея глазами, и в другой раз, когда он уезжал на некоторое время в Ярославль. С закрытием Земского приказа и передачей дел его частью в Ратушу, частью Стрелецкому приказу освобождался его начальник боярин князь М. Н. Львов. Третий же из бояр М. Г. Ромодановский, как припомним, в 1697 и 1698 гг. командовал корпусом русского войска, стоявшим со времени королевских выборов 1697 г. на литовской границе и распущенным летом 1698 г., причем вспыхнул бунт в четырех стрелецких полках.

---

[1] *В. О. Ключевский,* Боярская дума, гл. XXIII; *Голубев,* Расправная палата при сенате. Описание документов и бумаг Арх. мин. юст., т. V, стр. 103—111; *С. К. Богоявленский,* Расправная палата при Боярской думе. Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому, стр. 409 и сл.; *Поленов,* Материалы, стр. 11—12; *Забелин,* Домашний быт русских царей. План старого дворца в Кремле, № 12: Золотая или Расправная палата, № 299: Ответная палата.

[2] После этого указом 23 июня 1701 г. Стрелецкий приказ был соответственно своему новому назначению переименован: его велено было писать Приказом земских дел (П.С.З., № 1859).

После роспуска корпуса князь Ромодановский вернулся в Москву, участвовал в стрелецком розыске в качестве одного из следователей, а затем до назначения в Палату об Уложении оставался не у дел, не занимая никакой особой должности.

Из окольничих князь Федор Иванович Шаховской впервые упоминается в Дворцовых разрядах в 1658 г. стряпчим на приеме в Москве грузинского царя Теймураза. В 1668 г. он уже в чине стольника состоит при царе Алексее Михайловиче в селе Острове близ Николо-Угрешского монастыря на проводах антиохийского патриарха Макария. В 1683 г. в чине окольничего он послан был воеводою в Курск, откуда затем также воеводою в Великие Луки[1]. При восстановлении 12 сентября 1689 г. Расправной палаты он получил назначение в ее члены[2]. В бытность в Москве он несет придворную службу, состоя преимущественно в свите царя Ивана Алексеевича, получает очень частые назначения итти в крестных ходах и сопровождать выносимые в крестные ходы иконы. Видимо, человек, пользующийся симпатиями в церковных кругах, князь Федор Иванович бывал у патриарха на торжественных обедах, которые тот давал в 1685 г. в Крестовой палате на пасхе и в храмовой праздник кафедральной церкви — в день успения богоматери 15 августа[3].

Следующий окольничий князь Дмитрий Нефедьевич Щербатов упоминается стряпчим в 1679 г. в походе за царем Федором в Савин монастырь. Придворную службу затем он несет в свите царя Петра, сопровождая его в походы по монастырям и подмосковным резиденциям. С 12 сентября 1689 г. он член Расправной палаты, а с 14 октября того же года делается начальником Владимирского Судного приказа, но занимает эту должность очень недолго, только до 14 декабря того же года[4].

Третий окольничий Семен Федорович Толочанов по возрасту старше первых двух своих товарищей. Мы встречаем его стряпчим в самом начале царствования Алексея Михайловича в 1651 г. в свите царя при выезде его в село Покровское. В 1658 г. стольником он подает питья царевичам сибирским на обеде в честь грузинского царя Теймураза. В 1662 г. он посылается в Смоленск на съезд с польскими комиссарами при после князе Никите Ивановиче Одоевском; в январе 1665 г. состоит приставом при бывшем тогда в Москве голландском после Якове Бореле; в 1667 г. состоит приставом при приехавшем в Москву польском после Станиславе Казимире Беневском. Судебную службу он начал в 1674 г., когда

[1] Описание докум. и бумаг. Арх. мин. юст., кн. XI, стр. 300 и 338.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 483.
[3] Там же, стр. 347, 367.
[4] Там же, стр. 98, 212, 483, 490 и сл.

все еще в чине стольника он был назначен присутствовать в товарищах с ближним стольником Иваном Васильевичем Бутурлиным в Московском Судном приказе, учреждении, которое, как и Владимирский Судный приказ, ведало судебные дела служилого сословия. Как человек по происхождению менее знатный, чем первые два окольничие, он из стольников был пожалован в окольничие не непосредственно, а должен был пройти через чин думного дворянина. В этом чине в 1681 г. он был назначен присутствовать в приказе Казанского дворца при князе Якове Никитиче Одоевском. В окольничие он был пожалован из казначеев в январе 1683 г. Придворную службу нес в свите того и другого царя. 29 августа 1689 г. он получил рискованное назначение: мы видим его в свите царевны Софьи, выехавшей в этот день к Троице для примирения с братом. Может быть, не без связи с этим было назначение С. Ф. Толочанова, тогда же, 12 сентября 1689 г., воеводою в Переяславль-Южный — должность весьма ответственная при тогдашнем положении дел на Украине, но все же это было удаление из Москвы. Переяславльским воеводою Толочанов был в начале 90-х годов, в конце 90-х мы видим его опять в столице на придворной службе [1].

Из назначенных в Палату об Уложении думных дворян о Федоре Григорьевиче Хрущове имеем немного сведений в виде отметок в Дворцовых разрядах, касающихся незначительных эпизодов его придворной службы. 23 апреля 1685 г. в чине стольника он сопровождает царя Ивана Алексеевича в Новодевичий монастырь, в 1696 г. назначается при гробе того же царя на дежурство и т. п. Едва ли он мог быть активным членом Палаты, по крайней мере на первых порах ее деятельности. В разрядных делах мы находим его сказку от 28 февраля 1700 г. следующего содержания: «1700 февраля в 28 день по указу великого государя (т) думный дворянин Федор Григорьевич Хрущов сказал. По указу великого государя велено ему быть в Палате у Уложения. И он думный дворянин Федор Григорьевич у того дела быть готов, а февраля в 27 день в Палате не был для болезни что лежит болен, убился самою поясницею и от того убою лом в крестце и в ногах великой и ходить никакими делы не мочно, а лечит тое болезнь Алексей Кружевников, а как убился и тому другая неделя, а как поздоровеет, и он быть готов. К сей сказке Федор Хрущов по приказу отца своего Федора Григорьевича руку приложил» [2].

Иван Семенович Ларионов с конца 70-х годов XVII в. и в течение 80-х упоминается стольником, с 1688 г. думный дворянин; 20 октября 1689 г. получил поручение быть у переписки и

---

[1] Дворцовые разряды, т. III, стр. 247, 506, 586—587, 666, 935, 1413. Дополн. 311, IV, 188, 196, 479, 484, 806 и сл.

[2] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 666а.

у продажи движимого имущества князя В. В. Голицына, 4 марта 1697 г., перед отъездом Петра за границу, был послан на воеводство в Азов с боярином князем А. П. Прозоровским и был назначен в Уложенную палату, вернувшись с этого воеводства [1]. Там же на юге служил и третий из думных дворян Иван Иванович Щепин. 20 февраля 1697 г. он назначен был на воеводство в Азов вместе с боярином Матвеем Степановичем Пушкиным; но когда назначение М. С. Пушкина вследствие открывшейся его близости с Цыклером не состоялось, Щепин 4 марта 1697 г. получил новое назначение — заведывать постройкою крепости в Таганроге. Раньше, в начале 90-х годов, он, будучи пожалован из стольников в думные дворяне, присутствовал в Дворцовом Судном приказе [2].

Три думных дьяка, назначенные заседать в Уложенной палате, были опытные и знающие приказные дельцы, выдвинувшиеся в 80-х и 90-х годах XVII в. Гаврило Федорович Деревнин был пожалован в думные дьяки 29 июня 1689 г. В 1693 г. назначен присутствовать в приказе Большого дворца; с 8 февраля 1694 г. по 1697 г. был управляющим этим приказом. С 25 февраля 1697 г., когда во главе приказа был поставлен боярин Т. Н. Стрешнев, Гаврило Федорович был назначен его товарищем. Находясь при царе, Г. Ф. Деревнин постоянно закрепляет его именные указы [3]. Так, в 1700 г. 4 января он закрепил именной указ о ношении венгерских кафтанов, 14 февраля — о передаче управления Азовом и приазовскими городами из Пушкарского приказа в Разряд, 18 февраля им же был закреплен и самый указ о составлении нового Уложения, 19 августа — указ о войне против шведов [4]. Очень часто он получает почетное назначение присутствовать в составе боярской комиссии, заменяющей присутствие государя в Успенском соборе на поставлениях митрополитов, происходивших в 1698 и 1699 гг. [5]

Любима Алферьевича Домнина встречаем с конца 70-х годов XVII в. дьяком Разряда. При царе Федоре он очень выдвигается в придворной сфере. 30 марта 1678 г. он вместе со своим товарищем разрядным дьяком Петром Кавелиным пожалован особою милостью: государь велел им «на праздник светлого христова воскресения свои государские очи видеть

---

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 417, 497, 1043, 1120 и сл.

[2] Там же, стр. 702, 731, 1041, 1044.

[3] Там же, стр. 916, 937, 945, 990, 1021, 1032, 1046, 1064.

[4] Там же, стр. 1112, 1119, 1121, 1149.

[5] Он присутствовал 18 сентября 1698 г. на поставлении митрополита псковского и изборского, 26 марта 1699 г. — смоленского, 20 июля — крутицкого, 23 июля — нижегородского, 7 апреля — 1700 г. — рязанского, Стефана Яворского, 4 августа — вятского архиепископа, Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1087, 1096, 1104, 1105, 1127, 1146. В состав этой комиссии кроме него входили: боярин князь И. И. Хованский, окольничий — по большей части известный уже нам С. Ф. Толочанов.

в комнате с думными людьми», т.-е. присутствовать в комнате во время высочайшего выхода к светлой заутрене. С тех пор постоянно видим Л. А. Домнина в «комнате» во время этого пасхального выхода среди немногих лиц, допускаемых туда в этом случае. Вскоре после этого пожалования ему явлена была новая милость. 8 июня того же 1678 г. в день св. Федора Стратилата, ангела царя Федора, он присутствует за именинным столом у царя в Грановитой палате. К столу были приглашены из не думных дьяков только двое: Ф. Шакловитый и Л. Домнин. Он постоянно сопровождает царя Федора в его «походах»; возможно, что этот «разрядный дьяк» принимает и передает царские повеления и как бы исполняет обязанности царской походной канцелярии. 8 июля 1689 г. он думный дьяк. 19 февраля 1697 г. ему было велено заведывать Оружейной палатой вместе с боярином Ф. А. Головиным, тогда уезжавшим за границу. Но и сам Домнин уходил в этом году на службу под Азов в большом полку А. С. Шеина в качестве начальника посольской канцелярии главнокомандующего. Как один из самых выдающихся думных дьяков Л. Домнин весной 1700 г. был назначен членом комиссии из трех лиц, оставленной Петром ввиду отъезда его в Воронеж «на своем государеве дворе быть и дела ведать, какие прилучатся». Это была комиссия, по старинному обычаю, оставлявшаяся на государеве дворе при отлучках государей. В ее состав вошли председатель комиссии боярин князь И. Б. Троекуров, окольничий М. Т. Лихачев и думный дьяк Л. Домнин [1].

Третий думный дьяк Андрей Андреевич Виниус — один из ближайших сотрудников Петра в конце 90-х годов и в начале 700-х годов, его наиболее частый и наиболее аккуратный корреспондент. Отец его, Андрей Денисович, обрусевший выходец из Голландии, при царе Михаиле занимался в Архангельске хлебной торговлей, затем устроил железный завод близ Тулы и сначала вел дело самостоятельно, а в дальнейшем в компании с известными железными заводчиками иноземцами П. Марселисом и Т. Акемой. Приняв православие, Андрей Денисович был записан в московские дворяне, представлял правительству разного рода проекты и получал поручения за границу, частью дипломатического, частью коммерческого характера, словом, был тип обрусевшего иноземца, коммерсанта и дельца, какие бывали в Москве в XVII в. Эти отцовские черты в значительной мере были унаследованы сыном. Андрей Андреевич родился в России в 1641 г. и получил от отца хорошее по тому времени воспитание, давшее ему знание нескольких языков и привившее интерес к наукам. Знание языков открыло ему путь к службе по дипломатическому ведомству. В 1664 г., следова-

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 35, 46—48, 63, 95, 126, 151, 280, 344, 458, 1041, 1045, 1120, 1126, 1127.

тельно 23 лет от роду, он был взят в переводчики в Посольский приказ; до того времени он писался гостиной сотни торговым человеком. Через 8 лет службы в приказе, в 1672 г., он получил уже серьезное дипломатическое поручение, был отправлен к английскому, французскому и испанскому дворам для привлечения этих дворов к союзу против турок. За границей он пробыл два года и, как показывают его отписки в Посольский приказ и статейный список его посольства, провел время недаром, — ко всему, что́ его окружало, с большою наблюдательностью присматривался и умел понять и точно передать наблюдаемое; таков, например, сделанный им очерк английского политического устройства. По возвращении в Москву он в чине дьяка был назначен управляющим почтами, дело, которое тогда было наполовину государственной службой, наполовину частным предприятием, дававшим Виниусу хорошие доходы. Почтами он заведывал более четверти века (1675—1701). С начала 90-х годов он делается близок к Петру, с того же времени, с какого попадают в близость Лефорт и Гордон. Близость эта нашла себе, между прочим, выражение в том упоминавшемся выше пожаловании, которого удостаивались немногие дворяне и дьяки: присутствовать в «комнате» и «видеть очи» перед выходом к светлой заутрене. Виниус «видел очи государей в комнате» в 1690 г., и затем находим его на таких же выходах и в последующие годы. С 1694 г. он находится в постоянной переписке с Петром во время частых отлучек последнего из Москвы, переписке столько же деловой по содержанию, сколько и дружеской со стороны царя по тону. Заведуя почтами и получая иностранные газеты, Виниус делает из них выборки и, сообщая их Петру, держит его в курсе европейских событий и международных отношений. С управлением почтами Виниус соединял в своих руках и другие дела: был дьяком в Аптекарском приказе, а с 1697 г. в чине думного дьяка стал во главе Сибирского приказа, сделался, таким образом, статс-секретарем по делам царства Сибирского, сменял там воевод, преследовал их за взятки, хотя и сам получал от управления Сибирью большие доходы. Управляя Сибирью, он главное внимание обращал на развитие промысла, склонность к которому была унаследована им от отца, на розыск руд, на устройство железных заводов на Урале и на снабжение этих заводов «железными мастерами» — один из наиболее частых сюжетов в его переписке с Петром. Позже заведывание железными заводами привело Виниуса к артиллерийскому делу, и он в качестве «надзирателя артиллерии» стал во главе Артиллерийского приказа, после того как генерал-фельдцейхмейстер царевич Александр Арчилович, незадолго перед тем поставленный во главе старого Пушкарского приказа, попал в плен к шведам в битве при Нарве.

Что могло привлекать Петра к Виниусу? Вероятно, то же, что влекло его и к Гордону. Для него Виниус был интересным человеком. Так же как и Гордон, он сблизился с Петром уже в очень немолодых годах, когда ему было около 50 лет. Он много на своем веку видел, многое знал, был широко образованным человеком в различных областях знания.

Он хорошо знал свой родной голландский язык, а Петр учился этому языку. Он много мог сообщить Петру о Голландии и вообще о Западной Европе. Через его посредство Петр вступил в сношения с Витзеном. Об образованности Виниуса свидетельствует оставшаяся после него и поступившая затем в Академию наук библиотека, в которой заключалось 363 названия книг по богословию, математике, юриспруденции, истории, военным наукам на голландском, немецком, латинском, французском и польском языках, которые знал ее хозяин. Виниус превосходно владел также и русским языком, умея писать на нем красиво и витиевато. В 1696 г. по случаю триумфального вступления в Москву войск, возвращавшихся из Азовского похода, он сочинил приветственные вирши, которые и говорил в трубу (рупор) с построенных под его же наблюдением триумфальных ворот. Его перу приписывают книгу, перевод с немецкого под заглавием «Зрелище жития человеча, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных с истинными тому приличными повестьми в поучение всякого чина и сана человеком» — это сборник басен, с присоединением к каждой басне исторического анекдота. Из наук он, что́ и естественно для почт-директора, особенно интересовался географией: составил книгу «О столицах нарочитых городов и славных государств и земель, и островов, и проливов и знатных мест сухими и водными путями, колико имут расстояние Российского государства от первопрестольного его царского града Москвы», где указаны расстояния разных городов от Москвы и пути к ним. По его распоряжению и под его покровительством тобольский сын боярский Семен Ремезов составил руководство по географии Сибири «Чертежную книгу Сибири». Была поощрена им и географическая экспедиция: в его управление Сибирским приказом казачий пятидесятник Атласов совершил поход в Камчадальскую землю, открыл Камчатку, за что по приказу Виниуса был щедро награжден деньгами и товарами и получил повышение по службе. Умный, образованный человек, заботливый, энергичный и разносторонний администратор, с большим опытом и большими знаниями, Виниус мог быть очень полезным членом Палаты об Уложении. И на этом поприще службы он выказал присущую ему активность — написал к будущему Уложению предисловие [1].

---

[1] Оно было представлено 10 мая 1700 г. «на двудестевых тетрадех». В бумагах Палаты оно не сохранилось (*Поленов,* ук. соч., стр. 47). О Виниусе см. *Козловский,* Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого, Спб. 1911;

Уложение царя Алексея Михайловича проходило через две инстанции: первая — узкого состава — комиссия из пяти лиц выработала первоначальный проект; вторую, — которая прослушала и приняла этот проект, — составляло широкое учреждение, Земский собор, куда входили и боярская дума полностью, и освященный собор русских иерархов, и общественные элементы в лице выборных представителей от служилого и тяглого классов русского общества. Новое уложение 1700 г. составлялось не двумя инстанциями, а одной — Палатой об Уложении; но по составу своему Палата 1700 г. занимает середину между теми двумя учреждениями, через которые прошло Уложение 1649 г. Палата 1700 г. не была предварительной комиссией, работа которой должна была затем поступить на рассмотрение Земского собора с участием представителей сословий; но зато в состав самой Палаты был введен некоторый общественный элемент, правда, в очень узком смысле этого слова. Как мы упоминали выше, в Дворцовых разрядах, вслед за текстом указа 18 февраля 1700 г. об учреждении Палаты об Уложении, помещен список ее личного состава: думных чинов, затем стольников, дворян и дьяков. В списке стольников здесь значится 28 человек. Но среди бумаг Разрядного приказа сохранились и другие списки стольников, не совпадающие с тем, который попал в Дворцовые разряды. Так, находим список в 23 человека, впрочем, с дополнением, озаглавленным «и к вышеписанным написаны в прибавку», и затем следует 11 имен, так что всего в этом списке заключается 34 имени [1]. Находим в тех же бумагах еще списки в 27 человек и в 29 человек [2]. Не следует думать, что список, попавший в Дворцовые разряды, представляет собою что-нибудь окончательное, каноническое; повидимому, составители Дворцовых разрядов внесли его в текст Разрядов довольно случайно, просто, как первый попавшийся под руку. Что он не представлял собою какой-либо окончательной редакции, видно из того, что в первом же заседании Палаты присутствовали стольники, которых в списке Дворцовых разрядов не значится: Дмитриев-Мамонов, Эверлаков, Тухачевский, Племянников. Надо полагать, что составлявшиеся в Разряде списки стольников, назначаемых «сидеть за Уложением», имели нетвердый, текучий характер, постоянно видоизменялись. Разряд был как бы резервуаром служилого люда, в том числе также и служилых людей московского чина; из этого резервуара черпали служилых людей разные ведомства, когда в служилых людях случалась надобность при назначениях на воеводства по городам, в посольства, для командования военными частями, вообще для разного рода служебных

его же, Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, т. I.

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 484—485.

[2] Там же, л. 525—526, 487—488.

назначений. Заинтересованный в получении служилых лиц московского чина приказ обращался в таком случае в Разряд с требованием, и Разряд, удовлетворяя требование, присылал стольника или представлял целый список, если их требовалось несколько. Поставляя контингент стольников в Палату об Уложении, Разряд действовал в этом случае, как и в других подобных, составлял предположительный список, в котором были «пописаны на пример» имена стольников[1]; из этого предположительного списка отбирались стольники в Палату, но затем в составе отобранных происходили изменения, которые и отмечались в списке на полях против имен: один оказывался болен, другой был «отпущен на воеводство», третьему предписывалось «быть у иного дела». На место выбывавших подыскивались другие, и, таким образом, список стольников, «сидевших в Палате за Уложением», приобретал подвижной, текучий характер. В конце работ Палаты принимают участие стольники, которых не было в начале. В бумагах Палаты уцелел журнал присутствия стольников в каждом заседании Палаты: по этому журналу можно составить точный список всех стольников, заседавших в Палате за все время ее существования. Их можно насчитать 50 человек. Кроме стольников, назначены были присутствовать в Палате трое московских дворян: Степан Иванович Плещеев, Лев Федорович Кобяков и Федор Кириллович Нармацкий. Из них Плещеев был только на первых четырех заседаниях; в одном из списков Разряда находим против его имени отметку «болен»[2], по болезни он, вероятно, ездить в Палату перестал. В дальнейших работах Палаты принимают участие только двое дворян: Кобяков и Нармацкий.

В заседавших за Уложением стольниках и дворянах можно видеть присутствие в Палате сословных представителей. Правда, это были члены одного только сословия — московского дворянства; правда и то, что самый способ ввода их в состав Палаты имел довольно мало общего с понятием о представительстве общественных элементов: они присутствовали в Палате не по выбору хотя бы даже от своего сословия, а по назначению из Разрядного приказа по тому списку имевшихся в наличности свободных стольников, который был составлен в Разряде, когда потребовались стольники для Палаты. Но при всем том, при всем характере служебного назначения в этом случае, стольники и дворяне в Палате были некоторым общественным элементом, по крайней мере представителями служилого класса. Припомним, что московские чины считались вообще постоянными представителями своего сословия и в таком качестве участвовали на земских соборах малого состава, созывавшихся в экстренных случаях. Их присутствием в Палате могли доро-

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 863.
[2] Там же, л. 484.

жить и потому, что эти люди, побывавшие на воеводствах, в приказах и у других дел, несли с собою в Палату административный и судебный опыт.

Канцелярию Палаты составляли шестеро дьяков, прикомандированных к ней из разных приказов[1]. Под их руководством работал персонал подьячих, также взятых в Палату из различных приказов путем, так сказать, принудительной повинности, возложенной на приказы. В первом же заседании Палата, организуя канцелярские силы и средства, постановила «взять изо всех приказов для письма подьячих по одному старому, по два молодых добрых, которые приказное дело знают и писать умеют», а также, основываясь на тексте учредительного указа 18 февраля, сделала распоряжение о присылке из каждого приказа по стопе бумаги и по 10 фунтов сальных свеч. Исполнение этих распоряжений было возложено на дьяков Разрядного приказа, так что Разряд, или, точнее, разрядные дьяки получили значение исполнительного органа при Палате. Исполнение этих распоряжений, однако, осуществлялось не гладко, с задержками и сопротивлением. Подьячий, присланный из Палаты в Ратушу, говорил бургомистрам, чтоб прислали в Палату к боярам стопу бумаги, сто свеч сальных и кувшин чернил; ему ответили: «из Ратуши не будет». В приказе Большой казны князь Петр Иванович Прозоровский на такое же требование ответил, что в Большой казне «доходов никаких нет, купить не на что». Подобные же ответы получались и в других приказах. В Разряде, который должен был, казалось, преимущественно исполнять распоряжения Палаты, дьяк Евсигней Фомин 19 марта 1701 г. пытался, отвечая на требование, установить очередь между приказами в поставке бумаги, чернил и свечей: «о бумаге и о чернилах и о свечах сказал: которого приказа статьи слушают, того приказа бумага и чернила», заметив еще при этом, что в свечах, ввиду светлого времени и раннего окончания работ в Кремле, нет надобности: «а свеч де ныне не надобно для того, что ныне ворота запирают и подьячие не сидят по ночам»[2].

Всего, не считая канцелярского персонала, в состав Палаты входило до 65 человек: 12 думных чинов, в разное время 50 стольников[3], трое дворян. Но такой состав полностью в заседаниях Палаты никогда не присутствовал. Ее заседания были очень немноголюдны. Сохранились, к сожалению, только отрывочные записи о присутствии в заседаниях думных чинов; но сохранился в целом виде журнал присутствия на заседаниях

---

[1] Именно: Василий Кашкин из Конюшенного, Михаил Щербаков из Стрелецкого, Ефим Кащеев из Московского Судного, Архип Моисеев из Иноземского, Самойло Васильев из приказа Сыскных дел, Василий Нестеров из Патриаршего разряда.

[2] *Поленов,* Материалы, стр. 51—52.

[3] Список их см. у Поленова.

Палаты стольников и дворян. Поленов привел уже примеры личного состава нескольких заседаний за 1701 г. Так, на заседании 19 мая 1701 г. в Палате присутствовало думных чинов вместо 12 всего 5, именно: князь И. Б. Троекуров, окольничие князь Ф. И. Шаховской и С. Ф. Толочанов, думный дворянин И. С. Ларионов, думный дьяк Л. А. Домнин, стольников было 16 и 1 дворянин — всего 22 человека. На заседании 10 июня были: боярин князь И. Б. Троекуров, окольничий С. Ф. Толочанов, 12 стольников и 1 дворянин. По журналу присутствия стольников видно, что из их состава присутствует на заседаниях только более или менее значительная часть, иногда очень малая. Так, на первом заседании 27 февраля 1700 г. их было 10: Е. С. Языков, А. М. Дмитриев-Мамонов, В. И. Эверлаков, Г. С. Титов, Г. Я. Тухачевский, кн. А. И. Дашков, А. М. Колычев, А. Ф. Шаховской, П. И. Воейков, Г. А. Племянников. На втором заседании 28 февраля — только 7, на третьем, 1 марта, — 6. Как максимальное число за все время работ Палаты их указывается 19, минимальная цифра спускается до 3, до 2 и даже до 1 стольника [1].

Обзор работ Палаты

Нам предстоит теперь сделать обзор работ Палаты об Уложении за все время ее существования; это можно сделать по сохранившимся черновым журнальным записям об ее заседаниях [2]. Первое заседание Палаты состоялось на девятый день после издания учредительного о ней указа: «бояре и окольничие, и думные, и с ними московских чинов люди и дьяки сидеть начали нынешнего 1700 года февраля с 27 числа, со вторника третьей седьмицы святые великие четыредесятницы», как записано в журнале этого заседания. Заседание началось со слушания учредительного указа, который Палата приказала записать в книгу. Затем Палата перешла к слушанию оглавления старого Уложения с указанием числа статей в каждой главе, например: глава I. «О богохульниках и церковных мятежниках, а в ней 9 статей», глава II. «О государской чести и как его государево здоровье оберегать, а в ней 22 статьи» и т. д. Про-

[1] *Поленов,* Материалы, стр. 8, 9; ср. Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, книга, названная в описи «Перечень занятий в заседаниях Палаты об Уложении», л. 35 и сл., л. 90 и сл.

[2] Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, три тетради, обозначенные в описи под названием «Перечень занятий в заседаниях Палаты об Уложении с 27 февраля 1700 г. по 5 мая 1703 г.». Первая тетрадь журнальных записей — по 5 мая 1703 г. — кончается 34-м листом. С л. 35-го начинается вторая тетрадь также журнальных записей, но уже только со списками присутствовавших в заседаниях стольников за 1700 г. без указаний, чем в каждом заседании Палата занималась. С листа 90-го идут записи с 24 мая по 14 ноября 1703 г. с указаниями и предмета занятий и присутствовавших стольников.

слушав оглавление, Палата распорядилась разнять печатный экземпляр Уложения по главам и с этих глав сделать списки в тетрадях, очевидно, для последующего сведéния каждой главы с соответствующими Новоуказными статьями. В этом же первом заседании, как мы видели выше, Палата сделала постановление о взятии из всех приказов подьячих для канцелярской работы и о доставке теми же приказами для канцелярии Палаты необходимых принадлежностей: бумаги, чернил и свечей. Второе заседание происходило на следующий день, 28 февраля. На этом заседании было принято постановление о собирании необходимого для работ Палаты законодательного материала из приказов; было предписано разослать по всем приказам подьячих с тем, чтобы приказы доставили копии с Новоуказных статей, которые в каждом приказе найдутся; дьякам приказов предписывалось явиться в Палату 1 марта лично для слушания учредительного указа. Разосланные из Палаты подьячие обходили приказы и судьям или дьякам тех приказов о доставлении Новоуказных статей и о явке дьяков говорили. Дьяки из приказов 1 марта в Палату явились и в слушании указа 18 февраля расписались, но не все, и Палата жаловалась в Разряд на неявку дьяков из приказов [1]. В этот же день для слушания того же указа призваны были в Палату президент Ратуши Иван Панкратьев и двое бургомистров: Иван Исаев и Афанасий Гурьев [2].

Для доставления требуемого законодательного материала надобно было некоторое время. Первые списки с Новоуказных статей были доставлены из Сыскного приказа; 3 марта дьяк этого приказа Самойло Васильев, входивший в состав дьяков Палаты, передал 31 тетрадь таких списков. 4 марта были доставлены материалы из Патриаршего разряда, относившиеся к первой главе Уложения «о богохульниках и церковных мятежниках». Такая поспешность в доставлении Новоуказных статей этими двумя приказами, Сыскным и Патриаршим разрядом, объясняется, может быть, тем, что в составе Палаты находились дьяки этих приказов Самойло Васильев и Василий Нестеров, которые, составляя живую связь между Палатой и своими приказами, могли оказать в приказах содействие и принять меры к скорейшей заготовке материалов. Возможно также

---

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 506. «В Палату к боярам, которые сидят у Уложенья, из приказов дьяки нейдут: из Посольского, из Казанского, из Мастерских (палат), из приказу Большого дворца, из Московского Судного, из Конюшенного, из Патриарша разряду. Дьяком о взносе из приказов новосостоятельных государевых указов и новых статей государев указ сказан, а рук не прикладывают: Большие казны, Казенного, Холопья приказу, Дворцового Судного, Золотой, Серебряной палаты. И по сей росписи посланы (из Разряда) по приказом для повески подьячие: в Посольской и выные Илья Кузьмин, в приказ Большие казны и выные Петр Клыпин».

[2] Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, Журнальные записи, л. 5.

предполагать, с небольшой, впрочем, долей вероятности, что случайно в этих приказах материал был уже подготовлен еще с 1695 г. согласно требованию приведенного выше указа 6 июня 1695 г., по которому в приказах могли быть предприняты некоторые предварительные приготовления в виде изготовления списков с Новоуказных статей для осуществления поручавшейся тогда приказам кодификационной работы. Доставление списков из других приказов, несмотря на многократные посылки по этим приказам подьячих торопить работу, происходило медленно и тянулось до середины мая 1700 г. Посылавшимся из Палаты по приказам подьячим с требованием доставления материалов и о явке дьяков этих приказов в Палату в приказах дьяки отвечали, что дело исполняется, что подьячие «справливаются с делами», «сидят денно и нощно», что за тем делом сами они, дьяки, «сидят и подьячих держат», что принимаются даже суровые принудительные меры для ускорения работы: «подьячие за тем его, великого государя, делом сидят все и из приказа их не выпущают» [1], но «скоро этого дела не сделаешь», как возразили посланным в Патриаршем разряде. В Мастерской палате просили отсрочки: царевич Алексей Петрович вскоре отправляется в Воронеж, и для него в Мастерской палате собирают обиход, когда он уйдет в поход, дьяки явятся в Палату. В Казанском дворце дьяк Артемий Волков ответил отказом: приказания от боярина князя Б. А. Голицына не было, а потому они указов никаких не выписывают и без его боярского ведома в Палату послать никого не смеют [2].

Между тем кодификационная работа Палаты началась с третьего ее заседания, происходившего 1 марта. Проследим эту работу в ее хронологическом порядке по указанным выше журнальным записям. Предполагалось, повидимому, вести работу последовательно по порядку глав Уложения 1649 г., и заседание 1 марта было заполнено слушанием предисловия к этому Уложению и I его главы «О богохульниках и церковных мятежниках». 2 и 3 марта, в субботу и в воскресенье четвертой недели поста, заседаний Палаты не было; как видно из журнальных записей, по субботам и воскресеньям вообще Палата не заседала. 4 марта, по словам журнальной записи, «бояря в Палате о Уложении сидели и слушали из Уложения первую главу о богохульниках и о церковных мятежниках, 9 статей да сверх Уложения новосостоятельные государевы указы о раскольщиках, 20 статей». Во вторник 5 марта заседания не было. В среду 6 марта Палата вновь слушала I главу Уложения и сверх того новосостоятельные указы о раскольниках, 20 статей, а затем церковно-законодательные материалы, имевшие отношение к I главе, доставленные из Патриаршего

---

[1] *Поленов,* Материалы, стр. 30.
[2] См. *Поленов,* Материалы.

разряда, а именно: «Изложения святейших вселенских патриархов, 3 статьи» — и «Из правил святых апостол и святых отец, 11 статей». Теми же самыми законодательными материалами Палата еще раз занималась 7 марта. 8 марта Палата начала слушать II главу Уложения «О государской чести и как его государское здоровье оберегать. А в ней 22 статьи» и III главу «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было. А в ней 9 статей». Но, прослушав эти главы, Палата опять вернулась к I главе и связанным с нею церковно-законодательным материалам, которые не окончены были в предыдущем заседании 7 марта. I главу и эти материалы Палата вновь рассматривала в заседаниях 11 и 13 марта, всецело посвятив им эти заседания и на них закончив работу над первой главой. 15 и 18 марта слушались опять II и III главы. 19 марта слушалась V глава «О денежных мастерах, которые учнут делать воровские деньги, 2 статьи» и относящиеся к этой главе Новоуказные статьи, именно «Золотых и серебреных дел о мастерах, 2 статьи» и «Новосостоятельные великого государя указы, каковы взнесены в Палату к слушанию из Оружейные палаты о заказе в серебреном ряду торговым и мастеровым всяких чинов людям о покупке золотых и ефимков, и золота, и серебра, и золотой и серебреной посуды, и кузни без порук». Однако последовательность по главам Уложения, в которой Палата начала было вести работу, при первом же соприкосновении с практикой должна была нарушиться. II и III главы Палата начала рассматривать, когда не была еще закончена I глава, V главу поставили на рассмотрение, миновав IV «О подпищиках, которые печати подделывают», очевидно, или за недоставкой еще Новоуказного материала по этой главе, или потому, что этот Новоуказный материал не был еще к слушанию подготовлен. Такие перебои неизбежно должны были происходить и в дальнейшем. 20 марта вновь читалась V глава и вместе с нею «О тех же делах новосостоятельные великих государей указы, каковы взнесены в Палату к слушанию из приказу Большие казны». В тот же день Палата слушала VI главу «О проезжих грамотах в иные государства, 6 статей» и сверх того «Новосостоятельные великого государя указы, каковы подали в Палате бургомистры из Ратуши о всяких их земских делех, которые надлежат ко Уложению». V и VI главы слушались и в следующем заседании 21 марта. VII глава «О службе всяких ратных людей Московского государства» была пропущена, и 22 марта Палата слушала VIII главу «О искуплении пленных. А в ней 7 статей» и относящиеся к ней «О том же новосостоятельные великих государей указы, каковы к Уложенью взнесены из Посольского приказа»[1]. Итак, с 1 по 23 марта, со времени начала работ Па-

[1] В обзоре занятий Палаты я принужден привести перечень этих занятий со всей подробностью, потому что Поленов в своих «Материалах» приводит

латы до пасхального перерыва, были рассмотрены главы I, II, III, V, VI, VIII с соответствующими Новоуказными статьями. Главы IV и VII были опущены.

С 23 марта по 7 апреля включительно заседания Палаты были прерваны по случаю страстной недели и пасхи. К тому же некоторые члены Палаты из бояр, князья М. Г. Ромодановский и М. Н. Львов были вызваны к вербному воскресенью к царю в Воронеж[1]. Заседания должны были возобновиться 8 апреля в понедельник на фоминой неделе, но в этот день случился пожар «в Белом городе на Поганом пруду (теперешние Чистые пруды), горел боярина Льва Кирилловича Нарышкина загородный двор»; очевидно, члены Палаты отправились на пожар, и заседание не состоялось, так что работы возобновились только 9 апреля. В первых двух заседаниях после пасхи, 9 и 10 апреля, прослушаны были два проекта статей, касавшихся разграничения церковного и светского суда. Первый из этих проектов устанавливал подсудность духовных лиц: священно- и церковнослужителей и церковных сторожей — патриаршим и архиерейским приказам, а светских лиц церковного ведомства: патриарших, архиерейских и монастырских людей и крестьян — общим светским судам в отмену XII главы Уложения «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян», по которой эти люди подлежали суду «на патриаршем дворе». Второй проект изымал дела о выморочном имуществе, о приданом и о духовных завещаниях из сферы церковной юрисдикции и устанавливал их подсудность светскому суду[2]. По рассмотрении этих обоих проектов Палата вновь обратилась к слушанию глав Уложения, причем заметно

перечень неточно и с ошибками. Так, например, к 22 марта он относит (стр. 38) слушание VI главы, тогда как в журнальных записях за 22 марта слушания этой главы не значится, а значится слушание VIII главы, притом VI глава названа неверно главою «О искуплении пленных», тогда как VI глава трактует «О проезжих грамотах в иные государства». В своей диссертации Латкин, переписывавший с сокращениями поленовскую книгу, переписывает и его ошибки (стр. 10).

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 490, 492.

[2] Арх. Гос. сов., «Перечень занятий...», л. 8 и 9: апреля «в 9 день во вторник бояря в Палате о Уложенье сидели и слушали из правил святых апостол и святых отец и из соборного Стоглава и из Уложенья вселенских патриархов и из жалованных грамот статей, каковы взнесены в Палату в тетратех из Патриарша Розряду и о суде священнического чина и посвященных, и дьячков, и пономарей, и сторожей церковных непосвященных, чтоб их мирским судьям не судить, а судить на Москве на патриарше и в городех на архиерейских и на десятильничьих дворех, а патриарших и архиерейских, и монастырских всяких мирских чинов людей судить в градских приказех.

В 10 день в середу бояря в Палате об Уложенье сидели и слушали вышеписанных же из правил и из Стоглава, и из Уложенья, и из жалованных грамот статей о зауморных животах и о дворех по родству и о заветех после умерших и по духовным и по рядным записям о приданом всяких чинов на людей впредь бить бы челом в градских приказех, а в Патриаршем б Розряде тех дел не ведать».

такое же стремление проходить эти главы в последовательном порядке, какое обнаруживалось уже при чтении первых глав в марте. 12 апреля Палата начала слушать пропущенную ранее VII главу «О службе всяких ратных людей Московского государства». 15 апреля слушались относящиеся к этой главе Новоуказные статьи «О службе ратных людей, каковы взнесены из Иноземского приказу». 17 апреля продолжалась та же работа над слушанием VII главы и относящихся к ней Новоуказных статей. 19 и 22 апреля слушали IX главу «О мытах и о перевозех, и о мостах. А в ней 20 статей». С 24 апреля Палата начала слушать самую обширную главу Уложения, главу X «О суде», заключавшую в себе 287 статей. Работа над этой главой продолжалась все лето до 12 августа включительно, заняв 34 заседания [1]. Покончив с X главой 12 августа, Палата на следующий же день, 13 августа, перешла к чтению следующей XI главы «Суд о крестьянех. А в ней 34 статьи» и прослушала в это заседание только две первые ее статьи, а затем обратилась к чтению (писцовых?) наказов из Дворцового и Поместного приказов, содержание которых имело связь с читаемой главой. Затем наступил некоторый перерыв в заседаниях: с 13 августа Палата не собиралась по 11 сентября.

По возобновлении занятий в заседаниях 11 и 16 сентября Палата дослушала главу XI до конца. Следующее заседание 18 сентября было посвящено главе XIII «О монастырском приказе. А в ней 7 статей»; глава эта 18 сентября была прослушана вся. 19 сентября были прослушаны главы: XIV «О крестном целовании. А в ней 10 статей» и XV «О вершеных делах. А в ней и о третейском суду 5 статей». 21 сентября чтение обеих глав было повторено. Из этих глав, рассматривавшихся осенью 1700 г., особенно важное значение имела, конечно, глава XI «О крестьянском суде»: ей и было посвящено особое внимание. Рассмотрев ее первый раз в трех заседаниях 13 августа, 11 и 16 сентября, Палата посвятила ей еще семь заседаний в течение октября и ноября 1700 г., а именно: 9 октября прослушала статьи от 1 до 10, 11 октября — от 10 до 12, 18 октября — от 11 до 21, 28 октября — от 21 до 34, т.-е. до конца; 6 ноября опять вернулась к последним статьям 30—34; 15 ноября слушала последнюю, 34, статью и Новоуказные статьи, относящиеся к XI главе, взнесенные из разных приказов, а также «из Поместного приказу указ 198 году». Наконец, в седьмом заседании, 22 ноября, посвященном XI главе, «слушали к XI главе розных статей и с писцового наказу и из розных приказов указов».

Главу XII не слушали, очевидно, потому, что она должна была быть заменена статьями о разграничении церковного и

---

[1] См. таблицу на стр. 215.

светского суда, рассмотренными 9 и 10 апреля. В следующем после 22 ноября заседании 29 ноября Палата начала слушать XVI главу «О поместных землях. А в ней 69 статей». 2 декабря Палата вернулась опять к началу этой главы и прочла первые 7 статей и Новоуказные статьи к ним. Со 2 декабря 1700 г. по 10 февраля 1701 г. был перерыв в заседаниях по случаю отъезда председателя Палаты князя И. Б. Троекурова в Ярославль. Затем Палата собиралась 10 и 11 февраля 1701 г., именно, 10 февраля начали слушать XVIII главу «О печатных пошлинах. А в ней 71 статья» и прочли первые 21 статью, 11 февраля прочли еще 20 статей, кончая 41-й, после чего снова был сделан перерыв по 10 марта. 10 марта 1701 г. чтение XVIII главы возобновилось с 42-й статьи, и Палата дослушала главу до конца. 11 марта были слушаны относящиеся к ней Новоуказные статьи.

Затем Палата вернулась к слушанию XVI главы, прерванному 2 декабря 1700 г., и посвятила ей 8 заседаний, с 12 по 27 марта включительно[1]. Дни 28 и 31 марта были посвящены второму чтению конца XVIII главы, именно, с 34-й статьи по 40-ю и с 40-й до конца и относящихся к этим статьям приказных ведомостей о пошлинах с 161 по 195 год и судейских приговоров. 7 апреля прослушан был писцовый наказ из Поместного приказа. 8 и 9 апреля 1701 г. Палата занималась XXI главой «О разбойных и о татиных делах. А в ней 104 статьи»; прочтены были первые 24 статьи и Новоуказные статьи к этой главе. В заседаниях 10, 11, 29 апреля и 1 мая прочитана была XVII глава «О вотчинах. А в ней 55 статей» с принадлежащими к этой главе Новоуказными статьями. Со 2 мая опять вернулись к XXI главе «О разбойных и о татиных делах», которою и занимались в заседаниях 2, 5, 7, 12, 14, 15 и 16 мая, окончив ее в этом последнем. 19 и 22 мая читалась XXII глава «А в ней 26 статей. Указ, за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание» и относящиеся к ней Новоуказные статьи. По связи с этой главой 23 мая слушали Новоуказные статьи 177 г. «О казнях». 26 и 27 мая прослушали главы XXIII «О стрельцах. А в ней 3 статьи», XXIV «Указ о атаманех и о казаках. А в ней две статьи» и XXV «Указ о корчмах. А в нем 21 статья» с соответствующими Новоуказными статьями. Затем с 27 мая по 10 июня был перерыв «для того, что боярин князь Иван Борисович о тех числех скорбен был очми». В пяти следующих заседаниях 10, 11, 13, 16 и 17 июня 1701 г. рассматривалась пропущенная раньше XX глава «Суд о холопех. А в ней 119 статей», причем прочитали в этих пяти заседаниях первые 61 статью. С 17 июня по 2 июля был опять перерыв, также по болезни князя И. Б. Троекурова. В следующих трех

[1] См. таблицу на стр. 216.

заседаниях 2, 3 и 7 июля дослушаны были остальные статьи XX главы до конца. 9 июля слушали «Новоуказных статей из Розряду о диких полях в заказных городех, 2 статьи». Чем занималась Палата в следующих двух заседаниях 15 и 16 июля остается неизвестным, так как журнальная запись за эти дни ограничивается только указанием, что заседания в эти дни были: «бояре о Уложенье сидели и слушали», но, чтó слушали за тот и другой день, не помечено. 22 июля слушали «заглавие новоуложенной книги», 23 июля — «предисловие», взнесенное Виниусом еще 10 мая прошлого, 1700, года. Работа, раз дело дошло до оглавления и предисловия, близилась к концу. Оставалась, однако, непройденною еще одна глава Уложения — XIX «О посадских людех. А в ней 40 статей». Ее и начали слушать в тот же день 23 июля, закончив предисловие. XIX глава заняла заседания 23, 25, 30, 31 июля и 1 августа 1701 г. Таким образом, 1 августа 1701 г. чтение Уложения было закончено. Затем в течение первой половины августа 1701 г. Палата рассмотрела некоторые крупные законодательные акты, которые предполагалось ввести в новое Уложение, а именно: 4 и 5 августа слушали «Дворовые статьи приказу Земских дел», т. е. положение о дворах в столице, 7, 8, 11, 12 августа слушали Торговый устав, 12, 13 и 14 августа статьи о таможенных пошлинах, о померных пошлинах, о мытных пошлинах, затем доклад о таможенных и кабацких недоимках, о сборе питейной прибыли и 23 статьи о тарханных грамотах[1]. Все упомянутые материалы: и дворовые статьи приказа Земских дел, и Торговый устав, и статьи о таможенных и питейных недоборах рассматривались вслед за XIX главой Уложения «О посадских людех», по всей вероятности, по связи с этою главою, так как торговлей занималось посадское население и на нем же лежали сборы разного рода пошлин.

Окончив чтение Уложения с Новоуказными статьями, Палата с 14 августа прервала заседания по 6 октября, чтобы дать время канцелярскому персоналу для обработки рассмотренных материалов. «И с вышеописанного числа (14 августа), — читаем в журнальной записи, — бояром о Уложенье сиденья не было октября по 6 число для того, что слушанья прежние переправливали и перечищали к другому слушанью», т. е. ко второму чтению. Возобновив занятия 6 октября 1701 г., Палата в этот день слушала «из Ратуши Новоуказных статей о торговых промыслах и приказали поднесть к торговому уставу, где пристойно», очевидно, это был оставшийся нерассмотренным в августе материал, которым надлежало дополнить статьи Торгового устава.

Этим работы над первым чтением Уложения были закончены. С 8 октября 1701 г. началось второе чтение, посвященное рас-

[1] См. таблицу на стр. 217.

смотрению уже установленного в первом чтении проекта, подвергнутого редакционной обработке в канцелярии Палаты. 8 и 10 октября слушали «предисловие, как быть ему к тому новому Уложению». Второе чтение проходило так же, как и первое, в последовательном порядке глав Уложения, с первой главы. 13 октября «слушали из Уложения I главы о богохульниках и церковных мятежниках с 1-й по 21-ю статью и приговорили быть так». Новая глава в новой редакции заключала в себе 25 статей вместо 9 статей старого Уложения. 15 октября продолжали чтение I главы и покончили с нею. 17 октября занимались вторым чтением II главы. Затем объявлен был перерыв по 15 ноября, опять за отсутствием председателя, приглашавшегося ежедневно к царю в Преображенское. 15 ноября занятия Палаты, однако, не возобновились, и перерыв был продолжен, как изображает ход дела журнальная запись, «бояром о Уложенье сиденье не было ноября по 15 число для того, что боярин был по вся дни в походе в Преображенском», а «с 15 числа ноября ж по... число[1] о Уложенье сиденье не было ж». Перерыв на этот раз затянулся на долгое время. 25 февраля 1702 г. Палата переменила свое помещение, перебравшись в Ответную палату, где ей назначено было место по учредительному указу: «702 февраля в 25 день перенесены дела новоуложенной книги из Расправной палаты, что перед Золотые Сени, в Ответную палату, и сундуки, и ящики с делами». Только с 5 июня 1702 г. Палата возобновила прерванное в октябре второе чтение проекта нового Уложения. 5 июня прослушали III главу, 12 июня — IV и V главы, 24 июня — VI и VII главы, 26 июня — VIII главу, 1 июля — IX главу, 6, 13, 14, 15 июля — X главу, 10, 12, 13 августа — вновь X главу с 1-й статьи до конца. 17 августа 1702 г. начато было второе чтение XI главы, и прочитаны были ее первые 10 статей. Опять произошел продолжительный перерыв в заседаниях, вероятно, для подготовки материала, до 12 октября 1702 г. 12 октября 1702 г. Палата возобновила второе чтение XI главы, опять начиная с 1-й статьи, и занималась этой главой 12, 14 и 16 октября. Затем 20 октября прочитаны были главы XII, XIII, XIV и XV. 21 и 28 октября читалась во втором чтении XVIII глава. 30 октября и 4 ноября прочли XIX главу. С 4 ноября 1702 г. заседаний не было по 22 апреля 1703 г. 22, 26 и 28 апреля 1703 г. прослушана была XX глава о холопах. 30 апреля слушали главу XXV. 3 и 5 мая слушали во втором чтении Торговый устав. С 5 по 24 мая был перерыв. Каким предметам посвящено было заседание 24 мая, не отмечено. 26 мая слушались во втором чтении статьи о мытных пошлинах. 28 мая, 2, 4, 7, 9 и 11 июня проходила во втором чтении XXI глава. 14 июня прочитали XXII главу. В следующем заседании 18 июня, как

[1] В подлиннике число не указано.

отмечено в журнальной записи, «в Палате бояре сидели, зачали было слушать указов Поместного приказу и не слушали, велено выправить». Затем конец июня и весь июль месяц были заняты слушанием отдельных законодательных материалов, не входивших в Уложение, именно: 22 июня слушали указы из Печатного и из Сыскного приказов, 28 июня слушали новые указы из Ратуши и из приказа Большой казны. 2, 6, 7, 13, 14, 16, 19, 21, 22, 23 июля слушали поместные и вотчинные статьи из Поместного приказу, имевшие отношение к главам XVI и XVII о поместьях и вотчинах, а 22 июля сверх того слушали еще новые указы из Московского Судного приказа. 27, 28, 29 и 30 июля прослушали писцовый наказ из Поместного приказа.

И вторым чтением выработка проекта нового Уложения не закончилась. За вторым чтением последовало третье. С 30 июля по 24 октября 1703 г. был перерыв в занятиях Палаты. С 24 октября началось третье чтение. Можно заметить, что второе чтение проходило гораздо скорее первого, третье шло совсем быстро; очевидно, это было уже последнее чтение, имевшее целью, так сказать, наложить последний редакционный лоск на законченную работу. 24 октября были прослушаны первые шесть глав, 1 ноября слушали VII главу, 3 ноября — главы VIII и IX, 10 ноября начали читать X главу и прочитали первые ее 31 статью; 14 ноября довели чтение этой главы до 121-й статьи. На этом обрываются журнальные записи. Повидимому, оборвались и самые занятия Палаты совсем уже незадолго до окончательного завершения порученного ей труда.

ТАБЛИЦА ЗАСЕДАНИЙ ПАЛАТЫ ОБ УЛОЖЕНИИ С 27 ФЕВРАЛЯ 1700 Г. ПО 14 НОЯБРЯ 1703 Г.

(Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, тетрадь, обозначенная в описи под заглавием „Перечень занятий в заседаниях Палаты об Уложении с 27 февраля 1700 г. по 5 мая 1703 г.“)

1700 г.

27 февраля. Предварительные распоряжения
28 „ „ „

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ.

1 *марта.*	Предварительные распоряжения. Уложение. Предисловие. Глава I.		
4 „	Уложение.	Глава	I.
6 „	„	„	I.
7 „	„	„	I.
8 „	„	„	I, II, III.
11 „	„	„	I.
13 „	„	„	I.
15 „	„	„	II, III.
18 „	„	„	II, III.

19 марта.	Уложение.	Глава	V.
20 „	„	„	V, VI.
21 „	„	„	V, VI.
22 „	„	„	VIII.

9 апреля — „во вторник бояря в Палате о Уложенье сидели и слушали ис правил святых апостол и святых отец из Соборного Стоглава и из Уложенья вселенских патриархов и из жалованных грамот статей, каковы взнесены в Палату в тетратех из Патриарша Розряду и о суде священнического чина и посвященных, и дьячков, и пономарей, и сторожей церковных непосвященных, чтоб их мирским судьям не судить, а судить на Москве на патриарше и в городех на архиерейских и на десятильничьих дворех, а патриарших и архиерейских, и монастырских всяких мирских чинов людей судить в градских приказех“.

10 апреля — „в середу бояря в Палате о Уложенье сидели и слушали вышеписанных же из правил и из Стоглава, и из Уложенья, и из жалованных грамот статей о зауморных животах и о дворех по родству и о заветех после умерших, и по духовным, и по рядным записям о приданом всяких чинов на людей впредь бить бы челом в градских приказех, а в Патриаршем б Розряде тех дел не ведать“.

12 апреля.	Глава	VII.
15 „	„	VII.
17 „	„	VII.
19 „	„	IX.
22 „	„	IX.
24 „	„	X, 1—3.
26 „	„	X, 1—10.
30 „	„	X, 1—10.
1 мая	„	X, 1—20.
3 „	„	X, 1—20.
6 „	„	X, 21—31.
10 „	„	X, 21—31.
13 „	„	X, 30—91.
16 „	„	X, 30—91.
20 „	„	X, список новоприбылых монастырей.
25 „	„	X, „ „ „
27 „	„	X, 91.
28 „	„	X, 91.
1 июня	„	X, 91—101.
7 „	„	X, 91—101.
11 „	„	X, 101—111.
18 „	„	} X, 112—121.
19 „	„	
20 „	„	
28 „	„	X, 121—131.
2 июля	„	X, 121—131, 131—143.
9 „	„	X, 133—145.
16 „	„	X, 145—153.
17 „	„	X, 153—170.
22 „	„	X, 153—171.
23 „	„	X, 171—198.
24 „	„	X, 198—201.
29 „	„	X, 201—227.
30 „	„	X, 201—231.
31 „	„	X, 228—231, 231—255.
2 августа	„	X, 255—263.
7 „	„	X, 255—263, 264.
8 „	„	X, 264 — „и дослушали десятую главу“ (264—287).
12 „	„	X, 264 — „и дослушали десятую главу“ (264—287).

13 *августа.* Глава XI, 1—3.
11 *сентября* „ XI, 3—11.
16 „ „ XI, 11 — „и всее главу дослушали“ (11—34).
18 „ „ XIII.
19 „ „ XIV, XV.
21 „ „ XIV, XV.
9 *октября* „ XI, 1—10.
11 „ „ XI, 10—12.
18 „ „ XI, 11—21.
28 „ „ XI, 21 — „и дошли главу всею“ (21—34).
6 *ноября* „ XI, 30— „и ... дослушали тое главу“ (30—34).
15 „ „ XI, 34.
22 „ „ XI.
29 „ „ XVI, 1—12.
2 *декабря* „ XVI, 1—7.

1701 г.

10 *февраля.* Глава XVIII, 1—22.
11 „ „ XVIII, 21—42.
10 *марта* „ XVIII, 42 — „и дослушали всее“ (42—71).
11 „ „ XVIII.
12 „ „ XVI, 7—11.
13 „ „ XVI, 11—17.
17 „ „ XVI, 17—25, 54, 55, 66.
19 „ „ XVI, 25—33.
20 „ „ XVI, 33—45.
21 „ „ XVI, 45—53.
26 „ „ XVI, 52—58.
27 „ „ XVI, 58— „и дослушали всее тое главу“ (58—69).
28 „ „ XVIII, 34—40.
31 „ „ XVIII, 40 — „и дослушали“ (40—71).
7 *апреля* — „слушали писцового наказу из Поместного приказу“.
8 *апреля* „ XXI, 1—11.
9 „ „ XXI, 11—24.
10 „ „ XVII, 1—11.
11 „ „ XVII, 11—21.
29 „ „ XVII, 21—37.
1 *мая* „ XVII, 37 — „и дослушали тое главу“ (37—55).
2 „ „ XXI, 31—52.
5 „ „ XXI, 52—70.
7 „ „ XXI, 70—74.
12 „ „ XXI, 74—78.
14 „ „ XXI, 78—83.
15 „ „ XXI, 83—94.
16 „ „ XXI, 94— „и дослушали всее“ (94—104).
19 „ „ XXII, 1—16.
22 „ „ XXII, 16 — „и тое главу дослушали“ (16—26).
23 „ „Новоуказные статьи 177 году о казнех“.
26 „ Глава XXIII, XXIV, XXV, 1—11.
27 „ „ XXV, 11 — „и... тое главу дослушали“ (11—21).
10 *июня* „ XX, 1—7.
11 „ „ XX, 7—16.
13 „ „ XX, 16—30.
16 „ „ XX, 30—41.
17 „ „ XX, 41—61.
2 *июля* „ XX, 61—71.
3 „ „ XX, 71—81.

7 *июля* Глава XX, 81 — „и. . . тое главу дослушали“ (81—119).
9 *июля* „ „слушали Новоуказных статей из Розряду о диких полях и заказных городех“.
15 „ „ „о Уложенье сидели и слушали. . .“
16 „ „ „ „ „ „
22 „ „ „слушали заглавие Новоуложенной книги“.
23 „ Предисловие к Уложению. XIX, 1—4.
25 „ Глава XIX, 4—7.
30 „ „ XIX, 7—20.
31 „ „ XIX, 20 — „и дослушали тое главу“ (20—40).
1 *августа* „ XIX.
4 „ Дворовые статьи приказу Земских дел.
5 „ „ „ „ „ „
7 „ Торговый устав.
8 „ „ „
11 „ „ „
12 „ Торговый устав, о таможенных пошлинах, о померных пошлинах.
13 „ о мытных пошлинах, таможенные и кабацкие недоборы, о тарханных грамотах, о сборе питейной прибыли.
14 „ „те же вышеписанные статьи“.
6 *октября* „слушали из ратуши Новоуказных статей о торговых промыслах и приказали поднесть“.

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ.

1701 г.

8 *октября.* Предисловие.
10 „ „
13 „ Глава I, 1—21.
15 „ „ I, 21 — „... и дослушали тое статью“ (? главу).
17 „ „ II.

1702 г.

5 *июня.* Глава III.
12 „ „ IV, V.
24 „ „ VI, VII.
26 „ „ VIII.
1 *июля* „ IX.
6 „ „ X.
13 „ „ X, 145—203.
14 „ „ X, 203—250.
15 „ „ X, 250—287.
10 *августа* „ X, 1—25.
12 „ „ X, 25—120.
13 „ „ X, 120 по ?
17 „ „ XI, 1—11.
12 *октября* „ XI, 1—4.
14 „ „ XI, 5—20.
16 „ „ XI, 20 — „. . . и того же числа дослушали“.
20 „ „ XII, XIII, XIV, XV.
21 „ „ XVIII, 1—57.
28 „ „ XVIII, 57—91.
30 „ „ XIX, 1—21.
4 *ноября* „ XIX, 21 — ?

22 апреля. Глава XX, 1—21.
26 „ „ XX, 21—70.
28 „ „ XX, 70 — „. . . и дослушали тое главу"
30 „ „ XXV.
3 мая. Торговый устав.
5 „ „ „
24 „ ?
26 „ „О мытных пошлинах".
28 „ Глава XXI, 1—14.
2 июня „ XXI, 14—?
4 „ „ XXI, ?—41.
7 „ „ XXI, 41—71.
9 „ „ XXI, 71—81.
11 „ „ XXI — „по последнюю статью".
14 „ „ XXII.
18 „ „зачали было слушать указов Поместного приказу и не слушали велено выправить".
22 „ „слушали указов ис Печатного приказу — да Сыскного приказу".
28 „ „два указа ратуш... которые вновь взнесены, да указов же, присланных из приказу Болшие казны".
2 июля. „Поместного приказу поместных и вотчинных один указ".
6 „ „Поместного приказу... статьи".
7 „ „Поместного приказу по 18 статью".
13 „ „Поместного приказу со 18 статьи по 31".
14 „ „Поместного приказу со 31 статьи по 41".
16 „ „Поместного приказу 28 статей последнюю".
19 „ „Поместного приказу вотчинных статей".
21 „ „Вотчинных статей".
22 „ „Московского Судного приказу новых указов... да Поместного приказу вотчинных 20".
23 „ „Вотчинных 15 по последнюю статью".
27 „ „Поместного приказу Писцового наказу прослушали 8 статей".
28 „ „Поместного приказу Писцового наказу 34 статьи".
29 „ „Писцового наказу, всего 77 статей".
30 „ „Писцового наказу 21 статью по последнюю".

ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

24 (9?) октября. „Прослушали по седьмую главу".
1 ноября. Глава VII.
3 „ „ VIII, IX.
10 „ „ X по 32 статью.
14 „ „ по 121 статью.

Процесс кодификационной работы. Результаты

Приведенный обзор занятий Палаты дает представление только о внешнем порядке ее работ, только о хронологической последовательности, в которой ее работы протекали. Интересно взглянуть на внутреннюю сторону этой работы, познакомиться с самим процессом выработки проекта нового Уложения. Приглядываясь к этому процессу, можно различить в нем две стадии: во-первых, стадию предварительной подготовки материала,

производившейся в канцелярии Палаты, во-вторых, стадию переработки представленного канцелярией материала в самых заседаниях Палаты. Обратимся сначала к первой.

Когда материал Новоуказных статей был стянут в Палату из приказов, его надо было распределить по соответствующим главам старого Уложения, рассмотрев, какие Новоуказные статьи к какой главе подходили. Эта предварительная работа была поручена старым подьячим, прикомандированным к Палате из приказов. Для исполнения этой работы старые подьячие были распределены на десять групп, и каждой из этих групп были поручены главы Уложения, близко подходившие к служебной специальности вошедших в группу подьячих. Так, первую группу составили четверо подьячих: один из Разряда — Иван Наумов, двое из Казанского Дворца — Иван Тверитинов и Тимофей Ельцын, один из Иноземского приказа — Аврам Иванов. Соответственно такому составу подьячих этой группе были поручены главы II, III и VII. Глава VII «О службе всяких ратных людей» как раз могла относиться к специальности подьячего Разрядного приказа. Кроме того, этой же группе был поручен подбор Новоуказных статей, которым в старом Уложении не было соответствующих глав, именно: о суде иноземцев, о службе ратных людей, которые ведомы в Иноземском и Рейтарском приказах и о дворовых местах в Немецкой слободе. Все эти Новоуказные статьи, касавшиеся служилых иноземцев, подходили к специальности находившегося в группе подьячего Иноземского приказа. Во вторую группу вошли трое подьячих: один из Патриаршего Разряда — Феодосий Лукин и двое из приказа княжества Смоленского — Леонтий Березин и Никита Зверев. Этой группе были поручены главы: I — о богохульниках и церковных мятежниках и XII — о подсудности патриарших людей; та и другая прямо относились к ведению подьячего из Патриаршего Разряда. Сверх того, на эту же группу были возложены главы: VI — о проезжих грамотах, VIII — о искуплении пленных и XXIV — об атаманах и казаках. Сверх того, они же должны были подобрать Новоуказные статьи о подсудности торговых иноземцев, о малороссийских жителях и о смоленской шляхте. Последнее поручение ближайшим образом относилось к специальности входивших в группу двух подьячих приказа княжества Смоленского. Третью группу образовали двое подьячих из приказа Большой казны — Дмитрий Северин и Фома Оловянников. В соответствии с этим группе были поручены главы, преимущественно касавшиеся денег и денежных сборов, именно: V — о денежных и золотых и серебряных дел мастерах, IX — о мытах, перевозах и мостах, XIX — о посадских людях и XXV — о корчмах. По поводу главы XIX припомним, что высшие корпорации посадских людей: гости и гостиная сотня, в руках которых были сборы с посадов, находились до учреждения

Ратуши в ведомстве Большой казны. Этой же группе был поручен подбор статей о беломестцах, пользовавшихся на посадах льготами от тягла. Четвертую группу составил один подьячий, Алексей Силин из Пушкарского приказа; ему были даны две главы: IV — «о подпищиках и которые печати подделывают», и XVIII — о печатных пошлинах. Почему эти главы о печатных пошлинах и о подделке печатей и подписей достались подьячему Пушкарского приказа — неясно. В пятую группу вошли двое: Иван Страхов из Московского Судного приказа и Леонтий Вацкий из Дворцового Судного приказа. Эти приказы были судебными учреждениями по преимуществу, и поэтому двум их подьячим были поручены главы, относящиеся к судопроизводству: X — о суде, XI — суд о крестьянах, XIV — о крестном целовании (на суде) и XV — о вершеных делах. Двое подьячих Поместного приказа Савва Рогачев и Федор Максимов, составившие шестую группу, получили главы прямо по своей специальности: XVI — о поместных землях и XVII — о вотчинах. Седьмая группа состояла из одного подьячего — Анисима Васильева из Сыскного приказа; соответственно службе в Сыскном приказе он получил главы XXI — «о разбойных и о татиных делах» и XXII — «за какие вины кому чинити смертная казнь и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание». Подьячему Якову Белинскому из Стрелецкого приказа, составившему восьмую группу, была поручена глава XXIII — о стрельцах. Подьячий Кузьма Борисов из Холопьего приказа, составляя девятую группу, получил XX главу — суд о холопах. Наконец, подьячему Андрею Посникову из Большого дворца, составившему последнюю, десятую, группу, была дана XIII глава — о Монастырском приказе. Припомним, что до учреждения Монастырского приказа в 1649 г. церковные вотчины были подсудны приказу Большого дворца. После закрытия Монастырского приказа в 1677 г. церковные вотчины снова стали подсудны тому же приказу Большого дворца. Сверх XIII главы Андрею Посникову поручен был подбор Новоуказных статей о суде дворцовых крестьян, относившихся непосредственно к компетенции подьячего приказа Большого дворца [1].

Эта подготовительная работа над главами Уложения, производившаяся десятью группами старых подьячих, под наблюдением и руководством прикомандированных к Палате дьяков, скреплявших своею подписью тексты изготовленных статей [2], осложнялась еще необходимостью следить за текущим законодательством и включать и его в состав подбираемого ими материала, так как параллельно с кодификационной деятель-

---

[1] *Поленов,* Материалы, стр. 44—46.

[2] Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, тетрадь № 90, текст главы I. Скрепа дьяка Василия Нестерова. Из этого заключаем, что дьяк Василий Нестеров руководил составлением текста главы I нового Уложения.

ностью Палаты, безостановочно и даже все возрастая, шла законодательная деятельность правительства. Поэтому уже после того, как в мае 1700 г. весь новоуказный материал в Палату был собран, летом и осенью того же года по приказам продолжали рассылаться подьячие с требованием доставить в Палату «новосостоятельные указы», появившиеся после 31 марта 1700 г.[1].

Такова была первая стадия работы: подготовка материала в канцелярии. Гораздо менее уловимой для наблюдения остается работа Палаты во второй ее стадии, т.-е. самый процесс выработки проекта нового Уложения, как он происходил в заседаниях Палаты. Журнальные записи, в которых отмечались заседания, не были сколько-нибудь подробными протоколами, откуда можно было бы знакомиться с ходом дела в каждом заседании. Это именно только журнальные отметки, притом черновые, иногда довольно небрежно занесенные, очень краткие и по мере движения работ Палаты становящиеся все более краткими; за первые три месяца работ они подробнее, чем за последующие месяцы. В этих записях указывался в самой краткой форме только предмет занятий Палаты в тот или другой день. По ним можно узнать, в каком заседании какие главы и статьи слушались; но как происходило это слушание, кто читал перед Палатой очередные статьи и в каком порядке, происходило ли обсуждение статей, и если происходило, то как оно велось, разделялось ли оно на два момента: обсуждение главы в целом и обсуждение по статьям, возникали ли при этом споры и разногласия и как они разрешались, были ли вообще прения, как распределялось участие в этом обсуждении между думными чинами Палаты и ее простыми служилыми элементами, в чем заключалась деятельность председателя, как совершалось принятие рассмотренной главы или статьи, — все эти вопросы остаются без решения, и эта, может быть, самая интересная стадия работ Палаты остается для нас почти совершенно неизвестной. Только некоторый, очень, впрочем, незначительный и тусклый, свет на занятия Палаты в этой стадии, но и то только всего за два месяца в начале существования Палаты, за апрель и май 1700 г., проливают случайные заметки, попадающиеся в журнальных записях за эти месяцы. За последующие месяцы с июня того же года журнальные записки становятся совсем лаконичными, и таких случайных заметок в них уже не встречаем. Да и эти заметки не говорят о тех формах, в которых протекало заседание Палаты, а касаются лишь заключительных моментов работы, излагают приговоры и распоряжения Палаты по поводу обработки тех или других статей проекта. Подобного же рода краткие указания находим и в другом источнике, именно, в отметках на полях

[1] *Поленов,* Материалы, стр. 48—51.

черновых текстов проекта; здесь также иногда отмечены распоряжения Палаты, касающиеся редакции тех или других статей, указываются источники, откуда взяты статьи проекта, отношение статей проекта к соответствующим статьям старого Уложения или Новоуказным статьям. Попытаемся из обоих источников: и из журнальных записей за указанные два месяца работы Палаты, и из отметок на полях некоторых бывших у нас под руками черновых текстов проекта извлечь указания на работу Палаты, насколько это возможно.

Из нескольких случайных заметок, встречающихся в журнальных записях за апрель и май 1700 г., видно, что Палата начинала работу над главой Уложения, выслушивая соответствующие статьи старого Уложения с подписанным под ними в канцелярии относящимся к ним новоуказным материалом в его первоначальном, так сказать, сыром виде, т.-е. в виде текста Новоуказных статей, как они были изданы, без какой-либо переработки. Так, за 24 апреля 1700 г., — заседание, в котором Палата приступила к слушанию X главы Уложения, — в журнальных записях читаем заметку: «апреля в 24 день в среду преполовенья бояре в Палате о Уложенье сидели и начали слушать из Уложенья десятую главу и слушали три статьи, а под ними подписаны из розных приказов новосостоятельные государевы три указа, и, слушав о тех статьях и об указах, что приговорили, и те приговоры велели к слушанью ж переправить». В следующем заседании 26 апреля «бояре в Палате о Уложенье сидели и слушали из десятой главы прежнего своего слушанья три статьи, да к тому в прибавку из той же главы семь статей, а под ними подписаны новосостоятельные государевы указы, каковы взнесены в Палату к Уложенью из розных приказов о тех же делех, о которых в тех статьях в Уложенье напечатано, и что о тех статьях слушав приговорили и тот приговор велели переправить же». Докладывал статьи Уложения и относящийся к ним новоуказный материал, надо полагать, дьяк, наблюдавший за обработкой главы; слушание сопровождалось обсуждением доложенного. Конечно, нельзя думать, чтобы происходили прения в тех формах, в каких они происходят в коллегиальных учреждениях нашего времени, т.-е. в порядке, по очереди, устанавливаемой председателем, дающим слово ораторам. Все дело сводилось, вероятно, к разговорам без соблюдения особых формальностей, к которым впоследствии станет приучать русское общество Петр с учреждением коллегий и с изданием Генерального регламента. Но что обсуждение вопросов происходило, видно как из заметок в журнальных записях за указанные два месяца, так и из заметок на текстах переработанного законодательного материала. Так, в журнальных записях читаем: «Мая 20 (1700) слушали к X главе сверх Уложенья о новоприбылых монастырех новодевических (т.-е. список основанных после Уложения девичьих

монастырей для установления размеров платы за бесчестье их властям) и говорили, по скольку рублев тех монастырей игуменьям, и келарям, и казначеям написать в Уложенье бесчестья». 27 мая бояре слушали статью 91-ю X главы «и о чем слушав говорили, и тот приговор в тое статью вписав, велели к слушанью переправить». 1 июня слушали с 91-й по 101-ю статью, итого 10 статей (X глава). «И о чем слушав о тех статьях говорили, велели под теми статьями, подписав к слушанью ж, переправить». В этих словах «о чем говорили» можно видеть указание на происходивший по рассматриваемым статьям обмен мнений. Другие примеры. Тексты Новоуказных статей, касающихся сбора разного рода пошлин[1], и текст Новоторгового устава[2] подверглись редакционной переработке[3].

После первоначального обсуждения новоуказный материал, предлагавшийся на первый раз в своем подлинном и, так сказать, в сыром виде, т.-е. в виде указов и боярских приговоров, как они в свое время появлялись в свет при их издании, перерабатывался в статьи, в виде которых он и вносился в состав проекта нового Уложения. Новое Уложение должно было так же, как и старое, состоять из глав, подразделенных на статьи, и в этих статьях излагался законодательный материал, изданный после Уложения 1649 г. Указание на такой процесс переработки текста появившихся после 1649 г. указов и приговоров в статьи нового Уложения можно видеть в заметке журнальной записи 15 апреля 1700 г. при прохождении в Палате главы VII — о службе всяких ратных людей: «бояре в Палате о Уложенье сидели и слушали Новоуказных статей о службе ратных людей, каковы взнесены из Иноземского приказу и из тех статей, которые где приличны велели поднесть под статьи в Уложенье». При такой переработке текста новоуказного материала этот материал подвергался более или менее значительным изменениям. Иные его части опускались, иные излагались в другой редакции с дополнениями или сокращениями, причем в отметках на полях чернового проекта указывалось, что в такой-то изменяемой статье «в речах прибавлено, а в иных убавлено», иногда из двух и даже нескольких статей новоуказного текста Уложения составлялась одна. Такие изменения

[1] Напечатаны в П. С. З. под № 122, 107.

[2] Там же, № 408.

[3] Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, тетрадь под № 257. В отметках на этих текстах читаем: «В Палате говорили сю новоуставную грамоту написать всю в Уложенье» (л. 1); «в Палате говорили быть по сим статьям. А сверх того пополнить: за прибавочную накладную цену бурмистром чинить тот же указ, что и торговым за утайку товаров за убавочную цену» (л. 6); «в Палате говорили быть по сим статьям и написать в Уложенье» (л. 6 об. и сл.); «в Палате говорили справиться о том с Посольским приказом и с Казанским дворцом» (л. 7 об.); «в Палате говорили написать в Уложенье, а за продажу пеню править и наказанье чинить против корчемников и снести с 54 статьею», т.-е. соединить статью 55-ю, к которой относится эта резолюция, с 54-й в одну статью (л. 9 об. и сл.).

при переработке текста здесь можно только указать; полное представление о них можно будет составить тогда, когда будут приведены в порядок и изучены сохранившиеся тексты проекта нового Уложения.

Такая переработка новоуказного материала в заседаниях Палаты только в общих чертах намечалась, Палата указывала только ее общее направление; осуществление же ее поручалось канцелярии, как о том свидетельствуют приведенные выше заметки. 24 апреля «о тех статьях и об указе, что приговорили, и те приговоры велели к слушанью ж переправить». 13 мая Палата рассматривала статьи 30—90 X главы Уложения, «и о чем слушали, приговорили пополнить и, тот приговор под статьями подписав, велели переправить». 16 мая Палата опять слушала те же статьи 30—90 «и слушав прежние свои приговоры о тех статьях, пополня, велели переправить». Термином «переправить» обозначается здесь именно редакционная обработка, поручавшаяся канцелярии и исполнявшаяся, надо полагать, теми же соответствующими группами подьячих, которым поручена была первоначальная подготовка материала. Слова «велели к слушанью ж переправить» обозначают приказание произвести такую редакционную работу к следующему заседанию. И, действительно, из журнальных записей видно, что во время первого чтения Уложения Палата по нескольку раз возвращалась к одним и тем же статьям. Так, из приведенных выше заметок из журнальных записей видно, что, начав рассмотрение X главы 24 апреля, Палата в этом заседании прослушала первые три ее статьи и предписала свои приговоры о тех статьях «к слушанью ж переправить». К чтению этих же самых трех статей Палата вернулась в следующем заседании 26 апреля. В этом заседании работа была подвинута еще на семь статей, так что всего в заседаниях 24 и 26 апреля было рассмотрено десять первых статей. Следующее заседание 30 апреля было целиком посвящено новому чтению этих же первых десяти статей в переработанном канцелярией виде: «слушали из десятой главы вышеписанные ж прежнего своего слушанья десять статей с новосостоятельными государевыми указы для того, что по их, боярскому, слушанью, как они тех статей слушали апреля в 26 числе, те статьи с новосостоятельными государевыми указы переправлены и, слушав, велели переправить же». Переправка была исполнена к следующему дню, 1 мая, когда Палата снова занялась этими же первыми десятью статьями: «мая в 1 день в Палате бояре о Уложенье сидели и слушали из Уложенья из десятой главы вышеписанные ж прежнего своего слушанья 10 да в прибавку с 11 по 21 итого 10 же, всего 20 статей с Новоуказными статьями да своего боярского слушанья с приговоры, каковы подписаны под теми же первыми десятью статьями и были переправлены по их, боярскому, приговору вдругоряд и слушав велели перепра-

вить же». Значит, и вторая переправка или редакционная обработка, исполненная в канцелярии, все же не удовлетворила Палату: она предписала обработать первые десять статей еще раз и вернулась к ним в следующем заседании 3 мая, когда «слушали десятой главы прежнего своего слушанья 20 статей для того, что тех же статей с Новоуказными статьями и с своими боярскими приговоры, каковы подписаны мая в 1 числе и были переправлены, сего числа велели переправить же». Для статей 4—10 это было четвертое, а для первых трех статей уже пятое чтение, и все-таки и пятое чтение не удовлетворило Палату, предписавшую еще новую переправку. Только с 6 мая работа двинулась дальше, и Палата приступила к 21-й статье X главы.

По мысли учредительного указа 18 февраля 1700 г., гласившего, что «великий государь указал с прежнего Уложенья 157 году и с Новоуказных статей и с своих великого государя новосостоятельных указов, которые после того Уложенья прибыли, сделать Уложенье», Палата должна была составить новое Уложение из двух источников: из старого Уложения и из Новоуказных статей. Таким образом, задача Палаты заключалась в составлении свода прежнего законодательства. Наблюдение над теми частями проекта нового Уложения, которые сохранились и доступны для обозрения, показывает, однако, что Палата этими поставленными ей рамками не ограничилась. Помимо статей Уложения 1649 г. и новоуказного материала, которые Палата имела в виду в своей работе, она проявила еще и самостоятельную инициативу, и там, где старое Уложение и новоуказный материал не давали ответа на возникавшие вопросы, прибегала к законодательному творчеству, составляла совсем новые статьи, не имевшие источников ни в старом Уложении, ни в новоуказном материале. В I главе старого Уложения заключалось 9 статей. I глава нового проекта, по крайней мере в той его редакции, какую он принял 8 марта 1700 г., состояла из 25 статей. Из этих 25 статей только 6 статей (24%) были взяты из старого Уложения, 12 статей (48%) почерпнуты из Новоуказных статей и 7 статей (28%) были обязаны происхождением законодательному творчеству Палаты, были составлены «по боярскому приговору сверх Уложения и Новоуказных статей».

Таким образом, I глава нового Уложения была составлена наполовину из Новоуказных статей, немного менее чем на четверть — из старого Уложения и более чем на четверть — из статей, составленных заново. Наблюдения над внутренним содержанием новых статей, явившихся плодом законодательного творчества Палаты, могли бы в результате повести к заключениям о переменах в юридических взглядах русского общества за полстолетие, протекшее со времени составления Уложения 1649 г., об их движении вперед или регрессе и вообще о

юридическом мировоззрении русского общества на рубеже XVII и XVIII вв. Но такие наблюдения невозможны, пока не будет изучен и приведен в порядок уцелевший архив Палаты и пока сохранившиеся тексты проекта нового Уложения не будут выяснены прежде всего с их внешней стороны, т. е. со стороны их последовательных изменений при переработке, а также отношения их к Уложению 1649 г. и к Новоуказным статьям.

Для наглядного примера результатов, какие получались из переработки старого Уложения в новый проект, приведем в сравнении текст I главы Уложения 1649 г. и текст той же главы в переработке в том виде, какой он получил 8 марта 1700 г. в период первого чтения Уложения после работы над ним в пяти заседаниях, посвященных I главе, — 1, 4, 6, 7 и 8 марта. Заметим, что этот текст 8 марта нельзя рассматривать как окончательный, так как Палата в период первого чтения занималась I главой еще в двух заседаниях, 11 и 13 марта, когда, конечно, также были сделаны поправки. А затем редакция I главы могла изменяться еще при втором чтении, во время которого на эту главу ушло целых два заседания, а также при третьем чтении. Но все же приводимое ниже сравнение может дать понятие о результатах работы, хотя бы и не в окончательном виде.

ПРОЕКТ НОВОГО УЛОЖЕНИЯ

(Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, тетрадь № 91).

Уложение 1649 г.	**Основной текст.**	**Замечания на полях.**
Глава 1.		
О богохульниках и о церковных мятежниках. А в ней 9 статей.	[л. 1 об.] 1700 марта в 8 день в Палате бояре слушав из Уложенья 156 году 1-й главы 9 статей, ис правильной книги Кирилла Александрийского о правой вере на Нестория 11 правил да из Соборного уложения святейших вселенских и московского и всеа Росии патриарха, которое повелением блаженные памяти великого государя и всем освященным собором за их руками... 3 статей да из Новоуказных статей блаженные памяти его ж великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великие и малые и белые Росии самодержца 8 статей да из Новоуказных же статей 193 году[1] 12 статей о богохульниках и о	

[1] Новоуказные статьи 193 г. См. Акты Археографической Экспедиции, IV, № 284, 1685 г.

церковных мятежниках и о еретиках и о раскольщиках, всего опричь правил 32 статей, говорили: написать в Уложенье в 1-ю главу о том же, а в ней 25 статей.

[л. 2] (*зачеркнуто:* 1700 марта в 8 день в Палате бояре говорили написать в Уложенье 1 главу, а в ней 24 статьи, о богохульниках, о еретиках, о раскольщиках, о церковных мятежниках).

1. Будет кто иноверцы, какие ни буди веры, или и русской человек возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую его пречистую владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию или на честный крест, или на святых его угодников: и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, зжечь.

1.

Будет кто духовного чину человек возложит хулу на святую и живоначальную Троицу и по вочеловечении во плоти на Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и на святое евангелие или на рождшую его пречистую владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию или на честный крест или на святых его угодников, и таких духовного чину людей, не роспрашивая в приказех, отсылать на Москве ис приказов так же и из городов, которые городы во облости святейшего патриарха, на патриарш двор, а которые явятся во архиерейских епархиах (*зачеркнуто:* кйждо во своей епархии) ко архиереом для обнажения чина их по епархиам. И святейшему патриарху и архиереом тех чинов людей роспрашивать, а роспрашивая, буде достойны обнажения, и их, священства или монашества обнажа, отсылать к градскому суду и таких богохульников, обличив, казнить, зжечь.

В Уложенье напечатано в 1-й главе 1-я статья об одних мирских людех, кроме духовного чину, а о духовном чине и пространнее в речах прибавлено по нынешнему боярскому приговору сверх Уложенья и новых статей

[л. 2 об.] А будет кто (*зачеркнуто:* руской) какова чину мирской человек или иноверцы какие нибудь веры по розыску накрепко явятся в такой же вине и такова богохульника, потому ж обличив, казнить, зжечь.

В Уложенье напечатано в 1-й ж главе 1-я ж статья.

2. А будет какой бесчинник, пришед в церковь Божию, во время святые литургии, и каким ни буди обычаем, божественные литургии совершити не даст: и его, изымав и сыскав про

2.

Будет кто еретик или раскольщик духовного чину священного и монашеского учнет какие учения развратные в православных християнех разсеявати противные православной християнской веры и всякие плевосеятели на святую церковь и меж християн чинят соблазн и мятеж, и таких людей

Ся статья о духовном чину положена по боярскому приговору сверх Уложенья и новых статей.

него допряма, что он так учинит, казнити смертию безо всякие пощады.

отсылать на патриарш двор и ко архиереом по епархиям.

И святейшему патриарху и архиереом по их духовном истязании, будет такие люди станут приносить совершенное покаяние и обращение, и им чинить по правильному рассуждению и по своему, архиерейскому, рассмотрению.

А которыя покаяния и обращения не принесут и учнут стоять в том своем воровстве упорно, и таких, обнажа священного или монашеского чина, отсылать к градскому суду, и тех обнаженных, как присланы будут к розыску, пытать, от кого они тому научены и сколь давно, и на кого станут говорить, и тех [л. 3] оговорных людей по тому их оговору имать и расспрашивать и давать им меж себя очные ставки, а с очных ставок тех оговорных людей духовного и монашеского чину, не пытав, потому ж для обнажения отсылать к святейшему патриарху и ко архиереем и, обнажа, отсылать их к градскому суду и по оговору с языки пытать, и которые и с пыток учнут в том раскольстве стоять упорно ж, а покорения святей церкви не принесут, и таких за такие вины по трикратному у казни вопросу, будет не покорятся, жечь*. А буде у смертной казни, пришед во обращения и вины свои все принесут с правым и нелестным покаянием и обещаются от тех своих злодейств престати и верить по преданию святые церкви, и таких отсылать для исправления истинного покаяния на Москве к святейшему патриарху, а в городех ко архиереом. И святейшему патриарху и архиереом о таких людех чинить по своему рассмотрению.

[л. 3 об.] А буде такие люди, хотя избыть смерти, обратятся лестно, а после явятся в прежних своих злобах и в том будут уличены, и таких казнить смертию без испытания.

Будет кто какова чину мирской человек явится еретик же и раскольник в таком же развратном учении и в противности и в раскольстве, и во всяком плевосеянии

Той же статьи (*зачеркнуто:* ся статья положена по боярскому приговору сверх Уложенья и новых статей).

Той же статьи (*зачеркнуто:* ся статья положена по боярскому приговору сверх Уложенья).

* В Новоуказных статьях 193 году 2-я статья.

Выписать: В Новоуказных обоих статьях первые обе статьи.

на святую церковь и в церковь божию не приходят, и в домы свои ни с какою потребою священников не пускают и на исповедь священником не приходят и святых тайн не причащаются и меж христиан чинят соблазн и мятеж *. И таких людей на Москве и в городех распрашивать и пытать накрепко, у кого они учились и кто с ними в том единомысленники и товарыщи, и на кого станут говорить, и тех оговорных людей имать и распрашивать (*зачеркнуто:* кроме духовного чина) и давать им меж себя очные ставки, а с очных ставок тех оговорных людей потому ж с языки пытать и разыскивать накрепко [л. 4] и которые с пыток учнут в том стоять упорно ж а покорения святей церкви не принесут, и таких за такие вины по трикратному у казни вопросу, будет не покарятся, зжечь.

* (*Зачеркнуто:* зри положено по боярскому приговору сверх Уложенья и новых статей)[1].

* А буде у смертной казни приидет во обращение и вины свои все принесет с правым и нелестным покаянием и обещается от тех своих злодейств престати верить по преданию святые церкви, и таких отсылать для исправления истинного покаяния на Москве ко святейшему патриарху, а в городех ко архиереом. И буде по свидетельству такие противники пришли во истинное покаяние и по исповеди сподобилися приятия святых таин, и таких свобождать с поручными записьми *. А буде такие люди, хотя избыть смерти, обратятся лесно, а после явятся в прежних своих злобах и по правому свидетельству будут уличены, и таких казнить смертью без испытания.

* В новых статьях 193 году 2-я статья.

* В новых статьях 193 году 2-я статья (*зачеркнуто:* статья да 7 статьи, а по боярскому приговору пополнена).

[л. 4 об.] А будет те люди учнут говорить в том своем воровстве на кого нибудь, а те люди станут бить челом, что за ними никакого еретичества, и раскольства, и церковной противности нет и станут приносить о себе во оправдание какое свидетельство, и о

В новых статьях (*зачеркнуто:* ся статья положена по боярскому приговору сверх Уложенья и новых статей)

[1] Такая заметка сделана на полях и зачеркнута дважды.

	тех людях сыскивать отцами их духовными и приходскими священники, и окольными людьми. А о допросе отцов их духовных и приходских церквей священников посылать памяти на патриарш двор. А окольными людьми и иными свидетельствы разыскивать и указ чинить до чего доведется в тех приказех, в которые они приведены будут.	193 году ... да 7 статьи, а по боярскому приговору пополнена.
	3.	
3. А будет кто во время святые литургии и в иное церковное пение, вшед в церковь божию, учнет говорити непристойные речи патриарху, или митрополиту или архиепископу и епископу, или архимариту, или игумену и священническому чину, и тем в церкви божественному пению учинит мятеж, а государю про то ведомо учинится, и сыщется про то допряма: и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговая казнь.	А которые раскольники прелестию своею простолюдинов и их жен и детей приводили к тому, чтоб они сами себя жгли, и таких воров по розыску за то их воровство, что от их прелести люди жглись, жечь самих.	В Новоуказных статьях 4-я статья да ... в Новоуказных статьях 193 году 3-я статья.
	4.	
4. А будет кто, пришед в церковь божию, учнет бити кого ни буди, и убьет кого до смерти: и того убойца по сыску самого казнити смертью же.	А которые простолюдины, неведующие божественного писания, разговаривали о вере и вступали не в [л. 5] свои дела к церковному разврату, чего на них не положено, а по розыску явится на церковь хотя что малая противность, и таким чинить наказанье, смотря по винам и свобожать на поруки, чтоб им впредь в такие дела не вступатся и быть в послушании церковном под паствою отцев своих духовных. А в которых по розыску противности не явится и таких свобожать бес поручных записей.	В Новоуказных статьях 6-я да сверх той статьи по боярскому приговору в речах прибавлено и убавлено.
	5.	
5. А будет ранит, а не до смерти убьет: и ему учинити торго-	А которые всяких чинов люди раскольщиков у себя держали, творя к ним милость, а сами пре-	Ся статья снесена из обоих Новоуказ-

вая казнь без пощады, и вкинути в тюрьму на месяц, да на нем же взяти раненому за увечье бесчестье вдвое.

лестного их учения не держались, а ведая про них, не известили и, видя в них раскольство и церковную противность, не поимали и не привели или от того с них имали какие взятки или которые люди учнут приходить про них проведывать или приносить питье или еству или принесут от кого какие письма подсылкою, а по розыску в том, что они того прелестного учения не держались, очистятся, и таким за утайку тех воров чинить жестокое наказанье, бить кнутом, а иных, смотря по делу, и ссылать, а которые что приносили собою спроста и в том очистятся и тем чинить наказанье, бить ботоги.

ных статей и с первых статей 7-я, а из других 193 году 8-я статья.

6.

6. А будет такой бесчинник кого ни буди в церкви божии ударит, а не ранит: и его за такое бесчиние бити батоги да на нем же взяти тому, кого он ударит, бесчестие.

[л. 5 об.] Которые раскольщики от неразумия или в малых летех стоят в упрямстве только в новоисправных книгах, что будто переменено или в крестном знамении, или во Иисусове молитве, и таким чинить наказанье, бить кнутом и давать на поруки дворцовых сел крестьян тех же сел прикащиком и крестьяном, а монастырьским в монастыри властям, а помещиковых и вотчинниковых помещиком и вотчинником и для научения отцем духовным и смотрить за ними пятидесятским и десятским и соседям, чтоб они впредь так не чинили и к церкви божии приходили и учения от отца своего духовного слушали и с раскольщики не знались и в домы свои их не пускали. А буде впредь те ж раскольщики объявятся в такой же злобе и на них извещать, а по изветом чинить, чего доведется.

Из Новоуказных первых статей 8-я статья.

7.

7. А будет кого обесчестит словом, а не ударит: и его за бесчинство посадити в тюрьму на месяц. А кого он обесчестит: и тому доправить на нем бесчестье, чтобы

Которые люди, ходя по деревням, мужеска и женска полу, которые в совершенных летех, так же и детей их, которые в несовершенных и в малых летех, перекрещивали и прежнее святое крещение нарицали неправым, а перекрещеванье вменяли в ыстин-

В Новоуказных статьях 193 году 4-я статья.

на то смотря в церкви божии никакого бесчинства не было.

ну, и таких воров, которые перекрещивали, хотя они церкви божии и покорение принесут и отца духовного принять и святых таин причастить [л. 6] ся желати будут истинно, и их, исповедав и причастя, казнить смертию безо всякого милосердия.

8.

8. А в церкви во время церковного пения государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии и великому господину святейшему Иосифу, патриарху Московскому и всея Русии, и митрополитом, и архиепископом, и епископом никому ни о каких своих делех не бити челом, чтобы от того в церкви божии церковному пению смятения не было, понеже церковь божия устроена приходити на молитву, и православным християном подобает в церкви божии стояти и молитися со страхом, а не земная мыслити.

А которые люди ходили к росколыщиком и сами у них перекрещивались и носили детей своих крещеных, которые в малых летех, а иных и в возрасте перекрещивать, а прежнее святое крещение вменяли в неправое крещение, и тем, которые перекрещивались, буде они в том учнут виниться безо всякие противности, чинить наказанье, бить кнутом и отсылать ко архиереом, кто чей епархии, а им о исправлении их чинить по правилом святых апостол и святых отец.

В Новоуказных статьях 193 году 5-я статья.

А которые покорения в том приносить не учнут и станут в той своей прелести стоять упорно и вменять то в ыстинну, а прежнее святое крещение нарицать неправым, и тех казнить смертию.

Той же статьи.

9.

9. А будет кто, забыв страх божий, и презрев царское повеление, учнет ему государю, или патриарху, или иным властем, в церкви божии во время церковного пения, о каких своих делех бити челом: и того челобитчика за то вкинути в тюрьму, на сколько государь укажет.

Которые люди в церковной противности учинились не в давне и в распросе учнут церкви божии приносить покорение, что они чинили то от неведения или от какого принуж [л. 6 об.] дения, а известить не смели, а иных никого не учили и в том вины свои объявят совершенно и обещаются с клятвою впредь того не делать, и таких посылать для исправления на патриарш двор, а после исправления отдавать их под паству отцем их духовным за поруками, а отцам их духовным над ними смотреть накрепко, чтоб они впредь к церкви божие приходили и церковного расколу у себя не имели и с раскольщики не знались и в домы

В Новоуказных статьях 193 году 6-я статья.

к ним не ходили, а к себе их не пущали и учения их, плевосеятелей и хульников, на святую церковь, отнюдь не слушали, а на поруки их давать в том же.

10.

У которых людей будут выняты раскольщики, а жили у них с порукою, а они про раскол их не ведали, а те записи будут не записаны, и на таких имать пени по пяти рублев на человеке. А у которых жили без поруки, и на тех имать против татиной и разбойной статей по 50 рублев на человеке. А у которых жили хотя и с порукою, а они про раскол их ведали, а не известили, и тем чинить наказанье, бить кнутом и сослать, а порутчиком, буде они про раскол ведали ж, чинить то ж, а которые ручались, не ведая, и тех свобожать и в вину им не ставить.

В Новоуказных статьях 193 году 9-я статья (*зачеркнуто:* боярским приговором да сверх той статьи по боярскому приговору в речах прибавлено, а в ыных и убавлено).

11.

Которые люди за раскол будут сосланы в городы и в тех городех воеводам и приказным людем приказывать над ними в тех слободах, где они жить станут, старостам, и пятидесятским, и десятским, и окольним соседам надсматривать, чтоб от них церковной противности и расколу не было. А буде они объявятся или в тай учнут держаться расколу или с раскольщики учнут знаться, и тем вором чинить указ по Уложенью, не описываясь к великому государю.

В Новоуказных статьях 193 году 10-я статья по боярскому приговору (*зачеркнуто:* прибавлено, а в ыных и убавлено пополнено).

12.

На которых людей станут [л. 7 об.] говорить в расколе языки, а те люди в то время от сыску ухоронятся или где будут в отъезде, а ворам и раскольщиком будет указ учинен, а те люди объявятся собою или сысканы будут после и в том учнут запиратся, а очных ставок дать будет не с ким, и таких по раскольщичьим речам распрашивать и разыскивать про них окольними соседи и отцами духовными. И буде по розыску очистятся, и их, освидетелствовав отцами духовными подлинно, сво-

В Новоуказных статьях 193 году 11.

божать на поруки. А буде в чем будут обличены и их пытать и по пыточным речам указ чинить по вышеписанным статьям до чего доведется.

13.

У богохульников и у еретиков, и у раскольщиков, [л. 8] у которых объявятся дворы и поместья, и вотчины, и лавки, и иные промыслы и заводы, так же и у тех людей, у кого жили и у порутчиков, которые ручались, ведая, и сосланы будут в ссылки, и те их дворы и поместья, и вотчины, и лавки, и промыслы, и заводы отписывать на великого государя, а продавать по оценке з большою наддачею для того, что по таким сыскным делам на прогоны и посыльным людем в жалованье его, государские, денежные казны исходит немалое число.

В Новоуказных статьях 193 году 12. По боярскому приговору пополнено.

14.

Будет кто, пришед во время святые литоргие в церковь и бесчинством войдет во святый олтарь и свяще [л. 8 об.] нника зашибет и окрововит и святая испровержит и святые литоргии совершити не даст, а сыщется про то допряма, и его казнити смертию.

В Уложенье 2-я (*зачеркнуто:* напечатана в 1 ж главе 2-я статья в речах прибавлено пространнее по нынешнему боярскому приговору боярским приговором пополнена).

15.

А будет какой мятежник, пришед в церковь во время божественные литоргии, священника зашибет в церкви или в олтаре, а не окровавит и святая не испровержет, и такого мятежника по розыску бить кнутом и положить на нем [л. 9] пятно на лбу „мыслете“, а на правой щеке „цы“ для того, что он церковной мятежник.

Ся статья положена по боярскому приговору сверх Уложенья и Новоуказных статей.

16.

А будет какой бесчинник, пришед в церковь во время утрени или вечерни, учнет говорить не-

В Уложенье 3-я статья по боярскому при-

пристойные речи святейшему патриарху или архиереом или священника, которой ту службу отправляет, зашибет и тем в церкви божественному пению остановку, а в людех мятеж учинит и сыщется про то допряма и такому бесчиннику учинить наказанье, бить кнутом и сослать.

говору пополнена (*зачеркнуто:* ся статья положена по нынешнему боярскому приговору сверх Уложенья и Новоуказных статей в речах прибавлено, а в ыных убавлено).

17.

А будет такой же бесчинник, вшед в церковь, учнет говорит непристойные речи архимандриту или игумену и священнику, а церковному пению остановки и мятежа не учинит, и такого бесчинника по розыску посадить в тюрьму на три дни.

По боярскому приговору сверх Уложенья и новых статей.

18.

А будет, вшед во святую церковь, учинит против вышеписанного кто беснующий или во изступлении ума, и его за то по розыску, будет сыщетца про то допрямо, что он беснующей [л. 9 об.] или во изступлении ума, и такого сослать под крепкое начальство.

По боярскому приговору сверх Уложенья и новых статей.

19.

А будет кто по розыску явится, что он такую болезнь и изступление ума возложит на себя для своего воровства и хотя избыть казни или наказанья, и такому учинить по вышеписанным же статьям смертная казнь или наказанье, кто в какой вине явится.

Бояре приговорили сверх Уложенья и новых статей.

20.

А будет такой бесчинник, а не беснующей мирской человек мирского ж человека, кого ни буди, в церкви божии ударит, а не ранит, и его за такое бесчиние бити батоги, да на нем же взяти тому, кого он ударит, бесчестие.

В Уложенье 6-я статья.

21.

А будет кто обесчестит словом, а не ударит, и его за бесчинство

В Уложенье 7-я.

посадить в тюрьму на месяц, а кого он обесчестит, и тому доправити на нем бесчестие, чтоб на то смотря в церкви божии никакого бесчинства не было.

22.

[л. 10]. А будет священного чина учинит то ж над мирским человеком, и тех священного отсылать к святейшему патриарху и ко архиереом, а им таким чинить по правилом святым, и тому, кого он зашибет, указать на нем за бесчестье и за увечье по окладу вдвое. А будет не ударит, а обесчестит словом, и на нем доправить по окладу бесчестье.

Бояре приговорили сверх Уложенья и новых статей.

23.

А в церкви во время церковного пения великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всеа великие и малые и белые Росии самодержцу и великому господину святейшему кир Адриану архиепископу московскому и всеа Росии и всех северных стран патриарху и митрополитом, и архиепископом, и епископом, никому ни о каких своих делех не бити челом, чтоб от того в церкви божии церковному пению смятения не было, понеже церковь божия устроена приходити на молитву, и православных христианом подобает в церкви божии стояти и молитися со страхом, а не земная мыслити.

Из Уложенья 8-я статья.

24.

[л. 10 об.]. А будет кто, забыв страх божий и презрев царское повеление, учнет ему, государю, или патриарху, или иным властем в церкви божии во время церковного пения о каких своих делех бити челом, и того челобитчика за то вкинути в тюрьму, на сколько государь укажет.

В Уложенье 9-я статья.

25.

[л. 11]. Будет какой злодей не только словами, но самым делом, поправ святое крещение и отсту-

(*Зачеркнуто:* в Новоуказных статьях 193-го

пя от господа бога, будет сообщение имети с супостатом диаволом, чары, волхвования, ворожбы и протчие сатанинские мечты творити и тому учитися или иных людей учити, как людей портить и продолжительные болезни и тоски напускать или самую смерть наводить или зелием лихим по своей злобе или по чьему научению и накуплению кого смертно отравит, а по розыску про то подлинно сыщется, и такие чернокнижие заговоры и непристойные чаровные злые книги и письма, ис которых училися, у него вымут, и, такого злодея облича, дав ему на покаяние сроку на неделю, во образ иным с теми книгами и с письмами сжечь, чтоб православные християне, на то смотря, такого злодейства делать страшились. А буде к тому злу от кого кто накуплен и по розыску в том винен явится, и тому учинить такую ж казнь.

А буде которые коновалы и иные простые люди, бродя по городам и по деревням, людей лечат [л. 11об.] простыми лекарствы корениами, травами и иными не лихими зелиями и никому отравы и болезни не учинили, и таким наказания не чинить для того, чтоб в болезнех лечебные пользы людей не лишить. Однако ж им сказать, чтоб лечили людей знаючи и никого не морили и для того сим великого государя указом и Соборным уложеньем повелевается всякому хотящему лечебною наукою себе достать прокормление и лекарства нутренные людем давать и наружные язвы и раны и всякия болезни лечить, и таким перво грамоте изуча у искусных мастеров тому лечебному делу учиться и искуство б иметь, как всякие болезни и силу розных трав, зелей и лекарств знать, а своим неискуством и неведением никого б не уморил.

Так же буде которые нищие где скрадут младенца и в составех руки или ноги у него вывертят и изувечат и сделают его в неисцельном расслаблении, а то они учинят для того, чтоб с теми увечными младенцы, бродя по

году 12, по боярскому приговору пополнено).

улицам, больше себе подаяние достать, и таких младенцов добрым и искусным мастерам осматривать, да буде скажут, что им то расслабление учинено нар...., а не от рождения приключилось, и про то сыскивать накрепко. Да будет совершенно сыщется, что те воры такое зло учинили для своей воровской корысти, чтоб таких ради увечных младенцов христиане давали больше милостыни, и тех воров без всякого милосердия казнити смертью.

Чтобы показать, как менялись редакции глав от заседания к заседанию, приведем ту же главу I в редакции, в которой она была в заседании Палаты 7 марта[1], и сравним эту редакцию с редакцией, какую глава I получила на другой же день в заседании 8 марта. Мы найдем значительные перемены. Редакция 7 марта имела всего 13 статей, редакции 8 марта — 25, так что 8 марта Палата включила в главу I еще 12 статей: 3—13 и 25-ю. Эти лишние против редакции 7 марта 12 статей были заимствованы и переделаны из Новоуказных статей, именно: а) из Новоуказных статей, которые называются первыми, и б) из Новоуказных статей, которые называются Новоуказными статьями 193 года. Из 13 статей редакции 7 марта текст 12-ти остался неизменным, текст 2-й статьи потерпел изменения. Следующая таблица показывает отношение статей редакции 7 марта к соответствующим статьям 8 марта.

Редакция 7 марта		Редакция 8 марта	
Ст.	1	Ст.	1
»	2	»	2 с изменениями[2]
»	3	»	14
»	4	»	15
»	5	»	16
»	6	»	17
»	7	»	18
»	8	»	19
»	9	»	20

[1] Арх. Гос. сов., Дела Палаты об Уложении, тетрадь № 90. В тетради № 89 — редакция 6 марта.

[2] Начало статьи 2 в редакции 7 марта тождественно с началом той же статьи в редакции 8 марта. Изменения сделаны в абзаце, начинающемся словами: «Будет кто какого чину мирской человек» и т. д. Этот абзац в редакции 7 марта читается так: «а будет кто *руской* (взятого курсивом нет в редакции 8 марта) мирской человек явится еретик же и раскольник в таком же развратном учении и в противности, и в раскольстве и во всяком плевосеянии на святую церковь и в церковь божию не приходят и в домы

Редакция 7 марта		Редакция 8 марта	
Ст.	10	Ст.	21
»	11	»	22
»	12	»	23
»	13[1]	»	24

По сохранившимся черновикам виден процесс выработки текста статей в Палате. Приведем для примера текст статьи 4-й в редакции 7 марта с теми изменениями, которые он претерпел и о которых свидетельствуют сделанные в нем помарки, и сравним его с редакцией, какую он получил 8 марта.

Редакция 7 марта
Ст. 4.

А будет какой (*зачеркнуто:* бесчинник) мятежник, пришед в церковь во время божественные литоргии,

Редакция 8 марта
Ст. 15.

А будет какой мятежник, пришед в церковь во время божественные литоргии, священника зашибет в цер-

свои ни с какою потребою священников не пускают и на исповедь к священником не приходят и святых таин не причащаются и меж христиан чинят соблазн и мятеж, и таких людей на Москве и в городех распрашивать и пытать накрепко, у кого они учились и кто с ними в том единомысленники и товарыщи. *И у роспросов судьям сказывать им, что быть им пытаным накрепко и огнем сженым, чтоб они о всем о том сказывали в первом своем распросе правду и никого напрасно не клепали. А будет они в тех первых своих распросех скажут что ложно или утаят, а после тех первых своих распросов в распросех же и с пыток учнут говорить что в прибавку или кого оговариват и тому верить не станут, а после первых распросов ис приказов так же из городов тех людей потому ж отсылать на патриарш двор и ко архиереом. И святейшему патриарху и архиереом по многом истязании, буде такие люди станут приносить совершенное покаяние и обращение и по исповеди причастятся святых таин и им чинити по тому же по правильному рассуждению и по своему архиерейскому рассмотрению.*

А которые покаяния и обращения не принесут и учнут стоять в том своем воровстве упорно и таких по тому ж по определению, дав им сроку на шесть недель, будет не покарятся, отсылать к градскому суду в приказы, описывая вины их, и тех воров, как присланы будут к розыску, пытать, от кого они научены и сколь давно, и на кого станут говорить, и тех оговорных людей имать и роспрашивать кроме духовного чина и давать им меж себя очные ставки, а с очных ставок тех оговорных людей, не пытав, потому ж отсылать к святейшему патриарху и ко архиереом для духовного истязания, как о том писано выше сего. И буде они, по том духовном истязании и отсидя шесть недель, учнут после первых своих распросов говорить что в прибавок или учнут на кого говорить, им в том не верить для того, что они в первых своих распросех на тех людей и того, что станут в прибавок говорить, не говорили. Да, будет такие люди явятся винны и в винах своих в ту шесть недель не обратятся и покаяния не принесут, и их потому ж с языки пытать и которые и с пыток учнут в том стоять упорно ж, а покорения святей церкви не принесут, и таких за такие вины по трикратному у казни вопросу, буде не покарятся, сжечь в срубе. А буде у смертной казни» и т. д. тождественно с редакцией 8 марта.

[1] В тетради № 90 есть еще лист со статьею без номера о продаже с торгов имущества казненных богохульников, еретиков, раскольщиков и лиц, которые за них ручались или которые, зная о них, не доносили. Но это лист вставной, не скрепленный подписью дьяка Василия Нестерова, которою скреплены остальные листы тетради с нумерованными статьями.

священника зашибет в церкви или в олтаре, а не окровавит и святая не испровержет, и такого (*зачеркнуто:* бесчинника) мятежника (*зачеркнуто:* по испытанию отсечь левая рука и сослать) одину (?) бить кнутом и (*зачеркнуто:* запятнав) положить на нем пятно на лбу „*М*", а на правой щеке „Ц" для того, что он церковной мятежник.	кви или в олтаре, а не окровавит и святая не испровержет, и такого мятежника по розыску бить кнутом и положить на нем пятно на лбу „мыслете", а на правой щеке, „ци" для того, что он церковной мятежник.

Итак, выработка проекта нового Уложения проходила следующие фазы. В канцелярии Палаты подьячими, прикомандированными туда из приказов, подразделенными на группы, под руководством состоявших при Палате дьяков был разобран и соответствующим образом распределен по главам старого Уложения доставленный приказами новоуказный материал. Новоуказные статьи прежних государей и недавние «новосостоятельные указы» самого Петра были подписаны под теми статьями старого Уложения, к которым они относились, и в таком виде эти статьи представлялись в Палату. Палата подвергала представленный материал рассмотрению, стремясь вести это рассмотрение в последовательном порядке глав старого Уложения, причем, однако, приходилось делать отступления от этого порядка. Рассмотрение происходило в трех чтениях. В первом чтении Палата начинала с представленных канцелярией материалов, т. е. со статей старого Уложения с подписанными под ними выписками из Новоуказных статей. Эти материалы подвергались неоднократному обсуждению, в результате которого, возвращаясь опять в канцелярию, они перерабатывались в статьи нового проекта. Не ограничиваясь источниками, обозначенными указом 18 февраля, т. е. статьями старого Уложения и новоуказным материалом, Палата вносила в проект статьи, составленные по ее собственной инициативе, проявляя, таким образом, некоторое законодательное творчество. По окончании первого чтения выработанный проект подвергался рассмотрению во втором и третьем чтениях.

Работа над проектом в первом чтении, когда приходилось обширный, накопленный за 50 лет, новоуказный материал превращать в статьи нового Уложения, пополняя вскрывающиеся пробелы самостоятельным творчеством, была, конечно, наиболее интенсивной; поэтому первое чтение заняло особенно долгое время, оно продолжалось более 1½ лет: с марта 1700 по 13 октября 1701 г. и заняло 128 заседаний. Палата начала эту работу с третьего заседания: первые два были посвящены предварительным распоряжениям. Второе чтение, когда перед Палатой был уже проект, подразделенный на главы и статьи, прошло быстрее, длилось год, но с большими перерывами и заняло 58 заседаний. Третье чтение проходило уже совсем быстро; в пяти заседаниях в течение трех недель Палата успе-

ла рассмотреть с I главы по 121 статью X главы Уложения. Всего Палата имела 193 заседания.

Из той быстроты, с которой проходило третье чтение, можно заключать, что перед Палатой в этом чтении был уже совсем готовый проект нового Уложения, и вся задача третьего чтения заключалась в том, чтобы на изготовленный проект наложить, так сказать, редакционный лоск. Тем самым решается как будто вопрос о результатах работы Палаты, о том, было ли ею исполнено данное ей поручение, было ли новое Уложение составлено? На этот вопрос можно отвечать положительно: Уложение было составлено. Если бы, в самом деле, оно составлено не было, что̀ могла бы Палата прослушивать в столь быстром третьем чтении? К сожалению, вопрос о судьбе экземпляров проекта, того, который представлялся Палате в третьем, или хотя бы того, который был результатом второго чтения, остается пока невыясненным. Сохранились ли где-либо эти экземпляры или нет? Из того, что бумаг Палаты, хранящихся в Архиве Государственного совета, немного, можно притти к заключению, что бо̀льшая часть этих бумаг, находившихся в тех «сундуках и ящиках», о которых упоминается в заметке о переходе Палаты и о переносе ее дел из Расправной палаты в Ответную 25 февраля 1702 г., не сохранилась. При той неясности, в которой находится до сих пор остаток архива Палаты, нельзя с точностью сказать, что̀ в нем сохранилось и что̀ нет. Поленов, единственный, кто обозревал этот материал в его целом, свидетельствует, что он видел 16 глав проекта в черновых списках. Однако из того, что чистовые экземпляры, те, которые были результатом второго и третьего чтения, не сохранились, никак нельзя заключать, что проект не был составлен, раз мы имеем ясное свидетельство журнальных записей о рассмотрении всех 25 глав Уложения и притом о троекратном их рассмотрении. Вот почему на вопрос о том, было ли Палатой 1700 г. составлено новое Уложение, ответ может быть только положительный.

Другой вопрос о том, почему все-таки работы Палаты были при самом их конце прерваны и почему составленное ею Уложение не было утверждено и введено в действие, не поддается такому ясному решению. Какие причины помешали принятию проекта, имело ли здесь место критическое отношение к работам Палаты и отрицательный взгляд на ее результаты или Петр, увлеченный Северной войной, потерял на время интерес к кодификации, сказать трудно. В самой Палате были иные ожидания и надежды. Еще в 1701 г., когда, повидимому, Палата рассчитывала кончить свои работы, был уже в ней заготовлен проект манифеста, долженствовавшего возвестить народу об издании нового Уложения. В этом проекте указываются прежде всего побудительные причины, заставившие предпринять работу по пересмотру старого Уложения, цели, к которым была направлена

эта работа, состав комиссии, которой она была поручена, а также порядок окончательного рассмотрения и утверждения проекта. Манифест указывает, что великому государю из совещаний его с освященным собором и с боярской думой — с «бояры и с окольничими, и с думными, и с ближними людьми» стало известно, что в столице и в городах возросла и усилилась дерзость раскольников, в судах происходит ябедничество и душевредство и вообще увеличилось число преступлений: «умножилась нелюбовь и ссоры и немилосердия, и обиды, и драки великие, и бои, разбои, татба и кражи». И вот, чтобы все это пресечь и чтобы установить равный для всех суд, «чтобы Московского государства всяких чинов людем от большего и до меньшего чину расправа была во всяких делех всегда ровная», великий государь указал учинить новое свое соборное (?) Уложение, «списав и исправя с прежним Уложеньем», а также внести в новое Уложение статьи «из правил св. апостол и святых отец, из градских законов, из указов вселенских и московских патриархов и из боярских приговоров по вершеным делам», т. е. общих приговоров думы, состоявшихся по поводу отдельных судебных дел, восходивших на решение думы. Составление нового Уложения великий государь поручил боярам князю И. Б. Троекурову, князю М. Г. Ромодановскому, князю М. Н. Львову и т. д. — перечислены поименно вошедшие в состав Палаты окольничие, думные дворяне, думные дьяки — «да стольником и дворяном, и дьяком, которым у того его, великого государя, дела быть велено по росписи из Разряду». Палата, совершив порученную ей работу, представила ее государю. Государь, говорится далее в манифесте, слушал представленный проект Уложения с освященным собором и с боярской думой, а затем указал «то все нынешнее Уложение написать в книгу» и закрепить ту книгу всему освященному собору «и бояром, и окольничим, и думным людем, и вышепомянутым стольником, и дворяном, и дьяком», т. е. составу Уложенной палаты. Таким образом, по манифесту окончательное рассмотрение проекта Уложения должно было происходить в присутствии освященного собора и боярской думы, а утверждение его должно было совершиться в виде рукоприкладства к нему освященного собора, боярской думы и Уложенной палаты. Привлекать Земский собор к рассмотрению и утверждению проекта не предполагалось, хотя составители манифеста ясно вспоминали, что прежнее Уложение в 156 и 157 годах было, кроме освященного собора и боярской думы, еще и «всего Московского государства к тому делу выборных людей руками укреплено и подтвержено». Но Земский собор был уже учреждением отмершим и выпавшим из государственного строя; о нем в 1701 году вспоминали, когда говорили о прежнем Уложении, но созывать его для утверждения нового Уложения не думали. Для вящей же силы и крепости нового кодекса «вечного ради

утверждения во свидетельство верное и вечное» два рукописные скрепленные рукоприкладством экземпляра нового Уложения должны были быть припечатаны царской золотой печатью и положены один в Успенском соборе, другой же экземпляр предполагалось положить в царской казне, т. е. на Казенном дворе, служившем архивом, где тогда хранились важнейшие государственные акты. С этих подлинников предполагалось «напечатать многие книги» и разослать их по приказам и по городам и затем уже «всякие дела делать по сему новоизложенному Уложению» [1]. Однако эти мероприятия не были осуществлены, так как новое Уложение, по причинам нам неизвестным, не было утверждено.

XXX. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ в 1699—1700 гг.

Боярская дума

Кроме рассмотренной уже нами выше [2] крупной административной реформы, какой была городская реформа 1699 г., охватывавшая устройство центрального городского управления, а также местного по всему государству, за исключением Сибири, в изучаемый период времени (1699—1700 гг.) можно наблюдать еще некоторые отдельные небольшие изменения в устройстве существовавшей тогда государственной машины. Эти перемены не крупны по значению, и не ради их собственного значения их стоит отмечать; но их не следует терять из виду потому, что впоследствии из таких накапливающихся мелочей отложатся крупные заметные изменения в очертаниях государственного устройства. Мелкие преобразования в управлении производились в изучаемые годы не по какому-либо общему плану, и в них нельзя видеть последовательного развития какой-либо единой определенной программы: они были отдельными, частичными, индивидуальными. Они имели значение отдельных, частичных поправок в государственной машине, предпринимавшихся для удовлетворения различных потребностей момента. Чтобы познакомиться с этими поправками, нам прежде всего надлежит возобновить в памяти основной остов тогда существовавших и действовавших государственных учреждений.

На вершине государственного устройства в непосредственном соприкосновении с верховной властью продолжает действовать боярская дума. Земский собор, как соединенное собрание боярской думы, членов церковной иерархии — освященного собора, и выборных представителей от служилого и посадского

[1] *Поленов,* Материалы, стр. 58—64.
[2] См. т. III настоящего издания, стр. 235—335.

сословий, совершенно вышел из употребления и обратился в отдаленное историческое воспоминание. В образованной в 1700 г. Палате об Уложении, учрежденной именно для того самого дела, для которого некогда в 1648—1649 гг. созывался Земский собор, вспоминали о том, что старое Уложение 1649 г. было «всего Московского государства к тому делу выборных людей руками укреплено и подтверждено»[1]; но о созыве Земского собора для принятия нового Уложения, которое составлялось в Палате, речи уже не поднимали. Боярская дума продолжает действовать. В. О. Ключевским в книге «Боярская дума»[2] приведены из записок русских современников и иностранцев свидетельства о собраниях и деятельности думы за 1697—1700 гг. Там говорится о заседании думы для суда над участниками заговора Цыклера, о распорядительной ее деятельности по получении известий о мятеже четырех стрелецких полков, двинувшихся на Москву летом 1698 г., о чем повествует Гордон в своем дневнике, о заседаниях 1 и 2 января 1699 г., происходивших, по свидетельству Корба, для совещания о войне и мире, о конце заседания думы на обеде у Лефорта, на котором был Корб, о заседаниях, на которых, по рассказу Перри, будто бы рассматривался проект указов о городской реформе, возбудивших решительную оппозицию бояр.

Но есть и подлинные памятники деятельности думы: это ее законодательные постановления и судебные приговоры. Из них видно, что дума продолжает законодательствовать и судить в виде верховного законодательного и судебного учреждения. Хотя Петр все чаще начинает выступать как единоличный законодатель, действующий именным указом, скрепленным думным дьяком, притом по делам, круг которых все расширяется и становится поразительно разнообразен, однако и боярская дума продолжает принимать участие в законодательстве, собираясь или без царя или в его присутствии и под его председательством. В Полном Собрании Законов акты, принятые одними боярами без царя, М. М. Сперанский помещал под заголовком: «боярский приговор»; актам же, принятым думою в присутствии государя, давал заголовок: «именной (указ) с боярским приговором». В этих последних актах находим обычную для таких случаев формулу: «великий государь указал и бояре приговорили». За 1699 и 1700 гг. в Полном Собрании Законов есть несколько законодательных актов того и другого рода: и боярских приговоров, и именных указов с боярским приговором. Таковы боярские приговоры: 1 января 1699 г. о записывании в купечество крестьян казенных, патриарших, монастырских и помещичьих, желающих жить для торговых промыслов в Москве, и 8 марта следующего, 1700, года о взима-

[1] *Поленов,* Материалы, стр. 61. Проект манифеста об издании нового Уложения, составленный в Палате в 1701 г.

[2] *В. О. Ключевский,* Боярская дума, 1902, стр. 438—442.

нии пошлин с крепостных актов[1]. В форме именных указов с боярским приговором были изданы постановления: 3 ноября 1699 г. о взятии с подложных купчих и закладных с продавцов и с закладчиков пошлинных денег в двойном размере. Постановление это состоялось по докладу Поместного приказа, по которому «великий государь указал и бояре приговорили» и т. д. Далее следуют именные указы с боярским приговором: 9 декабря 1699 г. о порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникновения спора или сомнения об их подлинности, о запрещении писать всякие крепостные акты на Ивановской площади и о писании их в приказах[2]. 15 декабря 1699 г. — об оставлении «корел», вышедших из-за границы, за помещиками, духовными властями и монастырями, если они записаны за ними в переписных книгах; 4 мая 1700 г. по докладу Московского Судного приказа о челобитчиках, ищущих бесчестья за оскорбительные, произнесенные по их адресу слова, например, «из-под бочки тебя тащили», «черти тебе сказывают», «не Воротынский де ты, лаешь», «трус» и т. д., «Великий государь, сей выписки слушав, указал и бояре приговорили в таких исках отказывать и с истцов брать пошлинные деньги вдвое»[3]; 24 мая 1700 г. — о записке во всех приказных палатах и избах в книги допросных и приводных дел, подлежащих Московскому Судному приказу, и о присылке в Москву взятых с тех дел пошлин; 19 июля 1700 г. — об отдаче поместья в вотчину детям, если оно было прежде за отцом в поместье, потом дано сыну в вотчину и от него было возвращено отцу его. В этом последнем акте рассмотрен один частный случай, по разрешении которого было принято общее постановление решать подобные дела на будущее время так же; постановление это начинается прежней обычной в таких случаях формулой *«да и впредь великий государь указал и бояре приговорили*: который отец сыну поступится поместья» и т. д.[4] Как видим, законодательные акты, исходящие от боярской думы или принятые с ее участием за рассматриваемый период времени, очень немногочисленны, во много раз уступают по количеству именным указам, а по содержанию — далеко не первостепенного и не общего значения; частные случаи: приписка лиц тяглого состояния к месту жительства, технические вопросы, касающиеся составления крепостных актов на имущество, мелочи поместного права. Притом все это мелкие

---

[1] П.С.З., № 1666, 1774.

[2] П.С.З., № 1714, 1732. Ср. Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 369—370: «декабря в 9-м числе 208 году *по именному великого государя указу и по боярскому приговору* купчие и закладные, и поступные, и сделошные, и всякие крепости, которые по Уложению писываны на Ивановской площади, велено писать в приказех подьячим добрым с ведома тех приказов судей» и т. д.

[3] Дворцовые разряды, IV, 1132, 1133.

[4] П.С.З., № 1783, 1807.

постановления, шедшие по прежнему руслу, спокойно и естественно развивавшие и дополнявшие прежние нормы. Наоборот, все сколько-нибудь общее и крупное, как городская реформа 1699 г., организация регулярной армии, а также и все то, что было более или менее резким новшеством, все это проводилось именными указами.

Можно указать признаки также и судебной деятельности боярской думы за изучаемое время. Как и прежде, она выступает в качестве высшего судебного органа, решающего, однако, судебное дело и в первой инстанции, если это дело почему-либо представляется имеющим особую важность. В Полном Собрании Законов за 14 февраля 1700 г. под заголовком: «Боярский приговор. О наказании незнающих медицинских наук и по невежеству в употреблении медикаментов, причиняющих смерть больным» [1] помещен не законодательный акт, а судебный приговор думы по делу человека боярина Петра Петровича Салтыкова — Алешки Каменского, который лечил болевшего боярина и «принашивал лекарства, и от тех лекарств он, боярин Петр Петрович, умре скорою смертью». В приговоре изложено показание самого Алешки, говорившего, что он боярина лечил и покупал ему лекарства в зелейном ряду и 17 апреля 1699 г. по требованию боярина для сна дал ему в хрустальном стакане арьяну; далее в приговоре содержится показание сидельца зелейного ряда Ганьки Варфоломеева, продавшего лекарство, справка, доставленная из Аптекарского приказа с свидетельством докторов и лекарей об употреблении арьяна, и приведен прецедент: ссылка в 1686 г. лекаря, по небрежности отпустившего больному подьячему вместо другого лекарства сулему, от которой подьячий умер, после чего всем лекарям был сказан указ: «буде кто нарочно или ненарочно кого уморят, а про то сыщется, и им быть казненным смертью». Наконец, изложено постановление: «и ныне по указу великого государя и по боярскому приговору за пометою думного дьяка Автамона Иванова Алешку Каменского... сослать в ссылку с женою на каторгу». По всей вероятности, этот судебный приговор мог служить образцом на будущее время для решения в других подобных случаях, как и всякое судебное решение думы. Во всяком случае в напечатанном его тексте нет такой общей нормы, которая позволяла бы считать этот акт общим законом «о наказании незнающих медицинских наук и причиняющих смерть больным», как это сделали составители Полного Собрания Законов. Это судебный приговор думы по внесенному на ее рассмотрение делу.

Так же, как и раньше, боярский совет нигде не носит официального названия «боярская дума», хотя члены его и называются «думными людьми». Наиболее обычное название этого

---

[1] П.С.З., № 1756.

совета просто «бояре». В нем участвуют те же самые чины, которые участвовали в нем в течение всего XVII столетия. В рассматриваемые нами годы в Разряде продолжали составляться ежегодно так называемые «боярские списки», в которые заносился весь наличный состав думных чинов, причем в списках отмечались происходившие за год с тем или другим лицом перемены: производство в высший чин, нахождение на воеводстве вне Москвы, ссылка в опале, наконец, смерть. По боярским спискам можно получить представление о личном составе думных чинов за любой год[1].

---

[1] ***Вот состав их за 207 год*** (1 сент. 1698 — 1 сент. 1699).

Бояре.

Князь Петр Иванович Прозоровской, князь Володимер Дмитриевич Долгорукой, князь Михайло Алегукович Черкасской, князь Иван Борисович Троекуров, князь Петр Иванович Хованской — в Киеве, князь Михайло Григорьевич Ромодановской, князь Юрьи Семенович Урусов, князь Михайло Яковлевич Черкасской — в Тобольску, князь Борис Иванович Прозоровской, Алексей Семенович Шеин, Никита Костянтинович Стрешнев, Матвей Богданович Милославской — велено жить в деревне до указу, Борис Петрович Шереметев, князь Михайло Иванович Лыков — у города Архангельского, Борис Гаврилович Юшков, князь Андрей Иванович Голицын, Алексей Петрович Салтыков, князь Петр Иванович Хованской, князь Иван Иванович Хованской, Федор Петрович Шереметев, Лев Кирилович Нарышкин, Петр Петрович Салтыков — умре, Тихон Никитичь Стрешнев, Степан Иванович Салтыков, Ларион Семенович Милославской — умре, Федор Аврамович Лопухин — на Тотьме, князь Борис Алексеевичь Голицын, Петр Большой Аврамович Лопухин, князь Алексей Петрович Прозоровской — в Азове, князь Андрей Петрович Меньшого Прозоровской, Яков Степанович Пушкин — велено жить в Касимовской (д) до указу — умре, Михайло Юрьевичь Татищев, Петр Тимофеевичь Кондырев, Петр Самойловичь Салтыков — в Смоленску, Василей Федоровичь Нарышкин, Федор Алексеевич Головин, князь Иванъ Юрьевичь Трубецкой, князь Михайло Микитичь Львов, князь Микита Петрович Меньшого Прозоровской, князь Яков Федорович Долгорукой — в Белегороде. *В нынешнем в 207-м году великий государь пожаловал в бояре сентября в 9 день.*
Иван Алексеевичь Мусин-Пушкин — из окольничих — в Астрахани.

Кравчие.

Василей Федоровичь Салтыков, Кирило Алексеевичь Нарышкин — во Пскове.

Околничие.

Василей Савичь Нарбеков, Андрей Васильевичь Толстой, Иван Федоровичь Пушкин, Иван Алексеевичь Мусин-Пушкин — в Астрахани (сентября в 9 ден великий государь пожаловал в бояре). Князь Федор Иванович Шаховской, князь Дмитрей Нефедьевичь Щербатой, князь Федул Федорович Волконской, князь Иван Степановичь Хотетовской — в Чернигове, Семен Федоровичь Толочанов, Алексей Тимофеевичь Лихачов, Михайло Тимофеевичь Лихачов, Михайло Васильевичь Собакин — в Переяславле, князь Петр Лукичь Львов — в Казани, Иван Иванович Головин, Микита Иванович Акинфов — в Нежине, Петр Матвеевичь Опраксин — в Новегороде, Тимофей Петрович Савелов — умре, Михайло Иванович Глебовъ — у патриарха, Андрей Иванович Левонтьев, Федор Тихановичь Зыков, Василей Федоровичь Стрешнев, Александр Петровичь Протасьев, Федор Савичь Нарбековъ, Андрей Артемоновичь Матвеев, Петр Иванович Потемкин — на Самаре в Ново-

Из списка 207 г. видно, что на 1 сентября 207 г. (1698—1699 гг.) членов думы состояло: бояр — 40, кравчих — 2, окольничих — 32, постельничих — 2, думных дворян — 23, стряпчих с ключом — 2, думных дьяков — 11, всего 112 человек. За год произошли перемены: из состава бояр умерло 3 (П. П. Салтыков, скоропостижно умерший весною 1699 г. от неудачного лечения, Л. С. Милославский и Я. С. Пушкин, проживавший в ссылке в касимовской деревне, в опале по связи с делом Цыклера); в бояре пожалован был из окольничих Ив. Ал. Мусин-Пушкин. Из состава окольничих умерло 2 (Т. П. Савелов и А. В. Толстой [1]); за производством в бояре выбыл 1. Из состава думных дворян умерло 3 (А. И. Хитрой, Ф. А. Зыков, Ф. И. Чемоданов). Из думных дьяков умер 1 (М. П. Прокофьев). Таким образом, к началу следующего года, именно на 1 января 1700 г., состояло: бояр — 38, окольничих — 29, думных дворян — 20, думных дьяков — 10. В составе

богородицкомъ, князь Михайло Федорович Жировой-Засекин, князь Михайло Андреевичь Волконской — на Терку, князь Юрьи Федоровичь Щербатой, Тимофей Васильевичь Чоглоков, князь Петр Григорьевичь Львов, Семен Ивановичь Языков, Василей Борисовичь Бухвостов.

Постельничие.

Гаврило Ивановичь Головкин, Алексей Михайловичь Татищев.

Думные дворяне.

Федор Григорьевичь Хрущов, Петр Савичь Хитрой, Василей Лаврентьевичь Пушечников, Василей Семеновичь Змеев, Абрам Ивановичь Хитрой — умре, Микита Савичь Хитрой, Посник Григорьевичь Огарев, Федор Андреевичь Зыков — умре, Андрей Яковлевичь Дашков, Степан Богдановичь Ловчиков, Иван Ивановичь Панин, думной дворянин и печатник Дементей Миничь Башмаков, Степан Савичь Нарбеков, Петр Ивановичь Пропчищев, Семен Протасьевичь Неплюев — в Курску, Иван Семеновичь Ларионов — в Азове в товарыщах, Иван Петровичь Чаплыгин, Борис Ивановичь Лихарев, Федор Иванович Чемоданов — умре, Григорей Семеновичь Супонев, Иван Остафьевичь Власов, Иван Ивановичь Щепин — на Таганрогу, Федор Ивановичь Головленков.

Стряпчие с ключом.

Панкратей Богдановичь Супороков, Левонтей Богдановичь Плохой.

Думные диаки.

Данило Левонтьев сынъ Полянской — для сыску в Сибири, Емельян Игнатьев сын Украинцов, Микита Моисеев сын Зотов, Протасей Иванов сын Микифоров, Автамон Иванов сын Иванов, Гаврило Федоров сын Деревнин, Любим Алферьев сын Домнин, Прокофей Богданов сын Возницын, Митрофан Петров сын Тугаринов, Михайло Прокофьев сын Прокофьев — умре, Андрей Андреев сын Виниюс (Арх. мин. юст., Боярский список, кн. № 43, л. 1—11).

[1] Отметки о его смерти в приведенном списке нет; но в столбце № 767 Московского стола Разряда, л. 248, в списке, по которому рассылались повестки 13 октября 208 г. на собрание думы, его имя вычеркнуто и стоит отметка *умре*. В боярском списке 208—1700 гг. он уже не значится. (Боярский список, кн. № 43, л. 349—357.)

придворных чинов: кравчих, постельничих и стряпчих с ключом перемен не произошло. Отметим здесь же проникновение новшеств и в составлявшиеся по старинному боярские списки: с 1700 г. боярин Б. П. Шереметев начинает именоваться в списках новым своим титулом и пишется: «боярин и военной кавалер мальтийской свидетельствованной», а с 1701 г. думный дьяк П. Б. Возницын пишется «думным советником», титул, пожалованный ему при оставлении его на посольстве в Вене в 1698 г., причем в списке 1701 г. отмечено также, что 26 июня этого года великий государь его пожаловал, велел в боярских книгах и в списках и во всяких письмах писать его с «вичем» выше думных дьяков.

В течение 1700 г. боярский список терпит дальнейшие изменения [1].

На 1 января 1702 г. в составе думных чинов насчитывалось: бояр 30, кравчих 2, окольничих 22, постельничих 2, думных дворян 20, стряпчих с ключом 2, думных дьяков 8, всего 86 человек. За три года, как видим, думный состав сильно сократился, с 112 до 86 человек. Особенно поредели старший чин бояр, потерявший четверть своего состава, спустившийся с 40 до 30 человек, и чин окольничих, потерявший еще более, почти $^1/_3$ состава, спустившийся с 32 до 22 человек. Смерть уносила старых бояр и окольничих, а новых пожалований, которыми могла бы восполняться убыль, почти не производилось. Единственное пожалование И. А. Мусина-Пушкина в бояре в 1699 г. было должно быть последним случаем в этом роде. В окольничие никто возведен не был. Старая боярская дума начинает вымирать естественною смертью. Это вымирание станет еще более наглядным, если припомнить, что за десять лет перед изучаемым моментом по списку 200 г. (1691—1692 гг.) число членов думы было 182, в том числе бояр 66, окольничих 58, думных дворян 39, думных дьяков 13. Число кравчих, постельничих и стряпчих с ключом не изменялось, равнялось 6. Из этого сопоставления видно, что состав думных чинов за десятилетие уменьшился с 182 до 86 человек, т. е. более чем вдвое [2].

---

[1] Из бояр умерло 3 (А. С. Шеин, умер 2 февраля, П. Т. Кондырев и В. Ф. Нарышкин); из окольничих — 6 человек (И. Ф. Пушкин, И. И. Головин, Ф. Т. Зыков, А. П. Протасьев, Ф. С. Нарбеков, П. И. Потемкин); из думных дворян — 2 (А. Я. Дашков, П. И. Прончищев). Состав остальных чинов не изменился, так что на 1 января 1701 г. состояло бояр — 35, окольничих — 23, думных дворян — 18. Кравчие, постельничие, стряпчие с ключом и думные дьяки оставались те же. За 1701 г. состав думных чинов еще сократился: из бояр умерло 5 (князь В. Д. Долгорукий, князь М. И. Лыков, умер 15 февраля, князь И. И. Хованский, П. А. Лопухин, М. Ю. Татищев), из окольничих умер 1 (С. И. Языков, умер 27 ноября), из думных дьяков — 1 (М. П. Тугаринов). Были пожалованы в думные дворяне: из думных дьяков Н. М. Зотов — 29 июня; ему же передана была взятая от Д. М. Башмакова печать, так что он стал именоваться думным дворянином и печатником; из комнатных стольников И. И. Исленьев — 30 мая.

[2] Арх. мин. юст., Боярские списки, № 43, 45, 33.

Тот значительно с каждым годом сокращавшийся личный состав думных чинов, который внесен в боярские списки, был все же гораздо шире того *наличного* состава этих чинов, который за каждый рассматриваемый год находился в Москве. В списке всегда некоторое число членов думы отмечено отсутствующими из столицы, причем еще отмечены не все, которые действительно отсутствовали [1].

Следовательно, число находящихся в столице членов думы всегда значительно меньше числа значившихся по списку. Из наличных членов думы не все, однако, приглашаются на засе-

---

[1] Так в приведенном выше списке думных чинов за 207 г. (1698—1699 гг.) отмечены отсутствующими на воеводствах бояре князь П. И. Хованский — в Киеве, князь М. Я. Черкасский — в Тобольске, князь М. И. Лыков — в Архангельске, князь А. П. Прозоровский — в Азове, П. С. Салтыков — в Смоленске, князь Я. Ф. Долгорукий — в Белгороде и вновь пожалованный из окольничих И. А. Мусин-Пушкин — в Астрахани. Боярин Ф. А. Лопухин, опальный отец царицы Евдокии, был воеводою на Тотьме до октября 1699 г., когда он был от воеводства отставлен и велено ему было проживать в Мещовской деревне, куда он и отправился. В ссылке в своих деревнях жили еще два опальных боярина: М. Б. Милославский и Я. С. Пушкин, последний в этом году и умер. Так что из бояр отсутствовало из Москвы в 1699 г. 10 человек. Кравчий К. А. Нарышкин был воеводою во Пскове по конец 1699 г., когда его велено было сменить окольничему И. И. Головину по первому зимнему пути. Из окольничих отмечены отсутствующими бывшие на воеводствах князь И. С. Хотетовский — в Чернигове, М. В. Собакин — в Переяславле, князь П. Л. Львов — в Казани, Н. И. Акинфов — в Нежине, П. М. Апраксин — в Новгороде, П. И. Потемкин — на Самаре в Новобогородицком, князь М. А. Волконский — на Терке. Против имени окольничего М. И. Глебова стоит отметка: «у патриарха». Он управлял Патриаршим разрядом. В следующем, 1700, году он находился в Азове. Отсутствовал из Москвы во второй половине 1699 г., хотя об этом и нет отметки в списке, уехавший в начале августа, 6-го, на посольство в Голландию А. А. Матвеев. Всего окольничих отсутствовало в течение 1699 г. или части его 10 человек, считая и И. И. Головина, выехавшего во Псков в конце 1699 г. Из думных дворян значились отсутствующими: С. П. Неплюев на воеводстве в Курске, И. С. Ларионов — в Азове в товарищах, И. И. Щепин — в Таганроге. Из думных дьяков Д. Л. Полянский весь год находился на ревизии в Сибири, Е. И. Украинцев в августе 1699 г. выехал из Керчи на посольство в Константинополь. (Отметки об его отсутствии в списке нет. Замечательно, что, находясь на посольстве в Константинополе, он считался присутствующим в Москве в Посольском приказе, так что памяти из других приказов в Посольский писались на его имя.) Таким образом, за 1699 г. в отсутствии из Москвы находилось бояр — 10, кравчий — 1, окольничих — 10, думных дворян — 3, думных дьяков — 2, всего 26 человек, из которых 1 умер. В список думных людей на 1699 г. внесено всего 112 человек. Если вычтем из этого числа 9 умерших и 25 живых, отсутствовавших в течение года или его части, то получим число наличных, постоянно находившихся в течение 1699 г. в Москве членов думы — 78 человек. На 1 января 1700 г. число членов думы по боярскому списку было 103. Из них за 1700 г. умерло 11 человек и отсутствовало в течение всего года или его части на воеводствах, на посольствах и в ссылке 24 человека. Следовательно, число наличных, постоянно находившихся в Москве, членов думы было еще меньше: всего 103 — (11 + 24) = 68 человек. То же и за следующие годы. К причинам отсутствия присоединился еще плен. В боярском списке за 1701 г. бояре князь И. Ю. Трубецкой и князь Я. Ф. Долгорукий показаны «в полону», в который они попали под Нарвой.

дания думы, так что число приглашаемых бывало всегда еще меньше числа наличных. В одном из столбцов Разрядного приказа находим несколько документов, проливающих, правда, лишь очень неполный и слабый свет на собрания думных чинов, происходившие в период времени с октября 1699 г. по начало апреля 1701 г. Это записи о рассылке подьячих Разряда «повещать» членам думы о собрании, приглашать на заседания. По ним видно, что собрания думных чинов происходили и члены думы приглашались 13 октября и 22 декабря 1699 г., 31 января, 5, 9 и 18 февраля, 15 июня, 5 июля, 30 октября 1700 г. и 1 и 4 апреля 1701 г.[1] Это, однако, вовсе не значит, что не было заседаний в иные дни, записи о которых могли до нас не дойти. В большинстве записей указано место собрания, в некоторых время; не всегда то и другое в записях обозначалось, потому что передавалось разосланными подьячими на словах. Предмет собрания в трех записях обозначен глухо: «для государева дела», в остальных не обозначен, и о нем можно в иных случаях только догадываться по тем или другим соображениям и совпадениям чисел. Переберем дошедшие до нас приглашения последовательно одно за другим. В записи о вызове думных чинов на 13 октября 1699 г. читаем: «Посланы подьячие на дворы к бояром повестить, чтоб были сего октября в 13 день в 3-м часу (по восходе солнца) вверх в суконных добрых кафтанах». Это, очевидно, был вызов думных чинов на торжественную приемную аудиенцию великому шведскому посольству, происходившую 13 октября вверху в Столовой палате. Это не было собственно заседание думы, а только присутствие ее на торжественном приеме посольства, припомним, что в официальном статейном описании приема отмечено, что бояре были именно «в суконных кафтанах»[2]. 22 декабря 1699 г. и 31 января 1700 г. подьячие посылались к боярам на дворы для приглашения их в Преображенское на Генеральский двор. Предметы заседаний в эти дни остаются неизвестными. Из других документов знаем, что 31 января 1700 г. производились розыски над оставшимися стрельцами по делу о бунте 1698 г.[3] На 5 февраля члены думы вызывались в Преображенское на Генеральский двор «за час до света», причем предписывалось везти туда же «колодников» с замечанием: «а у кого нет, и те б ехали же». Бояре собирались на это число для постановления приговора над теми участниками стрелецкого мятежа, которые до времени оставлены были в живых после казней 1698 и 1699 гг. и часть которых роздана была по боярским дворам для содержания их под караулом; поэтому и предписывалось захватывать

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 238 и сл.; 311 и сл.; 378 и сл.; 349 и сл.; 445 и сл.; 410 и сл.; 514, 808 и сл.; 812 и сл.; 562; 654 и сл.; 878 и сл.

[2] См. выше стр. 132.

[3] Гос. арх. разряд VI, № 12, карт. 3, л. 203—226, карт. 4, ст. 22, 31, 50.

с собою в Преображенское колодников[1]. В этот день дума окончить стрелецкого дела не успела и потому собиралась еще раз, 9 февраля 1700 г.[2] 18 февраля 1700 г. были посланы подьячие к боярам, окольничим и думным людям, «чтоб они сего числа и часа были вверх», надо полагать, для приема голландского резидента ван-дер-Гульста и для присутствия при аудиенции датскому послу, состоявшихся в этот день в Столовой палате[3]. 15 июня в 7-м часу дня по восходе солнца бояре вызывались в Преображенское *в приказ,* и в записи зачеркнуты следовавшие затем слова «к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому». Отношение князя Ф. Ю. Ромодановского к думе было большим, хотя и негласным, официально необъявленным новшеством. Припомним, что во время отсутствия Петра за границу он стоял как бы во главе оставленного в Москве правительства, и, по словам князя Б. И. Куракина, всем боярам и судьям велено было «прилежать до него, Ромодановского, и к нему съезжаться всем и советовать, когда он похочет». — «Стольник, — восклицает, отмечая это новшество, В. О. Ключевский, — стал председателем боярской думы!»[4]. Может быть, судя по месту заседания, бояре собирались в этот день в Преображенском приказе для какого-либо розыска и суда. 5 июля и 30 октября заседания назначались в Преображенском: в первом случае в пятом часу дня, во втором время не указано. 1 и 4 апреля 1701 г. бояре вызывались вверх в Столовую палату «для государева дела», на первое из этих заседаний «в третьем часу дня». Из приведенных случаев видно, что бояре собирались на заседания чаще всего в Преображенском в ранние утренние часы, раз даже должны были съехаться «за час до света».

Рассылка подьячих для оповещения о собрании бояр была в Разряде издавна и хорошо налаженным делом и, вероятно, производилась гладко и быстро. Подьячие посылались или накануне перед собранием, или в тот же день, и в последнем случае, конечно, ранним утром, вероятно, еще до рассвета, раз что и самые собрания происходили ранним утром; при этом иного боярина посланный уже дома не заставал: тот уже до повестки уехал на место заседания, очевидно, зная о нем. Москва была подразделена для рассылки на определенные почти одни и те же районы; в каждый такой район посылался особый подьячий, получая из приказа маленький листок со списком приглашаемых бояр, живущих в этой местности.

---

[1] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 27, 36; карт. 5, ст. 13, 16; карт. 7, ст. 36, 40, 76, 83.

[2] Там же, карт. 7, ст. 40: приговоры боярской думы о стрельцах.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 2, л. 143—145; Дела датские 1700 г., № 1, л. 6—9.

[4] *В. О. Ключевский,* Боярская дума, изд. 1902 г., стр. 440.

Обходя дворы указанных в списке членов думы, подьячий устно «повещал» о заседании самого члена думы или кого-либо из его людей, или живущих в его доме «знакомцев». Сохранилась запись формулы того повещения, которое подьячий должен был «сказывать» приглашаемому: «По указу великого государя прислал боярин Тихон Никитич Стрешнев, велел тебе возвестить, чтоб ты завтра был в Столовую палату в третьем часу дня для государева дела»[1]. О результатах своего посещения подьячий делал соответствующую отметку в данном ему списке[2].

По спискам, с которыми рассылались подьячие приглашать бояр, и по отметкам, которые ими делались в списках, можно сделать два наблюдения: во-первых, можно видеть, кто именно

---

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 662а.

[2] Можно присмотреться еще детальнее и конкретнее к технике этих приглашений, приведя пример. Звать бояр на заседание думы 22 декабря 1699 г. было разослано 10 подьячих по следующим местностям: в Кремль, в Китай-город, на Тверскую, на Никитскую и за Никитские ворота, на Мясницкую, Сретенку и Лубянку (эта местность в других случаях обозначалась так: Рожественка, Сретенка и Фроловка), на Пречистенскую и за Пречистенские ворота, на Знаменку, на Дмитровку, на Покровку, на Кулишки. В Кремле жил боярин князь Иван Юрьевич Трубецкой; против его имени посланный к нему подьячий отметил «сказ самому, будет». Подьячий Данило Двойников, отправленный в Китай-город, должен был обойти дворы проживавших там бояр: князя В. Д. Долгорукого, А. С. Шеина, А. П. Салтыкова, князя И. И. Хованского, Ф. П. Шереметева, князя Б. А. Голицына и думного дьяка Любима Домнина. В списке против их имен он отметил: против имени князя Долгорукого — «сказ (т.-е. сказал) самому», А. С. Шеина — «то ж». А. П. Салтыков оказался, по заявлению его человека, в подмосковной деревне; о князе И. И. Хованском человек его сказал, что он выехал со двора; Ф. П. Шереметев ответил, что «будет». Такие же ответы дали князь Б. А. Голицын и думный дьяк Любим Домнин. На Тверскую был отправлен подьячий Григорий Германов; в списке, ему врученном, значились проживавшие на Тверской бояре: князь И. Б. Троекуров, князь М. Г. Ромодановский, князь Ю. С. Урусов, окольничий Т. В. Чоглоков, думный дворянин П. И. Прончищев. В отметках против их имен значится: первые трое князья Троекуров, Ромодановский и Урусов уже «поехали в поход», т.-е. в Преображенское, где был царь «в походе»; об окольничем Т. В. Чоглокове «сказал человек его, что болен», против имени П. И. Прончищева отметка «сказ самому, будет». На Никитской жили бояре: Б. П. Шереметев, князь А. П. Прозоровский, князь Н. П. Прозоровский и окольничий С. И. Языков; против каждого из первых трех отметка «будет», окольничий С. И. Языков «по сказке человека его поехал в Преображенское». Такого же рода отметки и в списках приглашавшихся членов думы по другим районам: «сказ самому», «будет», «в походе», «поехал в Преображенское», «сказали люди его, до повестки съехал в Преображенское», или «болен», «болен, не будет», «за болезнью не будет». Думный дворянин Н. С. Хитрой оказался в Алексинской деревне; окольничий Ф. С. Нарбеков — «в вотчине своей в Московском уезде в селе Беседе». При вызове членов думы на прием шведского посольства на 13 октября, в самый сезон охоты, большое число бояр (из 24 приглашаемых 9) было «в деревне». При вызове на 5 февраля 1700 г., повестка на которое рассылалась 3 февраля, несколько бояр: князь М. А. Черкасский, князь И. Б. Троекуров, князь Ю. С. Урусов отказались быть, ссылаясь на то, что отпущены за телом боярина А. С. Шеина (умер 2 февраля). (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 445—454.)

приглашался на собрание, и, во-вторых, кто из приглашенных свое присутствие обещал и кто по тем или другим приведенным им причинам быть не мог. Наблюдая число приглашаемых на собрания думы, видим, что это число всегда значительно меньше числа наличных проживавших в Москве членов думы. Не все наличные, находящиеся в момент заседания, члены думы попадают в число приглашаемых. К концу 1699 г. из общего числа 112 членов думы, значащихся в боярском списке, за вычетом умерших в этом году и находящихся в отсутствии, мы насчитали 78 наличных членов думы, проживавших тогда в Москве, по крайней мере, не значившихся в отсутствии. Из этих 78 наличных членов на собрание думы 13 октября приглашалось 63 члена, на собрание 22 декабря — всего 41, на собрание 31 января 1700 г. — 59, на 5 февраля того же года вызывались 51 человек. На 1 апреля 1701 г. можно насчитать налицо в Москве 65 человек думных чинов: бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков. Приглашено было из этого числа на заседание 1 апреля только 47 человек.

Как объяснить такой выбор приглашаемых в каждом случае? Если присматриваться к именам тех думных членов, которых не встречаем в списках приглашаемых или которые находятся в этих списках, но зачеркнуты, то для некоторых случаев можно предполагать правдоподобное объяснение, для других случаев нет объяснений. На собрание 13 октября 1699 г. не послано было приглашений четырем находившимся налицо в Москве боярам: Т. Н. Стрешневу, Н. К. Стрешневу, П. А. Лопухину и С. И. Салтыкову. Т. Н. Стрешневу приглашение не было послано, очевидно, потому, что он как глава Разряда был тот, кто распоряжался рассылкою приглашений. К заседанию 22 декабря 1699 г., кроме тех отдельных списков приглашаемых по районам, которые на маленьких листках вручались обходившим районы подьячим, заготовлен был общий список лиц, приглашенных на это заседание: там Т. Н. Стрешнев значится [1]. Не посылалось приглашений на наблюдаемые собрания отцу его боярину Н. К. Стрешневу, может быть, по старости лет. Его не видим в упомянутом только что списке 22 декабря. Боярин П. А. Лопухин хотя и не значился в боярских списках отсутствующим из Москвы, но не приглашался, конечно, потому, что находился в опале. В 1701 г. он скончался. Чем объяснить обход С. И. Салтыкова, неизвестно. На собрание членов думы 13 октября 1699 г. по случаю приема шведских послов, на которое было особенно большое число приглашенных, были, между прочим, отправлены подьячие с повестками к боярам: Б. Г. Юшкову, М. Ю. Татищеву и П. Т. Кондыреву. Все трое оказались больными. С тех пор

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 322.

на следующие наблюдаемые нами заседания эти трое бояр не приглашались, и имена их в списках зачеркивались. Вероятно, Разрядному приказу было известно, что они лежат больны, выезжать не могут, и потому их уже не беспокоили; из них двое вскоре и умерли: П. Т. Кондырев в 1700 г. и М. Ю. Татищев в 1701 г. На заседание 22 декабря 1699 г. кроме всех только что перечисленных бояр не были оповещены бояре, которые в других случаях обыкновенно приглашаются: князь П. И. Прозоровский, князь М. А. Черкасский, князь А. И. Голицын, князь П. И. Хованский и Л. К. Нарышкин. По всей вероятности, здесь надо видеть какие-нибудь случайные обстоятельства, руководившие Разрядом: например, известное Разряду отсутствие их из Москвы и т. п.

Из окольничих на оба рассматриваемые нами собрания думы в конце 1699 г. не были приглашены И. Ф. Пушкин и Ф. Т. Зыков; первый, надо думать, находился в опале, как и вся семья Пушкиных, второй, может быть, по болезни; оба умерли в следующем, 1700, году[1]. Наблюдая другие заседания думы, замечаем, что на них не приглашались то те, то другие окольничие, почему, сказать трудно. Было четверо думных дворян, которым за три исследуемые года ни разу повесток не посылалось; эти, так сказать, мертвые думные души были: В. Л. Пушечников, П. Г. Огарев, Г. С. Супонев, Ф. И. Головленков. Думные дьяки приглашались то в большем, то в меньшем числе. На собрание 13 октября 1699 г. и 31 января 1700 г. были приглашены *все* находившиеся тогда в Москве 8 человек, на 22 декабря 1699 г. — только 4, на 1 апреля 1701 г. — 7, на 4 апреля — 6. Из шести придворных чинов приглашались стряпчий с ключом П. Б. Сумароков и постельничий Г. И. Головкин. Остальных в числе приглашаемых не видим.

Но круг приглашенных приходится еще значительно суживать, когда речь идет о *действительно* присутствовавших на собрании думы[2].

---

[1] Ф. Т. Зыков умер «февраля против 16 числа в ночи».

[2] Всегда некоторая часть приглашенных не может явиться на собрание по болезни или вследствие отлучки из Москвы в деревню. На собрание 13 октября 1699 г. было приглашено 63 члена думы; из них почти одна треть — 20 человек не могли быть: 9 человек оказались больными и 11 были в отъезде в деревнях. На заседание 22 декабря 1699 г. приглашался 41 человек; из них 5 оказались больными: окольничие князь Ф. Ф. Волконский, А. И. Леонтьев, Т. В. Чоглоков, думные дворяне Ф. Г. Хрущов, В. С. Змеев; и четверо были в отлучке в деревне: боярин А. П. Салтыков, окольничий Ф. С. Нарбеков, думные дворяне П. С. Хитрой и М. С. Хитрой. Если признать, что ответившие на повестку «будет» и что те, против имен которых поставлены были неопределенные отметки: «сказано», «сказано самому», «сказано человеку его» и т. д., а также отметки: «в походе», «поехал в поход» или «поехал в Преображенское» — что все эти члены явились в заседание, то можно полагать, что в заседании думы 22 декабря 1699 г. в Преображенском присутствовали 41 — 9 = 32 человека, а именно — *бояре:*

За время, которое мы наблюдали, т. е. с октября 1699 г. по начало апреля 1701 г., всего членов боярской думы по спискам в боярских книгах за эти годы значилось 112—86 человек. Из них за то же время налицо в Москве находилось 78—65 человек; из этого находившегося в наличности состава приглашалось на собрания думы 63—41 человек, и из них фактически присутствовал в заседаниях еще более суженный круг лиц, человек 40—30.

И все же и при таком суженном составе это еще не собрание только начальников приказов, не «консилия министров», какая будет собираться впоследствии. Это еще боярская дума в старом смысле этого слова. Конечно, и самый круг предметов, которых касалась ее деятельность, теперь значительно сужен по размерам и уменьшен по значению. Приговоры думы касаются немногих и притом второстепенных законодательных вопросов, лишь частично дополняют предыдущее законодательство; сколько-нибудь крупные и острые законодательные

князь В. Д. Долгорукий, князь И. Б. Троекуров, князь М. Г. Ромодановский, князь Ю. С. Урусов, князь Б. И. Прозоровский, А. С. Шеин, Б. П. Шереметев, князь И. И. Хованский, Ф. П. Шереметев, Т. Н. Стрешнев, князь Б. А. Голицын, князь А. П. Прозоровский, В. Ф. Нарышкин, Ф. А. Головин, князь И. Ю. Трубецкой, князь М. Н. Львов, князь Н. П. Прозоровский; *окольничие:* князь Д. Н. Щербатый, И. И. Головин, В. Ф. Стрешнев, князь М. Ф. Жировой-Засекин, князь Ю. Ф. Щербатый, С. И. Языков, В. Б. Бухвостов; *думные дворяне:* И. И. Панин, П. И. Прончищев, И. О. Власов; *думные дьяки:* Л. А. Домнин, П. Б. Возницын, М. П. Тугаринов, А. А. Виниус; *стряпчий с ключом:* П. Б. Сумороков. Кроме того почему-то был приглашен на это заседание думы комнатный стольник Андрей Федорович Нарышкин, вероятно, для дачи ему какого-нибудь поручения или для каких-либо объяснений, которые он мог дать, или вообще по какому-либо касавшемуся до него делу (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 311, 323). На заседание 1 апреля 1701 г. было приглашено 47 человек. Шестеро оказались больными — окольничие: князь Ф. Ф. Волконский, М. И. Глебов, А. И. Леонтьев, думные дворяне: В. С. Змеев, Б. И. Лихарев, думный дьяк М. П. Тугаринов; один — боярин князь А. И. Голицын «сказал, что сего 1 апреля поедет на Воронеж и в Палате быть некогда». Таким образом, отказались быть 7 человек, и с теми же сделанными выше оговорками можно заключить, что на заседании могли быть 40 человек, а именно — *бояре:* князь П. И. Прозоровский, князь В. Д. Долгорукий, князь М. А. Черкасский, князь И. Б. Троекуров, князь П. И. Хованский, князь Ю. С. Урусов, князь И. Б. Прозоровский, А. П. Салтыков, Ф. П. Шереметев, Л. К. Нарышкин, Ст. И. Салтыков, князь А. П. Прозоровский, П. С. Салтыков, князь М. Н. Львов, князь Н. П. Прозоровский, Ф. А. Головин; *окольничие:* В. С. Нарбеков, князь Ф. И. Шаховской, князь Д. Н. Щербатый, С. Ф. Толочанов, А. Т. Лихачев, М. Т. Лихачев, князь П. Л. Львов, В. Ф. Стрешнев, князь М. Ф. Жировой-Засекин, Т. В. Чоглоков, князь П. Г. Львов; *думные дворяне:* Ф. Г. Хрущов, П. С. Хитрой, М. С. Хитрой, И. И. Панин, Д. М. Башмаков, С. С. Нарбеков, И. П. Чаплыгин; *думные дьяки:* Е. И. Украинцев, П. И. Микифоров, Г. Ф. Деревнин, Л. А. Домнин, А. И. Иванов, А. А. Виниус (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 654—670). Через три дня, к 4 апреля 1701 г., состав заседания думы еще изменился: не приглашен был думный дворянин Н. С. Хитрой, а из приглашенных двое за этот промежуток времени уехали в Воронеж, где находился тогда царь: боярин князь М. Н. Львов и окольничий князь М. Ф. Жировой-Засекин.

вопросы решаются и разнообразные смелые нововведения проводятся все более именными указами. Правда, и в составе думы появляются новшества: мы уже отметили новшество в титулах некоторых ее членов: «боярин и мальтийский военный кавалер свидетельствованной», «думный советник». Большую, небывалую дотоле роль играет в думе стоящая за ее кулисами и незначащаяся в списке думных чинов фигура «стольника» князя Ф. Ю. Ромодановского, фактически оказывающегося председателем думы. Но при всем том, и при сужении круга деятельности, и при понижении значения этой деятельности, и несмотря на появляющиеся новшества в названиях членов и в постороннем председательстве — это все еще пока старинная боярская дума в ее большом составе, а не «консилия министров», все еще государственный совет, а не комитет министров, как можно бы сказать, пользуясь терминологией XIX в. В думу собираются не только начальники приказов; в ней сидят не одни министры, но и простые члены государственного совета. Даже, наоборот, начальники приказов составляют в ней значительное меньшинство. Из 40 членов, присутствие которых можно предполагать в заседании думы 1 апреля 1701 г., можно насчитать всего только семерых начальников приказов; это были: бояре князь П. И. Прозоровский (приказ Большой казны), князь И. Б. Троекуров (Стрелецкий приказ), А. П. Салтыков (Московский Судный приказ), Ф. А. Головин (Посольский приказ), думный дворянин Д. М. Башмаков (Печатный приказ), думные дьяки Автамон Иванов (Поместный приказ), А. А. Виниус (Сибирский приказ). Если еще предполагать присутствие Т. Н. Стрешнева, которое всегда надлежит предполагать, когда он находится в Москве (Разряд, Большой дворец), то их будет 8 из 41 члена.

Собрания начальников приказов к царю с докладами по делам каждого приказа следует отличать от заседаний думы. Такие собрания в изучаемое время происходили, но это не были заседания совета начальников приказов, в них еще нельзя видеть «консилии министров». Это был лишь прием царем отдельных министров, являвшихся к нему порознь со всеподданнейшими докладами, каждый по своему ведомству. От октября 1699 г. сохранилась в делах Разряда запись с распоряжением: «Послать к судьям, чтоб по вся недели в пятки приезжали с докладными делами в Преображенское на Генеральской двор, а будет и дел нет, приезжали бы». Сохранился отрывок черновой записки об исполнении этого распоряжения. 21 октября 1699 г. рассылались разрядные подьячие с повестками к начальникам приказов по домам — в Китай-город к А. П. Протасьеву (Владимирский Судный приказ); к Ф. А. Головину, фактически уже тогда заведывавшему посольскими делами, к А. С. Шеину (Пушкарский, Иноземский и Рейтарский

приказы); на Знаменку — к князю П. И. Прозоровскому (приказ Большой казны), на Покровку — к князю М. Н. Львову (Земский приказ), на Тверскую — к князю И. Б. Троекурову (Стрелецкий приказ) и к князю Ю. С. Урусову (Московский Судный приказ); на Пречистенку — к думному дворянину и печатнику Д. М. Башмакову (Печатный приказ); на Сретенку — к думному дьяку А. А. Виниусу (Сибирский приказ); за Пречистенские ворота — «к Микифору, к Возницыну», т. е. к думным дьякам Протасью Ивановичу Никифорову (приказ Холопья суда) и Прокофию Богдановичу Возницыну (Аптекарский приказ); на Дмитровку «к Щербатову» — к стольнику И. О. Щербатову (Сыскной приказ). Не всех приказов судьи в этой записке перечислены, но самая записка сохранилась не более, как в виде чернового отрывка. Судьи, у которых не было дел к еженедельному докладу, вызывались в Преображенское на тот, конечно, случай, если бы государю самому угодно было дать помимо доклада какое-нибудь повеление по ведомству того или другого приказа [1].

От этого распоряжения начальникам приказов являться со своими докладами в Преображенское по пятницам, изданного в октябре 1699 г., сделано было отступление 14 февраля 1700 г. — *в среду*. Начальники приказов были вызваны с докладами на этот именно день; вероятно, такая перемена случилась ввиду предстоявшего отъезда Петра в Воронеж, куда он выехал 18 февраля. Были разосланы разрядные подьячие к судьям по приказам [2].

---

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 1014—1015.

[2] Приведем текст сохранившейся также черновой записи об этом вызове с необходимыми пояснениями. «1700-го февраля в 14 день посланы разрядные подьячие к судьям повестить, чтоб были на Генеральской двор с делами докладными». В записи далее указывается, в какие приказы какой подьячий был послан, какие ответы он получил и как вообще исполнил поручение. «В Казанской, в Судной Московской — Михайло Суботин. Князь Борис Алексеевич Голицын сказал, что он болен, а Алексею Петровичу Салтыкову (с 1700 г. — начальник Московского Судного приказа) сказано самому и поехал. Во Дворец в Конюшенной — Иван Ларионов с письмами. В Конюшенном отдано прикащику... Левонову. В Стрелецкой — Афанасей Пряслов... сказано самому» (князю И. Б. Троекурову). В Сыскной — Федор Лукин. В Ямской, в Золотую и в Серебряную (палаты) — Тимофей Дурненков — в походе третий день (т. е. Ф. А. Головин, ведавший Ямским приказом, Золотою и Серебряною палатами, находится третий день в Преображенском «в походе»). В Большую казну, в Поместной приказ Андрей Некрасов, Прозоровскому (князю Петру Ивановичу, начальнику Большой казны) сказано самому, а.... (Автамон Иванов, начальник Поместного приказа) поехал. В Ратушу — Петр Иванов, сказано Ивану Панкратьеву (бурмистру, президенту Ратуши). В Сибирской — Петр Шибаев, сказано самому (А. А. Виниусу). В патриарш Разряд — Дмитрей Нефедов к Возницыну (с 1700 г. ставшему во главе патриаршего Разряда на место окольничего М. И. Глебова). Поехал. В Мастерскую (палату) — Афанасей Васильев, он же к Домнину, сказано. В Печатной — Иван Тараборин. Сказано самому (Д. М. Башмакову). В Холопей — Гаврило Журавлев. Поехал до присылки (думный дьяк Протасий Никифоров). В патриарш Дворец Иван Мануйлов.

Сказано самому (М. Г. Баскакову). К дьяку Ивану Алексееву (Пушкарский приказ, начальник которого А. С. Шеин скончался 2 февраля 1700 г.). Иван Кузьмин. Сказано самому. (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 549).

ПРИКАЗЫ

Перейдем теперь к следующему низшему этажу управления — к приказам. Крупнейшей и наиболее заметной переменой в строе приказов было учреждение Бурмистерской палаты, которая, будучи составлена из выборных от московских посадских корпораций бурмистров, резко этим отличалась от прочих приказов, личный состав которых назначался [1]; однако, несмотря на такое различие, Бурмистерская палата вошла в систему приказов, заняла в ней место в ряду с другими приказами, и среди них она и упоминается в разных списках, где перечислялись приказы. Во всем остальном система приказов продолжает хранить прежние черты и работать по-старому, подвергаясь лишь частичным изменениям.

Один из самых естественных вопросов, когда речь идет об органах исполнительной власти, например, министерствах — вопрос об их числе; но этот вопрос, когда речь идет о московских приказах для самых последних годов XVII в., столь же неразрешим, как неразрешим он и для середины столетия. Число приказов никогда не может быть выражено точно; оно крайне изменчиво, и к нему можно подойти всегда лишь приблизительно. В различных документах конца XVII в. встречаешь наименования того или другого приказа, но нет уверенности, насколько реально этот приказ существует. Есть приказы, названия которых упомянуты, но которые остаются реально как-то неощутимы и неуловимы. К числу таких приказов относятся, например, Доимочный приказ и приказ Денежного сбора, упоминаемые в перечне приказов, с которыми сносилась Палата об Уложении 1700 г.; они находились как будто под ведением Печатного приказа и были с ним в каком-то соединении. Доимочный приказ иногда имел все-таки свой особый небольшой бюджет [2], но приказ Денежного сбора ни бюджета, ни других каких-либо признаков особого бытия, например, канцелярского персонала подьячих, особого помещения, совершенно не имел. Точно так же некогда имевшая свое несомненно особое существование Костромская четверть в самом конце XVII в. настолько слилась со Стрелецким приказом, с которым она была соединена, что свое индивидуальное существование утратила; тем не менее она продолжает упоминаться в перечнях, как Костромская четверть, и, таким образом, возникает вопрос, увеличивать этой единицей число приказов или нет. От решения вопроса в ту или другую

[1] См. т. III настоящего издания, стр. 250—276.

[2] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, Спб. 1892, прил. III, стр. 38.

*

сторону число насчитываемых приказов будет меняться. В составе Оружейной палаты упоминаются Ствольный приказ и Оружейный приказ — оружейные мастерские. Они соединены с Оружейной палатой [1], но все же называются и отдельно. Спрашивается, помещать их в список и считать их в числе приказов или нет. Приказ Иноземский и Рейтарский образовался из соединения двух приказов под управлением одного лица и с тех пор слился по существу в одно учреждение с одним и тем же начальником, с одними и теми же дьяками и низшим канцелярским персоналом; но в названии он продолжает сохранять свою двойственную ипостась, и не знаешь, как его следует считать, за один или за два приказа. В перечне приказов, с которыми сносится Палата об Уложении 1700 г., называется Мастерская палата. Это царская Мастерская палата, которой управлял постельничий Г. И. Головкин. Но в других документах упоминаются две и даже три мастерские палаты: царская и две царицыных (Марфы Матвеевны и Прасковьи Федоровны?), и такие упоминания затрудняют точное установление числа приказов и колеблют это число. Приняв во внимание все эти соображения, считая тени приказов — Костромскую четверть, Доимочный приказ и приказ Денежного сбора — за приказы, считая далее Иноземский и Рейтарский приказы все-таки за два приказа, не удваивая и не утраивая Мастерской палаты и не упоминая о Ствольном и Оружейном приказах, мы на 1 сентября 1699 г. насчитали всего 44 приказа. Но будем помнить, что это число, в достаточной мере колеблющееся в ту и другую сторону, могущее быть увеличенным и уменьшенным, приблизительное. Вот перечень приказов на 1 сентября 1699 г.: 1. Посольский, 2. Великороссийский, 3. Малороссийский, 4. Княжества Смоленского, 5. Новгородский, 6. Галицкий, 7. Владимирский, 8. Устюжский, 9. Разрядный, 10. Большая казна, 11. Казенный двор, 12. Большой дворец, 13. Дворцовый Судный, 14. Каменных дел, 15. Конюшенный, 16. Стрелецкий, 17. Костромская четь, 18. Житных дворов, 19. Иноземский, 20. Рейтарский, 21. Пушкарский, 22. Военных морских дел, 23. Поместный, 24. Московский Судный, 25. Владимирский Судный, 26. Аптекарский, 27. Ямской, 28. Преображенский, 29. Мастерская палата, 30. Оружейная палата, 31. Палата Золотых дел, 32. Палата Серебряных дел, 33. Сибирский, 34. Холопьего суда, 35. Печатный, 36. Доимочный, 37. Денежного сбора, 38. Казанский дворец, 39. Патриарший Разряд, 40. Патриарший казенный, 41. Патриарший дворцовый, 42. Сыскной, 43. Ратуша, 44. Земский.

Среди тех приказов, которые несомненно и реально существуют, можно, как и раньше, различить некоторые объеди-

---

[1] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 146—147.

нения. Одни из этих объединений были более постоянными и, так сказать, органическими, когда объединение состоит в сращении самих учреждений, в силу ли давности самого объединения или вследствие однородности их ведомств. Заметно, что некоторые приказы стремятся к концу века объединяться в ведомства по близости и однородности подведомственных им дел. Другие объединения были только личными и потому временными и случайными группировками; они возникали в тех случаях, когда одному и тому же лицу поручалось управление несколькими приказами, во всем остальном совершенно разъединенными и кроме этой личной унии ничего общего между собой не имеющими. К объединениям первого рода, более постоянным и органическим, относятся: I. 1. Посольский приказ и с давних пор соединенные и потому как бы сросшиеся с ним, независимо от того, кто ими управлял, приказы — 2. Великороссийский, 3. Малороссийский, 4. Княжества Смоленского, 5. Новгородский, 6. Галицкий, 7. Владимирский, 8. Устюжский; II. 10. Большая казна и 11. Казенный двор; III. Объединение, охватывающее дворцовое ведомство — 12. Большой дворец, 13. Дворцовый судный, 14. Каменных дел, 15. Конюшенный; IV. 16. Стрелецкий, 17. Костромская четь, 18. Приказ Житных дворов, где хранились запасы хлеба в зерне, шедшего стрельцам на жалованье[1]; V. Оружейная палата и палаты Золотых и Серебряных дел под управлением Ф. А. Головина[2]. Соединение палат Золотых и Серебряных дел с Оружейной палатой в конце XVII в. — не новость. Эти учреждения объединялись уже ранее при царе Алексее под управлением оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово. 23 ноября 1691 г. они были объединены в руках окольничего Ивана Юрьевича Леонтьева, сменившего окольничего Михаила Тимофеевича Лихачева, который также управлял этими тремя палатами. Оружейная палата московских государей была при дворе высшим художественным учреждением, как бы царской Академией художеств, где работали выдающиеся иконописцы и другие художники. Естественно поэтому, что палаты Золотых и Серебряных дел, ведавшие корпорациями высшего разряда работавших на дворец ремесленников, — золотых и серебряных мастеров, создававших художественные произведения и стоявших на границе ремесла и художества, объединялись с Оружейной палатой. VI. Иноземский, Рейтарский и Пушкарский приказы в конце столетия явно стремятся объединиться в группу, охватывающую значительную часть военного ведомства. Недаром в течение долгого времени управление ими поручается одному и тому же лицу: сначала князю Ф. С. Урусову, а затем А. С. Шеину.

---

[1] Один из этих Житных дворов находился за Мясницкими воротами, другой у Калужских ворот. Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 206.

[2] С 19 февраля 1697 г. (Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1041).

Первое из перечисленных объединений — Посольский приказ с семью с ним сросшимися приказами — связано более тесно: во главе всей группы стоят не только общий начальник боярин Ф. А. Головин, но и общие дьяки — думный Е. И. Украинцев, далее В. Посников, Б. Михайлов, М. Родостамов, И. Волков. Индивидуальность каждого из семи соединенных с Посольским приказов проявляется в том, что каждый из них имеет свой особый состав подьячих и свое отдельное помещение. Другие пять групп: II. Большая казна и Казенный двор, III. Большой дворец, Дворцовый судный, Каменных дел, Конюшенный, IV. Стрелецкий приказ и приказ Житных дворов, V. Оружейная палата и палаты Золотых и Серебряных дел, VI. Пушкарский, Иноземский и Рейтарский — связаны менее тесно: каждая имеет общего начальника, но дьяки в приказах, составляющих общую группу, разные.

К личным объединениям относятся следующие две группы. Во-первых, боярину Ф. А. Головину, стоявшему во главе группы палат Оружейной, Золотых и Серебряных дел, поручены были еще Ямской приказ, далее (по званию адмирала) Военный морской приказ, учрежденный 11 декабря 1698 г. для заведывания флотским персоналом, привезенным из-за границы [1], а с февраля 1700 г. и Посольский приказ со всей его группой. Палаты, Посольский приказ, Военный морской и Ямской приказы были ведомства, ничего общего между собой, кроме начальника, не имевшие. Вторая личная группа объединялась боярином Т. Н. Стрешневым, который не только управлял Разрядом, но и стоял во главе группы приказов, составлявших дворцовое ведомство — Большого дворца и примыкавших к нему.

Падение царевны Софьи в 1689 г. сопровождалось сменой правительства, производившейся в конце 1689 г. и в 1690 г. и заключавшейся в том, что на место сторонников Софьи начальниками приказов были назначены другие, более преданные Петру лица. Говоря выше об этой смене, мы заметили, что поставленные тогда над приказами лица составляли некоторое подобие кабинета во главе с премьер-министром, как его называли иностранцы, боярином Л. К. Нарышкиным, и что это министерство просуществовало целое десятилетие до 1699 г. [2]. Действительно, вопреки всяким ожиданиям, которые могли бы у нас возникать ввиду горячего, порывистого темперамента Петра, личный состав его правительства за эти годы оказался необычайно устойчивым. Как во многих своих привязанностях, вкусах и привычках, так и в отношениях к ближайшим сотрудникам по управлению государством Петр обнаруживал большое постоянство. Из семнадцати начальников

---

[1] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 150.

[2] См. т. I настоящего издания, гл. VII.

приказов, занявших эти места при смене правительства после падения царевны Софьи, шестеро продолжали и в конце 1699 г. сохранять за собой посты, занятые ими в 1689 г. Так, продолжали стоять думный дьяк Е. И. Украинцев во главе Посольского приказа, князь И. Б. Троекуров — во главе Стрелецкого, Т. Н. Стрешнев — во главе Разряда, князь П. И. Прозоровский начальствовал Большой казной, князь М. Н. Львов — Земским приказом, князь Б. А. Голицын — Казанским дворцом. Те перемены, которые произошли в составе министерства за десять лет, случались не вследствие отставки министров, не потому, что они утрачивали доверие монарха, а вызывались естественным ходом вещей: смертью одних лиц, назначением других на иные посты, еще более важные и ответственные, чем управление тем или иным приказом. За десятилетие умерло пятеро бояр, правивших приказами: князь Ф. С. Урусов, П. В. Меньшой Шереметев, князь И. Б. Репнин, князь Я. Н. Одоевский, К. Ф. Нарышкин. Из них князь Ф. С. Урусов заведывал приказами Иноземским, Рейтарским и Пушкарским до 1694 г. В этом году он скончался [1] и его место занял сначала думный дьяк Автоном Иванов — с 19 апреля 1694 г., а затем, с начала 1697 г., управление этими приказами — Пушкарским с 6 января, а Иноземским и Рейтарским с 22 февраля [2] — было поручено боярину А. С. Шеину, который и сидел в Иноземском и Рейтарском приказах до их закрытия, а в Пушкарском до своей смерти (умер 2 февраля 1700 г.). Боярин П. В. Меньшой Шереметев, назначенный заведывать Поместным приказом 15 сентября 1689 г., правил им до своей смерти (умер 20 апреля 1697 г.); его место занял думный дьяк Автоном Иванов. Князь И. Б. Репнин начальствовал Сибирским приказом с 22 декабря 1682 г., сохранил эту должность при перевороте 1689 г. и продолжал занимать ее до своей смерти (умер 10 мая 1697 г.); с 15 июня 1697 г. Сибирский приказ был поручен думному дьяку А. А. Виниусу. Князь Я. Н. Одоевский, занявший место начальника Аптекарского приказа также еще при царевне Софье (с 25 февраля 1689 г.) [3], сохранял его до самой смерти (умер 8 августа 1697 г.) [4]. С 25 сентября 1698 г. был назначен заведывать Аптекарским приказом находившийся тогда еще за границей думный советник П. Б. Возницын. Боярин К. Ф. Нарышкин получил Ямской приказ с 20 мая 1690 г. [5] Скончался он 7 сентября 1697 г. [6]

Вследствие назначения на другие должности покинули места следующие начальники приказов. Ближний стольник князь

---

[1] Арх. мин. юст., Боярские списки, кн. 35, л. 425.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1034, 1042.
[3] Там же, стр. 430—431.
[4] Арх. мин. юст., Боярские списки, кн. № 41, л. 1.
[5] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 560.
[6] Арх. мин. юст., Боярские списки, кн. 42, л. 2 об.

Я. Ф. Долгорукий, управлявший Московским Судным приказом с 14 октября 1689 г. по февраль 1697 г. — был назначен командовать войсками Белгородского разряда, действовавшими против Крыма и Турции. Боярин князь М. И. Лыков, управлявший Сыскным приказом с 25 октября 1689 г. по 22 декабря 1697 г.[1] — был назначен на воеводство в Архангельск; это воеводство считалось тогда одним из важнейших благодаря значению города как единственного порта, через который шла внешняя торговля Московского государства. Постельничий Г. И. Головкин, с 28 октября 1689 г.[2] назначенный ведать Казенным двором, управлял им до начала 1694 г., а затем был поставлен управлять Мастерской палатой. Казенный двор с 22 февраля 1694 г. был передан начальнику Большой казны князю П. И. Прозоровскому[3]. Боярин Петр Аврамович Лопухин, дядя царицы Евдокии, поставленный 18 мая 1690 г.[4] во главе приказов Большого дворца, Дворцового Судного и Каменных дел, управлял ими до лета 1692 г. Затем этими приказами правит думный дьяк Гаврило Деревнин — с 31 января 1693 г.[5] С 25 февраля 1697 г. они отдаются боярину Т. Н. Стрешневу, уже получившему Конюшенный приказ[6]. Из этих поручений князю П. И. Прозоровскому — Казенного двора и Т. Н. Стрешневу — группы приказов, охватывающих дворцовое ведомство, видно стремление сосредоточивать управление в руках старых, прочно сидящих на своих местах, министров. Из всех приведенных сведений ясно, как мало перемен происходило в устойчивом правительстве 1689—1699 гг.

Единственным неустойчивым министерством оказался Владимирский Судный приказ, но только на первое время — в 1689 г., когда в нем один за другим сменилось несколько управляющих, но не потому, конечно, что они не оказывались на высоте назначения — они, вероятно, еще и не успевали вступать в должность, а единственно вследствие назначений их на иные места. 17 сентября 1689 г. начальником этого приказа был сделан окольничий князь М. Г. Ромодановский, но тотчас же вслед за тем, в сентябре, он был назначен воеводой в Киев[7]. На его место назначен был окольничий князь П. Л. Львов, но тотчас же вслед за тем он был послан воеводой в Курск[8]. С 14 октября по 14 декабря 1689 г. начальником Владимирского Судного приказа значится околь-

---

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 502—503. Князь Я. Ф. Долгорукий из ближних стольников был пожалован в бояре 20 июля 1697 г. См. Арх. мин. юст., Боярские списки, кн. 42, л. 2 об.

[2] Там же, стр. 493.

[3] Там же, стр. 868—869.

[4] Там же, стр. 559.

[5] Там же, стр. 757.

[6] Там же, стр. 1043.

[7] Там же, стр. 497.

[8] Там же, стр. 486.

ничий князь Д. Н. Щербатов, уступивший с 14 декабря место окольничему князю И. С. Хотетовскому, стоявшему во главе приказа по 15 ноября 1691 г.[1] С этого числа был назначен главой приказа окольничий А. П. Протасьев; назначение оказалось прочным, и А. П. Протасьев правил Владимирским Судным приказом до его уничтожения. Однако в конце своего управления он потерял доверие Петра, и это был случай отставки министра, вызванный как раз утратой им доверия государя. Другим и более ярким таким же случаем было отстранение от посольских дел боярина Л. К. Нарышкина, принужденного уступить место Ф. А. Головину, с дипломатическими талантами которого Петр хорошо познакомился за границей, во время путешествия великого посольства. По возвращении из-за границы Петр выказывает явные признаки охлаждения к своему дяде Л. К. Нарышкину, и последний постепенно отдаляется от дипломатического ведомства. Осенью 1698 г. Петр начинает переговоры с датским посланником Гейнсом сам лично, без Л. К. Нарышкина. Весной 1699 г. в Воронеже участие в этих переговорах принимает Ф. А. Головин; он же подготовляет вместе с П. Б. Возницыным летом 1699 г. посольство Украинцева в Константинополь. Л. К. Нарышкин в этих делах не участвует. Летом 1699 г. Нарышкин принимает у себя в подмосковной шведское посольство перед въездом его в Москву. Но переговоры с шведским посольством ведет Ф. А. Головин, он же одновременно с тем — единственный из московских бояр — участвует в секретных переговорах о союзе против Швеции, которые вел царь с уполномоченным польского короля генералом Карловичем. При его же участии продолжались тогда в Москве переговоры с датским посланником о том же союзе против Швеции. Из других московских сановников никто не был в эти переговоры посвящен и менее всех глава посольского ведомства Л. К. Нарышкин; для него те и другие переговоры, закончившиеся заключением союза против Швеции, оставались тайной. 18 февраля 1700 г. Ф. А. Головин получает официальное назначение управлять Посольским приказом. Все же надо сказать, что и лишившийся в конце концов доверия Л. К. Нарышкин стоял во главе посольского ведомства, был, как называет его Корб, верховным председателем посольской канцелярии[2] в течение всего десятилетия 1689—1699 гг.

В наши дни считается нормальным, чтобы учреждения были прочнее и устойчивее людей. Люди меняются и чередою проходят, учреждения остаются. У Петра с 1699 г. стало наоборот: люди, по крайней мере привязанности его к людям, были долговечнее учреждений, в которых эти люди действовали.

---

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 623.

[2] *Корб,* Дневник, стр. 121.

Люди оставались, учреждения менялись. Министры оказывались устойчивее своих министерств. Управляющие приказами, продолжая ими управлять с 1689 г., доживали до перемен, коснувшихся самих приказов. Если не говорить о городской реформе 30 января 1699 г. с Бурмистерской палатой, которая приступила к действию с 1 сентября 1699 г., перемены в строе приказов начались с ноября 1699 г. Мы рассмотрим их за период, который нас интересует, за 1699—1701 гг., последовательно в том хронологическом порядке, в каком они происходили в действительности.

3 ноября 1699 г. появился именной указ о закрытии двух приказов — Владимирского Судного и Земского — и о распределении их дел по другим приказам. «Великий государь (т.) указал, — гласил этот указ, — Судному Владимирскому и Земскому приказам не быть». Владимирский Судный приказ с 1696 г. имел двойственное значение. Во-первых, он продолжал сохранять прежнюю свою компетенцию судебного учреждения по тяжбам московского дворянства, какую он имел издавна; во-вторых, с декабря 1696 г., со времени решения строить большой флот на Воронеже, на него было сверх этих судебных «приказных дел» возложено еще кораблестроение, именно дела двух видов: «корабельные дела» — заведывание строившими корабли кумпанствами — и «адмиралтейские дела» — заведывание постройкой кораблей, производившейся казенным способом. Еще с 15 ноября 1691 г. во главе приказа стоял окольничий А. П. Протасьев [1], который с 1697 г. стал неофициально называться «адмиралтейцем», как заведующий кораблестроением того и другого вида, и кумпанским, и казенным. Деятельность его по кораблестроению, однако, не удовлетворяла Петра; обнаружились еще за А. П. Протасьевым и взятки. Эти обстоятельства, повлекшие за собой его отстранение от кораблестроения, дали толчок к разрушению и самого приказа, так случайно и неестественно объединявшего в одних руках столь разнородные дела. Приказ был разложен при закрытии на составлявшие его части. Его судебные дела велено было передать в Московский Судный приказ; таким образом, судебное ведомство по одним и тем же делам, разобщенное ранее по двум разным приказам, теперь объединялось; это то же стремление к объединению ведомств, которое заметно во всех преобразованиях Петра, коснувшихся приказов. С другой стороны, корабельные и адмиралтейские дела, ведавшиеся закрываемым приказом, были вскоре после того выделены в особое управление. Указом 18 февраля 1700 г. окольничий А. П. Протасьев с его помощниками стольниками И. Колычевым и С. Языковым был от корабельных и адмиралтейских дел отставлен, и они были поручены ближнему

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 623.

стольнику Ф. М. Апраксину, которого уже официально велено было писать «адмиралтейцем». Так возник новый приказ, получивший впоследствии название Адмиралтейского. Над Протасьевым было наряжено следствие; в Преображенский приказ были забраны его люди для допроса о том, «что взял от кораблев Александра, их боярин» [1]. Из Ратуши по городам наводились справки о взятых им поборах. Петр лично допрашивал его самого. «И он, Александра, — пишет Желябужский, — великому государю вину принес. И в тех же числех он, Александра Петровичь, с печали и с стыда на Москве умер». Он скончался 17 марта 1700 г. [2] Древние учреждения оказывались, однако, очень живучими и не сразу поддавались уничтожению. Владимирский Судный приказ, уничтоженный по указу 3 ноября 1699 г., сносится еще под своим названием с Палатою об Уложении весной 1700 г. [3]

Компетенция другого из приказов, уничтожавшихся указом 3 ноября 1699 г., Земского, касалась города Москвы. С ним в ближайшей связи стояли черные слободы московского посада. Старосты этих слобод сходились на собрания в Земский приказ, находившийся у Воскресенских ворот, на месте теперешнего Исторического музея [4]. Но приказ ведал не только специально посадское население Москвы; его полицейская власть простиралась на весь город, т. е. и на обывателей других сословий. Котошихин верно обозначил его ведомство: «А в нем ведомы московские посадские люди и городы небольшие. Да в нем же ведомы на Москве и в городех дворовые места, *белые* и *черные,* и слободы продажею и мерою, также и улицы мостят и чистят, а собирают мостовщину со всякого чину жилецких людей» [5]. В нем хранились переписные материалы города — писцовые и переписные книги московским дворам; он ведал нотариальную часть по переходу городских дворов черных и белых из рук в руки, в нем свидетельствовались и записывались акты, касавшиеся такого перехода: купчие, закладные и всякие иные крепостные документы. Наконец, на нем же лежали и некоторые полицейские обязанности по полиции благоустройства, а именно: устройство и содержание в чистоте мостовых и сборы денег, шедших на это дело, «мостовых» денег с дворовладельцев города и «хомутных» денег с извозчиков. Указ 3 ноября не приводит мотивов, побуждавших закрывать те два приказа, о которых он говорил.

---

[1] *Желябужский,* Записки, изд. Акад. Наук, 1840, стр. 139—140.

[2] П. С. З., № 1713; Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 271, 655; *Желябужский,* Записки, изд. Акад. Наук, 1840, стр. 139—140; Боярские списки за 1700 г., кн. № 43, л. 353 об.

[3] *Поленов,* Материалы, стр. 21, 22.

[4] Изображение Земского приказа и Воскресенских ворот Китай-города помещено в т. III настоящего издания, рис. 20.

[5] *Гр. Котошихин,* О России в царствование Алексея Михайловича, Спб. 1859, стр. 92.

Относительно Земского приказа можно догадываться, что сочтено было излишним иметь два приказа, ведавших городскую полицию в Москве, — Земский и еще Стрелецкий, на котором лежала полиция безопасности и противопожарные меры. Дела закрываемого Земского приказа велено было распределить так: хранившийся в нем переписной материал и нотариальную часть, которую он вел, передать в Московский Судный приказ, сооружение мостовых — отдать в Стрелецкий приказ. Припомним, что Стрелецкий приказ с раскассированием московских стрельцов потерял основную часть своего ведомства — управление стрельцами. По указу 3 ноября он становился полицейским органом Москвы, сосредоточивая в своих руках более широкое полицейское управление городом. Финансовая часть — сборы мостовых и хомутных денег передавались в Ратушу как центральную кассу всяких сборов, откуда должны были итти ресурсы, между прочим, и на полицию города Москвы. Получив память о закрытии Земского приказа и о передаче мостового дела в Стрелецкий приказ, начальник последнего князь И. Б. Троекуров наложил на этой памяти резолюцию о справке в Земском приказе: «сколько в Кремле, и в Китае, и в Белом, и в Земляном городех улиц и переулков, также и за Земляным городом и за вороты мостами мощено». В Бурмистерской палате, получивши память о закрытии Земского приказа и о передаче в Палату денежных сборов, распорядились справиться с Земским приказом, сколько мостовых денег в сборе и сколько в недоимке, и вытребовать оттуда окладные книги по мостовому и хомутному сборам [1]. Однако Земский приказ закрылся также не сразу: 3 декабря 1699 г. он упоминается еще как действующий и во главе его стоит еще боярин князь М. Н. Львов. В этот день последовал даже указ «в Земском приказе с боярином со князем М. Н. Львовым быть дьяку Роману Бочину» [2]. Все же указ о его закрытии был, хотя и не сразу, исполнен, дела его были переданы в Стрелецкий приказ, причем последний получил более соответствующее его новым функциям наименование. Не управляя более стрельцами, он уже не был Стрелецким, и его велено было именовать «Приказом земских дел» [3].

Идя далее в хронологической последовательности, мы должны отметить закрытие палат Золотых и Серебряных дел и передачу их ведомства в Оружейную палату, к слиянию с которой эти оба приказа имели стремление издавна, соединяясь под управлением одного и того же лица: до 1691 г. всеми тремя палатами правил окольничий М. Т. Лихачев; с 1691 г. по 1697 г. — окольничий И. Ю. Леонтьев [4], с 19 февраля

---

[1] П. С. З., № 1713; Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 328—331.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1089.
[3] П. С. З., № 1859, 23 июня 1701.
[4] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 625.

1697 г. — боярин Ф. А. Головин. Именным указом 19 января 1700 г. велено было и приказных, и мастеровых людей палат Золотой и Серебряной, а также и упоминаемого при этом случае Ствольного приказа, ведать в Оружейной палате и дела этих приказов снести в ту Палату. Самое дело не ликвидировалось; существовавший до тех пор штат золотых и серебряных дел мастеров — «указное число» — продолжал оставаться, равно как оставался и ведавший этим штатом приказный персонал; закреплен был и бюджет, шедший на содержание тех и других, мастеров и подьячих: денег — 4 349 руб. 8 алтын, хлеба (ржи и овса) — 2 002 четверти 6 четвериков в год. Но, как отдельные приказы, Золотая и Серебряная палаты свое существование прекращали и сливались с Оружейной палатой, сосредоточившей, таким образом, в своем ведомстве, кроме живописных работ, также и художественное производство из драгоценных металлов. Указ 19 января 1700 г. был завершением намечавшегося уже давно процесса объединения Золотой и Серебряной палат с Оружейной в одно ведомство [1].

Обилен распоряжениями, вводившими перемены в приказах, был день 18 февраля 1700 г. перед отъездом Петра из Москвы в Воронеж. В этот день последовали указы о назначении Ф. А. Головина начальником Посольского и соединенных с ним приказов и о назначении ближнего стольника Ф. М. Апраксина ведать корабельные и адмиралтейские дела с именованием его «адмиралтейцем» [2]. Возникал, таким образом, Адмиралтейский приказ, выделившийся из Владимирского Судного, подлежащего закрытию. Далее, в этот же день состоялся указ о закрытии Иноземского и Рейтарского приказов — «Иноземскому и Рейтарскому приказом не быть» [3]. Иноземский и Рейтарский приказы ведали полки иноземного строя: копейщиков, рейтар, солдат и др. Им же были подсудны служилые иноземцы. Теперь дела этих приказов передавались боярину князю Я. Ф. Долгорукому с наименованием его «обер-комиссаром».

---

[1] *А. Викторов,* Описание Записных книг и бумаг и т. д., вып. 2, стр. 465. «В прошлом 1700 г. генваря в 19 день великий государь (т.) указал по именному своему указу Оружейные, Золотые, Серебряные полат и Ствольного приказу приказным и мастеровым людем быть указному числу и ведать их и дела снесть в Оружейную полату, и давать им своего, великого государя, жалованья указное окладное число: денег по 4 349 руб. по 8 алт., хлеба, ржи и овса по 2 002 чети по 6 четвериков и на тое дачу деньги и хлеб велено имать из Ратуши». Ср. Архив Оружейной палаты, ст. 1700 г., № 157: «1700 г. февраля в день по именному великого государя указу и по докладной выписке за пометою думного дьяка Никиты Зотова велено Золотой и Серебряной полат дела снесть в Оружейную полату, а мастеров тех полат разобрать и по списку золотых и серебряных дел мастером быть указному числу в Оружейной полате». Сообщением этих сведений я обязан В. И. Троицкому.

[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1121.

[3] П.С.З., № 1766; Дворцовые разряды, т. IV, стр. 122.

Ему велено было учинить при себе по этим делам особый приказ. Приказ этот некоторое время был без названия. В канцелярской переписке его называют «приказом комисарии» [1]. Иногда он по-старому продолжает называться Иноземским; писали «в Иноземской приказ к генералу комиссариусу князю Я. Ф. Долгорукому» [2]. Позже он был наименован приказом Военных дел. Главным его делом было снабжение полков новой регулярной армии денежным жалованьем, ресурсы на которое он должен был брать из Ратуши [3].

В этот же день, 18 февраля, возник еще один новый приказ и уничтожен был один старый. «Великий государь указал все хлебные запасы на дачу своим, великого государя, ратным людем сбором и дачею на Москве и в городех ведать окольничему Семену Ивановичу Языкову... а писать его во всяких письмах генералом-провиантом». Учреждалось, таким образом, провиантское ведомство, имевшее назначение сосредоточить в своих руках снабжение армии хлебными запасами. На это ведомство возлагались два дела: во-первых, сбор хлебных запасов со всего государства и, во-вторых, раздача собранных хлебных запасов войскам. Хлебные сборы, производившиеся для той же цели по другим приказам, должны были прекратиться. Поставленному во главе ведомства «генерал-провианту» окольничему С. И. Языкову предписывалось «за делами сидеть», т. е. иметь присутствие «в палатах, что был Каменный приказ». В его же распоряжение предоставлялся персонал подьячих Каменного приказа. Таким образом, и помещение и канцелярский персонал Каменного приказа *передавались* «генерал-провианту»; отсюда следует заключить, что тем самым Каменный приказ закрывался [4]. Он, действительно,

---

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 608.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 1, л. 184, 185 (декабрь 1700 г.).

[3] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 137 и сл.

[4] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 482: «1700-го февраля в день великий государь указал все хлебные запасы на дачю своим, великого государя, ратным людем сбором и дачею на Москве и в городех ведать окольничему Семену Ивановичу Языкову и за делами сидеть ему в палатах, что был Каменной приказ, да с ним же у того дела быть дьяком Алексею Юдину, Ивану Шапкину, а подьячим Каменного ж и иных приказов, которые понадобятся. (*Зачеркнуто:* А в иных приказех на дачу ратным людем хлебным сбором не быть.) А писать его во всяких письмах генералом-провиантом. А в Розряде в списке писать его в прежней чести. И сесь свой, государев, указ в Розряде записать в книгу» (*Зачеркнуто:* А в приказы, в которых есть хлебные сборы, послать из Розряду памяти.) Там же, л. 489: «Список приказу Каменных дел подьячим средней статьи и молодым», составленный, очевидно, по поводу передачи их в ведение генерал-провианта. Ср. Описание докум. и бумаг Арх. мин. юст., т. V. Справка, составленная в 1775 г. по документам Разрядного и Сенатского архивов о присутственных местах, бывших в России до учреждения сената и коллегий, стр. 146. Там приведена точная дата приведенного выше указа — 18 февраля.

с того времени перестает упоминаться в документах [1]. Ведомство С. И. Языкова стало с 1717 г. называться Провиантским приказом. 22 июня 1700 г. было велено при «генерал-провианте» учредить семь простых «провиантов», которых должен был откомандировать к нему Разряд из стольников и московских дворян, что и было исполнено 9 июля [2]. Семерых простых провиантов оказалось мало и в сентябре того же года из Разряда посылался восьмой [3]. Итак, 18 февраля 1700 г. закрыты были приказы: Иноземский, Рейтарский и Каменный и к тому же дню следует приурочивать возникновение приказов: Военного, Адмиралтейского и Провиантского.

Этими нововведениями перемены в строе приказов не кончились. 19 мая 1700 г. произошли изменения в Пушкарском приказе. Пушкарский приказ по смерти боярина А. С. Шеина (февраль 1700 г.) оставался без главы. 19 мая 1700 г. появился именной указ, предписывавший «которые дела были в Пушкарском приказе, ведать генералу артиллерии царевичу Александру Арчиловичу, а дьяком у тех дел быть прежним» [4]. Царевич Имеретинский Александр Арчилович во время пребывания великого посольства за границей проходил в Гааге курс артиллерийской науки, сделался специалистом этого дела, потому и поставлен был во главе артиллерийского ведомства. После указа о его назначении в приказах, видимо, затруднялись его иностранным наименованием, адресовали ему памяти, как «генералу-артиллерию» [5]. С того же 1700 г. он стал именоваться «генерал-фельдцейхмейстером» [6]. Самый Пушкарский приказ, во главе которого он стал, с начала 1701 г. стал

---

[1] Описание докум. и бумаг Арх. мин. юст., т. V, стр. 146: «И с того года Каменного приказу по книгам не значит».

[2] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 125: «Лета 1700 июня в 22 день по указу великого государя (т.) боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарыщи. По его, великого государя, именному указу велено генералу-провианту Семену Ивановичу Языкову для готовности про войско всех запасов иметь несколько простых провиантов по делу смотря. И великий государь (т.) указал о присылке из Розряду к нему, генералу-провианту к Семену Ивановичу, в провианты ж из стольников и из дворян семи человек свой, великого государя, указ учинить тебе, боярину Тихону Никитичу, с товарыщи... Диак Алексей Юдин. Справил Андрюшка Васильев». Из списка 24 стольников и дворян московских, которые были в Разряде по этому указу «пописаны на пример», были отобраны и посланы из Разряда к С. И. Языкову стольники: В. А. Девятой, И. П. Строев, Г. Г. Камынин, И. Ф. Башев, С. С. Ергольский, дворяне: Алексей Большой Иванов сын Бобынин, О. В. Пирожской.

[3] Из царицыных стольников И. Г. Языков. (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 731—732, 817.)

[4] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1133.

[5] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 586.

[6] Там же, л. 967—968: «... декабря 24 в указе великого государя в Пушкарской приказ к генералу фельдцейхмейстеру царевичу Александру Арчиловичу...» и т. д.

называться «Приказом артиллерии», хотя иногда продолжало употребляться и прежнее название «Пушкарский приказ» [1].

24 августа 1700 г. в самом начале Северной войны и, несмотря на это начало, которое, казалось бы, должно было поглотить все внимание Петра, был издан указ об учреждении нового приказа — Рудокопных дел. «Великий государь (т.) указал на Москве золотые и серебряные и иных руд дела ведать окольничему Алексею Тимофеевичу Лихачеву да дьяку Кузьме Борину и сидеть им в приказе Большие казны особо и писать приказом Рудокопных дел» [2]. В течение осени 1700 г. по приказам рассылались памяти с сообщением об этом указе, а по городам к воеводам послушные грамоты об исполнении указов, которые будут присылаться к ним из новоучрежденного приказа. В послушных грамотах приводились мотивы, побудившие завести новый приказ: «велено для пополнения золота и серебра сыскивать на Москве и в городех золотых и серебряных и иных руд». В указе 24 августа 1700 г. видно стремление взять дело отыскивания руд в руки государства; оно потом получит большое развитие и на Урале, еще в царствование Петра, будет вестись с большим успехом. Новый приказ — предтеча будущей Берг-коллегии — возникал, повидимому, в некоторой связи с приказом Большой казны, из которой он выделялся. Об этой связи Рудокопного приказа с Большой казной свидетельствуют распоряжения: во-первых, об отводе помещения для Рудокопного приказа в приказе Большой казны — «а сидеть им окольничему А. Т. Лихачеву да дьяку Кузьме Борину в Большой казне в особом месте, где пристойно», во-вторых, распоряжение о выдаче из Большой казны Рудокопному приказу на расходы денег 200 рублей и 10 стоп бумаги и о производстве таких же выдач приказу денег и бумаги впредь, когда понадобится. В «послушных» грамотах о повиновении новому приказу, разосланных к воеводам, будущие грамоты, какие будут посылаться из Рудокопного приказа, называются грамотами из приказа Большой казны, которая в сознании людей, писавших эти документы, как бы покрывала собою Рудокопный приказ, относясь к нему, как целое к части, и можно думать, что на первых порах новоучрежденный приказ Рудокопных дел, имея во главе своей окольничего и дьяка, все же рассматривался как департамент приказа Большой казны [3]. Связь приказа Рудокопных дел с

---

[1] *Бранденбург,* Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии, стр. 2, 5; *Хмыров,* Первый генерал-фельдцейхмейстер царевич Александр Арчилович Имеретинский (Артиллерийский журнал, 1866, № 1).

[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1154—1155.

[3] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 613: «и ты б (воевода) о том наш, великого государя, указ ведал и чинил по нашему, великого государя, указу и по грамотам, каковы присланы к тебе будут из приказу Большие казны»; там же, л. 606—615.

Большою казною понятна. Большая казна заведывала чеканкою монеты в государстве; в ее ведомстве были «денежные дворы», на которых производилась самая чеканка: Старый денежный двор — позади Казанского собора, Новый — «что был Земский приказ» — у Воскресенских ворот; третий денежный двор помещался «под Набережным садом». Учреждение приказа Рудокопных дел имело основной целью разыскание руд, главным образом золотых и серебряных, т. е. тех металлов, которые нужны были денежным дворам [1].

Наконец, в самом исходе 1700 г. следует отметить еще одну перемену в составе приказов. По смерти патриарха Адриана (умер 15 октября 1700 г.) указом 11 декабря 1700 г. был закрыт Патриарший разряд. Судебные дела этого приказа велено было распределить по тем приказам, где ведомы были чины, о которых имелись в Патриаршем разряде судебные дела: «в которых которые чины расправою ведомы и впредь расправы чинить в тех приказах» [2].

Все перечисленные приказы возникали или уничтожались по определенным указам, которыми такое возникновение или уничтожение предписывалось. Наряду с этим следует отметить в течение 1700 г. исчезновение трех приказов, относительно закрытия которых указов не известно; эти приказы исчезали как-то сами собою. Так, с ликвидацией Стрелецкого приказа не упоминается более и о Костромской четверти, бывшей при нем. Из нее не назначалось воевод уже осенью 1699 г. [3] Владимирский приказ также исчез. Его денежные доходы переданы были в Ратушу; его финансовое значение, таким образом, кончилось [4]. В ведомости о назначении воевод из приказов, соединенных с Посольским, конца 1699 г. он уже не упомянут [5]. Великороссийский приказ, осенью 1699 г. еще существовавший при Посольском и назначавший воевод в великороссийские города, в 1700 г. слился с Разрядом и был поглощен им [6].

Таковы были изменения в составе приказов, которые можно отметить за 1699 и 1700 гг. Эти изменения были событиями в истории развития центрального управления в Московском государстве. События эти возникали и происходили по воле Петра, вызывались его инициативой; его личная воля давала им направление. Однако если сопоставлять эти события с пре-

[1] *Есипов,* Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. II, стр. 295—306.

[2] Описание докум. и бумаг Арх. мин. юст., т. V, стр. 147.

[3] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 207. В 206 и 207 годах она назначала воевод: а) в Любим, Буй, Судиславль, Кадыев; б) в Нерехту; в) в Елатьму. «А на их места никто не отпущен».

[4] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 126.

[5] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 150—173.

[6] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 335, примечание; *Есипов,* Сборник выписок, т. II, стр. 274.

дыдущими и последующими явлениями в той же области, то можно заметить, что личная воля Петра, при всей оригинальности ее проявления, направляла события по тому же самому руслу, по которому они шли уже до Петра и по которому они пойдут и после него, его воля давала толчки, но толчки в том общем направлении, в котором текло развитие московской администрации. Направление это шло к обобщению или к сосредоточению ведомств, к объединению мелких и раздробленных ведомств в крупные и цельные и от множества мелких и дробных приказов приводило к немногим, всецело охватывающим однородные дела коллегиям, а впоследствии министерствам. За рассматриваемое время процесс обобщения и сосредоточения всего ярче, может быть, сказался в объединении управления посадскими и торговыми людьми и черносошным крестьянством в одном приказе — Ратуше и в сосредоточении в ней же значительной, преобладающей части финансового ведомства по сбору прямых и косвенных поступлений. Ратуша становится не только единым приказом, ведающим посадское и торговое население городов и черносошное крестьянство судом и сборами, но и стремится стать центральной кассой государства. Становясь такой кассой, она оттесняет на второе место Большую казну; в Ратуше сосредоточиваются прямые и косвенные сборы. О таком преобладании Ратуши над Большою казною красноречиво говорят цифры их приходных бюджетов: приход Ратуши за 1701 г. — 1 268 473 руб., приход Большой казны — 717 743 руб.[1]

Но то же сосредоточение или, по крайней мере, стремление к нему можно наблюдать и в других частях управления. Судебное ведомство идет к объединению, сосредоточиваясь в Московском Судном приказе, с закрытием ведавших также судебную часть приказов Владимирского Судного, Земского и Патриаршего разряда; таким образом, вместо четырех приказов судебное ведомство сосредоточивается в одном. Сосредоточивается обширное дворцовое ведомство с объединением дворцовых приказов и Конюшенного. Полицейское управление столицы объединяется в одном приказе — Земских дел — вместо прежних двух: Земского и Стрелецкого. Художественная часть, поддерживаемая государством, сосредоточивается в одной Оружейной палате, поглощающей прежние палаты Золотых и Серебряных дел. В военном ведомстве учреждаются обширные части управления, вызываемые созданием регулярной армии и флота: а) Адмиралтейский приказ (адмиралтеец), ведающий кораблестроение, б) Военный морской приказ (адмирал), ведающий персонал флота, в) приказ Артиллерии (фельдцейхмейстер), г) Военный приказ (генерал-комиссар), ведающий денежное жалованье войскам, д) Про-

[1] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 124—125. Приход Большой казны составляется из прибыли от перечеканки монеты с ее порчей.

виантский приказ (генерал-провиант), сосредоточивающий в своей компетенции хлебные сборы и их раздачу войскам — дело, ранее раздробленное по разным приказам. За рассматриваемое время указанный процесс объединения и сосредоточения ведомств можно наблюдать только в его движении, еще довольно далеком от завершения, которое придет с учреждением коллегий. Но все же можно отметить и теперь некоторые результаты процесса в виде упрощения и сокращения схемы приказов 1701 г. Приведем эту схему, приглашая читателя сопоставить ее со схемой приказов на 1 сентября 1699 г., напечатанной выше на стр. 260—262.

1. Посольский (боярин Ф. А. Головин), 2. Малороссийский, 3. Княжества Смоленского, 4. Новгородский, 5. Галицкий, 6. Устюжский, 7. Разрядный (боярин Т. Н. Стрешнев), 8. Большая казна (боярин князь П. И. Прозоровский), 9. Казенный двор, 10. Рудокопных дел (окольничий А. Т. Лихачев), 11. Большой дворец (боярин Т. Н. Стрешнев), 12. Дворцовый Судный, 13. Конюшенный, 14. Земских дел (боярин князь И. Б. Троекуров), 15. Военных морских дел (адмирал боярин Ф. А. Головин), 16. Адмиралтейский (адмиралтеец, ближний стольник Ф. М. Апраксин), 17. Военный (генерал-комиссар, боярин князь Я. Ф. Долгорукий), 18. Приказ артиллерии (генерал-фельдцейхмейстер, царевич Александр Арчилович), 19. Провиантский (генерал-провиант, окольничий С. И. Языков), 20. Поместный (думный дьяк Автоном Иванов), 21. Московский Судный (боярин А. П. Салтыков), 22. Аптекарский (думный советник П. Б. Возницын), 23. Ямской (боярин Ф. А. Головин), 24. Преображенский (ближний стольник князь Ф. Ю. Ромодановский), 25. Мастерская палата (постельничий Г. И. Головкин), 26. Оружейная палата (боярин Ф. А. Головин), 27. Сибирский (думный дьяк А. А. Виниус), 28. Холопьего суда (думный дьяк П. И. Никифоров) [1], 29. Печатный (до 29 июня 1701 г. думный дворянин и печатник Д. М. Башмаков, с 29 июня 1701 г. думный дворянин и печатник Н. М. Зотов) [2], 30. Доимочный приказ (он же), 31. Казанский дворец (боярин князь Б. А. Голицын), 32. Сыскной (стольник князь И. О. Щербатов) [3], 33. Ратуша, 34. Патриарший казенный, 35. Патриарший дворцовый.

Местное управление

И в местном управлении за изучаемое время так же, как и в строе приказов, наиболее значительную перемену вносила

[1] С 16 октября 1698 г. Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1088.

[2] Арх. мин. юст., Боярские списки, 1701 г., кн. № 45, л. 8: «Думный дворянин и печатник Дементей Минич Башмаков. Июня в 29 день по указу великого государя по его челобитью для старости печать у него принята»; там же, л. 10: «думный дьяк Микита Моисеев сын Зотов. Июня в 29 день великий государь пожаловал в думные дворяне и печатники».

[3] С 31 мая 1698 г. Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1075.

городская реформа 1699 г. С учреждением Ратуши ей через местные земские избы с выборными бурмистрами стало подведомственно посадское население городов, торговое население многих слобод и волостей, а на севере черносошное крестьянство. Все эти общественные группы с открытием действий земских изб и Ратуши должны были выйти из-под ведомства городовых воевод, так что в ведении городового воеводы после реформы 1699 г. оставались: город как крепость со стоявшим в нем гарнизоном и находившееся в городе казенное имущество; ему были подведомственны судом и сборами служилые люди и частновладельческие крестьяне, помещичьи и вотчинные. Компетенция воевод была шире или у́же, смотря по населению города и уезда. В городах и уездах на юге, где не было совсем посадского населения или было его немного, где преобладало служилое население и частновладельческое крестьянство, она была шире; наоборот, в северных поморских городах и уездах, где преобладающей массой населения было черносошное крестьянство и посадские люди, компетенция воеводы суживалась и в иных случаях сводилась совсем к нулю. Отсюда те недоумения северных воевод после реформы и вопросы о том, что же им делать, съезжать ли с воеводства и кому в таком случае сдавать город, недоумения и вопросы, с которыми они обращались в Москву; отсюда и столкновения между воеводами и вновь избранными бурмистрами, разыгравшиеся в некоторых поморских городах[1]. В январе 1700 г. была составлена в Посольском приказе докладная записка, которая, обобщая запросы северных воевод, изображала положение дела так: «ныне поморских городов воеводы к великому государю пишут, чтоб из тех городов их переменить, потому что иных урочные сроки отошли, а которым еще сроки не дошли, и тем питаться нечем; а которым сказано было вновь и даны наказы, и те с Москвы не едут и прежних воевод не переменяют для того, что питаться нечем и быть не у чего». На этот доклад последовал тогда же в январе 1700 г. указ: «В поморских городах воеводам и приказным людям не быть, потому что в тех городах и уездах его, великого государя, и монастырские крестьяне, а помещиковых и вотчинниковых крестьян нет». К этой категории городов в указе отнесены: Двина (Холмогоры), Архангельск, Каргополь, Кевроль, Мезень, Устюг Великий, Чаронда, Тотьма, Соль Вычегодская, Чердынь, Вятка с пригородами, Кунгур. В Кольском и Пустозерском острогах велено было воеводам оставаться попрежнему, «потому что города порубежные»[2].

Указ этот, повидимому, не всецело соблюдался. По крайней мере, в Архангельск, где в 1700 г. воеводой был боярин князь

---

[1] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 120—122.
[2] Там же, стр. 122, 123 (примечание).

М. И. Лыков, в 1701 г. назначен был боярин князь А. П. Прозоровский [1]. Может быть, он не соблюдался также и относительно других перечисленных в нем городов. Во всяком случае, во все остальные непоморские города воеводы с юридически ограниченной теперь компетенцией посылаются попрежнему. И самый порядок назначения воевод совершенно прежний; они «отпускаются» на должность из приказов, которым были подведомственны те или другие города и которые в этом случае принято называть областными, с тою только разницей, что число таких приказов с исчезновением Костромской чети, Владимирского и Великороссийского сократилось. Теперь воевод назначают следующие приказы: соединенные с Посольским — Княжества Смоленского, Новгородский, Галицкий, Устюжский; далее — Большой дворец, Казанский дворец, Сибирский и Разряд. Служилый человек, кандидат на воеводство, присылается из Разряда в тот или иной областной приказ; последний снабжает назначаемого воеводу наказом, отправляет его к месту назначения и затем руководит им во время его деятельности на месте, ведя с ним переписку. Ежегодно Разряд, заведывавший учетом служилых людей, требовал от каждого из приказов, которые брали из него служилых людей на воеводства или для других поручений, представления ведомостей, какие именно служилые люди: стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы, городовые дворяне и дети боярские и иных чинов ратные люди и кто именно на Москве и в городах у дел и в посылках. По таким ведомостям можно восстанавливать список воевод по городам каждого приказа за каждый год [2].

---

[1] Арх. мин. юст., Боярские списки, кн. № 43, л. 350 об.; кн. № 45, л. 2 об.

[2] I. Из приказов, соединенных с Посольским, по ведомости, составленной в ноябре 1699 г., были назначены воеводы (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 150—173): *из приказа княжества Смоленского* в города: Смоленск, Дорогобуж, Белую, Рославль; *из Новгородского приказа* получали воевод города: Новгород Великий, Псков, Красное, Опочка, Гдов, Старая Руса, Новгород Нижний, Двина, Олонец, Соль Камская, Вологда, Арзамас, Кайгородок, Кольский Острог, Еренск, Пустозерск, Вятка, Кунгур, Каргополь, Кевроль, Мезень; *из Галицкого приказа:* Соль Галицкая, Чухлома, Унжа + Судай (один воевода), Парфеньев + Кологрив (один воевода); *из Устюжского приказа:* Устюг Великий, Тотьма, Чаронда, Соль Вычегодская, Устюжна Железнопольская; *из Малороссийского приказа:* Киев, Переяславль, Нежин, Чернигов, Новобогородицкий на Самаре, Сергиевский на Самаре, Орел-городок. В этой ведомости значатся еще воеводы, отпущенные в великороссийские города из Великороссийского приказа; но в 1700 г. этот приказ слился с Разрядом, и уже в 1701 г. воеводы в великороссийские города назначаются из Разряда (см. ниже). Предстоит исследовать, насколько соблюдался на практике январский указ 1700 г., предписывавший не назначать воевод в города: Архангельск, Двину, Вятку, Кунгур, Каргополь, Кевроль и Мезень, Устюг Великий, Тотьму, Чаронду, Соль Вычегодскую, Чердынь.

II. *В приказе Большого дворца* по ведомости, представленной в 1701 г. в Ближнюю Канцелярию (*Есипов*, Сборник выписок, II, 177—261), воевод-

Попрежнему и другие приказы входили в соприкосновение с местным управлением по делам, касающимся их ведомств. Так, приказ Сыскных дел, прежний Разбойный, назначал в некоторые города с уездами губных старост. По ведомости, поданной из этого приказа в Разряд в октябре 1699 г., губные старосты, им отпущенные, действовали в городах: Угличе, Костроме, Галиче, Судае + Унже (один губной староста), Чухломе, Шуе, Туле, Алексине, Мценске, Коломне, Ряжске. Кроме того, в отдельных случаях экстренно посылались из приказа в города особые «сыщики» для расследования дела. В 1699 г. в Алексин в качестве сыщика был отправлен стольник Ф. Ю. Гайтуров «для сыска по челобитью Василья Толстова про разорение дому его». В том же году стольник князь В. С. Засекин был послан в города Кострому и Ростов также,

---

ским «отпуском» ведомы были до 1700 г. города: Ярополчь, Белоозеро, Вага, Юрьевец-Повольской, Кинешма, Балахна, Касимов, Углич, Дмитров, Трубчевск, Тамбов, В. Ломов, Н. Ломов, Норовчатовское городище, Красная дворцовая слобода на р. Мокше, Троицкий острог на р. Мокше, Романов в степи, Богородицкий, Скопин, село Мокрый Боярак в Лебедянском у.

III. *В приказе Казанского дворца* по ведомостям 23 ноября 1699 г. и 30 декабря 1700 г. (Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 220—221, 227, 332—347, 690—707): Казань, Астрахань, Царицын, Саратов, Самара, Уфа, Симбирск, Свияжск, Чебоксары, Козьмодемьянск, Цивильск, Царевококшайск, Царевосанчурск, Яранск, Уржум, Кокшайск, Василь, Курмыш, Ядрин, Алатырь, Темников, Кадом, Саранск, Инсар, Керенск, Пенза; казанские пригороды: Тетюши, Лаишев, Арск, Оса, Малмыж; по казанской черте: Мензелинск, Старый Шешминск, Новый Шешминск, Билярск, Заинск, Маинск; по симбирской черте: Тагаев, Юшанск, Уренск, Белый Яр, Ерыклинск, Корсунь; корсунские пригороды: Малый Корсунов + Сокольский Острог (один воевода), Тальской, Аргаш, Сурской, Сызрань, Кашпирь; по инсарской черте: Потишской; по пензенской черте: Мокшанск, Рамзай, уфимский Бирский городок, уфимский Солеварный городок; по саранской черте: Атемар, Шечшкевский, Инзерский; казанские дворцовые села: Сарапуль, слобода Кукарская, Трисвятское-Елабуга, Воскресенское-Монсурово, волость Калякурская, Костенеево, Тавели, Чепчюги, Лебяжье; в Свияжском уезде: село Никольское, Едигерово тож; в Симбирском уезде: слободы Арбузинские; в Уфимском уезде: село Каракулино, село Богородское Дувенея; астраханские пригороды: Черный Яр, Красный Яр.

IV. *В Сибирском приказе* по ведомости 1700 г. (Арх. мин. юст., Моск. ст. Разряда ст. № 767, л. 684—686): Верхотурье, Пелымь, Туринск, Тюмень, Тара, Сургут, Березов, Мангазея, Томск, Красноярск, Кузнецк, Нарым + Кетский острог (один воевода), Енисейск, Илимск, Якутск, Иркутск, Нерчинск. Ведомость без начала: недостает Тобольска.

V. *В Разряде* в 1700 г. воеводским отпуском ведомы были города по ведомости, представленной в Ближнюю Канцелярию в 1701 г. (*Есипов*, Сборник выписок, II, 262—295). 1. *Замосковные:* Владимир, Суздаль, Шуя, Лух, Юрьев Польский, Муром, Переяславль Залесский, Ростов, Ярославль, Кострома, Галич, Кашин, Углич (? он же показывается и в приказе Большого дворца), Бежецкий Верх, Романов, Пошехонье, Можайск, Вязьма, Волок Ламский, Звенигород, Борисов, Руза, Боровск, Верея, Ярославец Малый, Клин. 2. *Новгородского полка:* Тверь, Торжок, Старица, Ржева Володимерова, Торопец, Великие Луки, Зубцов, Ржева Пустая. 3. *Белгородского полка:* Белгород, Курск, Обоянь, Чернь, Ефремов, Лебедянь, Данков, Чернавск, Ливны, Землянск, Мценск, Новосиль, Елец, Талецкой, Старый Оскол,

надо думать, по какому-либо особому экстренному делу[1]. Из Пушкарского приказа назначались воеводы, заведующие засеками, и головы, состоявшие у ворот на засеках. По ведомости, относящейся к ноябрю 1699 г., значились воеводы у засек: Тульской, Веневской, Перемышльской, Каширской, Шацкой, Рязанской, Ряжской, Одоевской, Белевской, Лихвинской, Козельской — все эти воеводы были взяты из стольников. Головы назначались из городовых служилых людей. На Тульской, например, засеке состояли головы у ворот: Малиновых, Щагловых, Корницких, Кортосеневских, Орловых по одному у каждых. Засечные воеводы и головы, так же как и городовые воеводы, назначались на двухлетний срок. Из того же Пушкарского приказа назначались осадные головы по городам[2].

Большая казна отпускала двух воевод для управления «будными станами» — поташными промыслами в волостях Вацкой и Сергацкой Нижегородского уезда и Починковской в Арзамасском, Алаторском и Темниковском уездах[3]. Поместный приказ посылал в уезды стольников для расследования поземельных споров и производства межевания земель[4]. Даже Оружейная палата имела отношение к местному управлению, посылала по городам стольников и других служилых людей для производства сыска о корчемной и табачной продаже, так как дела по табачной монополии, установленной по договору с маркизом Кармартеном, заключенному Ф. А. Головиным,

---

Епифань, Болхов, Карпов, Хотмыжск, Вольной, Алешна, Нежегольск, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогожск, Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж, Орлов, Усмань, Демшинск, Козлов, Челновской, Бельск, Сокольск, Белоколоцкой, Доброй, Валуйка, Полатов, Тополи, Чугуев, Змиев, Каменка, Двуречной, Купенка, Острополье, Царев-Борисов, Мояцкой, Соляной, Изюм, Савинск, Балыклея, Андреевы Лозы, Лиман, Бишкин, слобода Печенеги, Тавань. 4. *Великороссийские города:* Сумин, Суджа, Лебедин, Мирополье, Краснополье, село Пеня, Межиречье, Белополье, Ахтырск, Боровля, Сенной, Богодухов, Мурава, Городное, Краснокутск, Колонтаев, Рублевка, Харьков, Ольшанка, Золочев, Соколовка, Мерефа, Валки, Новая Перекопь, Салтов, Волчьи воды, Высокополье, Коломка. 5. *Рязанские города:* Переяславль Рязанский, Коломна, Пронск, Ряжск, Шацк, Зарайск, Михайлов, Печерники, Сапожок, Гремячий, Венева. 6. *Украинные* города: Тула, Кашира, Алексин, Серпухов, Одоев, Крапивна, Дедилов. 7. *Заоцкие города:* Калуга, Воротынск, Перемышль, Мещовск, Серпейск, Масальск, Козельск, Лихвин. 8. *Севского полка:* Севск, Брянск, Рыльск, Путивль, Белев, Болхов, Карачев, Орел, Кромы, Недрыгайлов, Каменное.

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 197—198.

[2] Там же, л. 211—219. Осадные головы по этой ведомости указываются в городах: Ярославле, Владимире, Вологде, Галиче, Костроме, Переяславле, Ряжске, Пронске, Зарайске, Веневе, Туле, Калуге, Болхове, Рыльске, Курске, Орле, Мценске, Ельце, Ливнах, Добром Городище, Лебедяни, Новосиле, Ст. Осколе, Н. Осколе.

[3] Там же, л. 457—458; *Есипов,* Сборник выписок, т. II, стр. 305.

[4] Там же, л. 199—201.

были поручены Оружейной палате, ведомству Ф. А. Головина [1].

Словом, механизм местного управления с воеводскими отпусками из областных приказов и с чересполосицей ведомств продолжает в главных своих чертах действовать по-старому. Однако с 1699—1700 гг. начинаются перемены. Эти перемены выходят из двух новых фактов. Прежде всего, о чем было уже говорено выше, из учреждения Ратуши с земскими избами, что сопровождалось ограничением компетенции воевод, изъятием из их ведомства посадского и торгового населения городов и волостей и всего черносошного крестьянства и даже прекращением отпуска воевод в некоторые города, если только приведенный выше январский указ 1700 г. о таком прекращении прошел в жизнь и осуществлялся. Эти перемены всего более были ощутительны на севере Московского государства — в Поморье, слабее отзывались в Замосковных городах, всего менее оказали влияния на юге. Другим фактом, повлекшим за собою некоторые перемены в распорядке местного управления, было создание Азовского флота. Эти перемены были менее значительны по существу, более касались внешней формальной структуры местного управления и дали себя знать только на юге. Перечислим эти изменения. После завоевания в 1696 г. город Азов с системою других выстроенных в его окрестностях оборонительных пунктов и Таганрогской гаванью очутился в ведомстве Пушкарского приказа и очутился в этом ведомстве совершенно случайно, просто потому, что главнокомандующий войсками, завоевавшими Азов, боярин А. С. Шеин заведывал Пушкарским приказом. Азов с городами попал в ведомство Пушкарского приказа по таким же личным основаниям, по каким табачная монополия оказалась в ведомстве Оружейной палаты: он был поручен ведомству его номинального завоевателя, подобно тому как табачная монополия была поручена ведомству дипломата, заключившего о ней договор. После смерти А. С. Шеина Азов был передан в ведение Разряда, в управлении которого вообще находился весь русский юг. 14 февраля 1700 г. состоялся именной указ, повелевавший: «новозавоеванные городы: Азов, Сергиевский, Никоновский с Каланчинскими башнями, Петровский, Троицкий, что на Таган-рогу (Таганрог) и строение гаван, Павловский, Миюс воеводскими отпуски и всякими делами ведать в Разряде и тех городов денежную и всякую казну, что есть, и приходные и расходные книги денежной, и хлебной и всякой казне и дела все, и подьячих, которые у того дела были, двух человек добрых взять в Разряд же» [2]. Группа городов Воронежского края, население которых несло особые повинности,

---

[1] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 687—688.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1118—1119.

обслуживая воронежское кораблестроение, с учреждением Адмиралтейского приказа была передана (по административным и судебным делам) указом 21 марта 1700 г. из Разряда в Адмиралтейский приказ. Это были города: Воронеж, Коротояк, Усмань, Костенск, Орлов, Землянск, Добрый, Демшинск, Сокольск, Белоколодск. В июне 1700 г. к ним присоединен был и Елец. В финансовом отношении эти города продолжали ведаться до 1704 г. в Разряде [1].

Таким же способом приписки городов было организовано обслуживание рабочей силой и материальными средствами сооружение Таганрогской гавани — «строение гаван». Рабочая сила и материалы доставлялись натуральным способом. Для такого доставления к Азову приписано было несколько городов с уездами, население которых должно было давать рабочих и поставлять необходимые материалы. Соответственно с тем и администрация этих городов ставилась в иерархические отношения к азовскому воеводе, подчиняясь ему. Так, в 1700 г. к Азову были приписаны четыре города из ведомства Казанского дворца: Саранск, Инсара, Керенск и Пенза; их было велено «для готовления лесных припасов на таганрогскую пристань ведать к Азову» [2]. В том же году по указу 3 июля было приписано к Азову пять городов из ведомства приказа Большого дворца, именно: Тамбов, В. Ломов, Н. Ломов, Наровчат и Красная слобода на Мокше. Служилых людей и крестьян этих городов по судебным, земельным и податным делам — «сборы и податьми» — велено было «ведать к Азову думному дворянину и воеводе Степану Богдановичу Ловчикову, с товарыщи, покамест в Троицком, что на Таганрогу, гавань совершится» [3]. И в этом случае, как и в предыдущем, именно при передаче воронежских городов в Адмиралтейский приказ, создавалась некоторая, впрочем, нередкая для московской администрации двойственность: подати и сборы с этих городов шли к Азову, но «всякие доходы» — надо думать, дворцовые, предписывалось высылать попрежнему к Москве в приказ Большого дворца. Приписка предполагалась как временная, пока не будет окончена Таганрогская гавань; на деле она оказалась постоянной. Эти факты — передача воронежских городов в Адмиралтейский приказ, глава которого Ф. М. Апраксин находился в Воронеже, и приписка группы тамбовских и пензенских городов к Азову были, как известно, исходными моментами формирования будущей крупной областной единицы — Азовской губернии с двумя ее центрами: в Воронеже и в Азове и с Ф. М. Апраксиным в качестве губернатора во главе.

---

[1] *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 343.
[2] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 696—697.
[3] *Есипов,* Сборник выписок, т. II, стр. 227—234.

Принимались чрезвычайные меры для заселения пустынных придонских мест все с тою же конечной целью содержания военных сил, сосредоточенных в Азове. В ноябре 1699 г. состоялся именной указ: реку Битюг от вершины до устья со всеми впадающими в нее с обеих сторон притоками и все, расположенные по берегам этой речной системы земли, сенные покосы, леса, бортные ухожья, звериные и рыбные ловли и всякие угодья «приписать и ведать в приказе Большого дворца». Из пошехонских дворцовых сел взять 2 530 дворов крестьянских и 20 дворов бобыльских и этих крестьян и бобылей «с женами и детьми, и животы, и с хлебом, и со всякими их крестьянскими заводы» переселить на реку Битюг, временно разместив переселенцев, пока они будут строиться на новых местах дворами, в нескольких воронежских городах. «А как те крестьяне дворами устроены будут, и им в тех местех пахать десятинная пашня по скольку доведется, и тот хлеб, который будет в тех селех родиться, отпускать в Азов ратным людям на жалованье». Для осуществления этой меры, для переписки переселяемых крестьян в пошехонских селах, для передвижения их на Битюг и для устройства их там командировались из Разряда особые стольники [1].

XXXI. КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 1699—1700 гг.

«Журнал или Поденная записка Петра Великого», как мы уже видели выше [2], говоря о реформах, предпринятых Петром в 1699 г., перечисляет, между прочим, целый ряд преобразований, направленных к распространению просвещения и к изменениям в формах быта, преобразований, которые можно назвать культурными. Сюда относятся: устройство школы, устройство типографии, перевод с иностранных языков и печатание книг, посылка русских людей для науки за границу, перемены во внешнем облике подданных, вызванные указами об обязательном брадобритии и о ношении платья нового образца, наконец, перемена в обычае празднования нового года. Следуя за «Поденной запиской», рассмотрим каждое из этих нововведений.

Мысль о школе должна была возникнуть у Петра задолго до 1699 г. Ее с особенной силой должны были возбуждать введенные им перемены в вооруженных силах страны. Создание большого азовского флота, как самое кораблестроение, а за-

---

[1] Арх. мин. юст., Моск ст., № 767, л. 468—469, 509, 709, 860; *Есипов,* Сборник выписок, т. II, стр. 209—211.
[2] См. выше стр. 171.

тем и мореплавание, ставило вопрос, во-первых, об инженерах и техниках, знающих основы математической науки, необходимые при кораблестроении, во-вторых, о морских офицерах, умеющих пользоваться картой, компасом и всякими другими употребляющимися при кораблевождении инструментами, для чего также необходимы были математические знания. Грамотности, умения читать и писать, и даже той книжной начитанности, какая тогда в иных случаях встречалась, было совершенно недостаточно. Для кораблестроения, для навигации, для артиллерии и постройки крепостей необходимы были математические науки: арифметика, геометрия, тригонометрия. При организации флота и устройстве регулярных войск выдвигался вопрос также о медицинской науке, так как новые военные части должны были снабжаться медицинским персоналом. Можно сказать, что на каждом шагу своей все расширяющейся организаторской деятельности Петр неизбежно сталкивался с нуждой в *знающем* человеке. За недостатком своих знающих людей приходилось обращаться к иностранцам, искать инженера, морского офицера, артиллериста, врача и всякого другого специалиста за границей, нанимать этих специалистов плохого качества, платя им дорогую цену. Все это не могло, конечно, не наводить Петра на мысль о подготовке нужных специалистов из своих путем посылки их для обучения за границу или посредством создания школы у себя дома. Заграничное путешествие должно было также подтвердить его мысли о значении науки и школы. Он увидел здесь и развитие науки самой по себе при посещении научных учреждений: университетов, музеев, обсерваторий, лабораторий, и значение прикладной науки в приложении к жизни в различных ее областях: и на корабле, и в войске, и на заводе, и в госпитале. Мысль о необходимости собственной школы, устроенной на манер западноевропейских школ, повела во время заграничного путешествия к некоторым шагам, направленным к ее практическому осуществлению. В Англии Брюсу давно было поручено обозреть английские школы и представить о них отчет. В Англии же в 1698 г. Петру были представлены трое преподавателей, согласившихся вступить на русскую службу и ехать в Москву, чтобы учредить там математическую школу [1].

С тех пор мысль о школе не покидает Петра. В 1699 г., вскоре по возвращении в Москву из Керченского похода, посещая 4 октября больного патриарха, он разговаривал с ним о школе. Патриарх записал или приказал записать происшедший разговор. Записка, озаглавленная словами: «Во имени господни извещение. Изволил великий государь царь святейшему патриарху глаголати, быв у него октоврия месяца в

[1] См. том II настоящего издания, стр. 381.

Рис. 33. Патриарх Адриан.
Портрет маслом XVIII в. из собрания Государственного Исторического музея в Москве.

4 день ради посещения от немощи его» — показывает нам, что Петр думал тогда о школе[1]. Царь, по свидетельству записки, прежде всего выразил недовольство по поводу необразованности духовенства; затем перешел к критике существующей

[1] Записка не обозначена годом. *Устрялов* (История, т. III, стр. 511) считает возможным относить этот разговор или к 1698, или к 1699 г. Мне кажется, его следует относить именно к 4 октября 1699 г. Петр имел обыкновение, а он, несмотря на молодость лет, был очень верен своим привычкам, посещать патриарха каждый раз по возвращении своем в Москву после продолжительных отлучек. Так, он посещал его 1 октября 1696 г. по возвращении из Азовского похода и 31 августа 1698 г. по возвращении из-за границы. (См. *Устрялов,* История, т. I, стр. 376 и т. III, стр. 12—13). Подобным же образом он посетил патриарха 4 октября 1699 г., вернувшись в Москву 27 сентября после продолжительного путешествия в Воронеж, Азов и Керчь.

школы, указывал причины ее недостатков, наконец, сообщил патриарху, какую школу ему хотелось бы иметь в России. Священники, говорил Петр, ставятся малограмотные. Их надо бы обучать и тогда уже ставить в тот чин; надо назначить человека, да и не одного, для наблюдения за этим делом и устроить место, где быть обучению духовенства. Образованное духовенство нужно как для вразумления православных христиан, так и для обращения в христианство «зловерцев»: татар, мордвы, черемисы и других народов, не знающих «творца господа». Для такого образования хорошо бы послать человек десять в киевские школы. Есть школа и в Москве, и можно бы порадеть об этом деле; но в школе этой мало учатся, потому что никто о ней, как подобало бы, не заботится. Нужен для такой заботы человек знатный «в чине и во имени» и богатый, чтобы мог оказывать поддержку и учащим и учащимся [1]. А такого человека нет! Действительно, московская славяно-греко-латинская академия, которую подразумевал здесь царь, открытая при царевне Софье в 1685 г. братьями Лихудами, после их удаления в 1694 г. стала падать. Патриарх, видимо, проявлял к ней мало интереса; да к тому же последние годы своего правления все время болел. Лица, которые вели дело без патриаршего надзора и попечения, не стояли на должной высоте. Ученики, числом 150, бедствовали. Даже и по внешнему виду школа пришла в полный упадок; здание, отведенное ей в Заиконоспасском монастыре, разрушалось, потолки и печи обвалились, как свидетельствовал дьяк Оружейной палаты А. Курбатов, осматривавший школу 25 октября 1700 г., вскоре после смерти патриарха [2]. Дав отрицательную характеристику состояния Заиконоспасской академии, Петр далее в разговоре высказал взгляд на цели той школы, которая была бы ему нужна и которая бы его удовлетворяла, и развил ее программу. В этой школе прежде всего, конечно, следует преподавать евангельское учение — это свет и «знание божеское», больше всего надобное людям в жизни. А затем такая школа должна обучать знаниям, необходимым не только для церковной службы, но и для гражданской, а именно: воинскому делу, инженерному и врачебному искусству: «воинствовати, знати строение и докторское врачевское искусство». «Многие, — продолжал царь, — желают учить детей своих свободным наукам», — под этим названием, бывшем в ходу и у нас в XVII и в начале XVIII в., подразумевались знания, входившие тогда в состав общего образования на немецких философских факультетах, а именно словесные науки: грамматика, диалектика, риторика; математические: арифметика, геометрия, астрономия и, наконец, музыка, — и для обучения свободным наукам отдают детей

[1] «А надобно к тому человек знатный в чине и во имени и в довольстве потреб ко утешению приятства учителей и учащихся».

[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 356—357.

иноземцам или держат учителей-иностранцев в своих домах; иностранцы же эти русского языка не знают, да к тому же еще иноверцы и при обучении малым детям «ереси своя знати показуют». Отсюда детям вред, православной церкви может быть «спона велия», а речи русской от них неискусства повреждение. «А в нашей бы школе при знатном и искусном обучении всякого добра училися». И тогда бы люди, имеющие начатки знаний, заглянув в царскую школу, захотели бы продолжать свое образование, — «и кто бы где в науке заправился, в царскую школу хотя бы кто побывать пришел, и он бы пользовался. И сего смотрети же надобно и прирадеть тщательно зело!» Но как вера без дела и дело без правой веры мертвы, так не приносит пользы и слово без деятельной заботы, без правильного распорядка и без надлежащих средств — «тако слово без промысла, а труд без чина и без потреб не успеет пользовати». Свое рассуждение о школе царь закончил указанием на великую злобу, которую питает против школы дьявол: дьявол — враг школы, старается, чтобы где-либо не завелась настоящая наука, и строит ей всякие козни и препятствия — «еще же велия злоба от диавола и козни его на люди, еже бы наука благоразумная где-либо не возымела места; всячески бо препинания деет в той. Господь же бог во всем помощь да сотворит людем спасительну»[1]. Слова о том, что дьявол — враг настоящей науки, злобствует на нее и противодействует ей, а господь бог окажет ей помощь, были очень смело сказанными для того времени, когда провозглашалось, что «мерзостен пред господом всяк, любяй геометрию», и когда таблицы логарифмов считались «черною книгой», через которую человек вступает в сношение с дьявольской силой.

Московская академия, видимо, не удовлетворяла Петра не только потому, что она оставалась без попечения, была запущена и заброшена, но и потому, что он желал школы с более широкой программой, такой, где давалось бы не только богословское и словесное образование, но где ученики подготовлялись бы к воинскому делу, к инженерному искусству и к врачеванию. Иными словами, он хотел иметь в Москве университет, каким должна была быть московская академия по замыслу ее учредителей и по данному ей в 80-х годах уставу, от которого она отклонилась на практике, усвоив характер словесно-богословского училища. Но, критикуя существующую школу и высказывая пожелания относительно будущей, царь хорошо, конечно, понимал, что от старого и больного патриарха исправления недостатков существующей школы и создания будущей ждать невозможно. Поэтому к достижению намеченных целей приходилось искать иных путей.

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 511—512.

Рис. 34. Кадашевский полотняный двор.

Акварель Алексеева 1800—1808 г. Из собрания Государственного Исторического музея в Москве.

В то время как происходил приведенный разговор с патриархом, в Москве уже жили нанятые в Англии преподаватели, которые и организовали здесь школу желательного для Петра типа. Это были: профессор шотландского эбердинского университета Фарварсон (Henry Fargwarson), с двумя своими товарищами Гвином (Stephen Gwyn) и Грейсом (Richard Gries). «Поденная записка» в перечне нововведений Петра за 1699 г. относит учреждение школы этих учителей — Навигацкой, как ее стали называть, именно к этому 1699 г.; так по крайней мере, можно заключить из слов записки: «Тогда же (под 1699 г.) почалась школа Навигаторская, также и прочих наук школы начало свое восприимать по малу стали, тако ж и разные художества; и приумножены школы латинские и вновь заведены немецкие и других языков»[1]. И князь Б. И. Куракин в своей автобиографии относит заведение математических школ к времени между 20 июля 1699 г. и 20 июля 1700 г.[2] В нашей старой литературе открытие Навигацкой школы относилось почему-то даже к точно определенному дню, именно к 19 августа 1699 г., что повторяется иногда и теперь[3]. Однако последующие разыскания Веселаго выяснили, что трое названных выше англичан по приезде в Москву осенью 1699 г. более года оставались без дела. Возможно предположить, что они прибыли в Москву 19 августа 1699 г., день, к которому и стали затем приурочивать открытие школы. В ожидании занятий они поселились у своего земляка, англичанина Андрея Кревета, переводчика Посольского приказа, жили втроем в одной тесной комнате или, как они писали в своем челобитье, «палатченке» и терпели нужду. Кревет довольствовал их чем мог, однако не всем: «сподоблял их всякими нуждами: питьем и людьми, и лошадьми, и прочим, только кроме харча, и платья». Захваченный другими делами, Петр на время как бы забыл об их существовании, а они не могли добиться толку в московских учреждениях, чтобы двинуть дело, для которого их вызвали, и чтобы выхлопотать себе обещанное им жалованье[4]. В декабре 1700 г. они подавали прошение об отводе помещения под их школу на Мясницкой или на Покровке[5]. Только 14 января 1701 г. последовал указ об открытии школы математических и навигацких наук, в которой велено быть преподавателями «англинские земли урожденным: математической науки Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой —

[1] «Журнал или Поденная записка», т. I, стр. 7.

[2] «Того ж года заведены школы математическия» (Архив князя Куракина, т. I, стр. 259).

[3] *Голиков,* Дополнения к деяниям Петра Великого, т. V, стр. 294. Ср. Русский биографический словарь под словом Фарварсон.

[4] *Ф. Веселаго,* Очерк истории морского кадетского корпуса, Спб. 1852, стр. 5, 8.

[5] *М. А. Голубцова,* Московская школа Петровской эпохи («Москва в ее прошлом и настоящем», т. VII, стр. 42).

Рис. 35. Сухарева башня.
Гравюра нач. XIX века.

Степану Гвыну да Рыцарю Грызу». Школа отдавалась в ведомство Оружейной палаты. Контингент учеников для нее предписывалось набрать из «добровольно хотящих», иных же отдать туда «и со принуждением», причем ученикам устанавливалось содержание, смотря по успехам в учении, по 15, по 10 копеек и меньше в день. Для помещения школы этим указом предписывалось взять Большой Полотняный двор в Кадашевской слободе, об очистке двора снестись с постельничим Гаврилой Ивановичем Головкиным, управлявшим Мастерской палатой, в ведении которой находилась Кадашевская слобода, деньги на всякие нужды по устройству этого двора отпускать из доходов Оружейной палаты [1]. Однако устроить школу на Полотняном дворе оказалось по каким-то причинам неудобным, и 23 июня того же 1701 г. велено было поместить ее в незадолго перед тем (1692—1695 гг.) выстроенной над Сретенскими воротами башне, получившей название Сухаревой, где школа и находилась во все время ее существования с 1701 по 1715 г.

Таким образом, начало Навигацкой школы в Москве следует относить только к 1701, а не к 1699 г., как это делает «Поденная записка». Время указано «Запиской» приблизительно, и небольшая неточность, допущенная ее составителями, легко объяснима. В 1699 г. приехали из Англии преподаватели для Навигацкой школы. Об устройстве школы могли быть разговоры в связи с их приездом осенью 1699 г. и в

---

[1] Указ 14 января 1701 г.: напечатан неисправно в приложении 1 к книге *Веселаго,* Очерк истории морского кадетского корпуса. В напечатанном тексте указа нет даты, так что, откуда взята дата 14 января 1701 г., неясно. По всей вероятности, впрочем, дата опущена при напечатании документа, как это сделано и с документом, напечатанным в приложении II. Напечатанный документ заканчивается словами: «Подлинный указ за скрепою думного дьяка Автонома Иванова», из которых видно, что напечатанный документ есть копия, а не подлинный указ. Копией называет его Веселаго и в примечании 5, где дается указание, что «копия с подлинного указа находится в Главном морском архиве в делах коллежских, папка 96, № 26». Но по напечатанному тексту можно думать, что это не копия с подлинного скрепленного Автономом Ивановым указа, а кем-то сделанный его пересказ, украшенный высокопарными выражениями, которые в деловом приказном языке не употреблялись: «Великий государь (т.), ревнуя древлебывшим грекоправославным пресветлосамодержавнейшим монархом, премудро управляющим во всяком усмотрении государствие самодержавия своего и иным в Европе ныне содержащихся и премудро тщательно управляемых государствий пресветлодержавнейшим монархом и речи посполитые управителем, указал именным своим, великого государя, повелением в государстве богохранимые своея державы всероссийского самодержавия на славу всеславного имени всемудрейшего бога и своего богосодержимого храбропремудрейшего царствования во избаву же и пользу православного христианства, быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению» и т. д. Вся эта напыщенная риторика едва ли могла содержаться в подлинном именном указе, форма которого в то время была обыкновенно такая: «Великий государь (т.) указал по своему, великого государя, именному указу» и т. д.

1700 г. по поводу поданных англичанами челобитных. Затем последовали распоряжения об открытии школы в 1701 г. В памяти Петра и его помощников по составлению «Поденной записки» 1699 г. запечатлелся как действительно начальный исходный момент всего этого дела; к нему и приурочено было учреждение школы.

Книгопечатание

Как другое культурное нововведение 1699 г., кроме школы, «Поденная записка» отмечает печатание таких книг, которые ранее в России не печатались. «Того ж года, — читаем в записке, — исправлена друкарня в чистоте печати, и начали многие книги переводить и печатать инженерские, артиллерийские, механические и прочих художеств, также и исторические и календари». В этих словах содержатся собственно два известия: во-первых, об исправлении типографии, во-вторых, о появлении книг нового научного содержания. К какой типографии относить и как понимать слова «исправлена друкарня в чистоте печати»? Идет ли здесь речь только об улучшении шрифта на московском Печатном дворе или же известие «Записки» о типографии можно толковать шире? На московский Печатный двор 26 марта 1698 г. был назначен справщиком из преподавателей славяно-греко-латинской академии Федор Поликарпов, впоследствии долгое время бывший директором этой типографии. Это был по своему времени образованный человек, знавший древние языки, много переводивший с них и составивший «триязычный словарь греко-славяно-латинский» (М. 1704), не вышедший из практического употребления еще и в 70-х годах XVIII в. О том, чтобы Поликарпов тотчас же по вступлении в должность справщика ввел в 1699 г. какие-либо улучшения в шрифте Печатного двора, нет известий; если бы такую заслугу он за собою знал, он не преминул бы о ней упомянуть в своих неоднократных жалобных челобитных, подававшихся им по поводу злоключений, постигших его при управлении типографией, наложенных на него начетов и штрафов; он не был в управлении типографией бескорыстным. Между тем, как раз наоборот, Поликарпов писал, что за его время печать в его типографии ухудшилась, и жаловался, что никто новых книг не покупает, покупатели предпочитают брать старые книги хорошей печати, давая даже за них более дорогую цену: «нынешних книг обегают и больше со стороны покупают прежние книги *чисто печатные* с наддачею, нежели новые марашки меньшею ценою»[1]. Да и едва ли «Поденная записка» — эта история царствования — стала бы упоминать об исправлении шрифта, как об историческом факте. Поэтому вернее

[1] *В. Е. Румянцов,* Древние здания московского Печатного двора, М. 1869, стр. 17.

*

Рис. 36. Москозский Печатный двор.
Цветная литография с рисунка Солнцева.

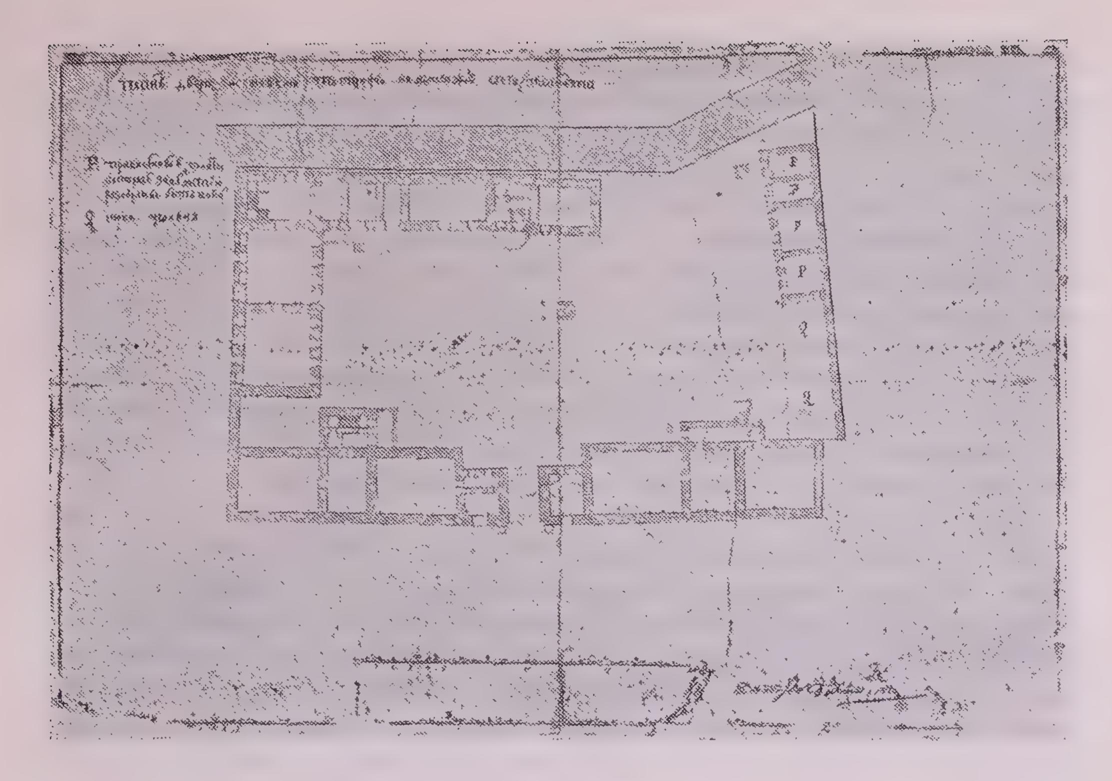


Рис. 37. План нижнего этажа здания Печатного двора.
Чертеж XVIII века.

предполагать, что в приведенных словах «Записки» речь идет не о московском Печатном дворе, а о славянской типографии, заведенной в 1698 г. в Амстердаме по желанию царя крупным амстердамским негоциантом Яном Тессингом. Коммерческая фамилия Тессингов вела дела с Россией. В 90-х годах XVII в. этот торговый дом составляли три брата, из которых средний, Фридрих, жил по торговым делам в Вологде, а младший, Ян, бывал в Архангельске, где видал Петра. Во время пребывания в Амстердаме великого посольства дом Тессингов оказывал посольству услуги по переводу векселей и по закупке разного рода припасов для флота. Петр водил с Яном личное знакомство и посещал его. Как он сам рассказывает в предисловии к Морскому регламенту, он, будучи *«на загородном дворе Яна Тессинга в компании»,* встретил среди гостей англичанина, который, услыхав его жалобы на недостаток голландской корабельной науки, посоветовал ему для усовершенствования в корабельной архитектуре ехать в Англию. В ноябре 1697 г. Ян Тессинг подавал посольству мемориал о необходимости понижения в Архангельске вывозной пошлины на мачтовые деревья, указывая на вредную для Архангельска конкуренцию со стороны Нарвы и Риги, где эти пошлины были ниже [1]. Как уже мы видели выше [2], перед самым отъездом

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 5, 17 ноября.
[2] См. т. II настоящего издания, стр. 426, 428—429.

посольства из Амстердама в Вену он уже подал челобитную на имя царя о предоставлении ему монополии на типографские произведения в России сроком на 15 лет с платежом пошлины, какая будет государем установлена. Он брался завести в Амстердаме типографию, в которой изготовлять для ввоза в Россию картины и книги: «всякие земные и морские картины или чертежи, листы и всякие книги о земных и морских ратных людех, о математике, архитектуре, городовом строении и иные художественные книги» с русским и немецким текстом вместе, а также с этими текстами порознь. Свою просьбу он мотивировал указанием, что от таких книг царские подданные получат большую пользу для службы и будут по ним обучаться всяким знаниям и художествам. Просьба докладывалась Петру под городом Нимвегеном, и царь удовлетворил ее. Яну Тессингу была предоставлена просимая им монополия на 15 лет с воспрещением всем иным помимо Тессинга ввозить и продавать подобные же произведения под опасением конфискации товара и штрафа в 1 000 ефимков за каждый ввоз, из которых $^2/_3$ идут в казну, а $^1/_3$ Тессингу. Картины, чертежи и книги, выходящие из типографии Тессинга, должны были быть снабжены его подписью и печатью. При ввозе своего товара в Архангельск Тессинг должен был платить таможенную пошлину по 8 денег с рубля, с тем что никаких других пошлин с него уже взыскиваться не будет. Ту часть товара, которую Тессинг или его приказчики не распродадут в Архангельске, он волен отпускать из Архангельска к Москве и в иные великороссийские города, подавая в Москве заявление о привезенном товаре в Посольский приказ. Сравнительно с текстом челобитной Тессинга Петр сделал в указе одну оговорку: ему предоставляется право на печатание всяких книг «опричь церковных книг греческого закона». Указ тогда же, 17 мая 1698 г., под Нимвегеном был вручен Тессингу, может быть, сопровождавшему посольство до Нимвегена или ожидавшему его в Нимвегене, в виде отписки от посольства на имя архангельского воеводы князя М. И. Лыкова, которая заканчивалась приказанием записать сей великого государя именной указ у города Архангельского в книгу для сведения будущим воеводам и приказным людям, а также объявить о нем находящимся в Архангельске иноземцам. От кого исходила инициатива всего этого дела печатания русских книг в Амстердаме? Трудно думать, чтобы Тессинг по собственному почину «восприял намерение трудиться во изготовлении и делании всяких печатных листов и книг», как он заявлял в своей челобитной. Знакомый с нравами московского общества, коммерсант не мог, конечно, рассчитывать на сколько-нибудь значительную прибыль от этого предприятия в стране, где книга совсем не была распространена и где царь только приступал к насаждению математических, географических и иных светских

наук, действуя принуждением. Вернее предполагать, что Тессинг взялся за это дело и подал свою челобитную, чтобы сделать угодное царю, зная его настойчивое желание завести в своем государстве светские науки, может быть, действовал так не без расчета на какие-либо льготы и уступки со стороны царя в других более выгодных коммерческих предприятиях в России. Судя по его заявлению в челобитной, что он уже трудится над изготовлением книг, можно думать, что он под воздействием разговоров с царем приступил к делу еще до подачи челобитной, а челобитная и последовавший на нее указ 17 мая только оформляли дело. Несколько времени спустя, когда посольство было в Вене, он адресовал туда на имя царя письмо, в котором просил о выдаче ему на предоставленные ему указом 17 мая права обещанной жалованной грамоты, причем извещал о ходе работ по изданию книг и карт. Подготовляется перевод сочинения Квинта Курция о деяниях Александра Македонского с посвящением этой книги государю; через шесть недель будет готова карта территории от Москвы до южных берегов Черного моря. Успеху дела мешает недостаток переводчиков, иначе дело приняло бы широкие размеры: «Токмо мне скудость, милостивейший государь, в переводчиках; инако бы же великие дела почал»[1]. Ходатайство Тессинга о жалованной грамоте было удовлетворено, но много позже; грамота была ему дана только 10 февраля 1700 г. Схельтема в своем труде о Петре Великом свидетельствует, что подлинник грамоты хранился в его время у потомков Тессинга, и правильно описывает этот подлинник: грамота на пергаменте, каймы ее разрисованы золотом, серебром и яркими красками, в заглавии русский герб с 25 другими гербами областей, подвластных царю; государственная печать привешена на золотом шнуре, и вся грамота обернута в шелковую ткань[2]. Жалованные грамоты выдавались тогда, действительно, в таком именно виде: на пергаменте с разрисованной красками, золотом и серебром каймой и в оболочке из камки. По своему содержанию грамота в основном только более приподнятым и велеречивым слогом повторяет указ 17 мая 1698 г. с некоторыми, однако, отличиями. Иначе обозначены языки, на которых будут печататься книги в амстердамской типографии. В указе были упомянуты русский и немецкий языки, в грамоте говорится о славянском и голландском языках; «немецкий» язык было тогда обозначение очень неопределенное, охватывавшее собой чуть ли не все западноевропейские языки. Есть небольшое дополнение в упоминании тех карт и чертежей, которые будут печататься: «повелели

---

[1] См. т. II настоящего издания, стр. 429 и Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 4, л. 6—8.

[2] *Пекарский,* Наука и литература в России при Петре Великом, Спб. 1862, т. I, стр. 11.

ему в том городе Амстердаме печатать европейские, азиатские и америцкие земные и морские картины и чертежи»; остальные предметы издания: «и всякие печатные листы и персоны» и т. д. обозначены так же, как и в указе. Расширена сделанная в указе оговорка «опричь церковных книг греческого закона»; к ней прибавлено в грамоте пояснение «потому что книги церковные славянские греческие со исправлением (т. е. с соблюдением) всего православного устава восточные церкви печатаются в нашем царствующем граде в Москве». Кроме этой оговорки относительно печатания церковных книг, в грамоте сделана и другая, которой нет в указе 17 мая: относительно составления, печатания в Голландии на славянском и голландском языках и ввоза в Россию таблиц, чертежей и книг, касающихся Сибири и китайских владений: «Сибирскому нашему царствию и китайскому владению городам и землям и рекам». Право на эти географические издания, относящиеся к Сибири и Китаю, предоставлено было ранее голштинцу Елизарию Избрандту, за ним оно и остается. Наконец, грамота содержит еще одно условие, которого не было в указе 17 мая: чтобы печатаемые Тессингом карты и книги служили к славе русского государя, «к цветущей и наивящей похвале» Российскому царству между европейскими монархами и к «общей народной пользе и прибытку», и распространению знаний и чтобы они не заключали в себе какого-либо понижения царского величества чести и государств его славы [1].

Итак, по всей вероятности, слова «Поденной записки»: «Того же года исправлена друкарня в чистоте печати» относятся к учреждению типографии Яна Тессинга в Амстердаме. В ней были отлиты славянские шрифты более округленные по образцу латинских; может быть, этим и достигалась та большая чистота печати, о которой говорит «Поденная записка» [2]. С 1699 г., именно с того, который указан «Запиской», типография начала работать. Мы уже видели выше [3], что в июле 1699 г. Адам Вейде посылал из Москвы Петру в Азов «листок», присланный из Амстердама от Тессинга к Бранту, вероятно, заглавный лист печатающейся книги, и при этом делал замечание: «и будут таких книг на русском языке 600 к городу Архангельскому присланы» [4]. Работа шла, разумеется, слабо. Один из современников так отзывался о ней в частном письме от 10 апреля 1700 г.: «Я узнал о намерении Тессинга действовать по силе преимущества и привилегии, данных ему царем; но он еще ничего не сделал, да и не думаю я, чтобы

---

[1] П. и Б., т. I, № 291.

[2] *Соловьев, А. Н.,* Государев печатный двор и синодальная типография в Москве, М. 1903, стр. 55. «Начало округления славянских букв по образцу латинских впервые появилось в изданиях амстердамских».

[3] См. стр. 74.

[4] П. и Б., т. I, стр. 777.

он что-нибудь сделал, разве захочет человек более ученый вмешаться в это дело и сделаться товарищем по предприятию, что очень бы хотелось Тессингу; но трудно ему будет сыскать такого человека. Притом же москвитяне, как и вам это известно, нисколько тем не интересуются; они все делают по принуждению и в угоду царю. . .» [1].

В этом письме, как на причину неудачного хода дела, указывается на отсутствие ученого специалиста, который бы составлял и приготовлял к изданию книги. Тессинг сам мог вести только техническую — типографскую и коммерческую — части в деле. Однако такой ученый человек у Тессинга уже имелся и сотрудничал с ним. Это был некто Илья Федорович Копиевский, украинец из Польши, знавший русский язык. Свою фамилию Копиевский, или, как он иногда подписывался, Копиевич, он производил от «копья», переводя ее на латинский язык таким образом: de hasta Hastenius, что может указывать на военно-служилое происхождение. В Амстердаме, однако, он принадлежал к духовному званию, но уже не православного, а реформатского исповедания: «духовного чина, веры реформатской собору Амстердамского», как он сам себя называет. Каким образом судьба занесла его в Амстердам, стал ли он уже на родине реформатом или переменил веру за границей, неизвестно. Примкнув к амстердамской реформатской общине, он имел звание кандидат-пастора, т. е. бесприходного, ожидающего прихода священника. Когда в Амстердаме стала появляться для обучения русская дворянская молодежь, сначала посланные для навигацкой науки стольники, а затем состав великого посольства, Копиевский занимался преподаванием этим молодым людям, причем на этом бескорыстном, по его словам, педагогическом поприще ему пришлось испытать немало злоключений и не только страдать от неблагодарности учеников, но и терпеть материальные убытки. «Известно есть твоему пресветлейшему царскому величеству, — писал он Петру в челобитной 18 декабря 1699 г., — колико я князей твоего пресветлейшего царского величества учил боле году, а за тое не желал от них денег, аще же трудился их ради днем и нощию. Вси же поехали и спасибо не сказавши за учение; но сопротивно мои ж еще глобусы четыре, не заплативши, завезли; два князь Осип Иванович Щербатов, тые глобусы, которые были на индейском (Ост-Индском) дворе, два глобусы завезл Семен Андреевич Салтыков [2], за тое, что я его долгое время учил и трудился его ради. Вся же сия претерпех великие ради славы твоего пресветлейшего царского величества и не бысть ничто же мне препятием в трудех моих». Надо думать, что, соприкасаясь с учениками, жившими на Ост-Индском дворе, он тогда сделался лично

[1] *Пекарский,* Наука и литература в России, т. I, стр. 12—13.

[2] С. А. Салтыков — один из стольников, отправленных в Амстердам в январе 1697 г. (*Устрялов,* История, т. II, стр. 566).

известен Петру, и царь, ценя его ученость, дал ему поручение составлять книги по светским наукам, печатать которые должен был в своей типографии Тессинг. По крайней мере в той же челобитной Копиевский говорит, обращаясь к царю, что он *по его указу* написал книгу, содержащую «воинских дел промыслы некоторые и статьи к ним». Здесь речь идет о его книге, которую он потом издал под заглавием «Краткое собрание Льва миротворца, августейшего греческого кесаря, показующее дел воинских обучение» и т. д. Эта книга заключает в себе наставления Льва Кесаря, переведенные Копиевским с латинского издания их 1540 г., и в его же переводе выписки из рассуждений польского писателя XVII в. Симона Старовольского, вышедших в Кракове в 1640 г. под заглавием «Institutiones rei militaris». К этим двум главным составным частям книги Копиевский в заключение присовокупил еще собственное небольшое рассуждение о пользе наук и «умелости письмен», т. е. искусства писать, так как «письмена разум исправляют и обучают, и утешают» и т. д. Говоря об этом своем произведении, Копиевский извиняется, что не мог дать в нем «совершенного толкования в статьях», потому что уехал в Брюссель тот знающий дело француз, который обещал ему сотрудничество и брался «делать приправы воинские» [1].

С этим первым трудом Копиевского постигла неудача. Когда рукопись была готова, он, запечатав ее, вручил боярину Ф. А. Головину. Несмотря, однако, на то, что рукопись была составлена по заказу Петра, боярин вернул ее автору как ненужную вещь; да вернул еще не сам, а через подьячего Михаила Ларионова, который для довершения обиды принял литератора самым пренебрежительным образом на кухне. «А мне подьячий Михайло Ларивонов, — пишет Копиевский в той же челобитной, — на укоризну приведши мя в поварню, пред всеми отдал мне, аки безделицу какую, поругаяся ми сказал: у нас де промышленных людей на Москве стегают!» Литератор больно почувствовал удар, нанесенный его самолюбию: он трудился не из корысти, не ради денежного жалованья, его намерением было единственно умножение и расширение великой славы царя — «не имел вины (причины) подьячий поругатися мне!», — с горечью заключает он свой рассказ об этом печальном происшествии. Вероятно, случай произошел еще до того времени, когда Копиевский сделался учителем сына Михаила Ларионова — Петра, о чем читаем в расходной книге великого посольства под 25 марта 1698 г.: «дано пастору Илье Федорову за ученье подьячего Михайлова сына Ларионова Петра и на покупку ему ж латинских книг 15 золотых» [2].

Работы Копиевского по переводу и составлению книг были все же не безрезультатны. К челобитной 1699 г., в которой

---

[1] *Пекарский,* Наука и литература в России, т. I, стр. 521—522.

[2] Арх. мин. ин. дел, Книги австрийского двора, № 47, л. 30.

он просит относительно так неудачно представленной книги ответить ему, найдет ли царь ее полезной или нет, а также ходатайствует об уплате за увезенные глобусы, он приложил список всех изданных им или приготовленных к изданию книг. Здесь насчитывается их 21; между прочим, здесь указана и книга «Quintus Curtius Rufus de rebus Alexandri Magni», о переводе которой говорил Тессинг в письме к Петру в Вену летом 1698 г. С 1699 г. эти книги, переведенные, обработанные и вообще приготовленные к изданию Копиевским и отпечатанные в типографии Тессинга, стали действительно ввозиться в Россию и появляться на русском книжном рынке, внося довольно резкую перемену в тот книжный состав, который до того времени на этом рынке был заметен. О такой перемене можно судить по хронологическому каталогу книг, вышедших в царствование Петра Великого, составленному Пекарским. В самом деле, по этому каталогу за 1698 г. значатся отпечатанными следующие книги: «Діоптра или зерцало живота во мирѣ семъ человѣческого», изданная в Могилеве, «Виноградъ Христовъ, в нем же лѣторасль едина отъ трех, сі есть брак чесный един отъ трех чинов девствующих, вдовствующихъ и супружныхъ, в честь богу, в троици святой поклоняемому, обрѣтающися» и т. д.; эта книжка есть слово иеромонаха Стефана Яворского по поводу бракосочетания нежинского полковника Обедовского, издана в Киеве; «Маргаритъ богоугодныхъ трудовъ вселенского великого учителя во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустого», издана в Москве, «Акаѳісты вседмичныя съ стихиры и каноны» (Могилев), «Акаѳістъ святой, славной и всехвальной великомученицѣ Варварѣ» (Киев), «Евангеліе, по вся дни чтомое по зачаломъ с толкованіемъ святого блаженного Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго» (Москва), «Псалтиръ» (Москва), «Ірмолой сирѣчь Осмогласникъ» (Киев), «Молитвослов повседневный, в

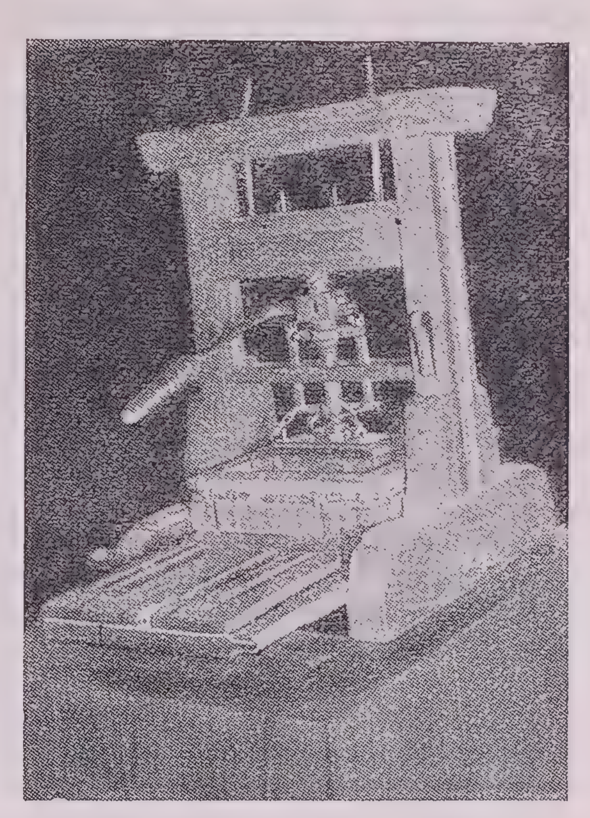


Рис. 38. Печатный станок Петровского времени.
Из собрания Государственного Исторического музея в Москве.

нем же чинъ часов церковных и прочихъ спасительных молений въ кратцѣ типомъ изданъ» (Киев), «Евангеліе Іисуса Христа» (Москва), «Молитвенник» (Унев), «Евангеліе толковое вседневное» (Москва), «Акаѳістъ, служба и житіе св. Николая» (Киев), «Каноникъ» (Москва), два букваря. Таким образом, кроме двух букварей, за 1698 г. в четырех издательских центрах того времени, где печатались славянские и русские книги: в Москве, Киеве, Могилеве и Уневском монастыре, были выпущены в свет исключительно духовные, духовно-нравственные и богослужебные книги. Кроме названных издательских центров, русские книги такого же духовного содержания выходили тогда еще во Львове. С 1699 г. к этим центрам присоединился новый — Амстердам, и в этом году сверх духовных и духовно-нравственных книг, как «Перло Многоцѣнное» Кирилла Транквиллиона (Могилев), «Небо новое, з новыми звѣздами сотворенное, то есть преблагословенная Дѣва Марія Богородица з чудами своими» Иоанникия Галятовского (Киев), «Псалтиръ», «Октоих», «Триодион» и пр. (Москва), вышли напечатанные в амстердамской типографии три книги совсем иного содержания: «Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное», «Краткое и полезное руковеденіе в аритметыку» и «Поверстаніе кругов небесных» с картою. Таким образом, в первый же год своей работы амстердамская типография выпустила введение в историю и руководства по арифметике и по астрономии, и все это были работы Копиевского.

Может быть, стоит несколько подробнее остановиться на этих первых признаках того нового явления в духовной жизни русского общества, каким было научное знание. Эти первые книжки небогословского содержания вызовут, конечно, удивление своей неуклюжей наивностью и претенциозностью своих широковещательных заглавий. Так, введение в историю носит обширное заглавие: «Введеніе краткое во всякую исторію, по чину историчному от создания міра ясно и совершенно списанное. Сей же есть благородным юношам первѣйшый степен истории и всѣх премудрых лѣтописцов, хотящим читати; читающим совершенно позновати; познавшим благоразумно о всѣх древних дѣяніях размышляти, разсуждати. Издана же сія книга по указу пресвѣтлейшего и великаго государя нашего царя государя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. Anno 1699. Напечатася в Амстердамѣ в лѣто от воплощенія Бога Слова 1699 мѣсяца априлія в 10 день в друкарни Івана Андреева Тесинга». В обращении к читателю Копиевский восхваляет славяно-российский народ, который прославился паче всех народов своим благоразумием и знанием чужих языков, так что может путешествовать по всей Европе без затруднений в языке. Итальянцы и французы славны в своей стране, а за рубе-

жом — варвары тщеславные; славяно же российский народ не тщеславен и отличается смиренномудрием и т. д. Все это восхваление славяно-российского народа было написано в соответствии с тем пунктом жалованной грамоты Тессингу, который обязывал его расширять славу Московского государства в издаваемых им книгах. Самая книга делится на две части. В первой объясняется значение и польза истории: история утверждает память и описывает дела прошедшие и настоящие, «да познает и не забывает ни один род». Она приносит пользу и утешение; чтение ее исцеляет болезни тела и духа: Фердинанд, владетель сицилийский, и Альфонс испанский, будучи так больны, что от них отказались все врачи, заставили читать себе — один Тита Ливия, другой — Квинта Курция, и оба получили от того облегчение. Сверх того примеры великих мужей в истории возбуждают охоту к подражанию им. Так, султан турецкий Солиман велел перевести записки Юлия Цезаря и, подражая ему, победил многие народы Европы и Азии. Доказав, таким образом, пользу истории, автор затем дает перечень событий библейской истории и далее перечень государей халдейских, вавилонских, персидских, македонских и римских с указанием годов царствований. Вторая часть книги заключает в себе географию, состоящую из описания морей, озер, рек, островов и гор. Здесь же приводятся различные единицы для измерения земли. И опять, в соответствии с указанным пунктом жалованной грамоты, здесь говорится о Москве-реке, что она «паче всех рек прославися зело и именем Мосоха, праотца российского, и пресветлейшим престолом пресветлейшего и великого монарха»... «Зде удивитеся! приидите все боящиеся, приидите и видите дела Божия, яко Господь огради люди свои на восток от запада и от полуденные страны тремя великими и славными реками (между ними и Москва-река). Даде господь бог и пастыря единого всем, возлюбленного помазанника своего, пресветлейшего и великого государя, его же величество вознесе даже до небесе с высокого на высочайший степень, паче всех царей земных» [1].

Руководство к арифметике озаглавлено так: «Краткое и полезное руковеденіе во аритметыку или въ обученіе и познаніе всякого счоту, въ сочтеніи всякихъ вещей. По указу пресвѣтлейшаго и великаго государя нашего царя и государя великого князя Петра Алексеевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. Напечатася в Амстеродамѣ, в друкарни Ивана Андреева Тесинга въ лѣто от воплощенія Бога слова 1699 мѣсяца априліа в 15 день, издал Elias Федоровъ Копиевскій». Это небольшая книжечка всего в 16 страниц. Здесь прежде всего приводится изображение чисел арабскими, славянскими и римскими цифрами, а затем объясняются четыре правила, причем

---

[1] *Пекарский,* Наука и литература в России, т. I, стр. 18—19.

все примеры даются уже арабскими цифрами. Вот как, например, объясняется вычитание: «Субтракцыя или убавление си есть убавка. Убавляющее число есть, егда малый от великаго производится и под ним пишется, на приклад: убавь 57 от 89 и сотвори, яко последует: поставь 57 под 89, возми 7 от 9, останется 2, два поставь под линию 7; убавь же 5 от 8, останется 3, и тако будет 32». Даются и правила проверки или «искушения». В конце книжки напечатаны «сентенции или притчи, ко благочестию и благим обычаем служащие» на латинском и русском языках, сначала краткие и в прозе, например: «Deum timite» — «Бога бойтеся», «Regem honorate» — «Царя чтите», затем более сложные и в стихах, например:

„Si Deus est animus nobis ut Carmina dicunt,
Hic tibi praecipue sit pura mente calendus".
„Понеже Бог есть дух, писание нам ставит,
Должен ты его чистым сердцем всегда словить".
„Male agitur cum Domino, quem vellicus docet".
„Пропало дело того господина,
Коего учит его же слуговина".

За такими сентенциями следуют 17 притч на русском языке [1].

Наконец, руководство к астрономии носит заглавие: «Уготованіе и толкованіе ясное и зѣло изрядное красно образнаго поверстанія круговъ небесныхъ ко утреблянію (sic) съписано есть на картинѣ, съ подвигами планетъ сирѣчь солнца, мѣсяца и звѣздъ небесныхъ на ползу и утѣшеніе любящымъ астрономію. Въ Амстеродамѣ, въ друкарни Івана Андреева Тесинга». Книжка содержит 41 страницу текста и карту созвездий. В предисловии, помещенном на обороте заглавного листа, о содержании книжки говорится: «толкуются здѣ, въ сей книжицѣ подробну имена круговъ небесныхъ и всѣхъ подвиговъ съ латинскаго и греческаго языка внятно и совершенно». Однако, несмотря на такое заявление предисловия и на слова заглавия о «ясном и зело изрядном толковании», толкование это, надо сознаться, довольно невразумительно и неясно. Например: «О деклинацыи. Деклинацыя есть склоненіе солнца, егда убо пребываетъ дня, обращается солнце и скланяется от екватора къ тропику, или обращателю раковому. Егда же день иматъ умаляти, грядетъ и скланяется паки вспять даже до тропика, или обращателя козирожцова. Вся же деклинацыя держится въ жаркомъ поясѣ, имѣя путь свой на 47 градусовъ, или степеней». Не более понятны и объяснения к карте созвездий, украшенной гербом Ф. А. Головина и напечатанным под ним полным риторики посвящением ему [2].

В следующем, 1700, году типография выпустила большее число книг: шесть. То были упомянутое выше «Краткое собра-

---

[1] *Пекарский,* Наука и литература в России, т. I, стр. 20—21.
[2] Там же, т. II, стр. 14—16.

ніе Льва миротворца, августѣйшаго греческаго кесаря, показующее дѣлъ воинскихъ обученіе» и т. д.; далее: «Gloria triumphorum et trophaeorum. Слава торжествъ и знаменъ побѣдъ просветлѣйшаго и августѣйшаго державнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго великаго государя и великаго князя Петра Алексеевича всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, въ кратце списана стихами поетыцкими. Писа Elias Копіевскій, духовнаго чину реформацкія вѣры. Въ Амстеродамѣ, лѣта от рождества Христова 1700, мѣсяца Октоврія 12 день». Это сочинение, прославляющее Петра за взятие Азова и снабженное соответствующей гравюрой[1], было написано также во исполнение параграфа жалованной грамоты Тессингу о прославлении московского царя. В том же 1700 г. изданы в Амстердаме: «Номенклаторъ (словарь) на русскомъ, латинскомъ и нѣмѣцкомъ языкѣ», такой же словарь на русском, латинском и голландском языках, далее: «Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata. Studio atque opera Eliae Kopiiewitz seu de Hasta Hastenii. Editio prima, nova hujusce anni curâ. Amslelodami (sic) MDCC», наконец, «Притчи Эссоповы, на латинскомъ и русскомъ языкѣ, их же Авіеній стихами изобрази. Совокупно же брань жабъ и мышей Гомером древле описана со изрядными въ обоихъ книгах лицами и с толкованіемъ. В Амстеродамѣ напечатася у Івана Андреева Тесинга, лѣта 1700».

В 1701 г. вышла «Книга, учащая морскаго плаванія, которую издаде остиндыйскія (sic) компаніи еометра и преславнейшыи во всей Эуропѣ математыкъ: шыперскій мастеръ и учитель Авраамъ Деграфъ, юже по указу великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексеѣвича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца от латинскаго языка преведе на славяно-россійскій діалекъ (sic) вторщею совершенній первыя Elias Копіевскій. Въ Амстеродамѣ лѣта господня 1701 ноемвріа въ 24 день. Напечаталъ Авраамъ Бреманъ». В 1700 г. Копиевский рассорился с Тессингом и завел в Амстердаме свою особую типографию, так что их стало там две.

Таковы были первые появившиеся в 1699—1701 гг. в Амстердаме русские книги по светским наукам: по истории, арифметике, астрономии, навигации, языкознанию и литературе. Конечно, никакой науки здесь еще не было; были разве только ее крупицы, некоторые ее первые проблески и самые первоначальные элементы: арабские цифры вместо неудобных славянских, первые правила арифметики, основные, хотя и неудобно выраженные положения космографии, элементы грамматики. Все же эти новые книги были первыми признаками того поворота на новый путь в деле книжного просвещения, который

---

[1] Эта гравюра воспроизведена в т. I настоящего издания, рис. 57. Подробное описание ее см. в «Полном словаре русских гравированных портретов» Ровинского (т. III, стр. 1654—1655).

был сделан Петром, поворота от церковной литературы к научному знанию. За этими первыми опытами станут год от года в возрастающем числе появляться переводы более серьезных руководств по научным знаниям, охватывая все более широкий круг знаний, и совершенно верно «Поденная записка» говорит, что тогда «начали многие книги переводить и печатать инженерские, артиллерийские, механические и прочих художеств, также и исторические и календари». Начало появления такого рода книг относится именно к 1699 г.[1].

Посылка русских людей за границу

Одним из путей к просвещению русских людей была посылка их для этой цели за границу. «Поденная записка» относит начало таких посылок также к тому времени, о котором у нас идет речь, когда в Москве заводилась математическая школа и когда начали переводиться и печататься новые книги, но дает указание времени только приблизительное в общих выражениях, не относя начало посылок русских людей за границу именно к 1699 г. «Того же времени, — гласит текст «Поденной записки», — государь дал позволение всем своим подданным ездить в иностранные европейские государства для обучения, которое прежде было запрещено под казнию, и не точию позволил на сие, но еще к тому их и понуждал»[2]. Первый случай такого разрешения на выезд за границу с научными целями относится еще к 1692 г. То была посылка в Падуанский университет знакомого уже нам Петра Васильевича Посникова. Сын старшего дьяка Посольского приказа Василия Тимофеевича Посникова, Петр Васильевич отдан был учиться в Москве в академию братьев Лихудов, где находился в 1687—1691 гг. Что Посников проходил там курс весьма успешно, видно из того, что его включали в группу наиболее выдающихся студентов, которые на праздники рождества христова и пасхи во главе с начальниками академии Лихудами должны были являться к патриарху с поздравлением и произносить речи на латинском и греческом языках. К этой группе вместе с П. В. Посниковым принадлежали также студенты: князь Алексей Борисович Голицын, сын князя Бориса Алексеевича, далее И. Мусин-Пушкин, впоследствии бывший начальником Монастырского приказа, Т. и П. Савеловы и Ф. Поликарпов, впоследствии справщик и директор московской типографии. Патриарх поздравителям дарил золотые, и по записям этих раздач видно, что Посников последовательно получал 1, 2 и 3 золотых — значит, успешно переходил с курса на курс. По окончании курса в академии он, нося чин стряпчего,

---

[1] Перечень книг, выпущенных из типографии в 1699—1701 гг., с их описанием см. у *Пекарского,* Наука и литература в России, т. II, стр. 1—53.

[2] «Журнал или Поденная записка», т. I, стр. 7.

по просьбе отца и, вероятно, по побуждению Лихудов, был послан в Италию в Падуанский университет, воспитанниками которого были сами Лихуды и который тогда славился своим медицинским факультетом. Приказ о его командировке состоялся 3 марта 1692 г. Как значилось в официальных документах Посольского приказа, он был послан «в Потавскую академию для совершенной дохтурской науки». В Падуе он приобрел не одну, а две ученые степени, стал доктором не только медицины, но и философии. Он потом довершал свое образование в Парижском и Лейденском университетах, во время пребывания великого посольства в Голландии был при Петре в Амстердаме и Лондоне и своими знаниями в естественных науках и в медицине оказывал царю услуги в приобретении естественно-научных коллекций и в производившейся тогда посольством закупке лекарств, а затем благодаря знанию языков был привлечен к участию в работах Карловицкого конгресса, где очень помогал П. Б. Возницыну. В дальнейшем он был посылаем за границу с дипломатическими поручениями [1].

К тому же 1692 г., когда был отправлен Посников, относится и второй случай заграничной командировки с научной целью. 19 июля этого года был отпущен «для науки в Прусскую землю», как значится в записи Посольского приказа, сын П. И. Гордона, поручик Федор Гордон [2]. В дневнике П. И. Гордона есть заметки, что 22 июля царь, уезжая в Переяславль, приказал выдать сто рублей на дорогу Федору Гордону и что 29 июля старый Гордон провожал сына до села Никольского [3]. С тех пор случаев посылок молодых людей за границу для науки не встречаем до конца 1696 г.; зато с этого времени такие посылки приобретают массовый характер. 22 ноября 1696 г. был объявлен указ, которым «стольникам обеих комнат, — т. е. комнатным стольникам обоих государей, Петра и покойного Ивана Алексеевича, — сказано в разные государства учиться всяким наукам». В список таких стольников включено было 67 имен, но шестеро из них потом были включены в состав великого посольства, так что по указу 22 ноября за границу должны были отправиться 61 человек, из них 39 в Италию и 22 в Голландию и Англию. За исключением одного, отнесенного в списке также к стольникам: бомбардира Ивана Гумра (Гумерта?) [4], все это были члены виднейших аристократических фамилий. Из 60 стольников 23 человека носили княжеские титулы: князь Б. И. Куракин, трое Голицыных и между ними князь Дмитрий Михайлович, князья

---

[1] *Шмурло,* П. В. Постников. Несколько данных для его биографии, Юрьев 1894.

[2] Чтения О. И. Д. Р., 1907 г., кн. 1. О немецких школах в Москве, стр. 241.

[3] *Cordon's* Tagebuch, II, 379.

[4] Поехал он также с посольством в свите Лефорта.

Григорий и Владимир Долгорукие, двое князей Хилковых, князья И. Гагин, Давыд Черкасский, И. и Ф. Урусовы, Андрей Репнин, Ю. Трубецкой, Я. Лобанов, С. Козловский, А. Прозоровский, И. и Т. Шаховские, М. Оболенский, Ф. Волконский, Лев Шейдяков. Из нетитулованных фамилий были представлены Шереметевы, Бутурлины, Ржевские, Измайловы, Салтыковы, П. А. Толстой и др. В начале января 1697 г. Петр составил этим стольникам инструкцию: «Статьи последующие учения морского флота», в которой заключалась программа занятий навигацией (карта, компас и управление судном) и корабельной архитектурой. В изучении этих наук они должны были взять от иноземных учителей надлежащие свидетельства. Мало того, что эти стольники ехали за границу на свой счет, на них возложена была еще обязанность: к каждому из них было прикомандировано по солдату, которого стольник должен был везти на свои средства за границу и там обучить таким же морским наукам. Таким образом, в 1697 г. отправлялись для науки за границу 122 человека. Зимние месяцы давались им на сборы, конец февраля 1697 г. был назначен последним сроком их отъезда: «с Москвы ехать им сим зимним временем, чтоб к последним числам февраля никто здесь не остался» — приказ, из которого видно, насколько командировка имела принудительный характер. В действительности стольники выезжали в далекий путь, когда кто успел собраться: одни уезжали в начале января, иные затянули отъезд до июля. «Ежедневно, — писал в Вену цесарский резидент Плейер 8 июля 1697 г., — уезжают отсюда в Голландию, Данию и Англию молодые люди, которым под страхом потери земель и имущества велено ехать на собственный счет, и никто не может возвращаться без свидетельства об оказанных заслугах» [1]. За границей командированные стольники пробыли более года; из отписок П. Б. Возницына мы видели, как некоторые из них, окончив курс в Венеции, проезжали, возвращаясь домой, через Вену. Некоторых из прикомандированных к стольникам солдат мы встречаем в учении в Амстердаме во время пребывания там великого посольства [2], причем из расходных книг ве-

---

[1] См. т. I настоящего издания, стр. 366, 376—377. *Устрялов,* История, т. II, стр. 565—567, т. III, стр. 637.

[2] Таковы солдаты: Богдан Зверовский, выехавший со стольником С. Колычевым, Петр Добродеев — с князем С. Козловским, Василий Кривенков — с князем И. Шаховским, Андрей Павлов — с Ф. Леонтьевым, А. Темирев — с А. Нестеровым, Карп Соколов — с князем Львом Шейдяковым, Иван Тюнин — с П. Яковлевым, Иван Уланов — с Ф. Салтыковым, Сергей Воронов — с князем М. Оболенским, Гордей Маковецкий — с князем А. Прозоровским, Макар Сергеев Грязной, назначенный с бомбардиром Иваном Гумертом, но сам бомбардир Гумерт поехал с великим посольством в свите Лефорта. Кроме этих солдат, выехавших со стольниками, в расходных книгах посольства упоминаются еще солдаты в Амстердаме, о которых неизвестно, с какими стольниками они там появились: Федор Корницкий, Преображенского полка Степан Городничий, Иван Черемисинов, Преображенского полка

ликого посольства видно, что этим солдатам выдавались деньги из казенных сумм.

Выезд великого посольства в марте 1697 г. был также массовым вывозом русской молодежи за границу для обучения. Уже само по себе заграничное путешествие было школой; но специально для обучения за границей ехал с посольством особый отряд волонтеров из 30 человек, в составе которого находился и царь, занимая должность десятника во втором из тех трех десятков, на какие подразделена была группа волонтеров. В составе посольства был отряд преображенских солдат; они должны были также учиться. Из них посольство еще по дороге в Амстердам стало выделять небольшие группы, оставляя их для учения в городах, через которые проезжало и где можно было приобрести необходимые знания. Так, в Кёнигсберге при отъезде оттуда посольства были оставлены для изучения бомбардирского дела пятеро солдат: Степан Буженинов, Данило Новицкий, Василий Корчмин, Иван Овцын, Иван Алексеев. Эта группа по изучении бомбардирского дела в Кёнигсберге была переведена потом в Берлин, где обучалась математическим и военным наукам и языкам и отсюда вела переписку с царем [1]. При отъезде посольства из Пилау в этом городке для обучения морскому делу была оставлена группа солдат из 12 человек [2]. Мы затем встречаем их в Амстердаме, а некоторые из них были отправлены в Англию [3]. В Берлине второй великий посол боярин Ф. А. Головин оставил своего брата Алексея Алексеевича и сына Ивана Федоровича для обучения «свободным наукам» [4]. Во время пребывания посольства в Амстердаме подьячий посольства Михайло Ларионов подал челобитную царю, в которой просил выдать ему средства на обучение латинскому языку сына его Петра, также находившегося в качестве младшего подьячего при посольстве. Просьба его была уважена, и сын его был отдан в науку знакомому уже нам пастору Илье Федоровичу Копиевскому, причем на уплату за учение и на покупку латинских книг дано было ему 15 золотых. Позже Петр Ларионов жил в Германии для изучения немецкого и латинского языков [5]. Даже

Иван Чапаев (Арх. мин. ин. дел, Книги австрийского двора, № 47; Пам. дипл. сношений, VIII и IX: расходные книги посольства).

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 850; Арх. мин. ин. дел, Книги австрийского двора, № 47, л. 46 об., 257 об., 268 об., 30.

[2] Кирило Рыбаков, Иван Шестаков, Савва Литвинов, Семен Вонифатьев, Игнатий Озорник, Никифор Басманников, Семен Воронцов, Афанасий Бурлеев, Алексей Драчев, Данило Ухватов, Елисей Ширяев, Семен Козлов.

[3] Арх. мин. ин. дел, Книги австрийского двора, № 47, л. 11, 181 об., 182 об., 183 об., 198, 205 об., 206, 208, 213, 275 об. Дела австрийские 1698 г., № 25.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1320; Арх. мин. ин. дел, Книги австрийского двора, № 47, л. 255 об.

[5] Арх. мин. ин. дел, Книги австрийского двора, № 47, л. 30. Пам. дипл. сношений, IX, 966; Чтения О. И. Д. Р., 1907, кн. 1, О немецких школах в Москве, стр. 241.

состоявший при посольстве дьякон Тимофей Евстафьев пожелал учиться инженерному искусству и был отдан в Амстердаме вместе с солдатом Анисимом Моляром учиться «фейземакельского дела» — устройству водяных мельниц и водоподъемных сооружений, а по отъезде посольства из Амстердама остался там «для ученья шурупного дела». За обучение он получал особое жалованье [1]. В Амстердам к посольству из Москвы приехали Яков Брюс, проходивший потом в Англии курс математических наук, и та таинственная знатная особа, которая оставила после себя записную книжку о путешествии. Наконец, появилась в Амстердаме также во время пребывания там посольства довольно обширная группа учеников иного социального положения, чем указанные выше: посадские люди и уездные крестьяне из Архангельска и Холмогор, посланные в Голландию также для «учения морского ходу», т. е. для усвоения голландских приемов мореплавания. Они прибыли в Амстердам с родины морским путем на голландских кораблях «и были у голландцев в службе», вероятно, во время этого плавания проходили практический курс обучения. В Амстердаме одни из них жили на квартирах у голландцев, другие помещались в палатке у посольского двора. Все получали от посольства кормовые деньги. Некоторые оказались знающими портняжное мастерство и зарабатывали деньги, обшивая посольских людей, один был шапочник и делал шапки карлам. Из Голландии они были отправлены частью в Архангельск, частью в Нарву с транспортами нанятых в Голландии на русскую службу иноземцев [2].

Несколько позже великого посольства, 22 июня 1697 г., выехал за границу с небольшой свитой в путешествие в Италию и на остров Мальту боярин Борис Петрович Шереметев, ранее бывший за границей в посольстве в Вене. Цель его путешествия, как он сам пишет, была также образовательная: «видение окрестных стран и государств и в них мореходных противу неприятелей креста святого военных поведений». Боярин путешествовал более полутора лет и вернулся в Москву 10 февраля 1699 г., получив звание мальтийского рыцаря: «военного кавалера мальтийскаго свидетельствованного» и истратив на путешествие из собственных средств 25 550 руб. для «чести и

---

[1] П. и Б., т. I, № 181. Книги австрийского двора, № 47, л. 214 об., 217 об., 242, 245, 247, 261; Пам. дипл. сношений, IX, 1007.

[2] Арх. мин. ин. дел, Книги австрийского двора, № 47, л. 232, 247, 248 об., 249, 252 об., 253, 259 об., 284; Пам. дипл. сношений, IX, 972, 979, 985, 987, 994, 997, 1000, 1003, 1004, 1012. Вот имена этих русских людей из посадских и крестьян, побывавших в Голландии: Агафон Кокорин, Евдоким Раковцев, Кондратий Иванов, Евсевий Ракитин, Андрей Пустошкин, Петр Мелехов, Афанасий Козлов, Григорий Медников, Борис Худяков, Устин Гневышев, Иван Самсонов, Корнило Степанов, Кузьма Тряблой, Фрол Манылов, Григорий Голенищев, Яков Голенищев, Федор Мудынцев, Левонтий Федосеев, Иван Худяков, Киприян Титов, Григорий Лукьянов, Прокофий Клементьев, Дмитрий Прокопьев.

славы имени царского величества и в память своей Шереметевых фамилии». Это путешествие подробно описано в составлявшемся кем-то из его свиты журнале[1].

С 1698 г. с возвращением царя в Москву начались снова отдельные командировки молодых людей за границу для обучения. 1 октября 1698 г. подал челобитную дьяк Посольского приказа Иван Волков об отправке сына его Григория для науки за границу. Григорий учился, как пишет его отец, в школе у учителей иеромонахов, у Аникия и Софрония — «по латине и по италиянски и дошел во латинском учении близ того, како бы начать ему учение дохтурское». Волков поэтому и просил отпустить его сына для докторского учения в Италию в Падую, дав ему для науки жалованье. По челобитной в Посольском приказе была сделана выписка, в которой указан предыдущий случай такой же отправки Петра Посникова. Посылка на медицинский факультет Падуанского университета после окончания курса в Московской академии братьев Лихудов могла, таким образом, стать обычаем. Просьба Ивана Волкова была уважена; сына его велено было отпустить в Италию, выдав ему 1 000 ефимков на расходы по обучению и на содержание. Летом 1699 г. дьяк Иван Волков сам уезжал в Голландию в посольство с А. А. Матвеевым. Ему разрешено было захватить с собой туда двух других своих сыновей Бориса и Петра, которым по именному царскому указу от 26 июня 1699 г. велено было быть в свите Матвеева на правах дворян и, будучи при том посольстве, «учиться неотложно, где пристойно, с великим прилежанием латинского и немецкого и иных языков и наук»[2]. В Гаагу приехал к отцу из Падуи и Григорий. Доктора из него почему-то не вышло. Отец весной 1701 г. отправил его и второго сына Бориса в Париж, где они обучались математическим наукам и языкам. Они вернулись в Москву из Парижа в конце 1704 г. Григорий показал о себе в Посольском приказе, что он, «будучи за морем (!) во Французской земле», учился «математических разных частей к инженерству надлежащих: фортификации, геометрии, арифметики, географии, архитертуры гражданские, механики, навигации и прочих», а из языков «французской и италианской знает и с тех языков на руской и с руского на те языки перевесть совершенно может, латинского языка умеет довольно и отчасти немецкого и англинского; к тому ж реторики и философии слушал». Борис учился в Париже геометрии, географии, воинской архитектуре, знает французский язык и может свободно переводить с французского на русский, говорит «малое число» по-немецки и по-голландски. В удостоверение приобретенных познаний Волковы представили свидетельства: Григорий от

[1] Пам. дипл. сношений, X, 1581—1698.
[2] См. выше, стр. 44—45.

«математического, гисторического и географического учителя в Парижской королевской академии Филиппа Гутара», а Борису выдал свидетельство названный в переводе текста свидетельства так: «нижеписанной королевской парижской академии состав (член?) и математических наук и самые физики в городе учитель, королевским привилиям к сим наукам удостоенный — Паран». Григорий и младший Волков, Петр, служили потом переводчиками в Посольском приказе и посылались за границу при посольствах [1].

В том же 1699 г., когда в Голландию отправились с отцом братья Волковы, в Прусскую и в иные земли был отпущен сын думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса стольник Матвей Виниус «для совершеннейшего изучения латинского и немецкого языков и иных наук». Он обучался в Саксонии, а затем побывал в Берлине и Кёнигсберге [2].

Вот случаи выездов и посылок русских людей за границу для обучения, которые можно наблюдать за 1692—1699 гг., и этими наблюдениями подтверждаются слова «Поденной записки» о том, что Петр «того же времени», т. е. около 1699 г., не только дал позволение подданным ездить за границу для обучения, но даже и понуждал их к тому. После 1699 г. выезды русских людей за границу с образовательными целями учащаются. За границей появляются целые отряды обучающейся русской молодежи. Входит в обычай ездить за границу для усовершенствования в науках и просто для путешествия. Правительство такие путешествия действительно поощряет. Ко второй половине XVIII в. заграничное путешествие сделается в русском обществе не только любимым удовольствием, но даже увлечением, приобретет настолько широкое распространение, что правительство, так поощрявшее при Петре путешествие за границу, будет находить в нем опасность и начнет его стеснять и ограничивать.

Брадобритие и одежда западного покроя

Новая книга, переведенная с одного из западноевропейских языков, и новая школа, в которой преподавали вывезенные из-за границы учителя-иностранцы, должны были служить сред-

---

[1] Чтения О. И. Д. Р., 1907, кн. 1, О немецких школах в Москве, стр. 237—241.

[2] *Козловский,* Андрей Виниус, стр. 26; Ср. Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 723—724. «В Государственном Посольском приказе выписано: В прошлом 207 году марта в 7 день по указу Великого государя (т.), каков прислан с Воронежа в Государственный Посольский приказ, и по челобитью думного дьяка Андрея Андреева сына Виниуса отпущен с Москвы сын его Матвей для совершеннейшего изучения розных языков в Прускую и в иные земли и о проезде его и о пропуске розными государствы дана ему, Матвею, из Государственного Посольского приказа его, великого государя, проезжая грамота».

ствами сближения русского общества с западноевропейским, с которым русские люди вступали в непосредственное общение, выезжая все в большем числе за границу. К числу средств сближения с западноевропейским миром, каким были книга, школа и путешествие за границу, следует отнести также распоряжения, касавшиеся обличья и внешнего вида русских людей, упоминаемые «Поденной запиской» и относимые ею к 1699 г. «Тогда ж, — читаем в «Записке», — за благо рассудил старинное платье российское (которое было наподобие польского платья) отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств; такожде и бороды повелел брить» [1].

Брадобритие, как мы уже видели выше [2], началось резкой выходкой Петра на другой же день по возвращении его из-за границы, 26 августа 1698 г., когда он, взяв ножницы, стал сам обрезать бороды явившимся в Преображенское поздравить его с приездом боярам (такие сцены повторялись и впоследствии), но значительная часть русского общества, в особенности молодая его часть, охотно последовала бы воле царя и его примеру добровольно. Еще при царе Федоре так распространился при дворе обычай брить бороды и оставлять одни усы, что патриарх Иоаким счел необходимым выступить со «Словом» против этого «псовидного» безобразия, до какого, по его мнению, доводило русских людей бритье бород. Вооружался против этого обычая и патриарх Адриан; но патриаршие увещания плохо действовали. По возвращении царя из-за границы, когда его желание, чтобы не носили бород, стало явным, в придворном кругу бороды быстро исчезли. Но, когда его воля относительно брадобрития была впервые оформлена в виде общего распоряжения, в виде указа, коснувшегося всего общества, неизвестно. От 207 г. (1698—1699 гг.) сохранился экземпляр бородового знака — небольшая металлическая бляха, служившая квитанцией в уплате денег за право ношения бороды, и поэтому есть основание думать, что в конце 1698 или, вернее, в 1699 г. указ об обложении бород уже состоялся. Законодательство действовало против бороды фискальным путем, сделав ее предметом обложения, и, таким образом, принуждало с нею расставаться, достигая сразу двух целей: и сокращения числа бородатых людей, так как одни, конечно, предпочитали с бородой расстаться, чем платить за нее деньги, и пополнения казны, так как другие предпочитали заплатить деньги, чем расстаться с украшением, каким приверженцы старины считали бороду. Цесарский резидент Плейер в донесении в Вену от 24 января 1701 г. говорит о состоявшемся обложении бород, по которому знатные и богатые должны были платить по 50 руб. за бороду,

---

[1] «Журнал или Поденная записка», т. I, стр. 7, 8.
[2] См. т. III настоящего издания, стр. 7.

обыкновенные же люди — по 2 гривны. По мнению Плейера, этот налог должен был доставить казне значительную сумму, потому что, как он говорит, иной не только отдаст 50 рублей, но и скорее отдаст самую голову, чем расстанется с бородой [1]. По этим словам Плейера можно предполагать, что незадолго перед его депешей от 24 января 1701 г. (точнее, в промежуток времени между двумя его депешами: одной от 20 декабря 1700 г., в которой он еще ничего не говорит о брадобритии, и другой от 24 января 1701 г., в которой он извещает свое правительство о состоявшемся обложении бород) и был издан второй указ о пошлинах с бород, если первый указ, о котором свидетельствует бородовой знак 207 г., относить к концу 1698 или к 1699 г. Но и этот второй указ 1700 или начала 1701 г. до нас не дошел. Первый дошедший до нас в официальном тексте

Рис. 39. Медный бородовой знак 1698—99 гг. (увеличено в два раза). На лицевой стороне его изображены усы и борода и помещена надпись: „Деньги взяты“; на оборотной стороне: „207-го году“.
Фото из издания „Труды Московского Нумизматического общества“, 1905 г.

указ о брадобритии относится уже к более позднему времени, к 16 января 1705 г. Указ этот предписывает всем брить не только бороды, но и усы. Замечательно, что, при перечислении тех, кого касается это постановление, не упоминаются думные и ближние люди, это потому, конечно, что в придворном кругу к тому времени уже бород и усов не носили. Исключение сделано только для священнослужителей: священников и дьяконов — конечно, добавим, и монашества; остальные общественные группы все привлечены к обложению за право ношения бороды, причем различные цифры обложения устанавливаются по этим общественным группам: «а буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и с усами, и с тех имать» со всякого рода служилых людей московских и городовых по 60 руб. в год, с гостей и с первой статьи гостиной сотни по 100 руб., с двух низших статей гостиной сотни и с посадских людей первых двух статей — лучших и середних — по 60 руб.,

[1] *Устрялов,* История, т. IV, ч. I, стр. 552.

с третьей статьи посадских людей — молодших, а также с церковных причетников, с боярских людей (холопей) по 30 руб. в год. Пошлину предписывалось платить в Москве в приказе Земских дел, в городах — в приказных избах. Своеобразным свидетельством уплаты пошлины служит медный знак, который бородачи должны носить на себе, причем за получением этого знака служилые и посадские люди из уездов должны ехать в Москву в приказ Земских дел; только в Поморском краю и в Сибири знак может быть выдан из местных учреждений. Перспектива такого ежегодного путешествия в Москву за знаком также должна была служить средством понуждения к исполнению указа.

К обложению привлекались даже и крестьяне. С них предписывалось взимать пошлину по 2 деньги с бороды у городских ворот при каждом их въезде в город и выезде из него, — «а без пошлин крестьян в воротах в город и за город отнюдь не пропускать». Прямо распоряжение о бритье бород и усов крестьян не касалось; но пошлина по 2 деньги при въезде в город и при выезде должна была побуждать и крестьян бриться, по крайней мере тех, которым приходилось бывать в городе. Брикнер считает бородовые пошлины очень высокими, принимая во внимание, что четверть ржи стоила в то время 40—50 коп. [1] Этот указ 16 января 1705 г. был, надо думать, повторением и дальнейшим развитием предполагаемых нами более ранних указов 1698—1699 и 1700—1701 гг.

Несколько позже началась борьба с русским долгополым и широкорукавым платьем и началась она такой же выходкой, как и борьба с бородами: на пиру 12/22 февраля 1699 г. по случаю шутовского освящения Лефортова дворца Петр стал сам обрезывать слишком широкие рукава у бывших на пиру своих приближенных, сделав замечание: «Это помеха, везде надо ждать какого-нибудь приключения, то разобьешь стекло, то по небрежности попадешь в похлебку; а из этого (отрезка?) можешь сшить себе сапоги»! [2] Изъявленная таким странным образом царская воля была в придворных кругах исполнена столь же быстро, как и распоряжение относительно бород. На торжественных приемах шведского посольства в Кремлевском дворце осенью 1699 г. все присутствовавшие: члены боярской думы, дворяне, дьяки и гости были одеты в суконные кафтаны, подобно тому как и сам царь был одет в суконный кафтан гвоздичного цвета [3].

В высших кругах московского общества новое платье не было новостью. Уже при царе Федоре Алексеевиче и по его инициативе при дворе стали входить в моду польские и венгерские

---

[1] П. С. З., № 2015. *Брикнер,* История Петра Великого, т. I, Спб. 1882, стр. 241, примечание 1.

[2] *Корб,* Дневник, стр. 127—128. См. т. III настоящего издания, стр. 228.

[3] См. выше, стр. 132, 134, 161—162.

кунтуши. Это было то время, когда, по свидетельству князя Б. И. Куракина, в великом шляхетстве «политес восставлена была с манеру польского и в экипажах, и в домовом строении, и *уборах,* и столах»[1]. Может быть, переодевание придворного общества в суконные и именно в суконные кафтаны имело целью не только введение западноевропейского покроя платья, но также и борьбу против той излишней роскоши, которая проявлялась ранее в ношении русского платья из дорогих парчевых, бархатных и шелковых материй, хотя это соображение прямо не высказывалось.

Первый формальный указ о новом платье был издан 4 января 1700 г.; им предписывалось думным и ближним людям, служилым чинам московским и городовым и всем посадским людям, а также боярским холопам в Москве и в городах носить платья: венгерские кафтаны. «Боярам и окольничим, — читаем в этом указе, — и думным и ближним людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и дьяком, и жильцом, и всех чинов служилым и приказным и торговым людем и людем боярским на Москве и в городех носить платья: венгерские кафтаны верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних, тем же подобием; и то платье, кто успеет сделать, носить с богоявленьева дни нынешняго 1700 года, а кто к тому дни сделать не успеет, и тем делать и носить, кончае с нынешние сырные недели»[2]. Для публикации в Москве листы с текстом этого указа прибивались 4 января 1700 г. на Постельном крыльце, где ежедневно собирались служилые люди московского чина, у Чудова монастыря, у Николы Гостунского и у ворот Кремля, Китая и Белого города, а 5 января у Боровицких ворот и у ворот на Каменном мосту. Стоявшие у ворот караулы должны были наблюдать за целостью прибитых листов[3]. Цесарский резидент Плейер передает о публикации этого указа с некоторыми добавлениями. «Публично провозглашено, — читаем в его депеше от 10 января 1700 г. — и у всех ворот прибито, чтобы все русские, которые хотя бы с наименьшим достатком, ходили зимою в венгерских кафтанах или шубах, а летом одевались по-немецки. Ни одна русская женщина из дворянства не должна была появляться на каком-либо публичном торжестве перед царем в русском платье; начало этому сделали сами принцессы; они стали так же общаться с немцами и к ним ездить»[4]. Указ 4 января 1700 г., как видно из его текста, не разделял одежды на зимнюю и летнюю и ничего не говорил о женских платьях; можно думать, что Плейер, сообщая о публикации указа, почерпнул те добавления, которыми он его снабжает, из происходивших тогда и слышанных им разговоров о перемене

---

[1] Архив князя Куракина, т. I, стр. 50.
[2] П. С. З., № 1741.
[3] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 324—327.
[4] *Устрялов,* История, т. III, стр. 648—649.

платья. Перемена дамских нарядов в придворных кругах по инициативе царевен была уже, надо думать, в 1700 г. таким же совершившимся фактом, как и ношение суконных кафтанов думными и ближними людьми осенью 1699 г. Слухи об этих переменах в быту долетали за границу и там возбуждали интерес. «В Варшаве обносится слух, — сообщал весной 1700 г. русский резидент в Польше Любим Судейкин, — будто с Москвы писано, что великий государь указал строй московской отставить, позволяючи немецкого или венгерского убору. А матронам указал с голов их тканьки скинуть, по французскому посправлять»[1].

Насколько широкое распространение получил указ 4 января 1700 г. о перемене костюма? Сроки, данные в нем для переодевания, были так коротки, что исполнение указа было затруднительно. Раз указ был объявлен 4 или даже 5 января, как можно было переодеться к богоявленьеву дню, т. е. к 6 января? Да и к масленице, которая в 1700 г. начиналась 4 февраля, едва ли многие могли справиться с заданной им задачей переменить платье. Какая огромная, прямо непосильная, работа давалась этим указом домашним портным из дворовых людей и портным мастерам вольным, какой массой заказов последние должны были быть завалены, какое множество затруднений должно было при этом возникать с фасоном нового, неизвестного платья. Ясно, что осуществить, например в Москве, это поголовное переодевание скоро было совершенно невозможно, и указ 4 января не был исполнен с той быстротой, на которую он был рассчитан. Недаром А. А. Курбатов в письме к Петру в Воронеж от 20 марта 1700 г. жаловался на то, что «народы» в исполнении указа о венгерских кафтанах «ослабевают», ожидают, что все останется попрежнему, и советовал, если воля царя остается неизменной, повторить указ с угрозой[2]. Может быть, согласно с этим советом был издан 20 августа 1700 г. новый указ о платье, которым повелевалось «для славы и красоты государства и воинского управления всех чинов людям опричь духовного чина и церковных причетников, извощиков и пахотных крестьян, платье носить венгерское и немецкое... чтобы было к воинскому делу пристойное; а носить венгерское безсрочно для того, что указ сказан был прежде сего; а немецкое носить декабря с 1 числа 1700 г.; да и женам и дочерям

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 159 об.

[2] «Всемилостивейший великий государь, — писал Курбатов, — в состоятельных твоих, государевых, именных указех о кафтанах венгерских и о применении ножей (?) и о протчих народы во исполнении того якобы ослабевают, чают тому быть по прежнему, и ежели в воли твоей, государевой, положися, что тем указом быть впредь нерушимо состоятельным, благоволи, государь, чрез самодержавное твое повеление те состоявшиеся указы подновить вторично, хотя, государь, под видом страха, дабы и впредь именных твоих, государевых, указов в скором исполнении не пренебрегали» (Государственный архив, Кабинетные дела Петра Великого, II, № 1, л. 109).

носить платье венгерское и немецкое января с 1 числа 1701 г., чтоб они были с ними в том платье равные ж, а не розные»[1]. Указ был повторен и в следующем, 1701 году, в более развитом виде, как в смысле более подробного перечисления тех общественных групп, которых он касался, так и в смысле более подробного указания тех видов платья, которые обязательно было носить. От повинности носить платье иноземного образца освобождались священнослужители и церковные причетники, а также пашенные крестьяне в деревнях. Все остальные общественные группы: думные, служилые и приказные люди, гости и посадские люди, боярские холопы и даже крестьяне, приезжающие в Москву для промыслов, должны носить иноземные платья: «верхние саксонские и французские, а исподнее камзолы и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки немецкие» и ездить на немецких седлах. Женский пол и дети даже и принадлежностью к духовному сословию от иноземных костюмов не освобождаются; попадьям и дьяконицам и церковных причетников детям, так же как драгунским и солдатским, и стрелецким женам и их детям предписывается носить платье и шапки и кунтуши, а исподние бостроги и юбки и башмаки немецкие ж. А русского платья, продолжает указ, «и черкесских кафтанов и тулупов, и азямов, и штанов, и сапогов, и башмаков, и шапок отнюдь никому не носить и на русских седлах не ездить и мастеровым людям не делать и в рядах не торговать». Отличие этого указа о платье от предыдущих составляет также санкция в его заключении: за нарушение его, за ношение русского или черкесского платья, шапок и обуви и за езду на русских седлах целовальники при городских воротах должны были взыскивать с нарушителей штраф, с пеших по 40 копеек, с конных по 2 рубля. «Жестокое наказание» было обещано также мастеровым и торговцам за изготовление и продажу запрещенного платья, шапок, обуви и седел[2]. Так, по этому указу все городское население, кроме духовенства, должно было переодеться в иноземное платье; русское оставлялось только для живущих в деревнях крестьян. Конечно, и этот указ не получил скорого и полного осуществления в жизни, как и предыдущие.

Новое летосчисление и празднование нового года

Наконец, также средством сближения русского народа с европейскими были два последние нововведения, о которых говорит «Поденная записка». Одно из них касалось летосчисления, другое срока празднования нового года. 19 и 20 декабря 7208 г. (1699 г.) состоялись указы о счислении лет не от сотворения мира, а от рождества христова и о начале года с 1 января.

---

[1] Указ не в подлиннике, а в пересказе (*Устрялов,* История, т. III, стр. 350 со ссылкой на рукопись Академии наук, № 157).

[2] П. С. З., № 1887.

Государю известно, гласил второй из этих указов, что не только во многих европейских христианских странах, но и у славянских православных народов, во всем согласных с православною восточною церковью, каковы волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары, а также у греков, от которых принята православная вера, и даже у подданных великого государя черкас-украинских казаков — годы счисляются от рождества христова, а не от создания мира, и новый год начинается с 1 января. Этот довод должен был рассеять тревогу православных перед нововведением. К тому же с предстоящего 1 января 1700 г. начинается и «новый столетний век» — тогда считали начало нового столетия с 1700 г. И для того доброго и полезного дела указал великий государь впредь лета считать с 1-го предстоящего января от рождества христова 1700 г.[1] В грамотах, рассылавшихся по городам воеводам, говорилось, что великий государь указал на Москве во всех приказах и в городах во всякого рода бумагах, в указах, в грамотах о всяких делах, «в приказных и на площадях», т. е. в тех бумагах, которые пишутся площадными подьячими, и во всяких письмах писать лета от рождества христова с нынешнего генваря с 1 числа 1700-й год и потом месяц и число для того, что в иных христианских окрестных государствах лета пишут от рождества христова. Но в этих грамотах, предписывавших нововведение в уездах, есть смягчение, которого не находим в основном тексте указа. Допускалась для желающих датировка по обоим летосчислениям. «А буде кто похочет писать и от сотворения мира, им писать те оба летосчисления: от сотворения мира и от рождества христова»[2]. Указ не остался мертвой буквой. Действительно, с 1 января 1700 г. все официальные бумаги и в московских приказах и в местных правительственных учреждениях стали помечаться по-новому. Новую датировку быстро усвоили и в частной переписке.

В Москве предписано было обывателям отметить начало нового года и нового столетия украшением домов, иллюминацией, фейерверками и стрельбой пушечной и ружейной. 1 января после молебствий по церквам или в домах знатные люди духовного и мирского чина должны были украсить ворота своих дворов по большим и проезжим знатным улицам сосновыми, еловыми или можжевеловыми деревьями согласно тем образцам, которые выставлены на Гостином дворе и у Нижней аптеки. Людям бедным предписывалось каждому хотя по деревцу или по ветке поставить на воротах или над храминою. Эти украшения должны сохраняться до 7 января 1700 г. В первый

---

[1] П. С. З., № 1735 и 1736. Из этих указов второй, подробнее мотивированный, касается главным образом празднования нового года в Москве. Текст первого указа рассылался по уездам; Ср. Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 515, 306—310.

[2] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 306—310.

день нового года надлежит в знак веселия друг друга поздравлять. Вечером этого дня, когда начнется стрельба на Красной площади и зажгутся там «огненные потехи», знатным обывателям по своим дворам учинить троекратную стрельбу, буде у кого есть, из небольших пушечек, а у кого их нет, из нескольких мушкетов или из иного мелкого ружья и выпустить по нескольку ракет, сколько у кого случится. По большим улицам, где позволяет пространство, каждый вечер с 1 по 7 января жечь костры из дров, из хворосту или из соломы. Мелкие дворы могут складываться по пяти или шести и устраивать такой огонь сообща. Можно также, если кто пожелает, ставить на столбиках по одной, по две или по три худые смоляные бочки и, наполнив их смолою или хворостом, зажигать. Перед Ратушею быть иллюминации, стрельбе и украшениям по усмотрению бурмистров [1].

Как видим, этот указ — один из первых памятников того регламентирующего полицейского законодательства, до мелочных подробностей определяющего каждый шаг поведения обывателя, какое будет в дальнейшем получать все большее развитие. Указом предписывается веселиться в узаконенный срок, поздравлять друг друга в знак веселия и выражать радостные чувства в определенных формах. Распоряжение о праздновании Нового года в Москве было исполнено. «Генваря в 1 день, — читаем в Дворцовых разрядах 1700 г., — в понедельник, в соборной церкви Успенья пресвятые богородицы после литургии было молебное пение новонастоящего 1700 году; а то молебное пение совершали преосвященный Трефилий, митрополит Сарский и Подонский, и иные власти со освященным собором. А после молебного пения по указу великого государя (т.) на Красной площади были солдатские полки и стояли ратным ополчением и была стрельба из пушек и из мелкого ружья» [2]. Рассказ о том, как состоялось празднование, есть также в «Поденной записке»: «По окончании ж сего 1699 г. определено торжество нового года генваря с 1 числа, а прежнее сентября с 1 числа отставлено; и оное действительно начало свое восприяло с 1700 года, для которого торжества в Москве была в соборной Успенской церкви по литургии отправлена предика чрез архиерея рязанского Стефана при благодарственном молебном пении по обычаю новому лету; потом была троекратная пушечная стрельба и феерверки; на Красной площади и в знатных местах сделаны были ворота наподобие триумфальных; також у многих знатных домов украшены были ворота ветвями от разных дерев и иллуминациями» [3]. Что этот рассказ изображает то, что было в действительности, подтверждается свидетельством современника — очевидца. «Русские, — пишет Плейер

[1] П. С. З., № 1736.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1111.
[3] «Журнал или Поденная записка», т. I, стр. 7—8.

в депеше в Вену от 10 января 1700 г., — переменили теперь свой новый год, который раньше начинался 1 сентября, согласовались с нами, немцами, и будут впредь свое летосчисление писать не от сотворения мира 7208, а от рождества христова 1700 и начинать год с 1 января, для чего царь официально приказал, чтобы начали этот год с первого января и чтобы это отпраздновали со всякою радостью и роскошью, убрали дома зеленью, повесили фонари и устроили всякого рода иллюминации. Сам он в этот вечер устроил очень красивый фейерверк, целый день приказал стрелять из пушек, которых более 200 свезено было к Кремлю, и эта стрельба из пушек и фейерверки, как и стрельба из мелкого ружья по всем домам, также иллюминации и другие изъявления радости в течение 6 дней заключены были обыкновенным освящением воды или Иорданью в день св. богоявления»[1].

XXXII. РОЗЫСК И КАЗНИ СТРЕЛЬЦОВ В ЯНВАРЕ И ФЕВРАЛЕ 1700 г.

Такими необычайными празднествами начался в Москве новый 1700 г. Повинуясь общим распоряжениям, датский посол Павел Гейнс также иллюминовал занимаемый им дом сверху донизу каким-то особым, как он пишет, «итальянским манером», неизвестным в Москве, устроив из фонарей большие и малые пирамиды вперемежку с девизами. Иллюминация так понравилась царю, что он тогда же вечером в первый день нового года зашел к Гейнсу и благодарил его за пример, показанный другим. Затем он спросил пить, предложил выпить за здоровье новорожденного датского наследного принца и самым любезным образом поручил послу поздравить короля с рождением сына, о чем он узнал из почтовых новостей. Он пробыл у Гейнса в этот вечер более четырех часов в обществе самого Гейнса, случившегося здесь же датского резидента Бутенанта, переводчика Шафирова и Избрандта, ездившего в Китай; к нему царь, по замечанию Гейнса, проявляет большую милость. Все время он был в отличном расположении духа. «Он мне сказал на ухо, — пишет Гейнс, — что надо ожидать некоторых новостей из Риги, и я думаю, что тотчас вслед за тем сделают диверсию к Ингерманландии, угрожая шведам с этой стороны»[2].

Святки, надо полагать, прошли в таких же увеселениях, в каких они проводились и в предыдущие годы. «Пировали до 6 января беспрерывно», — писал Гейнс в той же депеше.

6 января происходила обычная церемония водоосвящения на Москве-реке. «Генваря в 6 день в субботу, — читаем в Дворцовых

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 648.
[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 342).

разрядах, — на праздник Богоявления господа бога и спаса нашего Иисуса Христа в соборной церкви Успения пресвятые богородицы служил божественную литоргию и у соборные церкви на освящение воды на Москве-реке на Иордани был преосвященный Трефилий митрополит Сарской и Подонской со освященным собором. А по указу великого государя (т.) за честными кресты и за святыми иконы на Иордани в ходу были: касимовской царевичь Иван Васильевичь, боярин князь Михайло Никитичь Львов, околничей Михайло Тимофеевичь Лихачев, думной дьяк Любим Алферьев сын Домнин»[1]. За крестным ходом шли, как видим, касимовский царевич и особо назначенные для этого случая бояре. Но царь также участвовал в церемонии, только в другом окружении. На празднестве были, рассказывает Плейер, четыре существующих солдатских полка и 12 000 вновь набранного войска, которое теперь ежедневно обучается в хороших мундирах с новыми знаменами и ружьями. Выдавался особенно лейб-регимент царя, т. е. Преображенский полк, в темнозеленом платье, в красных сапогах и головных уборах (Hauben), все офицеры в одинаковых темнозеленых венгерских кафтанах (Belzen) с золотыми петлицами и пуговицами. Перед полком шли шесть арапов в турецком одеянии с саблями наголо. Царь держался при своем полку в одинаковом платье со своими офицерами[2].

О следующих нескольких днях нет известий. Из ответного письма псковского воеводы И. И. Головина видно, что 18 января Петр писал ему во Псков с предписанием расследовать дело о пропавшей почте[3]. 22 января прибыл в Москву по вызову царя украинский гетман И. С. Мазепа, бывший в Москве и в прошлом 1699 г. 2 февраля скончался боярин А. С. Шеин. Следя за заседаниями думы в 1700 г., мы видели уже выше, что некоторые бояре не прибыли на заседание 5 февраля, так как отпросились на похороны — «отпущены были за телом»[4]. Речь на похоронах говорил приехавший из Киева игумен Николаевского монастыря Стефан Яворский. Есть предание, что эта речь его так понравилась Петру, что он приказал игумену остаться в Москве[5]. Отсюда можно заключить, что и Петр присутствовал на похоронах Шеина. Предание о впечатлении, произведенном на царя Стефаном Яворским, находит себе подтверждение в письме патриарха Адриана к Петру 17 марта 1700 г., где патриарх вспоминает, что перед отъездом в Воронеж царь посетил его, «старца немощна», и притом говорил, чтобы игу-

---

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1112.

[2] Депеша Плейера от 10 января 1700 г. (*Устрялов,* История, т. III, стр. 646—649).

[3] П. и Б., т. I, стр. 788.

[4] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 445—454.

[5] П. и Б., т. I, стр. 798—799.

мена Стефана Яворского домой не отпускать, а посвятить в архиереи на какую-либо недалекую от Москвы епархию. Из этого письма заключаем также, что между похоронами Шеина 5 февраля и днем отъезда из Москвы 18 февраля Петр навещал больного патриарха [1].

Неоднократно приходилось уже говорить выше о необыкновенном постоянстве Петра в распределении своего времени и своих занятий; а повторение одних и тех же занятий в одно и то же время создавало привычку, от которой царь неохотно отступает. То же постоянство и в деле стрелецкого розыска. В конце января и в первых числах февраля предыдущего 1699 г. Петр занимался розыском и казнями стрельцов, оставшихся от больших осенних розысков 1698 г. В свою очередь и от этих февральских розысков 1699 г. осталось 86 человек. Из них 16 человек, наиболее видных участников восстания, «пущих воров» или «пущих заводчиков», содержались под караулом по боярским дворам, остальные размещены были в заключении по московским монастырям: на Угреше, в Симонове, в Новоспасском, в Андроньеве, в Донском. Таким образом, на некоторых крупных землевладельцев: на бояр и на монастыри, сверх всех прочих возложенных на них повинностей, возложена была еще и повинность стеречь государственных преступников. По боярским дворам стрельцы сидели на цепях под караулом боярских людей, в монастырях под караулом монастырских служек [2]. Итак, в конце января и в первых числах февраля 1700 г., совершенно подобно предыдущему году, предпринято было повторение тех же занятий: опять розыск и опять казни. Розыск производился 31 января [3] в Преображенском на Генеральном дворе, где на этот раз учреждено было четыре застенка: князя Ф. Ю. Ромодановского и бояр князя М. А. Черкасского, князя И. Б. Троекурова и князя М. Г. Ромодановского. Стрельцы допрашивались о письме царевны Софьи в полки. Единственным сколько-нибудь существенным результатом, добытым на этом розыске 31 января 1700 г., было показание известного уже нам пятисотного Артюшки Маслова. Он явился на розыск с письменной повинной, в которой заявлял о том, что дважды читал присланное в полки письмо царевны и припоминал при этом самые выражения письма: «вестно де мне учинилось, — писала по его словам царевна, — что ваших полков стрельцов приходило к Москве малое число, и вам бы де быть к Москве всем четырем полкам и стать, пришед, под Девичьим монастырем табором и бить челом мне иттить к Москве против прежнего на державство». В повинной он показывал далее, что письмо царевны он после боя под Воскресенским монастырем

---

[1] Письмо патриарха Адриана напечатано *Устряловым* (История, т. III, стр. 534—537).

[2] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 83.

[3] А не 30, как почему-то пишет Устрялов (История, т. III, стр. 240).

изодрал и втоптал в навоз у крайнего двора подмонастырной слободы подле огорода. Будучи поднят на дыбу, он с подъема дал совсем другое показание: он изодрал и втоптал в навоз в подмонастырной слободе не подлинное письмо царевны, а только список с него, который он снял после первого чтения письма на Двине и по которому читал письмо второй раз, не доходя 20 верст до Воскресенского монастыря. Подлинное же письмо он еще на Двине отдал для сбережения родственнику своему, торопецкому посадскому человеку Сергею Иванову Жукову, приходившему в стрелецкие полки искать своих пропавших лошадей. И в письменной повинной и в устных показаниях на подъеме Артюшка Маслов описывает и внешний вид подлинного письма: оно было написано на полулисте лощеной бумаги пономарским или дьячковским, или «от церковных каких причетников не мастерским письмом». На нем была красная сургучевая печать величиною с золотой или побольше, сломанная, потому что он получил письмо уже распечатанным. Ранее о подлинном письме он не сказал, жалея родственника своего Сережку Жукова[1]. Показание Маслова о подлинном письме повлекло за собой тяжелую беду для семейства Жуковых.

Допрос всех прочих стрельцов никаких существенных результатов не дал. Всего допрошен был 31 января 1700 г. только 31 человек. Остальных стрельцов, из партии в 86 человек, предполагалось допрашивать 3 февраля; но ни из каких документов стрелецкого дела не видно, чтоб розыск в этот день продолжался[2].

Этот розыск 1700 г. отличается от предыдущих розысков привхождением момента, которого мы в предыдущих розысках не видали; таким моментом был приговор боярской думы. Припомним, что после прежних розысков стрельцы, даже и те, которые не были допрошены, подвергались казни без всякого особого приговора; они уже все были заранее объявлены достойными смерти и просто истреблялись. Теперь же вопрос о 86 стрельцах и некоторых посторонних лицах, прикосновенных к стрелецкому бунту, поступил на решение высшего судебного органа в государстве, каким продолжала оставаться боярская дума. Дума по этому делу собиралась дважды: 5 и 9 февраля. Основанием для ее суждения была составленная из дела «выписка» с указанием поведения и вины каждого стрельца.

---

[1] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, л. 208—210.

[2] Там же, карт. 4, ст. 31. Было пытано 31 января: у князя Ф. Ю. Ромодановского 11, у князя И. Б. Троекурова 7, у князя М. А. Черкасского 7, у князя М. Г. Ромодановского 6. Пыткам были подвергнуты среди этих стрельцов 10 человек из партии, сидевшей в Новоспасском монастыре. Остальные 20 человек из этой новоспасской партии возвращены были в монастырь не пытанными, и велено было привести их в Преображенское вновь 3 февраля — отсюда и заключаем, что на этот день предполагалось продолжение розыска (Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 50).

То, что на этот раз из 86 стрельцов был пытан только 31, не должно нас смущать; весьма возможно, что все они подвергались пыткам или допросам на прежних розысках, давшим материалы для составления выписки, в которой обозначалось поведение и вина каждого. Дума, как и подобало судебному учреждению, руководясь выпиской, обсуждала и решала судьбу каждого отдельно. Все же в этом порядке, при всех его несовершенствах, нельзя не видеть хотя бы некоторых успехов правосудия в сравнении с прежней расправой со стрельцами. Сохранились и приговоры думы, постановленные в этих заседаниях. «1700 г. февраля в 5 день, — читаем в первом, — по указу великого государя (т.) бояря, сей выписки слушав, приговорили: вором и изменником, и бунтовщиком московским стрельцом: *Чубарова полку* — Тимошке Краюшкину, Федьке Замыцкому, Пантелейку Давыдову, Сидорке Иванову, Тимошке Мозину; *Гундертмаркова полку* — Оксенку Феоктистову, распопе Ивашку Степанову, учиня наказанье, бив кнутом, сослать в ссылку. Стрельцов же, которых воры и изменники из Торопца к Москве с собою вели неволею: *Чубарова* — Артюшку Медникова, Максимка Стригольщикова, Микитку Секачева, Петрушку Свешникова, Ивашка Радеева, Якушка Кузнецова, Алешку Бологова, Абрашка Рогова; *Колзакова* — Ивашка Чулкова, суздальца посадского человека Сенку Холщевникова свободить без наказанья и написать их в городы в посады, куда они похотят». Таким образом, в заседании 5 февраля дума рассмотрела дела двух групп, из которых одну в 7 человек приговорила к наказанью кнутом и к ссылке, а другую в 10 человек оправдала, приведя своему решению мотив: так как бунтовщики вели их к Москве неволею, а сами они не бунтовали. Входя, следовательно, в рассмотрение вопроса о виновности каждого, дума или приговаривала к наказанию, или совсем оправдывала, если усматривала отсутствие злого умысла[1]. Приговор думы 5 февраля, как свидетельствует сохранившаяся записка, был в тот же день приведен в исполнение: «и февраля в 5-м числе нынешнего 1700 г. . . . по приговору бояр учинено наказанье, биты кнутом [и запятнаны], и велено послать в ссылки на каторгу» — перечислены указанные выше семеро приговоренных к этому наказанью. «Того же числа без наказанья свобожены и по сказкам их жить велено в городех» — и далее перечислены указанные выше 10 человек, оправданных с указанием городов, куда они заявили желание отправиться на житье: 1 в Севск, 6 человек в Нижний, 1 в Казань, 1 в Ярославль и 1 в Симбирск[2].

Приговор думы 9 февраля, изложенный в той же форме: «бояре, слушав выписки, приговорили», касался 78 лиц. Из них

[1] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 40.
[2] Там же, карт. 7, ст. 83 «и запятнаны» (см. там же, карт. 5, ст. 16).

семеро были те же, которые составили 5 февраля первую группу; относительно этих семерых приговор был на этот раз изложен точнее и отчасти изменен. Бо́льшая точность была внесена в наказания, а именно установлена в них градация: а) смертная казнь, б) ссылка на каторгу (т. е. в гребцы на галеры) с предварительным наказанием кнутом и с запятнанием, в) ссылка в Сибирь в дальние города на пашню также с предварительным наказанием кнутом и запятнанием. К смерти были приговорены 42 человека — наиболее видные участники движения, имена которых часто мелькали на предыдущих розысках, в том числе известный составитель стрелецкой челобитной, поданной под Воскресенским монастырем, с обвинениями против Лефорта и с изложением стрелецких отягощений — Васька Зорин, далее Васька Игнатьев, Артюшка Жемель, Федулейко Батей и др. Против имени Васьки Зорина в списке приговоренных читаем на полях слова: «а отмечен он на колесо» — отмечен, очевидно, самим Петром, усилившим наказание. В той же группе приговоренных к смерти 9 февраля 1700 г., кроме стрельцов, значится известный нам клушинский дьячок Костька Сухарев, встретивший мятежных стрельцов на дороге к Москве, описавший им страх в столице, вызванный их движением, и уговаривавший продолжать туда путь. К ссылке на каторгу приговорено было 16 человек [1], среди них подьячий тамбовского архиерея Федька Григорьев «за прием беглого стрельца Ивашки Пузана»; здесь, таким образом, приводится и мотив назначенного наказания. К ссылке в Сибирь в дальние города и на пашню присуждено 10 человек [2]. Стрельца Гундертмаркова полка Петрушку Плотникова дума постановила «послать на Волок Ламский и по обещанию его постричь в Иосифове монастыре и послать о том в тот монастырь к архимандриту его, великого государя, грамоту». Наконец, 9 человек постановлено было «оставить до его, государева, указа, а смертью не казнить». Эта группа была оставлена в живых для дальнейших розысков; к ней принадлежало несколько «пущих воров», распространявших слухи о гибели Петра за границей: только что упоминавшийся пятисотный, давший показание о царевнином письме, Артюшка Маслов, далее Савоська Плясунов, Епишка Маслов, стрельцы раскольники Микитка Малыгин, Матюшка Бурнашев и Климка Щаулов и площадные подьячие из стрельцов, болтавшие об удушении царевича: Ивашка Мельнов и Федька Степанов [3].

[1] В том числе пятеро из первой группы по приговору 5 февраля, относительно которой тогда было сказано неопределенно «сослать в ссылку», а именно: Сидорко Иванов, Федька Замыцкой, Пантелейка Давыдов, Тимошка Краюшкин, Тимошка Сосин (Мозин).

[2] В том числе двое из первой группы 5 февраля: Аксенка Феоктистов и распоп Ивашка Степанов.

[3] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 40.

Приговор 9 февраля также приведен был в исполнение в тот же день [1]. В Преображенском у Преображенского приказа «по боярскому приговору кажнено смертью» 40 человек. Двое были «по казни взяты»: стрелец Федька Троицкий и клушинский дьячок Костька Сухарев, последний «для исповеди» [2]. Осужденные к ссылке на каторгу и к ссылке в Сибирь биты кнутом.

Выше было сказано, что устное показание Артюшки Маслова на розыске 31 января о подлинном письме царевны, которое он отдал своему родственнику, торопчанину посадскому человеку Сергею Жукову, повлекло за собою беду, разразившуюся над семейством Жуковых. В тот же день 31 января, когда дано было это показание, в Торопец за Жуковым были снаряжены поручик Преображенского полка Иван Буколтов и подьячий Преображенского приказа Петр Исаков с отрядом солдат из 10 человек. Они везли с собой для улик и Артюшку Маслова. Как они доносили в своем «доезде», они в Торопец ездили, но Жукова в доме «не изъехали», не застали и его брата Василия, а нашли в доме только их мать, жен и детей. В доме был произведен обыск. Письма царевны, о котором шла речь, найдено не было; но по связи с письмом производившие обыск интересовались, как видно, найденными в доме Жуковых среди их «животов», т. е. движимого имущества, бумагами и книгами, а именно: там оказалось «14 столпцов порожние за таможенными печатями, да тетратка гадательная в четверть скорописная, да книжка, писанная полууставом о вере, о церковных заповедях, а в ней на порожних местах написаны скорописью наговоры». Эти бумаги и книги были взяты. Женщины были подвергнуты допросу. Мать Жуковых, вдова Дунька, показала, что ее дети «Сережка да Васька Евдокимовы, а не Ивановы дети, прозвище Мукины, а не Жуковы, живут в Торопце на посаде в Успенской улице своим двором, торгуют, отъезжая по деревням, москотинным товаром. И на прошлой де неделе в четверг, взяв с собою товаров, Сережка у торопчанина Евдокима Афанасьева, а Васька, накупя белки в деревнях, явясь в таможне, поехали к Москве с другими посадскими людьми». В московских стрельцах у нее сродников нет, и Артюшку Маслова она не знает. Артюшка Маслов, присутствовавший при допросе, ее, Дуньку, уличал: «та де Дунька ему тетка, матери его сестра двоюродная, мать его Палашкою звали Степанова, а та де Дунька словет подлинно Жучиха, а не Мукина. А как де он был в Торопце и в то де время он к детем ее, к своим братьям, прихаживал не по одно время». Жены отъехавших Жуковых Дунька и Дашка дали показания, совпадавшие с показанием матери: Сергей и Василий поехали к Москве с

[1] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 83.
[2] Там же, карт. 5, ст. 13.

беличьим товаром, Сергей с белками торопчанина Евдокима Афанасьева, а Василий повез с собою белки полторы тысячи, а ту де белку собирал по деревням. Поехали к Москве на прошлой неделе в четверг, а с Москвы в Торопец как будут, про то не сказали. Привлеченные к допросу трое торопчан посадских людей подтвердили показания женщин: возвращаясь из Москвы, они 29 января на дороге между Красным Холмом и Белой Колпью встретили направлявшихся в Москву братьев Жуковых; с ними ехало еще трое торопчан и один москвич тяглец устюжской полусотни — купцы в то время ездили по торговым делам компаниями. Таможенный бурмистр с товарищами подали сказку, в которой заявляли, что 24 января Василий Жуков в таможне являлся и к Москве отпущен, а брат его Сережка в таможне не являлся, может быть, потому, что ехал с чужим товаром.

Наложив печати на дом Жуковых и передав взятых там женщин и детей земским бурмистрам за караул, поручик Буколтов и подьячий с отрядом отправились в обратный путь к Москве. Встреченный ими на пути в Бельском уезде «в пустом подлесье» возвращавшийся из Москвы торопчанин посадский человек Аничка Борзов, один из тех торопчан, которые ездили в Москву с Жуковыми, сообщил, что Сережка и Васька Жуковы находятся в Москве, стоят за Никитскими воротами в Земляном городе в приходе церкви Спиридония чудотворца на дворе у вдовы Афимьи Федоровы дочери Баженовой. Прямо с дороги из Торопца Буколтов с отрядом поспешили в Москву по указанному адресу. Однако Жуковых сразу не нашли, они укрылись. Ваську Жукова сыскали под сараем за санями, а Сережка ушел через забор на соседнее владение гостиной сотни Григория Жукова, и только уже часа через четыре, когда предпринят был обыск и на этом дворе, он явился сам. На расспросе у Буколтова Сергей Жуков получение царевнина письма от Артюшки Маслова отрицал, оговорившись: разве, может быть, Артюшка отдал письмо бывшему с ним вместе в стрелецких полках посадскому человеку торопчанину же Тишке Микляеву. Артюшка в улику показывал, что отдал письмо именно Сережке «на Двине, завернув в белую бумагу, и он же, Сережка, приняв у него то письмо и развернув, посмотрел немного и завернул опять в белую бумагу и положил он де, Сережка, то письмо к себе в карман. И он де, Артюшка, ему, Сережке, приказывал, чтобы он того письма берег накрепко и сказал ему именно, что мы де по тому письму идем к Москве». Васька Жуков на расспросе у Буколтова о гадательной тетрадке показал, что та гадательная книжка письма руки его, писал он ту книжку в то время, как учился писать.

11 февраля 1700 г. братья Жуковы приведены были в Преображенский приказ. Сережка с пытки продолжал отрицать обвинение Маслова. Васька к показанию о гадательной книжке

добавил, что писал ее в малых летах, тому лет с двадцать и больше, а с чего и кого то письмо, с которого он списывал, того он не упомнит потому, что, как то письмо писано, тому прошли многие годы, «а та де тетрадка валялась у него в письмах просто, и по той тетрадке он, Васька, гадательства не делывал и никого не учивал и списывать никому не давывал». Как он добавлял позже, «волшебников никого не знает и волшебству не учивался». 14 февраля Сергей был приведен на вторую пытку, на которой с 15 ударов оставался при прежнем показании. После кнута был жжен головнею, но и с огня говорил прежние речи. Только, когда после жжения был опять подвешен на дыбу, очевидно, не выдержав мучений, признал, что у Артюшки письмо взял и утопил его в реке Двине. Начался целый ряд новых допросов с пытками, происходивших 17 и 20 февраля перед боярами Т. Н. Стрешневым, Ф. А. Головиным и перед князем Ф. Ю. Ромодановским, вероятно, перед ними же и 4 марта, затем 21 и 26 июня и 5 июля. Каждый раз в застенок приводился и также подвергался пыткам и Артюшка Маслов. Но оба упорно стояли каждый на своем. Маслов показывал, что письмо передал, Жуков упорно это отрицал: «никакого письма не принимывал и в реку не утапливал, Артюшка его клеплет». Признание, вырвавшееся у него 14 февраля, Жуков взял назад, объяснив, что говорил в беспамятстве, не стерпя пыток. Подвергался время от времени пыткам и Васька Жуков, неизменно повторявший свое первое показание о гадательных тетрадках. Дело Маслова с Жуковыми затянулось на несколько лет при необыкновенном постоянстве показаний того и другого. В 1701 г. к нему привлечено было новое лицо — торопчанин Тишка Микляев, сопровождавший Сергея Жукова в стрелецкие полки на Двине при поисках пропавших лошадей. Выяснилось еще, что стрельцы обыскивали Сергея и Тихона, приковав их к пушке, ища царевнина письма, что̀ было подтверждено вызванными по указанию Маслова стрельцами Савостькой Плясуновым и Якушкой Алексеевым. Приговор состоялся только 27 мая 1707 г. «Торопчане посадские люди Сергей Жуков, Тихон Микляев!», — гласило объявление этого приговора. — «Великий государь (т.) указал вам сказать» и затем после краткого изложения дела: «А ты, Сергей, в распросе и с пытки в приеме того письма запирался и говорил, разве де то письмо тот Артемей отдал товарыщу своему, тебе Тихону Микляеву, и в том письме вас они воры (стрельцы) у себя в обозе держали за караулом и того письма у вас обыскивали и были вы прикованы у пушки. А товарыщи его, Артюшкины, такие же воры и бунтовщики стрельцы Савостька Плясунов, Якушка Алексеев в распросе говорили имянно, что в том обозе искали они, стрельцы, у вас того царевнина письма... да и сам ты, Сергей, про то, что то письмо у Артемья

Маслова взял и утопил в той же реке Двине, и про то, что вас у тех воров обыскивали и у пушки прикованных держали, искали писем, с пыток вы говорили имянно, а после ты же, Сергей, с пыток говорил, будто бы у того Артемья такого царевнина письма не приимывал. И тому твоему запору верить нечему, потому что те бунтовщики Савостька Плясунов, Якушка Алексеев в улику говорили вам имянно, что у вас обыскивали того царевнина письма. И великий государь (т.) указал вас за то ваше воровство и за приход в изменничей обоз сослать в ссылку в Сибирь на пашню в дальние городы с женами и с детьми на вечное житье».

С окончанием дела Жукова кончилась и роль его обличителя Артюшки Маслова; его существование, с точки зрения его судей, не имело более смысла и в тот же день, когда был сказан приговор Жукову, 27 мая 1707 г., решена была и его участь; он был «кажнен... отсечена ему голова» [1].

Чтобы покончить с дальнейшими стрелецкими расправами, здесь уместно будет сказать о судьбе тех уже немногих стрельцов и прикосновенных к стрелецкому делу лиц, которые так же, как и Артюшка Маслов, не были казнены в феврале 1700 г. и были оставлены в живых для дальнейших розысков. Судьба их решалась в следующие годы или боярскими приговорами, или чаще собственными именными указами самого Петра. В конце января 1701 г. казнены были стрельцы-раскольники Матюшка Бурнашев и Климка Щаулов. По данным, приведенным в представленной тогда Петру выписке из дела, Черного полка пятисотный Матюшка Бурнашев на розыске говорил, что он «ни про что не ведает, к Москве с Двины везли его будто больного, а свидетеля никакого не сказал». Климка Щаулов был из тех стрельцов, которые даже и не были на розыске в 1698 г., он взят был в Преображенское на Генеральный двор на розыск к окольничему С. И. Языкову, но затем, не будучи спрошен и пытан, был отослан в Симонов монастырь. Составители выписки, сознавая необоснованность осуждения Климки Щаулова, не подвергавшегося допросу, решили исходить из следующего суждения: «а в розыску стрельцы говорили, что к Москве шли они *все* для бунту». Таким образом, если шли для бунта *все* стрельцы, то тем самым был виновен и Климка Щаулов. К тому же впоследствии оказалось, что оба они, и Бурнашев и Щаулов, упорные раскольники. «А ныне они ж явились в расколе, и вынято у Матюшки роскольное писмо и стоит противно, в церковь божию ходить и отца духовного принять и исповедаться и святых таин причаститься не хотят, хотя и

[1] Дело Жуковых, Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 37, л. 149—171, 184, 186—188, 195—216; карт. 2, ст. 28 (приговор); карт. 4, ст. 81; карт. 5, ст. 23, 24, 26, 30; карт. 7, ст. 10 (приговор), 90, 101, л. 145—150, 159—160, ст. 104. Объявление приговора Артюшке Маслову перед казнью: карт. 2, ст. 6.

смерть сего числа примут для того, что переменено в книгах многое. 1701 г. генваря в 27 день, — читаем далее, — великий государь (т.), слушав сей выписки, указал: Черного полку стрельцов Матюшку Бурнашева, Климку Щаулова за их воровство и за раскол казнить смертью. И по тому великого государя указу те расколщики перед Преображенским приказом кажнены смертью»[1]. «Отсечены головы»[2].

Осенью того же 1701 г. Петр опять вспомнил об «остаточных» стрельцах. 29 октября «великий государь (т.) указал по именному своему, великого государя, указу воров и изменников и бунтовщиков Федьку Троицкого, — взятого от казни в феврале 1700, — казнить смертью, стрельца раскольника Микитку Галагина за бунт и за раскол, Стремянного полка стрельцов Ивашку Мельнова и Федьку Степанова за их воровство и за возмутительные слова, — это были те площадные подьячие из стрельцов, которые весной 1698 г. вели разговоры с Якушкой Алексеевым о гибели Петра за морем и об удушении царевича боярами, — учиня наказанье, бив кнутом и запятнав, сослать в Сибирь на вечное житие в самые дальние городы; стрельца Епишку Маслова, учиня наказанье, бив кнутом, сослать в Сибирь в самые дальние городы», но не пятнать, потому что были основания ему верить, что его вели к Москве силой. Он подавал явку о том, что стрельцы его на дороге били, и явку эту слышали пятисотный Родион Боровков и пристав Ефим Краев. Приговоры эти были жестоки, но все же мягче приговоров 1698—1699 гг.; уже не все стрельцы четырех бунтовавших полков осуждались поголовно на смерть; все же выяснялась степень виновности каждого и соответственно с тем устанавливалась градация наказаний.

Через два дня — 31 октября того же 1701 г. — в Преображенском приказе заседала особая боярская комиссия, в состав которой вошло 9 бояр[3], постельничий Г. И. Головкин, думный дворянин и печатник Н. М. Зотов. Эта комиссия, слушав выписки об остаточных стрельцах и стрелецких женах, приговорила: дьячка Костьку Сухарева казнить смертью, стрельца Якушку Алексеева пытать еще раз «из подлинных речей», стрельца Савостьку Плясунова, этого беспокойного стрельца, сидевшего в заключении во дворе боярина Б. П. Шереметева и постоянно, очевидно, чтобы прерывать монотонность тяготившего его заключения, выступавшего либо с изветами против разных оговариваемых им лиц, либо с жалобами на дурную, даваемую ему людьми Б. П. Шереметева пищу, — Савостьку Плясунова «послать (т. е. выслать) с Москвы без

---

[1] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 14, 21.

[2] Там же, ст. 55.

[3] Князь П. И. Прозоровский, князь М. А. Черкасский, князь И. Б. Троекуров, князь Ю. С. Урусов, А. П. Салтыков, Т. Н. Стрешнев, князь Б. А. Голицын, Ф. А. Головин, И. А. Мусин-Пушкин.

наказанья, куда государь укажет, для того, что по розыску явилось его оправдание». Комиссия решила также судьбу и несколько женщин, прикосновенных к делу о стрелецком мятеже и нам знакомых. Одних комиссия постановила освободить, бо̀льшую часть выслать из Москвы в города, третьих, в том числе Афимку Рейтарскую, Офроску Федорову, Анютку Еремееву и сноху ее Аринку, пытать, о постельнице Анне Клушиной и о стрельчихах, которые сидели с ней по делу о передаче письма на дворцовой лестнице, доложить государю [1]. Приговор комиссии приводился в исполнение не сразу, по крайней мере относительно клушинского дьячка Костьки Сухарева — «вина ему, Костьке, сказана и смертью кажнен перед Преображенским приказом, отсечена голова, марта в 10 день нынешнего 1702 году» [2].

Так кончилось в первые годы XVIII в. дело о бунте стрелецких полков в 1698 г. Его последней, уже очень отдаленной от самого происшествия, вспышкой была упомянутая выше казнь Артюшки Маслова 27 мая 1707 г.

Память о мятеже Петр хотел закрепить сооружением своеобразного монумента или, точнее, монументов. Тела казненных осенью 1698 и зимой 1699 года долгое время оставались на местах казни: повешенные продолжали висеть на виселицах у ворот Белого и Земляного города и у Девичьяго монастыря, колесованные лежали на колесах, обезглавленные — у плах. В конце февраля 1699 г. эти тела были развезены по 10 ведущим к Москве дорогам: на Владимирскую, Гжельскую (от Семеновского полка), Коломенскую, Каширскую, Серпуховскую, Калужскую, Тушинскую, Тверскую, Дмитровскую, Троицкую [3]. «Царский сенат, — писал Корб под 27 февр. 9 марта 1699, — издал приказ, чтоб в два следующие дня все каким бы то ни было образом казненные преданы были погребению, как умершие на плахе, так и подвергнутые колесованию» [4]. Через день 1/11 марта указ приводился в исполнение.

Всего развезено было 1 091 труп. Заранее были изготовлены ямы по дорогам неподалеку (верстах в 3) от Москвы. Там часть тел была зарыта, а часть положена на поставленные возле могил колеса. Трупы делались добычею волков и собак. Через некоторое время произведен был осмотр и составлена была роспись, «где по дорогам стрелецкие тела осматриваны и подняты». В росписи читаем: «По Калужской дороге два тела подняты: одно цело, а другое изъедено, и те тела положены на колеса по прежнему. По Серпуховской дороге, едучи с Москвы на правой стороне, подняты три тела, одно тело до половины

[1] Гос. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 48.

[2] Там же, ст. 27.

[3] Там же, карт. 5, ст. 34, 35. Первоначально предполагалось развести по 12 дорогам, кроме упомянутых, еще на Боровскую и на Можайскую.

[4] *Корб,* Дневник, стр. 132.

изъедено, другого тела окорока изъедены, третье тело цело, и те тела подняты наги, а на двух порток нет. По той же дороге по левую сторону поднято одно тело и то тело съедено вполовина, а другого тела нашли одни кости, да на колесах двои без порток, и то тело и кости подняты и положены на колеса, а голову нашли от тех колес сажен в 20, вся съедена, одни кости и т. д.»[1]. 15 марта 1699 г. последовал указ, инициатора которого угадать нетрудно. Велено было на этих дорогах возле ям, где зарыты «кажненные воры и изменники и крестопреступники и бунтовщики», сделать каменные четырехсторонние столбы вышиною по 3 аршина, шириною каждая сторона по 1 аршину, в те столбы с каждой стороны вделать по доске железной и на этих досках написать стрелецкие вины. На тех же столбах сделать по пяти спиц железных, на которых воткнуты будут их стрелецкие головы. Доски с надписями отливались на тульских железных заводах боярина Л. К. Нарышкина и были готовы к осени 1699 г. Но будучи мерою в 2 аршина высоты и в $^{3}/_{4}$ аршина ширины и весом по 25 пудов каждая, они оказались слишком тяжелыми, чтобы сооруженные столбы могли их выдерживать. Тяжесть в 100 пудов не соответствовала размерам столба. Поэтому весной 1700 г. *по письму с Воронежа* пришлось построенные столбы сломать и ставить новые, придав им для большей устойчивости большие размеры, сделать их в $1^{1}/_{2}$ сажени высоты и в $1^{3}/_{4}$ аршина ширины. Переделка производилась все лето 1700 г. Столбы были готовы, доски в них вделаны и спицы воткнуты к сентябрю того же года. Если эти страшные сооружения на этот раз оказались прочными, то, надо полагать, долгое время они напоминали проезжим о стрелецком мятеже 1698 г.[2]

XXXIII. МАСЛЕНИЦА 1700 г.

Но вернемся к февральским дням 1700 г., о которых, впрочем, имеем очень мало известий. Между розысками 31 января и казнью 40 стрельцов 9 февраля увеселения шли своим чередом, тем более что эта была масленичная неделя. Цесарский резидент Плейер сообщал своему двору под шифром, как особо сенсационную и компрометирующую новость, что царь всю масленичную неделю ел мясо и предоставил то же подданным[3]. 7 февраля в среду на масленице Петр был на «маленькой пирушке», устроенной датским послом П. Гейнсом, на которую было приглашено до 50 человек, в том числе бояре: Л. К. Нарышкин, князь Б. А. Голицын, Ф. А. Головин, ближние люди: Г. И. Головкин, Ф. А. Апраксин, думный дьяк Виниус и др. Был приглашен, для отвода глаз, конечно, и шведский комиссар Книп-

[1] Гос. арх., разр. VI, № 12, карт. 5, ст. 34, 35.
[2] Там же, карт. 7, стр. 25, 102, л. 85—100. Переписка между приказами о сооружении столбов.
[3] Депеша от 7 марта. *Устрялов,* История, т. III, стр. 651.

пер. Царь приехал в 11 часов утра и сидел за обедом до 7 часов вечера, после чего, пишет Гейнс в депеше королю, «я устроил во дворе дома, где я живу, — т. е. на Посольском дворе в Китае-городе — небольшой фейерверк, который я приготовил, пользуясь содействием одного из моих друзей, английского капитана по имени Вальронда, превосходно знающего это дело. Зная, что царь очень любит это развлечение, я приказал сделать особым способом ракеты (des fusées), наполнявшие воздух родом дождя, который называют goldt und silber regenfeuer; он очень понравился царю и компании, и все должны были признать, что такого рода огни были еще не видаты в Москве». По окончании фейерверка царь оставался еще у посла до 10 часов вечера и перед отъездом сам поднес всей компании (porta à toute la campagnie) большой бокал вина за здоровье датского наследного принца. Уезжая, он сказал послу, что охотно бы еще остался, но должен удалиться отдохнуть ввиду большого совета, который должен был состояться завтра в Преображенском [1].

Следующее свидание Гейнса с царем произошло, как пишет Гейнс, «у казацкого гетмана», надо полагать, на другой день, 8 февраля. Гетман И. С. Мазепа приехал в Москву 22 января 1700 г. Приемом распоряжался соединенный с Посольским Малороссийский приказ, который и вел переписку с другими приказами по возникавшим в связи с приемом вопросам. По наведенной в Малороссийском приказе справке в прошлый такой же приезд гетмана десять лет назад, в 1689 г., с ним прибыло генеральной старшины, полковников, «и иных знатных особ и войсковых людей и духовного чину и челяди» *551 человек*. Рассчитывая и в текущем году на такое же число, приказ распорядился о поставке для гетмана с городов и с уездов, по которым шел его путь, — из Батурина, Севска, Болхова, Калуги — трехсот пятидесяти подвод. Однако этого числа подвод оказывалось недостаточно под огромный обоз гетмана, соответствовавший его огромной свите. 21 января в Малороссийский приказ явился посланный Мазепой войсковой товарищ Самойло Васильев и сказал: в нынешнем 1700 г. «послал с ним из Батурина к Москве гетман Иван Степанович обыкновенной живности: лосей, кабанов и иной зверины да про свой, гетманской, обиход питья и иных столовых запасов на сте подводах», на которых войсковой товарищ и довез этот обоз до Мценска, а в Мценске ему дали подводы только под живность, но и то только до Тулы, а под столовые запасы совсем не дали, так что он принужден был оставить столовые запасы в Мценске, а живность в Туле. Приказ распорядился о поставке подвод для дальнейшего продвижения всей этой живности из Украины в Москву [2].

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 343—344).

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела малороссийские 1700 г., № 19, л. 1—3, 4 об. — 6.

Рис. 40. Посольский двор на Ильинке.
Рисунок из альбома Мейерберга 1661 г.

Для приезжих украинских казаков в Москве существовал особый Малороссийский двор на Маросейке, получившей свое название от этого двора. Для гетмана был особый гетманский двор. Но так как этот последний тогда ремонтировался [1], то гетман с старшиной и ближайшей свитой был помещен на Посольском дворе на Покровке. Содержание гетмана и свиты отчасти, в дополнение к привезенным ими из Украины запасам, отпускалось из казны. Из Ратуши велено было выдать гетману «и при нем будучей генеральной старшине и иных чинов войсковым людям на поденной корм московского житья и в дорогу поденного и на прогонные деньги 500 рублев». Питья и конский корм доставлялись в натуре. 21 января заведывавшему Посольским двором, знакомому уже нам дворянину М. В. Текутьеву, предписывалось «принять из Ратуши на Посольский двор для приезду гетмана Ивана Степановича Мазепы питья: 20 ведр вина двойного, 100 ведр простого, 100 ж ведр меду вареного, белого тож, пива мартовского и расхожего четыре вари, да конского корму 50 возов сена, 100 четвертей овса, 20 сажен дров». Текутьеву предписывалось далее «то питье вино и мед и пива взяв, на его, гетманской, обиход и при нем будучим знатным особам и иных всяких чинов людем по запросу давать в расход с ведома государственного Посольского приказу дьяков... самому тем питьем не корыстоваться и на сторону никому не давать», а также «того смотреть, чтобы гетман и при нем будучие всех чинов люди были во всяком удоволствовании и государю б челобитья о том не было». Отпуск питей был строго распределен по чинам: гетману надлежало выдавать в день «по 8 чарок вина двойного, по полуведру меду вареного, по ведру меду белого, по два ведра пива доброго». Старшине полагалось: «есаулу Ивану Ломиковскому, бунчужному Ивану Скоропадскому, нежинскому полковнику Ивану Обедовскому по 5 чарок вина двойного, по 3 кружки меду вареного» и пива доброго по столько же. Далее перечисляются 18 человек знатных товарищей, 4 канцеляриста, священник, аптекарь, трубач и 27 человек челяди и указаны соответствующие ежедневные порции питей каждому в нисходящей градации [2].

В знак особого благоволения гетман был пожалован кавалером учрежденного в прошлом 1699 г. ордена св. апостола Андрея Первозванного и был, таким образом, вторым его кавалером; первым был, как припомним, боярин Ф. А. Головин. Пожалование состоялось 8 февраля. В именном указе, данном в этот день и закрепленном думными дьяками Автономом Ивановым и Любимом Домниным, читаем: «1700 февраля в 8 день великий государь (т.) пожаловал своего царского величества

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела малороссийские 1700 г., № 26.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела малороссийские 1700 г., № 19, л. 12, 6 об. — 7, 8 — 8 об.

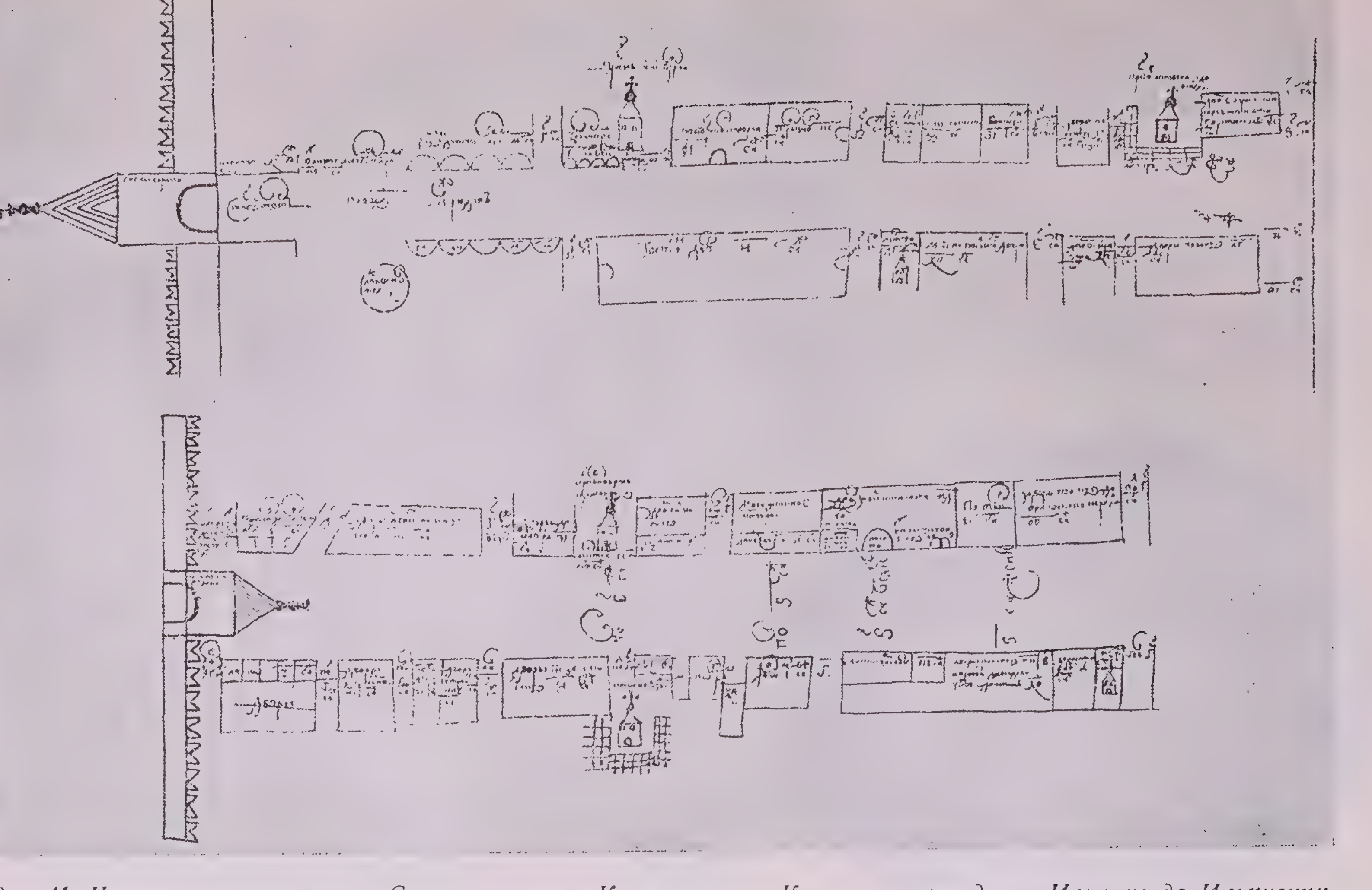


Рис. 41. Чертеж местности от Спасских ворот Кремля через Красную площадь по Ильинке до Ильинских ворот Китай-города. В начале Ильинки с правой стороны помечено „место Посольского двора“, а ближе к Ильинским воротам с той же стороны — „Малороссийское подворье“.

Подлинник хранится в делах Тайного приказа б. Государственного архива в ЦГАДА в Москве. Снимок заимствован из издания „Планы г. Москвы XVII века“.

Рис. 42. И. С. Мазепа.
Деталь гравюры Тарасевича, приложенной к польской поздравительной брошюре, напечатанной во Львове в 1696 г. по случаю побед Б. П. Шереметева в 1695 г.

подданного войска Запорожского обоих сторон Днепра гетмана Ивана Степановича Мазепу за многие его в воинских трудех и знатные усердно радетельные верные службы, которые он с его, великого государя, малороссийскими регименту своего ратными людми против его, великого государя, неприятелей салтана турского и хана крымского через тринадцать лет... чинил». Эти службы далее перечислены, а именно: действия в 1695 г. с бояриным Б. П. Шереметевым и затем поход на низовья Днепра, где были взяты турецкие укрепленные городки: Казыкермень и другие. «И за те за все вышепомянутые его, гетманские, воинские храбрые... победы, — заключает указ, — ... велел его по имянному своему, великого государя, указу в своих, великого государя, к нему грамотах и во всяких посторонних письмах писати его славного чина святого апостола Андрея кавалером и во знамение вечные славы того вышепомянутого кавалерства дать ему, гетману, святый крест, который имеет он, гетман, всегда на себе носити. И в государственном Посольском приказе и в приказе Малые Росии сей его, великого государя, указ записать в книгу, а в Розряд для ведома отписать память. А ему, гетману, на помянутое кавалерство дать свою великого государя жалованную грамоту» [1].

Так как гетман в своем широковещательно написанном благодарственном ответе на полученную им жалованную грамоту упоминал, что царь сам устно сообщил ему о назначении его кавалером и собственноручно возложил на него знаки ордена: «...перьвее з уст поданным милостивым своим монаршим словом изволили мя нарещи славного чина святого первозванного христова апостола Андрея кавалером и скипетродержавными своими руками вложити на мя крестное того знамение» [2], то

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела малороссийские 1700 г., № 19, л. 3—4.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1146—1147.

можно с большою вероятностью предполагать, что это словесное объявление и возложение знаков ордена имело место 8 февраля в доме гетмана, где был и Гейнс. О самой церемонии Гейнс не говорит, но зато сообщает о разговоре, который вел с ним Петр. Он начал с выражения удовольствия по поводу дня, накануне проведенного у Гейнса, и устроенного им фейерверка и обещал провести у него последний день масленицы — воскресенье 11 февраля. Посол воспользовался случаем и стал просить царя назначить ему до отъезда в Воронеж аудиенцию для вручения верительных грамот от нового короля, которая все откладывалась. Царь не дал ответа на эту просьбу и переменил разговор, перейдя к другой теме и заговорив о своем намерении расширить архангельскую торговлю, учредить в Архангельске торговую компанию по примеру английской и голландской ост-индских компаний, построить там значительный торговый флот, сделать Архангельск единственным пунктом русской внешней торговли, а довольно тогда развитую русскую торговлю через балтийские порты Нарву, Ревель и Ригу прекратить. Царь имел здесь в виду выгоды русских купцов, которые будут торговать через свой порт и на своих кораблях, а также стремился нанести убыток шведам, получавшим доход от движения русских товаров через их порты. Из этих сообщений Гейнса видно, куда направлена была в то время мысль Петра. Он думает о предстоящей войне со Швецией, которую уже начал его союзник Август II, и, не будучи еще в состоянии, пока не заключен мир с Турцией, вступить в войну с оружием в руках, намеревается вредить шведам, подрывая их торговлю. Своего враждебного отношения к шведам он уже не скрывает. Шведский резидент Книппер, до которого, конечно, дошли сведения о плане царя пресечь торговлю через балтийские порты, был этим крайне расстроен и усматривал в этом нарушение договоров. Но царь, говорит Гейнс, на этих днях — очень может быть на собрании у Гейнса 7 февраля — при всей компании открыто заявил шведскому комиссару, что он не беспокоится о том, как к нему отнесутся в Швеции, что ему надоели хитрости шведов, ему хорошо известно, что хотели покуситься на его жизнь, когда он два года тому назад проезжал через Ригу, а шведский король вместо того, чтобы наказать рижского генерал-губернатора, еще увеличил его власть; он его в один прекрасный день достанет (qu'il pourrait bien le trouver un jour) и для этого ждет только заключения мира с турком [1].

Мысль, занятая такими обширными планами, как предстоящая война со Швецией, подрыв шведской торговли и переустройство русской внешней торговли, в то же самое время могла доходить до мелочей и с тою же интенсивностью, с

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 344—345).

какою она разрабатывала обширные государственные планы, могла вникать во все подробности личного домашнего хозяйства. «Меінъ герценкинъ, — читаем в письме Петра к Меншикову, помеченном 13 февраля 1700 г., вероятно, из Москвы в Преображенское. — Какъ тебѣ сие писмо въручитца, пожалуй, осмотри у меня на дворе і вели вычистить везде і починить, такъже вели въ съпалной здѣлать полъ липовой да і въ другихъ вели новыя полы переделать. Такъже вели пиво Сълобоцькое і другое Андреева въ ледъ засѣчъ; такъже вели здѣлать вънновь погрепъ потъ тѣмь мѣстомъ, гдѣ ботъ сътоітъ іли гдѣ сътарая баня. Так-же і во въсемъ осмотри і прикажи. А самъ, для Бога, не мешькай, а для чего — сам знаешь. За семъ предаю васъ въ сохранение въсехъ хъранителя бога. Piter. Өевъраля въ 13 д. 1700» [1]. В письмо была вложена еще записка на голландском языке, текст которой Устрялов реставрирует так: «Mijn Zielenkind niet vergest mijn manvolk aanzien, met God help...» — «Моей души дитя, не забудь осмотреть моих людей с Божиею помощию» [2].

14 февраля в среду на первой неделе поста происходила, по словам Гейнса, новая пирушка, где неясно, возможно, что опять у него же на Посольском дворе вместо обещанной на последний день масленицы. Царь сам устраивал и объяснял фейерверк; среди разного рода транспарантов и эмблем обращали на себя внимание две: одна представляла войну, попирающую зависть, ненависть и восстание в виде змей, драконов и других животных с надписью: «oderint dum metuant», вторая представляла руку, исходившую из облака и коронующую сердце с надписью: «sola virtus coronat» [3].

В воскресенье 18 февраля Петр уехал в Воронеж. В этих весенних поездках на юг стало как-будто устанавливаться некоторое постоянство, свидетельствующее о том, как у Петра, тогда еще очень молодого человека, легко образуются привычки и как он остается верен этим привычкам. В прошлом 1699 г. он уехал в Воронеж в воскресенье 19 февраля, почти в тот же день. Тогда это было «прощеное» воскресенье; теперь это была «неделя православия» — воскресенье, начинающее собой вторую неделю поста. «Действо» в неделю православия в Успенском соборе совершал патриарший заместитель, митрополит Сарский и Подонский (Крутицкий) Трефилий. Царь не присутствовал в церкви; по его указу присутствовать вместо него назначены были: сибирский царевич Василий Алексеевич, боярин князь М. Н. Львов, думный дьяк А. И. Иванов [4]. День был проведен Петром в значительной мере так же, как он проводил последний день в Москве в прошлом году. По обыкно-

---

[1] П. и Б., т. I, № 292.

[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 448 (примечание 62).

[3] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 346).

[4] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1119—1120.

вению, как всегда перед отъездом, на этот день выпала большая указная работа, которую царь спешил закончить, собираясь в путь. 18 февраля был издан целый ряд именных указов: об учреждении Палаты об Уложении, о закрытии Иноземского и Рейтарского приказов и учреждении на их место Генерал-комиссариата с назначением князя Я. Ф. Долгорукого генерал-комиссаром, об учреждении Адмиралтейского приказа с назначением ближнего стольника Ф. М. Апраксина адмиралтейцем, о назначении окольничего С. И. Языкова генерал-провиантом, о назначении боярина Ф. А. Головина начальником Посольского приказа. Были даны аудиенции двум иностранным представителям: датскому послу Гейнсу и только что прибывшему в Москву голландскому резиденту ван-дер-Гульсту. В прошлом году 19 февраля, также перед самым отъездом, дана была аудиенция бранденбургскому посланнику фон Принцену. Датский посол давно уже просил об аудиенции для представления верительной грамоты от нового короля, но Петр постоянно откладывал эту церемонию и оттянул ее до дня отъезда, дальше которого уже было откладывать неудобно. Сохранился написанный, как это стали делать с последних годов XVII в., на небольших узеньких листках церемониал аудиенции с заглавием: «Было по сему у великого государя в передней» и с любопытными отметками, показывающими, как намеченная церемониалом аудиенция происходила в действительности. «1700-го февраля в 18 день, — читаем в церемониалах, — великий государь (т.) указал быть у себя, великого государя, на дворе датскому посланнику Павлу Гейнсу с королевскою грамотою. А послати по него и в город с ним ехать Посольского приказу переводчику Петру Шафирову. И послать под посланника с государевы конюшни сани с возниками да под чиновных людей лошади». Отметка: *«сани были о шести возниках, было 5 лошадей* (верховых). А ехать перед посланником конюхом — *ехало 12 человек.* А в городе стоять от благовещенские паперти солдатом, скольким человеком великий государь укажет». Отметка: *«стоял Гордонов полк».* «А приехав посланнику к благовещенской паперти, и идти благовещенскою папертью, а по крыльцу и в сенях стояти дворяном и дьяком, и подьячим. А как посланник войдет к великому государю, где он, великий государь, сидеть изволит, и явить его великому государю думному советнику и наместнику болховскому Прокофию Богдановичу Возницыну, а напред сего датских посланников являвали думные дьяки. А говорить: Божиею милостию пресветлейший и державнейший великий государь (т.) брата вашего Фридерикуса короля датского и иных его королевского величества чрезвычайный посланник Павел Гейнс вам, великому государю, челом ударил. И посланник правит великому государю датского короля поздравление и говорит речь. И, изговоря речь, поднесет великому государю королевскую грамоту.

А великий государь изволит на королевскую грамоту наднесть свою, государскую, руку, а принять ту королевскую грамоту, кому великий государь укажет». Отметка: *«принял от посла боярин Лев Кириллович Нарышкин.* И великий государь изволит спросить про королевское здоровье, встав и сняв шапку». Отметка: *«великий государь изволил быть в суконном венгерском кафтане и все отправление посольства изволил стоять непокровенною главою».* В дальнейшем все шло, надо полагать, по церемониалу, так как отметок на тексте церемониала более нет. Царь должен был говорить: «брат наш, Фридерикус король, по здорову ль?» А после того пожалует великий государь, велит посланника и чиновных людей позвать к своей, государской, руке. И думной советник говорит: «Павел! великий государь жалует тебя и чиновных людей к своей царского величества руке». А после того велит великий государь посланника спросить о здоровье. И по указу великого государя думной советник говорит: «великий государь, его царское величество, жалует тебя, посланника, велел спросить о твоем здоровье. Потом сказать посланнику государское жалованье в стола место ествы и питье»[1]. Гейнс остался очень доволен приемом и в депеше королю от 6 марта отзывался, что аудиенция была обставлена с невиданным великолепием. После аудиенции он был приглашен к боярину Л. К. Нарышкину, где был и Петр[2].

Нельзя определить, состоялась ли другая, данная в тот же день, аудиенция голландскому резиденту ван-дер-Гульсту раньше или позже аудиенции Гейнсу. Она происходила также в кремлевском дворце в другом помещении — в Столовой палате — по такому же, несколько, впрочем, упрощенному, церемониалу в соответствии с тем, что достоинство Голландских штатов расценивалось ниже достоинства датского короля. «Являл» резидента государю тот же думный советник П. Б. Возницын; но царь не должен был над грамотою от Штатов «надносить» свою руку и спрашивать о «здоровье Штатов» должен был сидя и в шапке. Отметок об исполнении на сохранившемся тексте церемониала этого приема нет, но можно с уверенностью сказать, что Петр принимал и резидента в том же венгерском кафтане, «непокровенною главою» и стоя — такова уже была его манера. Заключительные моменты аудиенции: обряд целования царской руки, вопрос резиденту о его

---

[1] Арх. мин. ин. дел., Дела датские 1700 г., № 1, л. 6—9. На л. 10—14 «Перевод с немецкого писма з грамоты, какое к великому государю (т.) писал Фридерикус четвертый, король датский, а подал тое грамоту датской чрезвычайной посланник Павел Гейнс, пребывающий на Москве в нынешнем в 1700 году февраля в 18 день». На об. л. 10 помета: «Великому государю известно. И боярам чтено, взять в столп и списать в книгу».

[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 346).

здоровье, объявление о том, что лист Штатов принят, что царь выслушает его содержание и велит ответ учинить иным временем, объявление ествы и питья в стола место — совершенно те же, что и в предыдущем случае [1].

XXXIV. ПЕТР В ВОРОНЕЖЕ

Как сообщает Гейнс, царь уехал в Воронеж вечером. Перед отъездом, вероятно у Л. К. Нарышкина, он вновь с ним говорил. «Царь меня отвел, — пишет Гейнс, — к окну, с волнением жалуясь на то, что предприятие под Ригой не удалось. Я ответил, что следует ждать какого-либо другого предприятия, и воспользовался случаем ему заявить, что все зависит от уверенности в том, что его царское величество действительно приступит к делу. В ответ я получил решительное царское заявление, что на другой же день после того, как будет получено известие о мире с турком, он употребит все силы против Швеции. Затем царь мне сказал, что он дал свои последние приказания своему министру в Константинополе и что он надеется, что турки удовольствуются сделанными им предложениями; эту надежду укрепило на этих днях прибытие оттуда курьера». Прощаясь, Петр сказал Гейнсу, чтобы он обо всем сносился с Головиным, как с ним самим [2].

С дороги, с тульских железных заводов, Петр писал владельцу их Л. К. Нарышкину, жалуясь на плохое состояние дорог, особенно затруднительное, конечно, при той быстроте, с которой он передвигался. Письмо не сохранилось, но о содержании его можем судить из ответного письма Л. К. Нарышкина

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1699 г., № 2, л. 143—145 — также на узеньких полосках; л. 146—149. «Перевод с листа галанских стат, каков подал великому государю (т.) галанской резидент Андрей Фан-дер-Гулст, будучи на приезде на дворе у его великого государя в нынешнем 1700 году февраля в 18 день». Это кредитивная грамота от Штатов, датированная 28 октября 1699 г. На об. л. 146 помета: «Великому государю известно. И бояром чтено, взять в столп и списать в книгу».

[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 346—347). Форстен, очень небрежно излагая депеши Гейнса и так же неисправно приводя части их текста в примечаниях, почему-то отнес аудиенцию Гейнсу к 6 марта, по всей вероятности смешав дату депеши от 6 марта с датой самой аудиенции, о которой депеша рассказывает. Плейер в своей депеше от 7 марта 1700 г. (*Устрялов,* История, т. III, стр. 649—652) относит отъезд Петра в Воронеж к 11 февраля, т. е. на неделю раньше. Дата Плейера была принята *Устряловым* (История; т. III, стр. 363), а вслед за ним издателями Писем и Бумаг Петра Великого (П. и Б., т. I, стр. 788, 790). Между тем вопрос о дне отъезда Петра в Воронеж в 1700 г. решается очень ясно свидетельством Юрнала, где читаем: «1700 года февраля в 18 день пошли с Москвы на Воронеж, а пришли на Воронеж в 21-м числе». («Юрнал 1700-го года», стр. 1.) Подтверждением того, что в Юрнале нет в этом случае ошибки, могут служить приведенные выше церемониалы приемных аудиенций и пометы на кредитивных грамотах — везде дата 18 февраля. Наконец, и самый характер дня: накопление указов и аудиенции дипломатам показывают, что это был день отъезда.

от 25 февраля: «Мой осударь Петръ Алексеевичь, да здравствуешь. За писание твое с заводов благодарствую; а что, мой осударь, писал, что утрудилися и дорогою вам зело было трудьно, воистинно и мы в великом наряде были. Дай боже очи твои в радости намерении твоем видить. Левка, пат пред ногами, милости бью челом. Февраля в 25 день. Сего числа царицы Прасковьи Федоровны хоромы сгорели, так же и старые; зело жарко было, а царевны Татияны Михайловны уцелели»[1]. В тот же день 25 февраля писал Петру боярин Т. Н. Стрешнев и также в ответ на царское письмо с дороги. В довольно обширном письме Стрешнев напоминает Петру о его распоряжении, чтобы бояре были в Воронеж к тому времени, когда будет спуск корабля, им самим построенного. Некоторым царь лично сказал об этой поездке в доме Л. К. Нарышкина перед отъездом; о других, кому быть и когда именно, обещал Стрешневу написать, и последний просит об этом написать. Как начальник Разряда, обязанный объявлять царские указы, он сообщает далее царю, что его указы, данные в день отъезда, «сказаны», т. е. объявлены лицам, к которым они относились: «сказано, кому в какихъ чинех и у каких делъ быть: князь Яков Долгорукой — генерал-камисар, Семен Языков — генерал-провиант, другой — адмиралтеец — Федор Апраксин — и они свои дела стали управлять. По приказу твоему сказано Федору Алексеевичю в Посолской приказ. Боярам и столникам Улаженья делать велено». Далее речь идет об изготовлении какого-то образцового насоса, какие надо делать в Таганроге, о распоряжениях по Конюшенному приказу относительно предстоящей поездки в Воронеж царевны Наталии Алексеевны и царевича Алексея Петровича[2]. От того же числа писал царю Ф. М. Апраксин, уведомляя о выслушании указа о назначении его адмиралтейцем: «По соизволению твоему, премилостивейшего моего государя, указ о принятии адмиралтейских дел слушал и исполнять по воле твоей, государевой, то дело готов. Полагаюсь во всем в твою, государеву, волю. С сего означенного числа неделю спустя к тебе, государю, поеду. Раб твой государской Ф. А. покорно челом бью»[3].

24 февраля[4] покинул Москву гетман Иван Степанович Мазепа. «Гетман с Москвы поехал февраля в 24 день, — писал Ф. А. Головин Петру в Воронеж, — мешкал токмо за болезнию своею». Перед отъездом он виделся с Ф. А. Головиным, радовался вестям о начале военных действий поляков против Риги.

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 790.

[2] Там же, стр. 790—791.

[3] *Устрялов,* История, т. III, стр. 532.

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела малороссийские 1700 г., № 19, л. 19, «А впредь ему, гетману, и при нем будучей генеральной старшине и иных всех чинов людем, которые были с ним, гетманом, в приезде, поденного питья февраля с 25 числа не давать».

«...И нас нудит на шведа. Упоминался мне зело, чтоб ты изволил его пожаловать, указать ему дать жалованную грамоту на кавалерию (т. е. на орден св. Андрея), на что я готовить велел, только без воли твоей, милостивого государя, не отдадим». Петр на этот пункт письма Головина написал резолюцию: «Естьли ведетца інъдѣ вели дать», т. е. дать грамоту, если так принято в других странах [1]. При отпуске гетману были сделаны драгоценные подарки «во всем против дачи прошлого года». По представленной справке оказалось, что в прошлом году ему было дано также на отпуске: «кафтан золотной на соболях с запаны алмазными, ценою в 861 рубль, кубок серебряный с кровлею, весом в 3 фунта 16 золотников, объярь золотная, баиберек золотной, два бархата гладких мерою по 11 аршин», пара соболей в 30 рублей, сорок соболей в 170 рублей, сорок в 130 рублей и сорок в 100 рублей, всего, кроме кубка и материй, на 1 291 рубль. Кубки и материи по чинам даны были генеральной старшине и свите гетмана, также согласно прошлогодней даче. Петр предписывал во всем в точности повторить пожалования прошлого года, но в одном пункте внес изменения, потребовав, чтобы на этот раз гетману был подарен кафтан в ту же цену, как и в прошлом году, но венгерского покроя. Припомним, что только-что перед тем, 4 января 1700 г. состоялся указ о ношении венгерских кафтанов, и сам Петр на аудиенции Гейнсу был в венгерском кафтане. Это было время господства венгерской моды [2]. На дорогу гетману отпущены были питья: «10 ведр вина двойного, 50 ведр простого, 50 ведр меду вареного, белого тож, две вари пива доброго» [3]. За границей отметили перемены в обличье и в платье, с которыми гетман вернулся из Москвы. Варшавский резидент в числе новостей сообщал в Москву весть: «изо Львова 15 числа (апреля) по календарю польскому, будто из за Днепра пришла ведомость к пану краковскому такая, что гетман Иван Степанович Мазепа и полковники приехали назад из столицы московской... И то сказывают, что он, Мазепа, был во французском

---

[1] П. и Б., т. I, № 296.

[2] Из Казенного приказа было сообщено в Малороссийский приказ описание венгерского кафтана, сделанного для гетмана: «сделан в Казенном приказе венгерской, бархатной зеленой кафтан, цена бархатному верху 32 руб. 25 алт. 5 ден., испод соболей пластинчатой с рукавы пупчатыми собольи ж в 578 руб. Подпушен отласом золотным, обшит галуном золотным борозчатым широким да снуром золотным же, вместо нашивки нашит линт золото с серебром широким с кистьми золотными ж и с варворки, пугвицы нашиты золотые с изумруды и с яхонты, к рукавам у запястья вместо застежек нашиты пугвицы ж серебреные золоченые с яхонты. Цена тому прикладу, кроме верха и испода соболья, 146 руб. 25 алт. 5½ ден. Всего тот бархатной венгерской кафтан ценою в деле стал в 757 руб. 18 алт. 2½ деньги» (Арх. мин. ин. дел, Дела малороссийские 1700 г., № 19, л. 9—11, 23—24 об.)

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела малороссийские 1700 г., № 19, л. 18 об. — 19.

уборе и будто по указу царского величества велел бороду себе оголить» [1].

В Воронеж Петр приехал 21 февраля 1700 г. О пребывании его там, продолжавшемся более двух месяцев, известий настолько мало, что надо отказаться от попытки изображения его деятельности за это время в хронологической последовательности и приходится ограничиться лишь указанием тех предметов, на которые его внимание было устремлено. Прежде всего, конечно, кораблестроение. По словам историка русского флота Елагина, к марту 1700 г. все кумпанские суда, за исключением двух, были готовы: 15 кораблей и 6 бомбардирских судов стояли на реке Воронеже, тут же на стапелях находились 14 галер. У пристани Ступино стояли 10 кораблей гостиных кумпанств. Средствами казны строились 11 кораблей, в том числе корабль «Предестинация», или «Божие сему есть Предведение», или просто «Божие Предведение», заложенный 19 ноября 1698 г. и строившийся по чертежу самого Петра под его личным наблюдением, а в его отсутствие под наблюдением двух его близких друзей, выучившихся за границей русских мастеров, которых он считал наилучшими, Федосея Скляева и Лукьяна Верещагина. Таким образом, «Предестинация» строилась русскими инженерами. К приезду Петра работы на ней приходили уже к концу, и предстоял ее спуск на воду. «Карабль чаю, при помощи божией, отдѣлать, — писал Петр Ф. А. Головину из Воронежа 2 марта 1700 г., — і хочетца съпустить [есьтьли не помѣшаетъ что] для того, что первой» [2]. Спуск предполагалось совершить особенно торжественно. Для присутствия на нем в Воронеж в марте прибыли царевич Алексей Петрович и царевна Наталья Алексеевна со свитой, иностранные представители при русском дворе: датский посланник Гейнс и голландский резидент ван-дер-Гульст и вызваны были к вербному воскресенью бояре и ближние люди с семействами, а также бургомистры Ратуши, так что в Воронеже весной 1700 г. должно было собраться большое и блестящее общество [3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 178 об.

[2] П. и Б., т. I, № 297.

[3] Арх. мин. юст., Моск. ст., № 767, л. 490: «В нынешнем 1700 году велено ехать на Воронеж к вербному воскресению. *Бояря:* князь Петр Иванович Прозоровской, князь Михайло Григорьевичь Ромодановской, князь Борис Ивановичь Прозоровской, боярин и военной кавалер мальтийской свидетельствованный Борис Петровичь Шереметев, князь Михайло Микитичь Львов, князь Яков Федоровичь Долгорукой, думной советник Прокофей Богданов сын Возницын. *Стольники комнатные:* князь Юрья княж Юрьев сын Трубецкой, князь Федор княж Юрьев сын Ромодановской, князь Григорей княж Федоров сын Долгорукой, Иван Большой Иванов сын Бутурлин, Иван Меньшой Иванов сын Бутурлин. Стольник князь Иван княж Осипов сын Щербатой. Патриарш казначей Иван Яковлев. *Бургомистры:* Иван Панкратьев, Логин Добрынин, Иван Исаев». Там же, л. 492: «1700 марта в 7 день по указу великого государя к бояром их комнатным людем, которым велено

XXXV. СПУСК КОРАБЛЯ «ПРЕДЕСТИНАЦИЯ»

Из того, что бояре вызывались в Воронеж к вербному воскресенью, которое в 1700 г. приходилось на 24 марта, можно думать, что спуск корабля предполагался в этот день. Однако из-за малой воды его приходилось откладывать. «О бытии царского величества к Москве, — писал Ф. А. Головин гетману Мазепе из Воронежа в апреле, — мню незамедленно быти, конечно, в первых числах мая или далеко что в полы (т. е. в половине мая), токмо одна здесь нужда: который корабль строен, что и сам видел милость твоя, на Воронеже спустится, то не малого замедления мню быти, а спустить на малой воде сего невозможно, и когда исполнится вода в своей мере, то без затруднения спустят» [1].

Спуск состоялся только 27 апреля. Сам Петр отзывался о качествах «Предестинации» с большой скромностью. Сохранилось его письменное мнение о некоторых судах воронежского флота, не во всем для нас понятное вследствие обилия содержащихся в нем специальных терминов, но в котором немало самой строгой критики: «7 кораблей, — читаем в этом мнении, — которые вмѣстѣ строятся, такожде есть въ пропорцію во флакѣ, бюселѣ и интрюмѣ не зѣло добрые, по Голанскому размѣру среднее есть, однакоже къ службѣ есть годны, кромѣ нерѣзвости своей; къ дополненію жъ сихъ нѣкоторые бандумы и сетарсы внутри по вегерсамъ положены быть имѣютъ, какъ мы словесно объявляли господамъ адмиралтейцамъ, на нихъ будучи, также и боуты, которые слабки, назадъ выбиты и изъ добраго желѣза с нарочитою тугостію и съ заклепою быть имѣютъ. Корабль, который строилъ мастеръ Най, есть лутчій изо всѣхъ, понеже доброю англійскою препорціею такъ толстыми балками, двойными книсами, нутренными сетерсами и прочими крѣпостьми

ехать на Воронеж, посыланы из Разряду разрядные дьяки, чтоб они по прежнему ехали на Воронеж с женами. *Бояря:* князь Михайло Григорьевичь Ромодановской с женою и с снохою, князь Михайло Микитичь Львов с женою, столник комнатный Иван Большой Ивановичь Бутурлин с женою (*зачеркнуто* князь Михайла Алегуковича Черкаского княгине с снохою), князь Бориса Алексеевича Голицына княгине с снохою. Боярин и военной кавалер мальтийской свидетельствованной Борис Петровичь Шереметев с женою, Иван Меньшой Ивановичь Бутурлин с женою, князь Григорий Федоровичь Долгорукой с женою, князь Андрея Ивановича Голицына княгине». Тот же список, см. там же, л. 505, 834, 841, 917. Там же, л. 510: Записка князя Ф. Ю. Ромодановского к боярину Т. Н. Стрешневу, как начальнику Разряда, с просьбой отпустить из Разряда с ним, Ромодановским, в Воронеж Ф. Татищева: «Государь мой, Тихан Никитичь, пажалуй, прикажи сказать из Разряду со мною быть на Воронеже Федору Татищеву за моим одиночеством. Ей, мне взять с собою некого, людей взять не с чем, мне он истинно надобен, — мужик он добр и прошу не играючи, вели его завтра сыскать и сказать, чтоб он ехал со мною по государеву указу, истинно неложно прошу, не презри моего прошения. Фетка Рамодановской».

[1] *Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 37.

добро укрѣпленъ есть, того для о рѣзвости и валкости и о протчихъ страхахъ сумневаться не надлежитъ. *Корабль же, Божие Предвѣдение именованной, какой есть препорции, крѣпости и удобства намъ писать и разсуждать не возможно, понеже нашего есть размѣра и труда, и того для полагаемъ на разсуждение»* [1]. Но корабль вызвал единодушные похвалы современников. «О корабле, сделанном от произволения монарха нашего, — писал Ф. А. Головин гетману от 28 мая, — извествую: есть изрядного ей художества, наипаче, что зело размером добрым состроенный, что с немалым удивлением от английских и голландских есть мастеров, которые уже от многих лет сие искусство употребляют, и при нас спущен на воду, и щоглы (мачты) подняты и пушек несколько поставлено. Дай боже, дабы счастливо употребление свое имети возмог» [2]. Датский посланник, сообщая в Копенгаген об освящении корабля, писал: «понимающие в судостроении единогласно признали его, как chef d'oeuvre» [3]. Другой иностранный представитель, молодой голландец ван-дер-Гульст, может быть, знавший толк в кораблях и, надо сказать, строгий критик воронежского флота, о «Предестинации» отозвался благосклонно. «Будучи на Воронеже, — писал он правительству Штатов от 26 мая, — мы там видели спуск корабля, для чего сие путешествие единственно туда было предпринято. Корабль сей весьма красивый, был сооружен его царским величеством русскими работниками без содействия немецких мастеров; он шестидесяти пушечный и наименован «Явление Петра (Petrus Verschyningh)». Благосклонность этого отзыва тем ценнее, что ван-дер-Гульст очень сурово отзывался в той же депеше о виденных им воронежских кораблях: «в Воронеже кроме того есть еще около тридцати кораблей, из коих четыре или пять во всем исправны, остальные же, построенные итальянскими мастерами, не многого стоят. Большое количество галеасов и бригантиров; из сих последних ни одного годного к употреблению, разве только для топки и для потешных огней в торжественных случаях. На верфи стоит чрезвычайно уродливый галеас, который только два подобных себе в свете имеет, а именно один у султана, а другой в Венецианской республике. Он стоит его величеству, как говорят, то же, что шесть из лучших его кораблей, а притом же почти негоден к употреблению» [4]. Петр послал изображение «Предестинации», выгравированное по его распоряжению поступившим на русскую службу голландским гравером Шхонебеком [5], в Амстердам своему учителю Клаасу Полю, который

---

[1] П. и Б., т. I, № 309.

[2] *Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 37.

[3] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 350—351).

[4] *Елагин,* ук. соч., приложение IV, № 38.

[5] Эта гравюра воспроизведена в т. III настоящего издания (см. рисунок 11 и примечание к нему на стр. 463—464).

в ответном письме хвалил корабль и отозвался, что он «зело изряден пропорциею». По словам англичанина капитана Перри, киль «Предестинации» отличался оригинальным устройством, изобретенным самим Петром; он был сделан так, что, если бы его и оторвало, кораблю не угрожала бы течь[1]. Корабль удивлял современников богатством отделки. По словам де Бруина, бывшего в Воронеже в 1703 г., каюты на «Предестинации» были отделаны ореховым деревом. Поражали роскошью также резные украшения кормовой части. Весной того же 1700 г. был спущен на воду корабль «Черепаха», заложенный одновременно с «Предестинацией», построенный мастером Осипом Наем; о нем Петр отзывался с большими похвалами в приведенном выше письменном отзыве[2].

С назначением нового адмиралтейца Ф. М. Апраксина, с приездом его в Воронеж и со вступлением его в должность произошло большое изменение в организации постройки флота. Припомним, что с конца 1696 г. судостроение было организовано так, что одна, и притом большая, часть судов строилась кумпанствами, на которые эта постройка возложена была как натуральная повинность, другая часть, гораздо менее значительная, строилась казной; для заведывания казенным кораблестроением и была учреждена должность адмиралтейца. Средства для казенной постройки доставляли не вошедшие в кумпанство мелкие землевладельцы, владения которых не превышали 100 дворов, обложенные по полтине с двора. К весне 1700 г. кумпанства в главных чертах выполнили возложенную на них повинность, построили 77 кораблей, из которых 52 основных и 25 дополнительных или складочных. 20 апреля 1700 г. в Воронеже был издан именной указ о приемке выстроенных кумпанствами судов в казну в только что учрежденный Адмиралтейский приказ с тем, чтобы с кумпанств, не вполне доставивших полагавшиеся с них по росписи корабельные припасы, взыскать в приказ за эти недоставленные припасы деньгами по расчету: «кумпанские корабли со всеми корабельными припасы против старых и новых росписей всех кумпанств с кумпанщиков снять в Адмиралтейский приказ, а которых припасов по тем росписям не изготовлено, и за те припасы у тех кумпанств взять деньги по рассмотрению». В дальнейшем заботы о ремонте выстроенных кораблей, о покупке для них припасов, о вознаграждении работников и матросов поручаются Адмиралтейскому приказу. Для получения средств на это дело вводится особый ежегодный подворный налог с крестьянских, бобыльских и задворных людей дворов тех землевладельцев, которые входили в состав кумпанств, с более тяжелым обложением, как то было и в кумпанствах, церковного землевладения

[1] См. т. III настоящего издания, стр. 166; *Елагин,* ук. соч., стр. 117.
[2] *Елагин,* ук. соч., стр. 117, 164—165.

перед светскими. При расчете налога за основание взята была кумпанская организация, и расчет был сделан так, что ежегодный налог составлял $^1/_{10}$ того единовременного расхода, который был произведен кумпанствами на постройку кораблей. Корабль обходился кумпанству в 10 000 рублей; ежегодный налог на кумпанство должен был составлять 1 000 рублей, причем эту тысячу должны были платить с церковных имений 8 000 дворов, со светских — 10 000 дворов. Поэтому ежегодно с двора первых должно было взиматься 4 алтына с деньгою ($12^1/_2$ коп.), тогда как с двора вторых — 3 алтына 2 деньги (10 коп.). С кумпанства именитого человека Г. Д. Строганова предписывалось взять с одного корабля — 1 000 рублей, с гостиных кумпанств с 14 кораблей по 1 000 рублей с корабля, всего 14 000 рублей. Мелкие имения, не входившие ранее в кумпанства и обложенные сбором по полтине с двора, облагались теперь также по 3 алтына 2 деньги (10 коп.) с двора. Итак, указ 20 апреля 1700 г. не имел в виду уничтожать кумпанскую организацию; он ее сохраняет. Он только заменяет лежавшую на кумпанствах натуральную повинность денежной. В указе не говорится также о дальнейшем кораблестроении: речь идет только о починке и оборудовании уже построенных кораблей, а не о постройке новых. Это вовсе, конечно, не значит, что в дальнейшем кораблестроение должно было прекратиться; но указ 20 апреля о нем не говорит, он ведет речь только о ремонте и содержании уже построенных кораблей. Повидимому, число выстроенных кораблей на некоторое время считалось достаточным для азовского флота. По указу 20 апреля починка, оборудование и содержание построенных кумпанствами кораблей переходили теперь в руки казны; кумпанства же становились только финансовыми, а не кораблестроительными организациями, они должны были только доставлять казне средства, а не строить или чинить корабли сами. Что их в виде таких податных организаций указом 20 апреля 1700 г. уничтожать не предполагалось, видно из заключительных слов указа: «А пушки и за пушки деньги разложить на все кумпанства поровну», надо полагать, в виде единовременного сбора сверх устанавливаемого указом ежегодного налога. Однако на практике для сбора нового ежегодного подворного налога, совершенно подобного другим таким же налогам, существование особой довольно сложной и громоздкой организации кумпанств едва ли было необходимо; такой налог мог собираться тем же обычным способом через обыкновенную местную администрацию, каким собирались и другие подворные налоги, в том числе и полтинный сбор с мелкого землевладения, не входившего в кумпанства. Поэтому существование кумпанств с изданием указа 20 апреля 1700 г. оказывалось излишним. Указ этот нельзя назвать их ликвидацией; он еще предполагает

их существование в дальнейшем, но его вполне справедливо можно считать отправной точкой к такой ликвидации.

Сбор нового налога стал производиться в Адмиралтейском приказе, где были сосредоточены ведомости о числе дворов по переписным книгам 1678 г. Чтобы иметь наглядное представление о размерах этого налога, приведем несколько цифр из этих ведомостей за 1701 и 1702 гг. В приказе считалось подлежащих налогу 144 602$^{1}/_{2}$ двора церковного землевладения, что давало в год 18 070 рублей 22 алтына 5$^{1}/_{2}$ денег и 393 356$^{1}/_{3}$ дворов светских, что давало 39 335 рублей 21 алтын 1 деньгу. Кроме того, налогом на адмиралтейство обложены были и дворцовые имения, не входившие прежде в кумпанства и не несшие корабельной повинности: 101 179 дворов, с которых ожидалось 10 117 рублей 30 алтын. Всего, следовательно, считалось 639 137$^{5}/_{6}$ подлежащих обложению дворов, которые должны были дать 67 524 рубля 7 алтын 2$^{1}/_{2}$ деньги. К этому следует приложить еще сбор с гостиных кумпанств 14 000 рублей, иными словами, сбор с посадских и черносошных дворов и платеж с Строгановых — 1 000 рублей, так что всего вновь введенный адмиралтейский налог должен был давать более 80 000 рублей в год [1].

С принятием у кумпанств выстроенных ими кораблей, с отстранением их от дальнейших работ по сооружению флота и с сосредоточением этого дела и сбора на него средств в Адмиралтейском приказе появившееся вновь морское ведомство было приведено в упрощенный и стройный вид. Ведомство состояло из двух приказов: Военного морского и Адмиралтейского. Военный морской приказ во главе с адмиралом Ф. А. Головиным ведал строевой персонал флота: офицеров и матросов. Адмиралтейский приказ сосредоточивал в своих руках несколько дел, а именно: а) кораблестроение; б) сбор адмиралтейского налога; в) заведывание лесами, отведенными на нужды кораблестроения в Воронежском крае; г) управление 11 городами Воронежского края, которые должны были обслуживать кораблестроение рабочей силой; это были города: Воронеж, Коротояк, Усмань, Костенск, Орлов, Землянск, Добрый, Демшинск, Сокольск, Белоколодск, Елец [2]; д) управление самой этой рабочей силой, доставляемой вышеупомянутыми городами и их уездами. Впрочем, стройность морского ведомства, какую видим в 1700 г., вскоре же стала нарушаться. Указом 7 мая 1701 г. в ведомство Военного морского приказа велено было отдать Денежный двор, устроенный в Кадашевской слободе в каменном здании, где прежде производилось полотняное хамовное дело. Этот двор должен был заниматься перечеканкой иностранного ефимочного серебра на русскую

---

[1] Подробности см. *Елагин,* ук. соч., стр. 144—161, и *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 148—150.

[2] См. выше, стр. 280—281.

серебряную монету: полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники и мелкие копейки с прибылью от порчи серебра при перечеканке и с тем, чтобы прибыль эта делилась пополам, половина — Военному морскому приказу на дачу жалованья офицерам и матросам (иностранным), а другая половина — в Адмиралтейский приказ «на строение кораблей и на жалованье дозорщикам магазейнов и русским матросам». Для начала операции закупки ефимков велено было взять заимообразно 100 000 рублей из Адмиралтейского приказа. Таким образом, приказ Воинских морских дел сверх военно-морской администрации должен был заниматься еще и добыванием средств на расходы всего морского ведомства и вести совершенно далекое ему и чуждое дело: перечеканку серебряной монеты с ее порчею [1].

[1] *Елагин,* ук. соч., приложение VIII, № 17; *П. Н. Милюков,* Государственное хозяйство, стр. 150—151.

НАЧАЛО ВОЙНЫ ДАНИИ И ПОЛЬШИ СО ШВЕЦИЕЙ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПЕТРА К СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

XXXVI. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Кораблестроение, однако, в 1700 г. не стояло на первом плане для Петра в Воронеже. Он продолжает его, желая закончить начатое; но он ежеминутно готов его бросить и вернуться в Москву при первом же благоприятном известии о мире с Турцией. Петра в этот приезд его в Воронеж всего более занимают стоявшие перед ним вопросы внешней политики, и для них он готов оторваться от кораблестроения. Он прибыл в Воронеж с твердым решением, как только получит весть о заключении мира с турками, немедленно же начать войну со Швецией. Он уже заручился для нападения на Швецию двумя союзами: с Августом II и с Данией и теперь думает о третьем союзе — с курфюрстом бранденбургским. Для осуществления замысла против шведов в Москве в это время усиленно работали над организацией вооруженной силы, готовили регулярную армию, которую надо было двинуть на Швецию. Дипломатические и военные подготовительные меры к будущей и недалекой войне занимают Петра весной 1700 г. в Воронеже. По свидетельству очевидца, датского посла Гейнса, передававшего свои наблюдения в Копенгаген, Петр не мог оставаться спокойным, когда речь заходила о предстоящей войне, он весь воодушевлялся, ликовал при мысли о реванше за оскорбление в Риге, в которое, заметим от себя, он, повидимому, теперь и сам горячо уверовал, и смело смотрел

в будущее[1]. Воронежские корабли, азовская крепость, таганрогская гавань, южное море не овладевали всецело его вниманием. Его взор пристально устремлен теперь к северу. Это то настроение, которое чувствуется в одном из писем к Петру Ф. А. Головина, где идет речь о приготовлениях к будущей войне и где он пишет: «Дай, дай боже, конец благополучен, с полудня мочно б искать к северу прибытка»[2].

Осенью 1699 г. бдительность шведов усыпляли, торжественно принимая в Москве великое шведское посольство и подтверждая с ним Кардисский договор и другие позднейшие соглашения. Политика усыпления продолжалась и весной 1700 г. Уже после отъезда Петра в Воронеж в Москву прибыл, возвращаясь из Персии, ездивший туда шведский посланник Фабрициус. Он был любезно принят в Москве и предупредительно отправлен на родину. На вопрос Ф. А. Головина: «Посланника свейского отпускать ли, кой из Персиды? Мню, что не для чего его задерживать и ранее выслать пристойно», Петр ответил из Воронежа: «Немедленно отпустити зарань»[3]. В Швецию назначалось к отправлению великое ответное посольство для того же дела, для которого приезжало и шведское посольство в Москву, — для подтверждения Кардисского и последующих договоров. В состав этого посольства были назначены виднейшие сановники: боярин князь Я. Ф. Долгорукий, окольничий князь Ф. И. Шаховской и думный дьяк Любим Домнин. Так как на сборы этого торжественного посольства должно было уйти значительное время, то решено было предварительно «для обвещения» о назначении великих послов отправить в Швецию ближнего стольника князя Андрея Хилкова, который должен был оставаться в Стокгольме в качестве постоянного уполномоченного резидента. Отправление князя Хилкова совершилось очень быстро. Указ о его назначении состоялся в Воронеже 17 апреля, а 21 апреля этот указ был объявлен ему в Москве дьяком Посольского приказа «на ученье солдатского строю», которое производилось стольникам на Старом Денежном дворе, так что князь Хилков, очевидно, был застигнут этим объявлением врасплох. 9 мая он уже выехал из Москвы в путь, везя грамоту королю Карлу XII, датированную 24 апреля[4]. Раз в Швецию отправлялось великое посольство для подтверждения старого мирного договора, раз туда ехал постоянный резидент, шведы могли быть совершенно спокойны. Они совершенно спокойны и были. До чего продолжала удаваться Петру его дипломатическая игра, начатая

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 355).

[2] П. и Б., т. I, стр. 804—805.

[3] Там же, № 296. Отпуск Фабрициуса; см. Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 5.

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 11 (Список со Статейного списка Хилкова), л. 1.

приемом шведского посольства в Москве, видно из того блаженного неведения, в котором пребывал относительно намерений царя шведский резидент в Москве Томас Книппер, который всю весну 1701 г. самым дружественным образом переписывался с Ф. А. Головиным. В письмах к нему он благодарил боярина за уведомление о назначении великого посольства и, выразив радость, что послом назначен князь Я. Ф. Долгорукий, человек «изрядный, разумный и прежде сего бывший в таком же чину у высоких потентатов с похвалой», сообщал полученные им вести о действиях саксонских войск против Риги и обещал немедленно представить царю корабельные чертежи, как только их получит [1].

А между тем усиленным темпом идут остающиеся незаметными для шведских глаз военные приготовления и передвижения войск, очень занимающие Петра в Воронеже и составляющие один из главнейших предметов его переписки. Новгород и Псков намечаются как базы для предстоящих военных операций, и Петр предписывает Ф. А. Головину послать в эти города грамоты о готовности к войне, причем скрыть, против какого неприятеля будет война, обмануть на время новгородского и псковского воевод, написать будто пришла весть из Константинополя от Украинцева, что турки несклонны к миру и будет с ними война [2]. К псковскому воеводе И. И. Головину Федор Алексеевич Головин, кроме официальной грамоты, должен написать еще от себя по родству, побуждая его быть рачительным в военном деле, особенно относительно артиллерии: «Такъже къ Івану отпиши отъ себя, бутто для сьросьтва остерегая ево, чьтобъ наіпаче осмотрелъ і упъравъляль воінское дѣло [а паче пушьки], для того что вѣдаешь, какъ то надобно» [3]. «Полки сводить начали, — доносит ему Головин, — . . . и когда сведены будут, куды, мой государь, их изволишь послати на становища,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 2, л. 1—13; *Устрялов*, История, т. III, стр. 531.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 1, л. 20—21. Грамота в Новгород от 5 марта 1700 г. «От великого государя (т.) в нашу отчину в Великий Новгород ближнему нашему боярину и воеводе князю Ивану Юрьевичу Трубецкому с товарыщи. Указали мы, великий государь, Новгородского Розряду дворяном, и детем боярским, и копейщиком, и гусаром, и рейтаром, и иных чинов служилым конным и пешим людем, чтоб они все были на нашу, великого государя, службу во всякой воинской готовности. А где им с бояры нашими и воеводы в полкех, в которых местех быть, и на которые сроки на указанных местех стать, и о том наш, великого государя, указ будет им сказанъ впредь, потому что писал к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, из Царягорода чрезвычайной наш посланник, думной дьяк Емельян Игнатьевичь Украинцев, что салтан турской к миру предложил статьи развратные и неудобные и о готовности тех ратей и о наряде указали мы, великий государь, послать к тебе, ближнему нашему боярину и воеводе, нашу, великого государя, грамоту... Писан на Москве лета от Рождества Христова 1700 марта в 5 день», л. 22—23 — такая же грамота была послана в Псков.

[3] П. и Б., т. I, № 296, стр. 335.

чтоб о сем немедленно восприяти ответ. И к Олонцу посылать ли их?»[1] «Полки, — пишет ему Петр 2 марта, — буде чаешь лутче, постаѳь по городамъ къ той (шведской) съторонѣ». В том же письме к Ф. А. Головину от 2 марта Петр вскрывает возникший и созревавший у него план будущих военных действий. Царь предписывает ему послать Василия Корчмина, офицера, получившего за границей инженерное образование, сначала в Нарву, будто для покупки пушек, а затем под каким-либо предлогом в Орешек, на самом же деле, для того чтобы высмотреть эти шведские крепости и их окрестности. Корчмин кажется ему человеком подходящим, способным выполнить поручение и сохранить тайну. Надо позаботиться, чтобы о посылке ничего не узнал Книппер, иначе догадается, раз посылают ученого инженера. «Пришьло мънѣ на мысль, — пишет Петр, — съказывалъ мънѣ Брантъ, чьто есть в Ругодевѣ пушьки продажныя карабельныя въ 12, въ 18 і въ 6 ѳунтоѳъ ядромъ, і я съ нимъ говорилъ, чьтобъ купить. І нынѣ для тѣхъ пушекъ пошьли ты Карчьмина, чьтобъ он іхъ пробовалъ і купилъ нѣсъколко; а межъ тѣмъ накажи ему, чьтобъ присмотрелъ города и мѣсъта къругомъ; такъже, естли возможъно ему дѣла сыскать, чьтобъ побывалъ і в Орѣшекъ; а буде въ него нелзя, хоть возле ево. А мѣсъто тутъ зело нужно: протокъ ізъ Ладоского озера въ море [посмотри въ картахъ], і зело нужъно ради задержанія выручъки; а детина, кажетца, не глупъ і секъретъ можетъ сънесть. Зело нужно, чьтобъ Къниперъ тово не вѣдалъ, потому чьто он знаетъ, чьто он ученъ»[2].

Нарва открывала дорогу к желанному морю. Орешек важен в двух отношениях: во-первых, от него идет проток из Ладожского озера к морю — недаром Петр впоследствии и назовет его ключом к морю; во-вторых, овладение этим укрепленным пунктом воспрепятствует шведам посылать войска на выручку Риги через Финляндию, о чем хлопотал Август II, стараясь направить военные силы Петра на Ингерманландию и Карелию. Таким образом, у Петра уже ранней весной 1700 г. намечены те два пункта — Нарва и Орешек (Нотебург), которые подвергнутся первым русским ударам в начале Северной войны. Перед ним в Воронеже развернута карта северных пограничных местностей; план действий уже намечен, и он только ждет условленного момента, чтобы начать движение. По договору с Августом II он должен был начать военные действия против шведов не позже апреля 1700 г., когда он надеялся на благополучный исход мирных переговоров с Турцией. 11 апреля он шлет А. М. Головину приказание сказать полкам о готовности к службе, и этот приказ был объявлен полкам 16 апреля — накануне решения отправить посольство в Швецию[3].

[1] П. и Б., т. I, № 300.
[2] Там же, № 297.
[3] Там же, стр. 813—814.

Однако надежды на заключение мира к апрелю были тщетны, несмотря на новые шаги, сделанные навстречу туркам. Еще в конце 1699 г. в Константинополь был отправлен сержант Преображенского полка Жерлов с инструкциями Украинцеву об уступках, на которые Петр готов был итти, лишь бы добиться заключения мира. Царь соглашался на разорение днепровских крепостей, из-за которых не состоялось заключение мира на Карловицком конгрессе, причем разорение должно было произойти через 6 или 7 лет после заключения мира; если же турки станут требовать немедленного разорения, Украинцеву предписывалось согласиться и на это, так чтобы ни та, ни другая сторона не имели крепостей на нижнем течении Днепра[1]. В феврале 1700 г., перед самым отъездом царя в Воронеж, Украинцеву посланы были новые инструкции с дальнейшими уступками. Сохранилось собственноручное письмо или, вернее, проект письма Петра к Украинцеву с обозначением этих уступок: царь соглашается передать городки туркам, притом без разорения. Разорена должна быть только русская «прибавочная работа», т. е. те последние дополнения и усовершенствования в крепостных постройках, которые были сделаны русскими после овладения крепостями. Сооружения же, возведенные в свое время турками, а отчасти и нами, могут быть отданы в неприкосновенном виде. «Емельян Игнатьевичь, здравствуй, — писал ему Петр, — понеже третъ симъ послали мы сътаты зъ Жерловымъ, мъню, удовольствуютъ твое дѣло. Аднакожъ нынѣ зело нужнейшее дѣло намъ явилось къ ползе нѣкоторой, і того для еще нѣкоторою уступки положили сътатью; сила же сему, чътобъ наша прибавачьная работа была разарена і о томъ розареньи і ты не упоминайся. Но естли тебя сътанутъ съпрашивать о разаренье, чьтобъ не быть: і ты съкажи, чьто отдадутъ цело, не токъмо іхъ, но і своей работы, разве чьто прибавочьное разорятъ. А болше, какъ можно, о семъ разорені гълухо говори; а тверди, чьто не толко іхъ, і свою работу отдаютъ. Толко конечьно учини миръ: зело, зело нужно. О протчѣмъ писалъ Ѳедоръ Алексеевич»[2]. Это письмо, однако, отправлено не было, как это видно из пометы на нем, сделанной рукой Ф. А. Головина: «Письмо, которое изволил великий государь писать к Емельяну Украинцеву, надобно изодрать»[3]. Оно все же интересно как свидетельство о том, в какой мере Петр готов был итти на уступки. Было отправлено другое письмо через находившегося тогда в Москве гетмана И. С. Мазепу, который должен был переслать его Украинцеву со своим

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 785—786; *Устрялов,* История, т. III, стр. 359, 547—548.
[2] П. и Б., т. I, № 294.
[3] *Устрялов,* История, т. III, стр. 453, примечание 82.

человеком[1]. Гетманский канцелярист Иван Черныш выехал с этим письмом из Москвы 20 февраля и прибыл в Константинополь 22 апреля. Украинцев, уведомляя 28 апреля о получении, описывает это письмо так: Иван Черныш «привез твою великого государя милостивую грамоту или писание с приписанием руки твоея государские», т. е. только с собственноручной подписью или какой-то припиской Петра. Совпадало ли содержание этого отправленного в Константинополь письма с неотправленным собственноручным или отличалось от него, и если отличалось, то в какой мере, неизвестно. Думать надо, что, если оба письма и не были совсем тождественными, то во всяком случае в отправленном письме речь шла о тех же уступках, что и в собственноручном проекте[2]. Однако время шло, а от Украинцева или не приходило вестей или пришли реляции, не содержавшие ответа на главный вопрос о мире. «Зело жаль, — пишет Ф. А. Головин Петру из Москвы 25 февраля, — что ведомости нет от Емильяна». — «Отъ Емельяна вѣдамость есьть, — отвечает ему Петр, — толко ни с чемъ; а ждать какъ по Жерлове будетъ», т. е. следует ждать, какие будут известия в ответ на инструкции, отправленные с Жерловым. Видимо, Петр находится в нетерпеливом ожидании вестей и, только что приехавши в Воронеж, готов тотчас же по получении известия о мире лететь в Москву. «По нынешним вестям не изволишь ли сам быть?», — спрашивает его Головин в тех же докладных статьях, посланных в Воронеж. «По разсухе немедьленно буду, а зимою дѣлать уже нечево; а съверхъ того посъмотрю іъ будущихъ почътъ: естли зело будетъ съчаслива, тотчасъ буду»[3].

Горя нетерпением начать войну со шведами, Петр в Воронеже внимательно следит за военными действиями союзника. По договору с Августом II, заключенному в Москве 11 ноября 1699 г. через Карловича, Август обязывался начать войну тотчас же по заключении союза и вторгнуться в Лифляндию с находившимися в пределах Литвы и в Курляндии саксонскими войсками. Карлович, а вслед за ним и представленный им царю находившийся в его свите под чужим именем Паткуль, посвятили Петра в план внезапного захвата Риги и сообщили

[1] П. и Б., т. I, № 296. Докладные статьи Ф. А. Головина, посланные Петру в Воронеж 25 февраля: «Лист, которой, запечатав, вручил я при твоем, милостивого государя, отъезде гетману, чтоб к Емельяну послать с нарочным посыльщиком по указу».

[2] П. и Б., т. I, стр. 792—796.

[3] П. и Б., т. I, № 296. Докладные статьи, посланные Ф. А. Головиным Петру в Воронеж. Эти докладные статьи, не датированные издателями Писем и бумаг Петра Великого, Устрялов (История, т. III, стр. 450—453) совершенно правильно отнес к 25 февраля 1700 г. На эту дату указывают заключительные строки статей: «*Сего числа февраля в 25 день* часу в третьем загорелось» и т. д. Это тем вероятнее, что 25-го отходила из Москвы почта, и Петру писали в этот день Л. К. Нарышкин, Т. Н. Стрешнев и др.

ему, что в Риге среди жителей подготовлен заговор с целью сдать город и что саксонские войска числом до 7 000, сосредоточенные в пограничных с Лифляндией местностях всего в 10 милях от Риги, незаметно перейдут границу, приблизятся к Риге и захватят ее врасплох в самый праздник рождества христова. Не теряя времени, 27 ноября, вскоре же по заключении договора, Карлович отправился из Москвы к саксонским войскам, чтобы привести этот план в действие. «Он мне сообщил под большим секретом, — доносил в Копенгаген Гейнс, — что он надеется вернуться сюда через 6—8 недель после удара, который замышляют на Ригу. Ваше величество можете ожидать о том известий через 12—15 дней после рождества. Если этот удар не удастся, это будет большим несчастием для будущего, но меня уверяют, что все заранее хорошо слажено и надо ожидать исхода» [1].

XXXVII. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОЮЗНИКОВ

Гейнс обещал датскому королю сообщить о предприятии против Риги на 12-й—15-й день после рождества. Петр ждал вестей к 1 января и, будучи в этот день, как мы видели выше, у Гейнса на пирушке, говорил ему на ухо, что пора уже ожидать вестей из Риги [2]. Однако предприятие было вовсе не так хорошо слажено и так надежно подготовлено, как в этом уверяли Гейнса; во всяком случае оно не состоялось. Сосредоточение саксонских войск в Литве и Курляндии на лифляндской границе прошло вполне благополучно, не возбудив никаких подозрений в Риге, которые оно должно было бы возбудить. Передвижение войск не обратило на себя внимания и шведского посланника, находившегося в Варшаве, который с такой же непрозорливостью, с какой действовали шведские дипломаты в Москве, доносил в Стокгольм о непоколебимой дружбе Августа II к шведам, а передвижение войск объяснял тем, что они идут строить крепостные сооружения в Полангене. Введенный в заблуждение его депешами, Карл XII писал о том, что он после столь многих испытаний не может сомневаться в дружественном расположении Августа [3].

Генералу Карловичу, проезжавшему из Москвы в саксонский лагерь как раз через Ригу с намерением высмотреть состояние крепости, был оказан генерал-губернатором Дальбергом самый любезный прием без всяких предосторожностей. Но, прибыв в лагерь, Карлович не нашел там главнокомандующего саксонскими войсками, любимца Августа II, генерала Флемминга. Оказалось, что он уехал в Саксонию жениться на знатной

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 339).
[2] Там же, стр. 342.
[3] *Carlson,* Geschichte Schwedens, VI, S. 95.

Рис. 43. Генерал Флемминг.
Гравюра начала XVIII века.

польке из дома Сапеги, в которую был до такой степени влюблен, что бросил войска и задуманные военные действия в самый неподходящий критический момент. Любовь к женщинам была тогда при польско-саксонском дворе Августа II главным делом, перед которым государственные дела как у короля, так и у его первого советника должны были отступать на второй план. Команду над войсками Флемминг сдал некоему генералу Пайкулю, не посвятив его, однако, в задуманный план. Как ни старался Карлович убедить отговаривающегося незнанием Пайкуля начать действия в условленный срок, его убеждения остались тщетны. Между тем время было упущено, и Дальберг, получив известия о замысле Августа II, принял меры к обороне Риги.

Посланный Карловичем в Москву саксонский капитан Кенигсек прибыл туда 24 января, еще до отъезда Петра в Воронеж, с вестями, которые должны были очень разочаровать царя в его ожиданиях. Потом, уже по отъезде Петра, Ф. А. Головин, получивший подробные сведения из пограничных местностей, писал царю 25 февраля, что «во всех письмах пишут от Свейского рубежа, что в Риге есть великая осторожность от польских войск и наипаче от саксонских (т. е. уже приняты оборонительные меры), о чем писал ко мне изо Пскова Иван Головин, что посылал он нарочно, ради проведывания, в Ригу. Ах, нерасторопное к лутчему и без разсуждения Венусово веселие», — заканчивает сообщение Головин, разумея под Венусовым веселием любовное приключение Флемминга, повлекшее

легкомысленные поступки и потерю времени — «иже легкомыслительством неоцененное ко многих пользе время потеряли». И Петр и его ближайшее молодое окружение в Воронеже, также воинственно настроенное и желавшее скорее начать войну со Швецией, были опечалены неудачей задуманного предприятия против Риги, и это видно из ответа Петра на приведенное сообщение Головина: «Писма ваши на почьте я принялъ, которая пришъла в четвертой день, то есть въ съреду въ вечеру. Правъда, зело вѣсътовата (т. е. обильна вестями) і надлежала бы съкорого отвѣта: толко была въ тотъ день Василья[1], і мы сидѣли у іменинника; а се, коі были ізъ насъ въ Риге, съ печали натселись, а паче Ѳилат, і оттого на заѳътрея не могъ ничево дѣлать. Жаль, жаль, да нечемъ пособить»[2].

О времяпрепровождении королевского двора в Саксонии, в Лейпциге, а потом в Дрездене в такой, казалось бы, критический момент доносил в Москву русский резидент в Варшаве Любим Судейкин вместе с прежним резидентом Алексеем Никитиным (находившимся при дворе), которого он осенью 1699 г. сменил. Оба резидента ожидали аудиенции: Судейкин — приемной, Никитин — прощальной. В Лейпциге 18 января 1700 г. после аудиенции у короля Судейкин узнал о прибытии Карловича и ездил к нему для свидания. Свидание это подробно описано Судейкиным. «И как он, посланник, к нему приехал и он, Карлович, встретил его, посланника, в сенях у лестницы и, витався, вошли в палату и, сев по местам, в разговорех посланник спросил у него, Карловича, давно ль он с Москвы и на которые места ехал и какие ведомости здесь он у себя имеет о послех московских, которые ныне обретаются у турского салтана, чтоб он по верной своей к царскому величеству услуге, видя к себе его царского величества милость, ему, посланнику, объявил безскрытно». Карлович сообщил Судейкину: «С Москвы де в дороге до Липска (Лейпцига) ехал он шесть недель, а ехал на Великий Новгород, на Псков да на Ригу. А о послех де московских, обретающихся в Цареграде у турского салтана, слышал он на Москве, что приняты они с великою честью, а, приехав в Липской, слышал он, что еще о миру у них не состоялось, и обносится, что будто задержаны. А конечно ль то так и что у них в том есть какое препятие, о том де он подлинно не слыхал». Карлович сообщил далее, что королевский духовник писал к римскому папе с просьбой

---

[1] Почта, отправленная из Москвы 25 февраля, пришла в Воронеж 28 февраля в среду, 28 февраля по православному календарю — память св. Василия Исповедника.

[2] П. и Б., т. I, № 296 и 297. Филат Шанский — волонтер, ездивший в 1697 г. за границу в десятке Петра.

повлиять на цесаря, чтобы цесарские послы в Константинополе оказывали содействие московским послам, а затем перешел опять к московским делам: «на Москве де и в городех набирают конницы 30 000, пехоты 70 000, итого 100 000 человек, и есть де о том клич да и письма де прибиты на столбах. А где тому войску итить, того он не ведает. А он де, Карлович, послан с Москвы к королевскому величеству для некоторых нужных дел и поедет де он к Москве из Липска, с сего числа побудет в Липску дня три или четыре. А за королевским величеством в Дрезден он не поедет для того, чтобы ему поспешить и приехать к Москве в нынешнем предыдущим (т. е. предстоящим) великим постом». В заключение разговора Карлович выразил надежду, что как Судейкин, так и бывший резидент будут на королевской охоте (полеванье) в пяти милях от Лейпцига.

Резиденты, действительно, получили приглашение на полеванье в местечке Кондицы. 20 января они туда выехали, прибыли в третьем часу ночи и были поставлены на постоялом дворе. Сопровождавший их комиссар, побывав в замке, возвестил, что «королевское величество из Липска приехал в Кондицы рано и был уже на лове, где уготовано быть полеванью, а утре де его королевское величество будет полевать в немалой осистенции и чтоб ему, посланнику, то видеть и ехать на то полеванье о 12-й године. И генваря в 21 день посланник с вышепомянутым прежним посланником были за королевским величеством на лову, где было полеванье от местечка Кондиц верстах в трех, и быв на том полеванье, ввечеру приехали по прежнему в то ж местечко». 22 января король, а за ним и резиденты выехали в Дрезден. О препровождении времени в Дрездене Судейкин доносил в Москву от 4 февраля: «Королевское величество еще в Дрезне, забавляется в день полеваньем, а в ночах опорами и камедиями, а о поезде его из Дрезна в Польшу говорят, что поедет вскоре, а подлинно о том намерения его королевского величества как конечно поедет, никто ведать не может». Наступивший великий пост не помешал увеселениям, и реляция Судейкина от 27 февраля полна описанием опер и комедий в Дрездене, «о которых камедиях ездили чрез всю ночь». Несколько дней продолжались маскарады «богатым строем и зело изрядно прибраны» с танцами и ужинами, причем «заседали за столом по росписи, чтоб дамы иных дам не переседали... Королевское величество в балгавзе чрез весь день розными играми забавлялся. А выезду его до Польши по многим обещаниям не ведомо» [1].

При таком образе жизни, мог ли король руководить военными действиями против Риги?

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 60—65, 90—91.

Рис. 44. Рига.
Гравюра конца XVII века.

Флемминг вернулся к войскам только к февралю месяцу 1700 г. Был вновь составлен план внезапного захвата Риги; она должна была быть взята в ночь с 11 на 12 февраля. 11 февраля в городе перевыбирались на следующий год городские власти; выборы сопровождались обыкновенно пиршеством, и в ночь после пира, когда рижане будут усыплены, саксонцы рассчитывали овладеть Ригой. Войска должны были подойти к городу незаметно, но сбились с дороги и наткнулись на шведский кавалерийский форпост из 18 лошадей. Форпост был захвачен в плен, но все же в Ригу дана была весть, и от мысли взять город врасплох пришлось отказаться [1]. 12/23 февраля было захвачено небольшое укрепление Кобершанц на левом берегу Двины под Ригой. «Это случилось так удачно, — писал Петру находившийся при войсках Карлович, — что мы в течение одного часа овладели укреплением и захватили там в плен 50 человек с командовавшим майором, а также 19 пушек с зарядами и съестные припасы» [2].

О движении саксонских войск к Риге и о начале военных действий под Ригой шла в Москву, а оттуда в Воронеж, довольно подробная информация от псковского воеводы окольничего И. И. Головина, пристально следившего за ходом дел в соседней Лифляндии. Для получения известий посылались из Пскова специальные разведчики из служилых и посадских людей, допрашивались прибывавшие во Псков выходцы из-за рубежа, читались перехваченные письма, наконец, давали показания по возвращении во Псков русские торговые люди, ездившие за рубеж в Ригу и Митаву по торговым делам. Во всех этих показаниях много преувеличений и неточностей; но зато это живые бесхитростные рассказы очевидцев, передававших то, что проходило непосредственно перед их собственными глазами и что так или иначе их самих касалось. Вот, например, данное в воеводской избе показание торговых людей, бывших в Риге, о тревоге в городе перед самым началом военных действий, перед захватом саксонцами Кобершанца: «Были де они в Риге для своих торговых промыслов и стояли за городом на гостине дворе. И февраля де в 11-й день в 3-м часу ночи учинился в Риге всполох и стреляли из вестовых пушек трижды. И того де гостина двора дворник иноземец Юрья Петров ходил с того гостина двора в город Ригу про тот всполох проведывать и, пришед из Риги, возил пожитки свои в город. И они де... спрашивали у него, для чего де те пожитки свои возит в город, а им де... с товары своими куда сбиратца.

---

[1] *Carlson,* Geschichte Schwedens, VI, S. 97.

[2] Письмо Карловича между 12/23 февраля и 1/12 марта 1700 г. *Устрялов,* История, т. III, стр. 533—534. О взятии Кобершанца см. записку, приложенную к донесению Флемминга Петру; Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 13, л. 5—7.

И он де, Юрья, велел им убиратца, куда они знают, а если де от осадного времени будет им, рижаном, теснота, и они де посады свои выжгут и самим де им будет детца негде и их... не пропустят. А в то де время ходил он, Юрья, убрався в военное ружье». Началом военных действий вызвано было бегство крестьян из Лифляндии. «Февраля в 21 день псковских стрельцов капитан Тимофей Шестаков да псковитин посадской торговой человек Ивашко Моисеев сказали: как де они, Тимофей и Ивашко, посыланы для проведыванья зарубежских вестей, и едучи де к Риге, стречались с ними рижского уезду пашенных крестьян многое число, бегут от Риги в свейские городы, в Колывань и в Юрьев, и во Псковский уезд под Печерской монастырь. И говорили де им те крестьяне, что город Рига заперт и их, крестьян, никого в тот город не пущают для того, что от польских людей осажен и свейской де пригород Куканаус и рижские шанцы, которые на реке на Двине, те военные люди взяли и в том де пригородке и в шанцах засели». — «Марта 2-го числа псковской ямщик Мишка Панинской сказал: посылан де он изо Пскова с подводами за свейской рубеж Галанские земли с жителем с Аврамом Михайловым и ехал де он с ним, Аврамом, от Новгородка к Юрьеву Ливонскому, а не прямою рижскою дорогою для того, что де, едучи дорогою, русские торговые люди, имян их сказать не упомнит, сказывали ему, Мишке, чтоб де они в город Ригу не ехали и в город де их не пустят для того, что де тот город Ригу воинские немецкие люди розных земель осадили и уездные де люди с деревень своих бежат в сторону великого государя, куда ближе».

Вот рассказ посадских торговых людей, побывавших в Риге и Митаве и наблюдавших движение саксонских войск под Ригу и военные приготовления в Риге. «1700 г. марта в 8 ден во Пскове в приказной палате перед ближним окольничим и воеводою перед Иваном Ивановичем Головиным с товарыщи псковитин да печеренин посадские торговые люди Петрушка Тарасьев сын Ременник да Андрюшка Гаврилов сын Абрамов сказали: в нынешнем де 1700-м году в феврале месяце за неделю до сырной недели поехали они, Петрушка и Андрюшка, с товары своими для торговых своих промыслов за свейской рубеж в город Ригу и приехали в тое Ригу на сырной неделе в четверток (8 февраля) и были до сырных заговен (11 февраля). А в те де дни, как они были в Риге, рижские жители около Риги от реки Двины копали рвы и у тое реки в воде возле берега били сваи и хотели к тем сваям делать вал, осыпать навозом, а на реке де Двине против города лед окололи. И они де, Петрушка и Андрюшка, ходили того рву и свай смотрить, и начальные де люди, которые приставлены были к тому делу, их смотрить не пускали и бранили, и хотели бить и говорили им, чтоб они того дела не смотрили, и отосла-

ли их прочь. И после де того в сырные заговена поехали они, Петрушка и Андрюшка, из Риги в Курлянскую землю в город Митаву и, отъехав от Риги верст с пятнадцать, наехали они на дороге в деревне стоит свейской рижской караул на дворех, а сколько человек, того они не ведают. И ис тех де караульных людей вышли к ним пять человек и учали их спрашиват, откуду они и куда едут, и которого государства они люди. И они де, Петрушка и Андрюшка, сказали тем караульным, что де они люди руские, а едут для торговых своих промыслов в Нитаву. И те де караульщики их, Петрушку и Андрюшку, отпустили. И как де они отъехали от того караулу с полверсты и с ними де встретились подвод с пятьдесят едут к Риге, а везут лестницы и щиты, и брусье деревяное, окованые железом. А какие они люди, того они не ведают. А от того де места стретились с ними конницы человек со сто... И те де люди учали их спрашивать, что делаетца в Риге и слышно ль де про нас, воинских людей, и караул у них, рижен, где есть ли. И они де, Петрушка и Андрюшка, им сказали, что де в Риге про воинских людей не слышно, а караул де рижской стоит от них, воинских людей, не в дальнем месте. И тот караул им указали. И они де спросили, сколько на том карауле людей. И они де, Петрушка и Андрюшка, им сказали: сколько на том карауле людей, того они не ведают, а к ним де с того караулу выходили пять человек. И те де военные люди, услышав от них те слова, поехали к тому караулу на спех. А они де, Петрушка и Андрюшка, поехали к Нитаве. И дорогою де, едучи, стречались с ними ратных конных людей многое число, едут к Риге.

И как де они, Петрушка и Андрюшка, приехали к Нитаве под город и под тем де городом противо вышнего города по реке, что словет Великая, стретили они, идут к Риге ратных пеших людей многое число. И к тем де ратным людем ис того города Нитавы выехал курлянской князь и говорил их начальным людем, чтоб они с теми ратными людьми чрез тот город не шли и в городе бы и в посадех не стояли, а шли бы прямо к Риге. И взяв тот князь их начального одного человека к себе в сани и ездил с ним около тех полков. А те де ратные люди шли, убрався строем, и, не заходя в тот город и в посады, пошли к Риге того ж числа в понедельник на первой неделе великого поста (12 февраля). А тот де князь с тем начальным человеком поехали в город, и был тот начальный человек у того князя в гостях. А у тех де ратных людей спрашивали они, Петрушка и Андрюшка, многое ли число их идет к Риге, и ис тех де ратных людей начальные люди, которые умеют польского языка, сказывали им, что де их, ратных пеших людей, идет к Риге восмнадцать тысяч, а которого они государства, про то они у них не спрашивали. И на завтрее де того дни во вторник из Нитавы поехал он, Андрюшка, один в Ригу для взятья това-

ров своих, которые оставлены у них под Ригою в посаде на гостине дворе. И отъехав де от Нитавы до вышепомянутого рижского караулу, которой от Риги в пятнадцати верстах, и в том месте увидел: лежат на дороге застрелено иноземцов четыре человека. И убояся того он, Андрюшка, не ездя к Риге, поехал назад в Нитаву и приехал того ж дня.

И после де того в среду (14 февраля) товарыщ его, Петрушка, послал его, Андрюшку, для взятья товаров попрежнему из Нитавы в Ригу. И он де, Андрюшка, как приехал к Риге, и с Нитавской де стороны у Двины в посаде стоят вышепомянутые ратные люди, которых они стречали на дороге и в Нитаве. И он де, Андрюшка, приехав в тот же посад, лошадь свою поставил во дворе, а в том де дворе стояли и те ратные люди и спрашивали у него, что он за человек и куда едет. И он де, Андрюшка, сказывался им: руской де человек, а приехал де из Нитавы в Ригу для взятья товаров своих; и они де задержания никакого ему не чинили. И он де, Андрюшка, оставя в том дворе лошадь свою, пошел за Двину реку к Риге в посад на гостин двор, где товары их оставлены. И как де к тому двору пришел, и в то де время посад и гостин двор горит, а зажгли де тот посад риженя. И он де, Андрюшка, увидев то, что тот посад и гостин двор горит, пошел назад за Двину в посад к тем ратным людям для взятья лошади своей. И как де он был в том посаде и в то де время видел он, Андрюшка, что те ратные люди ходят в шанцах, которые под тою Ригою, и говорили ему те ратные люди, что де они те шанцы и свейских людей, которые в тех шанцах сидели, взяли в полон. И он де, Андрюшка, взяв тое свою лошадь, поехал в Нитаву. И едучи дорогою до Нитавы, тех ратных людей конных и пеших стречал многих, едут к Риге ж. И приехав де в Нитаву, жили они, Петрушка и Андрюшка, в Нитаве недели с две. И в то время видели они: шло тех же войск мимо Нитавы к Риге конных и пеших многое число, а иные идут с женами и с детьми. А нитавские жители, немцы ж, называли тех ратных людей, что они саксонцы.

И живучи де они, Петрушка и Андрюшка, в Нитаве, слышали от Риги многую пушечную стрельбу. И от Риги де в тое Нитаву приезжали многие те ратные люди в тех дву неделях для покупки себе харчевых припасов и говорили в Нитаве многим людем, что де была из Риги от рижан ис пушек по них, ратных людех, многая стрельба и хотели де риженя тою стрельбою выжечь посады, в которых они, ратные люди, стоят. А только де их, ратных людей, никого не убили и посадов не выжгли, а сожгли де всего хоромины две или три, а сколько подлинно, про то не сказали. Да они ж де, ратные люди, сказывали, что де они из своих полков стреляли по Риге, пущали гранаты и теми де гранатами разбили в Риге три палаты, да из одной пищали стрелили по генеральским палатам в верхней город и

тем де ядром стрелили в палату его в окно и в той палате стол тем ядром разбило, а его де, генерала, не убили. Да они же де, ратные люди, сказывали им, что де риженя город Ригу хотят сдать, только де у них стоит за одним генералом, что он держит... И из Нитавы де они, Петрушка и Андрюшка, да с ними же пристал из Нитавы печеренин посадцкой человек Ильюшка Михайлов, поехали в нынешнем великом посту на третьей неделе в среду Курлянскою и Польскою землями, объезжая Свейскую землю, ко Пскову... А опричь де тех вышеписанных вестей ни от кого иных никаких вестей не слыхали. А рижского де уезду жители живут в домех своих для того, что от тех воинских людей утеснения им никакого нет, а только дают им, ратным людем, кормы своею волею, а не за принуждением. А мызники из мыз своих все выбежали в розные места»[1].

XXXVIII. ПЕРЕГОВОРЫ С КАРЛОВИЧЕМ И ГЕЙНСОМ В ВОРОНЕЖЕ

Подступ саксонских войск под Ригу и взятие Кобершанца, о котором так хвастливо писал Петру Карлович и о котором с такой простотой рассказывали псковскому воеводе посадские торговые люди, может быть, и были успехами, но ничтожными сравнительно с предполагавшимся взятием Риги. По крайней мере вести об этих успехах не обрадовали Петра. 13 апреля в Воронеже царь высказывал жалобы на саксонцев датскому послу Гейнсу, с которым он встретился в этот день на обеде у Ф. М. Апраксина. После обеда, отведя посла в отдельную комнату, он сказал, что его беспокоит отсутствие известий из Риги и что все предприятие кажется ему очень плохо слаженным (fort mal concertée). «Царь сказал более, — пишет Гейнс, — он осуждает польского короля и его меры и спросил меня, можно ли одобрить его поведение, когда вместо того, чтобы лично присутствовать при предприятии такой важности, польский король остается в Саксонии, чтобы развлекаться с дамами и предаваться там удовольствиям. Я из почтительного респекта мог отвечать только выражением лица, выказывавшим желание, чтобы это было иначе, но царь продолжал мне говорить, что он не знает, как быть с договором с польским королем. Он, кажется, боится и даже говорил об этом прямо, что после того, как польский король овладеет Ригой, если это удастся, как бы этот король не заключил сепаратного мира и не оставил своих союзников, впутав их в войну. Я ответил, что Ливония, кажется, стоит труда и, чтобы успеть в этом, необхо-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 1, л. 1—3, 26—43.

димо содействие царя. Он согласился, но заявил, что, прежде чем он не будет вполне уверен относительно мира с турком, он не может разорвать по-настоящему со Швецией. Его царское величество привел примеры своих предков, когда они вели войну зараз на две стороны; но царь надеется до конца этого месяца иметь хорошие и надежные известия из Константинополя... затем опять с выражением досады его царское величество заявил мне, что генерал Карлович очень много здесь наговорил, но что, кажется, от всего этого не будет последствий, которые были обещаны, что он, впрочем, лично его уважает, но что в этом деле нет достаточной силы. Я смягчал дело, насколько мог, сваливая причину на то, что, может быть, нельзя было примирить намерения короля с намерениями республики и что на это нужно немного времени; достаточно уже и того, что разрыв, действительно, совершился и что в будущем дело пойдет лучше. Царь ответил, что он этого желает, и кончил в сильных выражениях о том, что не следовало заключать договоров и подымать (alarmer) союзников, не исполняя дела, как следует (avec rigueur)» [1].

На другой день после этого разговора, показывающего чувство досады Петра против союзника, 14 апреля в Воронеж прибыл из Москвы капитан Кенигсек, который привез с собой другого саксонского капитана, участвовавшего в деле под Ригою в середине марта [2], окончившемся взятием Динаминде, небольшой крепостцы, расположенной в устье Двины и запирающей вход в Двину с моря. Весть об этом деле была получена в Воронеже еще до приезда Кенигсека. Еще 11 апреля Петр в ответе Виниусу пишет: «Min Her. Писмо твое, сего мѣсеца въ 5 д. писанное, я принялъ, і зело требуемъ подлинной вѣдомости о Риге і о възятиі шанца Динаментъ, подлинно ль?» [3] Прибытие участника и очевидца события должно было рассеять сомнения Петра. 18 апреля пришло письмо от самого Августа II с подтверждением этих известий [4]. Динаминде, действительно, был взят отрядом в 2 000 человек под начальством генерала Карловича, который лично повел войска на штурм и был убит. Шведы оказали сначала упорное сопротивление штурму саксонцев, но затем ввиду перевеса саксонских сил комендант Будберг сдал крепость. Генерал Флемминг по указу короля доносил Петру о взятии Динаминде письмом от 2 апреля нового стиля, к которому были приложены чертеж крепости и реляция о действиях саксонцев. По его заявлению Динаминде

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 351—352).

[2] 15 марта. В письме Флемминга от 2 апреля: «Я тому ныне с восемь дней (т. е. 26/15 марта) под владетельство его королевского величества привел», Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 13.

[3] П. и Б., т. I, № 306.

[4] Там же, № 320.

с полным правом должно считать между сильнейшими крепостями во всей Европе. В ней было взято более 160 пушек, 800 центнеров пороху, запасные магазины с бомбами, гранатами и иными военными припасами. Взятием Динаминде нанесен большой урон Риге, которая может считаться уже потерянной. Выручка ей может притти только с суши; но король надеется, что царь загородит путь шведам через Ижерскую и Карельскую земли, или начав там военные действия, или расположив свои войска по границе. В приложенной к письму реляции подробно описывается штурм Динаминде и также проводится мысль, что эта крепость ключ от Риги. Отмечается как доброе предзнаменование, что пушечным ядром был сбит висевший над воротами герб короля шведского, а находящаяся над ним корона осталась неповрежденной, так что под нее можно поместить другой герб [1]. Позже один польский офицер, участвовавший в деле и потерявший пальцы правой руки, оторванные гранатой, адъютант Жубович, рассказывал московскому резиденту в Варшаве Любиму Судейкину, что Динаминде был взят «фиглями», т. е. обманом. После неудачного штурма комендант прислал в саксонский лагерь поручика для переговоров о похоронах убитых при штурме. Флемминг приказал передвигать части своего войска с места на место, причем бить в барабаны и литавры и трубить в трубы, как будто в лагерь пришли новые войска. Во время переговоров с поручиком ему подали письмо, прочитав которое он воскликнул: «Хвала пану богу, пишет мне король, что присылает еще 20 000 войска». «Фигли» удались, и комендант, устрашившись прихода подкреплений к саксонцам, сдал крепость [2]. Как бы то ни было, Динаминде был сдан саксонцам и в честь Августа II был переименован в Августенбург. По свидетельству Гейнса, Петр был очень обрадован вестями, говорил, что «теперь и взятие Риги не представит более затруднений» [3]. Однако эта радость умалялась вестью о смерти Карловича. «Зело намъ не безъ печали было, когда мы услышали о смерти господина Корловича; аднако то съ радостию разсудили, чьто оныі законно положилъ душу съвою за васъ», — читаем в проекте письма Петра к Августу II в ответ на его сообщение о победе [4].

С представителем другого своего союзника, датским послом, Петр все время поддерживает самые дружественные отношения. Гейнс получил приглашение прибыть в Воронеж на торжество спуска «Предестинации». Перед отъездом из Москвы он 6 марта был «на разговоре» у Ф. А. Головина и говорил, как доносил царю Головин в письме от 7 марта, «что, конечно,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 13.
[2] Там же, № 5, л. 435—437.
[3] *Форстен,* ук. соч. (Ж. М. Н. П., 1904, кн. XII, стр. 353).
[4] П. и Б., т. I, № 321.

он надеется начинанию быть между датскими и свейскими войски в нынешнем времени»[1]. Он приехал в Воронеж с неоправившеюся от болезни женою 22 марта, испытав большие затруднения в пути от плохих дорог в весеннее время и от неустроенных станций, и был принят царем с изъявлениями ласки и расположения. Петр поздравил его с известием о начале военных действий в Ливонии, высказал надежду на скорое получение хороших известий из Константинополя, которые дадут возможность выступить активно против шведов, и при этом сострил, сказав, что в эту зиму он произвел слишком много детей, чтобы оставить их без кормилицы. Под многочисленными детьми он подразумевал 50 000 набранных в эту зиму рекрут, а под кормилицей войну, которая питает солдат. С удовольствием Петр выслушал сообщение Гейнса о союзе, заключенном его королем с королем польским, и заметил при этом, что и ему нетрудно будет присоединиться к этому союзу, потому что союз с польским королем есть только следствие его союза с Данией[2]. Вероятно, как и в прошлом году, царь постоянно в Воронеже встречался с Гейнсом; но несколько раз он вел с ним продолжительные и обстоятельные беседы, о которых Гейнс подробно сообщал в Копенгаген. Такова была приведенная нами выше встреча на обеде у Ф. М. Апраксина 13 апреля. И самое содержание разговора: та откровенность, с которой Петр делился с посланником владевшими им чувствами досады на польского короля и тревоги за исход рижского предприятия, и самая обстановка разговора, когда царь увел посланника из-за стола в отдельную комнату и беседовал с ним с глазу на глаз, свидетельствуют о расположении царя и к Гейнсу и к тому, кого он представлял. Гейнс, описав этот разговор, рассказывает, что, когда царь, окончив беседу, вышел к собравшимся и сел опять за стол, на лицах бояр было изумление, так как раньше никогда цари не разговаривали с иностранными министрами наедине без бояр[3]. Следующая обширная беседа происходила 23 апреля у Ф. А. Головина, после того как в этот день была получена в Воронеже почта. Присутствовали Ф. А. Головин и тайный переводчик Шафиров. Царь высказал надежду на скорое заключение мира с Турцией. Дело лишь в нескольких днях. Судя по последней реляции из Константинополя, русский посланник там надеется на окончательное решение в скором времени; есть виды на склонность к миру в Турции; он, посланник, не может сразу перейти от одной крайности к другой, т. е. от крайней твердости к уступкам, сделает это мягко и, не возбуждая подозрительности

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 802.
[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 349).
[3] Там же, стр. 351—352.

в турках, отступит от своих первоначальных претензий соответственно новым приказаниям царя, и тогда все пойдет отлично. В дальнейшем разговоре Петр высказал опасение относительно позиций, занятых Голландией и Англией; по полученным им из Голландии письмам — надо полагать от А. А. Матвеева — обе эти державы собираются в предстоящей войне держать сторону Швеции. Но голландцы скоро раскаются, так как в случае войны Балтийское море будет для них заперто и они лишатся средств к существованию. Гейнс прибавил, что от царя зависит запереть им в этом случае также Архангельск, на что царь, улыбаясь, воскликнул: «А, это верно!» и вновь выразил пожелание получить скорее хорошие вести из Константинополя, тогда найдутся средства устранить все затруднения. Касаясь позиции, занятой Голландией и Англией, царь говорил, что было бы хорошо, если бы на нашу сторону стали Франция и император. Вслед затем к Головину вошел вице-адмирал Крюйс и сообщил известие из только что полученной амстердамской газеты, что Голландия готовит 20 кораблей в помощь Швеции. Крюйс заметил при этом, что датский король мог бы легко помешать проникновению голландцев в Балтийское море, атаковать голландскую эскадру, а затем наложить арест на голландские торговые корабли и товары в Дании и в Норвегии. Голландцы испугаются, и это прекратит их расположение к Швеции. Если с голландцами действовать нерешительно, они не перестанут поддерживать шведов; только решительными мерами можно заставить Голландию сохранить нейтралитет. Царь согласился с мнением Крюйса [1].

Как уже не раз приходилось указывать выше, Гейнс очень хлопотал о строгом соблюдении всех формальностей в деле заключения союза, и, тогда как Петр считал достаточным данного слова, он усиленно настаивал на написании соответствующих актов. И теперь, в Воронеже, он очень просил Петра о составлении так называемого «контр-акта», т. е. ответного акта, на полученную в Москве ратификацию союзного договора короля Фридриха IV [2]. «Царь сказал мне, — пишет по этому поводу Гейнс, — что он хорошо обдумал это дело, но что он не видит, какая польза будет в этом акте. Союз, заключенный с вашим величеством, содержит все необходимое, а союз с польским королем — следствие союза с Данией. Само собой разумеется и из трактата следует, что надо добросовестно вести войну с шведской короной и, как возможно, благоприятствовать друг другу. После мира с турком не будет вопроса о тысяче-другой войска и о других обстоятельствах, содержащихся в трактате, но он, царь, поможет вашему величеству в

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 353—355).
[2] См. выше, главы IV—VI.

случае надобности всеми своими силами, как это и сказано в договоре. В свое время можно будет заключить договор о гарантии, о чем говорится в 9-й статье трактата с польским королем, и тогда он, царь, договорится обо всем с вашим величеством согласно с общим интересом. Но чтобы выразить готовность итти навстречу во всем, что желает король, он даст приказание, и он тут же и отдал его в моем присутствии своему первому министру Головину изготовить контр-акт, чтобы удовлетворить желаниям вашего величества». Головин, однако, не торопился с изготовлением контр-акта, и Гейнс был принужден напоминать ему об этом деле, ссылаясь на инструкцию короля, в которой содержалось точное требование такого акта. Королю необходимо иметь твердую уверенность в действительном участии царя в войне. Головин спорил, говорил, что контр-акт не внесет никакой уверенности; все зависит от мира с турком. Со стороны царя все, что возможно, сделано для содействия общему делу в ожидании мира с Турцией: посланы неоднократные приказания в Новгород и Псков, чтобы подготовить эти города к будущей войне. Открыто разорвать со Швецией теперь же нельзя, как бы это ни было желательно. Но на следующий же день после известия о мире с турками царь двинет все свои войска туда и вступит в пределы Швеции. Для удостоверения в своей верности (de sa bonne foy) царь собственноручно подписал трактаты, чего раньше никогда не практиковалось. Все же, однако, получив приказание изготовить контр-акт, он его изготовил. При этом он показал проект контр-акта Гейнсу, который сделал в нем несколько небольших поправок. Контр-акт был собственноручно подписан и собственноручно припечатан Петром 30 апреля, как указано в его тексте, «в нашем адмиралтейском дворе на Воронеже». Гейнс, получая его, передал Петру акт ратификации Фридриха IV. Фридрих в этой своей ратификации от 13 января 1700 г. упоминал о вступлении его в союз с Августом II. Петр в контр-акте подтверждает свое согласие на этот союз, заявляя о своем «намерении против короны Свейской». Вопрос был улажен; союз с Данией нашел себе окончательное формальное подтверждение. 16 мая Гейнс вернулся в Москву[1].

---

[1] П. и Б., т. I, № 310. Ср. статью автора «Русско-датский союз 1699—1700 гг.» (Ученые труды Института истории РАНИОН, т. V, М. 1929 г.); *Форстен*, ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 355—358). Договор между Данией и Августом II о наступательном союзе против Швеции, подписанный в Дрездене гр. Флеммингом и гр. Ревентловым 25 сентября 1699 г.: Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1699 г., № 5; *Carlson*, Geschichte Schwedens, VI, S. 79.

XXXIX. ПОПЫТКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ТРОЙСТВЕННОМУ СОЮЗУ КУРФЮРСТА БРАНДЕНБУРГСКОГО. ПРЕБЫВАНИЕ В БЕРЛИНЕ А. А. МАТВЕЕВА. ОТПРАВЛЕНИЕ В БЕРЛИН КАПИТАНА МЕЕРА

Уже при самом возникновении тройственного союза против Швеции, еще до заключения союзных трактатов, появилась одновременно и в Варшаве, и в Дании, и в Москве мысль о превращении тройственного союза в четверной посредством привлечения к нему курфюрста бранденбургского, также соседа Швеции по ее территориям в Германии и поэтому весьма заинтересованного в шведских делах. Весной 1699 г. в своем втором мемориале, поданном Августу II 7 апреля, Паткуль проводит идею о необходимости прежде всего обеспечить со стороны курфюрста бранденбургского нейтралитет, без чего нельзя надеяться на успех предприятия против Швеции, а затем постепенно склонять его к мысли о союзе [1]. Этот проект Паткуля 6 июля 1699 г. был принят Тайным советом, которому под председательством Флемминга Август II поручил рассмотреть мемориалы Паткуля, и в постановлениях совета есть пункт о том, что чрезвычайно выгодно было бы вовлечь в союз курфюрста бранденбургского. Была определена и награда курфюрсту в случае вступления его в союз: часть шведской Померании [2]. В Дании также хорошо сознавали выгоды от присоединения курфюрста к союзу. В 12-й статье договора о наступательном союзе против Швеции, заключенном между Данией и Августом II 25 сентября 1699 г. в Дрездене, говорилось, что «особливо будет от короны датской о том мышленно, чтоб Бранденбург ради равенственной пользы купно в сей союз привесть» [3]. Царь питал мысль о союзе еще со времени встречи с курфюрстом в 1697 г. во время заграничного путешествия и неоднократно о необходимости союза высказывался весной 1699 г. в Воронеже во время переговоров, которые вел там в то время с Гейнсом [4]. Разговоры о желательности привлечения курфюрста продолжались потом и в Москве во время переговоров, какие там происходили с Карловичем и с Гейнсом поздней осенью 1699 г., и в договор с Августом II была также включена особая статья 6-я, где говорилось о готовности обеих заключающих договор сторон «о том трудитися, дабы его курфистрскую пресветлость брандебурскою купно в сей союз... привлекать» [5]. Весной 1700 г. в Воронеже царь в беседах с Гейнсом вновь затрагивал эту тему о желательности привлечь курфюрста к союзу, и тот советовал царю отправить для

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 310—311.
[2] Там же, стр. 324.
[3] Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1699 г., № 5, л. 12.
[4] *Форстен;* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 309, 329—330).
[5] П. и Б., т. I, № 282.

этой цели специального посла в Берлин [1]. Мысль о таком специальном посольстве, повидимому, уже зрела у Петра зимой 1700 г.; намечено было и лицо для этой миссии — князь Ю. Ю. Трубецкой. В не раз уже приводившихся выше докладных статьях от 25 февраля, посланных в Воронеж Ф. А. Головиным, последний, сообщая о начале военных действий в Лифляндии, прибавляет: «а приписывают, что бутто курфирст брандебурской с ними ж (т. е. с саксонскими войсками). Дай, боже, чтоб то подлинная ведомость!» Но «ведомость» оказалась не подлинной, ложным слухом. Головин говорит далее о необходимости изменить направление ходившей ранее на Ригу почты на Кёнигсберг и затем спрашивает: «О Трубецком, прислать ли?», на что Петр отвечает: «Естьли вѣдомосьть къ ползе будетъ, посылай; а буде нѣтъ, после здѣсь здѣлаемъ, какъ будешь», т. е. когда Головин приедет в Воронеж [2]. Комнатный стольник князь Ю. Ю. Трубецкой был вызван в Воронеж в числе других лиц, вызванных туда к вербному воскресенью [3].

Курфюрст бранденбургский продолжал выказывать московскому царю явные знаки расположения, видя в нем с своей стороны возможного союзника в будущем против Швеции, а в настоящем дорожа поддержкой его в споре с Польшей. В конце 1699 г. проезжал через Берлин, направляясь в Голландию, назначенный послом при Голландских Штатах окольничий А. А. Матвеев. Стоит привести несколько страниц из его статейного списка, где находится описание пребывания его в столице курфюрста; они содержат яркое описание Берлина в конце XVII в., передают впечатления, вкусы и интересы попавшего в западноевропейский город русского образованного человека, получившего хорошее образование дома и потому интересовавшегося теми сторонами западноевропейской жизни, на которые необразованный человек не обратил бы внимания, и, наконец, свидетельствуют о том из ряду выходящем расположении, которое оказывал курфюрст русскому послу.

Матвеев, как припомним, был назначен послом в Голландию 9 апреля. С ним отправлен был дьяк Посольского приказа Иван Волков, 9 стольников, священник, переводчик Петр Вульф, трое подьячих и лекарь Болдвин Андриус. Из Москвы посольство двинулось 6 августа и ехало не быстро. Началом путешествия Матвеев воспользовался, чтобы побывать в своих подмосковных вотчинах; первый стан имел в селе Спасском на Сетуни в 7 верстах от Москвы, где простоял до 9 августа «для нужного управления к своему пути», т. е. для сборов в дорогу. 9 августа он прибыл в другую свою подмосковную вотчину, в село Рождественское на Клязьме, по Тверской дороге, в 30 верстах от Москвы; там пробыл до 11 августа также «для

---

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 350—353).
[2] П. и Б., т. I, № 296.
[3] См. выше, стр. 344.

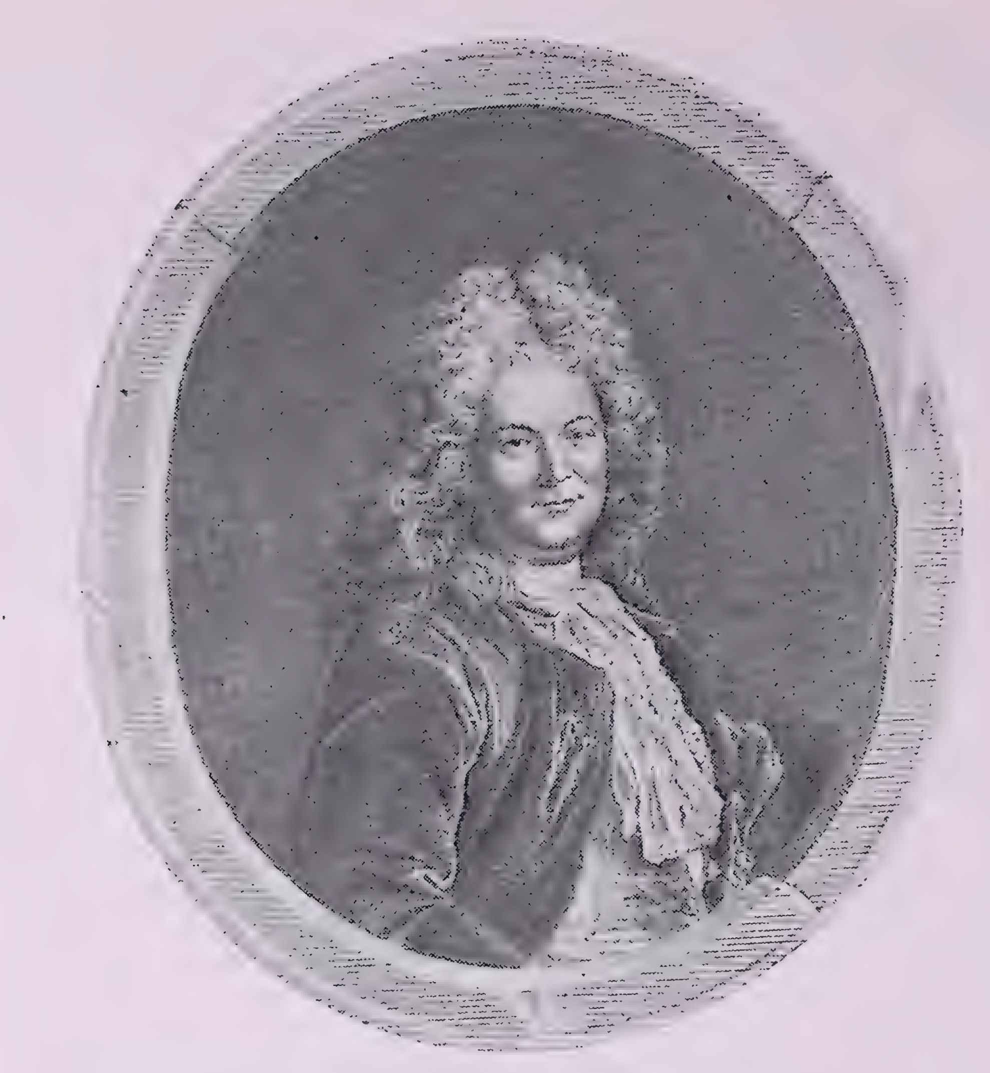


Рис. 45. А. А. Матвеев.
Гравюра Колпакова 1766 г. с современного портрета маслом работы французского живописца Риго.

надлежащего управления в оной же путь свой». Двинувшись, наконец, в дальнейший путь, он только 30 августа был в Новгороде, 11 сентября во Пскове, 29 сентября в Риге, где ему была сделана торжественная встреча. Отправив отсюда свой обоз на корабле, он держал путь через Митаву и Кёнигсберг и прибыл в Берлин 26 ноября.

«В Берлин пришел он, посол, ночью того ж месяца (ноября) в 26 день и поставлен на посольском дворе. Берлин город столица есть, где живет сам он, курфирст бранденбурской, велик жильем. Замок и дом строением своим новым зело пространен, работы итальянской и при нем сад и огород великой, токмо за зимним временем ко усмотрению его тогда был неспособен, но, как сказывают, в оранжерии его помаранцовыми, цытроновыми и иными всякими индейскими деревами и цветами розными наполнен. И домов партикулярных по линеям своею

архитектурою уряден (Берлин) каменное строение ж, паче же, что улицы в нем гораздо пространные перед многими вышеупомянутыми городами», т. е. сравнительно с теми немецкими городами, через которые посольство проезжало. «Округ его вал земляной обведен и рвы глубокие с водою. Замок вышеупомянутой сделан четвероугольно, стоит над самою рекою, зовомою Шпреем. Детей у него, курфирста, сын кромпринц (sic), да дочь принцесса от первой его курфирстовой супруги.

Того ж города на мосту поставлено медное на лошади в воинском уборе подобие славного в воинских же делах отца его курфирста зело изрядного художества».

Перечислив далее курфюрстовых министров и высшие придворные чины, к которым на другой день по приезде был послан для известия о приезде посла переводчик Петр Вульф, а также тех из этих особ, которые приезжали к послу во двор за эту присылку благодарствовать и поздравлять его с приездом, статейный список продолжает: «Потом у курфирста на приезде был он, посол, трижды приватно. В тот приезд его посольской в замке его, курфирстове, его, посла, встречали у крыльца несколько особ из камергеров, а в антикаморе из вышеименованных министров господин фон Фукс и прочих с 5 особ; а у ближней самой курфирстовой каморы его оберкамергер или первой комнатной граф фон Вантемберг (Вартенберг), имеющий при себе ключ золотой, встретя, отворил ему, послу, дверь, где курфирст, из-под балдахина выступя и пришед ко дверяем, с ним, послом, витался и спрашивал про здоровье его царского величества и всего высокодержавнейшего его царского дому с великим и усердным своим желанием и с почтением. При котором (т. е. курфюрсте) только были брат его маркграф Людовик и сын его курпринц и оберкамергер и первой з советников его господин фон Фукс. И поставлен был ему, послу, стул, где он сидел. На то он, посол, его курфирстову пресветлейшеству с подобающею честию ответствовал, что по ведомостям к нему, послу, его высокодержавнейшее царское величество и весь его царской всепресветлейшей дом в благополучном своем здравии был. Того же вечера он, посол, ужинал с ним, курфирстом, и сидел за круглым столом возле него, курфирста, да брат его маркграф и те вышеименованные оба из первых министры и пил про здоровье его царского величества и про весь высокодержавной его дом, стоя, с достойною честию, а потом он, посол, про здоровье его пресветлейшества и всей его пресветлейшей фамилии, стоя ж. А после того он, курфирст, про его, посольское, здоровье взаимно пил, стоя ж, со многою любовию. По ужине той провожали его, посла, церемониймейстеры в королевской корете с пажами и с лакеями и в той же корете, в которой он, посол, на курфирстов привезен был двор, до постоялого его посольского двора. При дворе его, курфирстове, таковые ж равномерные чести особливо и от ее пресвет-

лейшества, курфорштрыни, учинены были в полатах ее и посольской его супруге в вышеупомянутые ее ко двору приезды.

В те же дни он, посол, тем первому и другим его, курфирстовым, министрам свой контравизит отдал и после того в домех у оберкамергера графа фон Вертенберга и у фон Фукса довольными столами на обедах их благоприятно потчиван был и все надлежащие чести при тех столех ему, послу, от вышепомянутых министров учинены были.

Он же, посол, по его, курфирстову, желанию был особливо на его, курфирстове, дворе ради смотрения во всех палатах и каморах его и в прочих изрядных уборных покоях, где сокровища его показано, многие алмазные драгоценные вещи и иные дивных богатств премножества. Библиотека во многих совокуплена особых палатах великая в длину 15, а поперек 8 сажен; в ней устроены многие столярные полки, на которых книги всех языков с нумерами и с подписями, и между ими учинены свободные проходы и, как сказывают, что веков истории древних и нынешних и особых вер прежде бывших и нынешних же оные книги тут обретаются с 40 000, из которых есть и словенского языка многие книги ж, печатные и письменные; есть же книга небольшая немецкого языка печатная, которая разгибается на 4 стороны и со всех сторон читают. Книга же негораздо велика немецкого языка писана из 170 образцов, сказывают, одним некоторым писцем. Из тех полат в особой учреждены в шафах нарочных деньги царя Александра Македонского и римских древних кесарей всех государств и владений прежде бывших и нынешние золотые, серебреные и медные; гораздо любопытные обретаются монеты в ящиках выдвижных, всякая монета в особом местечке с надписью лет и имен государей и государств; всем тем монетам подарены ему, послу, 2 печатные книги в лицах на латинском языке. В одной полате из тех же крушка есть негораздо велика золотая, сделана из всякого самородного каменья, на которых различные фигуры не от художества, но из натуры от себя изобразилися. 2 стакана серебряные, один другого больши, согнуты руками Августа, курфирста Саксонского, который ныне в Польше королем есть, большой правою, другой левою руками. Самого курфирста подобие сделано из воску, седящего в креслах, зело подобно, одето в суконное алаго цвету французское платье и в золотном штофном камзоле со всем надлежащим убором в шпаге, и под рукою его шляпа и так живо, что вшед в полату за ним, послом, переводчик Петр Вульф, увидя то подобие, совершенно возмнил быть самого курфирста, с почтением ему поклонился. А та полата внутри на потолке и по стенам зело изрядно вся убрана китайским лакверком чрезвычайною работою.

Оружейная палата из тех же его, курфирствова, дому великая, и ружье всякое пребогатою рукою вельми чисто и уборно

Рис. 46. Берлин. Памятник курфюрсту на мосту.
Гравюра нач. XIX века.

сделано, где поставлены и бердыши московские, пансыри, доспехи, латы, седла немецкие, польские, русские и турецкие. В большой и зело длинной палате стоят лошади, сделанные из дерева, против живого их подобия, разставлены по обеим сторонам и убраны богатым нарядом, на которых прежде сиживал отец его, курфирст, и прежних курфирстов подобии ж и его в латах и при них верных и храбрых их генералов седящие; убор на тех лошадях весь тот, который прежде имели оные особы и на каких они ездили и на боях бивали. В нижних под теми ж палатах кореты, коляски, сани изрядной работы золоченые и живописные и великим богатством в них и в шорах учрежденные. Из тех нижних полат вверх по круглой гораздо пространной башне такой свободной в каретах и в санях есть проезд, что там седчи, как вверх, так и вниз безо всякой трудности путем учрежденным и безопасности легким мочно ехать.

Картин живописных во всех палатах премногое множество, подобенство бывших и ныне обретающих великих и знатных персон древнего италианского, брабанского и французского и преизрядного славных живописцев художества, высокою ценою купленые, есть же и простые на потеху писаны разными виды. Между ими ж органы небольшие сами о себе различные играют штуки. И во многих его, курфирстовых, палатах серебреные зеркала, столы и высокие шанданные поддоны, паникадила и иные пребогатые обитья, кровати и прочие многоценные и бесчисленные уборы ему, послу, показываны были.

Он же, посол, в королевской карете везен был на пушечные дворы, которые называются по-немецки цейгаузы, и на тех изрядные палаты построены великою архитектурою и в них показываны были медные пушки и мортиры во многом числе, проставлены вельми стройно и чисто по своим местам, и из тех пушек несколько было медных вновь вылитых под гербами и под именем его, курфирстовым, чрезмерной величины, токмо для красоты и чрезвычайного в ядрах калибра и станка под всеми уборные и крашеные и многие из них французского и свейского полону с надписьми лет видятся из мимошедших случаев военных. В прибытие на гранатном дворе для приезду его, посольского, по указу курфирстову пусканы гранаты верховые да оказывано было ядро, сделанное в смоле и пеньке, округлостию, якобы, например, аршина 3, которое было положено в выкопанной яме глубиною сверх того ядра на аршин, и около той ямы приготовлено было земли, песку и снегу гораздо много, и как то ядро зазжено, и, горев с минуту, сорвало с него верх и великое пламя из себя выдало, тогда его приготовленною землею и песком и снегом засыпали человек с 10, но не могли его никако утушить и что его больше засыпали, тем наипаче пламя огненное из него сильно отражалось, которого

смотрев больше часа, отъехал он, посол, а оное еще в великом пламени осталось.

Потом показываны ему, послу, были на конюшне его, курфирстовой, изрядные лошади и чистые во многом числе от различных шерстей и родов. И для приходу его ж, посольского, поставлены в стойлах извне головами; у четырех лошадей по конюху стояло. В то же время был он, посол, на зверином дворе изрядно устроенном якобы замок четвероугольно, и в стенах звериных поделаны места на то пребывание их, дверьми и выходом внутрь на площадь того замка, где из зверей были медведи, волки, зубры и кабаны дикие.

В Берлине в то присутствие его, посольское, для розных наук были москвичи из оставльших от великого посольства, а именно: князь Осип княж Иванов сын Щербатов, Семен Григорьев сын Нарышкин, Аника Гаврилов сын Щербаков, Данил Дмитреев сын Новицкий. Да по своей воле: Матвей Андреев сын Виниус, иноземец генерала Андреев сын Цея Яков Цей, Посольского приказу подьячего Михайла Ларионова сын его Петр Ларионов. И ездили за ним, послом, те вышепомянутые, кроме подьяческого сына, к курфирсту повсевременно, коли он, посол, ни был позван к его пресветлейшеству.

Лакеи его, курфирстовы, человек по 8 для провожанья, а в вечернее время с великими восковыми свечами присыланы были и кареты с цугами его ж, курфирстовой, конюшни, куды бы ему, послу, выехать при той бытности его ни приключилося. В ту ж его, посольскую, бытность в Берлине ествы и питье все были от его, курфирстова, двора с премногим во всем удовольством с самого приезду по вся дни и до его, посольского, отъезду. К тому столу повседневно для потчивания его, посла, к обеду и к ужину приезжали от курфирстова пресветлейшества к нему, послу, на двор: шлос-гофман господин фон Принцен, церемонимейстер и переводчик фон Берген. При тех столах по вся ж дни, переменяяся, служили ему, послу, его, курфирстовы, лакеи по 6 человек. Бытности той его, посольской, у курфирста было четыре, и в том числе трижды ужинал он, посол, у него и у курфорштрыни при столе с ними вместе вышепоказанным порядком.

При отпуске его, посольском, курфорштрыня, в своих каморах учиня бал, приказала при нем, после, танцовать сыну своему курпринцу и дочери марграфине по францusку, в котором танцу брат его курфирстова пресветлейшества маркграф Альбрехт с прочими честными дамами танцовал. А музыка играла тихо для того, что в то время при том брандебурском дворе печаль была о смерти дацкого короля по ближнему свойству, и тот бал чрезвычайно учинен был ради особливой чести ему, послу, и токмо с дамами и кавалерами придворными. И потом пели по нотам италиянские девицы предивным согласием розных мелодий. По отправлении того курфирст пришел сам в ее,

курфорштрынины, каморы и его, посла, взял к себе, и, побыв несколько времени, он, посол, у него, курфирста, просил о своем отпуске в надлежащий путь свой. И по желанию его, посольскому, его курфирстово пресветлейшество соизволил и при отпуске с премногим прошением требовал, чтобы его царское высокодержавное величество в любви своей к нему, курфирсту, непременно всегда соизволил быть, а он, курфирст, до исходу жизни своей с своей стороны то непременное свое намерение и высокую дружбу к его царскому величеству свято содержать будет, в чем и он, посол, его, курфирста, от стороны его царского величества совершенно обнадежил. После всего того, взяв его, посла, поцеловал и проводил до дверей другие каморы, а оберкамергер, первый его министр, до крыльца, а до двора иные его камергеры.

На завтрее его, курфирстово, пресветлейшество соизволил прислать к нему, послу, с шлос-гофманом господином фон Принценом великие не якобы в подарок, но на память, пять медалей золотых, весом около четырех сот золотых червонных, на которых персоны его курфирстова и курфорштрынина и курпринца сына его изображены были тиснением, да арапа, который по-арапску называется Леви, 25 лет; за которые его курфирстовы подарки от него, посла, он, шлос-гофман, церемониймейстер и переводчик и секретарь фон Берген довольными подарками были одарены. Такъ же и лакеи, которые при столе курфирстове ему, послу, всегда служили и возницы дачами денежными полными удовольствованы были ж»[1].

За время пребывания Петра в Воронеже с курфюрстом шла переписка и официальная, и частная. К первой относятся три грамоты официального характера с полными титулами и со всем набором пышных дипломатических фраз. Все они помечены как данные «в царствующем нашем велицем граде Москве», хотя, конечно, рассмотрены и одобрены в Воронеже. В грамоте от 29 февраля царь сообщает курфюрсту о перемене в направлении заграничной почты, которая будет ходить теперь через Вильну на Кёнигсберг, и просит о соответствующем распоряжении кёнигсбергским почтмейстерам, чтобы они «всякие письма, связки и грамотки из-за моря», т. е., из западноевропейских стран, пересылали в Москву на имя заведывавшего тогда почтами стольника Матвея Андреевича Виниуса, сына Андрея Андреевича; следующая за пересылку заграничной почты в Россию плата будет неукоснительно выплачиваться соответственно весу почты[2]. Во второй грамоте от 6 марта содержится поздравление курфюрсту по поводу двух радостных для него событий, о которых он извещал Петра в своей грамоте: во-первых, по поводу благополучного окончания так называе-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 2, л. 28 об. — 36.
[2] П. и Б., т. I, № 295.

мого Эльбингского дела, т. е. спора с Польшей из-за города Эльбинга, заложенного Польшей Бранденбургу в обеспечение сделанного Польшей у бранденбургского курфюрста займа; во-вторых, по случаю обручения дочери курфюрста Луизы Доротеи Софии с наследным герцогом Гессен-Кассельским [1]. Наконец, в третьей грамоте от 7 марта Петр уведомляет курфюрста о посылке в Берлин капитана Меера для найма на русскую службу иноземных офицеров, «ученых и довольно во всем искусных людей», знающих притом польский язык, и просит позволить Мееру приглашать таких офицеров во владениях курфюрста, оказать ему помощь и отпустить без задержания тех, которые будут наняты [2]. На этом эпизоде несколько остановимся.

Отправление капитана Преображенского полка Кондратия Меера в Берлин для найма офицеров было задумано еще до отъезда Петра из Москвы. Ф. А. Головин в докладных статьях, посланных в Воронеж в начале марта, писал Петру, что «капитан Меер, которого велено отпустить для призыву начальных людей, отпустится вскоре. Жалованье велю выдать из Оружейной палаты, хотя от себя, для того, что бурмистры (из Ратуши) без указу не дадут. Только он говорил, чтобы написать его маеором для лутчего призыву, чтоб не капитаном капитаны призывал, а в даче жалованья и впредь в чине его — воля великого государя». Петр под этой статьей подписал резолюцию: «Учини по прашенью». Вторая статья доклада касалась того же Меера: «Просит на иждивение тамошнее и чем приемных кормить и довезти до Москвы 2 000 ефимков или сколько изволишь». Петр ответил: «Буде мочно вѣрить, выдать» [3].

Меер в чине майора выехал из Москвы в половине апреля 1700 г. [4] и 6 июня к вечеру прибыл в Варшаву. Явившись к русскому резиденту в Варшаве Любиму Судейкину, он рассказал ему о постигшем его в дороге злоключении: «сказывал, что де в дороге, в местечке Бочках в корчме, где он стоял, возница его украл у него 582 червонных золотых и, покрадчи де те золотые, тот возница ушел». Заподозрев в соучастии в краже каких-то, вероятно, бывших в той корчме трех лиц, майор заарестовал их и привез с собою в Варшаву. Об этой же покраже Меер писал из Варшавы Ф. А. Головину, титулуя его «высокородным князем» и «высококняжескою милостью» и донося ему, что «я, бедный, от человека моего ограблен есмь ибо он золотые, которые его царское величество на дорогу дать указал, увез и меня без одной копейки оставил» [5]. Любиму Судейкину майор не внушил доверия и показался человеком мало

[1] П. и Б., т. I, № 298.
[2] Там же, № 299.
[3] Там же, № 300.
[4] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 4.
[5] Там же, № 11, л. 2.

основательным и болтливым. Некоторые его поступки резидент нашел предосудительными. Майор, между прочим, возвестил ему, что уже в Вильне набрал 20 начальных людей на русскую службу и дал им письма, чтоб ехали в Смоленск. Из расспросов же резидента оказалось, что он не имел никаких полномочий на набор офицеров в Польше, так как ему не дано было никакой грамоты об этом к польскому королю и дана была только проезжая грамота через Польшу и наказ о найме офицеров в Берлине, о чем Судейкин и вразумил майора. Он показался ему не в меру словоохотливым, много рассказывал резиденту о московских делах, о местонахождении царя, о заключении мира с турками, о наборе и дислокации войск и о движении войск в будущих военных действиях: «поехал де он с Москвы после святой недели спустя неделю. А как де с Москвы поехал, и в то де время великий государь... изволил быть на Воронеже, где стоят военные морские окренты[1], а ожидали де его царского величества пришествия к Москве вскоре. И с турком де покой учинен, только не на много, а на сколько лет, того он подлинно не ведает. А ныне де на Москве и в городах набрано войска изо всех чинов со 120 тысяч и стоят де те новоприборные ратные люди для учения во Твери и в Торжку, в Вязьме и в иных городех, и учат де их непрестанно. А которые де полковники и начальные люди прежние были полковому военному делу незаобычны, многие отставлены, а иные написаны в солдаты, а вместо их велено призывать иных офицеров из иноземцев, которые военному делу заобычны. А которое де войско стоит подо Псковом и над тем де войском полководцем некоторой Шереметев, а кто именем, того он не знает. А пойдет де то войско для войны на шведа под Инфлянты и под Ригу. Да и сам де великий государь... в тот намеренный путь изволит идтить потому же вскоре, чтоб того шведа обще воевать с королевским величеством польским нынешним летом. Он же сказывал, что де на Москве пожары частые». Резидент опровергал слишком решительные заявления майора относительно будущих военных операций: ежели б о войне такое намерение было, то бы прислана была царская грамота к польскому королю да и к нему, посланнику, было б о том написано, как такие извещения бывали и прежде к нему и к прежним резидентам. «И чтоб он, Кондрат, — наставительно заметил в заключение беседы резидент, — чего ему не наказано, прежде времени здесь о том умолчал и от здешних людей в словах, о чем будут его спрашивать, имел осторожность, а исполнял дело свое, за чем он послан».

Однако майор, кажется, был не очень осторожен в словах и вел о московских делах разговоры не с одним только московским резидентом. По крайней мере, вероятно, не без связи

[1] Okręt — корабль; в реляциях Судейкина немало полонизмов.

с этими разговорами, 10 июня король прислал к резиденту Паткуля с вопросами, показывающими знакомство с речами майора и желание их проверить: «Где ныне великий государь, ...изволит обретатися, и войска его царского величества в которых местех стоят и куды идут, и сам великий государь... под Инфлянты и под Ригу как скоро изволит быть и с турком покой ужли учинен?» Резидент ответил, ссылаясь на слова майора, что царь при отъезде майора находился еще в Воронеже, но «в скорых числах» ожидается в Москве; о походе под Ригу и о мире с турками умолчал. Через два дня, 12 июня, встретив резидента во дворце, Паткуль ему сказал, что король пожаловал майора, приказал выдать ему 200 талеров на дорогу, и эта сумма ему уже выдана «чрез его, Паткулевы, руки». Однако польское правительство почему-то решило как можно скорее выпроводить Кондратия Меера из Варшавы, и, сообщив резиденту о пожаловании майору денег на дорогу, Паткуль прибавил: «и чтоб де он, маеор, здесь болши не жил, ехал бы в то панство, куды ему ехать указано, и исправлял бы свое дело, за чем он послан». Майор, однако, медлил, и еще через два дня, 14 июня, Паткуль прислал к резиденту писаря королевской немецкой канцелярии с тем, чтобы майор непременно уезжал из Варшавы, иначе король будет писать о том к государю. Майор на другой же день уехал, но оставил после себя некоторое наследство. 16 июня, встретив резидента во дворце, маршалок великий коронный Станислав Любомирский говорил ему: «Маеор де, который приехал с Москвы, привел в Варшаву и засадил за варту (под стражу) шляхту трех человек невинно. А они де покражи его не приличилися и сидят де уже другая неделя. А он, де, маеор, до сондов (судов) не ходит и никаких явных улик не положил. А они де люди знатные — шляхтичи, и один де из них есть кревней[1] Сапегин». Резидент пытался возражать, что если бы эти трое к краже у майора «не приличились», то он бы их в Варшаву не приводил и просил «учинить по розыску справедливость безволокитно». «И маршалок корунной говорил: вашец де ведай, у нас де право такое: буде кто в три дни до судов не придет и улики никакой не положит, тем отказывают, и сказал, что де велел тех шляхтичей сего дни свободить». Посланник, выслушав объяснение института Habeas Corpus в польском праве, попросил: «Буде их и свободить, чтоб они подписалися своими руками, чтоб им того вора сыскать и поставить к розыску в Варшаве». Но маршалок в просьбе категорически отказал[2].

Майор Меер был любезно принят в Берлине и миссию свою исполнил. Он вернулся в Москву в самом начале ноября

---

[1] Krewny — кровный, родственник.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 252—270.

1700 г. и привез с собою шесть нанятых на русскую службу офицеров: трех капитанов, двух поручиков и одного хорунжего [1].

К неофициальной, или во всяком случае менее официальной, переписке относятся два письма, которыми обменялись курфюрст и царь весной 1700 г. 28 февраля в Воронеже Петром получено было собственноручное письмо курфюрста от 30 января из Берлина с выражением благодарности, во-первых, за поддержку, оказанную курфюрсту в Эльбингском деле, а во-вторых, за дружественное расположение царя, проявленное им к курфюрсту в деле о столкновении его резидента Задоры-Цесельского с маршалком шведского посольства, столкновении, которое кончилось смертью резидента. Курфюрст считает себя обязанным царю в Эльбингском деле, обещает искать случая оказать царю такую же услугу и называет себя его другом, братом и союзником [2]. Петр отвечал письмом от 19 апреля, в котором также называет курфюрста другом и братом (в официальных грамотах это название тогда не употреблялось). Об ответе на это письмо Ф. А. Головин, кажется, напоминал царю, о чем можно заключить из следующих строк в письме Петра к Головину 2 марта: «Хъ курѳирсьту отпишу на будушую почьту, для того надабна подумать; а нынѣ, за многимъ писмомъ, не успѣлъ» [3]. Но ответил Петр только 19 апреля. Царь не сомневается в расположении курфюрста, вспоминая взаимное личное словесное обязательство, скрепленное рукопожатием обоих государей во время пребывания Петра у курфюрста в 1697 г. Это напоминание царь счел подходящим в настоящих обстоятельствах, когда желательно было привлечь курфюрста к союзу против Швеции. Вероятно, намек на действия против Швеции следует видеть в заключительных не совсем ясных строках письма, где говорится «о некоторых дѣлех к пользе обоих стран» [4].

XL. А. А. МАТВЕЕВ В ГААГЕ

Всего более зорко в области внешних отношений Петр следил за делами своего будущего врага — Швеции и за делами своих союзников — Августа II и Дании, а также возможного союзника в будущем — курфюрста бранденбургского. Но так как дела этих ближайшим образом интересовавших его держав самым тесным образом соприкасались и переплетались с делами других европейских государств, то кругозор Петра естественным образом расширялся, и внимание его распространялось на все европейские отношения, на первый взгляд, каза-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 4, л. 21.
[2] Там же, Прусские грамоты, № 48 (копия).
[3] П. и Б., т. I, № 297.
[4] Там же, № 307.

лось бы, довольно далекие от Швеции, Дании и Польши. Сведения о событиях в Европе продолжал ему давать Виниус; но с началом 1700 г. он имел лучшего осведомителя в лице русского посла в Голландии, окольничего А. А. Матвеева, приехавшего из Берлина в Гаагу в конце января 1700 г. Кроме обычных официальных отписок в Посольский приказ[1] Матвеев с еженедельной почтой пишет еще лично Петру, к которому он был близок, а также время от времени к Ф. А. Головину, с которым он был помимо официальных отношений еще и в дружеских связях. Последнему он сообщает свои мысли и желания, рассчитывая на осуществление их через ходатайство Головина перед царем и не решаясь просить царя непосредственно.

Жизнь в Гааге, как видно из его писем к Головину, не была особенно приятной для Матвеева и тяготила его по двум причинам. Во-первых, он находил ее невеселой. «Жизнь моя, мой милостивый государь, — пишет он Головину от 9 февраля, — зело здесь многоскучная и многоскорбная. Гравенгага, яко вашей милости, моему государю, самому крайнее известно, самой скучной город, и люди зело не человеколюбны, к дарам ласковы и к приезжим малое любительство имеют». Наряду с неприветливостью жителей его удручает дороговизна в Голландии, а между тем он очень издержался в таком дальнем путешествии, получает слишком мало жалованья и не может создать себе обстановки, достойной царского имени, которое он представляет, и этот ощущаемый им недостаток средств был второй причиной, почему жизнь в Гааге казалась ему такой невеселой. «Наймы дворовые, — читаем в том же его письме, — несказанно, мой милостивый государь, каковы дороги. С великою ходьбою едва... до мая месяца двор мог нанять, а нарочитые по 700 и по 800 на год рублев московскою монетою. А едучи с домишком чрез дальней путь до конца истощился. А жалованье мне на здешнее пребывание учинено против зде пребывающих иных министров самое малое; чем год проживать, ум мой не достигнет. А с деревнишек вряд отправлять належащие великого государя подати, а не свои избытки. А какие мои прибытки и на них изнурения, паче самому тебе, моему милостивому государю, известно». Ему приходится отступать перед другими послами и опасаться, как бы не быть перед ними «в нищете и посмеянии». Шведский посол на наем помещения, на экипажи и на представительство получает годовой дачи по 12 000 ефимков, цесарскому «амвою» (envoyé) идет по 500 талеров в месяц и для цесарского посольства куплен собственный дом. «А мне чем с ними равняться при таком любопытном народе, помыслити ей-ей нечем, разве

---

[1] О них он упоминает в первом же своем письме от 31 января 1700 г. (Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 117—118.)

деревню продать, и тое, мой государь, кто купит ныне?» Андрей Артамонович просит Головина ходатайствовать перед царем, чтоб он повелел прислать денег, хотя бы на покупку кареты и на корм лошадям, «чтоб не на стыд при здешнем моем пребывании было житье мое и от скудности моей какой непорядок его, государеву, высокодержавному имени». В Гаагу всегда приезжают различных государств послы и посланники, и надобно отправлять по чину посольскому визиты и контравизиты. «А у меня того нет, в чем выехать. А коли и случай зовет, все найму я отправляю, а здесь и княжеские министры тем удовольствованы и не по одной имеют карете», получая на эту статью расхода по 300 и по 400 рублей. Он просит об этом не для своей прихоти, а ради всякой чести и к повышению царского имени. «А тебе, моему премилостивому государю, известно, что Гаага — комит (comitus) или соединение имеет всех в себе наций послов в резиденции и аглинского короля повселетное прибытие в Гаагу. А мне разве в затворе сидеть перед всеми?» Но Петр не баловал своих послов, был глух к их просьбам о деньгах на расходы по представительству, держа их в скудости, и предпочитал перекладывать казенные расходы на их собственные карманы. Жалуясь на скуку, на недостаток отпускаемых казенных средств, на отсутствие своих и на необходимость прибегнуть к продаже деревень, Матвеев вел, однако, в Гааге открытую жизнь, совершенно на манер западноевропейских дипломатов, и, в отличие от прежних московских посольских обычаев, делал визиты и контрвизиты, принимал у себя знатное общество и устраивал еженедельные ассамблеи. «Во время той же бытности его посольской в Гравенгаге, — читаем в его известном уже нам Статейном списке, — он, посол, обхождение свое имел всегда, как с их высокомочествы с господами Статами (т. е. депутатами от провинций), с генералы их войск и с министры, так и с приезжими из иных государств, с принцами и с другими изящных фамилий особами, как для государственной чести, так наипаче же для предосторожности его царского величества высокого интересу, особливо по объявлении и по начатии у Российской короны с Свейскою войны, по часту в доме своем чествовал их столом у себя, понеже *при таковых случаях всегдашные ему, послу, открывались нужные ведомости.* Взаимно же и он, посол, как от них, господ Статов, по случаям, так и от чужестранных послов и министров... и от других вышеписанных особ в домех их благоприятно потчиван был со всякою учтивостью. В доме у него же, посла, по примеру иных чужестранных послов и министров и членов статских по одиножды в неделю бывали ассамбле или общее собрание, где вышепомянутые министры и статские члены из розных государств знатнейших фамилий особы мужеска и женска полу для различных забав съезжалися и потчиваны были шекуладом, лимонадом

и всякими конфекты, а кто от себя пожелал, розными же винами, при котором времени никому из тех гостей, по обычаям их, встречи ни провожанья чиновных не бывает, и токмо все с благодарением в домы свои по произволу их отъезжают»[1].

Если не упускать из вида, что Голландия в конце XVII и в начале XVIII в. была богатейшей торговой страной и могущественной военно-морской державой, что в Амстердаме сходились коммерческие нити со всего света, что в Гааге было действительно «комит» дипломатов всех наций Европы, что туда стекались представители европейской знати, что там ежегодно подолгу имел пребывание двор главы другой могущественной торговой морской державы — Англии, то легко будет понять, что Матвееву, вращавшемуся в кругу этого высшего общества, «открывались нужные ведомости», которые он и передавал в Россию. Такими сообщениями, «новинами», идущими из разных мест и разными путями, полны его еженедельные письма к Петру. В них на первом плане стоит, разумеется, то, в чем он является участником и что он видит непосредственно в самой Голландии. Так, например, в письме от 8 марта 1700 г. он сообщает ряд важнейших для Петра известий. Голландские Штаты в интересах своей торговли на Балтийском море не желают допущения войны на Севере и для предупреждения и прекращения ее принимают свои меры: заключают союз с Англией для совместных действий и приготовляют на этот случай свой военный флот. Обеспокоенное голландское правительство делает шаги, чтобы повлиять на Россию. К Матвееву являлся уполномоченный правительством агент Розенбоом с просьбой передать царю покорнейшее прошение Штатов ради древней дружбы к ним и для укрепления ее впредь не помогать «Данемарку» на шведа, так как Голландия находится с Швецией в союзе. В Гаагу дошли тревожные вести о том, что 40 000 московских ратных людей идут на Ригу на соединение с наступающими на Ригу саксонскими войсками. Поэтому едва не каждый день происходят заседания Штатов; узнать, о чем идут совещания, Матвееву пока не удалось, но по народным слухам собираются помогать шведу и «мнят быть войне на Данемарка с великим караваном кораблей». Перед самым, очевидно, отправлением письма от 8 марта он получил известие о решении Штатов, о котором и приписывает в самом конце письма: «статской указ вчерашнего числа здесь состоялся из тайной их генеральной думы, велено несколько воинских кораблей приготовить в самом скором времени». В письме от 15 марта он извещает о задержании Штатами корабля, на котором собирались плыть тысяча «маринаров», или матросов, нанятых в Голландии на датскую службу, и девяти судов со всякими воинскими припасами туда же. Все эти суда, по распоряжению

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 2, л. 62—63.

Штатов, из Теселя «поворочены», а вскоре выйдет указ, запрещающий голландцам наниматься на службу к какому-либо потентату.

Большое место в письмах Матвеева занимают также в высшей степени долженствовавшие интересовать Петра вести из Константинополя о ходе мирных переговоров Украинцева с турками. В письме от 31 января 1700 г. Украинцев сообщает Матвееву о бывших уже восьми конференциях с турецкими министрами, о том, что послы английский и голландский обещали его поддерживать, но Порта не допускает его с ними видеться, о прибытии цесарского посла графа Шлыка и венецианского посла, с которым свидание также запрещено, о приезде из Москвы курьера сержанта Жерлова [1]. Перепиской с Гаагой Украинцев пользовался как окольным путем для передачи известий о себе в Москву, не всегда имея возможность вести с Москвой прямые сношения. Вскоре, с началом Северной войны, к такому же окольному пути для сообщения известий через Матвеева будет прибегать русский резидент в Стокгольме князь А. Хилков, задержанный там в качестве пленного. Кроме непосредственного сообщения от Украинцева, Матвеев передает в письмах и другие известия из Константинополя, доходившие до него различными другими путями, частью достоверные, но нередко и вздорные слухи, например: из Вены через Молдавию, что московский посол из Константинополя «с малым удовольствованием» к Москве возвратился; от живущих в Вене турок шло даже известие, что меж Москвою и Портою «война быть является». Передаются вести из разных других европейских стран: из Гамбурга — о нападении датчан на шанцы, построенные герцогом Голштинским; из Франции через Базель — о предполагаемой уступке цесарю французами крепости Брисака; из Берлина — о намерении курфюрста после пасхи ехать «в Прусы» и о поездке курфюрстины в Ганновер «для снискания сыну своему кронпринцу супружества» с дочерью курфюрста ганноверского; оттуда же о том, что будто цесарь содержит крепкий союз с Данией. «Из Гишпании» пишут, что швейцарский полк, отпущенный королем гишпанским, принят на службу французским королем. Испанские дела, а главное — состояние здоровья болезненного короля Карла II, смерти которого ожидали тогда со дня на день по всей Европе ввиду вопроса о его наследстве, который должен был быть решен оружием, привлекают также внимание Матвеева, начиная с первого его письма от 31 января, где он сообщает: «Гишпан от своих болезней, подлежащих к смерти, свободился, и ныне ни от которых стран о восхождении на то его наследство ничего не слышно». В письме от 9 февраля он пишет: «Гишпан в добром здоровье обретается и ныне упражняется комедиями и всякими утехами». Вести из Голландии, из

[1] Матвеев передает Петру содержание письма Украинцева в своем письме от 15 марта.

Англии, из Франции, из Испании, из Константинополя, из Вены, из Берлина, из Дании, словом отовсюду неслись до Воронежа через письма Матвеева, приходившие туда в пяти-шестинедельный срок, представляя собой целый ворох сообщений верных и ложных. Петр должен был разбираться в этой разноголосице и уметь отличать истину от лжи. Но так или иначе через письма Матвеева он все же был осведомлен о ходе событий в Западной Европе [1].

XLI. МАРТОВСКАЯ ПЕРЕПИСКА 1700 г.

Итак, главное внимание Петра в конце зимы и весной 1700 г. в Воронеже было занято подготовкой войны со Швецией и вопросами внешней политики, направленной к той же цели, т. е. к предстоящей войне: делами уже имевшихся налицо союзников, приобретением нового союзника и более отдаленными европейскими делами, которые могли оказать влияние на начало и ход войны. Однако, как ни глубоко занимали его эти вопросы, нельзя все же сказать, чтобы он захвачен был ими всецело, без остатка; его внимания хватало и на другие крупные, мелкие и даже мельчайшие дела. Об этой его способности дробить внимание, даже и сильно занятое одним главным предметом, на многое множество других, притом разнообразных, предметов свидетельствуют сохранившиеся остатки его переписки за то время, которое он провел вдали от Москвы, такой же разнообразной переписки, какую он вел, находясь в Воронеже и в Азове и в прошлом 1699 г. В числе его корреспондентов на этот раз были ближайшие сотрудники: Ф. А. Головин и А. М. Головин, Т. Н. Стрешнев, Виниус, Зотов, Кревет, дьяки Курбатов и Яков Никонов, иностранцы Кинциус и Витзен и другие лица. И на этот раз сохранилось гораздо больше писем корреспондентов, чем самого Петра; о последних мы обыкновенно узнаем из ответов тех лиц, с которыми он был в переписке.

---

[1] Матвеев писал Петру 31 января, 9, 16, 23 февраля — эти письма находятся в Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 117—118, 110—111, 115 и 120, 116—119. Далее письма от 1, 8, 15, 22, 29 марта, 5 апреля находятся в Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 8—9, 10—11, 12—13, 18—21, 22—24, 25—27. Письмо от 12 апреля в Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отдел II, кн. № 1, л. 112—114. Письмо от 19 апреля — Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 28—31. Там же письма от 3, 10, 17, 24, 31 мая, л. 33—38, 40—41, 42—45, 46—48, 49—52. Общий список отправленных за 1700 г. писем: см. Дела голландские 1700 г., № 4, л. 1. Письма к Ф. А. Головину, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 2, 4—7, 32, 39, 53. О времени нахождения писем в пути из Голландии до Воронежа можно судить по пометам о получении. Письмо от 31 января было получено в Воронеже «марта 13 ден в среду»; письмо от 16 февраля получено «марта 25 ден»; от 23 февраля — «апреля 10 ден, то есть в среду».

На первое место по значению надо поставить переписку с Ф. А. Головиным, ближайшим и виднейшим сотрудником за это время по самым важным государственным делам: по сношениям с иностранными державами, которыми он заведывал теперь уже как официальный глава Посольского приказа, и по подготовке к войне, которой он был занят как будущий фельдмаршал. Головин писал Петру не только письма, но и обширные докладные статьи, в кратких формулах излагавшие существо вопросов, на которые он желал получить ответ или распоряжение царя. Петр под этими статьями подписывал резолюции и отправлял их обратно Головину. Таких докладных статей за рассматриваемое время имеется два экземпляра: один от 25 февраля [1], другой относится к началу марта [2]. Кроме этих статей с резолюциями, сохранилось три собственноручных письма Петра [3] и три письма Головина [4]. Значительную часть переписки с Ф. А. Головиным, касающуюся внешней политики и военных приготовлений, мы уже исчерпали; но то, что было нами рассмотрено, далеко еще не все ее содержание, далеко не все то, чем была занята в то время мысль Петра. Взглянем теперь на эти остальные второстепенные вопросы; мы будем поражены их разнообразием и различием их значения; их трудно объединить в какую-нибудь систему; они отражают всю пестроту текущей жизни и потому не могут быть уложены в какой-либо искусственный порядок. В докладных статьях 25 февраля Головин спрашивает об отпуске находившегося в Москве посланца от волошского господаря, об отпуске которого просил перед отъездом гетман Мазепа; по этой просьбе, пишет Головин, «мы отпуск готовить велели против прежних таких отпусков. Изволишь, государь, приказать о сем отписать?» Петр отвечает под статьей: «Отпусти съ ласкою, для лица», т. е. ради приличия. После статьи о грамоте гетману на пожалованный ему орден св. Андрея Первозванного Головин сообщает, что игумен киевского Николаевского монастыря Стефан Яворский, «которого ты, милостивый государь, повелел поставить в епископы, просит о корму, о жалованье с старцами, которые с ним, всем около двухсот (рублей); невозможно, что не выдать, прикажу хоть от себя». Следует выдать почему-то задержанное хлебное жалованье солдатам Лефортова полка. «Умилосердися, государь, с лефортовыми солдаты о хлебе. Для милости к себе божии, отпиши ко мне: я будто из Лефортовых животов им дам. Не презри их, бедных, хотя для милости к минувшему их начальнику». Петр отвечает: «Какъ хочешь». Передается просьба помощника Головина по управлению Ору-

---

[1] П. и Б., т. I, № 296.
[2] Там же, № 300.
[3] Там же, № 297 от 2 марта, № 301 от 14 марта и № 305 — без даты.
[4] Там же, стр. 802, 804, 805 от 7, 11 и 15 марта.

жейной палатой, дьяка Алексея Курбатова, о назначении в палату, надо думать, в подьячие «ему на вспоможение» двух человек холопов от их господ: один служит у Алексея Салтыкова, другой у Гагина: Салтыкова — Ивашка Хрипунов, Гагина — Федор Обыгов. На вопрос Головина: «В том как изволишь?» Петр отвечает: «По расмотрению», т. е. по усмотрению Головина. Андрей Стельс просит отдать ему на откуп смолу, наддает сто рублей откупу. Головин, передавая это ходатайство, просит царя отписать об этом в приказ Большого дворца. Как начальник Ямского приказа Головин извиняется в одном допущенном им промахе. При проезде Петра в Воронеж на станциях Молоди и Вашаны не оказалось лошадей, хотя он сам распорядился об их поставке, дав роспись станций. «Что на Вашане лошадей и на Молодях не было, — пишет Головин, — пожалуй, государь, мне в том отдай вину: истинно не дослышал, чтоб для твоего, милостивого государя, походу поставить, токмо для почты (т. е. лошади поставлены были только для почты, а не для царского проезда); и ради того поставлены, и почта пришла в три дни к нам». Петр кладет милостивую резолюцию: «Богъ проститъ, а роспись я далъ» [1]. Речь идет еще в докладных статьях о какой-то отписке из Азова, которую Петр получил по дороге в Воронеж и переслал Головину. Головин высказывает суждение о содержании отписки: «верить невозможно; мню я, подлинные быти враки: заносилось бы отвсюду, чтоб какое к такому наступлению было дело. В чем прошу немедленно по своей ко мне милости соответствования». Петр отвечает: «В отпискахъ подлинныя вѣраки». Что это были за ложные сообщения, неясно. К отпускам

[1] Не эта ли роспись сохранилась в Арх. мин. юст., Моск. ст. № 767, л. 838. «Росписаны станы от Москвы до Воронежа.

От Москвы до Воронежа 402 версты.

372. 1-й на Пахре 30 верст.
352. 2-й. Село Молоди 20 верст.
337. 3-й. Село Лопасни 15 верст.
312. 4-й. Серпухов 25 верст.
307. 5-й. Село Липицы 5 верст.
287. 6-й. Железные заводы на реке Скниге 20 верст.
267. 7-й. Деревня Вашана 20 верст.
237. 8-й. Тула 30 верст.
217. 9-й. Дедилов 20 верст.
197. 10-й. Богородицкой 20 верст.
177. 11-й. Село Никицкое на речьке на Непрядве 20 верст.
157. 12-й. Деревня Платава 20 верст.
145. 13-й. Ефремов 12 верст.
120. 14-й. Деревня Пальня 25 верст.
100. 15-й. Елец 20 верст.
90. 16-й. Село Извалы 10 верст.
75. 17-й. Деревня Понарьино 15 верст.
65. 18-й. Село Дол 10 верст.
50. 19-й. Село Хлебное 15 верст.
20. 20-й. Село Животинное 30 верст.
21-й. Воронеж 20 верст.»

из Азова Петр вернулся еще раз в письме 2 марта: «Азоѳъския і Янова[1] отписки челъ; кажетца, въраки. І мы здѣсь видѣли 5 отписакъ еще новяи такихъ же, і послали к вамъ». Неясна также статья о Смоленске и о Корчмине: «О Смоленске учиним твоего указу исполнение. Только Корчмин у Троицы; когда приедет, поговоря, сказать велю». В чем заключался указ, касавшийся Смоленска, и что должен был там делать Корчмин, инженер по специальности, неясно. Петр написал было под этою статьею резолюцию «Корчмина пришъли, не мешъкоѳъ, сюда», но потом ее зачеркнул. Может быть, он намеревался вытребовать Корчмина в Воронеж в связи со своим планом послать его в Нарву и в Орешек для разведок, о чем он писал Головину 2 марта. Головин спрашивает, когда ему приезжать в Воронеж: «Како, милостивый государь, повелишь мне быти на Воронеж, если от Емельяна (Украинцева) ведомости никакой не будет?» И в другой статье: «Пожалуй, мой милостивый государь, о бытии моем немедленно прикажи мне отписать», и прибавляет мотив в шутливой форме: «чтоб не плыть водами и не намочить Катерине (жене Ф. А. Головина) гузна». Петр назначает срок приезда: «Приежать ізъволь подлино къ Великому четвертьку». Статьи заканчиваются сообщениями о скором выезде в Воронеж «всешутейшего» (Н. М. Зотова), о посылке с ним какой-то тетради о пошлинах, поднесенной бурмистрами, и о выезде в Воронеж двух намеченных кандидатов в помощники новому адмиралтейцу, которых Головин называет средним и третьим адмиралтейцами. Это были стольники Григорий Андреевич Племянников и Петр Максимович Игнатьев[2]. Головин сообщает еще Петру о пожаре, происшедшем 25 февраля часу в третьем дня (ранним утром) в хоромах царицы Прасковьи Федоровны, на котором он был сам, так что пишет, как очевидец: «загорелось в верху у царицы Парасковьи Федоровны и сгорело ее хоромы и другие, что к церкви Петра и Павла. А в которых изволил государь прежде сего ты жить, разломали и некоторое с нуждею (так!) удержано». Подробности об этом пожаре сообщал в письме к царю также А. М. Головин: «Известно чиню милости твоей. Февраля в 25 день, то есть в воскресение, учинился пожар во дворце, загорелись хоромы царицы Парасковьи

---

[1] Стольник Егор Иванович Янов был назначен 11 апреля 1699 г. воеводою в Павловскую крепость, заложенную инженером Лавалем в 1697 г. в пяти верстах от Таганрога на мысе Петрушиной Губе (Описание дел Морского архива, т. 1, стр. 120).

[2] Официальное назначение Г. А. Племянникова в товарищи к Ф. М. Апраксину состоялось по указу 7 марта 1700 г. (Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1123.) П. М. Игнатьев был один из стольников, назначенных сидеть в Палате об Уложении. (Там же, стр. 1121.) Впоследствии Племянников заведывал Адмиралтейским приказом в Москве, а Игнатьев находился в Воронеже.

Федоровны, и от тех хором верхние хоромы и чердаки сгорели, а исподние сломали. А столовую верхную и что к Петру и Павлу новые хоромы до самой подошвы сломали. А что под столовою нижние хоромы и мыльню отстояли. И спасибо солдатом и драгуном, что поспешили, пришли скоро, и трудов их было много, и стояли так крепко, хотя б все погорели. И за то я им сказал погреб (т. е. приказал угостить их вином)... На пожаре были бояре: князь Михайло Алегукович (Черкасский), князь Иван Борисович (Троекуров), Федор Алексеевич Головин, князь Петр Иванович (Прозоровский), князь Федор Юрьевич (Ромодановский)»[1].

В письме к Ф. А. Головину 2 марта, в котором Петр выражает чувство большой досады по поводу неудачи рижского предприятия, сообщает свой пришедший ему на мысль план нападения, кроме Нарвы, еще и на Орешек, говорит о письме курфюрсту, над которым обещает подумать, рекомендует Головину написать к генералу Флеммингу под Ригу, или послать туда нарочного для осведомления о ходе дел, предоставляет Головину размещать полки по его усмотрению, наряду со всеми этими вопросами внешней политики и будущих военных операций, он касается еще всяких других дел самого различного свойства и самой различной степени важности, обсуждает какой-то не совсем ясный вопрос о посылке войск против раскольников: «На расколшикоѳъ посылать ли? Много — знатно (т. е. заметно), мала — нѣтъ ничево. О томъ прошу совѣту». Может быть, здесь под видом посылки войск против раскольников, скрывавшихся тогда в пограничных со Швецией олонецких краях, обсуждается маневр, имеющий целью незаметно, под предлогом мер против раскольников, продвинуть войска к шведским границам с Олонецкой стороны. Речь о посылке войск к Олонцу заходит и в мартовских докладных статьях Головина. «И к Олонцу посылать ли их (полки), и естьли, для чего, а что каковы...»[2]. В том же письме 2 марта Петр уведомляет Головина, что ему хочется отделать и спустить «Предестинацию», и приказывает Головину, министру иностранных дел, адмиралу и фельдмаршалу: «Ізволь прислать котелъ мѣдной, въ которомъ съмолятъ вереѳъки, которой привезъ Кинциусъ; а сказывал мънѣ про то визъ-адмирал». Наконец, по поводу сообщенного ему известия о пожаре в хоромах царицы Прасковьи Федоровны выражает сожаление не о самом пожаре, а о том, что пожар случился без него, в его отсутствие: «Зело жаль мънѣ воістинну, что хоромы безъ меня зъгорели». Еще бы, на таком большом пожаре присутствовали важнейшие бояре, и его только, главного распорядителя, не было! Письмо заканчивается сообщением о морозах и о

---

[1] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 78.

[2] На этом документ обрывается.

состоянии дорог: «Морозы зело великия, такъ чьто і работать нелзя, і дорога хороша»[1].

В мартовских докладных статьях вместе с известием об отправке за границу для набора офицеров майора Меера Головин сообщает, что по приказу Петра написал письмо к бывшему бранденбургскому посланнику в России фон Принцену, в котором шла речь о «короне» — вероятно, по поводу намерения курфюрста принять королевский титул, и что список с письма послал к царю. Петр одобрил письмо словами: «Принялъ і харошь (список)». Приводятся сведения о движении полков, и тут же Головин сообщает о пытке какого-то мужика: «Мужик, что с маслом однократно по отъезде государеве пытан, токмо все стоит в старом и впредь чинить по приказу будем: зело страждет, не так, как прежь сего и гораздо стал болен». Петр, видимо, очень интересуется пыткой и предписывает пытать его осторожно: «Для Бога, бережьно, чьтобъ не умеръ». Далее Головин спрашивает, как делать канаты: «Канаты как изволишь: виц-адмирал хвалит, что смолены хорошо; только без твоего повеления делати не смеем, естьли лутче сего не будет делать, и смолить ли? На обшивку послано по указу». Петр подписывает резолюцию: «Хорошо, чьтобъ лутче». Есть еще в статьях сообщение о пирамидах для ружей, что их начали делать двести штук; о цене, во что они обходятся, сообщено будет впредь, причем Головин, зная бережливость царя, успокоительно прибавляет: «а лишнего не дадут»[2].

В письме от 7 марта Федор Алексеевич уведомляет царя о получении его писем, о том, что распоряжения его исполняются. Корчмин будет послан по назначению, т. е. в Нарву и в Орешек[3]. Рижские известия, переданные раньше, подтверждаются. К И. И. Головину во Псков о присылке известий уже написано еще до распоряжений об этом царя. К генералу Флеммингу Головин не писал, опасаясь, что письмо будет перехвачено и чтобы союз не обнаружился. В особой приписке к этому письму, сообщив о свидании и разговоре с датским посланником, он просит царя занять для него две избы, в которых в прошлом году останавливался он и вице-адмирал, а также изготовить для него нарочитую шлюпку, «чтоб было в чем с адмиральшею ездить». На полях этого письма сделана отметка рукою Петра: «Съпросить самово»[4]. Следующие два письма Головин пишет уже по пути в Воронеж: 11 марта из Молодей в ответ на полученное в дороге письмо Петра: подлинных известий из-под Риги и о войсках курфюрста еще

[1] П. и Б., т. I, № 297.

[2] Там же, № 300.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 6 — отправление Корчмина в Ругодив. Грамота к новгородскому воеводе от 7 марта (л. 2).

[4] П. и Б., т. I, стр. 802.

нет; одни говорят, что уже под Ригой, другие, в том числе датский посланник, в разговоре перед отъездом, что еще готовятся и начнут войну вместе с датским королем. Он, Головин, неоднократно писал во Псков, требуя, чтобы оттуда послали проведать до самой Риги и сообщили. Шведы в Риге всего более боятся, чтоб не стали ее бомбардировать, тогда рижские мещане забунтуют и сдадут город. Всего важнее — дело приготовления войск, к этой мысли Головин в разных выражениях возвращается несколько раз. Письмо уже после подписи: «раб твой Фетька» и даты: «С Молодей марта в 11 день в 9-м часу по-немецки рано» заканчивается пожеланием: «Дай, дай Боже конец благополучен, с полудня мочно б искать к северу прибытка»[1]. Второе письмо с дороги написано из Ефремова 15 марта в ответ на письмо Петра от 12 марта. Судя по находящейся в нем фразе Головина: «указ твой с радостию исполню и поеду без всякого задержания», видно, что Петр торопил его приездом[2].

Главным предметом в переписке с Петром другого Головина, Автомона Михайловича, командовавшего двумя потешными полками и формировавшего еще 9 полков регулярной армии, было обучение регулярному строю офицерского состава. Как мы уже видели выше[3], А. М. Головин был очень недоволен офицерским составом, присланным ему из Иноземского приказа, предложил Петру набрать офицеров из «царедворцев», т. е. из московских чинов, с согласия царя осуществлял этот набор, причем пересылал Петру списки набираемых и занимался их обучением. О наборе и подготовке офицерского состава для регулярной армии идет речь в каждом письме А. М. Головина. Он занят был еще выработкой каких-то «статей» о чинах пехотного строю, «что кому довлеет знать», которые пересылал Петру, может быть, статей, содержавших правила регулярного строя и имевших отношение к воинским артикулам, установленным тогда же весной 1700 г. во время пребывания Петра в Воронеже[4]. Сверх того в письмах он касается множества других относящихся к формированию регулярной армии и вообще к военному делу вопросов: извещает Петра о наборе им трех драгунских рот[5], об изготовлении палаток и седел, на что он взял 3 000 рублей денег у бурмистров, о том, что он приказал делать пирамиды для ружей на Ростовском подворье и что уже сделано таких 72 пирамиды, об изготовлении знамен и об изображениях и надписях, которые

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 804—805.

[2] Там же, стр. 805.

[3] См. выше, стр. 183.

[4] П. и Б., т. I, стр. 806; *Устрялов*, История, т. III, стр. 540. Воинские артикулы: П. и Б., т. I, № 304.

[5] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 78, февраль 1700 г.

надлежало на них сделать; предполагалось изобразить меч, а вокруг поместить надпись русскими литерами: «Сим мечем побежду враги моя» (однако он делать этой надписи до возвращения царя не велел); об изготовлении каких-то ящиков для пушечных картузов. «В доме твоем марта в 22 день я был, — читаем мы в его письме от 23 марта, — и ренское про твое здоровье пил и видел на твоем дворе два ящика на колесах, в чем возят пушечные картузы; не поволишь ли нам на полк таких сделать и много ль?» [1]. Ни одна мелочь, касающаяся потешных полков, не совершается без участия Петра; назначение каждого солдата делается не иначе, как с его ведома. 19 марта на ученье в Преображенском А. М. Головину подал письмо от царя присланный от него солдат, и Головин велел, согласно этому письму, принять его в полк и написать в «племянничью» (младшую?) роту, как вновь поступающего. Головин спрашивает Петра: оставить ли его там или перевести в старую роту? Ученья потешных полков и эпизоды, на них происходящие, служат также сюжетами переписки. На одном ученье солдаты по окончании его выстрелили про здоровье царя, «а что не пили про твое здравие, в том не погневайся для того, что излучился день постной» [2]. Иноземцы офицеры Преображенского и Семеновского полков просят о жалованье. «Вельми оскудали, не поволишь ли им, хотя по малому числу в зачет выдать?» [3]. В письме 26 марта: «А денег, государь, на Преображенской и на Семеновской полки и драгуном не принято для того, что бурмистры не дают; пожалуй, государь, прикажи к ним отписать. А в том есть великая нужда, что им к празднику (пасхи, 31 марта) ни по копейке не дано». Для полков необходимы три лекаря, так как двое со своим делом не справляются, также и на драгунский полк нужны два лекаря. Головин просит отписать о согласии [4]. «Солдат учим повседневно, — пишет он 5 марта, — потому что сырную неделю не учились и ружье забыли; многие за то биты. Прапорщиков Преображенского полку А. Хмелевского да И. Пухорта поволь от полку отставить для того, что они дела своего не знают: гуляки великие и в строю многажды были тростью биты» [5]. В письме 23 марта он сообщает, что трое солдат Преображенского полка, причем называет их имена и указывает, из какой каждый роты, «за многое их гулянье, и за пьянство, и за зернь, и за многие неты (неявки на службу)» подвергнуты были вновь заведенному в войсках наказанию на иностранный образец — «учинено наказанье спиц-рутень и от полку отставлены; не поволишь ли их сослать в Азов или на

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 806—807.
[2] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 79—80, 26 марта.
[3] П. и Б., т. I, стр. 807, 23 марта.
[4] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 79—80.
[5] *Устрялов,* История, т. III, стр. 540.

каторгу, чтобы от них впредь на Москве воровства не было»[1]. Петру экстренно понадобились в Воронеже шлюпочные матросы из потешных полков, и в письме 26 марта Головин извещает его, что 10 человек шлюпочных матросов, которые умеют грести, он отобрал и отправил, дав им для скорой езды по $1^1/_2$ рубля на подъем и приказав им захватить с собою их матросские костюмы: бостроги, гербы и шляпы. Он велел им «с великим поспешением бежать день и ночь», чтобы поспеть в Воронеж к празднику — 31 марта, «и для такого поспешения дано им по 2 лошади человеку»[2]. По письму князя Ф. Ю. Ромодановского он отбирает и посылает туда на житье 11 человек столяров[3].

А. М. Головин также доносит Петру о больших пожарах в Москве, но интересуется ими с особой точки зрения, со стороны участия в работе по тушению пожаров солдат подведомственных ему потешных полков. Донесение его о пожаре 25 февраля в хоромах царицы Прасковьи Федоровны мы привели выше. На 25 марта в ночь был пожар за Москвой-рекой в Конюшенной Овчинной слободе, сгорело 46 дворов, разломано 10. «И на том пожаре я с полками не был, потому что указ есть словесной, что с полками за Москву-реку не бегать мне. А стоял я с полками в Кремле для опасения; а приказал имянно мне князь Федор Юрьевичь. И ты, государь, изволь с ним о том переговорить и отписать ко мне: бегать ли мне с полками или нет, а без наших полков отнимание худое, или от себя которые полки посылать?»[4]. В письме 11 апреля он писал: «От частых пожаров нам и солдатам скучило; в одни сутки было девять пожаров: 11 апреля был пожар на дворе сержанта Александра Меншикова: сгорела баня, далее не дали гореть, скоро прибежали полки, потому что были на ученьи»[5]. В письме 23 марта шла речь о посылке в Воронеж каких-то «пожарных статей», вероятно, проекта правил о действии войск на пожарах[6].

В письме 6 апреля А. М. Головин уведомлял царя о смерти майора Преображенского полка Николая фон Залена. На похороны он велел нарядить «полку своего баталию». Вдова его просила выдать денег на погребение; царь, если согласен, пусть напишет и укажет, откуда взять деньги[7]. В письме 16 апреля — известие о том, что полкам по царской воле сказан указ о готовности к предстоящему походу. Головин просит отписать о выдаче жалованья на подъем в поход и указать,

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 807.
[2] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 79—80.
[3] П. и Б., т. I, стр. 814—815.
[4] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 79—80.
[5] *Устрялов,* История, т. III, стр. 540—541.
[6] П. и Б., т. I, стр. 806.
[7] Там же, стр. 811.

откуда брать подводы под полки. При этом объявлении было ученье солдатам, и «твоим счастием, — прибавляет Головин, — зело меня обвеселили, и стрельба была изрядная. Дай Боже и впредь такая ж»[1]. В письме 22 апреля он сообщает имена офицеров, посланных в Воронеж с малолетними солдатами, и просит вернуть офицеров скорее обратно: надобны начальные люди. По царскому указу послан отряд из 12 человек Семеновского полка во главе с сержантом в деревню к князю М. Г. Ромодановскому, куда он был сослан, впав в опалу, с приказанием смотреть за князем, из деревни к Москве и никуда его не выпускать, а паче всего смотреть, чтобы чего над собою не учинил[2]. Наконец, в последнем письме, помеченном «Из Преображенского, апреля в 25 день, в вечерни» Головин, сверх известий об обучении офицеров, сообщает еще, что он приказал паяльщику Данилке сделать с поспешением 10 000 трубок к пушкам в запас[3]. В каждом почти письме он извещает Петра, что был в его доме и нашел там все благополучным. В каждом письме также всякого рода сообщения, касающиеся Преображенского и Семеновского полков, и при чтении писем А. М. Головина в воображении Петра, вероятно, во всей подробности проносились картины их полковой жизни. Он был в курсе каждого происшествия в полках, как бы оно ни было незначительно, и если на каждый вопрос А. М. Головина: «о том что поволишь?» он отвечал изъявлением своей воли, распоряжением или согласием, то понятно, какое близкое участие он принимал в руководстве и управлении полками.

В переписке с Виниусом большое место занимают известия о делах под Ригой: осада Риги саксонскими войсками[4], взятие Динаминде и смерть Карловича[5]. Затем идет речь о каком-то присланном Петру в Воронеж сибирском железе, вызвавшем его одобрение, и о каких-то пожарных трубах, которые он желал бы получить из-за границы от Витзена. «Min Her, — писал ему Петр 21 марта, — Писма отъ васъ по рознымъ почьтамъ я принялъ, въ которыхъ мъного новинъ виделъ, между которыми зело ізрядное железа Сибирсъкое. Еще зело прошу: отпиши к Витцену, чьто тѣ, которыя онъ мънѣ посулилъ, пожарныя трубы, которыя сами воду въ себя тянутъ і прышъшутъ, прислалъ пару, а въпредь велѣлъ бы здѣлать дюжину; а я чрезъ векъсель запълачю. Piter. Съ Воронежа марта въ 21 д. 1700»[6].

[1] П. и Б., т. I, стр. 813—814.

[2] Там же, стр. 814—815.

[3] Там же, стр. 816. К этому письму сделана приписка: «Ich küsse meines gnädigen Hr. Capitein seiner Hände demütigst, von Blomberg». И. И. Бломберг — полковник Преображенского полка.

[4] П. и Б., т. I, стр. 807; от 8 марта.

[5] *Устрялов,* История, т. III, стр. 541 — письмо от 9 апреля; П. и Б., т. I, стр. 812 — письмо от 16 апреля.

[6] П. и Б., т. I, № 302.

Виниус приказание исполнил и Витзену писал[1]. Как начальник Сибирского приказа он докладывает Петру по делам сибирской администрации: просит о наградах воеводам: тобольскому — боярину князю М. Я. Черкасскому и верхотурскому — стольнику Кузьме Козлову, что Петр обещал ему ранее. Ближний боярин князь Михаил Яковлевич Черкасский и его сын князь Петр Михайлович, бывший с ним в Тобольске, видимо, пользовались большим расположением царя. Еще в 1698 г., когда у князя Михаила Яковлевича умерла жена, княгиня Марфа Яковлевна, царь 31 августа, через несколько дней по возвращении из-за границы, «изволил о той их печали премилостиво к ним призрить, послать к ним с Москвы из Разряду с своим, великого государя, милостивым словом и с... грамотою стольника А. И. Еверлакова»[2]. Далее Виниус докладывает и просит указа о действиях находившегося в Сибири думного дьяка Данилы Полянского. Дьяк приказа Тайных дел при царе Алексее, а потом думный дьяк Данило Леонтьев Полянский в 1692—1694 гг. был в опале и проживал «до указу в деревне». В 1694 г. был оттуда «взят», в 1695 г. был послан в города Белгородского полка для разбора ратных людей; в 1696 г. проживал в Москве, а с 1697 г. находился в Сибири «для сыску», т. е. послан был туда производить какое-то следствие, по всей вероятности о злоупотреблениях сибирских воевод[3]. Как известно, при Виниусе целый ряд сибирских воевод подвергся преследованиям за злоупотребления; но Полянский не угодил Виниусу тем, что вел следствие пристрастно. Виниус сообщает о нем в письме 31 марта, что когда он хотел приехать для розыска в Красноярск, то красноярцы его к себе не пустили и бьют на него челом, чтоб ему у них не быть, потому что он дружит с тремя прежними их воеводами, которые их разоряли и, обвиняя их в измене и в бунте, чинили им напрасные пытки и поклепы. По мнению Виниуса, на красноярцев «многое затеею безвинно навели». Полянский, производя следствие, держит в течение трех лет в тюрьме 12 человек лучших людей. Виниус испрашивает указа: отозвать ли Полянского к Москве и с ним привезти этих тюремных сидельцев, чтобы выслушать их показания, и тогда будет видно, прав Полянский или нет, или же, пока государь выслушает его дело по посылаемой докладной выписке, оставить его в Тобольске. «А тот, государь, город Красной, — пишет далее Виниус, набрасывая на Полянского подозрение в корысти, — ему надобен и прибылен». Следует далее другой важный вопрос сибирской администрации: «Нужно и митрополиту в Сибири, государь, быть, а Игнатий[4] зело ума исступил». Об умоисступлении

[1] П. и Б., т. I, стр. 808.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1083—1084.
[3] Арх. мин. юст., Боярские списки соответствующих годов.
[4] Митрополит сибирский, находившийся тогда в Москве.

Игнатия будет доклад Петру в Воронеж с другой стороны, от патриарха. В этом же письме от 31 марта Винпус сообщил, что с почтой из Вены пришло письмо инженера барона Боргсдорфа, бывшего на русской службе в Азове[1]. Письмо Боргсдорфа, как видно, очень заинтересовало Петра, и он потребовал его от Виниуса. «Min Her, — писал ему царь 11 апреля, — писмо твое сего мѣсеца въ 5 д. писанное, я принялъ і зело требуемъ подлинной вѣдомости о Риге і о възятиі шанца Динаментъ, подлинно ль? такъже і о куроирсътѣ Брандебурскомъ. А тебѣ чрезъ почьтмейсътера Мемльсъкого вѣдомасть подлинною възять мочьно. Такъже пришъли писмо борона Боршътороѳа, которое онъ писалъ ко мнѣ на сей послѣднѣй почьтѣ въ твоемъ обергъкѣ іли покъте. Piter. Съ Воронежа, 11 д. апреля 1700»[2].

Боярин Т. Н. Стрешнев в письме от 5 марта уведомляет Петра, что выедет из Москвы 10 марта и будет в Воронеже на пятой неделе поста. Тем, кто еще должен ехать в Воронеж, об этом сказано, и настоящая «кунпания» поедет в Воронеж скоро; распоряжения, касающиеся этого переезда по ведомству дворцов — хозяйственных отделений приказа Большого дворца, во главе которого стоял Т. Н. Стрешнев, и по Конюшенному приказу, которым управлял он же, сделаны и по дороге подводы под компанию изготовлены. Умер инженер Трузин-Рейнгольд Траузин, строивший таганрогскую крепость; в Таганрог нужен другой инженер, «каво изволение?», т. е. кого угодно царю назначить? О постройке Таганрога и о смерти инженера Т. Н. Стрешнев сообщал в качестве начальника Разряда, в ведомство которого был передан Азов с окрестностями. В приписке к этому письму особое сообщение: «Торопецкой мужикъ въ письмахъ въ другой разъ подыманъ вчерашнего дня; худ гораздо, для того мало и подымали; стоит в прежнем своем неповиновении»[3]. Речь идет здесь, конечно, о торопецком посадском человеке Сергее Жукове, привезенном в Москву к розыску по делу о сокрытии им письма царевны Софьи к стрельцам по показанию стрельца Артюшки Маслова. Сообщение показывает, что Петр был в курсе этого розыска.

Из Воронежа Петр писал к «всешутейшему патриарху» Н. М. Зотову, который ответил ему с дороги, 16 марта. «Нашего достоинства сослужителю, — пишет Зотов, — и чести достойному, и повереному в наших духовных секретных и домовых делех, осмотрителю и строителю, архидиакону Р. А., mir и благословение со всеми, при вас будущими. За любoтщаливую вашу осторожность, чрез Иеремию священника посланную, ради ведомости о приезде нашем, сугубое восприимете благослове-

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 808—809.
[2] Там же, № 306.
[3] Там же, стр. 800.

ние; мы же з божиею помощию прибыли в Хлевино сего числа в вечеру. Желаю, дабы от вас уведомлен был, в котором месте с подобающею честию имате нас встретить, или нам поспешить ко святей литургии без церемоний, а за несколько поприщ того ожидать от вас буду, толко б были вы во образе смирении, а перетдив (?) ни на ком бы не видал, да не лишени будете санов своих. При сем здравствуйте. Подворье ко обитанию нам и домовым нашим было б готово. Писано в Животинном нашею власною рукою. 1700-го марта 16 дня. Архидиакону нашему Петру»[1].

Из постоянных корреспондентов, с которыми Петр сносится письменно, когда он находится в отлучке из дома, видим еще Кревета. В его письмах находим поздравление с праздником пасхи, описание медных солнечных часов, которые он подал в хоромы в Преображенском с приспособлением для определения разницы времени в разных городах; далее речь идет о парусных полотнах, изготовляемых на его фабрике, которые он мечтает поставлять даже на английские корабли; о досках, бревнах и горбылях, изготовляемых на его пиловальной мельнице; о пожаре на двух дворах в Немецкой слободе, близ двора полковника И. Чамберса на Яузе; о выезде в Воронеж Андрея Стельса; о болезни и выздоровлении близкого к Петру из младшей его компании некоего Степана Медведя с просьбой взять к нему доктора[2]. Капитан Преображенского полка И. Гуморт прислал Петру при письме проект углубления устья Дона посредством особых запруд, чертеж которых он представил; острова, лежащие в устье Дона, он предлагает назвать Малой Голландией[3]. Дьяк Оружейной палаты Алексей Курбатов пишет царю письмо с проектом подтверждения указа о венгерских кафтанах[4]. Дьяк Преображенского приказа Яков Никонов, которому Петр писал о передаче из Преображенского приказа в Поместный судебного дела Хилковых с Прозоровским, отвечает ему: «Мой государь милостивый. Изволил ты, государь, ко мне писать, чтоб немедленно отослать в Помесной приказ дело Хилковых с Прозоровским. А того, государь, дела в приказе нет; отнес то дело при себе князь Федор Юрьевич на Потешный двор и положил в полату, где тайные дела и денежная казна, в которую кроме его нихто не ходит, и, запечатав, замкнул и ключ той полаты взял к себе. Поволишь ли, государь, мне в ту полату для взятья того дела сходить? При

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 805—806.

[2] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 94—100. О Степане Медведе см. *С. Ф. Платонов,* Из бытовой истории Петровской эпохи (Известия Академии наук, 1926, кн. II).

[3] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 83—87; *Устрялов,* История, т. III, стр. 538—539.

[4] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 103, от 20 марта.

сем Якушка Никонов челом бью. Вручить честно господину бомбандиру»[1].

Из-за границы пишет находящийся в Берлине для обучения князь О. Щербатов, сообщая о ходе своих занятий: «Только язык нас немного задерживает. А что до геометрии надлежит, то мы ее несколько разов прошли», и просит разрешения, не ограничиваясь частными уроками в Берлине, поехать в Кёнигсберг, побыть несколько недель в тамошней высшей школе, чтобы кто не подумал, что русские молодые люди «выучили свои хитрости украдкою у приватного человека»[2]. О пожарных трубах, которые Петр желал добыть из-за границы от Витзена, он пишет еще 21 марта голландцу Кинциусу, ставшему русским агентом для разного рода поручений торгового характера в Голландии[3]. Петр пишет также и самому Витзену, пересылая ему «драгоценное честное портище», т. е. кусок ценной материи, на что Витзен отвечает письмом с выражением благодарности от 6 апреля нового стиля[4]. О делах совсем уже домашних, относящихся к личному домашнему хозяйству Петра, извещает его и просит распоряжений сержант Афанасий Протасов, вероятно, заведывавший его преображенским двором: «Известно тебе, государь, буди: на дворе твоем все здорова. По письму твоему, государь, что изволил мне, рабу своему, писать о ренском, чтоб прислал Тихон Никитичь, и он послал, да сулеек (бутылок) пятьдесят порожих, да доску каменою, что пишут. Изволь, государь, приказать отписать в старом холодном погребе пиво молодое ставить укажешь ли? И о том мне приказу не было, а без приказу как поспеют пива, ставить опасен гневу. Изволь, государь, приказать отписать. Раб твой Афонька Протасов многократъно челом бьет. Марта в 5 день»[5].

От важнейших вопросов международных отношений, от союзов с иностранными державами до вопросов о пятидесяти пустых бутылках и о пиве в холодном погребе. Какой разнообразный калейдоскоп лиц, фактов и вопросов заключает в себе переписка Петра за время пребывания его в Воронеже весной 1700 г. Сюда надо прибавить еще церковные дела, которые также не остаются вне поля его зрения, и Петр продолжает править высшими церковными делами из Воронежа, как правил ими в Москве. Ему непосредственно или через посредство приближенных лиц пишет патриарх, испрашивая его распоряжений. Тогда возникли два дела, касавшиеся высшей церковной иерархии. Перед отъездом из Москвы царь, наве-

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 810. Получено в Воронеже 3 апреля.

[2] Гос. арх., Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 1, л. 207—208.

[3] П. и Б., т. I, стр. 809—810. (Ответное письмо Кинциуса, из которого узнаем о письме к нему Петра.)

[4] П. и Б., т. I, стр. 800—801.

[5] Там же, стр. 799—800.

щая больного патриарха, приказал ему не отпускать из Москвы пришедшегося ему по душе игумена Николаевского киевского монастыря Стефана Яворского, а посвятить его в архиереи на какую-либо недалекую от столицы епархию, как только такая освободится. Вскоре освободилась рязанская и муромская митрополия, и патриарх, исполняя царское повеление, намеревался поставить на нее Стефана, но в этом встретил препятствие со стороны самого предназначенного кандидата. «Егда твое величество, — писал Адриан царю в Воронеж 17 марта, — благоволил еси, по милости твоей царской, нынешняго времени меня, старца немощна, посетити и притом изволил глаголати: ежебы киевского Николаевского монастыря игумена Стефана Яворского, иже прислан в царствующий град от киевского Варлаама митрополита в делех своих их просительных, зде в Великороссийской стране, где прилично, не в дальнем разстоянии от Москвы в епархию посвятити во архиереи, и наша мерность о том тщание имехом. И сего ради, по твоему, государскому, изволению и по смотрению нашему, ему, игумену, из Москвы в Киев ехати не велено до указу, донележе обыщется где место архиерейства праздное и приличное».

Далее патриарх рассказывает, что в первых числах марта митрополит рязанский Авраамий по болезни оставил свою епархию и удалился на житье в рязанский Солотчинский монастырь. Патриарх уведомил Стефана, что ему назначено быть рязанским митрополитом. «И он нам скуча много челобитьем своим, чтобы его ныне отпустити в Киев токмо побывать ради нужд его и весною хоте, управився тамо, приехати». Но патриарх его не отпустил и 15 марта послал к нему возвестить, чтобы он готов был на 16-е к наречению в архиереи. Посланному игумен сказал, что повинуется и «в послушании готов будет». Однако утром 16 марта, когда архиереи собрались по обычаю в патриаршую Крестовую палату для наречения и послали за игуменом на Малороссийское подворье, где он стоял, то посланные на подворье его там не нашли; он уехал в Донской монастырь. Патриарх посылал и туда за ним дважды и велел его взять. Между тем в течение двух часов шел благовест. Но он, игумен, «всяким образом архирейства отрекся и из монастыря в собор не поехал к нам, преслушав нас и введе во оскорбление неповиновением своим». Патриарх велел не выпускать его из Донского монастыря до государева указа. Сообщая о таком происшествии, Адриан в заключение испрашивает царского указа об отпуске Стефана в Киев, о посвящении на рязанскую епархию и о «преслушании» его, патриарха.

В том же письме патриарх сообщал царю о происшествии с другим митрополитом, Игнатием сибирским, проживавшим тогда в Москве и обнаруживавшим явные признаки умопоме-

шательства, о чем со своей стороны, как мы уже видели, писал царю начальник Сибирского приказа Виниус. «Марта сего в 16 день, — пишет патриарх Адриан, — митрополит сибирский, пришед ко мне в келию, яко обезумився зело, неистовыми словесы мене в лице оскорби и в досаду злословил без всякие правды; а от мене выбежав из келии во Крестовую палату, архиереев на нарицание тогда сшедшихся имущего быти архиерея (т. е. на наречение Стефана Яворского) вельми бесчестными словесами поругал; также и домовых моих людей священного чина и служителей поносил нелепыми укоризнами, и в Крестовой всем людем сотворил смущение и зазор великий архиерейской чести». За такое бесчинство патриарх запретил его в священнослужении и не велел ему съезжать с подворья «да уцеломудрится и в разум приидет». Однако он на подворье при всем народе «посланному еще больше всякой непристойной нелепицы наговорил, что не токмо писати, но говорити не подобает, да и слушати нас, говорил, не хочет ни в чем и что он никого не слушает. И в людех какова не учинил бы смущения и сумнения тебе, государю, и каковые досады не принес бы, зело опасно. А на его подворьи беречи, чтоб не съезжал с двора без твоего, великого государя, указу служивых людей не дают. А он, митрополит, в недоумении своем, преслушав наше отеческое ему прещение и что служивого караулу несть у него, в вечернее пение в Крестовую нашу палату пришед, еще брань и смущение многое учини и непристойно много говори. По доношению же нам от стоящих в пении вечерни наших служителей, за таковое его бесчинство и нелепый крик велехом свести в нашу хлебню и оттуду в Чудов монастырь в келию, и велели его тамо в бережении держать и каковое его будет исправление, впредь неизвестно. Пожалуй, государь, аще он сие во уме творит, оборони мене от него и чтоб архиерейский чин в поругании не был; аще ли во изумлении от чего либо, впредь имамы возвестити. И о сем, благочестивейший царю, благорассуждение и повелительное смотрительство изволь сотворити» [1].

Петр медлил ответом по этим двум делам, и 1 апреля патриарх писал в Воронеж нескольким приближенным к царю лицам: А. Д. Меншикову, Т. Н. Стрешневу, Ф. А. Головину, также и «всешутейшему патриарху» Н. М. Зотову с просьбой напомнить царю о своем донесении от 17 марта [2]. Т. Н. Стрешнев уведомил патриарха о царской воле через думного дьяка Г. Ф. Деревнина. «И по тому известию, — пишет ему патриарх от 7 апреля, — во имени Господни, киевского Николаевского игумена Стефана Яворского в рязанскую митрополию в митрополиты посвятихом сего апреля в 7 день в неделю». В Дворцовых раз-

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 535—537.
[2] Там же, стр. 537—539.

рядах читаем: «Апреля в 7 день в неделю Фомину в соборной церкви Успения пресвятые Богородицы повелением великого государя царя (т.) и по благословению великого господина святейшего кир Адриана, архиепископа Московского и всеа Русии и всех северных стран патриарха, поставлен преосвященным Трефилием, митрополитом Сарским и Подонским в Переславль Рязанской в митрополиты из Киева Николаевского монастыря игумен Стефан. Да при том же постановлении были и иные власти со освященным собором. А по указу великого государя царя (т.) у действа постановления были: боярин Иван Иванович Хованский, околничей Семен Федорович Толочанов, думной дьяк Гаврило Федоров сын Деревнин. А после литоргии из соборные церкви к святейшему патриарху за новопоставленным митрополитом были и до подворья его провожали вышеписанные ж околничей и думной дьяк» [1].

XLII. СНОШЕНИЯ СО ШВЕЦИЕЙ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1700 г.

Петр вернулся из Воронежа в Москву 14 мая 1700 г. [2]. На следующий день он посетил шведского резидента Книппера. Наряду с другими проявлениями благосклонности, писал об этом посещении Книппер, он свято подтвердил, что он ничего не замышляет против его королевского величества шведского. «Упрекал в шутку мою жену за то, что она написала дочери (бывшей в Воронеже, вероятно, в свите царевны Натальи Алексеевны), что царское величество намерен отправиться с войском против Ливонии, от чего мы все (шведы) живем в Москве в великом страхе. Я едва мог, говорил он, утешить твою дочь, проливавшую слезы. Негодная, сказал я, ты не ждешь от моей души ничего лучшего? Ужели ты думаешь, что я начну несправедливую войну против короля Швеции и разорву вечный союз, сохранять который я свято обещал? Таким благосклонным и милостивым он себя показывал, что мы от радости едва могли удержать слезы. Когда я умолял, чтобы он извинил невежество моей жены, он меня дружески (familiariter) обнял, говоря, что король польский либо займет

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 539; Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1127—1128.

[2] Письмо шведского резидента Книппера к неизвестному от 16 мая 1700 г., напечатанное в современном издании, озаглавленном: «Livonica. Oder einige zu mehrer Erläuterung der mit Anfang des 1700 Jahrs in Liefflandentstandenen Unruhe dienlicher Stücke und actorum publicorum Fascieulus Sexstus, 56: «Ina Czarica Majestas ditorum publicorum 14 hujus mensis saiva et incolumnis ab oppido Voronicia huc rediit». *Ср.* Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 283 об.: Записка Судейкина, русского резидента в Варшаве, который говорил Августу II, «что великий государь, его царское величество, из своего, государского, походу с Воронежа изволил придтить к Москве маия 14 числа».

Ригу, либо совсем погубит свои силы... и прибавил: если возьмет Ригу у шведов, не удержится, скоро вырву ее из его рук»[1].

Письмо это лишний раз показывает, в каком полнейшем неведении находился в Москве шведский резидент относительно русских приготовлений к войне с его отечеством, производившихся на его глазах. Лето 1700 г. он проводит совершенно спокойно, ничего не ожидая и ничего не предвидя. «Царь скрывает свои намерения, — доносил Августу II его посланник в Москве барон Ланген 4 августа, — чтобы отнять у шведского резидента Книппера всякую тень подозрения в неприятельском нападении, и этот добрый человек усыплен совершенно à la Welling (шведский посланник в Польше), так что, как я обстоятельно знаю от его доверенного купца, с которым я вошел в тайные сношения, он уверяет шведскую корону в том, что ей с этой стороны нечего опасаться злого соседства»[2]. Книппер в июне и в июле 1700 г. хлопотал, между прочим, о выдаче находившегося в заключении в Москве маршалка шведского великого посольства майора Ранка, ранившего шпагой бранденбургского резидента Задору-Цесельского. По договору Карла XII с бранденбургским курфюрстом, Ранк должен был быть выдан последнему. Хлопоты увенчались успехом. 25 июля Ранка велено было перевести из тюрьмы в Преображенском, где он сидел, в Посольский приказ для передачи его Книпперу. Но Ранк не вынес заключения и умер в тюрьме перед самым распоряжением о выдаче, и выдано было уже только его тело с разрешением вывезти его в Швецию[3].

2 июля Книппер сообщил в Посольский приказ текст пришедшей на его имя королевской грамоты от 23 мая 1700 г. с возражениями на жалобы по поводу дурного приема великого посольства при проезде через Ригу в 1697 г., заявленные Ф. А. Головиным шведским послам во время переговоров о подтверждении вечного мира осенью 1699 г. в Москве. Гра-

---

[1] Sua Czarica Majestas die 14 hujus mensis salva et incolumnis ab oppido Voronica huc rediit atque insequenti me domi meae convenit. Inter alia effusae benignitatis pignora sancte affirmavit, nihil se contra S. R. Majestatem Suecia mali cogitare vel moliri. Uxorem meam joco increpuit, quod filiae scriptisset, destinare Czar. Majestatem cum exercitu versus Livoniam proficisciet propterea nos omnes Moscuae magno in Timore vivere: Filiam, inquiens, tuam effusins lacrymantem consolari vix potui; et inepta, dixi, tu non meliora de meo animo speras putas ne me injustum bellum Regi Sueciae illiaturum rupturumque aeternum foedus, quod servaturum me sancte promiteram? Imo ita se benignum clementemque gerebat, ut prae gaudio a lacrymis abstinere vix potuerimus. Cumque implorarem ut ignorantiam uxoris meae excusaret, me familiariter amplexa est. Inter alia singulari plane affectu S. Czar. Majestas dicebat, Regem Poloniae vel Rigam occupaturum, vel suas vires omnino attriturum cum alioquin ignoraret, ubi commode vitam degeret. Atqui, subjecit, si Rigam suecis adimat, cam tamen non retinebit: illam cgo profecto manibus ejus eripiam. Constantinopoli nihil certi de pace allatum est. Moscuae. d. 16 Maji 1700.

[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 560.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 2, л. 48—57, 17.

мота опровергает эти жалобы. В них говорилось, гласит грамота, будто в Риге великих послов принимали, «как барбаров и татаров». Король предписал рижскому генерал-губернатору графу Дальбергу дать объяснения и для этого приехать в Стокгольм. Но так как в это время король польский начал «напрасную» войну, напал на Лифляндию и осадил город Ригу, то Дальберг отлучиться из Риги не мог и представил объяснение письменно. Далее в грамоте излагаются представленные Дальбергом доводы, опровергающие русские обвинения. Дальберг «перед богом» свидетельствовал, что наговор, будто он великого государя встречал невежливо, сделан напрасно. Посольство было встречено на рубеже и сопровождено в Ригу с великою честию. В город оно было ввезено в каретах при двукратном салюте из 16 больших пушек; по улицам, где проезжали послы, было выстроено три батальона войск; им отведены были хорошие дома. Во все время пребывания послов в Риге им воздавали всякую честь и любовь, за что первый посол генерал Лефорт часто генерал-губернатору благодарствовал и писал о том в Москву. Чтобы расследовать дело, генерал-губернатор приказал расспросить рижских бургомистров и всех советников; они показали, что горожане воздали московскому посольству бо̀льшие почести, чем каким-либо иным послам прежде. Правда, в то время была значительная дороговизна на съестные припасы, так как не было подвоза от весенней распутицы и не окончившегося ледохода по реке, и вообще в том году была по всей Лифляндской земле дороговизна вследствие неурожая и голода. Бургомистры и советники свидетельствуют, что им ничего неизвестно о тех 80 золотых, которые будто бы взяты были с послов за перевоз через Двину, на что жаловались между прочим в Москве, но им известно, что послы дали за перевоз всего только 60 ефимков да 2 золотых перевозчикам на вино. При отъезде первый посол выразил городскому магистрату благодарность. Генерал-губернатор с своей стороны предложил послам угощение в замке, но затем заболел; была больна и его дочь, поэтому он и не мог посещать послов. В том, что посольским людям было запрещено осматривать городские укрепления, виноваты они сами, потому что некоторые из них ездили по высоким местам с зрительными трубами и «проведывали, каково укрепление городу, стенам и строению делали чертежи и хотели учинить меру рвам», а также гуляли по стенам и контрэскарпам. Поэтому генерал-губернатор и просил генерала Лефорта запретить своим людям такие занятия и прогулки. Но никому не было запрещено выходить из дому, и они выходили свободно. На жалобу, что надобно было бы царской персоне, бывшей тут же с ними, оказать бо̀льшую честь, Дальберг отвечал, что в посольстве под страхом смертной казни было запрещено объявлять о нахождении в среде посольства царя,

и поэтому в Риге делали вид, что об этом не знают. Если послов не перевозили через Двину в украшенных яхтах, то это только потому, что таких судов в Риге не нашлось: однако им дана была узорчатая яхта, обитая сукном, да еще другие две яхты и больше 30 ботов. При перевозе был сделан салют из 32 пушек. Об обиде, причиненной будто бы проезжавшему через Ригу посольскому курьеру, король предписал произвести расследование и, если кто в том окажется виновен, наказать[1].

Устрялов считает содержание грамоты вследствие его оскорбительности достаточным основанием для разрыва со Швецией. «Король шведский, — характеризует он ответ Карла XII, — писал таким тоном, как будто судил двух своих подданных»[2]. Однако, следует учесть, что грамота была обращена не к Московскому государю, а к шведскому резиденту в Москве.

Кроме того ни по форме, ни по содержанию она не заключала в себе не только ничего оскорбительного, но даже и просто непочтительного по адресу царя или послов. Другое дело — то впечатление, которое она могла произвести на Петра летом 1700 г. В Риге ему не было оказано достаточного внимания, какое оказывалось в других странах, в которых он также путешествовал инкогнито. Дальберг отнесся к приему посольства корректно, но сухо и формально. Из Риги Петр уехал с чувством неудовлетворенности и недовольства приемом.

Военные приготовления весной и летом 1700 г., как уже приходилось упоминать, искусно маскировались предпринимавшимися русским правительством дипломатическими шагами. Андрей Артамонович Матвеев в Гааге, этом дипломатическом центре тогдашней Европы, старался погасить всякие подозрения относительно замыслов царя против Швеции и был особенно любезен и предупредителен с шведским послом Лилиенротом. «С свейским послом, — доносил он в Москву Ф. А. Головину от 14 июня, — и с прочими резидующими министры по указу всемилостивейшего нашего великого государя прохожу со всяким любительным благоповедением и от них к себе взаимно многую любовь имею». Шведскому послу он говорил, что у царя к Швеции «никакого отягчения нет» и все по договорам исполнено, «о чем он зело урадовался и поступает ко мне любительно»[3]. В конце июня он получил предписание из Москвы от 28 мая «вступить в разговор со Штатами» и уверить их, что ради древней дружбы с ними государь «в неприятельские поступки с Свейскою короною никогда вступать не соизволяет» — с тем, чтобы и сами Штаты в те дела, т. е. в отношения между северными державами, не

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 2, л. 20—46.

[2] *Устрялов,* История, т. III, стр. 373.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 58 об. Получено в Москве 10 июля.

вступали. Об этом Матвеев 1 июля представлял рату-пенсионарию, который 4 июля дал ему ответ, что Штаты состоят в оборонительном союзе как с Швецией, так и с Данией, и отправили свой флот вместе с английским флотом в Зунд, чтобы прекратить начавшуюся между этими державами войну и установить мир. Рат-пенсионарий просил при этом передать просьбу Штатов царю, чтобы он воздействовал на польского короля и побудил его прекратить со шведами войну, которую тот «начал наглым и напрасным нападением» на шведскую корону. Цесарь и французский король уже просили его прекратить эту войну, но он, король, на их желание ни малой своей склонности не показал, «но и паче первых свирепствовать на ту корону войною своею начал». Штаты надеются, что царю удастся уговорить польского короля [1]. 12 июля Матвеев писал к царю, что он «контравизитовал» шведского посла, который, узнав о вышеупомянутом заявлении Матвеева Штатам, выражал благодарность, что царь не вступил в войну против Швеции по дружбе к шведскому королю, и король за это нерушимое постоянство царской любви обещает искать лучших способов исполнять царскую волю. Он, Лилиенрот, получил известие, что вследствие того, что царь не вступил в войну, и король польский склоняется к прекращению войны в Лифляндии и готов начать мирные переговоры. Шведский посол в Голландии барон Лилиенрот оказался таким же легковерным и недальновидным оптимистом, как и его коллеги при московском и при варшавском дворах. Правда, через некоторое время после приведенного разговора с Матвеевым он прислал к нему секретаря выразить сомнение: до него дошли слухи, что царь хочет оказать помощь польскому королю, подобно тому как Штаты и Англия оказали помощь шведскому королю, не нарушая в то же время мира с Данией. Но Матвеев рассеял эти его сомнения и успокоил его, поручив присланному секретарю сказать, что действительные намерения царя таковы, как он, Матвеев, заявлял Штатам, о чем и ему, шведскому послу, известно [2].

XLIII. ОТПРАВЛЕНИЕ А. Я. ХИЛКОВА В СТОКГОЛЬМ

В непосредственных сношениях с самой Швецией всячески подчеркивались миролюбивые намерения царя. Было назначено для присутствия при подтверждении королем в Стокгольме вечного мира торжественное великое посольство, в состав которого вошли ближний боярин князь Я. Ф. Долгорукий, окольничий князь Ф. И. Шаховской и думный дьяк Любим Домнин. В Посольском приказе было заведено дело об

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 71—72, от 5 июля. Получено в Москве 30 июля.
[2] Там же, № 4, л. 77—79.

отправлении этого посольства[1]. Но приготовления к отъезду шли до крайности медленно. Когда 31 июля 1700 г. Книппер в поданном им мемориале справлялся о времени отъезда посольства, ему едва ли могли дать какой-либо точный ответ. Справка была ему нужна для уведомления нарвских властей о приеме посольства. Мемориал остался без ответа. Через несколько дней начато было движение войск под Нарву[2].

Официально с извещением о предстоящем приезде великих послов, а на самом деле для усыпления бдительности в самой Швеции, весной 1700 г. был отправлен в Стокгольм ближний стольник князь Андрей Яковлевич Хилков. Князя А. Я. Хилкова мы встречаем в Дворцовых разрядах на придворной службе с 1688 г., когда 31 мая он в свите царя Петра Алексеевича участвует в поездке с ним к Троице, а 30 июня в Кремлевском дворце у сенных дверей Столовой палаты встречает имеретинского царя Арчила Вахтанговича, приезжавшего с детьми к государям на прощальную аудиенцию. И в дальнейшем он назначается встречать послов во дворце. В 1692 г. в звании комнатного стольника он у сенных дверей Грановитой палаты встречает персидского посла при его приездах во дворец 17 и 31 марта и 11 мая. В 1697 г. в числе других стольников он отправился в Италию изучать навигацкую науку и вернулся оттуда с знанием не только навигацкой науки, но и итальянского языка. Когда в 1699 г. явились в Москву великие и полномочные шведские послы для подтверждения вечного мира, князь А. Хилков опять встречал их на приемной и на прощальной аудиенциях, в сенных дверях Столовой палаты и в обоих случаях говорил им приветственную речь[3].

Быть может, соприкосновение князя Андрея с шведскими великими послами на этих встречах почему-либо и навело Петра на мысль выбрать именно его для посылки в Швецию. Если со сборами великого посольства туда намеренно медлили, то, наоборот, с отправлением князя Хилкова очень спешили. Указ о его назначении состоялся в Воронеже 17 апреля, причем в тексте его дважды говорилось об отпуске его в Швецию немедленно: «указал послать *немедленно»,* «отпустить его с Москвы *немедленно*, чтоб, конечно, с Москвы поехал до пришествия его, великого государя, с Воронежа»[4]. Указ был получен в Москве 20 апреля и на следующий день, 21 апреля, объявлен Хилкову «на ученье солдатского строю на Старом Денежном дворе», где, очевидно, он наряду с другими стольниками проходил курс военного обучения, го-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 9.

[2] Там же, № 2, л. 58—59.

[3] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 381, 387, 655, 674, 683; *Устрялов,* История, т. II, стр. 566; Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1699 г., № 2, л. 458, 623.

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 1.

Рис. 47. Князь А. Я. Хилков.
Гравюра начала XIX в.

товясь в офицеры в формировавшуюся тогда регулярную армию. «Сказывал» ему указ второй дьяк Посольского приказа Борис Михайлов, специально прибывший для этого на ученье к Старому Денежному двору[1]. С ним отправлялись двое подьячих Малороссийского приказа: Василий Богданов и Иван Меньшой Чередеев; старший — Иван Большой Чередеев — был с Е. И. Украинцевым на посольстве в Константинополе. В Новгороде к нему должен был присоединиться находившийся там переводчик шведского языка Вилим Ибрагимов. Кроме того, в его же свите ехали: «духовная особа», не называемая по имени, очевидно, священник и сын шведского резидента Томаса Книппера, Петр Книппер, молодой человек, ездивший по Европе в великом посольстве 1697—1698 гг. в качестве пажа при Лефорте[2]. Вероятно, в том же качестве он был и при Хилкове. Во всяком случае в этой его посылке в Швецию надо видеть особенную любезность по отношению к отцу его, шведскому

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 11, л. 1.
[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 572.

резиденту, и, может быть, также одно из средств усыпления его внимания. 26 апреля дьяк Борис Михайлов с подьячим Михайлой Волковым привезли к Хилкову на двор грамоту к шведскому королю и наказ[1]. Читая наказ, князь Андрей мог узнать, что он посылается в Швецию с двумя целями: во-первых, известить шведское правительство о предстоящем прибытии великих и полномочных послов и, во-вторых, за тем, чтобы остаться в Швеции резидентом. В качестве резидента он должен был, живя при королевском дворе, «проведывать всяких ведомостей всесовершенно» и доставлять в Москву самую подробную информацию о разных политических новостях. В частности же наказ ему предписывает сообщить о составе дипломатического корпуса в Стокгольме, о находящихся там послах, посланниках и резидентах и, вступив с ними в сношения, проведывать, с какими делами каждый из них прислан. По дороге в Швецию и находясь в Стокгольме, он должен был добывать и сообщать в Москву известия о войне польского короля со Швецией: за что у него со шведами война, о количестве войск под Ригой и о военных действиях, пришли ли к действующим там саксонским войскам также польские и литовские войска, прерваны ли дипломатические отношения у Швеции с Польшей, выехал ли из Польши шведский резидент, много ли шведы послали войск на выручку Риги, чего ожидать между этими державами, войны или мира, и если мира, то на каких условиях. Хилков должен был далее узнавать, какие отношения существуют между Швецией, с одной стороны, и Данией, Бранденбургом и Францией, с другой; нет ли каких-либо сношений у шведского двора с турками и крымским ханом, ведут ли шведы торговлю с Турцией. В самой Швеции ему предписывалось осведомиться, как смотрит общественное мнение на последние сношения Москвы с Швецией; что шведы мыслят и говорят об отказе великого государя присягнуть перед шведскими послами при подтверждении вечного мира в Москве осенью 1699 г.; как этот отказ толкуют и что говорят в простом народе; будет ли король с своей стороны присягать при подтверждении вечного мира или, так же как и московский государь, ограничится одной только докончальной грамотой; рады ли шведы предстоящему прибытию русского посольства. Существенным предметом осведомления резидента должны были быть сведения об отошедших к Швеции трех русских городах: каковы численностью в них гарнизоны и в каком состоянии в них крепости. Все эти сведения Хилкову предписывалось сообщить в Москву с еженедельной почтой, писать секретные из них собственноручно и даже

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 27. В Статейном списке Хилкова передача наказа отнесена к 25 апреля. (Дела шведские 1700 г., № 11, л. 1 об.)

ему только одному известной цыфирной азбукой. Он должен был также покупать и пересылать в Москву газеты [1].

Представитель московской знати, связанный родственными узами с самыми выдающимися домами [2], князь Хилков, как и все эти молодые дипломаты, которые начали дипломатическую деятельность перед Северной войной, как А. А. Матвеев, князь Ю. Ю. Трубецкой, Измайлов, был близок к руководителю иностранной политики Ф. А. Головину, вероятно, также состоял с ним в родственных отношениях. Эта личная близость заметна по его переписке с Ф. А. Головиным, начавшейся еще в Москве при сборах Хилкова в путь. «Милостивой мой государь, Федор Алексеевичь, — писал ему Хилков из Москвы в Воронеж 28 апреля, — многолетно здравствуй на множество лет. По указу государеву поеду в путь свой кончая маия в 1 день; а подьячей, государь, которой со мною написан в Свию, Инехов, отставлен, а в его место дан Богданов, и он человек самой скудной, в том тебе доношу, что ему там жить будет нечем. Еще ж мое доношение о которых моих належащих нуждах тебе, государю моему, послано в сем моем письме на особой бумаге писано. Пожалуй, по тому моему доношению сотвори со мною, убогим, во всем ко мне милость свою ради имени божия. При сем Андрюшка Хилков челом бьет. С Москвы апреля в 28 день» [3]. 30 апреля к нему на двор были присланы ассигнованные ему подъемные деньги — ему дано было 666 рублей, переводчику 70 рублей и двум подьячим по 50 рублей каждому, а также соболиная казна для раздачи в Швеции [4]. 9 мая он покинул Москву, куда ему уже не суждено было возвратиться; он умер на чужбине, протомившись в шведском плену до 1718 г.

Мы последуем за ним в его путешествии и будем следить за исполнением им своей миссии. Держа из Москвы путь на Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Иверский монастырь, Яжелбицы, Бронницкий ям и от Бронницкого яма на судах по реке Мсте и по озеру Ильменю, делая в день 30, 40, 45, 50, 55 и даже один раз проехав 65 верст, он прибыл в Новгород 24 мая. Из Новгорода он писал Ф. А. Головину в Москву 1 июня, извещая, что, приехав в Новгород, он умешкал там в ожидании ответа от ругодивских властей новгородскому воеводе о приеме его на границе. Исполняя данный ему наказ, он сообщает далее известия о военных действиях, которые ему удалось раздобыть: писали из Стокгольма находящиеся там приказчики торгового человека Ивана Агапитова,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 15—27.

[2] Между прочим, он был в свойстве с князем Ф. Ю. Ромодановским (П. и Б., т. I, стр. 590).

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 57.

[4] Там же, № 11 (Статейный список Хилкова), л. 1—1 об.

что из Стокгольма отпущено под Ригу 26 военных кораблей и всем городом пекли для того похода хлеб; король еще в Стокгольме, но, конечно, пойдет в войска. Хилков обращается к Ф. А. Головину с вопросом, как ему быть, ехать ли ему к королю, если короля он в Стокгольме не застанет. «А в наказе мне написано: ехать в Стекольное или в иной город, где король. И я без письма о сем деле от милости твоей для того и к рубежу умедлил, как воля твоя, о чем, пожалуй, мой батька, вели отписать и ежели мне ехать в войска, достатку требует великого, а тебе, моему государю, известно, какая моя нищета, и в иностранных порядках твоя милость паче многих известен». Впервые, неожиданно выступая на дипломатическом поприще, Хилков чувствует свою неопытность и просит у Головина руководства и наставления; оторванный от семьи, он просит оказывать покровительство покинутым братьям: «Прошу, государь, милости у тебя в неоставлении о себе, сотвори со мною всякую милость в опеке своей, в чем где мое какое недознатие явится, управь милостью своею. Еще ж прошу милости, пожалуй, будь к братьям моим милостив, как начал, по начинанию и до совершения. При сем недостойной и услужник милости твоей Андрюшко Хилков челом бьет из Новагорода. Июня в 1 день» [1].

11 июня Хилков отправился из Новгорода водой: рекой Волховом, озером Ильменем, рекой Мшагою, затем, переехав сухим путем до реки Луги, поплыл Лугой в судах до самого рубежа, до пограничного местечка Нижнего Муравейна, куда прибыл 24 июня и где остановился на русском берегу, раскинув палатки. На противоположном берегу ожидал его высланный ему навстречу из Ругодива капитан Гедеон Препстинг. По пересылкам капитан просил отложить встречу до следующего дня, так как не все подводы были у него еще собраны, и предложил встретиться посредине реки, как встречаемы были на рубежах послы в прежние времена. Но Хилков с своей стороны предложил, по замечанию Статейного списка, эти «прежние приемы отставить» и просил капитана приехать для встречи на царскую сторону, что и было исполнено. После обмена приветствиями с упоминанием царского и королевского

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 66.

Даты Статейного списка Хилкова (Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 11) не сходятся с датами, приводимыми в отписке в Москву новгородского воеводы князя И. Ю. Трубецкого от 5 июня 1700 г. (Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 67—68). В отписке указывается, что князь Хилков приехал в Новгород *27 мая, а 4 июня отпущен* из Новгорода на рубеж. По Статейному списку он приплыл в Новгород *24 мая,* а выехал 11 июня. Думаем согласить эти разноречия таким образом: Хилков прибыл в Новгород 24 мая, а представился воеводе 27-го. Точно так же он простился с воеводой 4 июня, а действительно выехал из Новгорода 11 июня, простояв до этого числа на Хутынском подворье, где он остановился.

титулов Хилков пригласил капитана в свою палатку, где, ожидая, пока изготовятся палатки для русских на королевском берегу, пили за здоровье великого государя. Затем стали переправляться через реку, причем на королевском берегу стоял в качестве почетного караула отряд в 40 человек солдат под командой поручика. Уложивши обоз, под который ему дано было 96 подвод, Хилков двинулся в дорогу 25 июня. Перед отъездом он отправил официальную отписку об оказанном ему приеме в Посольский приказ, а кроме того писал Ф. А. Головину: «Милостивый мой государь, отец Феодор Алексеевичь, многолетно здравствуй на многие предбудущие лета. Известно тебе, своему государю, чиню: на Свейской рубеж приехал июня в 24 день и посылал к присланному для приему, и он в том числе меня не принял, сказал, что у него не готовы подводы. А в 25 день прислал ко мне, чтоб съехаться серед реки против прежних обычаев, как принимали великих послов с обеих сторон. И я ему сказал: что то за обычай, что серед реки съезжаться и церемонии править на воде? Нужды нет, можно править и на берегу, а гостей всегда почитают. И он приехал с королевской стороны на государеву сторону и объявил мне о себе, что он ругодивских полков капитан Гедеон Препстинг, прислал его из Ругодева по указу королевскому полковник Геннинг Рудольф Горн, который ныне в Ругодеве пребывает на месте ругодивского генерала, для приему моего на рубеж и с рубежа до Ругодева быть ему приставом и в подводах учинить довольство сколько надобно, а в корму де мне указу никакого нет. А ту церемонию правил с именованием нашего великого монарха и королевским. Потом я отповедь чинил против того ж, как надлежало, с благодарением от своего лица тому, кто его послал из Ругодева. И с рубежа в том же числе поехал до Ругодева, толко и мешкал покамест клались на подводы. А из Ругодева, государь, поеду вскоре, лишь бы они зачем не остановили, буде что не готово. С рубежа, государь, послал я отписку о приеме своем как меня принели. И у тебя прошу милости, умилосердись, мой милостивый отец, изволь ее (т. е. отписку) высмотря, буде что с недознатия неисправно написано, исправить милосердием своим по начатой своей, государя моего, милости неоставлением своим в нуждах моих. Ей, дело незаобычайное и такой труд, что богу моему сведущу всегда, бедной, всего стерегуся, да не знаю, как и стеречься в таком своем несчастном часе. Однакож отдаюсь в твои, милостивого моего государя, руки, как волишь, мню, что милостию своею не оставишь моей нищеты. При сем раб твой Андрюшка Хилков челом бьет. С рубежа с Нижнего Муравейна, июня в 25 день». В приписке к письму он прибавляет: «Не погневайся, милостивой отец, что непорядошно и худо писано. Ей, вскоре стало, всегда пекусь о пути своем,

как бы скорея доехать, и надеюсь на твою милость, моего государя, что и худо милостию своею исправишь»[1].

На следующий день, 26 июня, Хилков прибыл в Нарву. Здесь также была оказана самая любезная встреча. За полверсты от города его ожидали высланные за ним четыре кареты. Обменявшись приветствиями с встречавшим его майором городского гарнизона, он торжественно въехал в город 27 июня. У него были с визитами военные чины города и бургграф, явившиеся к нему «челом ударить и поздравить о путном шествии». Через день, 29 июня, в день царского тезоименитства, те же чины во главе с нарвским комендантом полковником Горном были приглашены Хилковым на обед: «у него, ближнего стольника, обедали и за здоровье великого государя пили многажды». 30 июня стали грузить имущество Хилкова на данное ему для поездки через море судно, «зовомое Крейр»; однако пришлось прождать в Нарве до 4 июля за отсутствием попутного ветра. 4 июля Хилков отправился на корабль в каретах, торжественно провожаемый теми же чинами; но при посадке не обошлось без недоразумения. «А как ближний стольник пришел на судно, — читаем в Статейном списке, — и то судно нагружено у шкипоря пенькою и иным купецким товаром. И ближней стольник о том им, подполковнику и майору, и бургграфу говорил, чтоб ему ту пеньку из судна выгрузить для того, что писали о том судне они из Ругодива в Новгород, что то судно ему, ближнему стольнику, в путь его готово, а если выгрузить не велят, и их королевским посланным воздано будет також. И он, ближней стольник, на том судне не поедет для того, что он едет по указу великого государя, а может для чести его, великого государя, и свое судно особое нанять кроме тех, которые с товарами идут. И по тем его, ближнего стольника, многим словам из того судна они велели ту пеньку шкипорю выгрузить тотчас. И ту пеньку шкипор выгрузил тотчас». Пока выгружали пеньку, Хилков сидел в каюте с капитаном Препстингом, встречавшим его на рубеже, и подарил ему пару соболей в пять рублей. Перед отъездом в письме к Ф. А. Головину он сообщал ему новости, которые удалось разузнать, а также свои наблюдения над военным состоянием Нарвы: «Король свейской стоит на своем караване от Стекольного верст с пятьсот в Зунте на море. Тут же в помочь ему стоят два каравана, а по их флоты: аглинской, галанской. А все те три флота будут против датского флота. И чают у датского короля скорого миру с голстинским князем и свейским королем для того, что будто сводят их англичане и галанцы. Еще же слово есть, будто датцкой король умер от раны или лежит при смерти». Под Ригою дело не подвигается: «стоят под Ригою и ничего не делают и на переправах, где хотели

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 79.

Рис. 48. Нарва.
Гравюра XVII века.

перейтить через реку, тут многие побиты саксонских войск и литовских. От Сапеги пришло под Ригу тысяч с десять и королевской обоз, а чают скоро приходу или пришел король польской сам под Ригу. А в скольких особах, того не ведают. Ругодев безпрестанно делают и крепят. А солдат в нем самое малое число и те зело худы. А что, государь мой милостивой, Федор Алексеевичь, вышеписанного о ведомостях не писал в отписке своей (в Посольский приказ), не смел для того, что мне не верно (т. е. он не мог поручиться за достоверность сообщаемого). А к тебе, милостивому моему государю, дерзнул написать, надеясь на твою ко мне милость, как на присного своего родителя. За сим, как можешь, так мое бедное лицо управь. Всегдашней милости твоей раб Андрюшка Хилков челом бьет. Из Ругодева июля 4 числа 1700 г.»[1]. Двинулись от Нарвы только в ночь на 6 июля рекой Наровой, но у морского устья пришлось простоять в ожидании попутного ветра до 12 июля. От Нарвы к Хилкову был прикомандирован в качестве пристава капитан Густав Стернкранц, который и сопровождал его до Стокгольма.

Отойдя 12 июля от Усть-Наровы, корабль вечером 15-го подошел к шведскому берегу. 16-го за противным ветром он остановился против каменной башни, «называемой Ваксхольм, которая построена на каменном холму от Стекхольма за три мили, а от Ругодива до той башни восемьдесят семь миль, около той башни построен городок небольшой каменной ж иррегулярной, крыта та башня деревом и на ней четыре боя». И в Стокгольме была оказана Хилкову такая же любезная и во всем безупречная встреча, как и в Нарве. 18 июля на присланных за ним двух украшенных золотом яхтах, из которых одна была парусная, другая весельная, он прибыл в столицу и на пристани был принят церемониймейстером, а оттуда в каретах перевезен на приготовленный ему двор близ пристани. На следующий день, 19 июля, к нему был прислан тот же церемониймейстер с извещением, что король в отлучке из Стокгольма, и с вопросом, как ему будет угодно, «править» ли посольство без короля, ожидать ли короля в Стокгольме или ехать к нему в войска. Хилков выбрал последнее, сказав, что ему «без короля дела своего отправить неможно, а чтоб ему уволено было к королю ехать». Желание его было исполнено. 20 июля церемониймейстер явился к нему сказать, что ему ехать к королю «уволено» и подводы для него готовы, и также передал просьбу «первого боярина Бента Оксенстиерна» «велел де тебе бить челом, буде возможно, чтоб ты к нему пожаловал и дал ему себя видеть». Хилков отправился к нему с визитом. «И ближний стольник к нему ездил, — читаем в Статейном списке, — а он под него присылал свою карету

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 80.

с церемониймейстером и встретил его, ближнего стольника, на крыльце, а у кареты дворяне, и, пришед в палату, разговаривали стоя и потом сидя о посторонних делех, а стулы поставлены два и промеж их ничего не было, и сидели друг против друга, и потом проводил до того ж места, где встретил».

В сопровождении пристава капитана Стернкранца, переводчика, одного из подьячих и Петра Книппера Хилков 31 июля на 39 подводах выехал в город Мальме, где находился король с войсками, предпринимавший в эти дни поход против датского короля. Статейный список, описывая это путешествие резидента, называет не только каждый город, но и каждую маленькую гостиницу (остерию), через которые он проезжал, указывая в шведских милях расстояние от пункта до пункта и делая отметки о всем виденном в пути.

Так, в городе Норкепинге отмечены медные заводы, принадлежавшие дворянину Ринстерну, встречавшему резидента в Стокгольме. Отмечено, что до Норкепинга доходят корабли с моря. Город Линкепинг незадолго перед проездом резидента выгорел от пожара. Здесь являлся губернатор, воздавая честь резиденту. В городе Генкепинге резидент видел крепостные сооружения: каменный и земляной городки и около городков рвы. Отмечены озера, у которых расположен этот городок: озеро Севеттер с правой и озеро Роксе с левой стороны. 8 августа, отъехав от Генкепинга 3 мили, резидент видел 24 медные пушки, которые везли в полки на войну. На пути Хилков получил королевское приказание, изменявшее конечный пункт его путешествия; ему велено было ехать не в Мальме, а в Ландскрону, куда он и прибыл 13 августа к вечеру. Карл XII к тому времени уже расправился с Данией, подойдя к Копенгагену, и 8 августа заключил с датским королем мир в Травендале. 14 августа у Хилкова в Ландскроне побывали с визитами военные власти: генерал-майор Стромберг, генерал-комиссар Клингстрем, полковник, капитаны и «иные начальные люди, почитая его, ближнего стольника». 17 августа он получил приказ от короля быть к нему на датскую сторону в полки; для переезда была прислана королевская яхта. Отплыв на яхте в тот же день 17-го, Хилков прибыл к датскому берегу, где расположен был королевский лагерь, 19 августа. При выходе на берег был произведен с яхты пушечный салют; резидента встретил, как его именует Статейный список, переиначивая его звание и имя на русский лад, «королевский ближний стольник Кондратей Захарьев сын Клинштерн», проводивший его после приветствий на отведенный ему двор. У пристани и по пути ко двору стоял почетный караул из двух рот рейтар. Клингштерн извинялся, что переезд от берега ко двору должен был быть сделан верхами, а не в карете «для того, что де в карете за войсками ехать ему, ближнему стольнику, невозможно».

В тот же день Хилкову было объявлено, что король даст ему аудиенцию в 2 часа пополудни. Выслушав это объявление, он сказал, что на аудиенции быть готов с тем только, чтобы у короля в этот день ни до него, ни после него других послов и посланников не было. Клингштерн успокоил его, ответив, что никто не был и не будет, «а и быть де им некому, потому что все министры всех потентатов живут на Свейской стороне в городе Мальме и в Елсинбурге. А при короле де министров в войске никого нет».

Рис. 49. Карл XII, король шведский. Гравюра конца XVII века.

В 2 часа дня за Хилковым была прислана королевская карета о 6 лошадях, а за свитой его верховые лошади. Ехали «войсками», т. е. через лагерь, до королевского шатра; царскую грамоту перед каретой вез подьячий Василий Богданов, а перед грамотой ехали Петр Книппер и переводчик Вилим Ибрагимов; люди резидента шли около кареты. По дороге стояли две роты рейтар. По описанию Статейного списка, король в своем шатре сидел в креслах, одетый в «лосиный кожан и штаны такие же, а на верху серой кафтан, суконной, сапоги рейтарские, парык назади в мешке, короткой». По обеим сторонам королевского кресла стояло по шести человек «гардикоров» с карабинами, «от самых кресел аж до дверей шагерных». Справа от короля стоял генерал-адмирал Вахместер, слева граф Пипер. Хилков, войдя в шатер, говорил королю речь по наказу. Есть свидетельство, что речь была сказана на итальянском языке[1]. Затем он подал королю царскую

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 377 со ссылкою на *Adlerfeld*, Histoire militaire de Charles XII, I, 70.

грамоту в тафте. Король, приняв грамоту, встал и, сняв шляпу, спрашивал о здоровье великого государя, а затем сказал Хилкову, что ответ на грамоту будет дан впоследствии, когда она будет переведена. Резидент и свита были допущены поцеловать королевскую руку. Был объявлен ему «стол». Перед входом в шатер у Хилкова и у сопровождавших его лиц взяли оружие для того, как им объяснили, что «на Москве у их послов ружье обирают, когда они бывают во авдиенции».

«Стол» после аудиенции был прислан к резиденту на двор. На обед «приходили... королевские ближние люди и за столом с ним, ближним стольником, вместе ели и про здоровье великого государя и королевское, также бояр их и ближних людей, пили». Во время стола играла присланная королем музыка: литаврщики и трубачи. «В то же время на двор ближнего стольника приходил и смотрил в окно сам король и при нем драбанты (телохранители) ближние тайно». Все это происходило в тот самый день 19 августа, когда в Москве состоялось объявление войны Швеции.

Король проявлял к Хилкову большую любезность и старался его занять. На следующий после аудиенции день, 20 августа, он «с королевского ведома» ездил осматривать Копенгаген в карете графа Пипера. По возвращении из датской столицы ему велено было ехать в Ландскрону и там ожидать королевского ответа на царскую грамоту. 24 августа из Ландскроны по королевскому повелению он ездил на корабле смотреть стоявшие в Зунде шведский, датский, английский и голландский флоты, что ему, прошедшему навигацкую науку, должно было быть особенно интересно. Шведский генерал-адмирал прислал ему навстречу свою шлюпку о 24 веслах и «просил ближнего стольника, чтоб был к нему на его абмиральской корабль хлеба есть». Когда шлюпка с резидентом приблизилась к адмиральскому кораблю, был отдан салют из 18 пушек, били в литавры и трубили, матросы кричали виват. Генерал-адмирал встретил резидента на трапе у самой шлюпки; на палубе было выстроено 100 человек с ружьем под командой капитана. «И на том корабле ели, а по обеде ходили по караблю и смотрели пушек. Потом ближней стольник и абмирал-генерал сели в его, генеральскую, шлюпку и поплыли кругом всех флотов всех кораблей смотрить, а за ними в особых шлюпках виц-абмирал, шаутбейнахт (контр-адмирал) и другие начальники». Следуя мимо датского флота, встретили плывшего в шлюпке датского короля, который производил смотр своему флоту, приветствуемый экипажем датских кораблей. «А как ближней стольник и абмирал с королем поверсталися в своей шлюпке, и они встали и стояли, покамест он прошел... и гребцы не гребли и кричали поздравление датскому королю. И ближней стольник и абмирал-генерал поклон ему отдали, и он им заимно поклонился, и с его шлюпки отповедь гребцы чинили потому же...

И после смотрения флотов ближней стольник в абмиральской шлюпке поплыл в Ланцкрон, а провожал его командер абмиральской, а абмирал в иной шлюпке просто поплыл на свой корабль». В описании этого смотра в Статейном списке встречаются специальные морские термины, видимо, хорошо известные Хилкову, например: матросы сидели «на сартиах и на арбарех» и др. К Статейному списку он приложил точную роспись кораблям шведского, английского и голландского флотов с обозначением названий кораблей, имен начальников и числа пушек на каждом корабле. Кроме того, приложена была точная роспись конного и пешего шведского войска, переправленного в Данию на войну. «А о датском флоте, — замечает он при этом, — в той же росписи написано коротко только из виду, что видели, а не по ведомости верной о том», т. е. сведения даны по собственным наблюдениям, а не по точной ведомости. Если ведомости, касающиеся шведского и союзных флотов и действовавших в Дании шведских войск, были сообщены резиденту шведскими властями, то дальше этого едва ли уже можно было простирать любезность к иностранному дипломату.

После осмотра флота Хилкову было объявлено, что король в Ландскрону не будет, и велено было ехать в город Христианштадт, куда уже отправился король, где ему будет дана ответная аудиенция. Прибыв в Христианштадт 28 августа, он имел там беседу с «королевскими ближними людьми, кому посольские дела приказани», и спрашивал их, «изволяет ли ему, ближнему стольнику, королевское величество при дворе своем быть резидентом». Ближние люди ответили, что король такое соизволение дает, что присланная с ним великого государя грамота королю «во всем приятственна» и в скором времени ему дан будет ответ. Аудиенция состоялась 30 августа. Хилков отправился на нее в сопровождении тех же лиц: П. Книппера, переводчика и подьячего, «оговорясь» по наказу, чтоб других послов и посланников у короля не было. «И как ближней стольник вошел в палату перед короля, и в то число король стоял, а над местом его учинен был балдахин бархатной червчатой и креслы его того ж бархату; а на короле была в то число одежда прежняя ж простая, а бояре его, и ближние люди, и генералы были в уборном платье и стояли около его места. И Королус король сказал ему, ближнему стольнику, что присланная великого государя грамота с ним, ближним стольником, к нему во всем ему, королю, приятна и быть ему, ближнему стольнику, он, Королус король, при дворе своем резидентом повелел. И отдал ему, ближнему стольнику, к великому государю свою любительную грамоту со отповедью на его, великого государя, грамоту, присланную с ним, и приказывал к великому государю чрез него, ближнего стольника, любительное и нижайшее свое поздравление. А ближней столь-

ник, приняв грамоту у короля, отдал подьячему Василью Богданову. И после того ближней стольник такж и при нем прилучившиеся были у короля у руки. И потом ближней стольник королевскому величеству за принятие его, ближнего стольника, на рубеже и за дачу подвод и кормов и за присылку к нему его, королевского, стола, что то все учинено заимно по соседственной дружбе, не в разврат между великим государем и его королевским величеством, от себя бил челом и кланялся по должности обычной. И, челом ударя, поехал на свой двор. А всю ту авдиенцию король стоял без шляпы, а не сидел на своем месте». В этот же день, 30 августа, Петр, двигаясь с войсками к шведской границе, прибыл в Новгород.

5 сентября Хилков из Христианштадта отправился в Стокгольм, через Карлскрону, военный порт, куда прибыл 8 сентября. Там принимал его тот же генерал-адмирал, который показывал ему соединенные флоты в Зунде. Адмирал опять просил его «к себе в дом хлеба есть», дал в честь его обед, на котором присутствовали вице-адмирал и начальные люди его «каравана». На другой день, 9 сентября, произведен был смотр стоявшего в Карлскроне шведского флота численностью в 40 больших военных кораблей и в 40 фрегатов. После смотра резидент пригласил адмиралов и капитанов к себе на обед — «у ближнего стольника в тот день ели ж все на постоялом его дворе». В этот день Петр с полками двигался уже от Новгорода к Нарве.

В Стокгольм резидент вернулся в ночь на 18 сентября. 20 сентября к нему приехал принимавший его церемониймейстер Спарвенфельдт и сказал ему, «что велено у него, ближнего стольника, поставить по указу короля их караул для того, что де великого государя войски вошли в их земли и Ругодив во облежании и на Москве их резидента держат за караулом». В Стокгольме было получено, как громом всех поразившее, известие, что русские начали войну. Хилков был арестован. Дипломатическая его миссия кончилась, и начался для него долгий и томительный восемнадцатилетний плен [1].

XLIV. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОД РИГОЙ

В обзоре военных действий под Ригой мы остановились [2] на штурме саксонцами 15 марта 1700 г. запиравшей вход в устье Двины крепости Динаминде и на последовавшей затем сдаче этой крепости. Этот успех не дал, однако, ожидавшихся от него результатов и нисколько не содействовал скорому взятию Риги,

[1] Описание путешествия А. Я. Хилкова и его пребывания в Стокгольме сделано на основании его Статейного списка (Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 11, л. 1—18).

[2] См. выше, стр. 367—368.

на которое надеялись в саксонском лагере. Обратимся теперь к дальнейшим операциям под Ригой в течение лета 1700 г. и будем следить за ними, опираясь на свидетельства очевидцев, какими в этом случае являются московский резидент в Варшаве Любим Судейкин, сопровождающий короля Августа в лагерь под Ригой, и несколько русских дворян, присылавшихся в королевский лагерь из Новгорода и Пскова со специальной целью наблюдать за ходом военных действий. По отпискам Судейкина и по показаниям этих дворян в Москве и Ф. А. Головин и сам Петр знакомились с положением дел под Ригой.

Со взятием Динаминде почти совпало возвращение короля Августа из его саксонских владений в Варшаву в ночь на 13 марта. Следует все время помнить, что войну со шведами Август начал только в качестве саксонского курфюрста и вел ее только своими саксонскими войсками. Речь Посполитая войны Швеции не объявляла, в военных действиях участия не принимала, почему и шведский резидент продолжал оставаться в Варшаве. Королю предстояло поработать над общественным мнением в Польше, чтобы склонить его к участию в войне. Этим, по свидетельству Судейкина, Август и стал заниматься тотчас же по возвращении в Варшаву, вызвав к себе уже утром 13 марта кардинала-примаса, с которым совещался по вопросу о войне. Король, передает Судейкин, на этом совещании изложил восемь причин, заставивших его предпринять поход на Ригу, среди которых указывались: обязательство короля, внесенное в принятие им при избрании pacta conventa, вернуть Польше отобранные от нее балтийские земли, далее ходатайства рижских граждан и вообще лифляндских обывателей (у которых шведы отняли старинные их права) о принятии их в подданство короля; наконец, король указывал на удобство момента, когда Карл XII находится в войне с Данией и когда у самого шведского населения происходят раздоры и несогласия. Все эти и разные другие причины войны были затем опубликованы во всеобщее сведение[1].

Судейкин видел короля на приеме во дворце по случаю его приезда, состоявшемся 14 марта, а затем имел у него две аудиенции для представления ему двух царских грамот. Из этих аудиенций первая — 4 апреля — была торжественная и публичная, а вторая — 6 апреля — приватная. На первой он представил королю царскую грамоту с просьбой о восстановлении почты на Вильну, так как направление на Ригу было по случаю военных действий невозможно; вторая заключала в себе просьбу о судьбе Цеперского православного монастыря, обращенного в унию. Судейкин не счел возможным представить обе грамоты на одной аудиенции, так как, по его мнению, в торже-

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5 (Статейный список Судейкина), л. 104—105.

ственном поезде во дворец везти одному подьячему сразу две грамоты было бы неприлично, а другой из находившихся при нем двух подьячих оказался болен. Торжественная аудиенция прошла по обычному шаблону; интереснее рассказ Судейкина о приватной. 6 апреля, за два часа до вечера, только что резидент окончил составление реляции в Москву о разных происшествиях и слухах, приехал к нему Ян Окраса и сказал, что король приказал ему, резиденту, быть тотчас же у себя «приватно» с царской грамотой, которую он желал подать. Немедленно Судейкин отправился к королю с Окрасою, «сев в карете, как он отмечает,— он, посланник, с правую сторону, а Ян Окраса с левую сторону, а против посланника дворянин с грамотою». Когда он прибыл во дворец, вышедший «из покоевой», т. е. из комнаты короля, воевода мальборгский, встретив его, сказал, чтобы он шел к королю с грамотой один, и он, взяв грамоту, вошел в комнату короля. Войдя, поздравлял его «против наказу, а изговоря речь, поклонился рядовым поклоном», затем подал королю грамоту, обернутую и зашитую в тафту. Король, как рассказывает далее Судейкин, принял грамоту из его рук правой рукой «под самый испод», т. е. за нижний край, «и, взяв на столе ножичек, зашивку взрезал и распечатал сам и, развернув тое грамоту, спрашивал. . . у него, посланника, немецким языком про здоровье великого государя». Переводчиком с немецкого на польский язык был воевода мальборгский: Судейкин знал польский язык. Август сказал далее, чтоб он, посланник, «не подивил, что он, король, сам титл царского величества не может выговорить», сенаторов, кто бы мог эти «титла» говорить, никого теперь нет, потому он и велел посланнику быть у себя приватно. Когда грамота будет переведена, он, «выразумев» ее содержание, укажет «учинить респонс». Затем он спра-

Рис. 50. Август II, король польский.
Портрет маслом из собрания Государственного Исторического музея в Москве.

шивал, что у посланника через последнюю почту с Москвы есть нового, где теперь находится царское войско. «И посмотря на него, посланника, также и на воеводу мальборгского, всмихнувся, спросил: что теперь у войск царского величества под Нарвою и в Лифлянтах чинится? Чтоб он, посланник, о том объявил, не скрывая». В Варшаве подозревали намерение Петра овладеть Нарвой, боялись и не желали этого и почему-то в апреле 1700 г. думали, что царские войска уже стоят под Нарвой. Может быть, насмешливый вопрос короля имел целью вызвать Судейкина на откровенные сообщения. Но посланник ответил, что с последней почтой из Москвы им, кроме двух представленных королю грамот, никаких ведомостей не получено, а на предложение короля доложить ему о делах, которые он имеет до него, доложил о предметах, которых касались полученные царские грамоты, т. е. о возобновлении почты через Вильну на Кёнигсберг, о Цеперском монастыре и о некоторых пограничных делах между подданными обоих государств. Обещав дать ему по этим заявлениям скорый ответ, король ушел в свою «покоевую», откуда принес чертеж «и показывал посланнику, какова Рига крепостию и в которых местех фертеция Динеминды отобраны». Посланник высказал по этому поводу несколько комплиментов и пожеланий, «выхваляя, говорил, что помощью всесильного бога и заступлением пресвятые богоматери, также и его королевского величества счастием и храбростию войск его... такая твердая фортеция Динеминды отобрана. Даруй той же всемогущий господь бог отобрать под свою королевскую державу и самую Ригу». В заключение аудиенции король просил, если посланник получит какие-либо новости из Москвы и из других мест, объявлять ему. Судейкин выразил готовность и, «поклонясь его королевскому величеству... поехал к себе на двор»[1].

Как видно из этого разговора, Августу II взятие Динаминде доставляло удовлетворение, которым он поделился с русским посланником, хотя он и сожалел о тяжелых жертвах, принесенных под Динаминде. Как передает тот же Судейкин в другом своем донесении, король, получив через нарочного курьера ведомость о взятии Динаминде, «с одной стороны, утешился и был весел, а с другой стороны, печален о своих знатных кавалерах, которые побиты и поранены»[2]. Однако в потере этих знатных кавалеров, среди которых ближайшим к нему был генерал Карлович, король вскоре утешился. Весной и в начале лета в Варшаве перед отправлением на войну шла та же веселая и беззаботная жизнь, какую перед тем Судейкин наблюдал в Лейпциге и Дрездене. «Королевское величество, — доносил он в Москву в середине апреля, — забавляется по вечерям

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 140 об. — 144, 160—165.

[2] Там же, л. 127 об.

на операх и на комедиях... а в день по часту изволит ездить на Беляны»[1].

Среди таких забав должны были происходить приготовления к дальнейшим военным действиям под Ригой. Август очень рассчитывал на московскую помощь и ждал выступления царя, которое согласно договору предполагалось начать не позже апреля 1700 г., когда в Москве надеялись уже заключить мир с турками. Известия о событиях в Москве привозились в Варшаву приезжавшими туда людьми и получались только через три недели после этих событий. Вследствие этого возникало множество неверных слухов и неправильных толков, преждевременность которых еще увеличивалась нетерпением, с каким в Польше ждали выступления Москвы. По реляциям Судейкина видно, что слухи о 30 000 московского войска в Лифляндии и о 80 000 на границах Ингрии и Карелии носились еще тогда, когда московские войска благополучно стояли в Москве. В Варшаве говорили, что царь обещал послать 60 000 человек под Ригу, что сам он своею особою идет под Нарву и под Ригу[2]. Единственным источником верных вестей из Москвы мог быть только русский резидент. 18 апреля король присылал к Судейкину одного за другим сначала полковника Паткуля, а затем своего духовника Воту. Паткуль спрашивал, где находится царь, заключен ли уже мир с турками и посланы ли московские войска к Нарве и в Лифляндию. Резидент на первый из этих интересовавших короля вопросов дал чисто формальный, шаблонный ответ, что великий государь находится на своих великих и преславных Российского царствия государствах в царствующем граде в Москве в добром здравии, тогда как Петр был в то время еще в Воронеже, а на вторые два вопроса о мире с турками и о русских войсках под Нарвою отозвался неведением и неполучением известий из Москвы. Надо сказать, что он на редкость был неосведомлен о московских делах. Посольский приказ держал его совершенно без известий, на что он неоднократно жаловался в Москву, указывая, что его неосведомленность возбуждает при польском дворе и недоверие, и насмешки; паны ему говорили: «зело де мы удивляемся, что ты здесь живешь при дворе королевского величества на резиденции, а ведомостей де никаких с Москвы чрез почту у себя не имеешь, а почта де бывает звычайная по вся недели. А у иных де резидентов всякие ведомости чрез почту бывают непрестанно»[3]. И Паткуль, приехав 18 апреля, выразил ему удивление от имени короля по тому же поводу: король весьма удивляется, «что к нему, посланнику, из Москвы ведомости никакой нет». Когда в Москве был на резиденции Карлович, через него король получал частые известия. Впрочем, вскоре король на

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 181.
[2] Там же, 271 об. — 272, 364, 379.
[3] Там же, л. 193 об. — 199.

место Карловича посылает в Москву на резиденцию генерал-майора Лангена. Ланген, действительно, в начале июня выехал в Москву. С теми же вопросами приезжал к Судейкину и духовник Вота, но должен был вернуться с таким же ответом. От Воты резидент мог разузнать гораздо больше, чем Вота от него. Духовник на вопросы Судейкина сообщал, что король после сенатус-консилиума, который состоится в Варшаве с 10 мая по новому стилю, отправится под Ригу, куда наперед поедет генерал Флемминг с дополнительными саксонскими войсками. О числе конного и пешего войска под Ригой, чем интересовался Судейкин, Вота точных сведений дать не мог, но заметил, что если уже царские войска стоят теперь под Нарвой и идут в Лифляндию, то шведам будет «не без страху». Если же царских войск под Нарвой еще нет, то саксонским войскам будет «не добро», потому что шведский король идет под Ригу со многим войском. О помощи саксонцам от поляков говорят разно, разве что решится на сенатус-консилиуме. К царю от короля посылается герцог де Кроа с набранными им знатными офицерами [1].

10 июня Паткуль опять был у Судейкина за вестями и в свою очередь сообщил ему, что король вскоре отправится на театр военных действий через Литву, где ему было бы желательно видеться с царем, двигающимся, как думали в Варшаве, в Лифляндию. Действительно, король выехал из Варшавы, направляясь к Риге, 22 июня. В начале июля отправился туда же Судейкин, получивший из Москвы предписание быть при короле в его лагере [2]. В отписках в Посольский приказ он сообщает происшествия и свои наблюдения по дороге. Официально Польша в войне не участвовала, но не возбранялось желающим полякам наниматься в армию за плату в качестве жолнеров. Таких жолнеров Судейкин встретил по дороге в Гродно, куда прибыл 6 июля; они произвели на него самое жалкое впечатление: «которые жолнеры из Варшавы немногие похотели ис платы итить под Ригу до обозу, дорогою бредут человек по пяти и по шести и по десяти зело непорядочно, и то самые убогие, чуть что не наги и босы. А у иных, кроме дубинок, в руках ружья нет. А платы обещали им дать, кто из них придет в обоз». 11 июля он приехал в Вильно. Здесь в тот же день приходил к нему игумен виленского православного монастыря Сошествия св. духа Исаакий с братиею и с некоторыми православными людьми и с великим плачем жаловались на гонение от иезуитов, которые держат православных людей в тюрьме на цепях, принуждая их к унии, и просили содействовать освобождению заключенных. На другой день Судейкин передал эти жалобы литовскому гетману Сапеге, и тот сделал распоряжение освободить их. Русский посланник в Польше становится силою, на

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 181—185.

[2] Там же, л. 274—280. (Грамота из Москвы от 29 мая, полученная в Варшаве 21 июня.)

Рис. 51. Варшава.
Гравюра XVII века.

которую возлагает надежды православное население и от которой оно начинает ожидать помощи и защиты. Такое значение он будет иметь в течение всего XVIII в., вплоть до разделов Польши. Продолжая путешествие, Судейкин прибыл в королевский обоз под Ригу 21 июля [1].

В обозе он был внимательным наблюдателем всего происходящего. Оправившись от постигшей его на дороге болезни, он 28 июля представился королю. Король жил в мещанском доме в садах на правом берегу Двины. Ежедневно он производил рекогносцировки, так как предполагался «промысел», т. е. штурм, Риги. «По вся дни королевское величество ездит, — доносил Судейкин в Москву, — и зело старание имеет, откуды б способно было учинить над городом воинский промысел». Он застал его только что возвратившимся с такой поездки перед началом мессы. От посланника не укрылось, что король, слушая мессу, «якобы печален был, а воевода иновраплавской, говоря между собою с референдаром, пожимал плечами». Дела под Ригой шли, действительно, так плохо, что королю можно было быть печальным, слушая мессу, а придворным пожимать плечами, смотря на короля. Войска, чтобы взять город, было недостаточно, денег на уплату жалованья нехватало. 29 июля у посланника были два казака, приехавшие под Ригу от казацкого полковника Палея, которого Август звал на службу под Ригу [2]. Казаки были присланы Палеем осведомиться предварительно о положении дел у короля. Посланнику они «сказывали тихим обычаем», т. е. понизив голоса, что в лагере доброго «порондку» нет. С таким малым войском Ригу доставать будет трудно; в войсках им говорили, что от короля платы ничего нет. Несмотря на то, воевода иновраплавский и референдарь в беседе с ними заявляли: «если де отберем Ригу, потом де будет Хвастов (резиденция Палея) и Киев наш». Это заявление не понравилось казакам; они уверяли Судейкина, что и Палею такие планы будут не по душе [3]. В тот же самый день, 29 июля, когда Судейкин беседовал с казаками, приехал в рижский лагерь новгородский дворянин князь Тимофей Никитич Путятин, присланный из Новгорода от воеводы князя И. Ю. Трубецкого «для присмотру и проведывания о всяких воинских вестях». По его наблюдениям, о которых он потом докладывал в Новгороде воеводе и в Москве в Посольском приказе боярину Ф. А. Головину, войск под Ригой конных и пеших было всего тысяч с 12. Из Риги ежедневно стреляют по саксонским войскам, расположенным в шанцах без рогаток, но вреда им от этого нет, пото-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 296 об., 299—305.

[2] Полковник Семен Гурко Палей поселился со своим полком в 80-х годах на правой стороне Днепра. Король Ян Собеский уступил ему местечко Хвастов (Фастов), с тем чтобы Палей защищал южные границы Польши от набегов крымцев.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 312—323.

му что ядра до саксонских шанцев не долетают. Король стоит под Ригой на посаде в версте от города или меньше и с немногими людьми верхом ездит под самые рижские стены для осмотру, где способнее учинить к Риге приступ. От воеводы иновраиславского он слышал, что сенаторы и гетманы коронный и литовский оказывать вспоможение королю против шведов не позволяют до сейма, а сейм будет только в ноябре месяце [1].

31 июля Судейкин ездил осматривать взятую саксонцами еще в марте крепость Динаминде, переименованную в Августенбург. Переправившись на левую, курляндскую, сторону Двины и проезжая по берегу реки, он миновал Кобершанц, захваченный саксонцами еще при самом их подступе к Риге, и видел мельницу, при которой было устроено 12 печей, выпекающих хлеб для войска. В каждой печи выпекалось ежедневно по 500 хлебов по 4 фунта каждый, и такой хлеб давался солдату на два дня. От мельницы приехали к речке Бондаре и, переправясь через нее, прибыли в Августенбург. «И тот город Августенбурк, — пишет Судейкин, — вал и роскаты... строеньем все землянос. А въезжие только одни ворота да в валу в стене потайные две калитки небольшие. В том же валу поделаны войсковые избы, выкладены каменем и кирпичем, когда во время приступу будут метать бомбы или гранаты, и войсковые люди для береженья сидят в тех избах. Тут же в валу сделана мельница, а в той мельнице в колесе ходят лошади. Да в том же валу в хатах для нынешнего над Ригою промыслу немцы готовят всякие огнестрельные припасы. А около той всей фортеции во рву со всей стороны вода. Да в том же городе домовое строенье каменное и деревянное, где живет комендант и начальные, и войсковые люди. Тут же в городе в сараях сделано 12 печей, где пекут на войско королевское хлебы непрестанно ж. А у ворот и по валу по раскатом и в выводах и в нижнем и в верхнем бою со все стороны поставлены пушки все железные. А по росказанию начальных людей в Августбурке всех 180 пушек, а те де пушки все шведские. А воинских людей 600 человек. Да в том же городе одна кирка люторская деревянная. А построен тот город на плоскоместье, на самом рогу (мысу) в устье, где Двина впала в море, в котором месте морем и Двиною мимо той фортеции ходят морские окренти (корабли) к Риге и из Риги на море. А кругом всего острова, где построен Августбурк, обошли воды, море и реки: Двина да Бундара». Под Августенбургом в устье Двины Судейкин насчитал 19 иностранных кораблей: 14 английских и 5 французских с товарами. Переночевав в Августенбурге, он 1 августа вернулся в обоз под Ригу [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 21, л. 1—3.
[2] Там же, № 5, л. 335 об. — 336.

Военные действия под Ригой велись медленно и вяло, и проходили дни за днями, когда московскому наблюдателю нечего было отметить. В ночь на 8 августа король производил опыт метания бомб в город. Было брошено 8 бомб; ни одна из них не попала, все падали в Двину. Подойти ближе рижане не допускали. 14 августа из лагеря осаждающих были посланы под Ригу находившиеся при саксонском войске волошские и татарские хоронгви (конные отряды) для захвата стад. Эти отряды удачно исполнили поручение: стада от города отогнали, несмотря на пушечную стрельбу из города, которою несколько человек было убито и ранено. Король со свитой и саксонцами наблюдали дело. Но затем саксонцы перехватили стада, отбив их у волохов и татар, что вызвало недовольство среди поляков, которые, досадуя на немцев, говорили: «сами де они, немцы, к городу на пушки не пошли, а стояли под турами, только де все на шеях волошских и татарских оказиею своею чинят» [1].

Очевидцами этой стычки были двое псковских дворян братья Иван Большой и Иван Меньшой Вельяминовы, присланные для разведывания изо Пскова и приехавшие в лагерь 10 августа. По их наблюдению для захвата стад было послано человек с 500, захвачено было 2 пастуха да скота с 500 лошадей и с 1 000 коров. Вельяминовы, выполняя возложенную на них миссию, пробыли в королевском обозе семь дней, «по обозу ездили и о вестях, и о всяком поведении проведывали и всякого военного устроения смотрили». Сделанные ими наблюдения не удовлетворили их. По их «осмотру» оказалось, что в саксонском лагере «устроения обозного ничего нет», войска стоят, «не устроясь обозом безопасно и не в шанцах, и не в крепких караулех». Отряды расположены при короле, в Августенбурге, в Кобершанце, на острове и во взятых шведских шанцах против рижских ворот; всего войск саксонских и литовских с 12 000 человек. Пушек в обозе Вельяминовы насчитали 31 полковых самых малых — мерою аршина по полтора, да 2 пушки аршина по 4, 47 телег с порохом и полковыми припасами; мортир (мозжеров) совсем не видали. Приступа до их приезда еще не было, и военные люди им сказывали, что впредь без московских войск приступа не будет, что в обозе у них «съестными, хлебными и всякими запасами и конскими кормами гораздо скудно», добывать провиант и конские кормы ездят они верст за 80 и за 100. По показанию осаждающих в Риге находилось шведской конницы и пехоты с 10 000 человек [2].

22 августа Судейкин был у воеводы иновраклавского «для уведомления здешних и посторонних ведомостей» и имел с ним беседу. Воевода сообщил ему, что датский король заключил мир с герцогом голштинским и с шведским королем. Весть об

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 339, 351.
[2] Там же, № 20/3, л. 17—20.

этом уже пришла в саксонский лагерь. Посланник выразил удивление, заметив, что он же, воевода иноврацлавский, уверял его, что датский король не заключит мир со шведами без предварительного соглашения с польским королем. «А ныне то учинено для чего?» Воевода ответил: «Коли де, вашец, на датского наступил швед, а шведу чинят еще вспоможение англичане, голландцы и герцог голштинский, то де уже трудно одному против многих противиться». Затем посланник предложил воеводе особенно интересовавший его вопрос: «Будет ли к Риге когда приступ?» Воевода на это сказал: «Где приступать, когда пехоты немного». Король надеется на московское войско. «Видишь де, вашец: которое войско немецкое в обозе было, и из них 12 000 посланы против шведов для опасения, чтоб к обозу не ворвалися. А теперь в обозе войско невелико. Дурак рижский комендант. Если бы я был комендантом в Риге, я бы королю (Августу) ночи спать не дал! Чаю, на шведов. . . напал какой-то страх, не решились выйти из города и против малого отряда, когда от города отгоняли быдло и всякую скотину. Разве что, на что-нибудь надеются в будущем, чают себе какого способу!» [1]

Пессимистические взгляды на ход дел под Ригой состоявшего при короле воеводы иноврацлавского вполне, как видим, совпадали с тем настроением, которое наблюдали дворяне Вельяминовы в осаждавших город войсках. Собранных под Ригой войск недостаточно, чтобы взять город; без московской помощи его не взять; недостаточно денег и припасов. Судейкин за припасами должен был посылать в Митаву, где они продавались дорогой ценой. Он жалуется, что живет в убожестве и «в самой нищете» [2]. У поляков при свойственной им хвастливости вырывались иногда слова, свидетельствовавшие о широком размахе и больших замыслах, — взять не только Ригу, но и Киев, о чем говорили воевода иноврацлавский и референдарь казакам Палея; но окружавшая их действительность не могла не открывать им глаз и рассеивала туман заносчивых мечтаний. Польское общество было так недовольно предприятием, что отдельные его члены не стеснялись с присущей нации экспансивностью высказываться перед иностранцем. Когда Судейкин 31 июля ехал осматривать Августенбург, с ним по дороге возле Кобершанца повстречался ехавший из лагеря к себе домой маршалок упицкий Александр Подберезский, который говорил Судейкину: «Надобно де королю пенензы, а потом де было б и войско! Только де их польского войска от Посполитой Речи без сейму в помочь не будет. Как де он зачал нынешнюю с шведом войну, так себе сам и кончи!» Маршалок распространился дальше о тех убытках, которые причинила война литовскому дворянству и, в частности, и ему, маршалку, так как прекратилась торговля

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 358 об. — 359.
[2] Там же, л. 351 об., 401.

с Ригой, а следовательно, и сбыт сельскохозяйственных продуктов из литовских имений. «Только де гетману и иным панам литовским ныне убытки в товарах, которые ходили до Риги, стали великие, а у него де, маршалка, пропадает пеньки больши 10 000». Кончая разговор, он высказал Судейкину плохие ожидания относительно исхода всего дела: «Он же, смеясь, молвил: намерение де его такое: когда де будет Рига наша, то наша, а когда не будет наша, то не наша! Я де в Риге бывал килко раз! И видел, что Рига со всей стороны вельми крепка и пушек будет больше 1 000, а сим де войском малым Риги не взять!» [1] Прекращение торговли с Ригой живо давало себя чувствовать литовским землевладельцам и, конечно, всему литовскому населению и возбуждало его недовольство войной. Но польско-литовское общество чувствовало недовольство военными предприятиями короля еще в самом их начале. Еще в апреле 1700 г. Судейкину говорил некий немчин Ганц, проживавший у бискупа Познанского, что к бискупу приезжают знатные люди и от них он слышал, что на короля «зело досадуют сенатус и Речь Посполитая за то, что всчал войны со шведом без их ведома, и поляки войны со шведом чинить не хотят, потому что у них, поляков, с ним, шведом, по договорам учинен вечный мир. У него ж де, короля, ныне непрестанно комедии, которым комедияном обещал он дать 50 000 тарелей; лучше бы де те пенензы дать войску, нежели дать на те комедии» [2].

При отказе Речи Посполитой поддерживать предприятие короля, при недостатке денег, войска и съестных припасов, при отсутствии всякого воодушевления в саксонском лагере и при том пессимистическом настроении, какое там замечалось, рассчитывать на взятие Риги без московской помощи было трудно, а московская помощь, которую так ожидали под Ригой, не приходила. Положение становилось еще тем опаснее, что, как стало известно, король датский заключил со шведами мир, и, следовательно, Карл XII мог перебросить освободившиеся в Дании войска на выручку Риги. 28 августа заведующий у короля коронной секретной канцелярией хорунжий мальборгский сообщил Судейкину, что король говорил ему секретно (поэтому, должно быть, хорунжий и почел своим долгом тотчас же передать об этом разговоре Судейкину), «что под Ригою больше одной недели, а по нужде больше двух недель, стоять не будет, а станет чинить над Ригой промысел, жечь бомбами, потому что подкопами добывать ее трудно и пехоты мало. И хотя в те числа Риги не достанем, однакож де вызжем, и будет им, рижаном, не без малой шкоды. А потом де в нескольких тысячах для отобрания фортеций пойдет в Инфлянские места» [3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 336 об. — 337.
[2] Там же, л. 199—199 об.
[3] Там же, л. 368.

Таковы были дальнейшие планы под Ригой в конце августа. От мысли взять город осадой посредством подземных апрошей приходилось отказаться за недостатком пехоты; решили ограничиться только бомбардировкой города, рассчитывая произвести в нем пожар, а затем отступить в Лифляндию и взять крепостцу Кокенгаузен. 3 сентября в город был послан из саксонского обоза трубач с предложением рижанам сдаться, иначе город подвергнется бомбардировке; у короля пушки и мортиры, и бомбы, и всякие воинские огнестрельные припасы наготове. Как рассказывал Судейкину Паткуль, с тем же трубачом был прислан ответ из Риги от коменданта: король, хотя и побьет неповинные души, также и город вызжет и все домовое строение разорит и камня на камне не оставит, однако никоим образом город сдан не будет. В лагере носился слух, что рижане готовы дать королю $1^1/_2$ миллиона талеров, только бы не бомбардировал города. Паткуль опровергал этот слух, такой суммы не будет; однако заметил, что, если бы дали и половину этих денег, то годилось бы на войско, но что король, взяв деньги, все же стал бы «чинить промысел над Ригой»[1]. Король, как впоследствии в «Поденной записке» вспоминал Петр, деньги с рижан, действительно, взял[2]. Поэтому ни бомбардировки, ни иного какого-нибудь «промысла» не последовало; наоборот, решено было снять осаду, 5 сентября «с утра, — писал Судейкин, — королевское величество был в шанцах и велел из тех шанцев пушки, и мозжеры, и всякие огнестрельные военные припасы, которые наготовлены были для бомбардирования над Ригою, все вывезть. И ныне те пушки, и мозжеры, и бомбы, и всякие воинские припасы возят денно и ночно лодьями и стругами, и чаками непрестанно и перегружают с сей стороны попрежнему на ту ж курлянскую сторону чрез реку Двину, и, что было в шанцах, без остатку все вывезено». В разговоре с посланником 7 сентября на вопрос его, почему не было ни приступа, ни бомбардирования и почему пушки, мортиры и все воинские припасы из-под Риги увезены и куда пойдет король, Паткуль объявил, что приступа не чинено за недостатком в лагере пехоты, тогда как в Риге одной пехоты будет тысяч восемь. Московские войска на помощь не пришли. «А теперь де приспела осень, а к тому вскоре настанет зимнее время, чтоб войска не изнурить и лошадей не поморить». Король пойдет под Кокенгаузен и под «иные инфлянские места» и там где-нибудь, может быть, свидится с царем. Артиллерия увозится в Августенбург и в Кобершанц. В частности относительно бомбардировки Паткуль объяснил, что она не была произведена по настоянию голландцев и англичан, которые

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 377 об. — 378.
[2] «Журнал или Поденная записка», стр. 11.

писали через французского посла, что у них в Риге лежит товаров на несколько миллионов и чтобы той бомбардировкой их товарам не причинить вреда, — «для того и бомбардирования из шанцев не чинили» [1]. В ночь на 15 сентября все деревянные сооружения, сделанные в шанцах, были выломаны и шанцы засыпаны землей, а 15-го король, по словам Судейкина, «изволил со всем своим саксонским обозом от Риги отступить... А как с стану пошли, будынки и шалаши, и что какого строенья на том стану было, все выжжено» [2].

Король с войсками отступил вверх по Двине к Кокенгаузену, к которому подошел 21 сентября. Судейкин ехал за ним. «Местечко Коконауз, — писал он, — обнятием невеликое, только обронно; построен на горе на каменистом месте над рекою Двиною замок, строенье каменное. А к тому замку приделан вал». Подойдя к городку, король через посланного трубача потребовал сдачи. Комендант, встретивший саксонцев пушечными выстрелами, ответил, что «они сдаться не хотят и будут боронитьcя, покамест мочь их будет, аж до остатка капли крови своей». 22 сентября саксонцы устроили шанцы в тех местах, где были шанцы, сделанные московскими войсками в прежних войнах. В течение пяти суток была пальба по городу, но и город отвечал стрельбою, от которой было побито и ранено немало саксонского войска. Устраивались апроши. Август II обнаруживал большую храбрость. 24 сентября, когда он ездил смотреть апроши, убиты были два сопровождавшие его офицера. Такая храбрость внушала опасение окружавшим его лицам. Но у короля было гораздо больше личной храбрости солдата, чем искусства и распорядительности полководца. Однако так как саксонцы значительно преобладали числом над гарнизоном Кокенгаузена, то взять его было им по силам. 26 сентября комендант сдал город. Встречавшийся уже нам адъютант любельского воеводства Михаил Жубович, придирчивый и насмешливый критик саксонских военных действий, изображавший Судейкину обстоятельства взятия Динаминде, критиковал также и кокенгаузенскую операцию. По его словам, в замке было достаточно военных припасов и с тысячу пудов хлеба; крепость могла бы еще держаться, но лишилась воды: в единственный колодезь в замке попала неприятельская бомба и испортила колодезь; гарнизон, лишившись воды, должен был сдаться [3].

Тщетно ожидая вестей из Константинополя и твердо решившись не разрывать со шведами до заключения мира с Турцией, чтобы не дать возможности туркам ухудшить условия мира, Петр не был в состоянии оказать союзнику, несмотря на

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 383—386.
[2] Там же, л. 391.
[3] Там же, л. 399—400, 437.

его просьбы [1], открытую помощь; но он не прочь был помочь ему негласно и прикрыто. Уже во время переговоров о союзе в ноябре 1699 г. он согласился отпустить казаков на помощь Августу, с тем чтобы был соблюден вид, будто Август сам нанял казацкие войска в качестве добровольческих отрядов. Но казацкая помощь не являлась во-время, да если бы и явилась, не удовлетворила бы Августа. В разговоре с Судейкиным уже после снятия осады Риги Паткуль говорил ему, «якобы пышно и неблагодарно: о которых де казацких войсках писано в обоз, что они идут к королевскому величеству, и о тех де казацких войсках его королевское величество не контент». Во время действий под Ригою королю нужна была русская пехота, а не казаки [2].

Другим скрытым видом помощи Августу была отправка ему из Смоленска части артиллерии. 24 июля смоленский воевода Владимир Петрович Шереметев писал в Москву боярину Ф. А. Головину, что в Смоленск приехал польский капитан Шпикерт за пушками и артиллерийскими припасами. Воеводе было предписано отпустить с ним 22 пушки и к ним соответствующее количество припасов, отослав весь этот груз из Смоленска сухим путем на готовых подводах до села Каспли; в селе Каспле переложить его на суда и отвесть рекою Касплею «до Поречья и до Сурожа, и до реки Двины», а затем Двиною спустить до Полоцка, где и передать королевским военным властям. Эпизод с отправкой этой смоленской артиллерии стоит привести несколько подробнее; он изобразительно показывает и живо характеризует областной административный механизм того времени в его действии. С отправкой артиллерии, конечно, надо было спешить. Но В. П. Шереметев, получив грамоту и отвечая, что артиллерию велел готовить, в той же отписке высказал целый ряд сомнений, за разъяснением которых обращался в Москву: на чьих готовых подводах везти те пушки и припасы до села Каспли, а в селе Каспле в чьи готовые суда их переложить, назначить ли провожатых, сколько человек и чьих людей? «Того в твоей, великого государя, грамоте не написано, — читаем в его отписке, — а я, холоп твой, без твоего, великого государя, указу подвод и провожатых дать не смею». На его отписке от 23 августа была положена 29 августа 1700 г., т. е. более чем через месяц, по приезде Шпикерта в Смоленск, грозная помета: «По указу великого государя послать в Смоленск к воеводе его, великого государя, грамота с прежнего отпуску, велеть те воинские припасы отпускать безо всякого задержания, и тот отпуск учинить со всяким вспомогательством и радением, придав провожатых

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 552—553, 556.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 402.

до Полоцка триста человек служивых людей и подводы. А буде сего воевода не учинит, и ему быть от великого государя в опале и в разорении и отпускать присланного королевского величества польского тотчас из Смоленска». В дальнейшем возникли затруднения и с самой артиллерией, и с средствами передвижения, и с обозначенными из Москвы путями. У пушек станки и колеса оказались ветхи, частью их требовалось починить, частью сделать заново. Воевода поручил об этом ремонте представить соображения пушкарскому голове, который, по совету с кузнецким старостой, представил роспись необходимых работ. На производство ремонта потребовались деньги, и воевода отписывал, что из имеющейся в Смоленске казны он тратить деньги на починку пушек без особого указа не смеет. У шести мортир станков и колес нет; какие к тем мортирам делать станки, какие иные к ним нужны припасы, сколько к тем станкам и припасам надобно на оковку железа, этого рассчитать пушкарский голова не смог, потому что в Смоленске не оказалось знающих такое дело мастеров. Когда воевода распорядился собрать с смоленских дворцовых сел и волостей для перевозки артиллерии 2 000 подвод и послал о том в земскую избу к бурмистрам память, то из земской избы бурмистры ответили, что без послушной памяти из Москвы из Ратуши от президента собирать тех подвод не смеют. Так как из Москвы воеводу торопили, то он решился нарушить указы о городском самоуправлении 1699 г. и помимо бурмистров разослал от себя в дворцовые волости и села нарочных посыльщиков из дворян собирать подводы. С помещиковых и с вотчинниковых крестьян он, вопреки предписаниям из Москвы, подвод решил не брать, потому что сами помещики и вотчинники пошли на службу в Новгород, а с их крестьянских дворов собирают на армию «запросом», т. е. в виде экстренного налога, съестные припасы по осмине ржаной муки с двора. Наконец, и самые указанные из Москвы пути были не так удобны, как думали в Москве: на реке Каспле к осеннему времени оказались пороги, которые надо было предварительно расчистить, для чего требовалось 200 человек и неделя работы. Из Москвы предписывалось пороги расчистить «дворцовыми и помещиковыми крестьяны, чьи ни есть, в скором времени... чтоб отнюдь за тем задержания и нималого мотчанья не было». Воевода и в этом случае собрал только одних дворцовых крестьян. После многих хлопот станки и колеса были починены, подводы собраны, и 8 сентября артиллерия — 22 пушки и 6 мортир с соответствующим количеством ядер, бомб, пороху, свинцу, фитилю и пр. — отпущена была с капитаном Шпикертом и с 300 провожатыми из смоленских солдат. В Каспле груз был переложен на взятые у торговых людей струги и 3 октября прибыл в Полоцк. Будучи перегружены в Полоцке

на польские струги, пушки и припасы отправлены были отсюда под Ригу 18 октября, ровно месяц спустя после того, как была снята осада Риги. Таким образом, помощь артиллерией опоздала [1].

XLV. НОВЫЕ ПОПЫТКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СОЮЗУ КУРФЮРСТА БРАНДЕНБУРГСКОГО. ОТПРАВЛЕНИЕ В БЕРЛИН КНЯЗЯ Ю. Ю. ТРУБЕЦКОГО

В июле 1700 г. Петр писал польскому королю Августу, что трудится над привлечением к союзу против шведов курфюрста бранденбургского. Действительно, летом и осенью 1700 г. он продолжал дипломатическую работу в этом направлении, начатую еще весной того же года. Прежде всего продолжалась переписка Ф. А. Головина с фон Принценом, довольно бессодержательная, состоявшая почти только из высокопарных фраз, повторяющих одну и ту же тему об истинной дружбе, о крепком союзе и содружестве и о необходимости дружбу и союз поддерживать и «вяще утверждать». С трудом можно выловить в этой насыщенной любезностями воде что-либо конкретное, что-либо вроде просьбы при нынешних происшедших в Лифляндии замешательствах сообщать курфюрсту о намерениях и начинаниях царя или вроде известий о болезни Принцена, о поездке его в Кассель, о приезде в Берлин «высокой и знатной особы» — князя Ю. Ю. Трубецкого, но при всем том все же эта переписка имела значение как свидетельство связи и взаимного доброго расположения [2]. Более сильным средством воздействия на курфюрста была посылка в Берлин специального уполномоченного князя Ю. Ю. Трубецкого с поручением привлечь курфюрста к наступательному союзу против Швеции. Ближний стольник, участник обоих азовских походов, в 1697 г. посылавшийся вместе с другими стольниками для изучения навигацкой науки в Италию, затем капитан Преображенского полка князь Юрий Юрьевич Трубецкой предназначался для

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 20/6. Уже по отпуске капитана Шпикерта из Смоленска туда 13 сентября прибыл новый посланный от короля для приема и отправки пушек генерал-майор Венедигер. Он просил о посылке 8 000 человек пехоты, 60 пушек полугаланок, к ним 300 000 железных ядер, 20 мортир, 6 000 гранат, 6 000 центнеров пороху. Он жил в Смоленске всю осень. Наконец, по царскому указу от 13 ноября, из-под Нарвы ему дан был ответ, что от короля писано к генералу Лангу, что по осеннему времени никаких вспомогательных царских войск к королевским войскам ненадобно, а надлежит готовить их к весне. 19 ноября генерал был отпущен в Полоцк (Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 24/2).

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 3. Письма фон Принцена с переводами их, написанными рукою Шафирова, л. 7—8, 9—12, от 25 апреля; л. 15—16 об.; 17—18 от 17 июля; л. 19—20, 21—22, от 7 августа; л. 24—25, от 24 августа.

этой миссии еще с зимы 1700 г.; о нем шла речь еще в Воронеже, в переписке царя с Ф. А. Головиным, в докладных статьях, отправленных последним в Воронеж [1]. Он был отправлен из Москвы в Берлин в июне 1700 г. и повез с собою собственноручное письмо к курфюрсту от царя. «Пресветлѣйши гасударь, дъруже і бърате любезнейшиі! Понеже претъ симъ писали мы к вашей съвѣтлости о нѣкоторыхъ дѣлехъ, к ползе нашей сущихъ, нынѣ же ко ісполнению оныхъ послали мы с симъ писмомъ нашего комнотнаго сълужителя і отъ гвардиі капитана князь Юрья Трубецькова, которому нѣчьто словесно і писменно вашей съвѣтлости въ тайнѣ данесть приказали. О чемъ просимъ, дабы ізволили ему вѣрить і предложение ево ісьполнить, въ чемъ не сумневаемся. По семъ желая вамъ отъ господа Бога доброго сърчастия, вашей съвѣтлости добрыі другъ і къ сълужъбѣ охотныі. Петръ. Съ Москъвы, 1700, іюния 11 д.» [2]. Данное Трубецкому поручение держалось в большом секрете, миссия его была тайной, и потому отправление его шло помимо Посольского приказа. Рукою самого Ф. А. Головина написана записка о назначении ему переводчика Ивана Орешка, о выдаче ему на всякие расходы 1 000 червонных, с тем чтобы он записывал, что куда издержит, о выдаче ему соболей и десяти кусков камок «большой руки». Он был снабжен также списками с прежних дипломатических документов и копиями с переписки Головина с фон Принценом [3]. Предмет миссии Трубецкого определялся во врученном ему тайном наказе, но сверх письменного наказа ему даны были Головиным сделанные самим Петром «словесные» указания, о чем свидетельствуют выражения наказа: «как о том ему словесно наказано» и «как о том ему наказано от самого великого государя словесно».

В наказе Трубецкому предписывалось, приехав к курфюрсту, объявить «любительное» поздравление от царя и поднести врученное ему письмо, затем просить о тайной аудиенции у курфюрста лишь в присутствии немногих ближних людей и с тем, чтобы курфюрст непременно выслушал его сам. Когда такая аудиенция будет ему дана, представить курфюрсту об обидах, причиненных шведами, в особенности о рижской обиде, нанесенной притом «самой персоне» государя. За эти обиды царь, как только заключит мир с Портою, изволит шведской короне учинить отмщение, для чего заключен союз с королями датским и польским. Царь просит и курфюрста приступить к этому союзу. Указываются мотивы и цели союза. Курфюрст должен приступить к нему «по обязанию, как (оба государя) сами между собою... персонально обязались душами, будучи

---

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 245, 960; *Устрялов*, История, т. II, стр. 566; П. и Б., т. I, № 296.

[2] П. и Б., т. I, № 314.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 5.

в Прусех». Этими словами курфюрсту напоминалось о словесном договоре о взаимной помощи «против всех неприятелей, а особливо против шведа», заключенном 10 июня 1697 г. на яхте под Кёнигсбергом и скрепленном рукопожатием, поцелуем и клятвенным обещанием государей [1]. Союз заключается ради приращения дружбы между государями, но не забыты и материальные цели: «ради... прибыточного у пограничных отыскания обоим государствам», т. е. ради захвата пограничных территорий, принадлежащих Швеции. Если курфюрст вступить в союз согласится, то пусть подготовит свои войска к наступлению на шведскую корону. К этому пункту наказа рукою Ф. А. Головина сделана прибавка: «дабы по явном откровении тоя войны за помощию божиею немедленно и без всякого удержания начать бы возможно». О заключении мира с Турцией и о начатии войны царем курфюрст немедленно будет уведомлен. Трубецкой, когда получит от курфюрста ответ о начатии им войны, должен ему «донести... где изволяет... вяще или лучше сил своих наступление чинити». Головин приписал еще к этим словам: «на земли свейского владения». Этим пунктом Трубецкому, надо полагать, поручалось столковаться с курфюрстом о месте его наступления на шведов. Когда согласие курфюрста на участие в союзе и в военных действиях будет получено, Трубецкой должен предложить ему подписать и укрепить своей комнатной печатью немецкий текст союзного договора, составленный уже в Москве, и обменять этот немецкий текст, в случае подписания его курфюрстом, на русский текст, подписанный Петром [2].

Из того, что с Трубецким были посланы два заготовленных текста союзного договора: один на русском языке, подписанный Петром, другой на немецком языке для подписания его курфюрстом, видно, насколько в Москве были уверены и не сомневались в успехе привлечения курфюрста к союзу. Никаких переговоров не предполагалось. Курфюрсту не оставалось ничего более, как подписать немецкий текст, скрепить его своей комнатной печатью, затем разменяться текстами, и миссия Трубецкого была бы кончена. Очевидно, текст этого договора рассматривался только как развитие словесного договора о взаимной помощи против Швеции, заключенного 10 июня 1697 г. Теперь тому довольно неопределенному оборонительному союзу придавался решительно наступательный характер. Уместно познакомиться сейчас более подробно с содержанием проекта договора, предлагавшегося курфюрсту. В составлении этого проекта, так же как и в составлении рассмотренного выше наказа, выработкой которого занят был Ф. А. Головин,

---

[1] П. и Б., т. I, № 170, 171.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 1—5 (черновой текст наказа с многочисленными собственноручными поправками Ф. А. Головина).

Рис. 52. Ф. А. Головин.
Гравюра 1701—1710 г.

принимал деятельное участие и сам Петр [1]. Ф. А. Головина за работой над бумагами, относящимися к заключению союза с курфюрстом, застал в Преображенском датский посланник Гейнс, посвященный в тайну посылки Трубецкого. 4 июня 1700 г., собираясь отправлять курьера к своему двору с донесениями, Гейнс явился к царю в Преображенское спросить, не пожелает ли он поручить что-нибудь курьеру. Петр просил передать датскому королю, что ожидает только вести о мире из Константинополя, чтобы во всех пунктах исполнить свои союзные обязательства; просил также передать, что на-днях он под секретом отправит в Берлин князя Трубецкого, чтобы заключить с курфюрстом наступательный союз против Швеции, на что курфюрст подал надежду в письмах, написанных им царю по поводу замешательств в Ливонии. Войдя затем в комнату Головина, Гейнс увидел его там работающим над проектом этого союза. Перед ним лежали трактаты с Данией и с королем Августом; с этими трактатами Головин должен был сообразоваться при составлении проекта союза с курфюрстом [2]. Из этого рассказа Гейнса видно, что Головин работал во дворце в самом близком соседстве и, конечно, сотрудничестве с Петром.

[1] Об этой совместной работе свидетельствуют черновики проекта. Сохранилась собственноручная записка Петра (П. и Б., т. I, № 313; ср. Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 7), вошедшая в состав 3-й статьи проекта договора. Сохранились также две редакции проекта, обе с поправками Ф. А. Головина, а в первой редакции статья 7 и первая часть статьи 8 написаны всецело его рукою (Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 20—24 — первая редакция, л. 9—13 — вторая редакция, л. 25—31 — немецкий текст). Подлинник проекта на русском языке, подписанный Петром, хранится в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Напечатан в П. и Б., т. I, № 312.

[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 360—361).

Проект союзного договора довольно обширен по объему и состоит из предисловия и 11 статей. В предисловии заключается объявление государей о желании обновить древнюю дружбу и любовь и особенно союз 1697 г. Через настоящий союзный договор все прежние договоры между государями не только обновляются, но «наивяще» подтверждаются; в союз включаются все государства, княжества и земли, принадлежащие каждому из договаривающихся государей. Так как обоим государям и прежде нанесены шведами и теперь наносятся «неисчетные обиды»: царские подданные лишены имений, самой персоне царя в Риге учинено бесчестие, и, несмотря на заявления, обиды эти не прекращаются, то оба государя начнут войну со Швецией. Самые условия наступательного союза изложены в 11 статьях. Курфюрст, как скоро узнает об объявлении царем войны Швеции, должен тотчас же объявить ей войну и как возможно скорее начать наступление на шведские земли, чтобы принудить шведов к возвращению земель, ими завоеванных. Если один из союзников по начатии войны будет иметь успех, то не должен ослаблять военных действий до тех пор, пока не получит удовлетворения другой (1, 4). В статьях 3 и 4 союзники обязуются не только не заключать сепаратного мира, но даже и не разговаривать о нем с неприятелем. Взаимная помощь друг другу оказывается союзниками безвозмездно, и по окончании войны одному нельзя искать на другом никакого вознаграждения за понесенные убытки (5). Союзники должны сноситься друг с другом о «всякой пользе» (6), обязуются не заключать никаких иных союзов, вредных настоящему (7). Курфюрст приступит к союзу с датским и польским королями (8). По окончании войны государи и их наследники остаются в оборонительном союзе (9, 10). Статья 11 говорит о подписании текстов договора, о скреплении их комнатными печатями и об их размене [1].

Дело было, однако, гораздо труднее, чем казалось в Москве. Трубецкой, выехав из Москвы после 11 июня, прибыл в Берлин 21 июля и тотчас приступил к исполнению своей миссии, о ходе которой он уведомлял Ф. А. Головина шифрованными письмами. «Милостивый мой государь Федор Алексеевич, здравствуй на многие лета, — писал он Головину 23 июля, — известно тебе буди: приехал я в то место, в которое мне надлежало, июля в 21 ден и того же часа желал я видеться с тем человеком, к кому от тебя со мною грамотка была, но не получил того ради, что он был во отлучении. И назавтрея которого часу он приехал, того часу я с ним виделся и вручил ему твою грамотку и говорил, чтобы он учинил то, чтобы мне видеться с тем, с кем мне надлежит, и он с тем человеком говорил того же часу и сказал мне, что тот человек со мною уви-

[1] П. и Б., т. I, № 312.

дится одноконечно сего ж месяца в 24 день. И как я с тем человеком увижусь и какую от него получу отповедь и о том писать к вам буду немедленно. А тот человек, кому я вручил твою грамотку, поступает ко мне зело любовно. Прошу твою милость, пожалуй, донеси о сем, а кому, и о том ваша милость сам известен. Юшка Трубецкой челом бью. Из Берлина июля в 23 день». Соблюдая тайну своего посольства и опасаясь ее раскрытия в том случае, если бы письмо было перехвачено и попало в шведские руки, Трубецкой помимо шифра прибегал еще к выражению намеками. «В то место, в которое мне надлежало» под этими словами следует подразумевать Берлин; в дате письма слова «из Берлина» зашифрованы. Под человеком «к кому от тебя со мною грамотка была», разумеется фон Принцен, к которому Трубецкой вез письмо Ф. А. Головина от 11 июня [1]. Расположенный к России Принцен оказывал Трубецкому все время существенную поддержку и на первых же порах выхлопотал ему аудиенцию у курфюрста, названного в письме «человеком, с которым ему, Трубецкому, надлежало видеться». Просьба Трубецкого о его письме донести, «а кому, о том ваша милость сам известен», относится к Петру.

Обещанная аудиенция состоялась 24 июля. Курфюрст принял Трубецкого, соблюдая по его ходатайству, переданному через Принцена, большую тайну, в присутствии только своего ближайшего советника обер-камергера Кольбе фон Вартенберга и фон Принцена, выслушал его через приведенного Трубецким переводчика, попросил дать ему привезенный им проект союзного договора, который ему Трубецкой и вручил, обещал дать письменный ответ и, действительно, прислал в тот же день письменный ответ за своей комнатной печатью. «Милостивой мой государь Федор Алексеевич! Здравствуй на многие лета, — писал Трубецкой 27 июля, — известно тебе буди: виделся я с тем человеком, до которого мне есть нужда (т. е. с курфюрстом) и просил его о той моей нужде месяца июля в 24 день. И он, выслушав моего прошения и объявя мне к тому делу склонность свою, просил у меня, на каких статьях сие бы состоятися могло. И после того немедленно совершенно ответ на письме прислати ко мне хотел. И на сие его прошение для лучшего к тому делу его приведения отдавал я ему с договорных статей список, и он тот список у меня принял. И сегодня то ответное письмо прислал ко мне на немецком языке за комнатною печатью с тем человеком, к кому твоя со мною грамотка была (т. е. Принценом). И я, то письмо приняв и из того письма выписав на перечень всю силу подлинно, и послал в сей моей грамотке. А подлинного того письма не послал я к тебе того ради, чтобы дорогою не пропало. А прежде, нежели я с курфирстом

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 3, л. 21—22: Письмо фон Принцена к Ф. А. Головину: «Вашего превосходительства дражайшее писание от 11-го числа июня мне тот знатный честный господин благовручил».

виделся, просил я его через господина Принца, дабы тогда, как я с ним о том деле говорить стану, никого бы тамо в то время не было и чтоб то было тайно. И по тому моему прошению при том моем доношении были токмо обер-камергер да Принц, и все мое предложение для лучшей тайности по моему прошению через моего переводчика выслушал и обещал, что то все в самой крепкой тайности соблюдено будет». Так как ответ, присланный курфюрстом, был отрицательный, то Трубецкой просил Головина донести об этом государю и выхлопотать ему указ о возвращении в Москву. «Прошу милости, Федор Алексеевичь, — пишет он далее, — пожалуй, донеси о сем, а кому и о том ваша милость сам известен. Также прошу милости о отповеди против его письма и о бытности моей, что воля великого государя будет. А без указу ехать к Москве не смею. А жить мне здесь не для чего того ради, что отказали мне вовсе в моем деле. А для чего отказали мне и то написано в выписке из письма. Юшка Трубецкой. Из Берлина, июля в 27 день 1700-го» [1].

К письму приложена была выписка из письма курфюрста, т. е. из данного им письменного ответа, в которой изложена была, по словам Трубецкого, «вся сила» подлинного курфюрстова ответа; подлинник он не решился пересылать, опасаясь пропажи его в пути. В своем ответе курфюрст откровенно и ясно изложил соображения, побуждавшие его, несмотря на все расположение к московскому государю, удержаться от заключения наступательного союза и от войны со Швецией. Он писал, что принимает предложение царя как доказательство великой приязни и весьма склонен сверх существующего уже союза и впредь заключать договоры для общей пользы обоим государствам. Что же до наступательного союза, то он полагает, что царю, когда он делал предложение, было еще неизвестно о ходе войны, именно о том, что несколько сильнейших государств: англичане, голландцы, курфюрст брауншвейг-люнебургский вступились за Швецию, что войска их находятся в Дании, флоты английский и голландский пришли в Зунд, принудили датский флот к отступлению, бомбардируют Копенгаген и так стеснили датского короля, что он принужден будет примириться. Французский король, имея в виду предстоящую войну за испанское наследство, договорился с англичанами и голландцами помогать шведам. Нетрудно рассудить, что если бы он, курфюрст, при настоящем положении дел начал войну, то все эти державы его тотчас же утеснили бы, царю от такого союза не было бы никакой пользы и было бы только разорение курфюрстским землям, а надеяться на царскую помощь за таким дальним расстоянием невозможно. Сверх всего этого курфюрст получил известие из Вены и из иных мест, что нет надежды на заключение мира с турками, поэтому и царь

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 46—50. Ср. л. 42.

не будет помогать союзникам [1]. По всем этим соображениям курфюрст отклонил вступление в войну, обещая, впрочем, быть верным существующему уже союзу и везде искать пользы царю. Что курфюрст, действительно, имел основание опасаться враждебных действий со стороны Голландии и Англии, об этом в Москве могли знать из донесения А. А. Матвеева из Гааги, полученного в Москве 16 июля, в котором Матвеев сообщал, что Штаты готовят войска против курфюрста бранденбургского и пойдут войною на его город Клеве и на иные его города, если только он вступится за Данию, почему курфюрст, как писал Матвеев, и «являет себя быть нейтралом» [2]. Вслед за письмом от 27 июля Трубецкой на всякий случай из опасения пропажи этого письма отправил 30 июля другое, короткое, в котором вкратце уведомлял о неудаче порученного ему дела: «Милостивый мой государь, батка Федор Алексеевичь, здравствуй на многие лета. Известно тебе буди о том, что мое дело не состоялось, о котором я трудился ото всего моего сердца; а за чем оное не состоялось, и о том писал я к тебе через почту, которая прежде сей пошла. А ныне пишу еще для того, что имею в том сомнение, дабы то мое пред сим посланное письмо не пропало и без ведомости бы тебя не учинило. Прошу милости, учини известна о сем того, о ком ваша милость сам известен. Наипокорнейший твой слуга Юшка Трубецкой челом бью. Из Берлина июля в 30 день» [3].

Между тем в Москву 8 августа пришло известие о заключении мира с Турцией, и Петр на другой же день по его получении спешил сообщить в Берлин об этом событии и о начале военных действий против Швеции. «Her Kaptein, — писал он Трубецкому 9 августа, — ныне мы получили ведомости с нарочным гонцом из Константинополя, что мир с турки получили на 30 лет с нарочитым удовольствованием, и ныне мы при помощи божьей начали войну против шведов, и сегодня послали для блакира и пресечения путей в Ижерскую землю генерала-маеора Якова Брюса, также и к брату твоему [4] послали указ же о начатии того дела. Мы в конце сего месяца конечно [богу извольшу] будем в войске. И ты сколь скоро сие примешь, немедленно объяви курфистршеской пресветлости сие дело от нас, как тебе наказано, и для свидетельства сие письмо покажи, и что мы в том не сумневаемся, что его пресветлость и любовь то исполнить изволит. Piter. Из Москвы, августа в

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 50—51. Выписка напечатана в статье *Путяты*, Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой Северной войны (Сборник Архива мин. ин. дел, вып. I, стр. 97—98).

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 62—63 (письмо Матвеева к Петру от 21 июня).

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 47.

[4] Новгородскому воеводе князю И. Ю. Трубецкому.

9 день 1700 году»[1]. Письмо это было отправлено с капитаном Францем Вейде и сержантом Афанасьем Темиревым.

Приведенные выше письма Трубецкого от 27 и 30 июля были получены Ф. А. Головиным в Москве 21 августа. Ознакомившись из них с ответом курфюрста на сделанное ему предложение, Головин счел необходимым возражать против его отказа от наступательного союза и военных действий и предписывал Трубецкому (27 августа) еще раз повидать курфюрста и вновь сделать ему представление о наступательном союзе и о войне со Швецией. По мнению Головина, главным препятствием для курфюрста вступить в войну являлось отсутствие мира у России с Портою; но уже в проекте договора ясно было указано, что до заключения турецкого мира война не может начаться. Теперь дело это кончено, и мир с Портой заключен. Раньше, в 1697 г., в бытность великого посольства в Кёнигсберге курфюрст сам открыто приглашал к союзу против Швеции, что и письменно засвидетельствовано, и если бы теперь у курфюрста было желание, он мог бы заключить союз и затем начать войну; стоит только начать, остальные препятствия погаснут[2]. С этим письмом Трубецкому отправлена была новая инструкция в 5 статьях о том, что̀ говорить курфюрсту на аудиенции. Прежде всего он должен был напомнить о том, как министры курфюрста в 1697 г. в Кёнигсберге явно говорили великим послам о наступательном союзе. Тогда великие послы такого союза заключить не могли, так как царь в союзе с другими государями вел войну с Турцией. Во-вторых, Трубецкой должен был напомнить курфюрсту о том, что оба государя закрепили между собой тайный союз «персонально душами и руками своими, будучи на яхте, что не безпамятно и курфирстову пресветлейшеству». Этот союз обязывает заключившие его стороны искать друг другу всякого добра и друг друга не покидать, и пусть курфюрст изволит приступить к союзу по предложенному ему проекту. Если он, забыв обо всем этом, к союзу не приступит, то пусть по крайней мере постарается не допускать насилия посторонних держав над Данией. Если курфюрст и в этом содействия своего не окажет, то это будет отступлением не только от тайного персонального и, как Головин называет его, *душевного* союза между монархами, но и от формально заключенного тогда в 1697 г. договора, и никогда еще не нарушавшаяся дружба, идущая еще от предков обоих государей, будет нарушена и «презрена»[3].

Капитан Франц Вейде и сержант Афанасий Темирев, выехав из Москвы с царским письмом к Трубецкому 10 августа, прибыли в Гамбург, где тогда находился Трубецкой, в ночь на

---

[1] П. и Б., т. I, № 324.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 32, 33—34, 37—39.
[3] Там же, л. 38—39.

11 сентября[1]. Он отлучился из Берлина в Гамбург по совету курфюрста, переданному Принценом, чтобы вернее сохранить тайну своего посольства, о которой он более всего заботился. Дело в том, что его пребыванием в Берлине заинтересовался польский резидент, посылавший к Трубецкому секретаря объявить, что ему указано от короля «советовать», т. е. действовать совместно с ним, Трубецким. Московский посланник, однако, объявить ему своего дела без особого царского указа не посмел. Через Принцена, к которому он обратился в этом случае и который донес о том курфюрсту, последний посоветовал Трубецкому уехать из Берлина куда-нибудь недели на две, в Гамбург или в иной какой город, чтобы успокоить любопытство польского резидента. Для всех будет ясно, что, если он уехал из Берлина, значит, не прислан по делу, а «приехал гулять»; если бы был прислан за делом, не уехал бы. Таить же дело, если бы польский резидент стал о нем спрашивать, курфюрст считал неудобным и недружелюбным по отношению к Августу II. «И я тот совет, — писал Трубецкой Головину, — за благо восприял и для того отъезжал в Амбурк, а бытности моей было в Амбурке и с проездом с две недели». Здесь и застали его Вейде и Темирев. Об их прибытии и о своих шагах, предпринятых им по получении привезенного ими царского письма, Трубецкой уведомил Головина в письме от 24 сентября[2], которое он с некоторыми добавлениями повторил 29 сентября[3]. «Милостивый государь, Федор Алексеевич; здравствуй на многие лета, — читаем мы во втором из этих писем, — известно тебе, государю моему, буди: нынешняго сентября в ночи против 11-го числа в Амбурке Франц Вейд да Афанасей Айтемирев отдали мне письма, которые ваша милость повелел мне отдать. Я те письма у них принял в целости и, прочет, хотел ехать того же часу в Берлин, но не возмог того ради, что не нашел, на чем ехать. И по утру того ж сентября в 11 день, наняв чрез обыкновенную почту до Берлина, и поехал и приехал в Берлин того ж месяца в 15 день и курфирста в Берлине видети не получил того ради, что он был в то время в Голце, от Берлина в 9 милях. И я, наняв фурмана до Голца и приехав в Голц того ж месяца в 17 день, получил курфирста видеть того ж числа и доносил ему о том, что мой всемилостивейший царь и государь получил мир с Портою Оттоманскою на 30 лет с нарочиным удовольствованием. И курфирст, выслушав, мне сказал, что он вседушно о том радуется. И потом доносил я ему, что мой всемилостивейший царь и государь при помощи божии начал войну противу короны Свейской. И я просил его с великим прилежанием о том, чтобы он показал свою дружбу на деле к моему государю,

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 10.
[2] Там же, № 5, л. 54—56.
[3] Там же, л. 63—69.

чтобы изволил начать войну такожде противу короны Свейской немедленно по обязанию своему, как сами между собою с царским величеством его курфирстская пресветлость персонально обязались душами, будучи в Прусех и ради приращения впредь всякие между собою дружбы. И курфирст мне сказал, что желает он его царскому величеству в том зачатом деле счастливого и победительного на шведы окончания. А на прошение мое сказал, что он, курфирст, по его царского величества желанию всегда рад его волю учинить и всемерно трудитися хощет, дабы мог свою дружбу и на деле показать, только де ныне невозможно, а для чего де невозможно, и о том де тебе от меня дано ведать на письме за моею комнатною печатью. И ты де о том к его царскому величеству писал, и против де того письма еще отповеди не получил».

В тот же день Трубецкой имел об этих делах разговор с фон Принценом. «И я потом того же числа, — продолжает он в приводимом письме, — виделся с Принцом и говорил ему о том же довольно. И между многими словами говорил я ему от себя, что ежели курфирст при нынешнем случае не покажет на деле дружбу к государю моему, что вскоре не зачнет войны против короны Свейской, то я опасаюсь, чтобы вместо дружбы не выросла от государя моего недружба того ради, что всегда друг у друга смотрит не на словах токмо, но на деле». Принцен передал эти слова курфюрсту, а на следующий день сообщал Трубецкому по поручению курфюрста: он, курфюрст, начать войны не может из боязни, что союзники шведов англичане и голландцы учинят с ним то же, что сделали с датским королем, разорят его и принудят помириться. Он просит государя постараться у цесаря, у короля английского и у Голландских Штатов, чтобы они шведам не помогали. Тайно же он будет готовить войско и, если государю удастся отклонить цесаря, Англию и голландцев от помощи Швеции, тогда он без промедления начнет против Швеции войну. Не зная же намерений этих государств, ему, курфюрсту, начать войну невозможно. Он готов также тайно помогать царю против шведов, доставляя офицеров и военные припасы. При этом курфюрст выражал надежду, что царь не станет желать ему, чтобы он «сам себе сделал стыд и разорение и убыток так, как король датский». Ради совета и соглашения с государем он вскоре пришлет к нему своего посланника, «знатную особу». Трубецкой вступил с Принценом в спор: «И я ему говорил, что цесаря опасаться не для чего того ради, что цесарь всегда доброхот курфирсту. И он мне сказал, что цесаря де опасаться курфирсту есть чего, потому что отец де сего курфирста, имея с шведом войну, завоевал Померскую землю и тогда де цесарь, видя, что есть шведу трудность, учинил нападение на курфирстова отца, так что принудил возвратить то все, что он у шведа завоевал. И курфирст де и ныне того ж опасается от цесаря».

Принцен прибавил еще, что курфюрст велел Трубецкому подождать отпускать Вейде и Темирева, так как хочет отправить с ними собственноручное письмо к государю[1].

26 сентября Трубецкой получил упомянутое выше письмо Головина от 27 августа и новые инструкции о том, что если курфюрст не найдет возможным заключить наступательный союз с царем и начать войну, то пусть по крайней мере предотвратит насилие над Данией со стороны Англии и Голландии. «И я, — продолжает Трубецкой в том же письме от 29 сентября[2], — нынешнего числа видеть курфирста не получил того ради, что его в Берлине нет, а изволит пребывать в Поцтаме от Берлина в 4 милях. И я Принцу говорил, чтобы мне видеть курфирста донесть ему по указу государя моего, каков мне указ прислан на письме. И он мне сказал, что видеть де тебе курфирста вскоре невозможно, и увидишь де ты его в предбудущую неделю. И когда я, государь мой Федор Алексеевичь, увижу курфирстское пресветлейшество, и я ему о всем донесу и буду просить о наступательном союзе и, что получу отповеди, о том писать буду к вашей милости чрез почту». Делать курфюрсту представление относительно второй части той альтернативы, о которой говорилось в инструкции, т. е. о том, чтобы курфюрст, если начать войны ему нельзя, по крайней мере предотвращал бы насилие над Данией посторонних держав, Трубецкой отказывался, находя такое представление после заключенного Данией с шведами мира запоздалым. «А о недопущении неправедного насилования посторонних до короны датской, — пишет он в том же письме от 29 сентября, — домогаться мне невозможно, потому что за многие недели до сего вышеписанного присланного ко мне письма уже король датский, чего не желал, с принуждением посторонних с пограничными помирился. А как я Принцу говорил о том, чтобы мне видеть курфирста, и он меня спросил: о чем де тебе доносить курфирсту? И я ему сказал на перечень, а силу сказал ту, что ежели курфирст при нынешнем случае наступательного союзу и нападения не учинит на шведы, то никогда ненарушимая дружба между прежними обоих государств предками нарушима и презренна будет. И он зело удивился и говорил: какая ж де то дружба, что всем то видимо, что ежели при нынешнем случае курфирст зачнет войну против шведа, и тогда тотчас союзники шведские разорят курфюрста так, что никому помочь будет невозможно. Да и курфирст де тебе прежде сего сказывал и ныне тож скажет, что разве де пропасть ему, ежели ныне зачать войну против шведов. И что ж де то за дружба, что желает великий государь курфюрсту всякого разорения и пропасти! И ежели бы де не союзники шведские, то бы де кур-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 63—69.

[2] См. стр. 448—449.

фирст радостною душею по воле великого государя учинил. А то де курфирсту безмерно печально, что не допустят союзники короля свейского воли великого государя учинить. Прошу у тебя, государь мой милости, Федор Алексеевич, пожалый, донеси о вышеписанном всемилостивейшему нашему великому государю. При сем раб милости твоей Юшка Трубецкой покорно челом бью. Из Берлина сентября в 29 день 1700».

С этим письмом Трубецкого от 29 сентября случилось именно то, чего он постоянно так боялся и ради чего он обыкновенно дублировал свои письма: оно пропало в дороге. Оно, равно как и собственноручное письмо курфюрста к Петру, было отправлено с Францем Вейде и Афанасьем Темиревым, которые в Польше, не доезжая Гродна, милях в 10 от курфюрстской границы, «в зеленой пуще в лесу» подверглись нападению разбойников, были ранены и ограблены, причем вместе с их имуществом отобраны были у них и врученные им письма. Они вернулись в Кёнигсберг, где нашли фон Принцена, ехавшего уже послом в Москву, и он оказал им помощь, дав им взаймы 200 талеров. Отсюда они уведомили о происшедшем Трубецкого, который выслал им копию с своего письма к Головину от 29 сентября. Этот список все же попал к адресату, но уже очень поздно. Темирев доставил его Головину только 28 декабря. Впрочем, в этом опоздании не было большой беды, так как Головиным своевременно, 4 ноября, под Нарвою было получено письмо Трубецкого от 24 сентября [1].

Обещанная Принценом аудиенция Трубецкому у курфюрста «на предбудущей неделе» состоялась 4 октября в Розентале. О ней Трубецкой доносил Головину в письмах от 5 и от 8 октября. «Государь мой милостивый Федор Алексеевичь, — пишет он в последнем из этих писем, от 8 октября, — здравствуй на многие лета! Письмо от милости твоей, писанное тайною азбукою, о котором я прежде сего к милости твоей писал с Францом Вейдом, до меня дошло чрез Принца сентября в 26 день. И я получил видеть курфирстское пресветлейшество в Розентале, от Берлина миля и четверть, нынешнего октября в 4 день, и по тому письму я доносил курфирстскому пресветлейшеству о всем подлинно, как в том письме написано, только не доносил о короле датском, а для чего, о том я писал милости твоей с Францом Вейдом. И курфирстская пресветлость, выслушав, мне изволил сказать, что я де пребываю и ныне при прежнем своем слове и что де я его царскому величеству обещал, то делать рад. А чтобы де нападение учинить на корону Свейскую ныне вскоре, как желает его царское величество, и того де мне учинить невозможно. Мочно то рассудить, что когда было мне возможно (т. е. в 1697 г.), тогда я и сам желал;

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 10.

но тогда де было невозможно его царскому величеству. И я де в то время сумнения на его царское величество не имел. Но и королю польскому его царское величество не помог в то время, когда король польский в то вступил того же ради, что было его царскому величеству невозможно ж. А ныне приспело и самому мне такое время, что мне ныне вскоре невозможно ни по которому образу того учинить. А что де его царское величество сумнение полагает на меня в том и чает, что будто мне ныне вскоре возможно зачать войну, и о том де его царскому величеству так не известно, что мне. И надежду де имею в том, что когда его царское величество уведает подлинно о том о всем, за чем де мне вскоре ныне по воле его учинить невозможно, и тогда де его царское величество обо мне сумнения иметь не будет. И на нынешних де днях для сего пошлю нарочно чрезвычайного своего посланника Принца и прикажу де с ним обо всем. И он де его царскому величеству донесет о всем подлинно». Трубецкой просит далее о докладе слов курфюрста государю и сообщает сведения о приготовлениях Принцена к отъезду. «А на почте нынешняго октября в 5 день о всем вышеписанном писал к милости твоей слово в слово. А ныне пишу в другой ряд того ради, опасаясь, чтобы то не утерялось. И я прошу у тебя милости, государь мой Федор Алексеевичь, ежели то мое письмо до рук вашей милости не дошло, пожалуй, донеси о всем вышеписанном всемилостивейшему нашему государю. Еще тебе, государю моему, известную: нынешняго дня Принц отпустил обоз свой, а сам поедет к великому государю для вышепомянутого дела нынешняго ж октября в 12 день. Да он же, Принц, с приезду моего и до сего дня, памятуя к себе милость великого государя, ко мне поступает зело любезно. А милость великого государя к себе непростанно прославляет и обещается ему, великому государю, служить и радеть во весь свой живот ото всего своего сердца. Раб твой Юшка Трубецкой челом бью. Из Берлина, октября в 8 день 1700»[1]. Из этого письма видно, что Трубецкой, как он писал к Головину, не делал представления о помощи датскому королю, так как считал такое представление запоздалым, и что курфюрст непоколебимо оставался при своем решении не вступать в войну, находя момент для такого вступления в высшей степени неудобным. Может быть, чтобы сообщить в Москву что-нибудь утешительное, Трубецкой от 19 октября писал о намерении курфюрста предотвратить нападение шведов на Саксонию и о сосредоточении им войск на

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 72—73. Письма от 5 октября в делах прусских нет; о нем только упоминается в письме от 8 октября. Вероятно, дубликат этого письма там же, л. 78—79. На обоих помета: «С Москвы послано на почте ноября въ 1 день. Под Ругодивом принято ноября въ 12 ден».

шведской границе[1]. Но такое утешение уже запоздало: письмо это было получено Головиным «в пути 23 ноября», т. е. при возвращении из-под Нарвы после разгрома. В следующем письме, отправленном в начале ноября, Трубецкой рассказывает о происшествии с Вейде и Темиревым в дороге и о тех шагах, которые он предпринял для того, чтобы восстановить отправленное с ними и отнятое разбойниками собственноручное письмо курфюрста. «Милостивый мой государь Федор Алексеевич, — читаем в этом письме, — здравствуй на многие лета! Известно тебе буди: сентября в 29 день отпустил я Франца Вейда да Афанасья Антемирева, а с ними послал я к вашей милости письма и велел милости твоей подать, где тебя сыщут. И октября в 30 день пришла ко мне грамотка от Франца Вейда да от Афанасия Антемирева, а в ней пишут: не доехав де они до литовского города Гродни за 4 мили, ограбили де их разбойники польские люди, а грабежем де у них взяли письма те, которые послал с ними к вашей милости, и все, что при них было, и деньги все взял ж. И едут де они назад, чтоб им такие ж письма от меня взять. А ответу де они от меня станут дожидаться в Королевце, и чтобы я прислал к ним такие ж письма, чтобы де было с чем им приехать. И на проезд, чтобы де я прислал к ним денег. И когда ко мне от них пришла грамотка, и я того ж дни, наняв фурмана, ездил в Ораниенбурк того ради, что был там курфирст и обер-камергер, и виделся с обер-камергером и ему о том сказывал и говорил ему, что я хочу послать к ним такое ж мое письмо слово в слово, какое у них отняли разбойники. Также спрашивал его, изволит ли курфирст послать такое же свое письмо, которое у них отняли те ж разбойники, с моим письмом вместе. И он докладывал курфирста и назавтрея сказал мне, что курфирст к ним письма не пошлет. И я ему бил челом, чтобы с письма курфирстова и с письма Принцева, которые у них отняли разбойники, дал списки для того, чтоб мне послать с них списки с ними для ведома ко государю моему. И он мне сказал, что я бы де рад тебе дать, да невозможно того ради, что увез те списки с собою Принц к Москве. А как де он будет на Москве, и он о тех письмах великому государю донесет. И я, написав такое ж письмо слово в слово, которое у них отняли разбойники, и послал в Королевец чрез почту с сею моею грамоткою и велел отдать им, а к ним писал, чтобы они ехали в путь свой и подали бы они мои письма вашей милости. А денег хотел я к ним послать на проезд, да не послал за тем, что получил я ведомость от обер-камергера, что де им дал Принц в Королевце 200 талеров. И поехали де они с ним, Принцом, вместе к Москве. И по той ведомости с сими моими письмами писал я в Королевец к почтмастеру о том, ежели они не уехали, чтоб

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 75, 76—77.

послал немедленно к Москве чрез почту. Да с ними ж, моими письмами, послал я к милости твоей сверток писем, которой прислан в Берлин из Стекольной (т. е. из Стокгольма от князя А. Хилкова), а тот сверток отдал мне по курфюрстову указу обер-камергер» [1].

Ф. А. Головин, отвечая на письмо Трубецкого от 24 сентября, полученное под Нарвой 4 ноября, писал, что никаких новых распоряжений ему не передает, ожидая приезда фон Принцена, о чем сообщал Трубецкой. Однако Головин уведомил его, что царь не одобрил его отъезда в Гамбург и уклонения от сношений с польским резидентом, с которым он должен был действовать совместно, потому что у царя с королем дело общее, одно и то же, и предписывал на будущее время держаться с ним откровеннее и обо всем ему сообщать. В заключение письма Головин обращает внимание Трубецкого на то, как важно было бы, если бы курфюрст сделал приготовления к воинскому походу. Если только возможно, Трубецкой должен постараться побудить курфюрста к такому шагу, много легче было бы тогда вести военные операции под Нарвой. «Государь мой князь Юрья Юрьевич, — писал Головин, — здравие твое, государя моего, купно и всех твоих десница вышняго навеки счастливо да соблюдет. Письмо, государь мой, присланное от милости твоей ко мне по приезде к себе (т. е. к Трубецкому) Вейда или (?) Темирева здесь мне под Нарвою отдано ноября в 4 день, и о том известно великому государю. Только, государь мой, против того всего отповеди не учиню для того, что дожидаемся к себе по твоему письму особы от курфирста Бранденбурского (т. е. фон Принцена). Только, государь мой, здесь рассуждают, для чего милость твоя не изволил сноситься короля польского с министры, будущими в Берлине, потому что сие дело единое, как царского величества, так и королевского величества, и мнится мне, что о том надобно с ними советовать и что подадут к пользе, надобно им верить, не так, что брандебурским, потому что сие им такожде нужное, как и нам. Что у милости твоей явится впредь, изволишь давать ведать. И зело б сие ныне нужно, хотя б малое что намерение ко обращению воинского походу у вас учинити изволили. Если, мой государь, увидишь буде чем возможно будет всяким образом к сему приводить, изволь потщиться. Возможно, государь, нам сие рассудить, чтоб оттуду начат был некоторой воинской промысл, то б здесь какая сему была легость. О чем подлиннее писать буду впредь; ныне ж, предав здравие твое в сохранении вышняго, многократно челом бью» [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 52—53. На письме помета рукою Головина о получении «декабря въ 28 день Франц Вейт».

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1700 г., № 5, л. 35—36. Черновой отпуск с поправками Головина. На нем помета: «Таково письмо писано по азбуке цыфирной. Отпущена из Ругодива въ 7 ден ноября».

Трубецкой, однако, с такой точкой зрения не согласился и в своем ответе на это письмо от 6 января 1701 г. из Кёнигсберга, куда он переехал с берлинским двором на коронацию курфюрста, возражал. По двум причинам он не сносился с польским министром: во-первых, он не имел о том указа; очевидно, при наставлении, которое давалось ему в Москве, этот пункт упустили из вида. А затем и по существу, раз курфюрстом на привезенное им предложение дан был отказ, то решительно все равно было бы советоваться или не советоваться с польским министром, только дело бы разгласилось. Да, кроме того, курфюрстовы министры говорили ему, что польский король в самом скором времени заключит мир со шведами. «Милостивой мой государь батько Федор Алексеевичь, — писал Трубецкой, — здравствуй на многие лета! Письмо, государь мой, присланное от милости твоей ко мне здесь, мне в Королевце отдано декабря в 30 день, в котором ваша милость изволил ко мне писать, что рассуждают де здесь, для чего де ты не сносился короля польского с министры, будучими в Берлине. И я доношу милости твоей, для чего я не сносился с ними: первое, что не имел я о том указу. Также, когда мне отказал курфирст в первой авдиенции в моем деле и с какими окрестностьми, и я из того усмотрел, что мне с ними было советовать, что не советовать, делу бы моему прибыли никакие от того не было, только разве бы лишняя была из того разгласка о моем деле. К тому же еще сказывали мне тогда курфирста брандебурского министры, что король де польской одноконечно хочет помириться вскоре с шведом на нынешних днях»[1].

Насколько дипломатическая игра, предпринятая Петром против Швеции, удалась в Москве и в Гааге, где шведские дипломатические представители совершенно проглядели его воинственные замыслы и военные приготовления, и в самом Стокгольме, где введено было в заблуждение шведское правительство, успокоенное приемом шведских великих послов в Москве, снаряжением ответного русского посольства в Швецию и прибытием туда русского резидента, настолько эта игра, вопреки ожиданиям, не удалась в Берлине. Миссия Трубецкого совершенно не имела успеха. Неудача постигла ее с первой же аудиенции у курфюрста 21 июля, и дело не было поправлено ни двумя следующими аудиенциями, 17 сентября и 4 октября, ни откровенными разговорами с фон Принценом. Выражая большое расположение к царю и готовый продолжать с ним самые дружеские отношения, готовый оказывать ему военную помощь тайно, курфюрст не решался выступить против шведов открыто, опасаясь их могущественных союзников, в первую очередь Англии и Голландии, и боясь испытать участь датского короля. Соглашаясь с тем, что в 1697 г. сам он призывал

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1701 г., № 3, л. 1, 2—3.

царя к наступательному союзу против Швеции, он теперь находил, что с тех пор обстоятельства переменились, и считал настоящий момент для действий против Швеции совсем неблагоприятным. Поэтому все предложения царя он отклонял. Для более обстоятельных и убедительных объяснений он отправил к царю фон Принцена, к которому Петр был весьма расположен. 12 октября, как мы только что видели, Принцен выехал в Россию.

XLVI. ПЕТР ЛЕТОМ 1700 г. В МОСКВЕ

Мы должны посмотреть теперь, что делалось в Москве в летние месяцы 1700 г., в то время как князь А. Хилков в Швеции отводил глаза шведскому правительству, князь Ю. Ю. Трубецкой старался о привлечении к союзу курфюрста, а Август II безуспешно осаждал Ригу. 15 июля прибыл в Москву уполномоченный Августа II генерал-майор Ланген, долженствовавший заменить погибшего Карловича. «Я прибыл в Москву 15 июля, — доносил Ланген в первой же своей депеше королю, — после путешествия в течение пяти недель[1], найдя дорогу между Смоленском и этой столицей чрезвычайно трудной по причине невероятного числа мостов, которые царь приказал построить для более удобной переправы через болота, которыми до крайности перерезана эта страна, так что это путешествие менее трудно зимою, чем летом. Его царское величество, предупрежденный курьерами, прислал ко мне офицера уведомить, что он назначил 2 000 человек для моего публичного въезда. Я отказался от этой почести и от всей церемонии торжественной аудиенции, затруднения которой он (Петр) в высшей степени ненавидит. На другой день рано утром я послал адъютанта к Федору Алексеевичу, первому министру царя, чтобы его приветствовать и в то же время попросить устроить мне аудиенцию, чтобы передать великому царю, его государю, верющие письма вашего величества. Но вместо того, чтобы меня ждать, он прислал ко мне переводчика Шафирова уведомить меня, что его долг посетить меня первому... Но явился сам царь с Федором Алексеевичем и с князем Стрешневым. После объятий, неоднократно повторенных, он мне сказал на своем плохом голландском языке, что так как я отказался от церемоний, то он желает так же действовать со мною (т. е. без церемоний) и приехал за письмом своего дорогого брата, выказывая большое нетерпение узнать новости о вашем величестве. Когда я удовлетворил его по всем этим вопросам, он выслал свою свиту из моей комнаты и со слезами на глазах выразил мне смертельное неудовольствие, которое он испы-

[1] Он выехал в Москву из Варшавы в начале июня 1700 г., 4 июля он был в Смоленске (Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 19, л. 1—9).

тывает с тех пор, как заключение мира с турками до сего времени задерживается эмиссарами противной партии, несмотря на то, что он дал приказания своему послу при Порте не останавливаться на менее важных условиях, но как можно скорее заключить мир или перемирие, даже к своей невыгоде, с тем чтобы иметь свободные руки для помощи вашему величеству и союзникам всеми своими силами»[1]. В «верющем королевском письме», переданном ему Лангеном, царь нашел собственноручную шутливую приписку Августа II на немецком языке: «Любезный брат! Я вступаюсь за подателя сего, чтобы он был пощажен от водки и от секта, так как это смертельно вредно его природе. От сердца желаю, чтобы в прочем он мог быть полезен моему любезному брату, которого я могу уверить, что на него можно положиться и можно ему доверять»[2].

Ланген с этого же свидания начал исполнять данную ему Августом инструкцию — убеждать царя скорее разорвать с неприятелем и оказать быструю и значительную помощь королю, вступить в Венгрию, с тем чтобы оттянуть шведские силы от Ливонии и облегчить королю исполнение операций под Ригой. В этом направлении он стал действовать в дальнейшем согласно с датским посланником. Но царь оставался непоколебим и давал только один ответ: он каждую минуту ожидает курьера из Константинополя с известием о мире или перемирии, и если курьер прибудет сегодня, завтра же он начнет действовать со всеми своими силами и сделает диверсию, которою его союзники будут довольны. Он даже задержал на 8 дней курьера, отправляемого Лангеном к королю, с тем чтобы сообщить с ним какое-нибудь положительное решение; но вестей из Константинополя все не приходило.

О законности и справедливости такой отсрочки в разрыве со Швецией, вызванной ожиданием мира с турками, царь и сам писал Августу II, отвечая ему на давнее его письмо, полученное еще 18 апреля в Воронеже, и на верющее письмо, только что привезенное Лангеном. Царь извиняется за замедление ответом на первое письмо: не хотел писать, не получив вести из Константинополя, которой непрестанно ожидает; он успокаивает далее Августа в сохранении союза, уверяет его, что трудится к его пользе не только сам, но и старается привлечь к союзу курфюрста бранденбургского, послав к нему нарочного уполномоченного, наконец, указывает на законную причину замедления в открытии военных действий. «Господинъ и другъ, сосѣдъ и братъ любезнѣйшiй! — писал Петр, — Письмо вашей любви, апреля в 18 д. [по старому] на Воронеже мы приняли, въ которомъ напоминаете ваше величестъво о силе союза. На чьто несумнѣнно надѣемся, что то можете рассудить, что

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 553—554.
[2] Там же, стр. 541—542.

какая бы была то істинна і слава твердости, что обретши васъ въ такую любоѳь и преднее чаение і оставя то тѣмъ, отъ которыхъ никогда добра видели, въсъпоможение медлениемъ учинили; но законная тому причина суть, которой ниже самъ союзъ противитися можетъ, дондеже закълючение получимъ первому. Аднакожъ, какъ возможъно, трудимся о вашей ползе не токъмо сами, но і курѳоршъта Брандебурского въ то привълекаемъ, чрезъ нарочьного давъно уже отъ насъ посылщика, і гораздо претъ тѣмъ посланнику ево Принцу объявълена. Такъ же і ізъ другова писма [чрезъ господина Ланга принесенного] выразумели о вашей постоянной дружъбѣ, которая, дай Боже, вяше і вяше мъножилась. При чемъ пъросимъ васъ, дабы не ізволили інако то поставить іли думать, чьто мы на первое писмо долго вамъ не соотвѣтсътвовали: ібо істинно есть тому причина, чъто, не получа зъ другой сътороны полезной вѣсьти, писать не хотѣли, чего непърестанно ожидаемъ. О чемъ пространнѣе данесетъ вамъ господинъ Лангъ. Въ протчихъ же ваше величество предаемъ въ защищеніе Всемогущего, себя жъ в непремѣнной вѣрности къ вамъ братству и содружеству нашего имѣя. Петръ. Писано на Москвѣ, 1700-го июля въ день»[1]. На приписку Августа с просьбой не принуждать Лангена к питью водки и секта Петр ответил собственноручной запиской, в которой выражает сожаление о смерти Карловича, высказывает похвалы Лангену и шутит по поводу просьбы Августа. «Зело намъ не безъ печали было, — читаем в этой записке, — когда мы услышали о смерти господина Карловича; аднако, то съ радостию разсудили, чьто оныі законно положилъ душу съвою за васъ. Но уже о семъ невозвъратномъ доволно, а дѣло оное можетъ господинъ Лангъ ісправить, понеже, какъ мы видимъ, человѣкъ добраго состояния въ словѣ і дѣле. Любезный брате! Какъ о покойномъ Карловиче, такъ і о семъ Ланге писать ізволите, чьтобъ его не неволить горячимъ питьемъ; на чьто отвѣтъсътвую, чьто сами можете разсудить, чьто сей Ланге не есть Гишьпанъ, но Саксонъ і обретается зъдѣсь въ сътуденыхъ краехъ, а чаю і коѳе зъдѣсь зело мала», и зачеркнуты были дальнейшие слова: «і употреблять не здорово». Почему-то, однако, Петр остался недоволен этой редакцией записки и написал вторую, которая и была отправлена: «Господине і бърате! Ібо какъ о нынѣшънемъ господине Ланге, такъ і бывъшемъ господине Карловиче [которой законно душу свою положилъ за васъ, любезного съвоего государя] ізволите писать, чътобъ не нудить іхъ, любезныі бърате, горячим питьемъ, о чемъ сами можете рассудить, что сиі гос-

[1] П. и Б., т. I, № 320. Собственноручный отпуск, подписанный Петром. Обращение и заключительные строки писаны рукою Ф. А. Головина. На отпуске помета: «Беловое писано все Головиным и только подписано государем». Этот документ свидетельствует о близком сотрудничестве Ф. А. Головина с Петром.

пода не Гишьпанцы і не въ Хину приехали. І какъ мънѣ на то, чьто уже съколь сотъ лѣтъ завелось, мушьтукъ положить? Къ тому жъ і признакъ доброй імѣетъ господинъ Лангъ — подагру»[1]. Добавим, что записка эта доставила большое удовольствие королю. 27 августа в лагере под Ригой русский резидент Судейкин был у короля во время утреннего завтрака, и король говорил ему, что получил два письма от царя, одно на немецком, другое на русском языке. Русское письмо он дал для прочтения Судейкину и при этом говорил, что он «барзо теми царского величества листами тешится. А как королевское величество, — продолжает Судейкин, — раннее снедание кушал и в то время воевода (иноврацлавский) и генералы, и ближние люди, тут же и он, посланник, стояли... покамест он кушал и за тем кушаньем изволил королевское величество пить из кубка стеклянного про здравие великого государя. А потом, наложа в тот же кубок, изволил из своих рук отдать ему, посланнику, а посланник, выпив тот кубок, на его, королевской, милости бил челом. А после его, посланника, пили воевода иноврацлавской, а за ним генералы, которые тут были. А откушав, его королевское величество поехал из обозу за Двину реку осматривать пушек и военных припасов, которые перегружают лодьями и стругами из-за реки Двины на сее сторону к шанцом»[2].

Военные приготовления Петра летом 1700 г. заканчивались, и то, чего не мог разглядеть шведский резидент, было ясно видно датскому и саксонскому дипломатам. В беседе с датским послом Гейнсом в Преображенском 4 июня царь уверял его, что формируются полки и делаются все необходимые приготовления для энергичной борьбы с Швецией[3], и это было, действительно, так. Оба союзные дипломата: и датский, и саксонский, судя по их депешам, в полном восторге от достигнутых результатов. «Новые полки чудесны, — писал в Копенгаген Гейнс, — и на ученье и парадах так же хороши, как могли бы быть и старые». Набрано этою зимою до 30 полков по 1 200 человек каждый и два драгунских полка по 1 000 лошадей[4]. Приготовленную артиллерию он находил образцовой. По его сведениям было снаряжено 400 бронзовых пушек, лучших в свете; к ним заготовлено 20 000 бомб, 30 000 каркасов, 40 000 ядер (licht kugeln)[5].

В конце июля и в начале августа барон Ланген доносил польскому королю о происходящих вероятно военных приготовлениях царя и о своем восхищении столь хорошо обученной

---

[1] П. и Б., т. I, № 321, 322.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 5, л. 365.
[3] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 360).
[4] На самом деле сформировано было всего 29 полков, в том числе два драгунских. См. выше, стр. 132.
[5] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 364, 365).

и столь дисциплинированной пехотой[1]. В одной только Москве, по его словам, находится около 40 000 хорошей, прямо отборной пехоты, которая ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, с раннего утра до обеда упражняется с оружием и так подготовлена в заряжании и стрельбе, как только могла быть подготовлена немецкая пехота[2].

В записках Желябужского находим страницу, бросающую свет на личную деятельность Петра летом 1700 г. по комплектованию армии: «Июля в 9 день в Преображенском на Генеральном дворе генерал Адам Адамович Вейд докладывал великого государя по росписи о стольниках, которые писались в ту роспись за болезнью и старостью. И великий государь изволил их сам смотреть: больных изволил отставливать и отмечать в росписи своею рукою»[3]. Петр не терял интереса и к вновь созданным морским силам. Он ведет переписку с адмиралтейцем Ф. М. Апраксиным, с англичанином кораблестроителем Осипом Наем и с вице-адмиралом Крюйсом. Ф. М. Апраксину в письме от 27 июня он дает указание о переделке пяти венецианских, т. е. строенных венецианцами, кораблей, ссылаясь на изложенное в письме свое мнение об этих кораблях; уведомляет, что говорил с Любсом и Брантом по просьбе Апраксина по какому-то делу о 12 голландских плотниках, Любс и Брант за то взялись; просит предоставить Осипу Наю строить корабль, где он хочет, пересылает письменное рассуждение о кораблях, «которое мы по указу вашему чинили на Воронеже», и дает какие-то указания о постройке брандера, прилагая для этой постройки роспись размеров на тот случай, если Апраксин поручит его строить голландцам, «потому что они с текена (чертежа?) делать не умеют». В заключение Петр просит извинить его в замедлении ответом, «ибо самъ можешь разсудить» и заканчивает письмо так: «За сим во охранение божие вашу особу купно и с добрыми помощниками вручив, пребываю вашей милости всегдашний слуга Piter, адмиралитейц верфа бас. С Москвы, июня в 27 день 1700». В письме от того же числа к Осипу Наю читаем: «Her Nai. Письмо твое я принял и о деле твоем писал к Федору Матфеевичу, чтоб он учинил тебе всякое довольство. А когда зачнешь корабль делать, к нам отпиши. За сим отдаем вас в сохранение божие. Piter. Ис Москвы, июня 27 д. 1700»[4].

На царское письмо от 27 июня Апраксин отвечал письмом от 15 июля, и это письмо, полученное в Москве 19 июля, должно

---

[1] Je peux assurer votre Majesté, foy de fidèle serviteur, que le Czaar se prépare incroyablement pour la guerre et j'admire de trouver parmi cette nation une infanterie si bien exercée et disciplinée.

[2] Донесения Лангена от 29 июля и от 4 августа; *Устрялов*, История, т. III, стр. 553—555, 557—560; Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 19, л. 15—16.

[3] *Желябужский,* Записки, изд. Акад. наук, 1840, стр. 167.

[4] П. и Б., № 309, 315, 316.

было живо перенести мысль Петра в Воронеж в обстановку кораблестроения. «За премногую твою милость челом бью, — писал Апраксин, — что изволил писать ко мне, рабу своему, с Фадеем Поповым и с Савою Уваровым; они же мне вручили от милости твоей брандарам чертеж с размером и свидетельствованные статьи (т. е. письменное мнение царя о кораблях). И по указу твоему, что можем, станем управлять. Только, государь, в новом (т. е. новых постройках) гневу не положи: ей, старого не можем осилить, паче всего имею великую скудость в плотниках. Товарыщи мои, виц-адмирал и шоутбейнахт, великую между себя противность имеют, и был, государь, такой случай, что показали друг другу свои шпаги, а если бы не случился тут я, такожде и не помогли другие афицири, мню, что бъ из них кому был ущерб». Сообщая о вспыхнувшей между ними ссоре, Апраксин, однако, с большими похвалами отзывается об их работе и просит царя их не разлучать: «А в делех, государь, зело исправляются чисто и осмотрительно; дай боже, и впредь так, и чаять от них или до милости твоей или до господина адмирала (Ф. А. Головина) известие есть. Только, государь, разводить их не изволь, дондеже дела свои исправят. И если, всемилостивый господь бог сподобит видеть очи твои, устне милости твоей донесу. Покорнейший твой раб Федка Апраксин челом бью. При сем моем писании был вицадмирал и принес письмо до милости твоей, и то письмо, государь, я послал на сей же почте. С Воронежа, июля 15 числа 1700 году» [1]. Письмо вице-адмирала Крюйса также от 15 июля на голландском языке было ответом на полученное им 13 июля письмо царя и также вводило Петра в круг воронежских корабельных дел [2].

Эти письма из Воронежа отвлекали на время мысль Петра на юг к флоту, но только на время. Уже из того, что он запаздывает отвечать на письмо адмиралтейца и пишет, что Апраксин сам может «рассудить», видно, что не к Воронежу были направлены его главные заботы. Его внимание летом 1700 г. захвачено было подготовляемой армией и предстоящими северными делами. И однако с этой возбуждавшей удивление иностранных наблюдателей ежедневно обучаемой и отлично дисциплинированной армией царь не двигался с места, выжидая вестей из Константинополя. Союзники уже давно начали военные действия, Август безуспешно осаждал Ригу, а участь Дании уже решалась в вооруженном столкновении со шведами и с флотами голландцев и англичан, но Петр все медлил. В начале июля, получив известие о вторжении люнебургских и шведских войск в Голштинию, Гейнс сделал об этом представление Ф. А. Головину, указывая ему, какие тяжелые последствия

[1] П. и Б., т. I, стр. 819.
[2] П. и Б., т. I, стр. 820—821. Оно почему-то получено 27 июля.

для Дании будет иметь это вторжение, и настоятельно просил о скорейшем разрыве со Швецией.

Головин ему отвечал, что он, посол, сам видит, как все готово для того, чтобы разорвать со Швецией на следующий же день по прибытии курьера из Константинополя с подтверждением о мире, что вновь 12 000 войска направлено к шведским границам, для первоначального обложения Нарвы, пока подвинется главная армия, что для этой цели везде чинятся дороги и мосты, что на каждых 10 верстах велено держать по 12 тысяч повозок для ускорения перехода войск, что это вызвало подозрение у шведов, так что можно думать, что войска из Финляндии не пойдут на помощь к Риге. На заявление Гейнса о том, что напрасно выжидать установленного трактатом трехмесячного срока для начала военных действий, — припомним, что по статье 3-й русско-датского союзного договора помощь подвергшемуся нападению должна быть оказана союзником не позже, как через три месяца по его уведомлении [1]. Головин ответил, что царь не стесняется ни временем, ни способом, ни размерами, ни направлением помощи и будет действовать всеми силами, но, как то обусловлено сепаратными статьями, исполнение договора со стороны России начнется только после заключения мира с турками. В этом весь вопрос. Подождать придется немного. В Москве удивлены, что курьер из Константинополя так запаздывает, и думают, не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья в дороге. В заключении мира совсем не сомневаются, потому что из Константинополя в Азов вернулся корабль, который вез посла в Константинополь, и его капитан Памбург привез с собою 175 русских пленных, отправленных турками без выкупа, чего не произошло бы, если бы турки имели намерение продолжать войну [2].

С своей стороны и барон Ланген, усердно исполняя возложенную на него миссию, подавал Петру письменные мемориалы и делал энергичные словесные представления. В мемориале, поданном 2 августа, он напоминал царю об обязательстве, данном в Раве при свидании государей, и просил оказать королю Августу помощь войсками, артиллерией и припасами [3]. В донесении королю от 4 августа он сообщал, что, получив королевские приказания, он не преминул сделать царю соответствующее представление, которым король может быть доволен. Царь жаловался на злонамеренных людей, противодействующих заключению мира в Константинополе, в числе их и на польского посла, несмотря на то, что ему известно о тайном союзе. Царь, не будучи в состоянии до заключения мира по-

---

[1] П. и Б., т. I, № 279.

[2] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 365).

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 19, л. 12—13, Мемориал от 15 августа; там же, л. 17—22; *Устрялов,* История, т. III, стр. 557, 561—563.

мочь открыто, готов оказать королю негласную помощь; он посылал в приказ справиться о количестве военных припасов, находящихся в Смоленске, и уверял, что отдаст треть всей наличности, о чем Ланген написал приехавшему в Смоленск капитану Шпикерту. Артиллерия и припасы из Смоленска будут отправлены под Ригу водой. Царь приказал также выдать деньги на отправку казаков, которых король нанимал на свою службу, и сверх того уплатил им за четыре месяца жалованье. Казаки также отправлены будут речными путями. Когда он, Ланген, читал царю выдержки из королевских писем, царь со слезами на глазах смотрел на небо и выражал сожаление, что еще не может открыто приложить руку к делу [1].

Такие же уверения Петр давал и Гейнсу в ответ на его просьбы о помощи. Оговорившись, что союзный договор не обязывает его оказывать помощь до заключения мира с турками, он сообщил Гейнсу о посылке под Ригу смоленской артиллерии и казаков, причем выражал сожаление по поводу медлительности турецких дипломатов. Однако он слово свое сдержит. «Я человек, — передает его слова Гейнс, — на слово которого можно положиться. Я не буду прибегать к многословию; но мои союзники увидят на деле, как я исполню обязательства и сделаю больше того, что я обязан». Повернувшись к Гейнсу, он прибавил: «Вы читали депеши, с которыми я отправил одного из вернейших моих людей к курфюрсту бранденбургскому, и знаете о наступательном союзе, который я стараюсь заключить с этим курфюрстом; судите по этому о моих намерениях. Это делается не для препровождения времени. Только бы дал нам бог добрых вестей! — закончил царь этот разговор, — тогда союзники увидят, что они не обманываются» [2].

Прося русской помощи, Август II в то же время и боялся ее, вернее, боялся того направления, в котором она будет дана. Ему желательно было, чтобы Петр послал свои войска к границам Финляндии, взял бы крепости Нотебург и Ниеншанц и, овладев, таким образом, всем течением Невы, загородил бы дорогу шведам через Финляндию и тем воспрепятствовал движению шведских войск на выручку Риги. Движение же Петра к Нарве было для него весьма нежелательным. Припомним,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 19, л. 15—16; *Устрялов*, История, т. III, стр. 557—560.

[2] *Форстен*, ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 366—367): «Le Czaar se servit même d'un terme d'aigreur — je ne suis pas homme sans parole et je ne me serviray pas de beaucoup de verbiage non plus, mais mes allies verront un jour au fait comment j'executeray les choses au delà de ce à quoy je me suis obligé... Le Czaar se tourna en mesme temps vers moy, disant — Vous sçavez et avez lu les depeches avec les quelles j'ay envoye un de mes plus affidés a l'Electeur de Brandenbourg et l'alliance offensive que je tache de faire avec cet Electeur, jugez par là de mes intentions, ces demandes ne se font pas pour passer le temps! ... Dieu nous donne seulement de bonnes nouvelles, alors ils verront qu'ils ne se trompent pas!»

что такое движение предусматривал и крайне его опасался Паткуль в своих первоначальных мемориалах, где он утверждал, что взятие Нарвы сделает Петра хозяином в Прибалтийском крае. Король Фридрих IV датский сообщал Гейнсу, что Август II недоволен намерением царя двинуться на Нарву. О том же писал датскому послу и Паткуль в расчете на его воздействие на планы Петра. Паткуль говорил, что движение к Нарве может сделать все соглашение бесплодным, что он предпочел бы движение русских на Нотебург и Ниеншанц, и указывал, что гавань Ниеншанц лучше Нарвской гавани. Гейнс, однако, не решился делать Петру какие-либо представления в этом смысле. При упомянутом уже выше свидании с Головиным 4 июня в Преображенском, когда он застал Головина за составлением проекта союзного договора с курфюрстом, он осторожно навел разговор на движение русских войск и спросил Головина, оговорившись, что делает это от себя, частным образом, куда предположено движение русских. Головин откровенно ответил, что войска, вероятно, двинутся и к Нарве и к Финляндии. Попросив позволения сделать по этому поводу несколько замечаний, опять с оговоркой, что делает их неофициально, Гейнс высказал, что движением к Нарве будут недовольны в Польше. Между королем Августом и польской республикой большие несогласия относительно войны со шведами, и король склоняет республику к войне только обещанием присоединить к Польше Ливонию и Эстляндию. Не лучше ли напасть на Нотебург и Ниеншанц, чтоб сразу отрезать путь шведским вспомогательным войскам с этой стороны? Головин ответил, что царь достаточно силен, чтобы напасть на все три пункта одновременно. Гейнс поспешил замять разговор, сославшись на свою незаинтересованность в этом деле, и писал в Копенгаген, что он не осмеливается противодействовать царю ни в том случае, если бы он напал сразу на три эти пункта, ни в том, если он устремится к Нарве[1].

Осторожные намеки Гейнса, да если бы это были не только осторожные намеки, а были бы самые энергичные и решительные представления, не могли бы, конечно, предотвратить движения Петра к Нарве. К этому движению все было готово; оно сдерживалось только напряженным ожиданием известий из Константинополя. И Ланген и Гейнс хорошо изображают то нетерпеливое ожидание известий, в каком находился тогда Петр в Москве. «Мы ежедневно ждем курьера с известием о мире из Константинополя, — писал Ланген от 4 августа, — Даруй небо, чтобы это томительное (sehnliches) ожидание как можно скорее прекратилось с его прибытием!»[2] Еще 4 июня Петр просил Гейнса задержать одного из отправляемых им в

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 358, 361).

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1700 г., № 19, л. 15—16; *Устрялов,* История, т. III, стр. 559.

данию курьеров на несколько дней в Москве, рассчитывая, что в эти дни желанная весть будет получена. «Царь весь отдался делу войны, — пишет Гейнс. — С нетерпением ждет он вестей из Константинополя... На-днях в Турцию отправлены два новых курьера и разными путями; если бы они встретили вестника из Константинополя, они должны были возможно скорее вернуться в Москву. Как только царь получит известие, он с 60 000 войском вторгнется в шведские пределы. Дней восемь тому назад царь отправил нарочного Александра Кикина в Новгород и Псков, чтобы там отдать приказание о поправке дорог и починке мостов через реки: ничто не должно препятствовать скорейшему движению царских войск на запад». Нетерпение Петра доходит до крайних пределов, переходит в раздражение. «Раздражение его растет, — пишет тот же Гейнс, — нередко со слезами на глазах он выражает досаду на замедление переговоров в Константинополе» [1].

[1] *Форстен,* ук. соч. (Ж.М.Н.П., 1904, кн. XII, стр. 363—364)

ПРИМЕЧАНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

К рис. 1. На гравюре подпись: «Петр Первый император, присноприбавитель, царь и самодержец всероссийский. По велению его царского величества грыдоровал Адриан Шхонбек». Даты в подписи нет. Д. А. Ровинский в примечании к описанию этого портрета[1] датирует его приблизительно: 1700—1705 гг. Однако в заглавии к этому описанию[2] он без всяких объяснений относит его к 1703 г.

С этой датировкой можно согласиться по нескольким соображениям. На груди Петра изображен орден Андрея Первозванного, которым он был награжден 30 мая 1703 г. за взятие двух шведских судов в устье Невы 7 мая того же года и который был возложен на него старейшим кавалером этого ордена Ф. А. Головиным. Таким образом, гравюра не могла быть исполнена ранее мая 1703 г. и позднее 1705 г. (год смерти Шхонебека). Но есть основание отнести ее именно к 1703 г. В этом году Шхонебек также «повелением» Петра вырезал гравюру, изображавшую взятие шведской крепости Нотебурга. В подписи под ней употреблен тот же термин «присноприбавитель», который имеется и на гравюре, изображающей Петра, и не встречается ни до, ни после этого года. Кроме того, на заднем плане портрета Петра изображено морское сражение; в те годы это могло быть только сражение в устье Невы с двумя шведскими судами. По этим причинам гравированный портрет Петра можно датировать 1703 г.

Характер гравюры помогает нам определить, каково было ее назначение. Торжественность обстановки, столь необычная для любившего простоту Петра, должна была отвечать положению, которое Россия заняла в это время среди других европейских государств. Если сравнить с этой гравюрой описание приема Петром шведских послов в 1699 г.[3], то увидим здесь и там много общего: та же фигура Петра, одетого в голландский кафтан и стоящего у стола, покрытого дорогой скатертью, с размещенными на нем регалиями, в правой руке Петра — держава, на боку — шпага; только вместо балдахина — драпированное в виде занавеса знамя Преображенского полка с вышитым на нем государственным гербом, широкополая шляпа с пером вместо открытой головы и фигура арапа сзади — необходимый аксессуар европейского придворного обихода XVIII века. Очевидно, для придания бóльшей торжественности сделана уступка европейской моде — длинный завитой парик, которого Петр никогда не носил, довольствуясь коротким, до-

[1] Подробный словарь русских гравированных портретов, т. III, стр. 1560.
[2] Там же, стр. 1559.
[3] См выше, стр. 132.

ходившим только до плеч и не стеснявшим его движений. Впечатление торжественности подчеркивается пышной горностаевой мантией, спадающей до пола.

Из этого описания видно, что гравюра должна была создать впечатление о величии и могуществе страны, которую представлял Петр. Портрет носил официальный характер и, по всей вероятности, предназначался Петром для распространения не только в России, но и за границей.

Эти обстоятельства послужили основанием для помещения именно этого портрета в т. IV настоящего издания, в котором уделено много места дипломатическим сношениям Петра с европейскими государствами.

К рис. 2. Эта французская гравюра XVIII в. представляет интерес как отражение отношения к России и Петру I за границей. Трон под балдахином, украшенным короной, государственным гербом и орлами с распростертыми крыльями по углам, горностаевая мантия на плечах Петра, императорская корона, пальмовая ветвь и лавровый венок, которые ему подносит рыцарь; на заднем плане — два атакуемые корабля (очевидно, шведские в устье Невы), а справа — бомбардировка крепости (Нотебурга?), план сданной крепости, подаваемый Петру группой коленопреклоненных людей, — все эти детали, свидетельствующие о силе и славе русского царя, указывают на признание Западной Европой России могущественным государством.

К рис. 3. Подпись под гравюрой: «Борис Петрович Шереметев генерал фельть маршалка и ковалер. Повелением царского величества тушевал на Москве Адриан Шхонбек». Гравюра сделана между 1702 г. (год назначения Шереметева фельдмаршалом) и 1705 г. (год смерти Шхонебека). Оригинал, с которого она скопирована, неизвестен. Из всех существующих портретов Б. П. Шереметева, очень разнообразных по типу и весьма посредственных по исполнению, останавливаемся на этом, так как он более других соответствует описаниям его наружности и дает более верное представление о нем. Шереметев изображен в фантастических латах с фельдмаршальским жезлом в правой руке и с командорским Мальтийским крестом на груди. Слева от него на заднем плане виден денщик, который держит под уздцы его лошадь; справа изображена бомбардировка крепости.

К рис. 7. Помещенный здесь снимок воспроизводит подлинный проект Лаваля, составленный им в 1697 г. («la présante année 1697») и представленный им Лефорту, как гласит сделанная самим автором надпись на французском языке: «План г. Азова, его укреплений старых и новых и проект работ на 97 год, представленный его превосходительству господину генералу Лафорту, великому адмиралу Московии, вице-королю новгородскому, полномочному послу его нижайшим, весьма обязанным и покорнейшим слугою Лавалем». Материалами для составления чертежа «старых укреплений» Лавалю послужили планы, сделанные в 1695 г. и также сохранившиеся до нашего времени[1]. В объяснениях к чертежу Лаваль перечисляет бастионы Азова (уже «почти законченные»), давая им имена святых, являющихся патронами главных участников осады и взятия крепости, не забывая и себя, а также, очевидно, надеясь сделать приятное для Петра, упоминая и о царевиче Алексее. Среднее место в линии укреплений (№ 1) занимает бастион св. Петра в честь царя и св. Франциска (№ 2) — Франца Лефорта. К реке примыкают бастионы: св. Якова (№ 4) — Гордона и Ламанна (№ 5) — очевидно, под этим именем надо понимать генерал-майора Ригемана, командовавшего при осаде Азова отдельным корпусом; наконец, между двумя последними бастионами на берегу Дона под № 6 обозначен бастион св. Антония — Лаваля.

К этой дуге укреплений слева примыкает проектированная для постройки в 1697 г. другая дуга, огибающая холм (№ 9), к разработке которого еще не было приступлено. На противоположном берегу Дона обозначен форт Петровский, для сообщения которого с Азовом должен был быть построен мост.

---

[1] О них см. примечание к рис. 46 и 50 в томе I настоящего издания.

К рис. 8. Корб дает пояснения к помещенному им плану. Цифры 1—9 означают девятиугольное укрепление, расположенное на том же месте, где находились ранее три небольшие крепости. Наружные укрепления окружены сухим рвом. Цифры 182, 183, 192, 193 означают малую гавань, которая может быть выстроена в течение года; цифры 10—13 — большую гавань, сооружение которой требует многих лет.

В Центральном Государственном архиве древних актов среди планов Екатеринославской губернии хранится рукописный иллюминованный план Таганрога и его гавани (№ 28), имеющий много общего с планом, помещенным Корбом, а также «Чертеж строению гавани и цитадели» (№ 30) с подробными пояснениями и данными о ходе работ по устройству крепости и гавани петровского времени. План Таганрогской гавани и «магазейна» при ней помещен также в атласе Крюйса на л. 1—2.

К рис. 9. Пояснения Корба: «Павлополь, выстроенный в 1697 г. военным инженером Лавалем. Постройка еще не окончена. Вал возведен только до середины настоящей высоты. Раскаты в некоторых местах только начаты. Справа в верхнем углу — дорога к Миусу, внизу — дорога к Таганрогу».

К рис. 13. Пояснения Корба: «Азовская крепость в том виде, как царь приказал ее укрепить после занятия в 1696 и 1697 гг., прежний турецкий вал обозначен цифрами 1—13. Точки указывают на старый вал и частокол. Вал с раскатами, обведенный сплошной чертой, представляет собою новые русские сооружения, так же как и новый г. Петрополь, вал и ров вокруг которого еще не закончен».

Этот чертеж близок к чертежу, изображенному на рис. 7, представляющему оригинал проекта Лаваля. Сравнение этих двух планов убеждает в том, что Корб имел возможность ознакомиться с чертежом Лаваля. К тому же заключению приводит сопоставление и других планов, помещенных в дневнике Корба, с аналогичными планами, хранящимися в наших архивах. Получить их Корб мог только незаконными путями. По всей вероятности, ему помогли в этом сами составители — его соотечественники, австрийские инженеры Боргодорф и Лаваль.

В момент составления (или, вернее, копирования) Корбом плана Азова постоянный мост, проектированный через Дон для соединения этой крепости с фортом Петровским, очевидно, еще не был выстроен. На плане Корба видим временный (понтонный) мост, устроенный несколько в стороне от того места, которое было предназначено по проекту Лаваля для постройки постоянного «коммуникационного», как он его называет, моста.

К рис. 37. На плане помещены следующие надписи: «План двора московской типографии нижнего ж апартамента». «Р — правиленные полаты, которые за ветхостию разобраны быть имеют». «2: сараи угольные».

К рис. 52. Гравюра не датирована. Дату ее можно установить косвенным путем. Головин назван в подписи под гравюрой графом. Он получил этот титул в 1701 г. Следовательно, гравюра сделана не ранее этого года. С другой стороны, эта гравюра была перепечатана в вышедшей в 1710 г. немецкой книге «О жизни и деяниях царя Петра Алексеевича». Таким образом, она могла выйти между 1701 и 1710 гг.

К картам. Атлас Крюйса принадлежит к числу замечательных памятников русской гидрографии. Он был составлен по распоряжению Петра на основании материалов, собранных во время Керченского похода, и был напечатан в Амстердаме в 1703 г. с надписями на русском и голландском языках. Он состоит из 16 страниц текста, 4 страниц профилей берегов, 14 карт течения реки Дона, карты Азовского и карты Черного морей. На выходном листе его помещено гравированное изображение Петра I во весь рост, с мечом в одной руке и короной в другой. Его полное заглавие таково: «Новая Чертежная книга, содержащая Великую реку Дон или Танаис по ее истинному положению, расширению и течению из города Воронежа даже до того, где оная в море впадает со своими втекущими реками, островами, городами, деревнями, монастырями и проч. При сем зело любопытный чертеж Азовского моря или езера Меотского и понта Эвксинского или Черного моря со всеми их глубинами, мелями, принадлежащими реками, пристанми, городами. При

сем приложено изображение прокопа во еже бы Илавлу ввести Камышенкою рекою в Волгу или в Астраханскую реку, яже бы тем илавлинским наводнением вводити из Дону Иловлею и Камышенкою реками в великую реку Волгу карабли и протчие водные суды. Все зело прилежно и собственным изобретанием собрано мерою оловянною водяною вымеренной, прислано или поручено его пресветлому высочеству Алексею Петровичу, наследственному принцу цесарств, королевств, княжеств, государств его государя, отца его самодержавнейшего Царского Величества — Корнелиа Крейса над его вышереченного величества морскими силами вицадмирала. В Амстердаме у Гендриха Дункера книг чертежных художеств продавца в Нибруской улице в кормчем орудии с привилиею».

В данном издании помещаем третий лист атласа, на котором изображены: часть течения реки Дона от города Воронежа до города Коротояка, а также план местности от Москвы до Воронежа, через которую лежала сухопутная дорога к Дону, и листы 15—16 — карту Азовского моря. На последней следует остановиться подробнее. В правом нижнем углу карты помещен ее титул (на голландском языке): «вымерено в 1699 г. в присутствии (царский титул) Петра Алексеевича». На карте подробно обозначены берега Азовского моря лишь в северо-восточной части, через которую лежал путь азовского флота. Он отмечен на карте пунктиром (туда и обратно). Якорями обозначены места стоянок эскадры.

Несколько ранее атласа Крюйса, в 1701 г., вышла гравированная А. Шхонебеком в России «Карта восточной части Палус-Меотис» (Азовского моря), совпадающая (за некоторыми отличиями, о которых будет сказано ниже) с картой из атласа Крюйса.

В отделе исторической картографии Государственного исторического музея в Москве хранится рукописная иллюминованная карта Азовского моря, также совпадающая с картой Крюйса, за исключением некоторых небольших различий. П. А. Незнамов в статье «Карты Азовского моря»[1] убедительно доказал, что эта рукописная карта является оригиналом, с которого затем были сделаны карта Шхонебека в 1701 г. и карта Крюйса, помещенная им в атласе, изданном в Амстердаме в 1703 г. «Это, — пишет он, — подлинная карта Азовского моря, составленная под смотрением самого Петра в 1699 г. во время Керченского похода». Мы не можем лишь согласиться с автором статьи в том, что Шхонебек «составил» эту карту. Он лишь воспроизвел рукописную карту для своей гравюры, задача которой была не столько гидрографическая, сколько историческая: запечатлеть Керченский поход русской эскадры, впервые вышедшей из устья Дона в Азовское море. Она и была выгравирована «по повелению» Петра[2], подобно тому как в 1699 г. также «по повелению» Петра Шхонебек вырезал большую гравюру «Осада Азова», воспользовавшись для нанесения ландшафта данными чертежа, составленного перед этим инженером Боргсдорфом[3]. Поставленной Петром перед Шхонебеком задаче отвечали особенности его карты, заключающиеся в надписях и аллегорических изображениях. Кроме прямого указания на цель составления гравюры, содержащегося в титуле карты: «Чертеж предивного и преславного похода морского...», Шхонебек помещает еще «Роспись начальным людем и кораблем, которые по указу великого государя были в походе, в морском караване» (в ней дается подробное перечисление кораблей, командиров, число людей, составлявших экипаж, и число пушек). Шхонебек посвящает свою гравюру адмиралу Ф. А. Головину, бывшему официальным руководителем Керченского похода. Аллегорические изображения, украшающие карту Шхонебека, иллюстрируют мысль, что выход русской эскадры в Азовское море знаменует собою победу России над Турцией.

---

[1] Труды Государственного исторического музея, вып. XIV, М. 1941, стр. 73—81.

[2] На карте Шхонебека стоит надпись: «Восточная часть моря Палус Меотис и ныне называется Азовское море; великий монарх Петер I император, царь и самодержец всероссийский ходил, познал и открыл (1696) году и по его великого государя указу выгрыдоровал на меди зограф Адриан Шхонбек (1701) году. Чертеж преславного и предивного похода морского б. м. пресветлейшего и державнейшего в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича. . .» (далее следует царский титул).

[3] См. т. I настоящег издания, рис. 56 и примечание к нему.

Таких изображений два. Первое — русский воин, держащий в правой руке пальмовую ветвь, а в левой — знамя, древко которого опирается на глобус, увенчанный полумесяцем; рядом с воином стоит священник с крестом в руке, а между ними — коленопреклоненная фигура, подающая чашу стремящимся к ней представителям народностей, населяющих юго-восточную часть Европейской России (казакам, калмыкам и др.); у ног этих изображений сложены турецкие знамена, бунчуки и другие трофеи. Другое изображение снова повторяет ту же тему: русский воин держит четыре связанные цепями фигуры.

Из трех перечисленных карт помещаем здесь карту из атласа Крюйса, представляющую собою завершенный результат его работ по измерению глубин Азовского моря. Рукописная карта Государственного исторического музея (плохой сохранности) воспроизведена в вышеназванной статье П. А. Незнамова. Карта Шхонебека, также представляющая большой интерес, является моментом вторичным по сравнению с картой Крюйса, кроме того ее отпечатки бледнее и труднее для воспроизведения.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Условные сокращения: архп. — архиепископ, б-н — боярин, в-да — воевода, д. — думный, дв. — дворянин, кн. — князь, кн-ня — княгиня, мтр. — митрополит, ок. — окольничий, пр. — приказ, ст. — стольник, ц. — царь, ц-ца — царица, ц-ч — царевич, ц-вна — царевна.

Б

В

Г

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Условные сокращения: г. — город, г-к — городок, д. — деревня, м-рь — монастырь, р. — река, рч. — речка, с. — село, у. — уезд, ул. — улица, ц. — церковь.

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

*

С

Т

Ш

Щ

Э

Ю

Я

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

Адмиралитейц верфа бас — плотник адмиралтейской верфи.

Адмиралтеец — заведующий казенным кораблестроением.

Азям — долгополый верхний кафтан.

Аккорд учинить — притти к соглашению.

Алкан — виноградное вино.

Америцкий — американский.

Аналой (аналогий, налой) — высокий столик с наклонной верхней доской для чтения стоя.

Антикамора — вестибюль.

Апроши (подступы) — продолговатые рвы с внешней насыпью, служащие для безопасного приближения к какому-либо укреплению.

Апроши подземные — подкопы.

Армистиция, армисциция (лат.) — перемирие.

Артикул — 1) отдел, статья, глава, параграф, 2) воинский устав, 3) ружейные приемы, военные упражнения.

Арьян (айран) — напиток, приготовляемый из простокваши с водой, — молочный квас.

Ассистенция (осистенция) — свита.

Б

Багинет — род длинного ножа с обухом, имевшего черен, которым он мог вставляться в дуло ружья — штык.

Байдачные доски — толстые доски, употребляющиеся для настилки полов.

Балгавз — увеселительный замок.

Бандум (вероятно, бонд) — нашивка на корабельном парусе для прочности.

Барбарский (варварийский) корабль — судно, построенное по образцу судов, бывших в употреблении у пиратов северного побережья Африки, а также в Турции в XVII в. Б. корабли имели в длину от 100 до 125 футов, в ширину — 24—33 фута и 7—9 футов углубления, две мачты с прямыми парусами и одну — с косым, одну крытую палубу и батарею с 36—44 орудиями. Главное их достоинство заключалось в малой осадке.

Бас — корабельный плотник.

Беломестцы — землевладельцы привилегированных категорий (служилые люди и духовенство), владения которых освобождались от государственного тягла.

Белые дворы, белые слободы — слободы и отдельные дворы, свободные от податей и повинностей.

Бердо — принадлежность ткацкого стана, род гребня для прибоя утка́.

Бердыш — топор с длинным искривленным лезвием, насаженный на древко и снабженный иногда удлиненным в виде молотка или стержня обухом.

Блок-макер — блоковый мастер, токарь.

Бобыль — крестьянин, не имевший полевого хозяйства по бедности, но часто сохранявший за собой усадьбу.

Бой — бойница, амбразура, отверстие в валу или в стене крепости для стрельбы.

Бомбардирский корабль — мелко сидящее судно, служившее для бросания бомб из мортир при бомбардировании крепостей с моря.

Бострог — короткая куртка без рукавов.

Боут — накладка на парус для прочности.

Боцмансамт — помощник боцмана.

Брандер — зажигательное судно. Брандер наполнялся горючим материалом и пускался по ветру на неприятельский флот.

Бригантина — малое судно типа галер с длинными тонкими веслами, 2—3 мачтами и одним косым парусом, легкое на поворотах и мелко сидевшее в воде.

Будара (струг) — речное плоскодонное гребное судно, употреблявшееся для перевозки грузов.

Будный стан — поташный завод.

Будынок — дом, здание.

Бурграф — начальник округа замка, исполнявший наряду с военными обязанностями и судейские.

В

Варворка — шарик, служивший головкой для кисти, которая делалась из жемчуга или золотых, серебряных или шелковых нитей.

Варта — стража.

Варя (пива) — количество напитка, сваренного за один раз.

Вашец (польск.) — вы, ваша милость.

Вегерс — внутренняя обшивка судов.

Великий четверток — четверг «страстной недели» великого поста.

Венеты — венецианцы.

Верющая грамота (кредитивная) — верительная грамота.

Вест-зюйд-вест, вестензюйден — юго-западный ветер.

Взмерчивый (взметчивый) — вспыльчивый.

Витаться — здороваться.

Вож — лоцман.

Возник — упряжная лошадь.

Волохи — жители Валахии.

Воп — крик.

Всполох — тревога.

Всчать — начать.

Вывод — форт.

Выдание — издание.

Вымысл — умысл, задняя мысль.

Выразумение — убедительность.

Г

Гайдук — телохранитель.

Галера — парусное и гребное судно с двумя мачтами, которые можно было убирать в случае надобности. На галерах были большие треугольные паруса; на носу помещалось пять орудий; экипаж — до 450 человек; на каждом весле сидело по 5—6 человек. В Западной Европе в качестве гребцов обычно употреблялись осужденные или военнопленные, ноги их приковывались к скамьям, на которых они сидели. Далматское название галеры — каторга — было перенесено на наименование гребной работы на ней, а затем и на принудительный труд вообще.

Галиот — малая галера с одной, а иногда и двумя мачтами, очень быстроходная и легкая на поворотах.

Гардикоры — гвардейцы, королевские телохранители.

Гвоздичный цвет — темнокоричневый.

Генерал-комиссар — начальник Военного приказа.

Генерал-провиант — начальник Провиантского приказа.

Гирло — один из рукавов устья реки.

Година — час.

Гости — высший слой купечества, наделенный привилегиями и несший некоторые казенные службы по финансовому управлению.

Гостиная сотня — вторая группа привилегированного купечества после гостей, так же, как и гости, несшая в виде повинностей казенные службы.

Губной староста — выборное лицо из служилых людей, ведавших судом по уголовным делам в губе (волости).

Д

Даточные — ратники, набиравшиеся для нестроевой временной службы.

Двоеморховый бархат — бархат, имеющий два ворса («морха»); один — низкий — составлял фон («землю») ткани, другой — высокий — узор.

Дворцы (Кормовой, Сытенный, Хлебенный и Житный) — отделения приказа Большого дворца, заведывавшего снабжением царского двора.

Действо — церемония.

Деклинация — отклонение.

Деньга — монета, равная $1/2$ копейки.

Дети боярские — низший разряд провинциального дворянства.

Дисель — плотничий инструмент.

Докончальная грамота — грамота, заключающая в себе окончательный текст вновь заключаемого договора.

Дорожный пристав — пристав, сопровождавший иностранных послов на пути от границы до Москвы.

Драбант — телохранитель.

Друкарня — типография.

Дыба — приспособление для пытки; род виселицы, на которую вздергивался подвергавшийся допросу за руки, связанные веревкой.

Е

Елевация — поднятие.

Ества — кушанье, еда.

Ефимок — русское название западноевропейской серебряной монеты — иоахимсталера.

Ж

Жеребий — 1) участок, доля, пай, 2) кусочек, обрубочек, отрезок.

Животы — движимое имущество.

Жилецкие люди — податные сословия в Московском государстве в противоположность служилому.

Жильцы — низший разряд столичного дворянства, набиравшийся из уездных дворян, по очереди назначавшихся в Москву для несения охраны царского дворца и занятия административных должностей. Вместе с остальными группами столичного дворянства ж. составляли «государев полк» — царскую гвардию, сопровождавшую царя во время походов.

Житье — этаж.

Жолнер — польский ратник.

З

Задворные люди — холопы, поселенные их владельцами на отдельных участках земли, на которых они жили своим особым хозяйством и платили с них оброк или несли барщину.

Запрос — экстренный налог.

Засеки — искусственные препятствия на оборонительных линиях, состоявшие из ряда деревьев, наваленных вершинами к стороне неприятеля одно около другого.

Засечные воеводы — воеводы, заведующие засеками.

Засечные головы — начальники караулов, стоявших у ворот засек.

Захребетники — вольные или «гулящие» люди, не несшие службы и не облагавшиеся податями и повинностями; большей частью это наемные рабочие на чужих тяглах, связанные с хозяевами личным договором.

Звычайная почта — экстренная.

Звычайный посол — чрезвычайный.

Зело — очень.

Земская изба — учреждение, в котором заседали выборные земские власти.

Зернь — игра в кости.

Зюйд-ветр — южный ветер.

Зюйдентен-вест — юго-западный ветер.

И

Извет — донос, заявление о чьей-либо вине, преступлении.

Имянно — прямо, определенно, точно.

Интрюм — трюм.

Иордань — место церковной церемонии освящения воды на реке у проруби, производившейся ежегодно 6 января.

Иподиакон — помощник дьякона.

Исправление — соблюдение.

Истязание духовное — испытание, наказание.

К

Кага — морское судно.

Калфат — плотничий инструмент.

Камка — легкая шелковая ткань полотняного переплетения с узором того же цвета, что и фон.

Камка «большой руки» — камка лучшего сорта.

Камка травчатая — с рисунком из «трав».

Камора — комната, зала.

Камчатая походная церковь — шатер для церкви, сделанный из камки.

Каплица — часовня, молельня.

Капычи-баша — турецкий пристав.

Картина — карта (географическая).

Картуз пушечный — мешок, в котором заключен порох при стрельбе из орудий.

Каторга. См. галера.

Келарь — монах, заведующий хозяйством монастыря.

Кенаник (канон) — церковное песнопение.

Кирка (кирха) — протестантская, лютеранская церковь.

Ковчег — футляр.

Комендор — командир.

Комнатные стольники — стольники, имевшие доступ в «комнату» (кабинет) царя.

Констапель — первый офицерский чин в морской артиллерии.

Контент — доволен.

Контрэскарп (контр-эскарп) боковая поверхность (земляная или каменная) наружного рва укрепления, ближайшая к противнику.

Кравчий — придворный чин, на обязанности которого было во время торжественных придворных обедов подавать блюда царю и наблюдать за прислуживавшими у стола стольниками.

Кревней (польск.) — близкий по крови, родственный.

Кредитивная грамота — верительная грамота.

Кумпанство — 1) товарищество, добровольно составленное из землевладельцев для отбывания повинности постройки кораблей; 2) комплекс из 8 тыс. дворов духовных землевладельцев или 10 тыс. дворов светских землевладельцев, от которого должен был быть построен один корабль.

Кунтуш — верхняя мужская одежда (иногда на меху) с откидными рукавами, украшенная шнурами.

Куранты — газеты.

Куря индейское — индейка.

Л

Лавировать — продвигаться на парусном судне переменными курсами вследствие неблагоприятного ветра.

Лакверк — лак.

Левкас — шпаклевка из мела с клеем, грунт для подготовки под краску.

Лестно — ложно, притворно.

Лещадь — плита из расколотого на слои и обтесанного камня для выстилки полов.

Линеал — линейка.

Локай — лакей.

Любительная грамота — грамота, подтверждающая мирные отношения между странами.

М

Магнифиценция (латинск.) — пышность.

Масло деревянное — низший сорт растительного масла.

Маштмакер (мачтмакер) — мачтовый мастер, плотник.

Мед боярский — то же, что обарный мед, но более крепкий.

Мед вишневый — приготовлялся из сотового меда, смешанного с ягодным отваром.

Мед обарный — сотовый мед растворялся водой с хмелем, после чего парился, закисал с дрожжами и сливался в бочки.

Медвяный квас — квас, сделанный на меду.

Москотинный товар — москательный товар.

Мост — помимо обычного значения этого слова оно употреблялось еще в смысле: 1) мостовая, 2) пол.

Мостовщина — 1) повинность землевладельцев и дворовладельцев чинить дороги, строить и исправлять мосты или уплачивать вместо этого деньгами; 2) пошлина за право провоза товара через мосты.

Мотчанье — задержка, промедление.

Мурза — татарский знатный человек, князь.

Муфтий — мусульманское духовное лицо.

Мытная пошлина — пошлина, взимавшаяся за провоз товаров через внутренние заставы.

Н

Наказ — инструкция.

Накра — музыкальный инструмент, бубны.

Намет — шатер.

Нарицание — церемония посвящения в духовный чин.

Наряд — 1) назначение; 2) убор.

Неделя — воскресенье.

Неделя православия — воскресенье, начинающее вторую неделю великого поста.

Недоумение — умопомешательство.

Неты — служилые люди, не явившиеся на службу.

Нидерфал («падание») — способ строевой стрельбы, при котором передние шеренги ложатся, а задние стреляют.

Норд-ост (остен-норден) — северо-восточный ветер.

О

Обнажать — лишать духовного сана.

Оборонь — возмещение.

Обронный — обороноспособный, хорошо защищенный.

Огненная потеха — фейерверк.

Одноконечно — непременно.

Окрент (польск.) — корабль.

Опора — опера.

Осистенция. См. ассистенция.

Осмина — мера сыпучих тел, равная 48 пудам.

Остен-норден. См. норд-ост.

Остерия — гостиница.

Отворчатая печать (на грамоте) — в противоположность «вислой», висевшей на шнурке; отворчатая (восковая или сургучная) печать ставилась на самую бумагу, которая в этом месте сгибалась, «отворачивалась».

П

Паникадило — люстра.

Парадиж (парадиз — франц.) — рай.

Пенензы (польск.) — деньги.

Пересёдать — нарушать порядок размещения гостей за столом.

Перст — палец.

Пиво ячное — ячменное пиво.

Площадные стольники — стольники, не имевшие доступа во внутренние помещения дворца и наряду с другими младшими придворными чинами собиравшиеся на «площадке» (так называлось Постельное крыльцо в Кремле, находившееся посреди дворцовых зданий).

Плутонг — взвод.

Повет — административная единица в Лифляндии.

Подтвержденная грамота — грамота, заключающая в себе подтверждение ранее заключенного договора.

Поезд — поездка.

Покоевая — спальня.

Полеванье — охота.

Полномочная грамота — документ, свидетельствующий о полномочиях послов.

Полоть (мяса) — половина туши, разрубленной вдоль.

Полус (полюс) — небесный свод.

Померные пошлины — пошлины, собиравшиеся при перемеривании сыпучих тел — зерна, муки и пр.

Поминки — подарки.

Поприще — 1) путевая мера, вероятно, суточный переход, около 20 верст; 2) верста.

Порондок (польск.) — порядок.

Постельничий — придворная должность. П. ведал всей «государевой постельною казною» (платьем, бельем и пр.) и хранил царскую печать. Ему были подчинены спальники и стряпчие.

Постигнуть — нагнать.

Поступная крепость — дарственная или купчая, совершенная частным образом.
Потентат (латинск.) — государь.
Почестное питье, ество — почетное угощение.
Правеж — взыскание податей или долгов принудительными средствами.
Предика — провозглашение, объявление, обнародование.
Предкновение — препятствие.
Препятие — остановка, задержка, помеха.
Преслушание — неповиновение.
Протекст — предлог.
Прещение — запрещение.
Пристав — должностное лицо, приставленное к кому-либо, например, к иностранным послам для наблюдения за ними и выполнения их поручений.
Пристанище морское — гавань, пристань.
Проезжая грамота — документ, выдававшийся отдельным лицам для беспрепятственного проезда.
Протори — убытки.
Прощеное воскресенье — последний день масленицы.
Путные ключники — начальники хозяйственных «дворцов», подведомственных приказу Большого дворца.

Р

Радеть — стараться.
Развратные статьи — статьи, препятствующие мирному соглашению.
Разряд или разрядный приказ — центральное учреждение, ведавшее организацией военной службы.
Ранжироваться — выстраиваться в линию.
Раскат — плоская насыпь или помост под валом крепости для постановки пушек.
Распоп — священник, лишенный сана.
Рассольник — ваза.
Рат-пенсионарий — выборное должностное лицо в городском совете, исполнявшее обязанности секретаря; р.-п. вел также переговоры с иностранными послами и наблюдал за благосостоянием провинций.
Региме нт — полк.
Рейтар — служилый человек в войсках конного иноземного строя.
Рейхсталер — немецкая серебряная монета.
Ренское — белое виноградное вино, рейнвейн.
Репей — живописное или резное украшение в форме розетки.
Респонс (франц.) — ответ.
Референдарий — один из высших сановников в Польше, принимавший жалобы от частных лиц для передачи их канцлеру, а через него — королю.
Розыск — следствие.
Романея — сладкая настойка на вине.
Рында — телохранитель, назначавшийся из стольников и стряпчих. Во время торжественных придворных церемоний р. стояли по обеим сторонам трона, в белых кафтанах, опушенных горностаем, в высоких шапках с серебряными топорами в руках.

С

Сартии (**сарты**) — ванты, снасти, которыми укрепляются мачты.
Свечи сальные маковые — низший сорт свечей. Маковыми (т. е. макаными) они назывались по способу приготовления: фитиль погружался («макался») в растопленное сало, от чего на нем оставался слой сала. Повторив эту операцию несколько раз, получали свечу. Такой способ приготовления свечей был самым примитивным, и маканые, или «маковые», свечи ценились дешевле других сортов.
Сект — виноградное вино.
Семо и овамо — туда и сюда.
Сераскер — здесь: адмирал.
Сесь — сей.
Скасованы — уничтожены.
Скоп — сбор.
Скрыдла — запятки, помещавшиеся в задней части экипажа за главным сиденьем.
Слуги и служки монастырские — лица, поставившие себя в зависимые отношения от монастыря и выполнявшие различные обязанности при нем; взамен этого они пользовались покровительством монастыря и были свободны от податей.

Служебники монастырские — монастырские ремесленники.

Солодковый корень — лакрица.

Сонды (польск.) — суды.

Сорочинское пшено — рис.

Спальники — придворный чин; спальники по очереди дежурили в царской спальне.

Список — копия.

Способный (ветер) — попутный.

Спона — препятствие, препона, помеха.

Среда преполовения (преполовеньев день) — среда четвертой недели после пасхи.

Стапель — помост и все оборудование на берегу для постройки и спуска кораблей.

Старшина (казачья) — круг лиц, занимавших должности при гетмане в полках и в сотнях.

Статейный список — подробный, ежедневный отчет о посольстве.

Стол — угощенье, присланное с царского стола кому-либо на дом.

Столповой приказчик — дворцовая должность; с. п. заведовал царскими лошадьми, сбруей, экипажами и фуражом.

Стремянной стрелецкий полк — полк стрельцов, сопровождавший царя во время его походов.

Струг — речное плоскодонное гребное судно с парусом, употреблявшееся для перевозки грузов.

Струг прорезной — струг, подо дном которого было устроено второе решетчатое дно, пропускавшее речную воду; род садка для сохранения живой рыбы.

Суда — сосуды.

Сулейка — бутылка.

Сырная неделя — масленица.

Сырное заговенье — канун масленицы.

Т

Тарель — талер.

Татинная статья — статья (закона) о разбое.

Текен — чертеж.

Терлик — длинный кафтан, сшитый в талию, с длинными рукавами, украшенный спереди нашивками с кистями и пуговицами; в XVII в. т. употреблялся лишь в качестве служебного платья при дворе.

Толмач — переводчик устной речи в отличие от переводчиков письменных документов; от последних требовалось лучшее знание иностранных языков.

Трактовать — угощать.

Треба — необходимость.

Тура — цилиндр, сплетенный из прутьев и наполненный землей. Т. составляли прикрытие полевых окопов: за ними помещались орудия осаждающих.

У

Ушкола — лодка, шлюпка.

Ф

Фебра малигна — злокачественная лихорадка.

Фейземакельское дело — устройство водяных мельниц и водоподъемных сооружений.

Ферезь — мужское длинное платье с длинными рукавами, без воротника, с разрезами в боковых частях подола; украшение ее составляли нашивки с кистями. Ф. имела значение официального мундира.

Филегранцовая (филигранная) работа — ювелирная работа из тонкой витой золотой или серебряной проволоки.

Фомина неделя — неделя, следующая за пасхальной неделей.

Фортеция — крепость.

Фрикасея (фрикасе) — блюдо, приготовленное из цыплят или дичи, сваренных в масле с пряностями.

Фузелер — солдат, вооруженный фузеею.

Фузея — ружье.

Фурман — извозчик.

Ц

Цедрооль — один из видов красного дерева.

Церковный причетник — общее название для всех клириков, за исключением священника и дьякона (дьячок, псаломщик, пономарь и др.).

Цыфирная азбука — шифр.

Цыфирь — 1) счисление, счет, 2) тайнопись, шифрованное письмо.

Ч

Чаки — грузовые суда.
Чауш — турецкий полицейский.
Червчатый — багровый, густо-красный.
Черкасы — здесь: украинские казаки.
Черносошные крестьяне — крестьяне, живущие на государственных землях.
Черта — укрепленная линия, состоявшая в степных местах из земляного вала со рвом впереди, а в лесных — из засек, охранявшая подступы к России с южной и юго-восточной сторон от нападения степных кочевников.
Четвертина — цилиндрический гладкий или граненый сосуд с привинчивающейся крышкой.
Четверток — четверг.

Ш

Шандан — подсвечник.
Шанцы — военный окоп, небольшое укрепление.
Шаутбейнахт (шоутбейнахт) — контр-адмирал.
Шаф — шкаф.
Шертная грамота — клятвенная грамота.
Шкода — ущерб.
Шкоцкий — шотландский.
Штоф — тяжелая шерстяная материя.

Щ

Щогла — мачта.

Э

Экзерциция — военное упражнение, ученье.
Экклезиаст — название ветхозаветной библейской книги «Проповедник». Автором ее считается Соломон.

Ю

Юрты татарские — татарские поселения.

Я

Яловица — молодая корова, трехлетка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКО-ДАТСКИЙ СОЮЗ

КЕРЧЕНСКИЙ ПОХОД

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

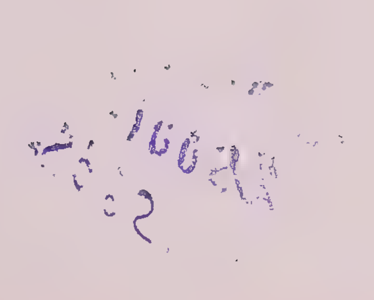
РЕФОРМЫ И ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ПЕТРА 1699—1700 гг.

НАЧАЛО ВОЙНЫ ДАНИИ И ПОЛЬШИ СО ШВЕЦИЕЙ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПЕТРА К СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Редактор С. *Петрова*

Подписано в печать 4 декабря 1947 г.
Тираж 10 000 экз. М-08969. Заказ № 825.
Объем 32¹/₄ п. л. + 2¹/₄ п. л. вклеек,
31,47 уч.-изд. л. Цена 12 руб.

2-я типография «Печатный Двор» им.
А. М. Горького треста «Полиграфкнига»
ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.



10